

РОБЕРТ
СЧАВЕРБЕРТ

Р. СЧАВЕРБЕРТ

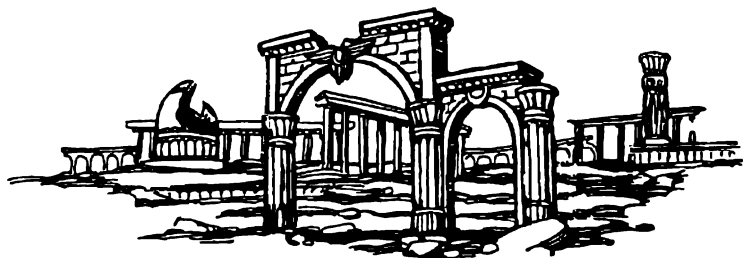

ХРОМІКУ
МАДЖУПУРА

Р. ШЛЬВЕРБЕРГ

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
РОМАНЫ

ХРОНИКИ МАДЖИПУРА

КРОК-Центр
Екатеринбург 1993

ББК 84.37
С65

Р. Сильверберг
С65 Хроники Маджипура: Сборник.— Екатеринбург: КРОК-Центр, 1993. — 528 с. с илл.

С $\frac{4734100000-004}{8B2(03)-93}$ без объявл.

ISBN 5-85779-067-0

© КРОК-Центр, составл.,
оформл., 1993

ХРОМЪКУ

ИДЖУПУРА

ПРОЛОГ

Через два года после воцарения на троне Лорда Валентина что-то перевернуло душу мальчика Хиссуне, служки в Доме Записей Лабиринта Маджипура. Шесть месяцев вел он инвентаризацию архивов сборщиков налогов — бесконечный перечень документов, в который никто никогда не заглядывал, — и похоже было, что этой работой он будет заниматься и следующий год, и два, и три. Она не имела значения, как понимал Хиссуне, да и кому могли потребоваться отчеты провинциальных сборщиков налогов, живших во времена Лордов Деккерета, или Калинтайна, или даже древнего Лорда Стиамота? Документы были свалены беспорядочной кучей, несомненно, по какой-то причине, и теперь злой рок избрал Хиссуне разбирать их. Он отлично видел, насколько бесполезна и бессмысленна его работа, разве что можно было получить великолепный урок географии огромного Маджипура. Сколько провинций! Сколько городов! Три колоссальных материка делились и подразделялись на тысячи муниципальных единиц, каждая с многомиллионным населением. И за время работы сознание заполняли названия Пятидесяти Городов Замковой Горы, огромных городских округов Цимроэля, таинственных поселений в пусты-

нях Сувраэля, провинциальных столиц — всего выросшего за время четырнадцатитысячелетнего процветания Маджипура: Пидруид, Нарабал, Ни-Мойя, Алайсор, Стоен, Пилилок, Пендиван, Ам-блеморн, Толигай — миллионы названий! Но потом ему это надоело. Его вдруг охватило нетерпение, ожидание чего-то лучшего. А послушание никогда не было его натурой.

Рядом с пыльной маленькой комнатушкой в Доме Записей, где Хиссуне разбирал и изучал груды налоговых отчетов, находилось нечто гораздо более интересное — Считчик Душ, доступ к которому был закрыт для всех, кроме самых высокопоставленных, да и то, говорили, не для всех. Хиссуне кое-что знал об этом месте, он вообще много знал о Лабиринте, даже о запрещенных местах. «Дом Записей, — говорил он слушателям, еще когда в восьмилетнем возрасте болтался на улицах огромного подземного города и нанимался в проводники к приезжим ради кроны-другой, — таит в себе комнату, где хранятся миллионы мыслей-записей-воспоминаний. Поднимаешь капсулу, вкладываешь ее в щель специального устройства и внезапно становишься тем, кем оставлена запись, и живешь во времена Лорда Конфалума или Лорда Симинэйва, или сражаешься вместе с Лордом Стиамотом против метаморфов. Но только попасть в ту комнату почти невозможно». И это действительно было почти невозможно, но Хиссуне думал, размышлял и прикидывал, не удастся ли пробраться туда под предлогом поисков дат, нужных для работы в налоговых архивах. А потом пожить жизнью современников самых величайших и удивительных событий Маджипура.

И постепенно мечта его начала обретать реальность. Он знал, где находятся печати в Доме Записей, и потихоньку снабдил себя всеми необходимыми пропусками. И как-то поздним полуднем, с пересохшим горлом и звоном в ушах, направился по ярко освещенным кривым коридорам.

Уже не испытывал он давным-давно подобного состояния, а маленьким бродяжкой и вообще его не испытывал, но его приобщили к цивилизации, обучили, дали работу. Но кто? То был Коронал еще в те времена, когда он скитался по планете,

лишенный своего тела и трона захватчиком Барьязидом. Он пришел в Лабиринт, где Хиссуне стал его проводником, и каким-то образом почувствовал в нем истинного Коронала, и это стало началом конца Бродяжки-Хиссуне. Потом мальчик узнал, что Лорд Валентин отправился к Замковой Горе, Барьязид был повержен, и во время второй коронации Хиссуне вдруг очутился, Дивин знает почему, на этой церемонии в Замке Лорда Валентина. Никогда прежде он не покидал Лабиринта, не бывал на солнечном свете, не ездил на государственной платформе по Долине Глайда, минуя города, известные ему лишь по сновидениям, а тут вдруг Гора — тридцатимильная масса земли, словно взметнувшаяся ввысь. Грязный мальчишка стоял рядом с Короналом, перешутивался с ним, и Коронал восхищался умом и энергией мальчишки, его предприимчивостью. Все шло прекрасно. Хиссуне стал протеже Коронала, вернулся в Лабиринт и был назначен на должность в Дом Записей — уже не так прекрасно. Мальчик терпеть не мог чиновников, этих идиотов с лицами-масками, а теперь, как любимец Коронала, и сам стал таким же. Он-то считал, что будет по-прежнему водить по Лабиринту приезжих, а вместо этого!..

ОТЧЕТ СБОРЩИКА НАЛОГОВ ОДИННАДЦАТОГО ОКРУГА ПРОВИНЦИИ НАТАНАЛА ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА ЦАРСТВОВАНИЯ ВЛАСТИТЕЛЯ ОССЬЕРА И ПОНТИФЕКСА КИННИКЕНА. Хиссуне надеялся, что Коронал вспомнит о нем, призовет к себе на службу в Замок, и тогда его жизнь будет иметь какое-то значение в жизни Маджипура, но Коронал, похоже, забыл о нем, как того следовало ожидать. У него целый мир с двадцати- или тридцатимиллиардным населением, и какое ему дело до маленького мальчишки из Лабиринта?! Хиссуне боялся, что теперь вся жизнь его пройдет в поисках среди пыльных бумаг...

Но все-таки здесь был Считчик Душ.

Даже если он никогда не выберется из Лабиринта, он сможет — если никто ему не мешает — странствовать в сознаниях давно умерших людей: разведчиков, первопроходцев, воинов, даже Короналов и Понтифексов. Это немного утешало.

Мальчик вошел в небольшой вестибюль и предъявил пропуск дежурившему тусклоглазому хварту.

Хиссуне заготовил несколько объяснений: особое поручение Коронала, важнейшее историческое исследование, необходимость в корреляции демографических данных и еще много подобного готово было сорваться с его языка, но хьорт только сказал:

— Знаешь, как обращаться с механизмом?

— Плохо. Лучше покажи мне.

Отвернув некрасивое бородавчатое лицо с бесчисленными подбородками, хьорт встал и повел Хиссуне внутрь, где он указал на шлем и ряд кнопок:

— Пульт управления. Вставишь вот сюда отобранные капсулы и будешь сидеть. Не забудь погасить свет перед уходом.

И все? Такая секретная, так тщательно охраняемая машина!

Хиссуне остался наедине с записями воспоминаний тех, кто жил когда-то на Маджипуре.

Не все, конечно, оставляли запись, но примерно один из десяти делал это, обычно лет в двадцать. Хиссуне знал, что их миллиарды в хранилищах Лабиринта. Он положил руки на пульт, пальцы его дрожали.

С чего начать?

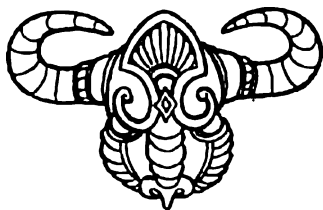
Он хотел познать все, хотел пересечь леса Цимроэля с первопроходцами, побывать у метаморфов, переплыть под парусами Великое Море, поохотиться на морских драконов в Родамаунтском Архипелаге, и... и... и... Мальчик дрожал от неистового томления. С чего начать? Он изучил кнопки. Следовало указать дату, место, определенную личность, но выбрать за четырнадцать тысяч лет... Из далекого прошлого он знал только о великом Лорде Стиамоте. Минут десять он сидел не шевелясь, почти парализованный, потом выбрал наобум. Континент — Цимроэль, время — царствование Коронала Лорда Бархольда, жившего даже раньше Стиамота, личность —... любая. Да, любая!

Маленькая блестящая капсула возникла на консоли.

Трепеща от предвкушаемой неизведанности, Хиссуне вложил ее в отверстие и надел шлем. В ушах раздалось потрескивание, неясные, смазанные

полосы — синие, зеленые и алые — побежали перед глазами под закрытыми веками. Работает? Да! Он ощущал присутствие чужого разума! Человек этот умер девять тысяч лет назад, но сознание... ее? Да, ее, это была женщина, юная женщина, — наполняло Хиссуне до тех пор, пока он не потерял уверенность, Хиссуне он или Тесме из Нафабала...

Он с радостью освободил себя от понимания того, что живет, мыслит и чувствует, и позволил чужой душе овладеть собой.

ТЕСМЕ И ХАЙРОГ

У

1

же шесть месяцев Тесме жила одна в хижине, которую построила своими руками в густых тропических джунглях милях в пяти к востоку от Нарабала: там, куда не долетали морские ветра и тяжелый сырой воздух цеплялся за все, как меховой саван. Раньше ей никогда не приходилось делать все своими руками, и поначалу она поражалась, как это здорово, когда срезала тонкие молоденькие деревья, обдирала золотистую кору и вбивала их скользкие острые концы в мягкую влажную землю, затем переплетала их лозами и лианами, а сверху крепила пять громадных ветвей враммы, делая кровлю. Не архитектурный шедевр, но дождь внутрь не попадал, и о холодах можно было не беспокоиться. За месяц стволы сиджании разрослись и закрыли всю кровлю побегами новых кожистых листьев прямо под потолком, а связывающие их виноградные лозы тоже продолжали жить, отправляя вниз мягкие красные усики, искавшие и находившие богатую плодородную почву, так что дом теперь стал живым, с каждым днем становясь

все более уютным и надежным, поскольку лианы со временем становились крепче, и Тесме это нравилось. Здесь, как и в Нарабале, ничто не умирало надолго, воздух был таким же теплым, солнце таким же ярким, а дожди такими же обильными, и все быстро преображалось само по себе, с буйной, жизнерадостной легкостью тропиков.

Одиночество тоже переносилось легче по сравнению с Нарабалом, где ей хотелось очень многого и где жизнь пошла как-то вкривь и вкось: слишком много внутренних неурядиц, слишком много суматохи, шума, друзей, отправившихся в путешествие, любовников, ставших врагами. Ей было двадцать пять лет, и нужно было приостановиться, оглянуться на прошлое, сменить жизненный ритм, пока ее не растрясло по пустякам. Джунгли подходили для этого идеально. Она рано вставала, купалась в маленьком естественном пруду, завтракала, собирая ягоды с лоз токки, затем гуляла, пела, читала стихи и сочиняла их, проверяла ловушки — нет ли пойманных животных, — взбиралась на деревья и высоко вверху омывалась солнцем в гамаке из лиан, снова купалась, разговаривала сама с собой и отправлялась спать с заходом солнца. Поначалу она думала, что нечем будет заняться и вскоре ей все наскучит, но ошиблась: дни были заполнены до предела и всегда оставалось несколько задумок на завтра.

Еще она думала, что раз в неделю будет возвращаться в Нарабал купить кое-что, подобрать новые кубики и книги, заглянуть иной раз на концерт или игрище, может даже навестить семью или некоторых приятелей. И действительно — в город она ходила довольно часто. Но дорога была жаркая и душная и к тому же отнимала полдня, и по мере того, как Тесме привыкала к уединению, она находила Нарабал все более шумным и суматошным, а удовольствие, получаемое от походов, все меньше.

Люди в Нарабале глазели на нее. Она знала, что ее всегда считали эксцентричной, чуть спятившей дикаркой, а теперь вообще сравнивали с живущей сама по себе обезьяной, прыгающей по вершинам деревьев; таким образом, промежутки между ее визитами в город становились все больше. Она

ходила теперь лишь в случае крайней необходимости. В день, когда она наткнулась на Хайрога, девушка не была в Нарабале по меньшей мере пять недель.

Она бродила утром по болотистому подлеску, собирая душистые желтые фаржи; мешочек был почти полон, и Тесме подумывала о возвращении, когда случайно заметила в нескольких ярдах от себя существо с блестящей, отливающей металлом серой кожей и трубчатыми конечностями. Оно неуклюже вытянулось на земле под большим деревом сиджайлом. Оно напоминало ей хищную рептилию, погубившую ее отца и брата в Нарабальском Проливе, — гладкую, длинную, медленнодвигающуюся тварь с кривыми когтями и большими ровными зубами. Но, осторожно подобравшись ближе, Тесме заметила, что существо своей массивной круглой головой, длинными руками и крепкими ногами отдаленно напоминает человека. Она сочла было его мертвым, но, стоило ей подойти, существо шевельнулось и сказала:

— У меня повреждена двигательная функция. Я был глуп и поплатился за это.

— Можешь пошевелить руками или ногами? — спросила Тесме.

— Руками. Да. Сломана одна нога и, возможно, спина. Помогите мне.

Девушка нагнулась, рассматривая его получше. Да, оно походило на рептилию со сверкающей чешуей и гладким жестким телом. Глаза были зеленые, холодные и совершенно немигающие. Волосы выглядели странной густой массой завитушек, которые медленно свивались сами по себе. Змеевидный ярко-алый и раздвоенный язык безостановочно мелькал взад и вперед между бесплотных губ.

— Кто ты? — спросила она.

— Хайрог. Знаешь о нас что-нибудь?

— Конечно, — кивнула Тесме, хотя по-настоящему знала совсем мало. За прошедшее столетие несколько нечеловеческих рас обосновалось на Маджипуре, целый зверинец инородцев, приглашенных сюда Короналом Лордом Меликандом, поскольку людей не хватало для столь огромной планеты. Тесме слышала о четырехруких, о двуглавой, о крошечных существах с щупальцами и о чешуйча-

тых чужаках со змеинными языками и змеящимися волосами, однако до сих пор никто из инородцев не забирался так далеко к Нарабалу, городу на краю нигде, на громадном расстоянии от цивилизации. Значит, это хайрог? Странное существо, подумала она. Тело почти человеческое и тем не менее не совсем. Чудовищная, по-настоящему кошмарная тварь, хотя и не особо пугающая.

Она посочувствовала хайрогу, — оказаться так далеко от кого-либо, похожего на него, на Маджипуре! К тому же он ранен. Что ей теперь делать? Пожелать всего хорошего и бросить на произвол судьбы? Жестоко. Отправиться в Нарабал и организовать спасательную экспедицию? На это уйдет по меньшей мере дня два. Тащить к себе в хижину и выхаживать, пока не выздоровеет? Это казалось самым разумным. Но что будет с ее одиночеством и уединенностью? И как ухаживать за Хайрогом? Да и действительно ли она хочет брать на себя такую ответственность? А ведь остается еще риск. Он чужак, и она понятия не имеет, что от него можно ждать.

— Я — Висмаан, — сказал хайрог.

Было ли это именем, титулом или же просто описанием своего состояния? Она не стала спрашивать, а просто сказала:

— Меня зовут Тесме. Я живу в джунглях, в часе ходьбы отсюда. Как, по-твоему, сможем мы туда добраться?

— Дай мне опереться на тебя, и я попробую идти. Но... ты достаточно сильная?

— Наверное.

— Ты женщина, я прав?

Тесме носила только сандалии. Она засмеялась, чуть коснувшись груди и ягодиц, и кивнула:

— Женщина.

— Я так и подумал. Я мужчина, и, наверное, слишком тяжел для тебя.

Мужчина? Место между ногами было у него гладким, как у машины. Хотя, подумала она, может быть, у хайрогов половые органы расположены в иных местах. И если они рептилии, грудь не могла указать пол. Странно, что он вообще спросил.

Она опустила рядом с ним на колени, не понимая, как ему удастся встать и идти со сло-

манной ногой. Хайрог положил руки ей на плечи, и прикосновение заставило ее вздрогнуть: кожа казалась прохладной, жесткой, сухой и гладкой; он словно носил сильный болотистый запах, с чуть заметным привкусом меда. Трудно понять, как она не заметила его раньше — очевидно, ее поразила неожиданность случившегося. Но теперь на запах нельзя было не обратить внимания, и сначала она почувствовала, как неприятно напряглись мускулы, хотя спустя несколько минут это перестало ее беспокоить.

— Держись ровно, — предупредил Хайрог. — Я навалюсь на тебя.

Тесме пригнулась, упершись руками и коленями в землю, к ее удивлению, Хайрог довольно легко вытянулся вверх своеобразным извивающимся движением, на мгновение навалившись на спину девушки между лопаток. Она задохнулась, а он, шатаясь, выпрямился и ухватился за свешивающуюся лиану. Тесме расставила ноги, готовясь подхватить его, если будет падать, но он устоял.

— Нога сломана, — объяснил он. — Спина повреждена, но не сломана.

— Сильно болит?

— Болит? Нет, мы почти не чувствуем боли. Проблема в функционировании. Нога не держит меня. Может, ты найдешь мне крепкую палку?

Тесме огляделась вокруг в поисках чего-нибудь, что можно использовать как костыль, и почти сразу заметила жесткий надземный корень, тянувшийся к земле с лесного полога. Гладкий черный корень был толстым, но ломким, и она гнула его во все стороны, пока не отломила кусок ярда в два. Висмаан крепко сжал его, обхватил второй рукой Тесме и осторожно перенес тяжесть на поврежденную ногу. Тесме показалось, что его запах изменился, стал резче, с привкусом уксуса, без меда. Несомненно — от напряжения. Вероятно, боль была не такой слабой, как он хотел ее уверить, но в любом случае он справлялся.

— Как ты сломал ногу? — спросила она.

— Я хотел осмотреть местность и взобрался на дерево, а оно не выдержало моего веса.

Он кивнул на тонкий блестящий ствол высокой сиджайл.

Нижняя ветвь футов в сорока над головой была сломана и держалась только на лоскутке коры. Тесме с удивлением подумала, как он вообще уцелел, свалившись с такой высоты, а секунду спустя изумилась еще больше, подумав, как ему удалось взобраться на сорок футов по тонкому гладкому стволу.

— Я хочу обосноваться здесь и заняться земледелием. У тебя есть ферма?

— В джунглях? Нет. Я просто живу тут.

— С мужчиной?

— Одна. Я выросла в Нарабале, но решила на время побыть в одиночестве.

Они вернулись к мешку с калимботсами, который она выронила, когда заметила лежавшего на земле чужака, и Тесме забросила его себе на плечо.

— Можешь оставаться у меня, пока нога не заживет. Только до моей хижины добираться придется весь день. Ты уверен, что сможешь идти?

— Я ведь иду сейчас, — сказал он.

— Если захочешь отдохнуть, скажи.

— Потом. Не сейчас.

И действительно, прошло около получаса медленной, болезненной, изнуряющей ходьбы, прежде чем он попросил остановиться, но даже тогда остался стоять, привалившись к дереву, пояснив, что не стоит повторять весь сложный процесс вставания с земли. Тесме он казался и бесстрастным, и чуть встревоженным, хотя невозможно было прочесть что-либо по его неизменному лицу и немигающим глазам. Единственным указателем проявления эмоций был для нее мелькающий раздвоенный язык, только она не знала, как истолковать эти непрерывные стремительные движения. Через несколько минут они снова тронулись в путь.

Медленное передвижение угнетало ее — его вес давил на плечи, и девушка чувствовала, как сводит судорогой мышцы и как протестуют мускулы, пока они с Хайрогом пробираются по джунглям. Говорили они мало. Он, кажется, изо всех сил старался удержаться на ногах, а Тесме сосредоточилась на дороге, отыскивая удобные проходы и стараясь избегать ручьев и густого подлеска, которые он не смог бы одолеть. Когда они прошли полпути до хижины, начался теплый дождь, после которого

они окунулись в горячий липкий туман. Она уже изнывала от усталости, когда показалась ее хижина.

— Не дворец,— заметила Тесме,— но мне хватает. Ложись тут.

Она подвела его к своей постели из листьев зании, и чужак сел, испустив тихий, еле слышный свистящий звук.

— Хочешь чего-нибудь перекусить?— поинтересовалась Тесме.

— Не сейчас.

— Или пить? Нет? Понимаю, тебе надо немного отдохнуть. Я выйду, а ты лежи спокойно.

— Я все равно не буду спать,— сказал Висмаан.

— Не понимаю, при чем...

— Мы спим только часть года, обычно — зиму.

— И бодрствуете все оставшееся время?

— Да, — кивнул он. — В этом году мой период сна завершился. Я понимаю, что это отличается от человека...

— Сильно отличается,— согласилась Тесме.— В любом случае я оставляю тебя — отдыхай. Ты, должно быть, страшно устал.

— Я бы не хотел выгонять тебя из твоего дома.

— Ничего,— ответила Тесме и шагнула наружу. Дождь начался снова. Знакомый, успокаивающий дождь, морозящий по несколько часов каждый долгий день. Она вытянулась на насыпи из мягкого упругого мха, позволяя теплым дождевым струям омыwać усталое тело.

Гость в доме, подумала она. Да еще и чужак. А почему бы и нет? Хайрог казался нетребовательным, равнодушным, спокойным даже в несчастье. Повреждение у него явно было более серьезным, чем он готов был признать, поскольку даже такое относительно недолгое путешествие через лес измотало его. В таком состоянии ему не одолеть пути до Нарабала. Тесме, правда, могла сама сходить в город и договориться с кем-нибудь насчет платформы, чтобы перевезти Хайрога, но такая мысль ей не понравилась. Никто не знал, где она живет, и она совсем не хотела приводить сюда кого-нибудь. С некоторым смущением она вдруг поняла, что вовсе не хочет, чтобы Хайрог уезжал, наоборот, ей хочется удерж-

жать его тут и ухаживать, пока он не восстановит силы. Она сомневалась, чтобы кто-нибудь в Нарабале дал приют чужаку, и это наполняло ее приятным ощущением собственной порочности и возможностью подняться над ограниченностью привычек родного города.

Года два назад она слышала много перешептываний об иномирных, поселившихся на Маджипуре. Люди опасались и недолюбливали рептилиеобразных Хайрогов, гигантских, неуклюжих волосатых скандаров, маленьких хитрецов со щупальцами — кажется, вроонов, — и прочих причудливых созданий; и пусть пока чужаков еще не видели в отдаленном Нарабале, враждебная почва для их приема была уже вполне подготовлена.

Только дикой и эксцентричной Тесме, подумала она, ничего не стоит подобрать инородца и выхаживать его, кормя с ложечки лекарствами и супом, или что там дают Хайрогам со сломанными ногами? Она не имела никакого понятия, как ухаживать за ним, но это не останавливало ее.

Ей вдруг пришло в голову, что за всю жизнь она вообще никогда ни о ком не заботилась: не было ни удобного случая, ни возможности. Как на самую младшую в семье, на нее никто никогда не возлагал никакой ответственности. Она не была замужем, не рожала детей, даже не держала домашних животных, не говоря уже о том, что, несмотря на бесчисленные любовные истории, ее никогда не влекло навестить заболевшего возлюбленного.

Теперь она понимала, почему решила оставить Хайрога у себя в хижине — ведь одна из причин, по которой она сбежала из Нарабала в джунгли, заключалась в том, чтобы сломать безобразные черты прежней Тесме.

Она решила поутру отправиться в город, разузнать, если удастся, что необходимо для лечения Хайрогов, и купить лекарств и подходящей провизии.

После долгого перерыва она вернулась в хижину. Висмаан спокойно лежал на спине там, где она его оставила, вытянув руки вдоль тела. Он, казалось, вообще не шевелится, если исключить непрерывное шевеление его волос. Спит? После его объяснений? Она подошла ближе и всмотрелась в странную массивную фигуру на постели. Глаза его были открыты и следили за ней.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она.

— Не очень. Прогулка через лес оказалась тяжелее, чем я думал.

Тесме приложила ладонь к его лбу: твердая чешуйчатая кожа наощупь казалась холодной. Нелепость этого жеста заставила девушку улыбнуться. Откуда ей знать, какая нормальная температура у Хайрогов. И поднимается ли она у рептилий во время болезни? Внезапно ей вообще показалось нелепым желание ухаживать за существом из иного мира.

— Почему ты трогаешь мой лоб? — поинтересовался он.

— Мы так делаем, когда человек болен. Учти, если у тебя жар, у меня тут нет никаких медикаментов. Ты понимаешь, что я имею в виду, когда говорю — поднимается жар?

— Ненормальная температура тела? Да. У меня она сейчас высокая.

— Больно?

— Немного. Но главное в том, что мои системы дезорганизованы. Можешь ты принести мне воды?

— Конечно. А ты голоден? Что ты обычно ешь?

— Мясо. Вареное или жареное. Фрукты. Овощи. И побольше воды.

Тесме принесла воды. Висмаан с трудом присел — он казался гораздо слабее, чем тогда, когда хромал через джунгли, видимо, все больше страдал от болезненного перелома — и осушил чашу тремя большими глотками.

Как зачарованная смотрела девушка на яростное мелькание раздвоенного языка.

— Еще,— попросил он, и она налила вторую чашу. Кувшин почти опустел, и Тесме вышла наполнить его из ручья. Заодно она сорвала несколько ягод токки и принесла с собой. Хайрог подержал одну из сочных сине-белых ягод в вытянутой руке, словно лишь так мог должным образом рассмотреть ее, и покатал на пробу между пальцами. Руки у него были почти человеческие. Тесме обратила внимание, что на каждой по одному большому пальцу, зато ногтей совсем не было, а только поперечные чешуйчатые перепонки, тянувшиеся вдоль двух первых фаланг.

— Как называется этот фрукт? — спросил он.

— Токка. В Нарабале ее лозы растут повсюду. Если тебе понравится, я принесу еще.

Он осторожно попробовал. Затем язык его замелькал еще быстрее, он жадно доел остаток ягоды и потянулся за второй. Лишь тогда Тесме вспомнила репутацию токки как средства, усиливающего половое влечение, но отвернулась, пряча усмешку, и ничего не сказала. Он назвался мужчиной, стало быть, у хайрогов есть секс, но как они им занимаются? Внезапно она представила, как самец-хайрог испускает струю семенной жидкости из некоего скрытого отверстия в ванную, куда погружаются самки оплодотворяться. Действительно, не очень романтично, подумала она, в то же время желая узнать, поступают ли они так и действительно ли оплодотворение у них происходит разделенно, как у некоторых рыб и змей.

Она приготовила для него еду из токки, поджаренных калимботсов и небольшого многоногого нежно-ароматного хиктияна, которого поймала сетью в ручье. Вино у нее кончилось, но недавно она открыла сок большого красного дерева, забродивший после двух дней на открытом воздухе, и дала ему немного.

Аппетит у него был как у здорового. После она спросила, не осмотреть ли его ногу, и он согласился.

Перелом был где-то посередине широкой части бедра. Толстая опухоль выделялась под чешуйчатой кожей. Девушка легонько ощупала ее кончиками пальцев, а чужак издал еле слышный свист, ничем больше не выказав, что она делает ему больно. Тесме показалось, что что-то движется внутри его

бедра. Сломанные концы кости? Я так мало знаю о Хайрогах, уныло подумала она, об искусстве исцеления, вообще обо всем.

— Будь ты человеком,— пробормотала Тесме,— мы использовали бы машину, чтобы посмотреть перелом, свели бы вместе сломанные кости и оставили до полного заживления. У твоих сородичей ничего подобного не практикуется?

— Кости срастутся сами,— отозвался Висмаан.— Я свел их вместе сокращением мышц и буду держать так, пока они не срастутся, только мне придется лежать несколько дней, чтобы кости не разошлись. Можно мне остаться у тебя?

— Конечно. Оставайся сколько понадобится.

— Ты очень добра.

— Завтра я пойду в город. Тебе что-нибудь нужно?

— У тебя есть развлекательные кубики? Музыка? Книжки?

— Здесь почти ничего нет. Могу завтра принести.

— Пожалуйста. Ночи будут очень долгими, если лежать без сна. Мой народ — большой любитель развлечений.

— Я принесу,— пообещала Тесме.

Она дала ему три кубика: игровой, для подборки цветовой композиции и симфонический,— и занялась послеобеденной уборкой.

Ночь опустилась рано, как всегда здесь, близко к экватору. Снаружи донесся легкий шелест дождя. Обычно девушка немного читала, пока не становилось совсем темно, а потом ложилась спать. Но нынче ночью все изменилось. Загадочное существо заняло ее постель, и ей пришлось устраивать себе новое ложе на полу, да и все эти разговоры, которые она вела впервые за много недель, заставляли держаться напряженно и немного настороже. Сам Висмаан, казалось, с головой ушел в кубики.

Она вышла наружу, нарвала с пузырчатого кустарника две охапки листьев, потом еще одну и уложила их на полу возле двери. Затем, подойдя к Хайрогу, поинтересовалась, может ли еще что-либо сделать для него. Тот в ответ лишь коротко покачал головой, не отрываясь от кубиков. Тесме пожелала ему доброй ночи и легла на импровизированную постель. Та оказалась вполне удобной,

даже больше, чем она ожидала, но уснуть было невозможно. Девушка ворочалась с боку на бок: чувство стесненности и неудобства в присутствии чужака не давало покоя. И еще запах хайрога, острый и пронзительный. За весь день она как-то притерпелась и перестала обращать на него внимание, но теперь, лежа в темноте со взвинченными нервами, она воспринимала его, как бесконечно повторяющийся звук трубы. Время от времени она присаживалась и смотрела сквозь темноту на Висмаана, лежавшего неподвижно и молча. В конце концов сон постепенно овладел ею, и она задремала, пока звуки нового утра не разбудили ее привычной мелодией множества писков и криков, а первый свет просочился в открытую дверь. Она проснулась, ничего не понимая, как это с ней часто случалось, когда она крепко спала в незнакомом месте. Несколько минут Тесме не могла сообразить, где находится, но потом вспомнила.

Чужак наблюдал за ней.

— Ты провела ночь без отдыха. Мое присутствие тебя тревожит.

— Ничего, я привыкла. Как ты себя чувствуешь?

— Не очень, но уже начинаю поправляться. Я чувствую, как внутри идет процесс заживления.

Она принесла ему воды и тарелку фруктов, затем вышла во влажный туманный рассвет и быстро скользнула в пруд. Когда вернулась в хижину, запах поразил ее с новой силой: контраст между свежим утренним воздухом и резким запахом хайрога внутри хижины был разителен.

Одеваясь, она сказала:

— Я вернусь из Нарабала только к ночи. Ты как, выдержишься один?

— Если ты оставишь пищи и воды, чтобы я мог дотянуться. И что-нибудь почитать.

— Почти ничего нет. Но я принесу. Надеюсь, день у тебя пройдет спокойно.

— Возможно, заглянет какой-нибудь гость?..

— Гость?— удивленно воскликнула Тесме.— Что еще за гость? Никто сюда не придет. Или ты хочешь сказать, что с тобой был еще кто-то, и он начнет тебя искать?

— Нет-нет, со мной никого не было. Я подумал, может быть, твои друзья...

— У меня нет друзей,— торжественно объявила Тесме, и сразу же эти слова показались ей глупыми, жалобными и мелодраматичными. Но Хайрог ничего не сказал, и, пряча свое смущение, она принялась тщательно затягивать ремнем мешок.

Он молчал до тех пор, пока она не собралась идти, потом поинтересовался:

— Нарабал красив?

— Разве ты его не видел?

— Я шел с другой стороны, из Тил-Омона. Там мне рассказывали, как красив Нарабал.

— Ничего особенного,— ответила Тесме.— Лачуги. Грязь на улицах. Повсюду растут виноградные лозы, за год опутывая дом целиком. Тебе говорили в Тил-Омоне? Над тобой просто подшутили. Если кто-то в Тил-Омоне расхваливает красоты Нарабала, он просто лжет.

— Но для чего?

Тесме пожала плечами.

— Откуда я знаю? Может, чтобы убрать тебя подальше от Тил-Омона. В любом случае в Нарабале не на что смотреть. Тысячу лет назад он, возможно, и был чем-то, но теперь это просто грязный город.

— И все же я надеюсь повидать его. Когда моя нога окрепнет, ты мне покажешь его?

— Разумеется,— кивнула она.— Почему бы и нет? Но ты будешь разочарован, уверяю тебя. А теперь я пойду. Я хочу добраться до города, пока еще прохладно.

П

3

редставляя, как войдет однажды в город с Хайрогом, она быстро шла по тропе. Интересно, как на это отреагируют в Нарабале? Начнут забрасывать их камнями или навозом? Будут тыкать пальцами и ржать, а заодно поносить ее, когда она начнет здороваться с знакомыми? Вероятно. Чокнутая Тесме, станут судачить они, привезла в город инородца; не занимаются ли они в джунглях непотребством? Тесме улыбнулась. Да, забавно будет пройти по Нарабалу с Висмааном.

И она попробует, как только он сможет одолеть долгую дорогу через джунгли.

Сама дорога была просто грязной неухоженной тропкой, отмеченной зарубками на деревьях да редкими короткими просеками, быстро зарастающими во многих местах. Но за время путешествия по джунглям она овладела искусством находить дорогу и редко надолго теряла тропу. Поздним утром она добралась до отдаленных плантаций, а вскоре увидела и сам Нарабал, карабкающийся вверх по одному склону холма и сбегающий вниз к морю по противоположному.

Тесме не знала, для чего кому-то понадобилось основывать тут город — в самой западной точке Цимроэля. Какая-то задумка Лорда Меликанда, того самого Коронала, что допустил чужаков на Маджикур, способствуя развитию западного континента. Да, в начале царствования Лорда Меликанда на Цимроэле имелись всего два города, созданные первыми человеческими поселенцами на планете до того, как стало ясно, что центром жизни Маджипура стал другой континент — Алханроель. На северо-западе Цимроэля тогда располагался Пидруид, город с чудесным климатом и отличной естественной гаванью, а на восточном побережье находился Пилипкок, где обосновались охотники на морских драконов. Теперь к ним добавились два пограничных поста: Ни-Моуйя, воздвигнутая на одной из самых больших внутренних рек континента, и Тил-Омон, стоявший на краю тропического пояса западного побережья; к тому же существовало несколько поселений в центральных горах, да ходили слухи, что Хайроги строят свой город в тысяче миль к востоку от Пидруида.

И еще был Нарабал, тут, на дождливом юге, на краю континента, окруженный морем. Здесь, если стоять у края Нарабальского Пролива и долго смотреть на воду, постепенно с ужасом начинаешь ощущать все эти тысячи миль дикости, лежащие за спиной, и тысячи миль океана, отделяющего тебя от Алханроеля, где находятся другие города. В юности Тесме пугалась мысли, что живет в месте, столь далеко от центров цивилизации, и порой и Алханроель, и те процветающие города казались ей просто мифом, а подлинным центром вселенной

был Нарабал. Она никогда не бывала нигде, кроме него, и не надеялась побывать. Слишком велики были расстояния. Единственным городом в пределах досягаемости явился Тил-Омон, но и до него было неблизко, и те, кто бывал там, рассказывали, что он сильно похож на Нарабал, только дождей поменьше и солнце постоянно висит в небе докучливым зеленоватым глазом.

В Нарабале она повсюду ощущала на себе любопытствующие взоры. Каждый раз, оборачиваясь, девушка замечала, что все пристально пялятся на нее, словно она явилась в город голой. Все знали ее — дику Тесме, сбежавшую в джунгли, — ей улыбались, махали, спрашивали, как идут дела, а за этим обычным добродушием были глаза — внимательно-пристальные, враждебные, сверлящие ее с неподдельным интересом и старающиеся разгадать, что у нее на душе. «Почему ты презираешь нас? Почему чуждаешься? Почему делишь дом с отвратительным чужаком?» Она улыбалась в ответ, махала рукой и говорила вслух: «Рада увидиться с вами снова», «Все отлично», а про себя отвечала пронизывающим глазам: «Я никого не презираю, мне просто нужно было уйти, и Хайрогу я помогла потому, что, помоги я кому-нибудь, мне, возможно, за это воздастся», но они не понимали.

Никто не заходил в ее комнату в материнском доме. Тесме сложила в мешок книги, кубики и отыскала аптечку с лекарствами, которые, по ее мнению, могли сгодиться Висмаану. Здесь были противовоспалительные средства для ускорения заживления ран, жаропонижающее и многое другое — вероятно, все бесполезное для чужака, но она полагала, что стоит попробовать. Тесме бродила по дому, ставшему для нее непривычным, несмотря на то, что она прожила здесь всю жизнь. Деревянные полы вместо разбросанных листьев, настоящие прозрачные стекла на шарнирах, настоящий механический чистильщик с кнопками и рукоятками — все эти миллионы цивилизованных вещей и приспособлений, выдуманных человечеством много тысяч лет назад в другом мире, от которых она сбежала в свою маленькую хижину с живыми ветвями, растущими по стенам...

— Тесме?

Она удивленно оглянулась. В дверях стояла ее сестра Мирифэйн, почти близняшка: та же манера говорить, то же лицо, те же длинные тонкие руки и ноги и прямые черные волосы. Только на десять лет старше и на десять лет более примирившаяся со своей жизнью. Замужняя работающая женщина, мать. Тесме всегда страдала при виде Мирифэйн, словно смотрелась в зеркало и видела себя на десять лет старше.

— Мне кое-что нужно,— нехотя объяснила Тесме.

— А я надеялась, что ты решила вернуться домой,— сказала Мирифэйн.

— Зачем?

Мирифэйн ответила привычной проповедью о возобновлении нормальной жизни, возвращении в общество и полезном труде. В конце она сказала:

— Мы упустили тебя.

— Может быть,— ответила Тесме,— но я делаю то, что нужно мне.— Она немного помолчала.— Рада была повидать тебя, Мирифэйн.

— По крайней мере, ты останешься на ночь? Мать скоро вернется, она будет рада, если ты пообедаешь с нами.

— Мне далеко идти. Я не могу терять здесь много времени.

— Знаешь, ты хорошо выглядишь. Загорелая, окрепшая... По-моему, отшельничество пошло тебе на пользу.

— По-моему, тоже.

— Думаешь еще пожить в одиночестве?

— Это мне нравится,— ответила Тесме, завязывая мешок.— Как у вас?

Мирифэйн пожала плечами.

— По-прежнему. Только я на время отправлюсь в Тил-Омон.

— Счастливо.

— Хочу вырваться из нашей заплесневелой жизни и отдохнуть. Холтас поработает там с месяц над проектами постройки новых городов в горах — приходится обеспечивать жильем всех этих инородцев, что начинают прибывать. Он хочет взять с собой меня и детей.

— Инородцев?— переспросила Тесме.

— Ты разве не знаешь?

— Расскажи.

— Ну, иномиряне, что живут на севере, начинают проникать сюда. Есть один вид, вроде ящериц с руками и ногами, они хотят развивать фермы в джунглях.

— Хайроги?

— А, так ты слышала? И еще одно племя, напыщенное и воинственное, с лягушачьими рожами и темно-серой кожей. Холтас говорит, что они уже заняли в Пидруиде все мелкие должности, вроде клерков и писцов, а теперь начинают наниматься сюда, и кое-кто из архитекторов собирается спроектировать для них поселения внутри страны.

— Значит, они не будут вонять в прибрежных городах?

— Что? А, я думаю, часть из них все равно тут осядет. Никто не знает, сколько их будет, но, по моему, наши вряд ли согласятся на большое число иммигрантов в Нарабале, да и в Тил-Омоне тоже...

— Да, я понимаю,— кивнула Тесме.— Ну, передавай всем привет, пойду обратно. Надеюсь, ты приятно отдохнешь в Тил-Омоне.

— Тесме, пожалуйста...

— Что, пожалуйста?

Мирифэйн сказала с досадой:

— Ты такая резкая, такая далекая и холодная! Мы не виделись несколько месяцев, а ты еле выносишь мои расспросы и смотришь на меня с таким раздражением. Почему ты злишься, Тесме? Разве я тебя когда-нибудь обижала? Почему ты такая?

Тесме знала, что бесполезно снова все объяснять. Никто не понимал ее, и меньше всего те, кто уверял, что любит. Стараясь говорить мягче, она ответила:

— Назови это запоздалым переходным возрастом, Мири, или возмужанием юности. Ты очень хорошо относишься ко мне! Но только это зря, я все равно уйду.— Она легонько коснулась пальцами руки сестры.— Может, я загляну на днях.

— Надеюсь.

— Только скоро не ждите. Передайте всем привет от меня,— сказала Тесме и вышла.

Она торопливо шла по городу, боясь встречи с матерью или с кем-нибудь из старых знакомых, особенно бывших любовников. Девушка украдкой

оглядывалась, как вор, и не раз быстро ныряла в переулки, заметив того, кого не хотела видеть. Встречи с сестрой было достаточно. Пока Мирифэйн не сказала, что раздражение ее хорошо заметно, Тесме не сознавала этого. Мири была права: Тесме чувствовала, что остатки раздражения еще кипят внутри ее. Эти люди, эти унылые маленькие людишки со своим ничтожным честолюбием, маленькими предрассудками, замкнувшиеся в чередѣ своих бессмысленных дней — они приводили ее в ярость. Чумой рассеяться по Маджипуру, сгрызая ненанесенные на карту леса и загаживая необъятный океан, основывать грязные города в местах удивительной красоты и никогда не задаваться какой-нибудь целью. Слепые, нерассуждающие натуры — это было хуже всего. Никогда они не посмотрят на звезды и не спросят, что это такое. А ведь именно это волновало человечество на старой Земле, заставляя превращать в копию материнского мира тысячи захваченных планет. Имеют ли звезды хоть какое-нибудь значение для человечества Маджипура? Наверное, Старая Земля все еще для них что-то значит и кажется прекрасной, лишившись за прошедшие столетия серой скучной шелухи и накипи, несомненно, она далеко ушла от Маджипура, который лишь через пять тысячелетий станет ее отражением с раскинувшимися на сотни миль городами, всеобщей торговлей, грязью в реках, истребленными животными и бедными обманутыми людьми, Изменяющими Форму, повсюду загнанными в резервации, — со всеми старыми ошибками, принесенными в девственный мир. Тесме это поражало до глубины души, заставляя кипеть от бешенства. Она считала, что все это от путаницы личных целей, расстроенных нервов и отсутствия любовника, но затопившая ее ярость возникла вдруг от недовольства всем человеческим миром. Ей хотелось схватить Нарабал и сбросить в океан. К сожалению, она не могла этого сделать, не могла ничего изменить, не могла приостановить то, что они называли распространением цивилизации. Все, что она могла, — это вернуться в джунгли к сплетающимся лианам, влажному сырому воздуху, пугливым животным болот, к хижине, к увечному Хайрогу, который, будучи частью затопляющего планету при-

лива, был и тем, о ком она заботилась, кого даже лелеяла, потому что остальным ее сородичам он не нравился, пожалуй, они даже ненавидели его, и она, заботясь о нем, отличалась от них.

Голова болела, мускулы лица стали жесткими, будто одеревенели, она понимала, что идет, сгорбась, неся на плечах всю тяжесть жизни, от которой отреклась. Она сбежала из Нарабала так быстро, как только смогла.

В

4

исмаан лежал в постели и, кажется, ни разу не шевельнулся, пока ее не было.

— Как тебе, лучше? — поинтересовалась Тесме. — Как ты один справлялся?

— Очень спокойный день. Только нога чуть больше опухла.

— Давай взгляну.

Она осторожно ошупала ногу. Та казалась слегка одутловатой, и чуть он дернулся, когда Тесме дотронулась до опухоли, что, по-видимому, означало очень сильную боль, если верить утверждению Висмаана, что к боли Хайроги нечувствительны. Возможно, стоило отправить Хайрога в Нарабал, но он не казался обеспокоенным, а Тесме сомневалась, что доктора в городе знают что-нибудь о психологии и анатомии чужаков. Кроме того, она хотела, чтобы он остался здесь. Девушка распаковала лекарства, принесенные из дома, и дала ему противовоспалительное и жаропонижающее, затем приготовила фрукты и овощи. До наступления темноты она успела проверить ловушки на краю лесной поляны и обнаружила в них несколько небольших зверушек — маленького сгимойна и пару минтансов. Она привычно свернула им шеи — в самом начале отшельничества делать это было ужасно тяжело, но ей требовалось мясо, а никто не стал бы убивать за нее и для нее — и разделала тушки для огня. Потом развела костер, подвесила мясо и вернулась в дом.

Висмаан забавлялся одним из кубиков, которые она принесла, но отложил его в сторону, едва она вошла.

— Ты ничего не рассказала о визите в Нарабал,— заметил он.

— Я была там недолго. Взяла, что нужно, поболтала немного с сестрой и ушла — одно расстройство. Только в джунглях и почувствовала себя хорошо.

— Ты сильно ненавидишь то место.

— А иного оно не заслуживает. Эти унылые надоедливые люди, эти безобразные, зажатые со всех сторон маленькие здания... — Она пожала плечами и покачала головой. — Да, сестра говорила, что закладываются какие-то новые города на континенте для иномирян, потому что их много переселяется на юг. В основном, Хайрогов и еще каких-то, с серой кожей и...

— Хьортов,— подсказал Висмаан.

— Мне все равно,— отмахнулась Тесме.— Мири говорила, что они любят работать клерками и писцами. По-моему, они устраиваются во внутренних провинциях лишь потому, что никто не хочет допускать их в Тил-Омон или в Нарабал.

— Странно, я никогда не замечал недоброжелательства людей,— сказал Хайрог.

— В самом деле? А может, просто не обращал внимания? Предрассудков на Маджипуре хватает.

— Мне не совсем понятно. Разумеется, я никогда не бывал в Нарабале и, возможно, у вас иначе. Вот на севере, я убежден, затруднений нет. Ты была на севере?

— Нет.

— Жители Пидруида встретили нас очень радушно.

— Правда? Я слышала, будто Хайроги построили себе город где-то к востоку от Пидруида, у Большого Рифта. Если в Пидруиде у вас было все так хорошо, зачем куда-то переселяться?

— Вместе с нами людям жить не очень удобно,— спокойно заметил Висмаан.— Ритм нашей жизни сильно отличается от вашего. Наша привычка спать, например. Да и самим нам трудно жить в городе, который засыпает на восемь часов каждую ночь, когда сами мы бодрствуем. Есть и другие различия. Вот мы и создали Дулорн. Надеюсь, ты когда-нибудь увидишь его. Он изуми-

тельно красив и построен целиком из белого камня, сияющего внутренним светом. Мы очень гордимся им.

— Почему же тогда тебе там не понравилось?

— Мясо не стогит?— осведомился он.

Тесме покраснела и выскочила наружу, едва успев сорвать обед с вертела. Чуть нахмурясь, она нарезала мясо и подала его вместе с токкой и фляжкой вина, которое принесла днем из Нарабала. Неуклюже приподнявшись, Висмаан принялся за еду.

Немного погодя он сказал:

— Я прожил в Дулроне несколько лет. Но там очень засушливая местность, а на нашей планете я жил в теплом и сыром краю, похожем на Нарабал. Вот я и хотел найти плодородную землю. Мои далекие предки были земледельцами, и я решил вернуться к их занятию, а когда услышал, что в тропиках Маджипура можно снимать урожай шесть раз в год и имеется множество свободной земли, то отправился сюда.

— Один?

— Да, один. У меня нет жены, хоть я и собираюсь завести ее, как только поселюсь здесь.

— И будешь продавать выращенный урожай в Нарабале?

— Да. В моем родном мире едва ли найдется какая-нибудь невозделанная земля, но и то ее еле-еле хватает, чтобы прокормить нас. Большую часть продуктов питания мы ввозим. Поэтому Маджипур так сильно влечет нас к себе. Я счастлив здесь. И думаю, ты не права насчет горожан: вы, маджипурцы, сердечный и приветливый народ, учтивый, законопослушный и опрятный.

— Даже так? Хмм... Стоит кому-нибудь пронюхать, что я живу с Хайрогом, все будут шокированы.

— Шокированы? Почему?

— Потому что ты чужак. И рептилия.

Висмаан издал странный фыркающий звук. Смеялся?

— Мы не рептилии. Мы теплокровные и так же, как и вы, растим детей.

— Ну, как рептилии.

— Внешне, пожалуй. Но я настаиваю, что близок к млекопитающим.

— Близок?

— Только мы откладываем яйца. Но ведь есть и млекопитающие такие же. Вы ошибаетесь, считая...

— Это несущественно. Люди воспринимают вас, как рептилий, а человек издревле не терпел змей. Боюсь, из-за этого всегда будут недоразумения между нами и вами. Это идет еще с давних времен на Старой Земле. Кроме того...— Она спохватилась, что чуть было не ляпнула о его запахе.— Кроме того,— повторила она неуклюже,— вы немного пугаете.

— Неужели больше, чем огромные лохматые скандары? Или су-сухерисы с двумя головами?— Висмаан повернулся к Тесме и уставился на нее глазами без век.— Я думал, ты скажешь, что тебе самой неудобно с Хайрогом, Тесме.

— Нет.

— Предубеждения, о котором ты говоришь, я никогда не замечал, и вообще, впервые слышу о нем. Мне лучше уйти, потому что я тебя расстраиваю.

— Нет-нет, ты совершенно неправильно меня понял. Я хочу, чтобы ты остался здесь, хочу помочь тебе. Я совершенно не боюсь тебя и ни к чему в тебе не отношусь с предубеждением. Я только пытаюсь объяснить, что почувствуют люди в Нарабале, то есть, это я полагаю, что они могут почувствовать, и... — Тесме сделала долгий глоток из фляжки. — Не знаю, как нам справиться со всем этим. Извини. Лучше поболтаем о чем-нибудь другом.

— Конечно.

Тесме заподозрила, что обидела его или, по меньшей мере, расстроила. Несмотря на холодную отчужденность чужака, он, казалось, был очень проницателен и, возможно, был прав в том, что наружу прорвалось ее собственное предубеждение, ее собственные предрассудки. Вполне понятно, подумала она, что, запутавшись в отношениях с людьми, я просто не способна больше заботиться о ком-либо, о человеке или о чужаке, и потому многочисленными мелочами показываю Висмаану, что мое гостеприимство просто прихоть, неестественная и почти вынужденная, таящая в себе недовольство его присутствием здесь. Но так ли это? Она все меньше и меньше понимала себя, словно

стремительно выросла. И тем не менее, она не хотела, чтобы он чувствовал себя здесь незванным гостем. И решила в будущем показать, что заботится о нем искренне.

Этой ночью она спала лучше, чем предыдущей, хотя все еще не привыкла спать в присутствии постороннего и каждые несколько часов просыпалась, всматривалась сквозь темноту в сторону Хайрога и каждый раз видела его, занятого кубиками. Он не замечал ее. Тесме пыталась представить, каково это — спать один раз три месяца, оставшееся время бодрствовать. Пожалуй, это самое чуждое в нем. Это и то, как он лежит часами, не в состоянии ни встать, ни уснуть, чтобы забыться от боли, и занимается чем угодно, лишь бы отвлечься, лишь бы убить время. Что может быть более мучительным? И тем не менее, его настроение не менялось, он оставался таким же спокойным, мирным, бесстрастным. Неужели таковы все Хайроги? Неужели они никогда не пьянеют, не ссорятся, не бранятся на улицах, не ругаются с женами? Но ведь они не люди, напомнила она себе.

У

5

тром она мыла Хайрога до тех пор, пока его чешуя не заблестела, затем поменяла постель. Накормив его, она провела день как обычно, но, блуждая в джунглях, чувствовала себя виноватой за то, что пока бродит по лесу, он лежит в хижине неподвижно и гадает, когда она вернется и расскажет ему что-нибудь или просто втянет в разговор и развеет скуку. Но в то же время девушка понимала, что, если будет непрерывно торчать у его постели, они быстро исчерпают все темы и начнут действовать друг другу на нервы; пока же у него есть с десятком развлекательных кубиков, которые помогут отвлечься. Возможно, он даже предпочитает большую часть времени проводить в одиночестве. И уж во всяком случае одиночество нужно ей самой, теперь даже больше, раз она делит хижину с чужаком, и потому этим утром Тесме отправилась на длительную прогулку, собирая за-

одно для обеда ягоды и коренья. К полудню пошел дождь, и она присела под деревом в рамме, чьи широкие листья хорошо укрывали от струй. Прикрыв глаза, девушка старалась ни о чем не думать; мир и покой, наконец, воцарились в ее душе.

В следующие дни она привыкала к чужаку. Он оказался неприхотливым и нетребовательным, развлекался кубиками и стоически переносил свою неподвижность. Он редко спрашивал о чем-либо или сам заводил разговор, но всегда дружелюбно отвечал на вопросы и охотно рассказывал о своем мире — убогом и страшно перенаселенном, о жизни там, о своих мечтах обосноваться на Маджипуре и о испытанном волнении, когда впервые увидел эту прекрасную, усыновившую его планету.

На четвертые сутки он впервые поднялся, с помощью девушки выпрямился и, опираясь на ее плечо и свою здоровую ногу, осторожно попробовал коснуться больной ногой пола. Тесме внезапно почувствовала, как изменился его запах, став более резким — нечто вроде обонятельной дрожи, — и уверилась в том, что именно так Хайроги выражают свои эмоции.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она. — Слабость?

— Она не выдерживает моей тяжести. Но лечение идет хорошо. Думаю, еще несколько дней, и я смогу встать. Помоги мне немного пройтись, а то у меня тело ослабло от долгого безделья.

Он оперся на нее, и они вышли наружу, где начали медленно прохаживаться взад и вперед. Эта недолгая прогулка, кажется, освежила его. Тесме с удивлением осознала, что ее опечалил этот первый признак выздоровления, поскольку он означал, что скоро — через неделю или две — Висмаан достаточно окрепнет, чтобы уйти, а она не хотела этого. ОНА НЕ ХОТЕЛА, ЧТОБЫ ОН УХОДИЛ! Это внезапное понимание изумило ее до глубины души. Снова жить отшельницей, с наслаждением спать в своей постели и бродить по лесу, не заботясь ни о каких гостях, делать, что вздумается, избавиться от раздражающего присутствия Хайрога — и тем не менее, тем не менее, она чувствовала подавленность и беспокойство при мысли, что он скоро

покинет ее. Как странно, думала она, как необычно и как похоже на меня!

Теперь они гуляли несколько раз в день. Он все еще не мог наступать на сломанную ногу, но с каждым разом двигался все легче. Наконец, Висмаан объявил, что опухоль спала, и кость явно срослась как следует. Он начал заводить разговор о ферме, которую хотел основать, о видах на урожай и расчистке джунглей.

Однажды днем в конце первой недели Тесме, возвращаясь из экспедиции по сбору калимботов с луга, где впервые наткнулась на Хайрога, остановилась проверить ловушки. Большинство оказались пустыми или с обычными мелкими зверушками, но в одной, в кустарнике за водоемом, что-то неистово колотилось, и когда она подошла, то увидела, что поймала билантона — самое большое животное, когда-либо попадавшее в ее западню. Билантоны водились по всему западному Цимроэлю — изящные, быстрые, небольшие животные с острыми копытами и хрупкими ножками. Но здесь, у Нарабала, они были просто гигантскими, вдвое больше утонченных северных сородичей. Здешние билантоны доставали до запястья человека и ценились за нежное и ароматное мясо. Первым побуждением Тесме было выпустить прелестное создание: слишком большим оно казалось, слишком красивым, чтобы его убивать. Она научилась резать мелких животных, придерживая их одной рукой, но тут было совсем другое. Большое животное, выглядевшее чуть ли не разумным, несомненно благородным, ценившим свою жизнь со всеми надеждами и нуждами, поджидавшее, возможно, подругу. Тесме сказала себе, что она дура. И дресли, и минтансы, и сигмоны так же стремились жить, как рвется сейчас жить этот билантон, а она убивала их, не колеблясь. Она понимала, что не стоит одухотворять животных, когда, даже живя в цивилизации, она охотно и с удовольствием ела их мясо, если их убивала другая рука. И уж тем более, нет ей дела до осиротевшей подружки билантона.

Подойдя ближе, она поняла, что билантон в панике сломал одну из ног, и на мгновение у нее мелькнула мысль наложить ему шину и оставить у себя как любимца. Но это было еще более нелепо.

Она просто не в состоянии усыновлять каждую увечную тварь из джунглей. Чтобы наложить шину, необходимо осмотреть его ногу, а билантон вряд ли будет вести себя спокойно, и если даже удастся каким-то чудом справиться, он сбежит при первом же удобном случае. Глубоко вздохнув, она подошла сзади к бившемуся животному, схватила его за нежную морду и свернула длинную грациозную шею.

Разделка туши оказалась делом более тяжелым и кровавым, чем она ожидала. Тесме ожесточенно кромсала и резала, как ей показалось, несколько часов, до тех пор, пока Висмаан не окликнул ее из хижины, спрашивая, чем она занята.

— Готовлю обед,— отозвалась она.— Сюрприз. Будет большое угощение. Жаркое из билантона.

Она тихонько хихикнула, подумав, что это прозвучало, как у доброй жены, когда та готовит филе, а муж лежит в постели, ожидая обеда.

В конце концов, неприятная работа была сделана. Девушка поставила мясо коптиться на медленном дымном огне, а сама отправилась мыться, собирать токку и корни гамбы, а затем открыла фляжки с вином. Обед был готов с приходом темноты, и Тесме чувствовала гордость за содеянное.

Она ожидала, что Висмаан набросится на еду без комментариев в своей обычной флегматичной манере, но нет: впервые на его лице появилось оживление, какие-то искорки в глазах, да и язык мелькал как-то по-другому. Она решила, что теперь лучше разбирается в его чувствах. Хайрог с воодушевлением жевал мясо, похваливал вкус и мягкость и просил еще и еще. Каждый раз, подавая ему, она накладывала и себе, пока не насытилась.

— К мясу очень хороша токка,— заметила Тесме, вкладывая в рот сине-белые ягоды.

— Да, очень приятно,— спокойно подтвердил он.

Наконец, она больше не могла не только есть, но даже и просто смотреть на еду. Положив остатки так, чтобы они были доступны для его протянутой руки, Тесме допила последний глоток вина и, вздрогнув, засмеялась, когда несколько капель пролилось на подбородок и груди. Потом она вытянулась на листьях. Голова у нее кружилась. Она лежала лицом вниз, поглаживая пол и слушая про-

должавшееся чавканье. Наконец, Хайрог тоже насытился, и все стихло. Тесме лежала, но сон не приходил. Голова кружилась все сильнее и сильнее, до тех пор, пока ей не стало казаться, будто ее швыряет по какой-то ужасной центробежной дуге на стену хижины. Кожа горела, соски грудей набухли и воспалились.

Я слишком много выпила, подумала она, и съела слишком много токки, по меньшей мере, ягод десять. Яростный сок кипел теперь в ней.

Она не желала спать одна, скорчившись на полу.

С преувеличенной осторожностью Тесме встала на колени, на мгновение замерла и медленно поползла к кровати. Она до боли всматривалась в Хайрога, но в глазах стоял туман, и она различала лишь общие его очертания.

— Ты спишь? — прошептала она.

— Ты ведь знаешь, что я не буду спать.

— Конечно, конечно. Я как-то отупела.

— Тебе плохо, Тесме?

— Плохо? Нет, не очень. Ничего особенного, разве что... как бы это... — Она заколебалась. — Я пьяна, понимаешь? Ты знаешь, что значит быть пьяным?

— Да.

— Мне не нравится на полу. Можно, я лягу с тобой?

— Если хочешь.

— Я буду очень осторожен и не стану задевать твою больную ногу. Покажи, какая.

— Она почти зажила, Тесме, не беспокойся. Ложись здесь.

Она почувствовала, как его рука взяла ее за запястье и потянула вверх. Поднявшись, девушка легла рядом, чувствуя чешуйчатую кожу от груди до бедра, такую прохладную и такую гладкую. Она несмело провела рукой по его телу. Как отлично выделанная кожа для чемодана, подумала она, надавив пальцами и ощущая могучие мускулы под жестким покровом. Запах его изменился, стал резким, понижающим.

— Мне нравится твой запах, — пробормотала она.

Тесме уткнулась лбом в его грудь и плотно прижалась к нему. Много месяцев, почти год она

не была ни с кем в постели, и было хорошо чувствовать так близко чужое тело. Даже Хайрога, подумала она, даже Хайрога. Просто прикоснуться к кому-нибудь, почувствовать близость. Это так хорошо — чувствовать.

Он дотронулся до нее.

Она не ожидала этого. Все их отношения складывались так, что она заботилась о нем, а он покорно принимал ее услуги. Но внезапно его рука — прохладная, жесткая, чешуйчатая и гладкая — прошла по ее телу, легко скользнула по груди, проследовала ниже, к пояснице, задержалась на бедрах. Что это? Неужели Висмаан решил заняться с нею любовью? Она подумала о его теле, лишенном половых признаков, как у машины. Он продолжал гладить ее. Это непонятно, подумала она, и сверхъестественно. Даже для Тесме. Совершенно необъяснимо, ведь он не человек, а я... А я очень одинока. И очень пьяна.

Девушка надеялась, что он будет лишь гладить ее, но вдруг одна его рука скользнула вокруг ее плеч, легко и нежно приподняла, перекатывая на себя, и бережно опустила, и Тесме почувствовала бедрами выступающую твердую плоть мужчины. Неужели его пенис таился где-то в чешуе, и он выпустил его, когда подошло время? И он...

Да.

Он, казалось, знал, что нужно делать. Пусть он чужак, при первой встрече с которым она не могла определить, мужчина он или женщина, но он явно понимал теорию любовных игр людей. На мгновение почувствовав, как его пенис входит в нее, она испытала ужас и отвращение, страх, что он повредит ей или причинит боль, и где-то в глубине сознания билась мысль, насколько это карикатурно и чудовищно, это совокупление женщины с Хайрогом, то, чего никогда не случалось за всю историю Вселенной. Ей отчаянно захотелось вырваться и убежать в ночь, но она была слишком пьяна, слишком кружилась голова, а потом она осознала, что он вовсе не повредил ей, и что пенис его скользит внутрь и наружу с размеренностью часового механизма, а ее лоно трепещет от затопившего его наслаждения, заставляя дрожать и всхлипывать, наваливаясь на его гладкий, жесткий...

Она пронзительно закричала в момент оргазма, а после лежала, свернувшись на его груди, трепеща, постанывая и мало-помалу успокаиваясь. Она протрезвела. Она понимала, что сделала, и это изумило ее, даже больше, чем изумило. Знали бы в Нарабале! Хайрог — любовник! И наслаждение было таким сильным! Но вот получил ли он какое-нибудь удовольствие? Тесме не посмела спросить. Как узнать, бывает ли у Хайрогов оргазм? И есть ли у них вообще такое понятие? Ей захотелось узнать, занимался ли он любовью с женщинами раньше, и вновь она не посмела спросить. Он был не очень искусен, но определенно более ловок, чем некоторые из тех мужчин, которых она знала. Экспериментировал ли он с ней, или просто его чистый ясный разум вычислил ее анатомические потребности — этого она не знала, и сомневалась, что когда-нибудь узнает.

Он ничего не сказал. Тесме прижалась к нему и погрузилась в беззвучный тихий сон, каким не спала уже неделю.

У

6

тром она чувствовала себя необычно, но не раскаивалась. Они не говорили о том, что произошло между ними ночью. Висмаан играл кубиками, а Тесме на рассвете ушла поплавать, вымыть похмелье из головы, затем убрала остатки вчерашнего пиршества, приготовила завтрак, а после отправилась в длительную прогулку на север, к небольшой мшистой пещере, где просидела большую часть утра, вспоминая плоть прижавшегося к ней тела, прикосновение его рук к ее бедрам, бешеную дрожь потрясшего ее экстаза. Она не могла сказать, что находит его привлекательным: раздвоенный язык, волосы, как живые змеи, чешуя по всему телу, — нет, нет, случившееся прошлой ночью не имеет ничего общего с его физической привлекательностью, подумала Тесме. Но тогда почему это случилось? Вино и токка, сказала она себе. А еще одиночество и готовность восстать против общепринятых ценностей горожан Нарабала.

Отдаться Хайрогу, поняла она, — лучший способ бросить вызов всему тому, во что верят эти люди. Но с другой стороны, подобный поступок теряет смысл, если о нем не узнают. И она решила взять Висмаана с собой в Нарабал, как только он сможет вынести дорогу.

После случившегося они делили постель каждую ночь — поступать иначе казалось нелепо. Но ни на вторую ночь, ни на третью, ни на четвертую они не занимались любовью. Они лежали рядом, не касаясь друг друга, и не разговаривали. Тесме готова была отдаться, если бы он потянулся к ней, но он не делал этого, а сама она предпочитала не навязываться.

Молчание между ними становилось для нее все тягостнее, но она боялась нарушить его, опасаясь услышать то, чего не хотела слышать: что ему не по вкусу их любовные игры, или что он смотрит на свершившееся совокупление как на непристойное и неестественное, которое позволил себе только один раз, и то лишь потому, что она оказалась слишком настойчивой, или что он понимает, что по-настоящему она не испытывает к нему страсти, а просто воспользовалась им, дабы дойти до конца в своей непрекращающейся войне против всяких условностей.

К концу недели, измучившись нараставшим беспокойством и напряжением, страдая от неопределенности, Тесме рискнула прижаться к нему, когда легла вечером в постель, позаботившись, чтобы это выглядело как случайность, и он с готовностью обнял ее. Потом они одни ночи занимались любовью, другие — нет, но всегда это происходило случайно и ненамеренно, почти обыденно и как-то произвольно, после чего она засыпала. Каждый раз, отдаваясь, она получала огромное наслаждение, вскоре перестав замечать чуждость его тела.

Теперь он уже ходил сам и упражнялся каждый день. Сначала с ее помощью, затем самостоятельно он обследовал краешек джунглей, поначалу передвигаясь осторожно и с опаской, но вскоре шагал уже свободно, лишь слегка прихрамывая. Купания, кажется, способствовали выздоровлению, и он часами плескался в маленьком прудике Тесме, досажая громварку, жившему у берега в грязной

норке, — эта старая тварь украдкой выбиралась из своего убежища и лежала у воды, словно выпотрошенный, промокший и покрытый грязью мешок с колючками. Он мрачно глазел на Хайрога и не возвращался в воду, пока тот купался.

Тесме утешала его нежными зелеными ростками, которые собирала в ручье и до которых громварку было не добраться на своих маленьких лапках.

— Когда же ты покажешь мне Нарабал?— спросил Висмаан в один из дождливых вечеров.

— Могу завтра,— ответила она.

Ночью она чувствовала необычное возбуждение и настойчиво прижималась к нему, желая отдаться.

Они вышли в путь с первыми проблесками дождливого рассвета, уступившего скоро яркому сиянию солнца.

Тесме шла не спеша, и хотя казалось, что Хайрог вполне выздоровел, она все равно двигалась медленно, и Висмаану было нетрудно держаться за ней. Она заметила, что без удержу болтает, называя ему каждое дерево или животное, на какое они натыкались, рассказывая немного из истории Нарабала, потом о своих братьях, сестрах и знакомых в городе. Ей страстно хотелось показаться им с Висмааном — СМОТРИТЕ, ВОТ МОЙ ЛЮБОВНИК! Я СПЛЮ С ХАЙРОГОМ! И когда они подошли к окраинам, она принялась внимательно оглядываться, надеясь увидеть знакомых, но едва ли можно было встретить кого-то из них на окраинных фермах.

— Видишь, как на нас уставились?— шепнула она Висмаану, когда они очутились в более населенных кварталах.— Они тебя боятся, считают предтечей некоего нашествия и гадают, что я с тобой делаю и почему так любезна.

— Я ничего такого не вижу,— сказал Висмаан.— Да, они проявляют любопытство, но я не замечаю ни страха, ни враждебности. Может быть, потому, что плохо разбираюсь в мимике человеческих лиц? Правда, я считаю, что узнал людей вполне достаточно, чтобы разобраться.

— Подожди, и увидишь,— обнадежила Тесме. Она не хотела признаться себе, что могла немного преувеличивать, даже более, чем немного.

Они находились уже почти в центре Нарабала, и кое-кто посматривал на Хайрога с удивлением и любопытством, но почти сразу же отводили взгляд, а остальные просто улыбались и кивали, как будто идущее по улицам существо из иного мира для них — самая обыденная вещь. Действительно, враждебности она не заметила никакой, и это ее разозлило. Мягкая приветливость людей, этих вежливых, дружелюбных людей, была вовсе не тем, чего она ожидала. Даже когда они наконец повстречали знакомых — Канидора, закадычного приятеля ее старшего брата, Эннимонта Сиброу, державшего маленькую гостиницу в порту, и женщину из цветочной лавки, — те выказали такое же радушие, как и все прочие, даже когда Тесме сказала:

— Это Висмаан, он живет у меня последнее время.

Канидор улыбнулся, словно всегда знал Тесме как содержательницу гостиниц для чужаков, и завел разговор о новых городах Хайрогов и Хьортов, которые планировал для застройки муж Мирифэйн.

Владелец гостиницы протянул ладонь и общительно тряхнул руку Виисмаана, пригласив к себе домой отведать вина, а цветочница все твердила:

— Как интересно, как интересно, мы надеемся, что вам понравится наш небольшой городок.

Тесме вдруг почувствовала снисходительность к их жизнерадостности, словно они набрались от нее дикости и теперь соглашались с ней во всем без опасений, без удивления, без комментариев. Возможно, они просто неверно истолковали суть ее отношений с Хайрогом и думают, что он просто поселился у нее. Интересно, возникнут ли у них те чувства, которых она ждет, если она прямо выложит, что они любовники? Что лоно ее принимало его пенис? И что они сотворили то, что невозможно между человеком и чужаком? Скорее всего, нет. Вероятно, даже если они с Хайрогом лягут и займутся любовью на Площади Понтифекса, то и это не расшевелит город, хмуро подумала Тесме.

Понравился ли город Висмаану? Ей было трудно определить его реакцию. Они поднимались по одним улицам, спускались по другим, миновали строив-

шуюся площадь, лавку портного, проходили вдоль маленьких кривобоких домишек, утопавших в садах.

Тесме чувствовала в его молчании разочарование и неодобрение; несмотря на всю свою неприязнь к Нарабалу, ей захотелось защитить его. Что ни говори, а это было новое поселение, одинокий форпост в глухом закоулке второразрядного континента, насчитывающий всего несколько поколений.

— О чем ты думаешь?— спросила она наконец.— Нарабал не производит на тебя впечатления?

— Ты же предупреждала, чтобы я не ждал слишком многого.

— Тут даже более уныло, чем я тебе обещала.

— Нет, просто он кажется маленьким и недоработанным,— сказал Висмаан.

— Он смотрится таким после Пидруида и...

— ... Дулорна,— закончил он.— Дулорн удивительно прекрасен даже сейчас, когда только начал строиться. Но, разумеется, белый камень, который там используют...

— Да,— согласилась Тесме.— Нарабал тоже планировали построить из камня, поскольку тут слишком влажный климат и дерево гниет, только пока еще ничего не сделали. Когда население увеличится, можно будет устроить каменоломню в горах и уж тогда создать что-нибудь по-настоящему прекрасное. Лет через пятьдесят-сто, хорошенько потрудившись, и то, если у нас будут работать те гиганты-чужаки...

— Скандары,— подсказал Висмаан.

— Да, скандары. Послал бы нам Коронал тысячу скандаров...

— Тела скандаров покрыты густой шерстью, им будет тяжело в здешнем климате, но, несомненно, они поселятся здесь, как и су-сухерисы и многие из Хайрогов. Со стороны вашего правителя это очень смелый шаг — впустить к себе иномирян в таком количестве.

— Другие планеты не такие большие,— отмахнулась Тесме.— Я как-то слышала, что, невзирая на все наши колоссальные океаны, земли на Маджипуре в три или четыре раза больше, чем в любом другом населенном мире. Или что-то вроде того. Мы счастливы, обладая столь большой планетой, где, однако, нормальная гравитация, так что здесь

могут жить и люди, и гуманоиды. Естественно, мы платим за это высокую цену тем, что почти не имеем тут тяжелых элементов, но зато... О, привет!— Тон ее резко изменился, голос чуть дрогнул. Стройный, очень высокий молодой человек со светлыми волосами столкнулся с ней, появившись из банка на углу, и стоял теперь, глядя на нее, разинув рот.

Это был Раскелорн Юлван, любовник Тесме последние четыре месяца ее жизни в городе, непосредственный виновник ее бегства в джунгли. Меньше всего она хотела встретить в Нарабале именно его, но, столкнувшись с ним лицом к лицу, после секундного замешательства сказала, беря инициативу в свои руки:

— Ты хорошо выглядишь, Раскелорн.

— И ты. Жизнь в джунглях пошла тебе на пользу.

— Это счастливейшие месяцы в моей жизни. Раскелорн, это мой друг Висмаан, он жил со мной несколько последних недель. С ним произошло несчастье, он сломал ногу, упав с дерева, а я на него наткнулась.

— Представляю,— спокойно сказал Раскелорн.— На мой взгляд, он находится в превосходных условиях.— Он повернулся к Хайрогу.— Рад с вами встретиться,— сказал он так, словно действительно был рад.

Тесме сказала:

— Он из Пидруида; климат там мало похож на наш. Говорит, у нас в тропиках скоро поселится много его соплеменников.

— Я тоже слышал,— с усмешкой кивнул Раскелорн и добавил:— Земля у нас удивительно плодородна. Посеешь семена перед завтраком, а к ночи уже получишь вино. Так уверяют все, так что это, должно быть, правда.

Легкость и непринужденность его речи взбесили девушку. Разве он не понимает, что эта чешуйчатая змея, этот иномирянин, этот Хайрог занял его место в ее постели? Или он не ревнив, или просто не понимает сложившейся ситуации. Отчаянно напрягаясь, она попыталась передать правду бывшему любовнику, мысленно представляя себя в объятиях чужака, показывая, как его руки мнут ее груди и

бедр, как мелькает его алый раздвоенный язык по ее закрытым глазам, соскам, лону. Но все было бесполезно — Раскелорн мог читать в мыслях не больше ее. «Он мой любовник,— думала Тесме,— он обладает мною, меня все время тянет к нему, и я не могу дожидаться возвращения в джунгли, чтобы оказаться с ним в постели». Все это время Раскелорн стоял, улыбаясь, и вежливо болтал с Хайрогом, обсуждая возможности выращивания ниука, глейны и стагги в здешних краях и о посеве семян в болотистых районах. Лишь после долгого перерыва он перевел взгляд на Тесме и безмятежно, словно интересовался, какой нынче день недели, осведомился, намерена ли она жить в джунглях и дальше.

Она со злостью посмотрела на него:

— Хочешь знать, почему я предпочитаю жить в джунглях?

— Удивляюсь, как ты обходишься без элементарных удобств?

— Зато я никогда не была так счастлива.

— Я рад за тебя, Тесме,— еще одна вежливая улыбка.

— Приятно было повидаться с вами. До новой встречи,— попрощался он с Хайрогом и ушел.

Тесме сжигала ярость: он не заметил, равнодушно не заметил, что она отдается Хайрогу. Ему безразлично, спит она с Хайрогом, скандаром или громварком в пруду! Она хотела оскорбить его или, по крайней мере, шокировать, а он был просто вежлив. Вежлив! Должно быть, он, как и все остальные, обманывался насчет их настоящих взаимоотношений с Висмааном. Для них, наверное, было просто непостижимо, что женщина готова предложить свое тело рептилии-иномирянину, и они не допускали даже мысли об этом...

— Ну как, насмотрелся на Нарабал?— спросила она.

— Вполне. Здесь нечего смотреть.

— Как твоя нога? Дойдем обратно?

— Разве тебе ничего не нужно сделать в городе?

— Ничего такого,— ответила она,— я хочу уйти.

— Тогда пойдем,— кивнул Хайрог.

Все же нога, очевидно, доставляла ему беспокойство — мышцы, видимо, сводило судорогой, что

делало пешую прогулку затруднительной, но по привычке он не жаловался и следовал за ней. Время было не самое удачное, солнце висело почти над головой, и тяжелый влажный воздух давил на плечи — первый признак того, что вскоре после полудня разразится дождь.

Они шли медленно, часто останавливались, хотя ни разу он не признался, что устал. Уставала сама Тесме и заявляла, что хочет показать ему то напластование слоев горных пород, то необычное дерево, то еще что-нибудь.

Происшедшее в Нарабале было для нее катастрофой. Надменный, вызывающий, непослушный, презрительный Нарабал. Она привела в город своего любовника — Хайрога, желая гордо покрасоваться перед жителями, а они не обратили на них никакого внимания. Неужели отупели настолько, что не в состоянии угадать правду? Или намеренно смотрели на нее сквозь пальцы, решив не доставлять ей удовлетворения? И что за нетерпимость она видела раньше в горожанах Нарабала? Почему считала, будто они боятся соседства чужаков? Все были так очаровательно приветливы с Висмааном, так дружелюбны. Возможно, мрачно подумала Тесме, предубеждения существуют только в ее воображении и она неверно истолковывает замечания других людей. В таком случае, отдаваться Хайрогу было глупостью. Это сработало впустую и не достигло цели в той личной войне, которую она вела против своих сограждан. Просто необычный, нелепый и непреднамеренный случай.

Ни она, ни Хайрог не разговаривали во время долгого, медленного и неудобного возвращения через джунгли.

Когда они добрались до хижины, он сразу вошел внутрь, а она торопливо выкупалась, проверила ловушки, нарвала ягод, затем взяла вещи и тут же бросила, забыв, что хотела с ними сделать.

Наконец девушка вошла в хижину и сказала:

— Я думаю, тебе лучше уйти отсюда.

— Хорошо, — кивнул он. — Сейчас?

— Скоро стемнеет, а ты уже отшагал нынче много миль.

— Я не хочу беспокоить тебя. Я пойду сейчас.

Даже теперь она была не в состоянии понять его чувства. Удивлен он? Обижен? Зол? Она не могла понять. Он не попрощался, просто повернулся и ровным шагом направился в джунгли.

Тесме провожала его взглядом, в горле у нее пересохло, сердце колотилось; она еле сдержалась, чтобы не кинуться следом, но он ушел и скоро спустилась тропическая ночь.

Она тщательно приготовила себе обед, но ела мало, размышляя, как он сидит в темноте, дожидаясь утра. Они даже не попрощались. А ведь она могла бы немного пошутить, советуя ему держаться подальше от высоких деревьев, или он мог бы поблагодарить ее за все, что она для него сделала, но вместо этого она просто выгнала его, а он спокойно ушел.

Он чужой, подумала она, и пути его чужды ей. И все же, когда они были вместе в постели и он дотрагивался до нее, втягивая ее тело на себя...

Ночь тянулась бесконечно. Тесме лежала на постели, которую они так недавно делили вместе, слушая бормотание ночного дождя, стучавшего по широким синим листьям, заменившим хижине крышу; впервые с тех пор, как очутилась в джунглях, она почувствовала боль одиночества. До этой минуты она не подозревала, как много значила для нее причудливая пародия на семейную жизнь, которую они разыграли здесь с Хайрогом и которая теперь кончилась, и она снова была одна, и даже более одинока, чем прежде. А он был где-то снаружи и сидел в темноте, не спавший и не укрытый от дождя.

Я влюбилась в чужака, с удивлением сказала она себе, влюбилась в чешуйчатую т в а р ь, не сказавшую мне ни одного нежного слова, не задававшую никаких вопросов и ушедшую, не сказав ни спасибо, ни до свидания. Она лежала, бодрствуя, несколько часов. Напряженное тело ныло от долгой дневной ходьбы. Подтянув колени к груди, она долго лежала так, а затем просунула руку между бедер и терла там до тех пор, пока не наступил миг оргазма; задохнувшись, она издала чуть слышный стон и погрузилась в сон.

тром Тесме проснулась, проверила ловушки и собрала завтрак, а потом бродила по всем знакомым тропам возле хижины. Никаких признаков, указывавших на присутствие Хайрога, она не заметила.

Потом настроение ее немного улучшилось, и в полдень она уже снова радовалась жизни, но к наступлению ночи, когда подошло время обедать, ощутила, как вновь подступает хандра. Но она терпела. Поиграв немного кубиками, которые принесла для него из дому, девушка в конце концов уснула, а следующий день прошел уже лучше, и следующий тоже.

Постепенно жизнь Тесме возвращалась в свое русло. Больше она не встречала Хайрога, и он стал мало-помалу ускользать из ее сознания. Дни шли, складываясь в недели одиночества, вновь даря радость отшельничества, но порой ее пронзали резкие и болезненные воспоминания о нем: при виде билантона в зарослях, или обломанной ветки, или громварка, сидящего у воды, и тогда она понимала, что все еще тоскует. Она бродила по джунглям, описывая все расширяющиеся круги вокруг хижины, не вполне понимая, зачем, пока, наконец, не призналась себе, что ищет его.

Она искала его больше трех месяцев.

Однажды Тесме заметила признаки поселения на юго-востоке и направилась прямо в ту сторону, перебравшись через большую, не известную ей раньше реку, где за чащей болотных деревьев оказалась недавно основанная ферма.

Притаившись у начала поля, Тесме увидела Хайрога — это был Висмаан, она не сомневалась в этом, — удобрявшего поле богатым черным перегноем. Страх вдруг сжал душу, заставив задрожать. А если это другой Хайрог? Нет-нет, она была уверена, что это он. Она даже убедила себя, будто замечает небольшую хромоту. Девушка быстро пригнулась, боясь показаться ему. Что она скажет? Почему искала его после того, как прогнала? Она двинулась к зарослям кустарника и уже совсем

было скрылась в них, но потом собралась с духом и окликнула его по имени.

Он замер и огляделся вокруг.

— Висмаан? Это я — Тесме.

Щеки ее пылали, сердце бешено стучало. На одно мрачное мгновение она решила, что это чужак, незнакомый Хайрог, и извинения были уже готовы сорваться с ее губ. Но стоило ему шагнуть к ней, как она поняла, что не ошиблась.

— Я заметила расчищенную долину и подумала, что это, должно быть, твоя ферма,— сказала она, выходя из-под свешивающихся до самой земли ветвей.— Ну, как ты живешь, Висмаан?

— Отлично. А ты?

Она передернула плечами.

— Как обычно. Но ты тут сотворил удивительное... Всего несколько месяцев, а смотри, сколько сделано!

— Да,— кивнул он,— мы здорово потрудились.

— Мы?

— С подругой. Идем, я вас познакомлю и покажу, чего мы достигли.

Его спокойные слова околдовали ее. Может, он хотел заменить ими негодование или обиду за то, что она выгнала его? Или мстил, обуздывая свою злость? Но скорее всего, подумала она, он не испытывает обиды и не собирается мстить. И взгляд его на все происшедшее между ними, вероятно, совсем не такой, как у нее. Не забывай, что он чужак, сказала она себе.

Тесме поднялась за ним по невысокому склону, перепрыгнув через дренажную канавку, обошла небольшое поле, явно недавно засеянное.

На вершине холма, полускрытый буйно разросшимся огородом, стоял дом из обтесанных бревен сиджайлы, не очень-то отличавшийся от ее хижины, но побольше и какой-то более угловатый. Отсюда было видно всю ферму, занимавшую три склона невысокого холма. Тесме поразились, как много он успел: казалось невозможным расчистить все это, поставить дом, подготовить поле к посеву и даже начать сеять — и все за несколько месяцев. Она понимала, что Хайроги не спят, но разве им не требуется отдых?

— Турном! — позвал Висмаан. — У нас гостья, Турном.

Тесме заставила себя оставаться спокойной. Лишь теперь она поняла, что пришла взглянуть на Хайрога потому, что больше не хотела жить одна, потому что где-то в глубине ее таилась полусознанная прихоть помочь ему устроить ферму и разделить с ним жизнь так же, как делила постель, связать себя с ним по-настоящему. На мгновение она даже представила себя с ним где-нибудь на празднике в Дулорне, на встрече с его соплеменниками. Конечно, она понимала, что это глупо, но упорно верила в такую возможность до тех пор, пока он не сказал про свою подругу. Теперь девушка с трудом заставила себя держаться спокойно и приветливо.

Из дома вышел Хайрог, почти такой же высокий, как Висмаан, с такими же блестящими чешуйками и змеящимися волосами. Между ними было только одно различие, но существенное: тело второго Хайрога украшали свисающие цилиндрические груди, с десятков или больше, каждая с темно-зеленым соском.

Тесме вздрогнула. Висмаан говорил ей, что Хайроги млекопитающие, и сейчас это невозможно было опровергнуть, хотя, на ее взгляд, груди не столько подчеркивали отношение к млекопитающим, сколько заставляли казаться таинственными и непостижимым гибридом. С глубокой неловкостью Тесме смотрела то на одного, то на другого чужака.

— Это женщина, о которой я тебе рассказывал, — сказал Висмаан. — Она нашла меня, когда я сломал ногу. Тесме, это моя подруга Турном.

— Добро пожаловать, — торжественно объявила женщина-Хайрог.

Тесме пробормотала что-то о работе, которой им еще следует заняться на ферме. Сейчас она хотела лишь одного — бежать, но у нее не было такой возможности: она зашла навестить соседей по джунглям, и те хотели показать ей все подробно.

Висмаан пригласил ее зайти в дом. А что дальше? Чашка чаю, стакан вина, немного токки и дареный минтанс? Вряд ли внутри дома есть что-нибудь, кроме стола и немногочисленной посуды.

Войдя, Тесме поняла, что не ошиблась, только, вдобавок ко всему предвиденному, в дальнем углу на трехногом табурете стоял любопытный плетеный ящик с высокими стенками. Взглянув на него, Тесме тут же отвела взгляд, почему-то решив, что не стоит особо любопытствовать, но Висмаан взял ее под локоть и предложил:

— Подойди. Взгляни.

Она шагнула вперед.

Это был инкубатор. В гнездышках из мха лежало десять круглых кожистых яиц, ярко-зеленых, с большими овальными пятнами.

— Наш первенец появится меньше чем через месяц,— похвалился Висмаан.

У Тесме закружилась голова. Почему-то именно эта демонстрация подлинной чуждости иномирян ошеломила ее, как ничто другое: ни холодный взгляд немигающих глаз, ни змеящиеся волосы, ни прикосновение чешуи к ее обнаженным бедрам, ни внезапное, поражающее проникновение его члена в ее лоно. Яйца! Детеныши! В груди Турном уже копится молоко, чтобы кормить их. Тесме, как наяву, увидела десяток маленьких ящериц, вцепившихся в бесчисленные груди, и ужас захлестнул ее. Один миг она стояла неподвижно, почти не дыша, а затем выскочила из дома и бросилась вниз по холму через дренажные канавы и поле в джунгли.

Она не знала, сколько прошло времени, когда Висмаан появился у ее двери. Время тянулось расплывчатым потоком еды, сна и слез; возможно, прошел день, возможно, два или неделя, а затем появился он, заполнив головой и плечами вход в хижину, и позвал ее по имени.

— Чего ты хочешь?— спросила она, не двигаясь.

— Поговорить. Я хочу сказать тебе кое-что. Почему ты сбежала так внезапно?

— Разве дело в этом?

Он наклонился к ней, рука его легонько легла на ее плечо.— Тесме, я в долгу перед тобой.

— За что?

— Уходя отсюда, я не поблагодарил тебя за все, что ты для меня сделала. Мы с Турном долго обсуждали, из-за чего ты убежала, и она утверждает, что ты рассержена на меня. Но я не понимаю, почему. Мы с ней перебрали все возможные причины, и лишь в конце она спросила, поблагодарил ли я тебя за помощь. Но я не знал, что это нужно сделать. И я пошел к тебе. Прости мою грубость, Тесме, мое поведение.

— Хорошо, я тебя простила,— сказала она приглушенно.— Теперь ты уйдешь?

— Посмотри на меня, Тесме.

— Лучше не буду.

— Пожалуйста.— Он потянул ее за плечо.

Она угрюмо обернулась к нему.

— У тебя влажные глаза,— сказал он.

— Иногда они меня не слушаются.

— Ты все еще сердишься? Почему? Я прошу тебя понять, что я не невежлив. Хайроги не выражают благодарность так, как люди. Но позволь мне так сделать. Я верю, что ты спасла мне жизнь. Ты очень добра, я всегда буду помнить, что ты сделала для меня, пока я был беспомощен. Плохо, что я не сказал тебе этого раньше.

— И плохо, что я тебя выгнала,— пробормотала она.— Только не проси объяснить, почему я так сделала. Все очень запутано. Я прошу тебе то, что ты не поблагодарил меня, если ты простишь меня за то, что я тебя прогнала.

— Мне не за что прощать тебя. Моя нога зажала, ты подсказала, что мне пора идти, и я пошел своей дорогой. Я нашел землю для фермы.

— Это было совсем нетрудно, верно?

— Да, конечно.

Она поднялась на ноги и встала к нему лицом.

— Висмаан, почему ты занимался со мной сексом?

— Потому что ты, кажется, хотела этого.

— И только?

— Ты была несчастлива и не могла уснуть в одиночестве. Я надеялся, что это успокоит тебя, пытался по-дружески помочь.

— Ах, вот как...

— Я верил, что доставляю тебе удовольствие,— заметил он.

— Да. Это доставляло мне удовольствие. Но ведь ты не хотел меня?

Его язык замелькал так, что она решила, будто это соответствует человеческому удивлению.

— Нет,— ответил он.— Ты — человек. Как же я могу испытывать желание к человеку? Мы разные, Тесме. На Маджипуре нас зовут чужаками, но для меня чужак ты, разве не так?

— Я полагаю, так.

— Но я хотел помочь тебе. Я желал тебе счастья. В этом смысле я желал тебя. Понимаешь? И я навсегда останусь твоим другом. Надеюсь, ты наведишь нас и поделишь дары нашей фермы?

— Я... да, я приду...

— Хорошо. Тогда я пойду, но сначала...

Тяжеловесно, с достоинством он притянул ее к себе и обнял могучими руками. Вновь она ощутила необычайно гладкую жесткость его чешуйчатой кожи, вновь небольшой алый язык метался по ее векам, целуя. Он обнимал ее долго. Потом отпустил и сказал:

— Я не смогу забыть тебя, Тесме.

— Я тоже.

Она стояла в дверях, наблюдая, как он исчезает у пруда. Ощущение легкости, мира и тепла пронзило ее душу. Она сомневалась, что когда-нибудь решится навестить Висмаана и Турном, их выпившихся ящериц, но все было правильно. Висмаан понял. Тесме начала собирать свое имущество и укладывать в мешок. Стояла еще середина утра, и можно было спокойно идти в Нарабал.

Она добралась до города после полудня.

Прошел год с тех пор, как она покинула город, и много месяцев, как была здесь в последний раз. Ее удивили перемены, которые она нашла теперь: город заполнила гудящая суета, повсюду росли новые здания, в Проливе стояли корабли, улицы шумели. Город, казалось, был захвачен чужаками: множество Хайрогов, Хьортов, сотни гигантских четырехруких скандаров — целая круговерть странных существ, занятых своими делами. Тесме с трудом добралась до дома матери, где застала обеих сестер и брата Далкана. Они глазели на нее с изумлением, чуть ли не со страхом.

— Я вернулась,— сказала она.— Я знаю, что выгляжу, как дикий зверь, но нужно просто привести в порядок волосы и надеть новую тунику, чтобы снова стать человеком.

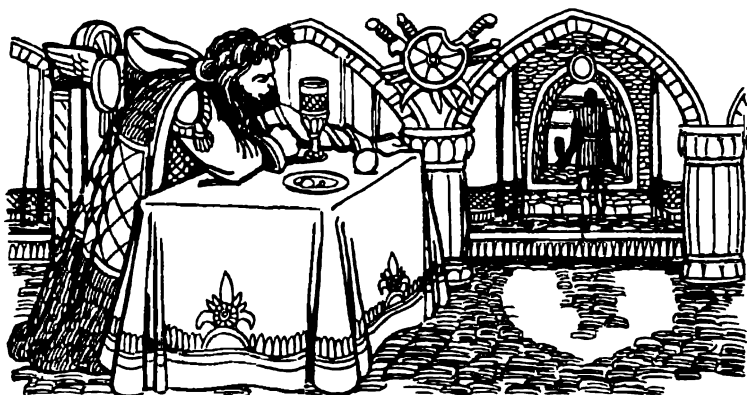
Она переехала жить к Раскелорну Юлвану, а в конце года они поженились. Иногда она хотела признаться ему в том, что произошло между нею и Хайрогом, но не решалась, и постепенно случившееся когда-то стало забываться, стало казаться ей не столь важным, как и то — откроется ли она или нет. Она открылась, наконец, десять или двадцать лет спустя, во время обеда в одном из новых ресторанов в квартале Хайрогов в Нарабале за жарким из билантона; она выпила слишком много золотистого вина, и слишком сильно навалились на нее старые воспоминания. В конце своей исповеди она спросила:

— Ты хоть что-нибудь подозревал?

И он ответил:

— Я понял это сразу, едва увидел тебя с ним на улице. Но какое это имеет значение?

ВРЕМЯ ОГНЯ

Несколько недель после поразительного опыта Хиссуне не осмеливался приблизиться к Счетчику Душ. Ему нужно было время, чтобы все переварить и впитать в себя. За какой-то час в маленькой комнатке он прожил несколько месяцев из жизни женщины, оставившей зарубку на его сердце. Станные новые образы возникли теперь в сознании.

Во-первых, джунгли. Хиссуне не знал ничего, кроме заботливо управляемого ровного климата подземного Лабиринта, поэтому его поразила сырость, густая листва, дожди, птичьи трели и гудение насекомых, ощущение влажной грязи под ногами.

Во-вторых, то, кем он был. Женщиной! Как это поразительно. И взять в любовники чужака! Хиссуне не находил слов, чтобы определить это, он просто воспринял все как должное, чтобы не терзать себя понапрасну и не запутаться. Но и кроме этого оставалось много причин для раздумий, например, ощущение Маджи-

пура как развивающегося мира с дикими, неисследованными областями, с грязными немощеными улицами в Нарабале. Хиссуне часами размышлял над этим, пока бездумно готовил свои ненужные сведения для архивов, и постепенно приходил к мысли, что навсегда изменился, благодаря Считчику Душ, и никогда не станет прежним, что каким-то непостижимым образом будет не только самим собой, но и женщиной Тесме, жившей и умершей девять тысяч лет назад на другом материке в жарком дождливом местечке, которое он никогда не увидит.

И, разумеется, он жаждал еще раз прикоснуться к Летописи. Когда он решился на вторую попытку, дежурил другой чиновник — хмурый миниатюрный вроон, косо поглядевший на подошедшего Хиссуне.

Юноша протянул ему пропуск и быстро очутился внутри. Там он задумался, что выбрать, и в конце концов решил остановиться на временах Лорда Стиамота, на последних днях покорения армией человеческих поселенцев метаморфов Маджипура.

Я стану солдатом армии Коронала, подумал он, а возможно, даже увижу Лорда Стиамота.

Сухие предгорья полыхали от Милиморна до Хэмфиси, и даже здесь, наверху, в пятидесяти милях восточнее, на Зугнорском Пике, капитан Эремайл чувствовал горячие порывы ветра и привкус горелого в воздухе.

Густой столб черного дыма поднимался над всей областью. За час или два летатели протянут огненную линию от Хэмфиси до небольшого поселения в начале долины, а завтра зажгут зону с юга до Силтанмонда, и тогда заполыхает вся провинция, и горе тому, изменяющему Форму, кто там замешается.

— Уже недолго, — произнес Вигган. — Война почти закончилась.

Эремайл оторвался от карт северной части континента и посмотрел на младшего офицера.

— Вы так думаете? — пробормотал он.

— Тридцать лет. Вполне достаточно.

— Не тридцать. Пять тысяч лет, шесть тысяч лет — с тех пор, как люди впервые пришли в этот мир. И почти все время шла война, Вигган.

— Но ведь какое-то время мы просто не сознавали, что ведем войну!

— Да, — согласился Эремайл, — мы не понимали. Зато понимаем теперь.

И он вновь обратился к картам, низко склонившись над ними, но все же краем глаза поглядывая на окружающее. Маслянистый воздух резал глаза и туманил взор, а карты были слишком мелко начерчены. Медленно провел он карандашом по контурным линиям предгорья под Хэмфиси, не задерживаясь на селениях.

Он надеялся, что каждая деревушка вдоль огненной дуги была отмечена на карте, и офицеры побывали во всех, доставив предупреждение о скором испепелении.

Ему и его команде было очень тяжело при мысли, что картографы могли пропустить какое-нибудь богом забытое местечко. Лорд Стиамот издал указ, что ни один человек не должен погибнуть в пламени колоссальной облавы: всех поселенцев следовало предупредить загодя и дать им время на эвакуацию.

Метаморфы получили такое же уведомление. Нужно не выжигать врага, неоднократно повторял Лорд Стиамот, цель одна: заставить метаморфов подчиняться, и огонь, кажется, является самым лучшим средством. На самих носителях огня может сказаться столь тяжкая обязанность, подумал Эремайл, но с этим затруднения не возникнет.

— Каттикаун, Визферн, Домгроув... Сколько же их! И отчего людям хочется жить тут, Вигган?

— Они уверяют, что земли здесь плодородные, а климат мягкий для такого северного района.

— Мягкий? Я полагаю, вы имеете в виду не полгода без дождя? — Эремайл закашлялся. Ему почудилось, будто он слышит треск далекого огня в рыжевато-коричневой, до колен траве. В этой части Алханроеля дожди шли всю долгую зиму и полностью прекращались летом; можно было подумать, что природа бросила вызов земледельцам, но, очевидно, те как-то справлялись, учитывая, сколько ферм тянулось здесь по склонам холмов и вниз в долинах до самого моря. Сейчас стояло самое

засушливое время года, и земля несколько месяцев изнемогала от летнего солнца — сухость, сухость и сухость, чернозем растрескался и покрылся бороздками, выросшие за зиму травы поникли и высохли, густолиственные кусты свернулись и ждали. Самое подходящее время, чтобы поджечь местность и сломить упорного врага у берега океана или сбросить его туда! И не потерять ни одной человеческой жизни, ни одной! Эремайл вновь принялся изучать список: Чикмоуг, Фиэйли, Мичимэнд... Потом поднял взгляд.

— Вигган, чем вы займетесь после войны?

— У нашей семьи земли в долине Глайда. Наверное, снова займусь фермерством, а вы?

— Мой дом в Сти: Я был инженером, строил каналы, водоводы и тому подобное. Могу опять этим заняться. А когда вы в последний раз видели Глайд?

— Четыре года назад, — ответил Вигган.

— Я пять лет не видел Сти. Вы ведь участвовали в битве под Тримэйном?

— Был даже легко ранен.

— И вам приходилось убивать метаморфов?

— Да.

— Мне — нет. — Эремайл покачал головой. — За все девять лет в армии я не отнял ни единой жизни. Конечно, я офицер, но, подозреваю, убийца из меня никакой.

— Да и из всех нас тоже, — заметил Вигган. — Но когда они приближаются к вам, меняя форму раз по пять в минуту, или когда вы узнаете, что совершили налет на земли вашего брата и перебили ваших близких...

— С вами это случилось, Вигган?

— Нет, не со мной. Но другие... Таких очень много. Зверства! Стоит ли объяснять, как...

— Да, не стоит. Как называется этот городок, Вигган?

Офицер наклонился к карте.

— Сингасерин. На надписи маленькое пятнышко, но название прочесть можно. Он есть у нас в списке, мы предупредили их позавчера.

— По-моему, мы сделали все.

— По-моему, тоже.

Эремайл свернул карты, отложил их в сторону и снова посмотрел на запад, где отчетливо прослеживалась разграничивающая линия между зоной огня и неподожженными темно-зелеными холмами южнее. Однако и там листва сморщилась, сделалась сальной за долгие месяцы без дождя, и склоны холмов буквально взрывались, словно разбомбленные, едва огонь достигал их. Эремайл видел все новые и новые взрывы пламени, похожие на краткие вспышки неожиданной яркости, словно удары света. Но это расстояние обманывало взор — Эремайл знал: каждый из крошечных костерков взрывал обширную новую территорию, поскольку огонь мчался, куда протягивали его летатели, пожирая леса за Хэмфиси.

— К вам посыльный, капитан,— сказал Вигган.

Эремайл обернулся. Рослый молодой человек в мокрой от пота форме спустился по склону и пристально смотрел на них.

— Ну?— спросил Эремайл.

— Меня послал капитан Вануйл. У нас затруднение — в долине неэвакуированный поселенец.

— Вот как?— Эремайл передернул плечами.— Какой поселок?

— Это между Каттикауном и Визферном, на хорошем тракте. Человека тоже зовут Каттикаун, Айбил Каттикаун. Он утверждает, будто получил землю в подарок от Понтифекса Дворна и его люди живут здесь тысячи лет. Он отказывается уходить.

Эремайл сказал со вздохом:

— Мне все равно, что он получил землю в подарок от Понтифекса Дворна, завтра мы зажжем округу, и он сгорит, если не уберется оттуда.

— Он это знает, капитан.

— Чего он хочет от нас? Разложить огонь так, чтобы тот не задел его ферму?— Эремайл нетерпеливо махнул рукой.— Эвакуируйте его, невзирая на то, хочет он того или нет.

— Мы пытались,— ответил посыльный,— но он вооружен и оказал сопротивление. Он заявил, что убьет всякого, кто попыбует согнать его.

— Убьет?— повторил Эремайл, словно не поняв значения слова.— Убьет? Только безумец станет угрожать убийством. Возьмите взвод солдат и переведите его в безопасную зону.

— Я ведь говорил, капитан, он оказывает сопротивление. Была перестрелка. Капитан Вануйл полагает, что его невозможно убрать оттуда живым. Капитан просит вас спуститься к нему и разобраться лично.

— Я...

Вигган тихо заметил:

— Все может оказаться проще простого: у крупных землевладельцев характеры тяжелые, и они требуют к себе повышенного внимания.

— Пусть Вануйл и займется им,— буркнул Эремайл.

— Он уже пытался вести переговоры с этим человеком, капитан,— объяснил посыльный,— и неудачно. Каттикаун требует невозможного — встречи с Лордом Стиамотом, но если бы вы ...

Эремайл задумался. Конечно, нелепо командующему всем районом брать на себя подобную задачу. Это дело Вануйла. Его обязанностью было очистить территорию от людей к завтрашнему утру, а обязанность Эремайла — оставаться здесь и осуществлять общее руководство акцией. С другой стороны, эвакуация людей в конечном счете была и обязанностью Эремайла, а Вануйл явно не справляется, и отправка отряда для насильственного сгона людей с земли скорее всего окончится смертью Каттикауна и гибелью кое-кого из солдат. Почему бы и не съездить? Эремайл медленно кивнул. Ничего важного на сегодня не оставалось, а Вигган и один управится со всем прочим. И если удастся спасти одну жизнь, жизнь одного старого упрямого дурака...

— Возьмите мою платформу,— предложил он Виггану,— а я воспользуюсь вашей.

— Но, капитан...

— Давайте, давайте, пока я не передумал. Поеду, взгляну, что там.

— Но Вануйл уже...

— Не стоит беспокоиться, Вигган. Я спущусь совсем ненадолго. Вы тут покомандуйте, пока я не вернусь, но, думаю, вряд ли у вас сегодня будет какая-нибудь работа. Справитесь?

— Да, капитан,— хмуро ответил младший офицер.

Ферма оказалась дальше, чем предполагал Эремайл. Пришлось почти два часа пробираться по еле

приметной тропке с базы на Зугнорском Пике, а затем пересечь неровный склон плато, ведущий к подножию холмов, окружавших прибрежную равнину.

Здесь, внизу, воздух стал горячее, хотя и не таким дымным, волны жара порождали миражи и заставляли пейзаж дрожать и плыть. Дорога оказалась вполне приличной, но приходилось часто останавливаться, пропуская мчавшихся в панике животных, часть из которых он не мог узнать, бешено вылетающих из огненной зоны впереди. Тени начали удлиняться, когда Эремайл добрался наконец к небольшому поселению в предгорье. Здесь присутствие огня чувствовалось почти осязаемо, как второе солнце в небе. Жаром обдавало щеки, на кожу и одежду оседали мелкие песчинки.

Места, которые он проверил по своему списку, стали теперь неуютно реальными — Вайели, Домгроув, Визферн. Последний они только что миновали; со скучившимися в центре лавками и административными зданиями, окруженными домиками, от которых наружу, по кольцу тянулись фермы; каждый городок располагался в небольшой долине, где имелась речушка, стекавшая по склону холма и терявшаяся где-то на равнине. Они были пусты сейчас, или почти пусты, остались лишь несколько замешкавшихся, остальные уже шли по тракту, ведущему к побережью.

Эремайл не сомневался, что, зайдя в любой дом, он найдет там книги, гравюры, картины, всяческие безделушки, даже домашних любимцев, возможно, забытых в спешке. А завтра все это обратится в пепел. Но местность вокруг кишела Изменяющими Форму. Столетиями поселенцы жили под угрозой неумолимого жестокого врага, проникавшего к ним из леса и скрывавшегося под личиной друга, возлюбленной, сына, и всегда с одним намерением — убить. Это была тайна, бесшумная война между лишенными земли аборигенами и теми, кто пришел после них, и война эта была неизбежна с тех самых пор, как первые поселки на Маджипуре переросли в города и расплозились, занимая плодородные площади, пожирая все больше и больше владений местных уроженцев. А теперь всепожирающий огонь подведет итог этой судорожной борьбы между людьми и Изменяющими Форму, и ничто не в силах

изменить этого, а Вайели, Домгроув и Визферн должны быть разрушены, чтобы прекратить мучительную борьбу. И все-таки нелегко покинуть родной дом, подумал Эремайл, нелегко даже просто разрушить чей-то дом, чем он занимался прошедшие дни, разве что делать это издали, на таком расстоянии, с которого сожжение чьих-то родных очагов выглядело просто стратегией.

За Визферном дорога шла вдоль предгорья, уходящего далеко на запад. Здесь было множество больших ручьев, скорее, даже маленьких рек, и землю густо покрывали леса без единой вырубki для посева. Однако и здесь поработала многомесячная засуха: кучи мертвых опавших листьев, сломанных ветвей и потемневших стволов готовы были мгновенно вспыхнуть.

— Вот это место, капитан,— сказал посыльный. Эремайл увидел перегороженное стеной ущелье, узкое в начале и гораздо более широкое внутри, с текущим посередине ручьем. В сгуставшихся сумерках поместье — огромный белый дом с крышей из зеленой черепицы — производило впечатление, за ним тянулось необъятное засеянное поле. У входа в ущелье стояла вооруженная охрана. Эремайл с беспокойством отметил, что это не просто фермерское ополчение, а настоящая стража человека, относящегося к себе минимум, как к герцогу.

Эремайл спешил, шагнул к холодно смотревшим на него охранникам, державшим излучатели наготове, и обратился к одному, выглядевшему более значительно:

— Капитан группы Эремайл хотел бы повидать Айбила Каттикауна.

— Каттикаун ожидает Лорда Стиамота,— последовал холодный ответ.

— Лорд Стиамот занят в другом месте. Здесь его заменяю я. Я команду этим округом.

— Нам приказано пропустить только Лорда Стиамота.

— Передайте своему хозяину,— сказал Эремайл устало,— что Коронал шлет свои извинения, просит изложить все обиды капитану Эремайлу.

Казалось, охранник остался равнодушным к услышанному, однако чуть погодя он повернулся и вошел в ущелье.

Эремайл следил, как он не спеша прошел вдоль ручья и исчез за густым кустарником, окружающим площадку перед домом.

Прошло порядочно времени; ветер переменялся, донося жар вспышек из зоны огня, дымный воздух резал глаза и горло. Эремайл чувствовал, как сажа оседает в легких. Но отсюда, из этого укрытого места, сам огонь не был виден.

Наконец так же неторопливо вернулся охранник.

— Каттикаун примет вас, — объявил он.

Эремайл кивнул водителю и своей охране, но человек Каттикауна покачал головой:

— Только вы, капитан.

Посыльный обеспокоенно взглянул на Эремайла, но тот махнул рукой, отсылая его.

— Ждите меня здесь, — распорядился он. — Не думаю, чтобы я задержался надолго.

Он последовал за охранником к дому.

От Айбила Каттикауна он ждал столь же прохладной встречи, как и от его охраны. Но Эремайл недооценил учтивость провинциального аристократа, которую следовало предусмотреть загодя.

Каттикаун приветствовал его теплой улыбкой и проницательным взглядом, а затем, подхватив под руку, проводил в свое жилище, обставленное изящно и красиво. Сводчатый потолок образовывали балки из выдержанного в маслах черного дерева, высоко на стенах были развешаны охотничьи трофеи, мебель была массивная и, очевидно, древняя. Все дышало архаичным духом, как и сам Айбил Каттикаун. Он был рослым — много выше хрупкого Эремайла — и широкоплечим. Массивное тело еще более увеличивал тяжелый плащ, выкроенный из шкуры ститмоя, лоб его был открытым и высоким, темные густые волосы свисали тяжелыми локонами, глаза были черными, губы — тонкими. Что ни говори, а внешность его производила впечатление.

Усадив Эремайла, он наполнил бокалы игристым янтарным вином и сказал, когда они пригубили:

— Итак, вы собираетесь сжечь всю мою землю? Эремайл вздохнул:

— Боюсь, нам придется сжечь всю провинцию целиком.

— Идиотская затея. Наверное, самая дурацкая за всю историю человеческих войн. Знаете, как

ценится продукция нашего округа? Знаете, сколько поколений тяжелого труда ушло на строительство наших ферм?

— Вся зона — от Милиморна до Синталмонда — последний оставшийся в Алханроеле очаг сопротивления метаморфов. Коронал хочет наконец покончить с войной, а это возможно, лишь выкурив Изменяющих Форму из потайных нор в здешних холмах.

— Есть иные средства.

— Мы испробовали все, — ответил Эремайл, — но это ни к чему не привело.

— Вот как? А вы пытались дюйм за дюймом пройти по лесам, выискивая их? Разве вы перебросили сюда всех солдат Маджипура, чтобы провести такую операцию? Конечно, это слишком хлопотно. Гораздо проще выслать летателей и все сжечь.

— Война перемолола уже несколько поколений.

— И Коронал горит желанием закончить ее, — кивнул Каттикаун, — за мой счет.

— Коронал отличный стратег, — не согласился Эремайл. — Он разбил опасного, почти непостижимо-го врага и обезопасил Маджипур для наших поселений — весь, кроме вашего округа.

— Мы и сами неплохо справлялись с окружающими нас метаморфами, капитан. Однако мы не устраивали резню. Я в состоянии справиться с ними. Не настолько они опасны, чтобы сильно угрожать нашему благоденствию, как это, кажется, делает ваше правительство. Ваш Коронал глупец, капитан.

Эремайл сдержанно заметил:

— Будущие поколения восславят его как героя из героев.

— Очень похоже, — согласился Каттикаун. — Люди подобного сорта обычно и превращаются в героев. Я заявляю, что нет необходимости разорять целую провинцию, чтобы окружить несколько тысяч оставшихся аборигенов. Уверяю вас, это близорукое и опрометчивое решение усталого военачальника, который торопится вернуться к наслаждениям Замковой Горы.

— Ничего не изменить. Решение принято, и от Милиморна до Хэмфиси все уже пылает.

— Я это заметил.

— Огонь подбирается к вашему поместью. Возможно, на рассвете здесь будет уже опасно. В течение дня летатели зажгут не только ваш район, но и потянут линию на юг до самого Ситалмонда.

— Представляю,— спокойно сказал Каттикаун.

— Эта местность превратится в ад. Мы просим вас уйти, пока еще есть время.

— Я уже выбрал, капитан. Я остаюсь.

Эремайл тихо вздохнул.

— Мы не сможем обеспечить вашу безопасность, если вы так поступите.

— Кроме меня самого, никто и никогда не отвечал за мою безопасность.

— Поймите, вы погибнете и погибнете ужасной смертью. У нас нет возможности проложить линию огня так, чтобы не затронуть ваше поместье.

— Я понимаю.

— Значит, вы хотите, чтобы мы вас убили?

— Ничего подобного я не хочу. Боюсь, нам не понять друг друга. Вы деретесь на своей войне, а я охраняю свой дом, и если огонь вашей войны вторгнется на мою землю — мне будет очень плохо, но это не будет убийством. У каждого свой путь, капитан.

— Вы странно рассуждаете. Вы погибнете в результате наших действий, и ваша смерть ляжет на нашу совесть.

— Я остаюсь здесь по собственному желанию, после того, как был вовремя предупрежден, — ответил Каттикаун, — так что смерть моя будет лишь на моей совести.

— А жизнь ваших людей? Они ведь тоже погибнут?

— Здесь только те, кто выбрал сам. Они остаются по доброй воле, их предупреждали. Трон ушли на побережье, остальные остались, чем не доставили мне никакой радости. Но здесь наш дом. Еще бокал, капитан?

Эремайл отказался, но потом вдруг передумал и протянул бокал. Наливая, Каттикаун заметил:

— Значит, поговорить с Лордом Стиамотом нет никакой возможности?

— Ни малейшей.

— Как я понимаю, Коронал находится в нашем районе?

— Да, но до его ставки полдня пути. И, насколько я знаю, он недостижим для такого рода прошений.

— Понимаю,— улыбнулся Каттикаун.— Как вашему, капитан, он не безумен?

— Коронал? Нет, конечно.

— Огонь — отчаянная, идиотская мера. Возмещение, которое ему придется выплачивать, составит миллионы роялов, это будет стоить больше, чем пятьдесят таких замков, который он возводит на вершине Горы. А зачем? Года два-три, и мы договоримся с Изменяющими Форму.

— А может, пять, десять или двадцать,— отозвался Эремайл.— Войну нужно заканчивать как можно скорее. Это страшное потрясение, это позор для нас всех, пятно, этот долгий кошмар...

— Значит, вы считаете войну ошибочной?

Эремайл быстро покачал головой:

— Основную ошибку сделали давным-давно, когда наши предки избрали для переселения мир, который уже был обитаем. Но сейчас у нас нет выбора: или мы одолеем метаморфов, или нам придется вообще уйти с Маджипура. Но разве мы в силах это сделать?

— Да,— кивнул Каттикаун,— как же, бросить дом, которым владеешь так давно!

Эремайл не обратил внимания на его иронию.

— И мы вырвем планету у несговорчивых метаморфов. Тысячи лет мы старались жить с ними в мире, пока не убедились, что такое сосуществование невозможно, и теперь нам силой придется утверждать свое будущее. Это никому не нравится, но ведь есть альтернатива и похуже.

— И что будет делать Лорд Стиамот с метаморфами, когда загонит их в лагеря для интернированных? Пустит на удобрения для сожженных полей?

— Они получают огромную резервацию на Цимроеле,— ответил Эремайл,— половину континента. По-моему, это совсем не жестоко. Алханроель останется нам, да еще океан между нами. Уже закладываются города под это решение, и лишь в вашем краю бушует война. Лорд Стиамот взвалил на себя всю ответственность за этот жестокий,

но необходимый акт, за что будущие поколения воздадут ему почести.

— Я могу воздать и сейчас,— буркнул Каттикаун.— О, мудрейший и справедливейший Коронал, в своей бесконечной мудрости уничтоживший землю, поскольку тебя тревожат таящиеся на ней аборигены! Для меня было бы гораздо лучше, капитан, имей ваш герой-правитель поменьше благородства духа. Или, возможно, наоборот — побольше. Он казался бы мне гораздо привлекательнее, выбрав более медленный способ покорения нашей провинции. Тридцать лет войны — что значит еще год-два?

— Но он уже выбрал, и пока мы болтаем, огонь приближается к этому месту.

— Пусть приходит. Я буду здесь и буду оборонять свой дом.

— Вы, очевидно, еще не видели зону огня,— заметил Эремайл.— Вы не продержитесь и десяти секунд, огонь поглотит вас.

— Вполне возможно.

— Я прошу вас...

— Вы просите? Значит, вы проситель? А если прошу я? Значит... Я прошу вас, капитан, пощадите мое имущество.

— Это невозможно. И я искренне прошу вас: уходите, сохраните свою жизнь и жизнь своих людей!

— И что мне тогда делать? Доползти до побережья и прозябать в каком-нибудь убогом уголке Алайсора или Вайлемона? Подавать на стол в гостинице или подметать улицы, а может, ухаживать за маунтами в конюшне? Мое место здесь. Лучше я завтра погибну тут за десять секунд, чем буду тысячи лет прозябать в трусливой ссылке.— Каттикаун подошел к окну.— Темнеет, капитан. Пообедаете со мной?

— К сожалению, я не могу оставаться. Поверьте, я искренне сожалею...

— Можно поговорить и о другом.

Эремайл протянул руку.

— У меня есть свои обязанности. Конечно, для меня было бы незабываемым удовольствием воспользоваться вашим гостеприимством, я бы очень хотел этого.

— Мне больно видеть, что вы уходите, не отобедав. Торопитесь к Лорду Стиамоту?

Эремайл не ответил.

— Я прошу вас получить для меня аудиенцию у него, — сказал Каттикаун.

— Сделать это невозможно, да и не приведет это ни к чему хорошему. Я прошу вас, покиньте поместье нынче ночью. Давайте пообедаем вместе, а затем вы оставите свои владения.

— Здесь мой дом, и я останусь здесь, — сказал Каттикаун. — Я желаю вам, капитан, всего доброго и долгой, счастливой жизни. Спасибо за этот разговор.

Он на мгновение прикрыл глаза и склонил голову в еле заметном поклоне.

Эремайл направился к дверям огромного зала. Каттикаун сказал:

— А ваш офицер думал, будто сумеет выдворить меня силой. У вас больше здравого смысла, и я вам благодарен. Прощайте, капитан Эремайл.

Эремайл поискал подходящие слова и, не найдя ни одного, взмахнул рукой, прощаясь.

Люди Каттикауна проводили его обратно к входу в ущелье, где дожидались водитель и посыльный, играя в кости на борту флотера. Они поспешно вскочили, увидев Эремайла, но он знаком остановил их. Он смотрел на восток, на колоссальный горный кряж, вздымавшийся в дальнем конце ущелья. Летней ночью в здешних широтах небо оставалось светлым, и тяжелая громада Зугнорского Пика тянулась через горизонт, подобно черной стене на бледно-сером небе. Южная его часть сдвигалась горой Хайемон, где устроил ставку Коронал.

Эремайл постоял немного, изучая оба могучих пика, столб огня и дыма, поднимавшийся с противоположной их стороны, и восходящие луны, затем покачал головой, повернулся и взглянул назад, на владения Айбила Каттикауна, на его поместье, исчезнувшее сейчас в сгустившихся тенях. Поднимаясь обратно в гору и пересекая цепи вооруженных людей своего отряда, Эремайл подумал, что он, проведший много времени с самим Короналом и хорошо знавший круг его советников, тем не менее, никогда не встречал такого, как Каттикаун, который был либо самым благородным, либо самым

заблуждающимся человеком в мире, а возможно, и тем, и другим.

— Едем,— бросил он внезапно водителю.— К Хайемону.

— К Хайемону, капитан?

— Да, к Короналу. Сможем добраться туда к полуночи?

— Не знаю.

— Постарайтесь.

Дорбга к южному пику напоминала подъем к Зугнору, только была еще круче и не так хорошо вымощена. В темноте ее повороты и виражи были опасны на той скорости, с какой гнала машину водитель, женщина из Стоена, хотя полыхающая сфера огненной зоны слегка освещала ущелье и уменьшала риск.

Эремайл не произнес ни слова за всю длинную поездку, говорить было не о чем и нечего. Разве могли водитель или парень-посыльный понять сущность Айбила Каттикауна? Эремайл и сам, впервые услышав, что один из местных фермеров отказывается покидать свои земли, неверно истолковал его намерения, представив себе некоего спятившего старца, упрямого фанатика, ослепленного реальностью опасности. Конечно, подумал он, Каттикаун упрям, и его можно назвать фанатиком, но и только; он не безумец, какой бы сумасшедшей ни казалась его философия для таких, как Эремайл, живущих по иным законам. Он удивлялся, для чего едет к Короналу: не пересказывать же слова — толку не будет, они что есть, что нет. Постепенно Эремайл начал дремать, но сознание его оставалось ясным. Платформа легко и быстро скользила над дорогой, поднимаясь из ущелья в зубчатую страну. К полуночи они еще не добрались до ставки, но Эремайл не сомневался, что Коронал бодрствует — последние дни он часто вовсе не ложился.

Где-то перед вершиной Горы Хайемон Эремайл вдруг заснул по-настоящему, и был удивлен и смущен, когда посыльный мягко потряс его за плечо и сказал:

— Ставка Лорда Стиамота, капитан.

Полусонный, ничего не соображающий, Эремайл обнаружил, что все еще сидит прямо, ноги его свело судорогой, спина одеревенела. Луны теперь

высоко поднялись в небо, черноту ночи рассеивало только пламя, полыхающее на востоке. Эремайл встряхнулся и вылез из флотера. Даже сейчас, в полночь, в лагере Коронала царило оживление: спешили куда-то посыльные, в многочисленных палатках горели огни. Откуда-то появился адъютант, узнал Эремайла и чрезвычайно официально отсалютовал ему.

— Ваш визит полная неожиданность для нас, капитан.

— Для меня тоже. Стиамот в лагере?

— Коронал совещается с штабом. Он ждет вас, капитан?

— Нет,— ответил Эремайл,— но мне нужно поговорить с ним.

Адъютант спокойно выслушал его слова. Коронал в полночь совещается с штабом, а командир небольшого отряда просит о встрече — ну и что? Война есть война, и протокол нарушается каждый день.

Эремайл последовал за адъютантом через лагерь к восьмиугольной палатке со знаком звездного огня, которую окружало кольцо охранников, таких же жестких и хладнокровных, как и те, что охраняли вход в ущелье Каттикауна. За последние восемнадцать месяцев на жизнь Коронала было совершено четыре покушения несговорчивыми метаморфами. Ни один Коронал за всю историю Маджипура не погиб насильственной смертью, но ни один и не вел такой войны.

Адъютант подошел к начальнику караула, а Эремайл вдруг обнаружил себя в центре группы вооруженных людей, светивших ему в глаза яркими факелами и больно вцепившихся в его руки.

— В чем дело?— спросил он.— Я капитан группы эвакуации Эремайл.

— Или Изменяющий Форму?— ответили ему.

— Вы считаете, что сумеете распознать это таким образом?

— Есть и такая возможность.

Эремайл засмеялся:

— Никто и никогда раньше не доказывал свою сущность. Ну хорошо, проверяйте меня, только поскорее: Я должен поговорить с Лордом Стиамотом.

И они действительно устроили проверку. Кто-то сунул ему полоску зеленой бумаги и велел коснуться ее языком. Он подчинился, и бумага сделалась оранжевой. Потом еще кто-то потребовал отрезать клочок его волос и поднес их к огню.

Эремайл удивленно следил за происходящим. Прошел месяц с тех пор, как он последний раз был в ставке, и ничем подобным тогда не занимались; очевидно, произошло еще одно покушение, решил он, или объявился очередной ученый шарлатан с новыми техническими приемами. Насколько Эремайл помнил, по-настоящему невозможно отличить человека от метаморфа, когда последний принимает человеческий облик, разве что вскрытием. Но на такое он бы не согласился.

— Все в порядке, — сказали ему наконец. — Можете пройти.

Однако одного его не пустили, и охранники вошли вместе с ним. Глаза полуослепшего Эремайла с трудом приспособлялись к полумраку палатки, но вскоре он уже различил с полдюжины фигур в противоположном от себя углу и среди них — Лорда Стиамота.

Кажется, они молились, до него доносились обрывки древнего святого писания. Неужели именно для этого встретился Коронал со своим штабом? Эремайл прошел вперед и остановился в нескольких шагах от группы молящихся. Он знал лишь одного из собравшихся — Дамланга из Бибируна, обычно считавшегося вторым или третьим лицом после самого Коронала; остальные даже не выглядели солдатами — старцы в гражданском платье с мягкими, городскими взглядами, может быть, поэты, толкователи снов, но явно не воины. Хотя... война почти кончилась.

Коронал взглянул на Эремайла, но, видимо, не узнал его.

Капитан вздрогнул под этим торопливым яростным взглядом. Коронал сильно постарел за последние три года войны, однако сейчас этот процесс, казалось, пошел быстрее. Он выглядел каким-то бесцветным, одряхлевшим и болезненным, кожа высохла, глаза потускнели. Ему можно было дать лет сто, а ведь они с Эремайлом были ровесниками, и капитан, мужчина средних лет, хорошо помнил тот

день, когда Лорд Стиамот взшел на трон и дал обещание покончить с безумием нескончаемой войны с метаморфами, подчинить трону древних уроженцев планеты и изгнать их с территории, где обосновались люди. Всего тридцать лет, а Коронал выглядел лет на пятьдесят старше, но ведь все свое царствование он провел в боях и походах, чего не делал до него ни один владыка Маджипура и, вероятно, ни один не сделает впредь. Он воевал в долине Глайда, на знойных землях юга, в непроходимых чащобах северо-востока, в плодородных саваннах Залива Стоен, год за годом окружая метаморфов своими двадцатью армиями и загоняя их в лагерь для интернированных. Теперь он почти завершил свой труд — свободными оставались лишь несколько отрядов Изменяющих Форму на северо-востоке. Постоянная борьба, долгая неистовая война наложила на него отпечаток, и едва ли теперь, вернувшись в ласковую весну Замковой Горы, он мог в полной мере насладиться привилегиями, даруемыми тронном. Время от времени Эремайл задумывался, как поступит Коронал, если во время войны умрет Понтифекс, и его призовут на вершину иного царствия, заставив занять место в Лабиринте, — откажется ли он и оставит себе венец Лорда, как остается в походах, или нет? Но Понтифекс, судя по сообщениям, находился в добром здравии, а перед Эремайлом стоял сейчас Лорд Стиамот, пусть постаревший и усталый. И Эремайл вдруг понял, что Айбилу Каттикауну не достает понимания, из-за чего Коронал стремится закончить войну, невзирая на цену.

— Кто?— спросил Коронал.— Финивэйн?

— Эремайл, господин, командующий зоной эвакуации.

— Эремайл?.. Да, я помню. Подойдите, капитан. Мы возносим благодарность Дивин за окончание войны. Эти люди прибыли к нам от хранящей наши сны моей матери, Леди Острова Снов, и мы хотим провести ночь, восхваляя Дивин. К утру огненный круг будет замкнут. Подойдите, Эремайл, присоединяйтесь к нам. Вы ведь знаете песнопения Леди Острова, не так ли?

Эремайл ошеломленно слушал дребезжащий голос Коронала. Эта увядшая ниточка сухого голоса —

все, что осталось от его величественного тона; герой-полубог иссох и угас в долгих походах; ничего не осталось от него, он стал тенью самого себя. Вглядываясь в него сейчас, Эремайл поражался и никак не мог вспомнить, был ли Лорд Стиамот в его памяти могущественной фигурой или это только миф...

Коронал кивнул, и Эремайл подошел ближе. По дороге сюда он думал, что, оказавшись в палатке, скажет:

«Господин, на линии огня стоят владения человека, который не двинется с места и не позволит увести себя силой. Он может уйти только мертвый, а он слишком хороший человек, чтобы погибнуть так. Я прошу вас, господин, остановите летателей. Может, можно выработать какую-нибудь иную стратегию, чтобы разгромить метаморфов, когда они начнут спасаться бегством из зоны огня, но нет нужды простираť разрушение дальше той точки, до которой мы уже добрались, потому что...»

Но теперь он видел, что невозможно просить Коронала отложить окончание войны хоть на один час. Ни ради Каттикауна, ни ради Эремайла, ни ради священной Леди Острова не может он остановить летателей в эти последние часы — возможность окончания войны попирала все остальное. Эремайл мог своей властью попытаться задержать летателей, но ни просить Коронала, ни требовать он не мог.

Лорд Стиамот наклонился к нему:

— Что с вами, капитан? Что вас беспокоит? Подойдите. Станьте-ка рядом. Помолитесь с нами, капитан, присоедините свой голос к благодарности Дивин.

Начался новый гимн. Такой мелодии Эремайл не знал и подпевал, импровизируя. Затем последовал второй гимн, третий — этот Эремайлу был знаком, и он запел, но без души и немелодично. До рассвета оставалось совсем немного. Он быстро отодвинулся в темный угол и выскочил из палатки. Да, солнце вставало — первые зеленые проблиски играли на склоне Хайемон; пройдет еще час или немного больше, пока лучи поднимутся по горной стене и осветят обреченное ущелье на юго-востоке. Эремайл почувствовал, что валится с ног,

он уже неделю мечтал выспаться. Он высмотрел адъютанта и сказал ему:

— Отправьте мое сообщение офицеру на Зугнорском Пике?

— Конечно, капитан.

— Передайте ему, пусть летатели действуют по плану. Я останусь здесь на день и вернусь вечером, когда немного отдохну.

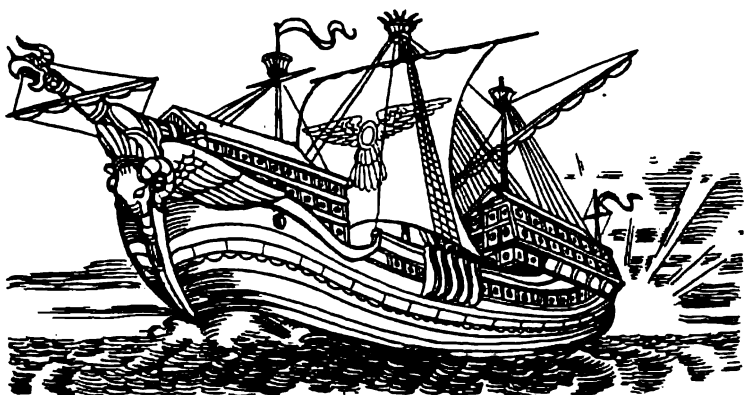
— Хорошо, капитан.

Эремайл отвернулся и посмотрел на запад, все еще укутанный ночным мраком, исключая те места, куда падал отсвет ужасной огненной сферы. Вероятно, Айбил Каттикаун всю ночь был занят тем, что поливал из шлангов и насосов свой дом и земли. Разумеется, это ничего не изменит: огонь такой величины пожрет все на своем пути и ничего не оставит. Айбил Каттикаун сгорит в своем доме, и нет никакой возможности помочь ему. Эремайл мог бы спасти его, рискнув отдать приказ действовать силой, рискнув жизнями неповинных солдат, но скорее всего и тогда не сумел бы. Спасти Каттикауна он мог бы лишь в одном случае: решившись, хоть ненадолго, игнорировать приказ Лорда Стиамота. Но он не посмел, и теперь Каттикаун погиб. После девяти лет, проведенных в походах, подумал Эремайл, я все-таки убил, убил одного из своих...

Он продолжал стоять. Усталость давила на плечи, но еще час или чуть больше он не мог уйти и стоял до тех пор, пока не увидел первые сполохи пламени в предгорье подле Визферна или, может быть, Домгроува и понял, что летатели отправились в утренний полет, начав прокладывать огненную линию.

Война скоро кончится, сказал он про себя. Последние из наших врагов бегут сейчас к побережью, где будут интернированы и отправлены за море. В мире вновь воцарится спокойствие.

Капитан почувствовал жар летнего солнца на спине и жар, вдруг прильнувший к щекам. В мире вновь воцарится спокойствие, подумал он еще раз и пошел искать место, где можно было бы спокойно поспать.

ПЯТЫЙ ГОД ПУТЕШЕСТВИЯ

Вторая запись сильно отличалась от первой, как и ее восприятие. Хиссуне теперь меньше расстраивался и меньше удивлялся; это был печальный и живой рассказ, но он не так глубоко тронул душу, как объятия женщины и Хайрога. Тем не менее, Хиссуне почерпнул множество из известных ему ранее подробностей: об ответственности, о конфликтах, что возникали между разными людьми, никто из которых не признавал правоту другого. А еще он открыл для себя кое-что из создания мифов. Во всей истории Маджипура не было более богоподобной фигуры, чем Лорд Стиамот, воин-Коронал, сломивший зловещих метаморфов; восемь тысяч лет поклонения превратили его во внушающее благоговение существо колоссального величия и силы. И хотя миф о Лорде Стиамоте продолжал жить в сознании Хиссуне, теперь он смотрел на него глазами Эремайла — усталый, бледный, морщинистый, преждевременно постаревший, сжегший в сражениях ду-

шу. Герой? Конечно, для всех, кроме метаморфов. Полубог? Нет, просто человек, обычный человек со всеми человеческими слабостями и недостатками. И это очень важно, об этом никогда не следует забывать, твердил себе Хиссуне, начиная сознавать, что именно минуты, проведенные в Счетчике Душ, дарят ему подлинное знание жизни.

Прошло довольно много времени, прежде чем он почувствовал себя готовым вернуться к летописи, тем более, что пыль налоговых архивов глубоко засосала его, и он страстно желал новых приключений.

На сей раз он хотел уточнить другую легенду: когда-то давно снаряженное судно вышло под парусами в кругосветное путешествие через Великое Море. Безумие, конечно, если безумие можно замыслить и спланировать, и Хиссуне очень хотел узнать, что происходило с экипажем. Недолгие поиски открыли ему имя капитана — Синнабор Лавон, уроженец Замковой Горы. Хиссуне легонько коснулся пальцами пульта, набирая дату, место, имя, и устроился поудобнее, готовый выйти в море.

На пятый год плавания Синнабор Лавон заметил первые пряди морских водорослей, свивавшихся кольцами и кружившихся вдоль корпуса судна.

Конечно, он понятия не имел, что это такое — никто из людей Маджипура никогда прежде не видел морской травы: на такие расстояния Великое Море еще не исследовалось. Но каждое утро Синнабор Лавон аккуратно отмечал дату и координаты корабля, так что команда не теряла физического ощущения своего положения в этом бескрайнем и однообразном океане даже на пятый год путешествия. Синнабор Лавон знал, что сегодня двадцатый год Понтифекса Дизимэйла в царствование Коронала Лорда Ариока и пятый год с тех пор, как «Спьюрифон» вышел из гавани Тил-Омона в кругосветное путешествие.

Сначала он принял морскую траву за массу морских змей, поскольку она, казалось, двигалась по своей воле, изгибаясь, скручиваясь, сжимаясь, распускаясь. Она мерцала на спокойной темной воде богатыми сияющими цветами, каждая прядь пере-

дивалась вспышками зелени, индиго и киновари. Небольшие островки ее плыли по левому борту, зато справа покрывали море довольно широкой полосой.

Лавон взглянул поверх поручней на нижнюю палубу и увидел троицу лохматых четырехруких фигур. Скандары чинили сеть или делали вид, что чинят. Они встретили его пристальный взгляд раздраженно и угрюмо. Как и вся команда, они устали от долгого плавания.

— Эй, там!— крикнул Лавон.— Забросьте-ка ковш. Поймаем несколько этих змей!

— Змей, капитан? О каких змеях вы говорите?

— Вон там, неужели не видите?

Скандары долго всматривались в воду, потом один из них снисходительно ответил:

— Вы имеете в виду эту траву?

Лавон взглянул получше. Трава? Судно уже миновало первые островки, но впереди было еще много обширных скоплений, и он долго пытался проследить одну прядь в спутанной массе. Да, э т о двигалось так, как обычно свиваются змеи, но Лавон не видел ни голов, ни глаз. Хорошо, пусть будет трава.

Он сделал нетерпеливый жест, и скандары неторопливо принялись вытягивать черпак, которым собирали биологические образцы.

К тому времени, как Лавон спустился на нижнюю палубу, небольшой кусок травы подняли из моря, и человек шесть команды столпились вокруг: первый помощник Вормеэхт, первый штурман Калимойн, Джоахил Нур с парочкой своих ученых, Майкдал Хац, летописец. В воздухе резко пахло аммиаком. Трое скандаров стояли, отвернувшись, демонстративно зажав носы и что-то ворча. Зато люди кивали, хохотали, тыкали руками в траву и выглядели более оживленными, нежели за все последние недели.

Лавон опустился на колени рядом с образцом. Несомненно, это была какая-то разновидность морских водорослей. Каждая мясистая прядь была длинной в рост человека, шириной с предплечье и толщиной с палец. Они судорожно скручивались и дергались, будто натянутые струны, но с каждой минутой их движения замедлялись, они высыхали на солнце, и яркие цвета быстро блекли.

— Забросьте-ка черпак еще раз,— бросила Джоахил Нур скандарам,— только выгружайте в бадью с водой, чтобы трава не завяла.

Скандары не шелохнулись.

— Вонь, такая мерзкая вонь,— буркнул один.

Джоахил Нур шагнула к ним, невысокая неутраченная женщина выглядела ребенком рядом с гигантскими существами. Она резко взмахнула рукой, и скандары, пожав плечами, вновь принялись за работу.

— Что вы будете с ней делать?— осведомился у нее Синнабор Лавон.

— Разбираться. Это какой-то неизвестный вид морской водоросли, хотя тут, так далеко в море, все неизвестно. Интересно меняется цвет. Я не знаю, то ли потому, что изменяется количество пигмента, то ли это просто оптический обман, вроде игры света на пласте эпидермы.

— А движения? У морских водорослей нет мускулов.

— Двигаться способны многие растения. Слабые электроимпульсы вызывают поток жидкостей внутренней структуры — помните, так называемые «чувственники» на северо-востоке Цимрозля? Прикрикните на них, и они кланяются. Морская вода великолепный проводник; эти же водоросли, должно быть, вбирают в себя все сорта электрических импульсов. Мы их внимательно изучим.— Джоахил Нур улыбнулась.— Для нас они просто дар небес. Еще неделя пустого моря, и я бы бросилась за борт.

Лавон кивнул. Он чувствовал то же самое, ту же страшную убийственную скуку, душившую ощущением, будто он приговорил себя к бесконечному плаванью в никуда. Даже его, отдавшего семь лет жизни на организацию этого путешествия, на пятый год парализовало оцепенением и апатией.

— Сегодня вечером,— попросил он,— расскажите нам о находке. Ну, там, единственная в своем роде разновидность морской травы и так далее...

Джоахил Нур махнула рукой, и скандары, подняв бадью с водорослями на свои плечи, понесли ее в лабораторию.

— Завидую,— вздохнул Вормеехт.— Будут изучать.— И вдруг вскрикнул:— Смотрите! Море впереди целиком заросло ими!

— Не слишком ли густо заросло?— пробормотал Майкдал.

Синнабор Лавон повернулся к летописцу, невысокому человеку с сухим голосом и бледными глазами, у которого одно плечо было выше другого.

— Что вы имеете в виду?

— Боюсь, как бы не опутало винты, капитан, если водоросли станут гуще. Я читал рассказы Старой Земли об океанах, где росли непроходимые водоросли, и корабли безнадежно застревали в них. Экипажи жили крабами и рыбой и в конечном итоге погибали от жажды, а суда сотни лет дрейфовали со скелетами на борту.

Калимойн фыркнул:

— Сказки!

— Но если такое случится с нами? — поинтересовался Майкдал Хац.

— Это возможно?— ни к кому конкретно не обращаясь, осведомился Вормеехт.

До Лавона дошло, что все глядят на него. Он внимательно всмотрелся в море. Да, водоросли явно стали гуще. Они скапливались перед кораблем, а их судорожные подергивания заставляли пульсировать и распухать гладкую морскую поверхность. Однако между островками оставались широкие проходы. Возможно ли, что водоросли остановят такой мощный корабль, как «Спьюрифон»? На палубе воцарилась тишина. Казалось смешным опасаться морской травы, но офицеры ждали решения капитана с таким видом, будто от этого зависела их жизнь.

Настоящую угрозу, подумал Лавон, таят не водоросли, а скука. Последние месяцы путешествие было настолько небогато событиями, а дни настолько пусты, что всех заполнило отчаяние; распухающее бронзово-зеленое солнце тропиков, поднимающееся со стороны Цимроэля, сменяло сиявшие в безоблачном небе луны, а после полудня огненный шар начинал постепенно опускаться к непостижимо далекому горизонту, и так день за днем. Несколько месяцев не было ни дождей, ни других изменений в погоде. Великое Море заполонило собой всю Все-

ленную. Они не встречали ни земли, ни островков, ни птиц, ни морских животных. При таком положении дел наличие морской травы стало очаровательной новизной. Дикое нетерпение сжигало души путешественников, этих преданных науке исследователей, в свое время разделивших точку зрения Лавона на этические вопросы, и сейчас мучительно переносящих скуку; осознавших теперь, чему посвятили свои жизни в минуту романтической глупости. Когда впервые в истории они отправились пересечь Великое Море, занимающее больше половины огромной планеты, никто не ожидал, что все сложится именно так. Они предвкушали ежедневные приключения, неведомых чудовищ, созданных фантазией природы, неизвестные острова, героическую борьбу со штормами, когда небеса раскалываются от молний и окрашивают облака необычными цветами. Но никто не ждал однообразной и бесконечной вереницы пустых дней. Лавон уже начал прикидывать опасность мятежа, поскольку могло миновать и десять, и одиннадцать лет, прежде чем они пристанут к берегу далекого Алханроеля. Человек десять команды уже мечтало повернуть корабль назад, к Цимроелю, и бывали минуты, когда он думал об этом сам. Поэтому нужна опасность, подумал Лавон. Можно даже самим придумать ее, а потом смело пойти ей навстречу. Возможность риска пробудит всех от летаргии.

— Мы сумеем справиться с травой,— возвестил он.— Идем вперед.

Но не прошло и часа, как ему пришлось усомниться в своих словах. Стоя на капитанском мостике, он устало вглядывался во все более густеющие водоросли. Теперь они собирались в островки от пятидесяти до ста ярдов в поперечнике, и проходы между ними сужались. Вся поверхность моря находилась в движении, дрожащая и трепещущая. Под обжигающими лучами висящего над головой солнца водоросли становились все сочнее и переливались радужными тонами, будто впитывали солнечную энергию. Лавон углядел существа,двигающиеся между плотно спрессованными прядями. Одни довольно большие, похожие на крабов, многоногие и округлые, с шишковатыми зелеными панцирями и другие, извивающиеся, змеевидные, чем-то похо-

жие на сигидов, и те и другие пожирали каких-то мелких тварей, слишком маленьких, чтобы можно было различить их невооруженным глазом.

Вормеехт нервно сказал:

— Может, изменим курс?

— Пожалуй, — согласился Лавон. — Впередсмотрящий скажет скоро, насколько далеко тянется эта дрянь.

Его совсем не привлекало изменять курс даже на несколько градусов, он боялся, что малейшее отклонение сведет на нет всю его решимость, но все-таки он не был маньяком, идущим вперед, невзирая на риск. С другой стороны, ему хотелось подбодрить команду «Спьюрифона», всех тех, кто посвятил себя такому колоссальному замыслу.

Это был золотой век Маджипура, время героев и великих свершений. Исследования шли повсюду: в пустынном бесплодии Сувраеля, в чашах и болотах Цимроеля, в девственных землях Алханроеля, в Родамаунтском Архипелаге и островных группах, окружающих три материка. Население быстро росло, поселки превращались в города, становились неправдоподобно огромными мегаполисами, в поисках счастья с соседних миров потоком прибывали нечеловеческие переселенцы, все было оживленным, переменчивым, растущим.

А Синнабор Лавон решил на самое безумное предприятие из всех — пересечь Великое Море на корабле. Никто никогда не отваживался на это. Если смотреть из космоса, половину огромной планеты занимала вода; континенты, несмотря на всю свою величину, были сведены вместе в одном полушарии, а все остальное пространство Маджипура занимала пустота океана. И хотя прошло несколько тысяч лет с того дня, когда началась колонизация планеты человеком, на земле оставалось работы с избытком, и Великое Море было предоставлено самому себе да армадам морских драконов, неторопливо пересекающим его с запада на восток в своих десятилетних миграциях.

Но Лавон был влюблен в Маджипур, рвался объять все.

Из Амблеморна, от подножия Замковой Горы, он добрался до Тил-Омона, города на противоположном берегу Великого Моря, а затем, испытывая

необоримое желание замкнуть круг, вложил все свои средства и энергию в снаряжение этой экспедиции, судна, напоминающего скорее остров, и в подбор экипажа, включавшего таких же сумасшедших, как и он сам, решившихся на протяжении десятилетия исследовать неизвестный океан. Теперь и Лавон, и все остальные сознавали, что взялись за непосильную задачу. Но если им удастся задуманное и они приведут «Спьюрифон» к восточному побережью Алханроеля, куда еще не приставал ни один трансокеанский корабль, имена их восславят при жизни.

— Эй!— взревел вдруг впередсмотрящий.— Драконы!

— Драконы!— в один голос подхватили десяток матросов.

В начале путешествия «Спьюрифон» встретил два стада морских драконов — одно через шесть месяцев после выхода в океан, среди островов, которые они называли Архипелагом Стиамота, а второе два года спустя в той части Великого моря, которую они титуловали Впадиной Ариока. Оба стада были большими, сотни огромных созданий, с многочисленными беременными самками, и проходили они далеко от судна. Сейчас, судя по внешним границам стада, их было не больше пятнадцати-двадцати; несколько гигантских пар, остальные — щенки, едва достигающие в длину сорока футов. На водоросли теперь никто не смотрел, внимание всех привлекли приближающиеся драконы. Вся команда высыпала на палубу, чуть не танцуя от возбуждения.

Лавон с силой сжал поручень. Он искал риска ради развлеченья экипажа — здесь был риск: в ярости морские драконы несколькими могучими ударами могут искалечить судно, даже защищенное столь хорошо, как «Спьюрифон». Правда, они редко бросались на корабли, если те не нападали на них первыми, но случалось и такое. Что если эти твари примут «Спьюрифон» за корабль охотников на драконов? Каждый год новое стадо проходило между Пилиплоком и Островом Сна, где разрешалась добыча, и флотилии охотников сильно прореживали тогда их поголовье. Лавон подумал, что самые большие в приближающемся стаде, должно быть, уцелели в той войне, и кто знает, какие чувства

вызывают у них корабли. Гарпунщики «Спьюрифона» уже приготовились, ожидая сигнала Лавона.

Но нападения не произошло. Драконы, казалось, смотрели на судно как на что-то любопытное, и только. Они пришли сюда кормиться. Достигнув первых пучков водорослей, они распахнули необъятные пасти и принялись глотать траву, всасывая вместе с ней и змеевидных, и крабоподобных, и прочих тварей. Несколько часов драконы шумно паслись среди поля водорослей, а затем, словно по сигналу, скользнули под воду и исчезли.

«Спьюрифон» опять окружал только круг свободного моря.

— Они съели не меньше нескольких тонн,— пробормотал Лавон.— Тонн!

— Зато теперь наш путь очищен,— заметил Калимойн, но Вормеехт покачал головой:

— Нет, капитан. Дальше снова водоросли. При чем все гуще и гуще.

Лавон напряг зрение. Куда бы он ни взглянул, повсюду до самого горизонта тянулась тонкая темная полоса.

— А если это земля?— предположил Калимойн.— Острова или атоллы?..

— Со всех-то сторон?— насмешливо откликнулся Вормеехт.— Нет, Калимойн, мы на всех парусах вляпались в центр этого драконьего пастбища, и не стоит надеяться, что драконы проели для нас проходы. Мы в ловушке!

— Всего-навсего водоросли,— буркнул Калимойн.— Если понадобится, мы прорежем себе путь.

Лавон встревоженно оглядел горизонт. Он начал разделять беспокойство Вормеехта. Несколько часов назад водоросли тянулись отдельными прядями, потом рассеянными островками, но сейчас, хоть судно и находилось на чистой воде, казалось, будто сплошное кольцо водорослей надвинулось, огородив корабль по длине корпуса. Способна ли морская трава задержать судно? Этого никто не знал.

Сгустились сумерки. Жаркий тяжелый воздух порозовел, затем быстро стал серым. С востока на путешественников стремительным потоком нахлынула темнота.

— Поутру вышли лодки посмотреть, что к чему,— объявил Лавон.

Вечером после обеда Джоахил Нур прочитала лекцию о водорослях и долго рассказывала о комплексной системе цветовой гаммы. Все на борту, даже впавшие в отчаяние в туманной безнадежности уныния, столпились вокруг, разглядывая образцы в лоханке, щупая их, размышляя, высказываясь. Лавон радовался при виде оживления команды после стольких недель угнетенного состояния.

Ночью ему снилось, будто он танцует на воде, исполняя сольную партию в каком-то одухотворенном быстром балете; водоросли под ногами были прочными и упругими.

За час до рассвета его поднял настоящий стук в дверь каюты. Это был Скин, скандар, несший третью вахту.

— Идемте скорее, капитан... водоросли...

Размер бедствия был очевиден даже в тусклом жемчужном мерцании зарождающегося утра: «Спьюрифон» шел всю ночь, но, как стало ясно, морская трава двигалась тоже, и теперь корабль находился в центре тесно сплетенного поля водорослей, протянувшегося, казалось, до края Вселенной. Теперь, когда первые зеленоватые прожилки солнечного света окрасили небо, окружающее походило на какой-то сон: единый, нигде не разорванный ковер триллионов и триллионов спутанных прядей, чья поверхность колыбалась, подрагивала, трепетала и меняла цвета в нескончаемом танце глубоких четких тонов. Там и тут по этой безгранично запутанной паутине сновали небольшие твари — нападающие и убегающие. От густой спутанной массы поднимался резкий запах, продиравший до костей. Чистой воды не было видно. «Спьюрифон» оказался так же беспомощен, как если бы прошел за ночь тысячи миль по земле и очутился в сердце пустынь Сувраеля.

Лавон оглянулся на Вормеехта — первый помощник, такой раздраженный и язвительный вчера, сейчас был холоден и спокоен — и на штурмана Калимойна, чью бурную смелость сменили жесткий взгляд и плотно сжатые губы.

— Я отключил машины,— сказал Вормеехт.— Мы намотали на вал водоросли. Роторы забились почти сразу.

— Очистить можно?— спросил Лавон.

— Мы их чистили и чистим,— ответил Вормеехт,— но только включаем — все забивает снова.

Помрачневший Лавон перевел взгляд на Калимойна.

— Сумели установить, какова площадь этой массы?

— К сожалению, мы не можем определить, где она кончается, капитан. Просто не видно.

— А глубину? Зондировали?

— Это как газон. Лот не опускается.

Лавон медленно перевел дыхание.

— Спускайте шлюпки, необходимо осмотреться. Вормеехт, пошлите двоих ныряльщиков определить толщину слоя и установить, где можно поставить защитные экраны. Да попросите Джоахил Нур подняться сюда.

Маленький биолог появилась быстро. Выглядела она усталой, но нарочито бодрой. Опережая Лавона, она сказала:

— Я не спала всю ночь, изучала нашу находку. Водоросли затвердевают до крепости металла, тем более, что в них высокая концентрация рения и ванадия.

— Вы обратили внимание, что мы стоим?— перебил ее Лавон.

Она осталась равнодушной.

— Вижу.

— Мы попали в древнее предание, где покидают корабли, захваченные водорослями. Но покинуть судно мы не в силах, зато проторчать тут можем неизвестно сколько.

— Что даст мне возможность изучать сию уникальную экологическую зону.

— Возможно, всю оставшуюся жизнь.

— Вы так думаете?— спросила Джоахил Нур, испугавшись наконец.

— Не знаю. Но я хочу, чтобы вы изменили цель своих исследований на время. Поищите средство, которое, помимо открытого воздуха, уничтожает водоросли. Кажется, придется начинать биологическую войну, чтобы вырваться отсюда. Нужен ка-

кой-нибудь химический реагент, что-нибудь, что может очистить роторы.

— Поймайте парочку морских драконов,— мгновенно откликнулась Джоахил Нур,— привяжите у носа корабля, и пусть жрут, сколько влезет.

Лавон не улыбнулся.

— Обдумайте все,— сказал он,— и доложите.

Он смотрел, как спускали две шлюпки с четырьмя гребцами в каждой. Лавон надеялся, что подвесные моторы не намотают на винты водоросли, но напрасно: почти сразу моторы взревели, задыхаясь, и людям пришлось взяться за весла. Шлюпки начали медленно удаляться, пробиваясь сквозь толщу морской травы, время от времени останавливаясь, чтобы расчистить путь. За пятнадцать минут шлюпки удалились не больше чем на сотню ярдов от корабля.

Тем временем двое ныряльщиков — человек и хьорт, облаченные в маски для дыхания, прорубили отверстие в водорослях у борта судна и исчезли в густой глубине.

Когда спустя полчаса они не появились на поверхности, Лавон обратился к первому помощнику:

— Вормеехт, сколько можно продержаться под водой в таких масках?

— Не больше получаса, капитан. Хьорт, возможно, продержится дольше, но не намного.

— Пожалуй...

— Посылать пловцов тоже не следует.

— Разумеется, — хмуро буркнул Лавон. — Как по-вашему, «Ныряльщик» сможет к ним пробиться?

— Не знаю, но мы должны попытаться. Вызывайте добровольцев.

«Спьюрифон» нес на борту маленькое подводное суденышко, которым пользовались для научных исследований. Его не трогали уже несколько месяцев, но для подготовки к погружению потребовался всего час. Вормеехт выбрал троих добровольцев, и душу Лавона словно стальной цепью сжало предчувствие, что он посылает их на смерть. Он никогда не видел, как умирают люди, кроме смерти нескольких глубоких старцев, и неожиданная, случайная гибель кого бы то ни было была для него вещью тяжелой и непостижимой.

Когда трое добровольцев задраили люк, «Ныряльщика» лебедкой опустили за борт. Какое-то мгновение он оставался на поверхности, затем работающие на лебедке матросы отключили удерживающие корпус захваты, и подобно некоему толстому сверкающему крабу «Ныряльщик» начал погружаться. Происходило это медленно: водоросли плотно стискивали лодку, они оказались такими же прочными на разрыв, как захваты лебедки.

Калимойн выкрикнул что-то из-за рогового пузыря с нижней палубы. Лавон отвел взгляд от поверхности и увидел, как отправленные им шлюпки с трудом пробираются сквозь гущу морской травы. Стояло уже позднее утро, и в ослепительном солнечном свете трудно было понять, куда они направляются. Но, похоже, они возвращались.

Молча Лавон в одиночестве ждал на мостике. Никто не смел подойти к нему. Он уставился вниз на плавучий ковер водорослей, кишаший странными и жутковатыми формами жизни, и думал о двух ныряльщиках, экипаже подводного суденышка и остальных, находившихся пока в безопасности на борту «Спьюрифона». Все они оказались в одинаково бедственном и комичном положении; как легко этого можно было бы избежать, подумал он, и как легко об этом сейчас думать. И как бесплодно!

Почти весь день он неподвижно проторчал на мостике в молчании, тумане, жаре и зловонии. Затем прошел в каюту.

Позже к нему заглянул Вормеехт с новостями, что экипаж лодки обнаружил ныряльщиков, висящих около замерших винтов. Они были завернуты в плотные кольца морской травы, словно водоросли заботливо окутывали их. Лавон отнесся к такому предположению скептически; они наверняка сами запутались в водорослях, подумал он с болью. Сам «Ныряльщик» имел ограниченный запас времени для погружения, и машины чуть не расплавились от усилий, опуская лодку на пятидесятифутовую глубину. Трава, по словам Вормеехта, образовывала фактически сплошной слой на десять футов вглубь от поверхности.

— Что со шлюпками? — спросил Лавон, и первый помощник ответил, что они вернулись в целости и сохранности, только люди вымотались от изнури-

тельной гребли сквозь путаницу водорослей. За весь день они ухитрились отойти от судна не больше мили и не видели конца морской травы, не нашли ни одного прохода в сплошном ковре. На одного гребца напала похожая на краба тварь, укусила его в спину, оставив царапину, и удрала.

За день положение не изменилось, и никаких перемен не предвиделось. Морская трава цепко держала «Спьюрифон», и невозможно было придумать, как освободить корабль.

Лавон терялся в догадках. Он попросил летописца Майкдала Хаца потолкаться среди команды, узнать настроение людей. Часа через два тот возвратился.

— В основном все спокойны, — доложил он. — Хотя кое-кто волнуется, большинство находит наше положение необычайно освежающим после монотонной обыденности прошедших месяцев.

— А вы?

— У меня свои страхи, капитан. Но хочется верить, что мы найдем способ вырваться. И все-таки, я с удовольствием любуюсь красотой этого необычного пейзажа.

Красота? Лавон не видел здесь ничего красивого. Он мрачно оглядел окружающие судно мили морской травы, бронзово-красной в кровавом закате. Красная туманная дымка поднималась от воды, и в густеющем тумане живущие на водорослях твари сновали повсюду в огромном количестве, так что похожие на островки спрессованные массы морской травы все время подрагивали. Красота? В чем-то действительно красиво, вынужден был признать Лавон. У него возникло ощущение, будто «Спьюрифон» сел на мель посреди некой огромной картины, где большими мазками в мягкой текучей форме нанесен на полотно похожий на сон, сбивающий с толку мир без каких бы то ни было ориентиров, на тягучей поверхности которого происходило бесконечное изменение света. Сам же Лавон относился к морской траве как к врагу, которого необходимо уничтожить.

Он не спал большую часть ночи, обдумывал всевозможные способы борьбы с неожиданным противником.

Утро внесло новый цвет в окружающие водоросли. Они сделались бледно-зелеными с желтыми по-

лосами под обремененным редкими облаками небом. Вдали виднелись крылья пяти или шести огромных морских драконов, которые создавали широкие проходы в окружающем ковре, пожирая водоросли. Как было бы хорошо, размышлял Лавон, умей «Спьюрифон» проделывать то же самое!

Он встретился с офицерами. По их докладам, ночь прошла спокойно, и большая часть экипажа была даже очарована необычностью пейзажа, но к утру начало нарастать напряжение.

— Люди и так расстроены и тоскуют по дому, — сказал Вормеехт, — а теперь еще новая задержка на несколько дней или недель.

— А может, месяцев, лет или навсегда, — проворчал Калимойн. — Как по-вашему, мы когда-нибудь выберемся отсюда?

Голос штурмана был сварливым, напряженным, и голосовые связки, казалось, выступают по обеим сторонам толстой шеи. Лавон давно уже чуял нарастающий нервный срыв, и все равно оказался не готов к той быстроте, с какой сломался его штурман.

Вормеехт тоже выглядел удивленным.

— Вы же сами только вчера убеждали нас: «Это всего лишь водоросли. Мы прорвемся!» — помните?

— Вчера я не понимал, с чем нам пришлось столкнуться, — рыкнул в ответ Калимойн.

Лавон взглянул на Джоахил Нур.

— Есть вероятность, что эта дрянь движется и рано или поздно взломается и выпустит нас?

Биолог покачала головой.

— Вероятность, конечно, есть, только не стоит на это надеяться. Скорее всего, перед нами квазипостоянная экосистема. Течения, разумеется, могут отнести ее в иные районы Великого Моря, но в данном случае они понесут и нас вместе с ней.

— Видите? — мрачно прокомментировал Калимойн. — Безнадежно.

— Пока нет, — оборвал его Лавон. — Вормеехт, сможем мы смонтировать экраны вокруг винтов с помощью «Нырятьщика»?

— Можно попробовать.

— Попробуйте. Пусть наши умельцы поработают над конструкцией экранов. Джоахил Нур, как насчет химических средств воздействия на водоросли?

— Проверяем,— ответила биолог,— но я не могу обещать.

Никто не мог ничего обещать. Им оставалось лишь размышлять, действовать, верить и надеяться.

На разработку защитных экранов для винтов ушло два дня. Делали их еще пять дней. Тем временем Джоахил Нур экспериментировала, отыскивала средства уничтожения водорослей вокруг корабля, но пока без результата.

Замер, казалось, не только «Спьюрифон», замерло само время. Ежедневно Лавон продолжал наблюдать, производил замеры лагом, вел записи, фактически корабль не стоял — он двигался точно на юго-юго-запад, проходя по несколько миль в день. Но это был путь в никуда. Связанные массой водорослей, они могли до бесконечности дрейфовать в океане, не встречая земли.

Лавон чувствовал, что вот-вот сорвется. Он с трудом сохранял прямую осанку, плечи его поникли, голова свешивалась на грудь, словно на нее положили тяжкий груз. Он чувствовал старость, чувствовал, как она разъедает его. На нем и только на нем лежала вся ответственность за то, что они не убрались из зоны морских водорослей в ту минуту, когда опасность стала очевидной. Ведь можно же было убедиться в этом за несколько оставшихся часов, твердил он себе, но он наслаждался видом морских драконов и своей дурацкой теорией, будто немного опасности добавит перца в смертную скуку путешествия. Он безжалостно терзал себя, виня за то, что вовлек свою команду в абсурдное и ненужное путешествие. Путешествие в десять или пятнадцать лет, из ниоткуда в никуда. Зачем? Для чего?

Тем не менее, он поддерживал остальных, не давая им пасть духом. Порции вина, выдававшегося в ограниченном количестве во время путешествия, были удвоены, устраивалось множество вечеринок, развлечений. Лавон распорядился каждой вахте заниматься изучением океанографии, считая, что сейчас не время для ленивой и праздной жизни. Бумаги, заполненные наблюдениями и отложенные для неторопливого изучения в ходе дальнейшего путешествия, начали дорабатываться сейчас. Работа

была лучшим средством от скуки, нервных срывов и нового, нарастающего фактора — страха.

Когда были готовы экраны, добровольцы отправились под воду в «Ныряльщике» приваривать их вокруг винтов к корпусу судна. Задача осложнялась необходимостью сделать все крохотными захватами манипуляторов подводного суденышка. После гибели двух ныряльщиков Лавон не рискнул посылать кого-либо под воду в обычных масках. Под присмотром искусного механика Дэройна Клауса работы продолжались день за днем, но, к сожалению, шли слишком медленно — тяжелые массы травы били о корпус, ломая хрупкую сварку, и дело продвигалось с трудом.

На шестой день Дэройн Клаус принес фотографии оранжевых пятен на тускло-сером фоне.

— Что это? — спросил Лавон.

— Коррозия корпуса, капитан. Я обратил на нее внимание еще вчера, а нынче утром провел серию подводных съемок.

— Коррозия корпуса? — Лавон заставил себя усмехнуться. — Едва ли такое возможно. То, что вы мне показываете, скорее всего прилипшие к корпусу губки, моллюски или...

— Нет, — возразил Дэройн Клаус, — возможно, тут не очень-то хорошо видно, но вы сами можете убедиться: достаточно спуститься вниз на «Ныряльщике». Это как маленькие рубцы на металле. Я совершенно уверен, капитан.

Лавон отпустил механика и отправился к Джоахил Нур. Она долгое время изучала фотографии и наконец сказала:

— Очень похоже.

— Неужели морская трава разъедает корпус?

— Вероятность этого мы подозревали уже несколько дней. Одна из первых наших находок имела рН-градиент, сильно отличающийся в этой области океана от открытого моря. Мы влезли в кислотную ванну, капитан, я убеждена, что водоросли выделяют кислоты. Мы знаем, что они накапливают тяжелые элементы. Обычно они получают металл из морской воды, но могут уважить и нас, приняв «Спьюрифон» за гигантский банкетный стол. Не удивлюсь, если как раз по этой причине водоросли

так быстро окружили судно — спешили со всей округи на пир.

— В таком случае надеяться, что они добром отпустят нас, просто глупо.

— Вот именно.

Лавон заморгал.

— Значит, останься мы здесь подольше, эта дрянь проест дыры в нашем корпусе?

Биолог засмеялась.

— Ну, до этого не меньше сотни лет, — сказала она. — Голод, по-моему, более насущная проблема.

— Почему?

— Сколько мы продержимся, не пополняя запасов?

— Несколько месяцев, я полагаю. Вы же знаете, что рыбу мы можем ловить только на ходу. Вы думаете...

— Да, капитан. Все в окружающей корабль экосистеме для нас наверняка яд. Водоросли поглощают из воды металлы, а маленькие ракообразные и рыбы питаются водорослями. Большие твари пожирают мелких. Концентрация солей металлов все повышается, если идти по цепочке, и мы...

— Вряд ли разжиреем на диете из рения и ванадия.

— А заодно и молибдена с родием. Вот так, капитан. Кстати, вы просматривали последние медицинские отчеты? Настоящая эпидемия тошноты и лихорадки — как вы сами себя чувствуете, капитан? И это только начало. Пока еще ничего серьезного, но неделя-другая, и...

— Защити нас, Леди, — вздохнул Лавон.

— Благословения не простираются так далеко на запад, — заметила Джоахил Нур и холодно улыбнулась. — Рекомендую прекратить всякую ловлю рыбы и сидеть на наших запасах до тех пор, пока не выберемся из здешних вод. Необходимо также закончить работы по экранированию винтов, и как можно скорее.

— Согласен, — кивнул Лавон.

Выйдя от биолога, он поднялся на мостик и уставился на покрытую травой колышущуюся воду. Цвета сегодня были сочнее, чем когда-либо — янтарные, цвета сепии, красновато-коричневые, индиго. Водоросли подрагивали. Лавон представил себе

мясистые пряди, присосавшиеся к корпусу и разрушающие его кислотными выделениями, молекула за молекулой превращающие корпус в ионы супа и выпивающие его. Он содрогнулся. Он больше не мог видеть красоту в путанице заплонивших море водорослей, теперь непроницаемая, плотно сплетенная масса означала для него лишь зловоние и разложение, опасность и смерть, пузырящиеся гнилые газы и невидимые клыки разрушения. Час за часом борта гигантского корабля становились тоньше, а он не мог двинуться, беспомощный посреди ранящих его врагов.

Лавон постарался сохранить эту новую напасть в тайне, не вынося ее на всеобщее обсуждение, но тщетно: никакие секреты в закрытом мирке, вроде «Спьюрифона», долго не сохранишь. Но он настоял на секретности, желая, по крайней мере, свести до минимума открытые разговоры, которые быстро могли привести к панике. В итоге знали все, и все притворялись, будто он один знает, насколько скверно обстоят дела.

Тем не менее, возбуждение нарастало. Разговоры стали натянутыми и резкими, пальцы дрожали, невнятно произносились слова, все валилось из рук. Лавон держался в стороне от остальных, насколько позволяло положение капитана. Он молил об избавлении и искал выход в снах, но Джоахил Нур, кажется, была права: сюда не проникали послания возлюбленной Леди Острова Сна, чьи советы несли утешение страждущим и мудрость колеблющимся.

Один проблеск надежды подарили биологи. Джоахил Нур предположила, что можно нарушить электрическую систему морской травы, пропуская ток через воду. Предложение показалось Лавону сомнительным, но он уважал мнение биолога и распорядился готовить нужное оборудование.

В конце концов последний из защитных экранов был установлен вокруг винтов. Произошло это к концу третьей недели.

— Запускайте двигатель, — приказал Лавон.

Корабль вздрогнул, пробуждаясь к жизни, как только заработали винты. Офицеры на мостике — Лавон, Вормеехт, Калимойн — замерли в напряженном молчании, едва дыша. Крошечная рябь вырвалась из-под носа судна — «Спьюрифон» двинул-

ся! Медленно, упорно корабль начал продвигаться сквозь спутанную массу корчившейся морской травы, прошла минута, другая и... дрожь винтов прекратилась.

— Экраны не выдержали!— с болью воскликнул Калимойн.

— Посмотрите, что там произошло,— бросил Лавон Вормеехту, потом обернулся к трясущемуся и потному Калимойну, стоявшему с таким видом, будто ноги его приросли к палубе.

Первый штурман плотно поджал губы, из-за чего на щеках образовались желваки.

— Скорее всего, задержка будет недолгой,— мягко произнес Лавон.— Пойдемте-ка со мной, у меня осталось немного вина, и как только корабль снова тронется, мы...

— Нет!— взревел Калимойн.— Я чувствую, экраны сорвало. Водоросли сожрали их!

— Экраны на месте,— проговорил Лавон более настоятельно.— Завтра к этому времени мы будем далеко отсюда, и вы снова проложите нам курс к Алханроелю.

— Мы погибли!— выкрикнул Калимойн и вдруг метнулся прочь. Размахивая руками, он сбежал вниз по трапу и исчез из виду. Лавон колебался. Вернулся Вормеехт, выглядел он мрачнее тучи. Экраны действительно сорвало, винты запутались, и судно вновь остановилось.

Лавон пошатнулся, чувствуя, как заражается отчаянием своего штурмана. Мечта всей жизни завершилась неудачей в нелепом, катастрофическом фарсе.

В этот момент на мостик поднялась Джоахил Нур.

— Капитан, вы знаете, что Калимойн скоро спятит? Он забрался на наблюдательную вышку, плачет, кричит, танцует и призывает к мятежу.

— Я пойду к нему,— сказал Лавон.

— Я почувствовала, как заработали винты, но потом...

Лавон кивнул:

— Запутались снова. Сорвало экраны.

Уже уходя, он услышал, как биолог заговорила о своем электрическом проекте и о том, что готова провести первую пробу в полном масштабе. Он

ответил, чтобы она начинала немедленно и сразу доложила, если будут результаты, но все ее слова проходили мимо сознания — его полностью поглотила мысль, что делать с Калимойном. Первый штурман находился на высокой площадке правого борта, где обычно проводил наблюдения и вычисления широты и долготы. Сейчас он то прыгал, как помешанный, то гордо расхаживал взад и вперед, размахивая руками, то распевал непристойные отрывки баллад, то вопил, обвиняя и понося дурака Лавона, который умышленно завлек их в ловушку. Человек десять команды собрались внизу, слушая полунасмешливо, полуодобрительно. К ним быстро присоединялись остальные — все-таки развлечение. К своему ужасу, Лавон вдруг заметил, как к площадке Калимойна пробирается Майкдал Хац. Подойдя, он позвал штурмана и заговорил низким басом, спокойно уговаривая того спуститься. Калимойн поглядывал на летописца и то и дело прерывал, бормоча в его адрес угрозы. Но Хац продолжал подниматься. Теперь он уже находился в двух ярдах от штурмана, продолжая говорить и улыбаться, протянув вперед раскрытые ладони, словно показывая, что у него ничего нет.

— Убирайся! — взревел Калимойн. — Пошел вон!

Лавон, сам было шагнувший к площадке, жестом дал понять Хацу, чтобы тот держался подальше от штурмана. Слишком поздно! В одно мгновение взбешенный Калимойн прыгнул к Хацу, облапил маленького летописца, поднял, как куклу, вверх и швырнул через поручни в море. Крик ужаса вырвался у зрителей. Лавон метнулся к поручням и успел увидеть, как Хац, колотя руками, рухнул в воду. По водорослям пронеслась мгновенная судорожная дрожь. Подобно угрям, мясистые пряди шевелились, изгибались и вертелись. Море, казалось, вскипело на миг — затем Хац исчез.

У Лавона от ужаса голова пошла кругом. Сердце словно целиком заполнило грудь, раздавив легкие, а мозг завертелся в черепной коробке. Он никогда не видел насилия раньше. За всю жизнь ему ни разу не доводилось услышать о намеренном убийстве одним человеком другого. И вот это произошло на его корабле и совершено одним из его офицеров — невыносимая, смертельная рана!

Как во сне, он двинулся вперед, руки его легли на мускулистые плечи Калимойна, и, не задумываясь, с силой, которой у него не было никогда прежде, он легко перекинул штурмана через поручень. Послышался приглушенный вой, потом всплеск. Пораженный, он посмотрел вниз и увидел, как море вскипело во второй раз, и морская трава сомкнулась над бьющимся телом Калимойна.

Медленно, оцепенело Лавон спустился с площадки.

Чувствовал он себя ошеломленным и трясся, как в лихорадке. Казалось, что-то надломилось внутри. Кольцо расплывающихся в глазах людей окружило его. Постепенно он различил глаза, рты, знакомые лица. Он хотел что-то сказать, но не смог произнести ни слова — только выдавливал неразборчивые звуки. Потом рухнул вниз, не почувствовав удара о палубу. Чьи-то руки поддержали его за плечи, кто-то поднес ему вина. «Посмотри на его глаза, — услышал он чей-то голос, — он в обмороке». Лавона затрясло. Не сознавая как, он оказался в своей каюте, где над ним склонился Вормеехт, остальные толпились вокруг.

Первый помощник тихо произнес:

— Корабль движется, капитан.

— Я у б и л его, Вормеехт.

— Мы бы все равно не смогли держать сумасшедшего под замком последующие десять лет. Он был опасен для всех. У вас все права, и вы поступили совершенно правильно.

— Мы не убийцы, — пробормотал Лавон. — Давным-давно наши варварские предки отнимали жизни друг у друга, но мы не убийцы и не убиваем. Я никогда никого не убивал. Мы были дикарями раньше, но теперь-то мы живем в иной эпохе и на другой планете. А я убил его, Вормеехт.

— Да, капитан. И были правы. Он угрожал успеху путешествия.

— Успеху? Какому успеху?

— Корабль снова движется, капитан.

Лавон не сводил с него глаз.

— О чем вы?

— Пойдемте, убедитесь сами.

Четыре массивные руки обняли его, и Лавон ощутил резкий запах шкуры скандара. Гигант-матрос подхватил его, вынес на палубу и заботливо

опустил. Лавон пошатнулся, но рядом были Вормеехт и Джоахил Нур. Первый помощник указал на море. По всей длине корпуса «Спьюрифон» окружала чистая вода.

— Мы опустили в воду кабели,— рассказывала Джоахил Нур,— и трякнули эту дрянь доброй порцией тока. Это взорвало всю систему... Ближайшие водоросли погибли мгновенно, а прочие начали отодвигаться. Перед нами чистый проход до самого горизонта.

— Путешествие спасено, капитан,— сказал Вормеехт.— Теперь мы вновь пойдем вперед.

— Нет,— Лавон покачал головой. Сознание мутилось и туманилось. — Мы остались без штурмана. Чтобы найти нового, придется повернуть назад к Цимроелю.

— Но...

— Поворачивайте!

Сбитые с толку, пораженные, они смотрели на него с раскрытыми ртами.

— Капитан, вы все еще не в себе. Отдать такой приказ, когда все обошлось благополучно... Вам просто нужно отдохнуть, и тогда...

— Путешествие закончено, Вормеехт. Мы идем назад.

— Нет!

— Нет? Это что, бунт?— Их взгляды скрестились.— Вы действительно хотите продолжить плавание?— спросил Лавон.— На борту обреченного корабля с убийцей-капитаном? Вас ведь тошнило от путешествия, прежде чем все это произошло. Вы думали, будто я не знал? Вы жаждали вернуться домой, только не решались сказать вслух... Ну, так теперь я удовлетворю ваши желания.

— Мы пять лет в море,— проговорил Вормеехт.— Вполне возможно, что мы уже одолели половину пути, и добраться до противоположного берега ближе, чем возвращаться.

— Или мы можем навечно уйти в никуда,— возразил Лавон.— Но дело не в этом. Просто у меня не лежит сердце идти вперед.

— А если завтра решите по-другому, капитан?

— И завтра у меня на руках останется кровь, Вормеехт. Я обязан был провести корабль через Великое Море в полной безопасности. Мы

уже заплатили за нашу свободу жизнью четырех; путешествие закончено.

— Капитан...

— Поворачивайте судно, — приказал Лавон.

Когда они на следующий день пришли к нему хлопотать о продолжении путешествия, упирая на вечную славу и бессмертие, ожидающее их в Алханроеле, Лавон холодно и решительно отказался от какого-либо обсуждения. Продолжать путешествие теперь, сказал он, невозможно. Они смотрели друг на друга: те, кто прежде ненавидел плавание и стремился избавиться от него, и тот, кто в эйфорический миг победы над водорослями изменил решение. В конце концов им пришлось согласиться с Лавоном о невозможности продолжения плавания. Они взяли курс на восток, и больше не заговаривали о том, чтобы пересечь Великое Море. Весь год они с трудом пробивались сквозь штормы, на следующий год у них произошло столкновение с морскими драконами, чуть не повредившими кормовую часть судна, но тем не менее они продолжали плыть, и из ста шестидесяти трех путешественников, в свое время покинувших Тил-Омон, более ста — и среди них капитан Лавон — были живы, когда «Спьюрифон» вошел в родной порт на одиннадцатый год путешествия.

ОБЪЯСНЕНИЯ КАЛИНТАНА

Четыре дня после этого Хиссуне владела меланхолия. Разумеется, он знал, что путешествие завершилось неудачей — ни одному кораблю так и не удалось пересечь Великое Море ни в прошлом, ни, очевидно, в ближайшем будущем. Но эта неудача!... Зайти так далеко, а потом вернуться, причем не из трусости, болезней или голода, а только от морального отчаяния — Хиссуне с трудом мог понять это, сам бы он никогда не повернул назад. Все пятнадцать лет своей жизни он упорно шел к тому, что понимал как свою цель, а те, кто колебался идти по избранному пути, всегда казались ему лентяями и слабаками. Но с другой стороны, он не Синнабор Лавон, и ни у кого не отнимал жизнь, а ведь такое насилие может потрясти любую душу. Он испытывал к капитану смешанное чувство жалости и презрения. А потом... он понял, что Синнабор Лавон был не слабым человеком, а личностью с колоссальной

моральной ответственностью. Мое образование, подумал он, продолжается.

Затем юноша принялся отыскивать записи приключенческие и развлекательные, не столь философского смысла, но находил не совсем то, что искал. Однако за столько лет, проведенных под землей, он узнал, что был невероятный случай в самом Лабиринте, сильно позабавивший бы любого, и даже сейчас, более чем через шесть тысячелетий, о нем рассказывали как об одном из самых необычных происшествий, виденных на Маджипуре.

Дождавшись подходящего времени, Хиссуне провел кое-какие исторические исследования, а затем с помощью Счетчика Душ вошел в сознание некоего юного офицера при дворе Понтифекса Ариока, человека с эксцентричной репутацией.

Наутро после того дня, когда кризис достиг кульминационной точки и всеми овладело настоящее безумие, в Лабиринте воцарилась непривычная тишина, поскольку все были слишком поражены, чтобы даже разговаривать. Удар от вчерашнего был слишком ошеломителен, и даже имевшие к случившемуся прямое отношение никак не могли поверить. По приказанию нового Понтифекса сегодня утром собрались все чиновники — высокопоставленные и рангом пониже, — участвовавшие в недавней перестановке. Сидели свободно, отгоняя сон, пока новые Понтифекс и Коронал — каждый как громом пораженный нежданным получением царственного сана — удалились в личные покои поразмыслить над своим внезапным превращением, что дало наконец Калинтану возможность повидаться с Силимэр. Занятый делами, он не виделся с нею целый месяц, а она была не из тех, кто легко прощает. Теперь он сумел переправить ей записку, в которой написал: «Каюсь, я виновен в постыдном пренебрежении, но, возможно, теперь ты начинаешь понимать, почему. Встретимся в полдень за ленчем у Двора Шаров, и я все объясню».

За время их знакомства он уже разобрался в ее темпераменте, бывавшем довольно бурным и в лучшие минуты встреч; фактически это был ее единственный, зато сильный недостаток, и Калинтан побаивался ее гнева. Уже год они были любовни-

ками, и дело шло к обручению. Все высшие сановники двора Понтифекса соглашались, что он поступит хорошо, женившись. Силимэр была прелестна, разумна и образованна в политических делах. Она принадлежала к хорошей семье, среди предков которой были три Коронала, включая самого легендарного Лорда Стиамота, и было ясно, что она станет идеальной женой для молодого человека, судьбой предназначенного для высоких постов в государстве, ведь уже сейчас, незадолго до тридцатилетия, Калинтан достиг внешнего края внутреннего круга двора Понтифекса, неся на своих плечах ответственность, какая не многим дается в его годы. Именно ответственность и удерживала его не только от объяснений, но даже от встреч с Силимэр. Без особой уверенности он надеялся, что она простит его.

Всю прошлую бессонную ночь он повторял в уме заготовленную речь, желая уменьшить свою вину: «Ты ведь знаешь, в последние недели я был занят делами государственной важности, слишком щекотливыми, чтобы обсуждать их даже с тобой, и...» Он продолжал обкатывать фразы, поднимаясь по ярусам Лабиринта ко Двору Шаров на встречу с Силимэр.

В то утро привычная тишина Лабиринта заставляла воспринимать все окружающее очень отчетливо и остро. Нижние уровни, где находились правительственные учреждения, казались вымершими и опустевшими, а на расположенных выше этажах ему встретилось всего несколько человек, собиравшихся небольшими хмурыми группками в темных уголках и перешептывающихся с таким видом, будто произошел государственный переворот. И все пристально разглядывали Калинтана, а некоторые тыкали пальцами. Калинтан удивлялся, как они узнают в нем официала Первосвященного, пока не сообразил, что так и не снял маску. Он носил ее на всякий случай, якобы для защиты от яркого искусственного света воспаленных от бессонницы глаз.

Сегодня Лабиринт выглядел холодным и гнетущим, и он поспешно покинул эти мрачные подземные глубины, чьи колоссальные многоэтажные залы спиралью уходили вниз и вниз. За одну-единст-

венную ночь это место стало для него отвратительным.

На уровне Двора Шаров Калинтан сошел с подъемника и наискось пересек его огромный, украшенный тысячами непостижимым образом подвешенных в воздухе сфер зал, направляясь к маленькому кафе на противоположной стороне. Полдень пробило как раз в ту минуту, когда он входил внутрь. Силимэр уже сидела здесь — он не сомневался, что так и будет, поскольку она всегда была пунктуальна, когда хотела устроить ему неприятности, — за небольшим столиком у задней стены.

Она встала, но не подставила губы, а протянула руку, как он и ожидал. Улыбка ее была четко отмеренной и холодной. Измученному Калинтану она показалась поразительно красивой: уложенные короной короткие золотистые волосы, вспыхивающие бирюзовые глаза, полные губы, высокие скулы, вся ее стройная фигурка.

— Я виноват, — хрипло пробормотал он.

— Конечно. Столь долгая разлука, должно быть, была для тебя непосильной ношей...

— Последние недели я был занят делами государственной важности, слишком щекотливыми, чтобы обсуждать их даже с тобой... — Слова звучали невероятно глупо, и Калинтан испытал облегчение, когда она прервала его ровным голосом:

— У нас еще будет время, милый. Может быть, пока выпьем?

— Пожалуй, да.

Она махнула рукой. Одетый в ливрею официант — надменно державшийся хворт — подошел, принял заказ и гордо удалился.

— Ты не снимаешь маску? — поинтересовалась Силимэр.

— Ох, прости... Последние дни была такая неразбериха ... — Он сорвал ярко-желтую тряпицу, которая скрывала глаза и нос и четко определяла в нем человека Понтифекса. Выражение лица Силимэр изменилось, когда она увидела его лицо, яростные огоньки в глазах погасли, сменившись заинтересованностью, почти жалостью.

— У тебя глаза красные, словно кровью налились, — заметила она, — а щеки бледные-бледные и натянутые...

— Я не спал. Сумасшедшее время.

— Бедняжка Калинтан!

— Думаешь, мы не виделись, потому что я так хотел? У меня просто не было времени.

— Знаю. И вижу, чего тебе это стоило.

Внезапно до него дошло, что она не насмехается над ним, а искренне сочувствует, и что все, возможно, окажется легче и проще, чем он себе представлял.

— Проклятые дела вздохнуть не дают. Ты слышала, что выкинул вчера Понтифекс Ариок?

Силимэр задохнулась от смеха:

— Разумеется. До меня ведь доходят все слухи. Так это правда? Это действительно произошло?

— К несчастью, да.

— Какое чудо! Какое изумительное чудо! Но случившееся перевернет мир вверх дном. Это подействовало на тебя так ужасно?

— На меня, на тебя, на каждого, — буркнул Калинтан, жестом охватывая Двор Шаров, Лабиринт, окружающую планету за этим ограниченным подземельем — от внушающей благоговение Замковой Горы до дальних городов на западном континенте. — Я сам с трудом понимаю. Но лучше начать сначала...

— Возможно, ты не знаешь, что последние месяцы Понтифекс Ариок вел себя необычно. Я полагаю, напряжение, испытываемое человеком на высоком посту, зачастую сводит людей с ума, или они становятся немного сумасшедшими, стремясь добиться высот. Но, как ты знаешь, Ариок тринадцать лет был Короналом и более десяти лет Понтифексом, а этого времени хватит, пожалуй, чтобы научиться держать себя в руках. Особенно, если живешь здесь, в Лабиринте. Должно быть, Понтифекс просто затосковал по весеннему ветру с Замковой Горы, по охоте на гихорн на Цимроэле или просто захотел поплавать где-нибудь по настоящей реке, а ему приходилось торчать глубоко под землей и до конца жизни возглавлять армию своих чиновников.

Около года назад Ариок начал поговаривать о грандиозном шествии по Маджипуру. Я был в тот день при дворе с герцогом Гиделоном. Понтифекс

попросил карты и стал рассказывать о замысле путешествия по реке к Алайсору, затем он хотел отправиться на Остров Сна — навестить во Внутреннем Храме Леди, после чего пересечь весь Цимроэль, останавливаясь в Пилипплоке, Ни-Мойе, Пидруиде, Нарабале — в общем, везде. Поездка эта заняла бы по меньшей мере пять лет. Гиделон бросил на меня странный взгляд и указал Ариоку, что столь грандиозные шествия устраивают Короналы, а не Понтифексы, и Лорд Струин вернулся из подобного всего два года назад.

«Выходит, мне запрещено это делать?» — осведомился Понтифекс.

«Не запрещено, ваше величество, но обычай требует...»

«Чтобы я оставался узником Лабиринта?»

«Нет-нет, вовсе не узником, но...»

«Но мне не дано выходить во внешний мир».

Должен заметить, мои симпатии были на стороне Ариока, но не забывай, что я, не в пример тебе, не уроженец Лабиринта, а лишь один из тех, кого долг и обязанности перед Маджипуром привели сюда, поэтому жизнь под землей для меня немного необычна. И когда Гиделон убедил Ариока в невозможности грандиозного шествия, я не мог не заметить неуспокоенности в глазах Понтифекса.

А затем произошло то, чего никто не ожидал — его величество начал удирать по ночам и слоняться по Лабиринту. Никто не знал, часто ли он поступал так прежде, до того как мы обнаружили, что происходит, хотя до нас доходили слухи, будто закутанную в плащ, носящую маску фигуру, сильно смахивающую на Понтифекса, изредка видели то у Двора Пирамид, то в Зале Ветров. Мы относились к ним безразлично до той ночи, когда по счастливой случайности постельничему Ариока не почудилось, будто Понтифекс требует его к себе, он отправился взглянуть, что тому надо, и нашел комнату пустой. Ты должна помнить ту ночь, Силимэр, потому что мы были вместе, когда вперся один из людей Гиделона и увел меня с собой, заявив, что созывается срочная встреча высших советников, и необходимы мои услуги. Ты была тогда расстроена, вернее, в бешенстве. Разумеется, причиной встречи послужило исчезновение Понтифекса, хотя мы скрыли это,

объявив, что обсуждали последствия от гигантской волны, опустошившей Стоензар.

Ариока нашли в четыре часа утра. Он был на Арене — ты знаешь, что это идиотское пустое место было создано по одному из безумных указов Понтифекса Дизимейла. Ариок сидел на корточках у дальней стороны, играл на зутибаре и пел песенки аудитории из пяти-шести оборванных мальчишек. Мы доставили его домой. Через несколько недель он снова удрал и ухитрился добраться до Двора Колонн. Гиделон много говорил с ним; Ариок настойчиво утверждал, что монарху важно побродить среди народа, послушать его горести, и ссылался на прецеденты в далеком прошлом Старой Земли. Гиделон принялся втихомолку расставлять охрану в его покоях — предположительно от наемных убийц, но кому нужно убийство Понтифекса? Стража не давала — не физически, нет! — Ариоку убежать, но хотя Понтифекс и странный человек, он отнюдь не дурак, и вопреки охране за последние два месяца ускользал раза два-три. Положение становилось критическим: а если он вдруг исчезнет на неделю или вообще покинет Лабиринт и отправится погулять в пустыню?

«Раз мы не в силах воспрепятствовать его скитаниям по Лабиринту — почему бы тогда не дать ему напарника, который сопровождал бы его и заодно присматривал, чтобы с ним ничего не случилось?» — сказал я как-то Гиделону.

«Отличная мысль,— кивнул Герцог.— Вот тебя-то я и определяю на этот пост. Ты достаточно молод и проворен, чтобы помочь ему выпутаться из затруднительных положений».

Это было шесть недель назад, Силимэр. Ты, конечно, помнишь, что как раз тогда я перестал проводить с тобой ночи, оправдываясь увеличением обязанностей при дворе, и началось наше отчуждение. Я не мог рассказать тебе, какого рода обязанности мне приходится выполнять по ночам, и лишь надеялся, что ты не заподозришь меня в желании сменить любовницу. Теперь я могу открыть, что был вынужден поселиться в комнате поближе к спальне Понтифекса и ухаживать за ним каждую ночь. Спать приходилось, когда придется, днем, и благодаря то одной, то другой хит-

рости, я сделался товарищем Ариока в его ночных прогулках.

Дело оказалось трудным. По-настоящему я был хранителем Понтифекса, и мы оба знали об этом, но, разумеется, я постарался, чтобы это не сильно бросалось в глаза. Как бы там ни было, я оберегал его от грубиянов и рискованных экскурсий. Нам встречались плуты, забияки, просто горячие головы. Ни один из них не стал бы вредить Понтифексу, но сам он вполне мог встрять между выясняющей отношения парочкой. В редкие минуты отдыха и сна я искал помощи Леди Острова — да покоится она на груди Дивин! — и она пришла ко мне в благословенных посланиях и предрекла, что я должен стать другом Понтифекса, раз не желаю быть его тюремщиком. Какое все-таки счастье, что мы можем получать материнские советы в наших снах! Следуя им, я осмелился положить начало и вовлек Ариока в несколько приключений. «Давайте прогуляемся нынче ночью», — частенько говорил я ему теперь. Это была моя идея — побывать ночью на жилых уровнях Лабиринта, в местах, где и ночью не прекращалось бражничанье и веселье. Загримированным, конечно, и в маске, чтобы его не узнали. Я водил его по таинственным проходам, где обитали опасные азартные игроки — меня там знали и я не представлял для них никакой угрозы. И опять же я в одну отчаянную ночь по-настоящему охранял его за стенами Лабиринта. Я понимал, чего он желает больше всего, но боялся даже предлагать это, и тогда он предложил сам, как тайный подарок, и мы воспользовались его личными проходами наверх.

Мы стояли так близко к Гайу, что чувствовали прохладный воздух, несомый ветрами Замковой Горы, и смотрели вверх на пылающие звезды.

«Я не был здесь шесть лет», — сказал Понтифекс.

Он дрожал, и я подумал, что он плачет под маской. И я, который слишком долго не смотрел на звезды, тоже был недалек от этого. Понтифекс указал на одну звезду и сказал, что с нее пришел в наш мир народ Хайрогов, затем показал звезду хьортов, а потом еще одну — маленькое пятнышко света — и дал понять, что она ничто иное, как солнце Старой Земли. Я усомнился — все-таки я

учился в школе, — но он так радовался, что я не посмел ему противоречить. Потом он повернулся ко мне, сжал мою руку и сказал низким голосом:

«Калинтан, я олицетворяю высшую власть в нашем колоссальном мире, и в то же время я — ничто, я раб, узник. Я отдал бы все, лишь бы освободиться, бежать из этого подземного Лабиринта и провести оставшиеся годы под звездами».

«Почему тогда вы не отречетесь?» — спросил я, поражаясь собственной наглости.

Он усмехнулся:

«Это было бы трусостью. Я избран Дивин, как же я могу отвергнуть ношу?— Он помолчал.— До конца дней я назначен судьбой быть властью Маджипура. Но ведь должен же найтись какой-нибудь честный путь освободиться от этого подземного заточения!»

И я увидел, что Понтифекс не безумец, не капризен, а просто одинок среди этой ночи, гор, лун, деревьев и рек — всего мира, который его насильно заставили покинуть, дабы он на своих плечах нес всю тяжесть ноши управления планетой.

Две недели спустя пришла весть о постигшей Леди Острова, мать Коронала Струина, болезни, и о том, что она вряд ли поправится. Необычный кризис вызвал колоссальные трудности, поскольку по своему положению Леди равна Короналу и Понтифексу, и заменить ее не простое дело. Сам Лорд Струин, как говорили, покинул Замковую Гору, чтобы посоветоваться с Понтифексом перед поездкой на Остров к матери, он мог и не успеть туда. Между тем герцог Гиделон, как первый глас Понтифекса и начальник стражи двора, начал составлять список кандидаток на место Леди, который затем нужно было сравнить с таким же списком Лорда Струина и посмотреть, нет ли в них одного и того же имени. Совет Понтифекса Ариока был необходим всем, и мы считали, что ему, в его нынешней неудовлетворенности, будет полезно углубиться в дела государства. По крайней мере, умирающая в определенном смысле считалась его женой — по требованиям нашего закона о праве наследования он усыновил Лорда Струина, когда того избрали Короналом. Конечно, у Леди был настоящий муж где-то на Замковой Горе, но ты

же понимаешь, что такое обычай? Гиделон сообщил Понтифексу о нависшей над Леди Острова угрозе, и началось совещание правительства. Я на нем не присутствовал — у меня нет пока такого положения при дворе.

Полагая, что тяжелое положение Леди заставит Понтифекса по меньшей мере отвлечься на время от своих прогулок, мы неосознанно ослабили нашу бдительность. И в ту самую ночь, когда весть о кончине Леди Острова Сна достигла Лабиринта, Ариок вновь ускользнул один — впервые с тех пор, как я стал присматривать за ним. Одурачив охрану, меня и своих прислужников, он выскользнул в бесконечную путаницу переходов и уровней Лабиринта, и никто не мог найти его. Мы искали всю ночь и весь следующий день. Я был в панике, опасаясь как за него, так и за свою карьеру. С дурными предчувствиями направил я офицеров к каждому из семи входов Лабиринта на поиски в пустыне, а сам заглянул во все распутные притоны, куда водил его в свое время. Люди Гиделона перерывали неизвестные даже мне места, и, невзирая на наши поиски, мы держали население в неведении об истинном положении, об исчезновении Понтифекса.

Мы нашли его после полудня в здании, расположенном на уровне, известном под названием Зубы Стиамота, в первом кольце Лабиринта, где он скрывался под женской одеждой. Мы никогда бы не нашли его, не возникни какая-то ссора с неоплаченным счетом, которая вызвала на сцену прокторов, и когда Понтифекс не смог удостоверить свою личность и из-под женского одеяния раздался мужской голос, у прокторов хватило ума вызвать меня, а я поспешил забрать у них арестованного. В мантии и браслетах он выглядел ужасно неприлично, но спокойно и разумно приветствовал меня, назвав по имени, и выразил надежду, что не причинил нам больших хлопот.

Я ждал, что Гиделон понизит меня в должности, но герцог был в хорошем настроении и простил меня, к тому же он был слишком занят разразившимся кризисом, чтобы обращать внимание на мои ошибки, и ничего не сказал о том, что я позволил Понтифексу незаметно покинуть опочивальню.

«Лорд Струин прибыл сегодня утром, — сказал он мне устало. — Естественно, он хотел сразу встретиться с Понтифексом, но мы уверили его, будто тот спит и не стоит его беспокоить. Тем временем половина моих людей была брошена на поиски. Какая это все-таки боль — лгать Короналу, Калинтан!»

«Понтифекс действительно спит сейчас у себя в покоях!» — ответил я.

«Да-да, и полагаю, он там и останется».

«Я приложу к этому все силы».

«Я имею в виду не это, — перебил меня Гиделон. — Понтифекс Ариок, очевидно, лишился разума. Тайком удирать из своих покоев, шляться по ночам вокруг жилых кварталов и, наконец, облачиться в женский наряд — это уже выходит за рамки обычной эксцентричности, Калинтан. Сейчас, когда у нас на носу дело об избрании новой Леди Острова, я предлагаю постоянно содержать его в личных покоях под строгой охраной — ради его собственного блага — и передать обязанности Понтифекса в руки регента. Такие случаи уже бывали, я порылся в документах. В свое время Понтифекс Бархолд подхватил болотную лихорадку, которая поразила его разум, и...»

«Господин, — сказал я, — я не верю в безумие Понтифекса».

Гиделон нахмурился:

«Как же еще можно назвать то, что сделал Понтифекс Ариок?»

«Поступком человека, слишком долго бывшего правителем, чей дух бунтует против всего того, что ему приходится нести на своих плечах. Я неплохо изучил его и рискну сказать, что своими выходками Понтифекс выражает душевные муки, но никак не безумие».

Это было красноречивое выступление и, сказал я себе, смелое для младшего советника, тем более, что Гиделон в настоящий момент являлся третьим лицом на Маджипуре после самого Ариока и Лорда Струина. Но пришло время, когда кто-то должен был отбросить дипломатию, честолюбие и хитрость и просто сказать правду, а мысль о заключении в узилище несчастного Ариока, когда он и так уже терпит огромную муку из-за ограниченности Лаб-

ринта, ужаснула меня. Гиделон довольно долго молчал, и я уже начал подумывать, что то ли окончательно уволен со службы, то ли отправлюсь в какой-нибудь закуток к писцам перебирать бумаги до конца жизни, но спокойно ждал ответа.

Неожиданно раздался стук в дверь — посланец принес конверт с изображением звездного огня и личной печатью Коронала. Герцог вскрыл его, прочел, перечитал снова, затем прочел в третий раз, и я никогда не видел такого недоверия и ужаса, какие появились на его лице. Он смертельно побледнел, руки его затряслись.

Взглянув на меня, он произнес:

«Коронал собственноручно извещает меня, что Понтифекс Ариок покинул свою опочивальню и удалился во Дворец Масок, где издал указ столь поразительный, что я не в силах заставить себя повторить его.— Он протянул мне послание.— Идем, нужно торопиться».

Он выбежал из комнаты, я последовал за ним, тщетно пытаясь просмотреть на ходу текст письма. Почерк у Лорда Струина оказался отвратительным, а Гиделон бежал с поразительной быстротой по слабоосвещенным коридорам, так что я разбирал лишь отрывки — что-то о новой Леди Острова и об отречении. Чье это могло быть отречение, если не Понтифекса Ариока? Но ведь он сам говорил мне, что было бы трусостью сбросить с плеч бремя власти, назначенное судьбой?!

Задыхаясь, я влетел во Дворец Масок, одно из немногих мест в Лабиринте, которое и в лучшие времена не любил за огромные узкоглазые лица; вздымаясь на постаментах из мерцающего мрамора, они казались мне фигурами из кошмара. Каблуки Гиделона простучали по каменному полу, за ними эхом отдавались мои собственные, и хотя он был вдвое старше меня, мчался он, как демон. Впереди я слышал крики, смех, рукоплескания, а немного погодя увидел и собравшихся — сотни полторы жителей Лабиринта, среди которых узнал несколько главных советников Первосвященного. Гиделон и я с трудом втиснулись в толпу и остановились, лишь увидев фигуры в зелено-золотой форме службы Коронала. Лорд Струин выглядел одновременно взбешенным и изумленным. Он явно пребывал в шоке.

«Его не остановить,— хрипло произнес он,— он переходит из зала в зал, повторяя свое заявление, слушайте: он снова начал».

Только тогда я заметил неподалеку от нас Понтифекса Ариока, сидевшего на плечах громадного скандара. Его величество был одет в белую струящуюся мантию женского покроя с великолепными парчовыми оборками, а на груди его покоился пылающий красным цветом драгоценный камень, поразительно большой и сияющий.

«Тогда как пустота возникла среди Высших Сил Маджипура!— воскликнул он удивительно сильным голосом.— И нужна новая Леди Острова Сна! Она должна как можно скорее начать управлять душами людей! Появляясь в снах и даря утешение! И помощь! И! Так как! Мое горячее желание! Сбросить бремя Первосвященности! Которое я несу двенадцать лет! Я! Объявляю себя отныне и впредь! Женщиной! И как Понтифекс! Называю имя новой Леди Острова Сна — женщину Ариок!...»

«Безумие»,— пробормотал Гиделон.

«Я слышу это в третий раз и все равно не могу поверить»,— сказал Коронал Лорд Струин.

«... Отрекаясь одновременно от трона Понтифекса! И призываю жителей Лабиринта! Принести Леди Ариок колесницу! Помочь добраться до порта Стоен! А потом до Острова Сна! Дабы могла она нести всем вам свое утешение!»

В этот миг взгляд Ариока встретился с моим. Понтифекс волновался, лоб его покрывала испарина, но он узнал меня, улыбнулся и подмигнул, подмигнул радостно, торжествующе. Я отвернулся.

«Его нужно остановить», — сказал Гиделон.

Лорд Струин покачал головой:

«Слышите аплодисменты? Им нравится, и толпа все растет по мере того, как он переходит с уровня на уровень. Его поднимут до Входа Клинков и доставят в Стоен еще до конца дня».

«Вы — Коронал,— напомнил Гиделон.— Неужели ничего нельзя сделать?»

«Высший правитель планеты — Понтифекс, и каждое его распоряжение я поклялся исполнять. Изменить всенародно? Нет-нет, Гиделон, что сделано, то сделано, пусть и невероятно, но теперь нам придется жить с этим».

«Многие лета Леди Ариок!» — проревел гудящий голос.

«Леди Ариок! Леди Ариок! Многие лета!»

Я смотрел, как процессия двинулась из Дворца Масок, направляясь то ли к Залу Ветров, то ли ко Дворцу Пирамид. Мы — Гиделон, Каронал и я — не последовали за ней. Ошеломленные, молчаливые, мы стояли неподвижно до тех пор, пока не исчезли оживленные фигуры. Я был смущен, находясь в обществе двух самых великих людей нашего мира в столь уничижающий момент. Это было настолько нелепо и фантастично — это отречение и провозглашение Леди Острова Сна, — что они были сбиты с толку.

Наконец Гиделон задумчиво произнес:

«Если вы принимаете отречение, как имеющее силу, Лорд Струин, то вы больше не Коронал и должны быть готовы стать главой планеты и Лабиринта. Теперь вы наш Понтифекс».

Слова его поразили Лорда Струина. Сгоряча он, видимо, не подумал о последствиях признания желания Ариока.

Рот его открылся, но он ничего не сказал. Он сжимал и разжимал кулаки, словно делая себе самому знак звездного огня, но я понимал, что это всего лишь выражение замешательства. Я чувствовал благоговейную дрожь: стать свидетелем передачи власти, к чему Лорд Струин был совершенно не готов. Я понимал его: оставить в расцвете лет радости Замковой Горы, сменить веселье городов и красоту мира на мрачный Лабиринт, снять венец звездного огня и надеть диадему — нет, он был совершенно не готов, и когда истинное положение вещей дошло до него, он смутился и заморгал. Наконец после длительного молчания проговорил:

«Да будет так. Я — Понтифекс. Но кто, спрашиваю я вас, займет место Коронала?»

Я полагал, что это риторический вопрос, поэтому ни я, ни герцог ничего не ответили.

«Кто будет Короналом?» — с гневом повторил Лорд Струин.

Он не сводил глаз с Гиделона.

Скажу честно, я был поражен, став свидетелем событий, которые вряд ли забудутся и за десять тысяч лет. Но насколько сильнее это ударило по

ним! Гиделон отшатнулся, невнятно бормоча. С той поры еще, когда Ариок и Лорд Струин были относительно юными, прежними Лордами Маджипура был разработан план о порядке передачи престола. И хотя Гиделон был человеком сильным и могущественным, сомневаюсь, чтобы он когда-либо ждал, что достигнет вершины Замковой Горы, и уж, конечно, не таким путем. Он задохнулся, не в силах произнести ни слова, и в конце концов первым отреагировал я — опустился на колени, сделав знак звездного огня, и выкрикнул, задыхаясь от волнения:

«Гиделон! Лорд Гиделон! Да здравствует Лорд Гиделон! Многие лета Короналу!»

Никогда я не видел, чтобы люди так поражались, смущались и мгновенно менялись, как бывший Лорд Струин, ставший Понтифексом, и бывший герцог Гиделон, ставший Короналом. Лицо Струина отражало бурю чувств, Лорд Гиделон был чуть не при смерти.

И — тишина.

Наконец Гиделон заговорил необычно дрожащим голосом:

«Если я Коронал, обычай требует, чтобы моя мать стала Леди Острова Сна».

«Сколько лет вашей матери?» — спросил Понтифекс Струин.

«Она очень стара, дряхла, можно сказать».

«М-да... Наверняка она совершенно не подготовлена к труду Леди, да и недостаточно сильна, чтобы вынести его».

«Все так», — кивнул Лорд Гиделон.

«Кроме того, — продолжал Струин, — на сегодня у нас уже имеется новоявленная Леди, и другую так сразу не подберешь. Давайте посмотрим, как будет справляться с обязанностями во Внутреннем Храме Ариок, прежде чем подыщем кого-нибудь на его место».

«Безумие», — повторил Гидеон.

«Действительно, безумие, — согласился Понтифекс Струин. — Идемте, проследим, чтобы Леди в безопасности доставили на Остров».

Я отправился за ними к выходу из Лабиринта, где мы наткнулись на десятитысячную толпу, славящую его или ее — Ариока, босого, в роскошной

мантии — и готовую доставить колесницу и отвезти его или ее в порт Стоен. Пробриться к Ариоку оказалось невозможно, настолько плотно стояла толпа.

«Безумие,— снова и снова повторял Гиделон.— Безумие!»

Но я знал другое: я видел, как подмигнул мне Ариок, и понял его. Это было вовсе не безумие. Понтифекс Ариок нашел лазейку, как выбраться из Лабиринта. Будущие поколения, я уверен, станут считать его имя символом глупости и нелепости, но я знаю, что он совершенно нормальный человек. Человек, для которого венец стал тягостью.

Так, после позавчерашнего необычного случая, у нас появились новый Понтифекс, новый Коронал и новая Леди Острова Сна. Теперь ты знаешь, как все произошло.

Калинтан закончил рассказ и надолго приник к чаше с вином. Силимэр смотрела на него с выражением, казавшимся молодому человеку смесью жалости, презрения и любви.

— Ты как малое дитя,— сказала она наконец.— С твоими титулами, верноподданическими выражениями и прочими узами чести. Но я понимаю, сколько тебе пришлось пережить и как это на тебя повлияло.

— Есть еще кое-что,— заметил Калинтан.

— Вот как?

— Коронал Лорд Гиделон, прежде чем удалиться в свои покои и заняться всеми этими перевоплощениями, назначил меня своим помощником. На следующей неделе он уезжает в Замок, и... естественно, я обязан быть рядом с ним.

Ее изумительные бирюзовые глаза смотрели на него.

— Я родилась в Лабиринте,— сказала Силимэр,— и люблю то, что дорого всем здешним жителям.

— Это твой ответ?

— Нет,— Силимэр покачала головой.— Ответ ты получишь позже. Чтобы привыкнуть к великим переменам, мне требуется гораздо больше времени, чем всем твоим Понтифексам и Короналам.

— ...ты ответила?

— Потом,— повторила она и, поблагодарив за вино и рассказ, оставила его за столиком.

Немного погодя Калинтан тоже поднялся и устало направился к себе, слыша, как повсюду судачат о новостях. Как гудение комаров над ухом, доносились слова о том, что Ариок теперь Леди, Струин — Понтифекс, Гиделон — Коронал. Он вошел в свою комнату и попытался уснуть, но сон не шел, и он уныло думал, что разлука с Силимэр оказалась роковой для их любви, и что вопреки ее намеку она отвергла его. Но он ошибался, через день она прислала записку, что готова ехать с ним, и когда Калинтан занял свое место в Замке, Силимэр была рядом с ним, как и много лет спустя после того, как он первым приветствовал Коронала Лорда Гиделона. Его пребывание на посту помощника было кратким, но веселым, и он занимался созданием великой дороги к вершине Горы, что носит теперь его имя. И когда в старости он вернулся в Лабиринт уже Понтифексом, то не удивился этому, ибо всю способность удивляться утратил в тот давний день, когда Понтифекс Ариок провозгласил себя Леди Острова Сна.

ПУСТЫНЯ УКРАДЕННЫХ СНОВ

Так легенда об Ариоке, как видел теперь Хиссуне, извратила правду о нем. Исканый временем Ариок выглядел шутком, капризным клоуном, но, тем не менее, если свидетельство Лорда Калинтана что-нибудь значило, все было совсем не так. Страждущий человек, искавший свободы и обретший ее, а вовсе не клоун и не сумасшедший. Хиссуне, сам угодивший в западню Лабиринта и стремившийся вкусить свежего воздуха внешнего мира, отнесся к Ариоку как к брату по духу.

Довольно долго после этого Хиссуне не подходил к Счетчику Душ. Проникновение в прошлое оказалось слишком сильным и болезненным ударом: в сознании оставались какие-то черты характеров Тесме, капитана Эремайла, Синнабора Лавона — так что он с трудом разбирал, кто есть кто.

Помимо всего прочего, ему приходилось заниматься и делами. За полтора года он покончил с налоговыми документами, и так ловко, что ему

тут же всучили новую работу в Доме Записей — обзор распределений в группах коренного населения Маджипура. Хиссуне знал, что у Лорда Валентина какие-то затруднения с метаморфами (несколько лет назад произошло жуткое происшествие — заговор метаморфов сверг его с трона), и Хиссуне припоминал, что во время пребывания на вершине Замковой Горы среди сильных мира сего ему довелось услышать о планах Коронала по более полному вовлечению Изменяющих Форму в жизнь планеты, если такое возможно. Хиссуне подозревал, что статистические данные, которые он запрашивал, имеют некое отношение к великой стратегии Коронала, и это доставляло ему искреннее удовольствие.

И заодно давало повод для иронических улыбок, поскольку он был достаточно проникновенен, чтобы осознать, что произошло с уличным оборвышем Хиссуне. Этот ловкий и проворный мальчишка к юности превратился в выучившегося и остепенившегося человека, чиновника, а ведь прошло всего семь лет с тех пор, как на него пал венценосный взор. Да, думал он, четырнадцатилетним навсегда не останешься, пришло время покинуть улицы и стать полноправным членом общества. Но все равно он испытывал некоторое сожаление об утраченном детстве, о том мальчишке, каким был. Правда, кое-что от того проказливого мальчишки до сих пор кипело в нем, только кое-что, но хватало и этого. Еще он вдруг обнаружил, что стал глубоко задумываться над общественным строем Маджипура, над организацией межрасовых политических сил и над понятием, подразумевающим ответственность, над тем, каким образом различные племена сохраняют гармоничный союз. Четыре могущественные силы планеты — Понтифекс, Коронал, Леди Острова Сна и Король Снов, — как, удивлялся Хиссуне, они ухитряются управлять, и хорошо управлять таким огромным и сложным миром? Даже в их глубоко консервативном обществе, где почти ничего не изменилось за прошедшие тысячелетия, гармония власти казалась сверхъестественной, а равновесие сил — неким божественным даром. У Хиссуне не было обычного наставника, не было никого, к кому бы он мог

обратиться с просьбой объяснить эту загадку, но зато у него были Считчик Душ и жизни людей прошлого, способные предоставить нужные знания. И потому, вновь подделав пропуск, юноша прошел стражу и начал подбирать ключи, отыскивая в минувшем не просто удивительное или забавное, но и понимание развития политических сил своей планеты. «Каким серьезным молодым человеком ты заделался», — сказал он себе, пока разноцветный ослепительный свет пробивался в его сознание душой давно умершего человека.

1

Сувраель, подобно сверкающему мечу, лежал поперек южного горизонта, мерцая и пульсируя от жары. Деккерет, стоявший на носу грузового судна, на котором совершил долгое и утомительное путешествие через море, ощутил, как кровь быстрее заструилась в жилах. Наконец-то Сувраель! Страшное место, отвратительный континент, бесплодная и жалкая земля, до которой осталось еще несколько дней плавания, — кто знает, какие ужасы его там ждут? Но он готов. Деккерет верил, что в Сувраеле, как и на Замковой Горе, что бы ни произошло, все к лучшему. Ему было двадцать лет, он был высок, полноват, с короткой шеей и невероятно широкими плечами. Шло второе лето славного царствования Лорда Престимиона при великом Понтифексе Конфалуме.

Предпринятое путешествие к пылающим водам бесплодного Сувраеля было для Деккерета актом искупления. Охотясь в Болотах Кинтора в далеком северном краю, он совершил серьезный проступок, и какое-то искупление казалось ему необходимым. Он понимал, что жест этот романтичен и рассчитан на публику, но не мог ни протить себя, ни преодолеть. И если не впасть в романтику в двадцать лет, то когда? Конечно, не через десять-пятнадцать лет, когда он будет прикован к колеснице судьбы, уютно устроившись при дворе Лорда Престимиона, где ждет его неизбежная и легкая карьера. А сейчас

Сувраель должен очистить его душу, и плевать на последствия!

Его друг, наставник и товарищ по охоте в Кинторе Акбалик так и не смог ничего понять, хотя Акбалик, конечно, не романтик, а кроме того, ему далеко за двадцать. Когда однажды ночью в неприглядной горной таверне после нескольких флажек золотистого вина Деккерет объявил о своем решении, Акбалик разразился грубым фыркающим хохотом.

— Сувраель?— выкрикнул он.— Ты осудил себя слишком тяжело. Нет такого вонючего греха, который заслуживал бы прогулки на Сувраель!

Но Деккерет, уязвленный снисходительностью приятеля, медленно покачал головой:

— Зло пятном лежит на мне. Я сниму его с души жарким солнцем.

— Лучше отправляйся в паломничество на Остров Сна и попроси благословенную Леди исцелить твою душу.

— Нет, только Сувраель.

— Почему?

— Я хочу убраться подальше от наслаждений Замковой Горы,— объяснил Деккерет,— хочу сменить самое приятное место Маджипура на мрачную и отвратительную пустыню бешеных ветров. Умерщвление плоти, Акбалик, поможет мне искренне раскаяться. Я хочу чувствовать боль — понимаешь?— до тех пор, пока сам не прошу себя. Вот так.

— Вот так. Но коли ты собрался умерщвлять плоть, будь последователен: предлагаю тебе не снимать ее, пока будешь слоняться под сувраельским солнцем.— И ухмыляющийся Акбалик ткнул пальцем в плотную мантию из черного меха канторов, которую носил Деккерет.

Деккерет расхохотался.

— В умерщвлении тоже не стоит преступать границ,— заметил он и потянулся за вином.

Акбалик был вдвое старше Деккерета и, разумеется, находил его желание смешным, но даже пьяный не отступил.

— Может, я попробую тебя отговорить?

— Бесполезно.

— Это просто пустая трата времени,— тем не менее, продолжал Акбалик.— Перед тобой карьера. Имя твое часто повторяется сейчас в Замке. Лорд Престимион отзывается о тебе как о многообещающем молодом человеке, обладающем характером и обязанном подниматься по служебной лестнице. У тебя все черты самого Престимиона в юности, потому-то он и привечает тебя. А ты тут, среди полей Кинтора... забудь о Сувраеле, Деккерет, и возвращайся со мной в Замок. Венценосец устроит твое будущее. На Маджипуре сейчас добрые времена, и приятно будет провести их среди сильных мира сего. Кой демон несет тебя на Сувраель? Ведь никто не знает о... э... твоём грехе?

— Я знаю.

— Ну, пообещай никогда больше не повторять этого, и все.

— Не так-то все просто,— ответил Деккерет.

— Потратить впустую год-два жизни, если вообще не потерять ее в бессмысленном и безумном путешествии...

— Не бессмысленном. И не бесполезном. Все не так, Акбалик. Я связался с людьми Первосвященного и получил официальное назначение. Мне поручено навести кое-какие справки. Не звучит, правда? Последнее время Сувраель не поставляет ни скот, ни мясо, и Понтифекс хочет знать почему. Понимаешь? Карьера моя не прервется даже теперь, хоть ты и считаешь мою поездку глупостью.

— Значит, ты все уже решил?

— В следующий фодей я отплываю.— Деккерет протянул товарищу руку.— Я уезжаю по меньшей мере года на два. Встретимся на Горе, скажем, года через два, на играх в День Зимы в Верхнем Морпине, хорошо?

Спокойные серые глаза Акбалика с минуту смотрели прямо в глаза Деккерета.

— Я буду там,— медленно произнес он.— Обещаю.

Разговор произошел всего несколько месяцев назад, но Деккерету, ощущавшему знойное дыхание южного континента, доносившееся до него над бледно-зелеными водами Внутреннего Моря, казалось, что это было невероятно давно, а плавание продолжалось нескончаемо долго. Начало путешествия

было довольно приятным — спуск по горам к большой провинциальной столице Ни-Мойе, а затем поездка на речной барже вниз по Цимру до портового города Пилиплока на восточном побережье материка. Там он поднялся на борт грузового судна, самого дешевого, которое сумел найти, приписанного к сувраельскому городу Толигаю, а потом все долгое лето плыл на юг, на юг, в душной маленькой клетушке, расположенной прямо под сложенными в кипы высушенными детенышами морских драконов. Когда корабль вошел в тропики, дни принесли такую жару, какой он в жизни не видел, да и ночи были не намного лучше, а команда — в основном косматые скандары — посмеивалась и убеждала наслаждаться прохладой, пока можно, потому что настоящая жара будет в Сувраеле. Но он жаждал страдания, и хотя желание его было уже с лихвой удовлетворено, покорно ждал худшего.

Деккерет не роптал, хотя жизнь со всеми удобствами среди юных рыцарей Замковой Горы и не подготовила его ни к бессонным ночам с вонью от туш морских драконов, ножом режущей ноздри, ни к одуряющей жаре, обрушившейся на корабль через несколько недель после выхода из Пилиплока, ни к невыносимой скуке неменяющегося морского пейзажа. Маджипур был так невероятно велик, что уже этим доставлял немалые трудности.

Деккерет словно плыл из ниоткуда в никуда. Проехать по родному Алханроелю и добраться до западного берега Цимроэля — уже большое путешествие: баркой от Горы до Алайсора потом морем до Пилиплока и вверх по реке до горных болот. Но то было время, когда рядом находился Акбалик, когда Деккеретом владело возбуждение от первого большого путешествия, от новых мест, новой пищи, непривычного говора. И от предвкушения охотничьих забав. А тут? Тюремная клетка на борту этого грязного скрипучего судна, загруженного сушеным мясом с резким запахом. Нескончаемая череда пустых дней без друзей, без обязанностей, без умных бесед. Хоть бы какой-нибудь чудовищный морской дракон появился, думал он, и оживил плавание. Но нет, нет, нет — миграция драконов проходит, где угодно, но не здесь. Одно огромное стадо, говорили, находится сейчас в западных водах у

Нарабала, а другое — между Пилиплоком и Родамаунтским Архипелагом, и Деккерету не пришлось увидеть ни одного морского дракона. Что же было делать со скукой?

Он страдал, это правда, и страдания бальзамом лились на рану, но все равно осознание того чудовищного поступка, который он совершил в горах, нисколько не уменьшилось. Было жарко, скучно, не было никакой возможности отдохнуть, и к тому же его терзало чувство вины, а он еще и бередил свою рану, отыскивал в себе черты трусости, слабости и глупости, с иронией вспоминая похвальный отзыв о себе самого Лорда Престимиона.

В конце концов, Деккерет пришел к выводу, что душу, должно быть, излечивает нечто большее, чем сырость и скука вперемежку с вонючими ароматами. Во всяком случае, он получил представление об этом, причем предостаточное, и был готов начать следующий этап своего паломничества в неизвестное.

В 2
сякое плавание кончается, даже бесконечное. Жаркий ветер с юга усиливался день ото дня до тех пор, пока палуба не раскалилась до такой степени, что по ней невозможно стало пройти босиком, и скандары чуть ли не ежечасно драили ее швабрами. А потом вдруг пышущая жаром масса закрыла горизонт и распалась на береговую линию и пасть гавани... Они, наконец, добрались до Толигая.

Сувраель лежал в тропиках. Его внутренняя часть была пустыней, угнетающей колоссальной тяжестью сухого мертвого воздуха и опаленной бешеными ветрами, но периферия континента была более-менее населена, и на побережье находились пять основных городов, из которых самым большим и основным в торговле с остальным Маджипуром являлся Толигай.

Когда судно входило в широкую гавань, Деккерета поразила необычность окружающего. За свою недолгую пока жизнь он видел великое множество огромных городов: десяток из пятидесяти на склонах

Горы, открытый ветрам Алайсор, изумляющую белыми стенами Ни-Мойю, пышный Пилиплок и многие, многие другие, — но никогда он не встречал города, выглядевшего столь голубым, таинственным и отталкивающим.

Толигай крабом цеплялся за низкий горный гребень, тянувшийся вдоль моря. Здания были плоскими и квадратными, из обожженного солнцем оранжевого кирпича, с простыми щелями вместо окон и редкими деревцами вокруг, среди которых преобладали жутковатого вида угловатые пальмы с голыми стволами и крошечными лиственными кронами высоко над головой.

Сейчас, в полдень, улицы были почти пусты. Морской ветер сыпал водяные брызги на песок и потрескавшиеся камни мостовой. Деккерету Толигай показался чем-то вроде открытой тюрьмы, грубой и безобразной, или, возможно, городом вне времени, который принадлежал некоему доисторическому народу. Почему кто-то избрал под строительство столь удручающее место? Ответ, несомненно, заключался в обычной выгоде, и все-таки, невзирая на отталкивающую архитектуру, город, наверное, можно было назвать вызовом жаре и засухе.

По наивности Деккерет считал, что сможет сразу сойти на берег, но это оказалось не так-то просто. Больше часа судно стояло на якоре в ожидании портовых чиновников — трех мрачных хьортов, которые должны были прибыть на борт. Затем последовали долгий санитарный осмотр, проверка грузовой декларации, долгое препирательство по поводу оплаты стоянки в доке, и, наконец, пассажир сошел на берег.

Носильщик-хайрог подхватил багаж Деккерета и осведомился о названии гостиницы. Деккерет объяснил, что нигде не заказывал место, и поинтересовался, где можно остановиться.

Змееподобное существо с высывающимся языком и черными мясистыми волосами, извивающимся, как клубок змей, ответило холодно-насмешливым взглядом, сказав:

— Все зависит от платы. Деньги у вас есть?

— Немного. Могу предложить три кроны за ночлег.

— Маловато. На это купишь только соломенный тюфяк да паразитов на стенах.

— Как раз по мне,— сказал Деккерет.

Хайрог, казалось, оторопел, если, конечно, можно представить оторопевшего Хайрога.

— Вам там не понравится, господин. Я по вашему виду вижу, что вы важная персона.

— Возможно. Но у меня тощий кошелек, так что рискну поспать с клопами.

Но в действительности гостиница оказалась не такой скверной, как он опасался: древняя, убогая, грязная и унылая — да, но таким же выглядело все окружающее, а отведенная комната показалась Деккерету чуть ли не дворцом после корабельной каморки, к тому же в ней не было вони от туш морских драконов — только сухой резкий привкус воздуха Сувраеля, похожий на затхлость осушенной тысячи лет назад фляги с вином. Деккерет дал Хайрогу полкроны, за что не получил обычной благодарности и распаковал свои нехитрые пожитки.

День клонился к вечеру, когда он вышел из гостиницы.

Одурающий зной почти не спал, но хлесткий режущий ветер дул уже не столь яростно, и на улицах сейчас было больше народу. Город был все так же мрачен — подходящее место для искупления. Деккерет чувствовал отвращение к пустым фасадам кирпичных зданий; с ненавистью глядел на окружающее и скучал по мягкой свежести родного Норморка, раскинувшегося на нижнем склоне Замковой Горы. Почему, удивлялся он, кто-то решил поселиться здесь, когда имеются гораздо более приятные места на континенте? Что за очерствение души заставляет несколько миллионов маджипурцев бичевать себя ежедневной суровостью жизни в Сувраеле?

Представительство Первосвященного располагалось на пустой и огромной площади, выходящей к гавани. Полученные указания призывали Деккерета побывать там и, несмотря на уже поздний час, он нашел представительство открытым: как оказалось, все жители Толигая проводили день дома, избегая жары и перенося все дела на поздний вечер.

Ему пришлось обождать немного в передней, украшенной большими белыми портретами царствующих Властителей: Понтифекса Конфалума, глядевшего великодушно, но подавляющего своим ве-

личием, и молодого Коронала Лорда Престимиона, в чьих глазах светились ум и энергия. Маджипур расцвел под его правлением, подумал Деккерет. Еще мальчишкой он видел Конфалума, тогда Коронала, чей двор находился в красивейшем городе Бомбифале на вершине Горы. Деккерет помнил, как ему хотелось кричать от радости при виде спокойного, излучающего силу Коронала. Несколько лет спустя Конфалум стал Понтифексом и переселился в подземные тайники Лабиринта, а Престимион был избран Короналом. Он совершенно не походил на прежнего Властителя: в равной степени производящий впечатление, он отличался более стремительной, энергичной силой. Во время грандиозного шествия по Пятидесяти Городам Горы он углядел в Норморке юного Деккерета и приблизил его к себе. В той поездке к нему присоединилось много рыцарей, обучавшихся в Высших Городах. Эпохальным событием казались Деккерету великие перемены в его жизни, наступившие с той поры. В восемнадцать лет ему выпал фантастический шанс подняться за один день к трону Коронала, а затем... затем был злополучный отдых в горах Цимроэля, и теперь, когда ему едва минуло двадцать, он нервничал в пыльном вестибюле представительства Первосвященного в скучном городе мрачного Сувроэля и испытывал ощущение, что у него вообще нет будущего, а только бесплодная череда бессмысленных лет.

Невысокий и пухлый, раздраженный хьорт появился в дверях и объявил:

— Старший Управляющий Колатор Ласгия сейчас вас примет.

Титул был звучным, но владельцем его оказалась стройная темнокожая женщина не старше Деккерета, которая внимательно оглядела его большими ласковыми глазами. Она небрежно сделала знак Первосвященности, отвечая на приветствие, и приняла верительные грамоты.

— Инитэйт Деккерет,— прочитала она вслух.— Поручено расследовать и навести справки... под-
разумевают... провинция Кинтора... так... Я не понимаю, Инитэйт Деккерет, вы на службе у Коронала или у Понтифекса?

— Я служу Лорду Престмиону, но когда был в Кинторской провинции, у Службы Первосвященного возникла нужда в человеке для расследования кое-чего в Сувраеле, а потом местные официалы узнали, что я все равно собираюсь сюда, и сделали мне предложение, хоть я и не отношусь к службе Понтифекса...

С легким шлепком бросив бумаги Деккерета на крышку стола, Колатор Ласгия перебила его сбивчивые объяснения вопросом:

— Вы все равно собирались сюда? Можно узнать, зачем?

Деккерет вспыхнул:

— Это мое личное дело, если позволите.

— А какие дела,— продолжала она,— вызвали к Сувраелю столь пристальный интерес моих братьев из Кинтора? Или мое любопытство и в данном случае неуместно?

Деккерет почувствовал себя неуютно.

— Это связано с дисбалансом в торговле,— ответил он, с трудом выдерживая ее холодный пронзительный взгляд.— Кинтор является производственным центром и поставляет свою продукцию в Сувраель в обмен на скот; последние два года поставки блавов и маунтов из Сувраеля неуклонно снижались, и сейчас экономику Кинтора трясет. Производственникам трудно оказывать Сувраелю такой большой кредит.

— Для нас это не ново.

— Необходимо осмотреть здешние пастбища,— сказал Деккерет. — Необходимо также сделать все возможное, чтобы поставки скота увеличились как можно скорее.

— Хотите вина?— внезапно предложила Колатор Ласгия.

Деккерет по традиции считался с гостеприимством; пока он что-то невнятно бормотал, женщина достала две фляжки золотистого вина, ловко сорвала пробки и протянула одну Деккерету. Вино было холодным и ароматным.

— Вино из Кинтора,— заметила женщина.— Что касается дисбаланса в торговле Сувраеля, Инитэйт, ответ в том, что в последний год правления Понтифекса Принкипина Сувраель поразила страшная засуха. Вы спросите, какая разница между засуш-

ливым годом и обычным? Разница есть, Инитэйт, и значительная — от засухи пострадали округа, где выращивают скот, так что у нас не было возможности его прокормить, и пришлось забить столько, сколько смог принять рынок, а большую часть оставшегося продать фермерам восточного Цимроэля. Немного времени спустя — как раз, когда Лорд Конфалум перебрался в Лабиринт — снова пошли дожди, и в саваннах начали расти травы, но на восстановление поголовья потребуется несколько лет. Потому-то торговый дисбаланс и продолжался так долго, но теперь, смею вас уверить, все входит в норму.— Она холодно улыбнулась.— Я рада, что могу уберечь вас от неудобств неинтересной поездки во внутренние округа.

Деккерет вдруг почувствовал, что весь покрылся потом.

— Как бы там ни было, Старший Управляющий, я обязан побывать на пастбищах.

— Вы не узнаете больше того, что я вам сейчас сказала.

— Не хочу показаться непочтительным, но в моем поручении особо подчеркнуто, чтобы я проверил все лично.

— Поездка на пастбища,— заметила Колатор Ласгия,— доставит вам много хлопот, не говоря уже об обычных физических неудобствах и опасностях. На вашем месте я бы осталась в Толигае, пользовалась бы удовольствиями, которые тут имеются, и занималась личными делами, приведшими вас на Сувраель, а по прошествии времени проконсультировалась бы в нашем представительстве и написала отчет об инспекции, после чего вернулась бы в Кинтор.

В Деккерете мгновенно расцвели подозрения. Филиал представительства, в котором она служила, не всегда сотрудничал со службой Коронала, к тому же она довольно прозрачно намекнула на что-то, происходящее на Сувраеле; хотя поручение было всего лишь предлогом для его поездки сюда, он все-таки хотел и в дальнейшем продвигаться по службе, а если позволить Старшему Управляющему Понтифекса легко надуть себя, это впоследствии могло обернуться дурной услугой. Теперь он пожа-

лел, что согласился выпить вина, но, скрывая смущение, сделал несколько учтивых глотков и сказал:

— Честь не позволяет мне воспользоваться вашим советом.

— Сколько вам лет, Инитэйт?

— Я родился на двадцатый год царствования Лорда Конфалуа.

— Тогда понятно, что ваше чувство чести еще обострено. Пойдемте, взглянем на карты.— Она резко встала, оказавшись выше, чем он ожидал, почти его роста. Черные и густые завитки волос испускали тонкий аромат, пробивавшийся даже сквозь сильный винный запах. Она коснулась стены, и карта Сувраеля в бриллиантовой оправе появилась перед глазами.

— Вот Толигай,— сказала женщина, постучав по северо-западному углу континента.— Выпас скота здесь.— Она указала на ленту, начинавшуюся в шести-семи милях от берега и кольцом огибавшую пустыню в сердце Сувраеля.— Из Толигая,— продолжала она,— к пастбищам ведут три дороги. Вот одна из них. В данное время она разрушена песчаными бурями, и безопасно двигаться по ней невозможно. Вот — вторая. Здесь у нас кое-какие затруднения с Изменяющими Форму, и она также закрыта для путников. Третья находится здесь, у Кавагского Прохода, но этой дорогой не пользуются уже давно, и рука огромной пустыни начинает вторгаться сюда. Теперь вы видите сами.

Деккерет произнес как можно мягче:

— Но если все дороги между выпасами и основным портом Сувраеля разрушены, действительно ли недостаток пастбищ подлинная причина прекращения поставок скота?

Женщина засмеялась.

— Есть ведь и другие порты, откуда корабли вывозят продукцию.

— Следовательно, если я попаду в такой порт, то оттуда смогу добраться до пастбищ?

Она вновь постучала по карте.

— В прошлом году центром экспорта скота стал порт Нати-Корвин. Но он расположен на востоке, в шести тысячах миль отсюда.

— Шесть тысяч миль...

— И торговых связей между Нати-Корвином и Толигаем почти нет. Примерно раз в год корабль ходит из одного города в другой; а с наземными путями дела обстоят еще хуже, чем с дорогами до выпасов: от Толигая пришлось бы добираться до Кэнгиза, — она показала городок, отстоящий от Толигая на пару тысяч миль, — а дальше — кто знает? Континент наш негусто заселен.

— Получается, что возможности добраться до Нати-Корвина нет? — с удивлением заключил Деккерет.

— Почему же? Одна есть. Нужно лишь сесть на корабль до Стоена в Алханроеле, а уж оттуда добираться до Нати-Корвина. Это займет не больше года. К тому времени, когда вы снова доберетесь до Сувраеля, неувязки, которые вы прибыли расследовать, скорее всего прекратятся. Еще вина, Инитэйт?

Он с трудом заставил себя взять фляжку. Услышанное поразило его. Еще один вояж через Внутреннее Море?! Прodelать обратный путь до родного Алханроеля только за тем, чтобы в третий раз перебраться через океан, уже к противоположной оконечности Сувраеля, и, вероятно, узнать, что тем временем дороги в глубь страны закрылись и там? Нет, нет! Искупление не заходило так далеко. Лучше уж вообще не заниматься делом, чем согласиться на такую нелепость. Пока он колебался, Колатор Ласгия сказала:

— Час поздний, а ваши дела необходимо подробно обсудить. Отобедаете со мной, Инитэйт?

И ее поразительные темные глаза внезапно заблестели.

В компании Старшего Управляющего Колатор Ласгии Деккерет открыл, что жизнь в Толигае не так уж мрачна и уныла, как показалось ему с первого взгляда. Она отвезла его на флотере в гостиницу — он заметил ее отвращение к этому «отелю» — и предложила отдохнуть, выкупаться и быть готовым через час.

Сгушались медные сумерки, и за какой-то час небо стало совершенно черным, испятнанным немногочисленными чужими созвездиями да светлым полумесяцем у горизонта — слабым намеком на одну из лун.

Колатор Ласгия заехала за ним в точно назначенное время. Взамен официальной туники она надела что-то вроде сетки, и выглядела очень соблазнительно.

Деккерет немного удивился: он пользовался успехом у женщин, но, насколько помнил, ничем не дал понять, будто интересуется ею — ничего, кроме обычного уважения, и тем не менее ее одежда явно предполагала ночную близость? Почему? Очевидно, не из-за его неотразимых умственных и физических данных; да и никаких политических выгод она от него не могла получить! Оставалось одно — жизнь местных обитателей была унылой и скучной, а он был молодым странником, который мог своей юностью развлечь молодую женщину. Он понимал, что его используют, но не находил в этом ничего дурного. После стольких месяцев, проведенных в море, он и сам был непрочь получить удовольствие.

3

ни обедали в саду какого-то ресторана на окраине города, красиво и столь обильно украшенном знаменитыми живыми растениями Стоензара и прочими цветущими чудесами, что Деккерет невольно начал прикидывать, сколько скромных водных запасов Толигая используется для поддержания этой роскоши. За остальными, довольно удаленными друг от друга столиками сидели суварельцы в красивых нарядах, и Колатор Ласгия кивала то одному, то другому, но к ним никто не подошел, хотя многие с любопытством разглядывали Деккерета. Здесь же стояло небольшое одноэтажное здание, изнутри которого тянуло прохладой, словно там работала некая удивительная и непонятная машина древних, сестра тех, что создавали восхитительную атмосферу Замковой Горы.

Деккерет наслаждался прохладой впервые за много недель. Превосходный обед состоял из слегка ферментированных фруктов и нежных, сочных спинок бледно-зеленых рыб вкупе с отличным сухим вином из Амблеморна, способным украсить стол и в покоях Коронала.

Женщина много и непринужденно пила, и Деккерет следовал ее примеру. Глаза их оживились, заблестели, холодность официального разговора в представительстве исчезла. Он узнал, что она уже десять лет возглавляет здешнее отделение, что сама она уроженка влажного и буйного Нарабала на западном континенте, на службу Понтифекса поступила еще девочкой и живет в Сувраеле уже десять лет.

— Вам здесь нравится?— спросил Деккерет.

Она пожала плечами.

— Можно привыкнуть ко всему.

— Сомневаюсь, чтобы я смог. Для меня Сувраель что-то вроде чистилища.

Колатор Ласгия кивнула:

— Точно.

Глаза ее на мгновение вспыхнули. Деккерет не решился спросить ее, но что-то подсказывало ему, что у них много общего. Он вновь наполнил чаши и позволил себе дразняще-холодную понимающую улыбку.

— Вы ищете здесь очищения?— спросила она.

— Да.

Она обвела рукой сад, фляжки с вином, блюда с недоеденными деликатесами.

— Не скажу, чтобы вы выбрали удачно.

— Обед с вами не входил в мои планы.

— В мои тоже, но, благодаря Дивин, все вышло так, а не иначе.— Она наклонилась поближе.— Что вы будете делать? Отправитесь в Нати-Корвин?

— Не знаю. Честно говоря, меня не прельщает столь тяжелая поездка.

— Тогда послушайтесь моего совета: до поры до времени оставайтесь в Толигае, а после напишите отчет. По-моему, это самое разумное.

— Нет. Я должен ехать.

На ее губах появилась насмешка.

— Какое трудолюбие! Только как это сделать? Дороги закрыты.

— Вы упоминали о Кавагском Проходе. По-моему, это лучше, чем бандиты и песчаные бури. Попробую нанять караван, вернее, проводника.

— В пустыню?

— Если придется.

— Что же, пустыню посещают довольно часто,— усмехнулась Колатор Ласгия.— Только лучше выбросьте эту затею из головы.

— Спасибо, не могу.

— Хорошо. Мы пойдем куда-нибудь?

Выходя из прохладного сада на душную улицу, Деккерет ощутил что-то вроде шока — настолько резким оказался контраст между жарой и прохладой за столом.

Но быстро усевшись во флотер, они скоро ощутились в другом саду. Здесь не было погодной установки, но имелся бассейн, и, сбросив одежду, женщина устремилась в его прохладу.

Потом они лежали в объятиях на постели из травы, и он падал куда-то, а когда снова выбрался наружу, солнце уже висело в небе.

Он повернулся к женщине и, вспомнив ее вчерашние слова, спросил:

— Расскажи мне об этой пустыне. Там что, являются духи?

— Не смейся.

— Хорошо. Но все-таки?

— Там призраки вторгаются в сны и похищают их. Похищают из души радость, оставляя только страх. А днем поют, завлекая, и уводят в пустыню своей музыкой.

— И в это верят?

— Многие, вошедшие в пустыню, погибли.

— Хм... Крадущие сны призраки!

— Не смейся, — повторила она.

— Будет о чем рассказать, когда вернусь в Замок.

— Если вернешься.

— Но ты же говоришь, погибают не все?

— Да. Но только когда идут большие караваны.

— Ну, я-то пойду один.

— Ты погибнешь.— Она прижалась к нему, поцеловала в плечо.— Забудь о пустыне и останься здесь.

— Нет.

Деккерету не верилось в рассказы о призраках. Он уже принял решение.

Бедра Колатор Ласгии прижались к его бедрам, и он забыл обо всем.

Потом они наскоро окунулись в бассейн, и она привезла его в свой дом, где угостила завтраком из фруктов и вяленой рыбы.

Внезапно, когда время уже близилось к полудню, женщина спросила:

— Ты должен ехать? Но почему?

— Я не могу объяснить, но это нужно мне самому.

— Хорошо. В Толигае есть один негодяй, который частенько рискует забираться в глубь Кавагского Прохода и оставаться в живых, то есть это он так заявляет. Если набить его ройялами, он, несомненно, согласится стать проводником. Его зовут Барьязид, и если ты не передумашь, я свяжусь с ним и попрошу помочь тебе.

4

«Н

егодай» подходило к Барьязиду в самый раз. Это был тщедушный на вид, не заслуживающий уважения коротышка в старом коричневом плаще, рваной одежде и поношенных кожаных сандалиях. На шее у него болталось старинное, неудачно подобранное ожерелье из костей морского дракона. Губы его были тонкими, глаза лихорадочно блестели, кожа загорела до черноты под солнцем пустыни. На Деккерета он смотрел с таким видом, будто прикидывал тяжесть его кошелька.

— Если я соглашусь взять вас с собой,— проговорил он абсолютно невыразительным голосом,— то первым делом вы дадите мне обязательство, освобождающее меня от всякой ответственности перед вашими наследниками даже за вашу гибель.

— У меня нет наследников,— заметил Деккерет.

— Значит, перед родственниками. Я не желаю, чтобы меня притягивали к ответу служба Понтифекса, ваш отец или старшая сестра, потому что вы сгинули в пустыне.

— Разве вы сами сгинули в пустыне?

Барьязид, казалось, был сбит с толку.

— Нелепый вопрос.

— Вы несколько раз ходили в пустыню, — сказал Деккерет, — и возвращались живым. Так? Стало быть, если вы знаете свое дело, то выберетесь живым и на этот раз. То же и со мной: если я погибну, вы погибнете тоже, и у моей семьи претензий к вам не возникнет.

— Да, но я могу противостоять похитителям снов, — сказал Барьязид. — Все это я уже проверил и испытал. Вам же необходимо осознать, с чем придется столкнуться.

Деккерет нанимал Барьязида на службу, попивая напиток из какого-то сильнодействующего сока кустарника барханой. Они сидели на корточках на выдубленных шкурах чаусов в заплесневелой задней комнатухе торговой лавки, принадлежащей племяннику Барьязида. Очевидно, семья — или клан — Барьязидов была велика. Деккерет машинально отхлебывал напиток крошечными глотками. Потом спросил:

— А кто они — похитители снов?

— Не могу сказать.

— Случаем, не Изменяющие Форму?

Барьязид пожал плечами.

— Они не лезли ко мне со своей родословной. Изменяющие Форму, Хайроги, врооны, люди — откуда я знаю? Очень похоже на голоса во сне. Да, в пустыне определенно есть племена Изменяющих Форму, которые живут свободно, и кое-кто из этого рассерженного народа наверняка таит злые умыслы. Вполне возможно, они владеют искусством проникновения в сознание... Ну, вроде как изменяют свои тела. А может, и нет...

— Хм, если две из трех дорог Толигая перекрыли Изменяющие Форму, войскам Коронала здесь есть работа.

— Это не мое дело.

— Изменяющие Форму — покоренное племя, и нельзя позволить им нарушать нормальную жизнь Маджипура.

— Но вы только предполагаете, что похитители снов — это Изменяющие Форму, — кисло заметил Барьязид. — Сам я в этом вовсе не уверен. Да мне и не важно, кто такие похитители снов. Важно лишь, что благодаря им земля за Кавагским Проходом опасна для путников.

— Тогда почему вы идете?

— Вряд ли я когда-нибудь сумею ответить на такой вопрос,— пробормотал Барьязид.— Иду, потому что есть причины. Но я не похож на других, и вернусь живым.

— А кто-нибудь еще сумел выйти из пустыни живым?

— Сомневаюсь. Вернее, не знаю. Как не знаю и того, сколько погибло с тех пор, как мы впервые услышали о похитителях снов. Даже в лучшие времена пустыня была опасна.— Барьязид помешал напиток.— Раз вы идете со мной, я защищу вас, как сумею. Но гарантировать безопасность я не могу, и потому прошу дать мне расписку, освобождающую от ответственности.

— Если я оформлю такую бумагу, она будет чем-то вроде разрешения на мою смерть. Что тогда помешает вам прикончить меня через десять минут после выхода из города, ограбить мой труп и свалить все на похитителей снов?

— Клянусь Леди, я не убийца! Я даже не вор!

— Вполне возможно, но бумага, гласящая, что в моей гибели никто не виноват, может и совершенно честного человека заставить перешагнуть через все моральные препоны.

Глаза Барьязида вспыхнули от ярости. Он сделал такой жест, словно намеревался оборвать разговор.

— Ваша дерзость переходит всякие границы,— буркнул он, вставая и отодвигая чашку.— Ищите себе другого проводника, коли так боитесь меня.

Деккерет, продолжая сидеть, спокойно ответил:

— Я сожалею о своих предположениях и прошу видеть в моей позиции только точку зрения путешественника по дальней и совершенно чужой стране, который настойчиво ищет помощи от абсолютно незнакомого человека, ведущего его в место, где происходят непостижимые вещи. Приходится быть осторожным.

— Если сильно осторожничать, лучше нанять корабль до Стоена и вернуться к легкой жизни Замковой Горы.

— Я снова прошу вас быть моим проводником. За хорошую плату, но без этого дурацкого похоронного свидетельства. Во сколько вы оцениваете свои услуги?

— Тридцать ройялов,— ответил Барьязид.

Деккерет громко хмыкнул, словно получил удар под дых. Цена оказалась чуть меньше стоимости проезда от Пилиплока до Толигая. Тридцать ройялов — годовой заработок для таких, как Барьязид. Чтобы расплатиться, Деккерету придется подписать долговое обязательство. Первым его порывом было презрительно отказаться и предложить десять ройялов, но он тут же понял, что лишится тогда всякого преимущества в торговле за расписку, освобождающую проводника от ответственности. Если же начать скаречничать, Барьязид просто закончит разговор. И Деккерет произнес:

— Так и быть. Но без письменного обязательства.

— Хорошо, без обязательства, раз вы настаиваете.

— Как будем расплачиваться?

— Половину сейчас, половину — утром перед отъездом.

— Десять ройялов сейчас,— бросил Деккерет,— и десять при отъезде. Последние десять по возвращении в Толигай.

— Тогда треть моего заработка будет условной, зависящей от того, выживете ли вы в поездке. Помните, что я не могу вам этого гарантировать.

— Что ж, возможно, мое выживание станет более вероятным, если я придержу треть платы до конца поездки.

— Да, от рыцаря Коронала следовало ожидать надменности. Мы почему-то не слишком доверяем друг другу. Вряд ли совместное путешествие доставит нам удовольствие.

— Я не имел в виду ничего непочтительного,— заметил Деккерет.

— Вы хотите отдать меня на милость вашей семьи, если вы погибнете, а сами смотрите на меня, как на обычного головореза или в лучшем случае разбойника, и ощущаете потребность расплачиваться так, чтобы у меня возникло как можно меньше соблазнов вас прикончить!— со злобой выпалил Барьязид.— По-моему, юный рыцарь, даже скандары, охотники на морских драконов, гораздо вежливее. А ведь я вовсе не стремлюсь наниматься к вам на службу, не собираюсь унижаться, помогая вам, и...

— Подождите.

— У меня есть еще дела.

— Пятнадцать роялов сейчас,— предложил Деккерет,— и пятнадцать, когда выступим.

— Вы действительно думаете, что я убью вас в пустыне?

— Я излишне подозрителен только потому, что не хочу показаться слишком наивным,— усмехнулся Деккерет.— Разумеется, все сказанное мною нетактично. Приношу свои извинения и прошу вас поступить ко мне на службу.

Барьязид молчал.

Деккерет вытащил из кошелька три пятирочные монеты. Две были старой чеканки с портретами Понтифекса Принкипина и Лорда Конфалума, на третьей, блестящей и новенькой, были выгравированы профили Конфалума, теперь уже Понтифекса, и нового Коронала Лорда Престимиона на обратной стороне. Деккерет протянул деньги Барьязиду. Тот выбрал блестящую монету и с любопытством осмотрел ее.

— Таких я еще не видел,— произнес он.— Звать племянника, чтобы определить, настоящая она или нет?

Это было слишком.

— Вы считаете меня заезжим фальшивомонетчиком!— взревел Деккерет, вскакивая на ноги и нависая над тщедушным человечком. Ярость клокотала в нем, он шагнул вперед и замахнулся.

И только тут до него дошло, что лицо Барьязида осталось совершенно спокойным и бесстрастным. Он улыбнулся и взял две оставшиеся монеты из трясушей от гнева руки Деккерета.

— Выходит, вам тоже не по нутру беспочвенные обвинения, юный рыцарь?— засмеялся Барьязид.— Итак, договорились. Вы больше не ждете, что я убью вас за Кавагским Проходом, а я не стану отправлять ваши деньги на проверку.

Деккерет устало кивнул.

— Но как бы там ни было, путешествие действительно рискованное,— продолжал Барьязид,— и уповать на безопасное возвращение не стоит.

— Пусть так. Когда выезжаем?

— На закате, в файвдей. Из города выйдем через Врата Пиңитора. Вы знаете, где это?

— Найду,— кивнул Деккерет.— Значит, файв-дей, на закате.— И он протянул коротышке руку.

5

айвдей наступил через три дня. Деккерет не жалел о задержке — она дарила ему четыре ночи с Колатор Ласгией. Вернее, так думал он, но вышло по-иному. В представительстве, куда Деккерет зашел вечером после разговора с Барьязидом, не оказалось ни ее, ни записки, и долго еще он, расстроенный, бродил по городу. В конце концов вернулся к себе и перекусил пресной и абсолютно безвкусной едой, все еще надеясь, что Колатор Ласгия вдруг возникнет в дверях и мгновенно унесет его отсюда. Но она не появилась. Спал он беспокойно и тяжело, его преследовали воспоминания о ее гладкой коже, небольших твердых грудях, жадных чувственных губах. А на рассвете пришел сон, неясный и непонятный, в котором она, Барьязид и какие-то хьорты с вроонами исполняли сложный танец в лишенных крыши, занесенных песком каменных развалинах, после которого Деккерет погрузился в здоровый сон и проспал до полудня сидей, когда весь город уже укрылся от палящего зноя.

Позднее, в более прохладные часы, он вновь прогулялся до представительства и, снова не найдя ее, скоротал вечер так же бесцельно, как и предыдущий. Ложась спать, он возбужденно просил Леди Острова Сна послать ему образ Колатор Ласгии. Но Леди далека от подобных вещей, и в эту ночь он получил только обычный успокаивающий и ободряющий сон — возможно, дар благословенной Леди, а возможно, и нет, — в котором пребывал под соломенной крышей хижины на берегу Великого Моря под Тил-Омоном и откусывал маленькие кусочки от сладкого багряного фрукта, а брызжущая струя сока окрашивала его щеки.

Проснувшись, он нашел поджидавшего за дверью хьорта из службы представительства, пригласившего его навестить Колатор Ласгию.

Вечером они пообедали вместе и снова отправились к ней на виллу, где провели ночь любви, накинувшись друг на друга, словно не виделись несколько месяцев.

Деккерет пока не спрашивал, почему она не встречалась с ним две минувшие ночи, но когда, энергичные и свежие, несмотря на бессонную ночь, они завтракали, сидя на мягкой шкуре гихорны, запивая блюда золотистым вином, она сказала:

— Как бы я хотела быть с тобой всю неделю! Но, по крайней мере, мы хоть последнюю ночь смогли провести вместе, и теперь ты отправишься в Пустыню Украденных Снов с моими поцелуями на губах. Заставила я тебя забыть остальных женщин?

— Ты знаешь ответ.

— Это хорошо. Ведь ты, может быть, уже никогда не познаешь женщину, зато твоя последняя женщина была самой лучшей, а это посчастливилось немногим.

— Ты настолько убеждена, что я погибну в пустыне?

— Оттуда возвращались очень немногие,— ответила она.— Шансов снова увидеть тебя у меня очень мало.

Деккерет вздрогнул — не от страха, просто он понял, что двигало Колатор Ласгией: две ночи она избегала его, а третью наполнила ненасытными ласками потому, что верила, будто он вскоре погибнет, и испытывала особое удовольствие быть его последней женщиной. Хотя, если он скоро погибнет, ей следовало провести с ним и две предыдущие ночи, но, очевидно, подобные тонкости лежали за пределами ее понимания. Он учтиво попрощался, не зная, встретятся ли они снова, даже если он захочет: слишком много загадочной и опасной непостоянности таилось в ней.

Незадолго до заката он был у Врат Пинитора в юго-восточной части города. Он не удивился бы, расторгни Барьязид их соглашение, но нет, флотер уже ждал за изрытым оспинами песчаником старых ворот, и маленький человечек стоял, облокотившись о корпус у места водителя. Его сопровождали трое: вроон, скандар и худошавый юноша, очевидно, сын.

Повинуясь жесту Барьязида, четырехрукий гигант скандар забрал у Деккерета два прочных мешка, пробил их ярлыком и поставил в багажник флотера. До Деккерета внезапно дошло, что это не скандар, а скандарша.

— Ее зовут Кэймак Грэп,— представил ее Барьязид.— Говорить она не может, но далеко не глупа. Она служит у меня много лет, с тех пор, как я подобрал ее в пустыне полумертвую и с отрезанным языком. Вроона зовут Серифэм Рейнэлион, и он частенько много болтает, зато знает тропинки в пустыне лучше кого бы то ни было в городе.

Деккерет обменялся кратким приветствием с маленьким существом, сплетавшим и расплетавшим свои шупальца.

— А это мой сын — Динитак, он также будет сопровождать нас,— закончил Барьязид.— Хорошо отдохнули, Инитэйт?

— Вполне,— ответил Деккерет. Он проспал большую часть дня после бессонной ночи.

— Двигаемся мы в основном по ночам,— продолжал Барьязид,— а днем, в самое пекло, устраиваем привал. Итак, я должен провести вас через Кавагский Проход и Пустыню Украденных Снов до начала пастбищ вокруг Кэзиг Кора, где вам нужно навести какие-то справки у пастухов, и вернуться с вами в Толигай, так?

— Да,— кивнул Деккерет.

Однако Барьязид не сделал никакого движения, чтобы сесть во флотер. Деккерет нахмурился, но затем понял. Он вынул из кошелька три большие пятирояловые монеты — две старой чеканки и третью — блестящую монету Лорда Престимиона — и подал Барьязиду, который отделил новую монету и протянул сыну.

— Новый Коронал,— сказал Барьязид.— Знакомься. Теперь часто будешь видеть его лицо.

— И царствие его будет славным,— заметил Деккерет.— Он превзойдет величием даже Лорда Конфалума. Грядет волна нового процветания северного континента: Лорд Престимион — человек энергичный и решительный, с честолюбивыми планами.

Барьязид сказал, пожав плечами:

— Происходящее на северном материке значит здесь очень мало, и едва ли процветание Алхан-роеля или Цимроэля будет иметь значение для Сувраеля. Но мы рады, что Дивин благословила нас новым добрым Короналом. Может, он будет иногда вспоминать, что есть земля на юге, где живут его подданные. Ладно, отправляемся, время настало.

Врата Пинитора четко разделяли город и пустыню: с одной стороны район безликих невысоких вилл, окруженных стенами, с другой — бесплодная пустошь за городским периметром. Ничто не нарушало пустоту пустыни, кроме дороги — широкого, вымощенного булыжником тракта, который неторопливо вился вверх к гребню горной цепи, окружавшей Толигай.

Жара была нестерпимой. Правда, к ночи в пустыне стало заметно прохладнее, но все равно палило до изнеможения. Хотя огромное пылающее око солнца скрылось, оранжевые пески, излучая накопленный за день жар, мерцали и шипели с напряженностью раскаленной печки. Дул сильный ветер. С наступлением темноты Деккерет заметил, что направление ветра изменилось — он дул теперь из сердца континента, но разница между морским и береговым ветром оказалась невелика: оба являли собой потоки сухого раскаленного воздуха, не приносящего облегчения.

В чистой сухой атмосфере свет звезд и лун был необычайно ярок. Так же хорошо различалось странное призрачно-зеленоватое сияние, поднимавшееся с откосов по сторонам дороги, и Деккерет заинтересовался им.

— Это от растений, — объяснил вроон. — Они светятся в темноте внутренним светом. Между прочим, прикосновение к такому растению всегда болезненно, а зачастую и смертельно.

— А как их отличать при дневном свете?

— Они похожи на куски старой веревки, измочаленной погодой, и растут связками в расщелинах скал. Правда, не все растения такой формы опасны, но вы лучше сторонитесь всех.

— Да, всех остальных тоже,— поддержал вроона Барьязид.— Растения в пустыне хорошо защищены, иной раз самым неожиданным образом. Каждый год наш сад преподносит нам какую-нибудь новую неожиданность.

Деккерет кивнул. Он не собирался тут прогуливаться, но если придется, он возьмет за правило не дотрагиваться ни до чего.

Флотер был старым и тихходным, что особенно проявлялось на крутой дороге; он не спеша катил через светлую ночь. Между собой спутники почти не разговаривали. Скандарша вела машину, вроон устроился подле нее и время от времени делал замечания о состоянии дороги. В заднем отделении молча сидели оба Барьязида, предоставив Деккерету в одиночестве рассматривать нарастающую мрачность адского пейзажа. Земля казалась взломанной немилосердными ударами солнца. Влага всосалась в нее давным-давно, оставив после себя угловатые трещины. Поверхность покрывалась рябью в тех местах, где непрерывные ветры сдували песок. Низкие разбросанные растения были самой разнообразной формы. Все казалось исковерканным, скрученным и шишковатым. К жаре Деккерет постепенно привыкал, но омертвелое безобразие всего увиденного, грубая заостренность всеобщей бесплодности заставляла душу цепенеть. Ненавистный пейзаж был для него внове, почти непостижим. Где он ни бывал на Маджипуре, он видел только красоту. Он вспомнил родной Норморк, раскинувшийся на склонах Горы, с изгибающимися бульварами, удивительно красивыми стенами и мягкими полуночными дождями, подумал о расположенном еще выше гигантском городе Сти, где он однажды гулял на рассвете в саду с деревьями высотой по колено и листьями ярко-зеленого цвета, которые слепили глаза. Ему вспомнился Верхний Морпин, мерцающее чудо, целиком отданное удовольствиям, раскинувшийся почти в тени внушающего благоговение Замка Коронала на вершине Горы, суровая лесная

дикость Кинтора и ослепительно-белые башни Нимойи, и душистые луга долины Глайда — как прекрасен мир, сколько таит он чудес, и как ужасно место, в котором он теперь очутился.

Деккерет сказал себе, что должен пересмотреть свои критерии и оценить красоту этой пустыни, пока она не парализовала все его чувства. Отыскать красоту в угрожающей угловатости окружающего, в истрепанных растениях, сияющих бледно-зеленым светом по ночам; найти красоту в острой, грубой бесплодности. Что такое красота, спросил себя Деккерет, если не познание увиденного? Почему луг гораздо красивее голой пустыни? Говорят, красота зависит от взгляда смотрящего, поэтому перевоспитывай свои глаза, человек, чтобы безобразие этой земли не убило тебя.

Он попытался заставить себя полюбить пустыню, выбросил из головы такие слова, как «бесплодность», «мрачность», «отталкивающий», словно выдирая когти дикого зверя, и приказал себе смотреть на окружающий пейзаж, как на мягкий и утешительный, заставляя себя восхищаться четкими пластами незащищенных каменных граней и огромными выемками высохших водоемов, вызывая в себе восторг от истрепанного, избитого ветрами кустарника. С уважением поглядывал он на небольших зубастых тварей, время от времени перебегающих дорогу. И чем дальше продвигался флотер, тем менее ненавистной становилась для него пустыня. Затем он стал равнодушен к ней, наконец поверил, что действительно видит в ней красоту, а за час до рассвета вообще перестал думать об этом.

Утро пришло внезапно: копье оранжевого света пробило стену гор с запада, ярко-красная огненная ветвь поднялась над противоположным краем горной цепи, а следом солнце, чей желтый лик оказался чуть более окрашенным бронзово-зеленым цветом, чем в северных широтах, вспыхнуло в небе, как взлетевший шар. И в тот же миг Деккерета пронзила острая боль воспоминаний о Колатор Ласгии: ему нестерпимо захотелось узнать, где и с кем встречается она рассвет, и, отгоняя эту мысль, он повернулся к Барьязиду.

— Ночь прошла без призраков. Или в этой части пустыни они не появляются?

— Они появляются за Кавагским Проходом,— отозвался маленький человек,— там, где начинаются настоящие трудности.

Первые часы нарождавшегося дня они продолжали ехать. Динитак наспех соорудил грубое под-обие завтрака из сухарей и кислого вина. Закусив, Деккерет оглянулся назад и увидел величественное зрелище: земля заворачивалась под ними гигантским рыжевато-коричневым фартуком, на котором четко отпечатались поля, трещины и Толигай, еле видимый далеко внизу, на самом дне, с примыкающей к нему обширностью моря. Небо было безоблачным, и синеву его усиливал терракотовый оттенок почвы, так что само небо казалось вторым морем над головой. Уже наваливалась жара. К середине утра она охватила все, но была еще терпимой, и скандарша бесстрастно продолжала вести флотер дальше к вершинам гор. Деккерет время от времени задремывал, но в судорожно дергавшемся флотере уснуть было невозможно. Неужели они будут ехать весь день? Он не спрашивал. Но как только усталость сделалась невыносимой, Кэймак Грэп развернула флотер влево, к небольшому тупичку дороги, и остановила машину.

— Первая дневка,— объяснил Барьязид.

Там, где кончался тупичок, высокий бок скалы возвышался над дорогой, образуя нечто вроде ниши, перед которой, защищенное тенью в это время дня, находилось довольно обширное песчаное пространство, очевидно, не раз использовавшееся для стоянок. У основания скалы Деккерет заметил небольшое темное пятно — вода в этом месте загадочным образом просачивалась из-под земли. Для ручейка ее было недостаточно, но усталые путники с радостью приветствовали ее в этой странной пустыне. Место было превосходным.

Скандарша и юный Барьязид вытащили соломенный тюфяк из отделения флотера и расстелили его на песке. Наступил полдень. Они поели сушеного мяса, кисловатых фруктов и теплых лепешек, после чего, не говоря ни слова, оба Барьязида, вроон и скандарша растянулись на тюфяках и мгновенно уснули.

Деккерет остался один; он сидел, очищая зубы от застрявших кусочков мяса. Теперь, когда можно

и нужно было отдыхать, он не мог уснуть. Он поднялся, прошел к краю лагеря и посмотрел на пораженную солнцем пустошь за краем тени. Ни одного зверька не было видно, и даже растения, бедные и оборванные, казалось, старались вжаться в почву. Горы круто вздымались над головой с юга, и до Кавагского Прохода, видимо, оставалось недалеко. А что потом?

Он попробовал уснуть, но досаждали нежелательные образы: Колатор Ласгия парила над его тюфяком так близко, что он мог бы схватить ее и прижать к себе, но она вдруг отскочила и растворилась в жарком тумане; в тысячный раз он видел себя в лесных Болотах Кинтора, гоняющимся за добычей, целящимся. Он отогнал и это видение и обнаружил, что карабкается по громадной стене Норморка, и прохладный воздух наполняет легкие.

Нет, это были не послания, а просто болезненные и беглые фантазмагоричные воспоминания. Сна долго не было, зато когда он пришел, то был глубоким, кратким и без сновидений.

Разбудили его странные звуки — звенящая напевная музыка вдалеке, тихие, но отчетливые шумы каравана со множеством путников. Ему слышался звон колокольчиков, гул барабанов, и какое-то время он лежал, вслушиваясь, стараясь понять. Потом сел, проморгался и огляделся вокруг. Подступали сумерки. Он проспал самую жаркую часть дня, и тени теперь тянулись с противоположной стороны. Четверо его спутников уже поднялись и складывали свои матрасы.

Деккерет напряг слух, пытаясь определить направление, откуда исходили звуки, но, казалось, они идут отовсюду и ниоткуда. Ему вспомнились слова Колатор Ласгии о поющих днем призраках пустыни, сбивающих путников с толку и уводящих их с дороги своими музыкой и пением.

— Что это за звуки? — обратился он к Барьязиду.

— Звуки?

— Вы разве не слышите? Голоса, колокольцы, барабаны, шаги...

Барьязид выглядел удивленным.

— Вы имеете в виду песни пустыни?

— Песни призраков?

— Можно сказать и так. Или просто звуки, идущие с гор. Грохот цепей, удары гонгов. Похоже?

— Не знаю,— мрачно отозвался Деккерет.— У меня на родине нет никаких призраков. Но это не звуки гор.

— Вы уверены, Инитэйт?

— Что это не звуки гор и не призраки?

— Хм...

Динитак Барьязид, стоявший рядом, вмешался в разговор, обратившись к Деккерету:

— Неведомое всегда тревожит. Но тут вы, по моему, чувствуете больше любопытство, чем страх. И могу удовлетворить ваше любопытство. Дневной жар спал. Скальные утесы и пески отдают тепло, издавая звуки — те самые колокольцы и барабаны, что вы слышите. Здесь нет призраков.

Старший Барьязид сделал резкий жест, и парень тут же отошел.

— Не хотите, чтобы он объяснял мне?— осведомился Деккерет.— Предлагаете мне считать, будто это призраки?

Барьязид ответил с улыбкой:

— А мне все равно, верьте во что хотите. Уверяю вас, вы еще встретите предостаточно призраков по ту сторону Прохода.

В 7
есь вечер старшей они поднимались по серпантину дороги, и к полуночи добрались до Кавагского Прохода. Воздух здесь оказался прохладнее, они находились в нескольких тысячах футов над уровнем моря, и ветра приносили некоторое облегчение от зноя и духоты. Проход был широкой и поразительно глубокой выемкой в склоне горы. Наступило утро сандей, когда они миновали его и начали спуск к великой пустыне.

Деккерета поразила открывшийся впереди вид. В ярком лунном свете он увидел картину беспримерного бесплодия, по сравнению с которой земли, лежавшие по другую сторону Прохода, казались роскошным садом. Насколько та пустыня была скалистой, настолько эта была песчаной — настоящий

океан барханов, нарушаемый то тут, то там пятнами твердой, усыпанной гравием земли. Едва ли здесь имелись какие-либо растения и мелкие животные. По крайней мере, на барханах не было ни одного. И зной! Из этой колоссальной открывшейся впереди чаши вверх неслись потоки раскаленного воздуха, который, казалось, сдирал кожу, опалая до смерти. Деккерет усомнился, чтобы где-то среди этой топки могли находиться пастбища. Он напряг память, стараясь вспомнить карту, виденную в представительстве. Земли выпасов кольцом охватывали зону внутриконтинентальной пустыни, но под Кавагским Проходом рукав центральной пустыни каким-то образом вторгнулся сюда, а на противоположной стороне этого бесплодия раскинулась зеленая область трав и ручьев.

Все утренние часы они ехали вниз к огромному центральному плато, и в первых проблесках дневного света Деккерет заметил нечто странное далеко внизу: скальный клочок чернильной тьмы, резко выделявшийся на груди пустыни. По мере их приближения пятно превратилось в оазис, распавшись на рощицу тонкоствольных деревьев с длинными ветвями и фиолетовыми листьями. Оазис стал местом второй дневки. Следы на песке неопровержимо указывали, что здесь неоднократно отдыхали путники. Более того, под деревьями валялось множество осколков, а в чистом сердце рощи стояло что-то вроде грубого подобия навеса из наваленных кучами камней, увенчанных старыми высохшими сучьями. Чуть дальше между деревьями журчал маленький солоноватый ручеек, впадавший в небольшой стоячий водоем, зеленый от водорослей. А маленькая тропка, начинавшаяся от него, вела ко второму водоему, видимо, питаемому ручьем, полностью бегущим под землей, чьи воды были абсолютно чистыми, без примесей. Между двумя бассейнами Деккерет увидел любопытное сооружение: семь поставленных кругом каменных столбиков высотой по пояс образовывали двойную арку. Он осмотрел их.

— Работа Изменяющих Форму, — пояснил Барьязид.

— Капище метаморфов?

— Скорее, алтарь. Мы знаем, что Изменяющие Форму часто бывают в оазисе. Мы находили тут маленькие подарки метаморфов своему богу: молитвенные палочки, обрывки перьев, небольшие, искусно сплетенные чаши.

Деккерет беспомощно уставился на деревья, словно ожидая, что они тут же превратятся в диких аборигенов. Он мало общался с уроженцами Маджипура, этими побежденными и изгнанными туземцами, и то, что он знал о них, было в основном слухами и выдумками, основанными на страхе, невежестве и чувстве вины. Некогда они жили в больших городах — в Алханроеле, например, открывали их руины, — и в школе Деккерет видел изображения самого большого из них и самого знаменитого, Велалиера, расположенного неподалеку от Лабиринта Понтифекса, но города эти умерли тысячи лет назад, а с приходом человека и прочих племен метаморфов силой оттеснили в самый мрачный край планеты, в основном в огромную лесистую резервацию на Цимроеле, где-то юго-восточнее Кинтора. Вдобавок к своим скудным познаниям Деккерет видел настоящих метаморфов всего два раза: хилые люди с зеленоватой кожей и совершенно невыразительными лицами, хоть они и меняли одну форму на другую с поразительной легкостью. И он мог только гадать, не являются ли маленький вроон или сам Барьязид затаившимися метаморфами.

Он потрянул головой, отгоняя дикие мысли, и сказал:

— Интересно, как удастся Изменяющим Форму или кому бы то ни было выживать в пустыне?

— Они народ изобретательный. Приспособились.

— И много их здесь?

— Кто знает! Я несколько раз натыкался на их группы человек по пятьдесят-семьдесят. Вероятно, есть и другие, хотя, возможно, я встречал одних и тех же, только в разных обликах.

— Станный народ, — пробормотал Деккерет, лениво потерев отшлифованный камень, венчающий ближайший столбик алтаря. С молниеносной быстротой Барьязид схватил Деккерета за запястье и отвел его руку.

— Не прикасайтесь к ним!

— Почему? — удивился Деккерет.

— Это святыня.

— Для вас?

— Для тех, кто воздвиг их,— раздраженно ответил Барьязид.— Мы относимся к ним с уважением и чтим магию, которая может здесь заключаться. В здешних местах никто не навлекает на себя месть соседей случайно.

Деккерет удивленно смотрел на маленького человечка, столбики, два бассейна, стройные остролистые деревья, и, несмотря на зной, его затрясло. Он окинул взглядом местность за маленьким оазисом, волны барханов, пыльную полосу дороги, исчезающей на юго-западе в стране тайн.

Солнце быстро поднималось, и жар нарастал. Деккерет оглянулся на горы, через которые они перевалили — огромные и зловещие, они, как стена, отрезали их от цивилизации в этой знойной земле. И вдруг он ощутил пугающее одиночество, усталость и затерянность.

Подошел Динитак Барьязид, покачиваясь под громадным грузом фляг, которые сбросил чуть ли не на ноги Деккерету. Деккерет помог парню наполнить их водой из чистого бассейна, потом напился сам. Вода оказалась холодной, чистой, со странным металлическим привкусом, правда, не неприятным, и Деккерет решил, что в этом повинны минералы.

Чтобы погрузить фляги во флотер, пришлось сходить до водоема и обратно раз десять. Динитак объяснил — больше источников не будет несколько дней.

Подкрепившись такой же грубой пищей, что и в первый день, они, когда зной достиг своего сводящего с ума полуденного пика растянулись на соломенных тюфяках.

В третий раз за свою жизнь Деккерет спал днем, и организм начинал привыкать к такой перемене. Он закрыл глаза, вверяя душу возлюбленной Леди Острова Сна, святой матери Лорда Престимиона, и почти сразу погрузился в сон.

На сей раз пришло послание.

Он уже не помнил, как и когда получал послания. Для него, как и для всех на Маджипуре, послания являлись основной сутью бытия, ночным наслаждением, успокаивающим разум, указаниями,

очищением души, руководством и нахлобучкой, и многим-многим другим. Каждый с детства обучался восприятию посланий во сне, наблюдению и запоминанию их, соотношению их с часами бодрствования. И всегда благосклонная вездесущность Леди Острова Сна воспаряла над принимающим послание, помогая ему познать состояние своей души, причем связь она поддерживала со всеми миллиардами жителей огромного Маджипура одновременно.

Деккерет увидел себя поднимающимся на горный кряж, через который они недавно перевалили. Он был один на один с невероятно огромным солнцем, заполнившим половину неба, но жара почему-то не тревожила его. Крутой склон, насколько он видел, обрывался прямо за гребнем вниз, вниз, вниз, растягиваясь, казалось, на сотни миль, а над собой он видел ревущий, дымящийся котел — вздымающийся кратер вулкана, где пузырями лопалась красная магма. Невероятный водоворот подземных сил не пугал его. Наоборот, его тянул к себе этот странный шум, он стремился погрузиться в его глубину, поплавать в расплавленном жаре. Он начал спускаться бегом, оскальзываясь, часто пролетая по несколько метров, а приблизившись, увидел лица в трепещущей лаве: Лорд Престимион, Понтифекс, Барьязид, Колатор Ласгия и метаморфы, чьи странные полускрытые образы танцевали по краям. Мощественные фигуры изнемогали от жара в центре вулкана, и Деккерет рванулся к ним. Возьмите меня к себе, я здесь, я пришел! — кричал он, пока не осознал, что все фигуры исчезли, оставив один огромный белый лик, в котором он узнал возлюбленное лицо Леди Острова Сна, и зрелище это наполнило его душу блаженством, ведь прошло много месяцев с тех пор, как леди последний раз являлась ему.

И вдруг некая странность пересекла сон подобно какой-то развернувшейся вуали. Цвета поблекли, лица смазались. Он побежал вниз к краю горной стены, но теперь часто спотыкался, падал, обдирая руки и колени о раскаленные скалы, и вдруг совершенно потерял направление, двигаясь в сторону, вместо того, чтобы двигаться вниз. На мгновение он оказался на грани восторга, но так и не мог полностью погрузиться в него, ощущая лишь тя-

жесть и шок. Легкость исчезла, яркие цвета смешались всеобъемлющей серостью, и всякое движение прекратилось; он стоял, оцепенев, на склоне горы, всматриваясь вниз в мертвый кратер, чей вид заставил его вдруг затрепетать и лечь, подтянув колени к груди, и так он лежал, рыдая, пока не проснулся.

Деккерет заморгал и сел. В голове стучало, глаза слезились, ломило грудь и плечи. Это было не послание. Даже самые ужасные послания не оставляли такого горького осадка смущения и страха. Был еще день, и ослепительное солнце висело над макушками деревьев. Возле него лежали Кэймак Грэп и вроон, чуть поодаль — Динитак Барьязид. Они спали. Старшего Барьязида нигде не было видно.

Деккерет перевернулся и прижался щекой к горячему песку у матраца, пытаясь изгнать из себя напряжение. Он понимал, что во сне произошло что-то страшное. Какая-то темная сила вмешалась в послание, похитив радость и дав взамен боль. Не в этом ли суть похитителей снов пустыни. Но тогда это были похитители снов.

Он сжался, чувствуя себя выпотрошенным и опустошенным, желая знать только одно — неужели все сны будут такими по мере их продвижения в пустыню? Не станет ли еще хуже?

Спустя какое-то время он снова уснул, и пришли сны — случайные, смазанные обрывки без ритма и узора. Когда Деккерет проснулся, день близился к концу, и звуки пустыни — песни призраков — бились в ушах, бормоча и звеня далеким смехом. Чувствовал он себя намного более уставшим, чем если бы не спал вовсе.

Никто из попутчиков не подал и вида, будто что-то тревожило их сны. Они встретили проснувшегося Деккерета каждый на свой манер: огромная скандерша молча, вроон с любезным щебетом свернул шупальца, оба Барьязида короткими кивками. Если они и поняли, что их товарища

навелили мучительные сны, то ничем этого не выказали.

После «завтрака» старший Барьязид коротко посоветовался с вроном относительно маршрута на эту ночь, и затем они вновь нырнули в темноту, озаренную лунным светом.

Притворюсь, будто ничего необычного не случилось, решил Деккерет, я не дам им понять, что уязвим для призраков.

Но его решение просуществовало недолго. Когда Флотер пересекал район высоких озер, где тысячами вздымались серо-зеленые каменистые горбы, Барьязид внезапно повернулся к Деккерету и спросил, нарушив долгое молчание:

— Хорошо спали?

Деккерет понял, что ему не удалось скрыть усталость.

— Случалось отдыхать и лучше,— пробормотал он.

Блестящие глаза Барьязида безжалостно сверлили его.

— Сын говорит, что вы стонали во сне, ворочались и прижимали колени к груди. Вы почувствовали прикосновение похитителей снов, Инитэйт?

— Я просто чувствовал присутствие тревожащей силы в своих снах. Было ли это прикосновение похитителей снов, я не знаю.

— Опишите мне свои ощущения.

— Вы сами похититель снов, Барьязид!— огрызнулся Деккерет, разозлившись.— С какой стати я должен открывать перед вами душу? Мои сны — это мои сны.

— Тише, тише, добрый рыцарь, я не имел ввиду ничего обидного и не хотел бы навязываться вам.

— Тогда...

— Но я отвечаю за вашу безопасность. И если демоны этой безводной земли проникли в вашу душу, в ваших же интересах рассказать мне.

— Демоны?

— Демоны, призраки, фантомы, недовольные метаморфы — кто бы ни был,— нетерпеливо произнес Барьязид.— Существа, которые грабят сны уснувших путников. Приходили они к вам, или нет?

— В снах было мало радости.

— Прошу вас, расскажите.

Деккерет тихо вздохнул.

— Я получил послание Леди — мирное и радостное. Но постепенно суть его изменилась, понимаете? Послание помрачнело, стало бессвязным, лишенным всякой радости, а закончилось просто отвратительно.

— Да, — кивнул Барьязид, — это призраки. Прикосновение к сознанию, вторжение в сон, разрушение его и выкачивание энергии.

— Разновидность вампиризма, — усмехнулся Деккерет. — Существа таятся в засаде, поджидая в пустыне путников, а потом высасывают из них все жизненные силы?

Барьязид улыбнулся в ответ:

— Это лишь догадки. Я бы не делал таких поспешных выводов, Инитэйт.

— А вам самим доводилось чувствовать их присутствие в своих снах?

Коротышка как-то странно посмотрел на Деккерета.

— Нет, никогда.

— Никогда? У вас что, иммунитет?

— По-видимому, да.

— А ваш сын?

— О, несколько раз на него накатывало. Как правило — здесь. Видимо, невосприимчивость не передается по наследству.

— А скандарша и вроон?

— У них бывало, — кивнул Барьязид, но редко. К тому же они находят это неприятным, но не смертельным.

— Однако кое-кто умер от прикосновения похитителей снов.

— Предположительно, что именно от этого, — поправил Барьязид. — Большинство путешественников, проходивших до недавнего времени этим путем, рассказывали, что видели необычные сны. Некоторые из них сбивались здесь с пути и не возвращались. Откуда нам знать, есть ли связь между этим и разрушенными снами?

— Вы очень осторожный человек, — усмехнулся Деккерет. — Не хотите выносить окончательных решений?

— Я прожил долгую жизнь, тогда как многие опрометчивые смельчаки уже вернулись в источник Дивин.

— По-вашему, просто выжить — наивысшее достижение?

Барьязид рассмеялся:

— Слова истинного рыцаря Замка! Нет, я считаю, что жить — не значит просто уклоняться от смерти. Но выжить — это счастье, Инитэйт, а смерть — не достижение.

Деккерету не хотелось продолжать. Едва ли можно сравнивать кодексы ценностей посвященного рыцаря, и такого, как Барьязид. Кроме того, было что-то скользкое в аргументах проводника. Деккерет помолчал, потом ответил:

— Меня волнует одно: станут ли сны еще хуже?

Барьязид пожал плечами.

К тому времени, когда ночь поблекла и подошло время подыскивать место для стоянки, Деккерет вдруг понял, что готов и даже с нетерпением ждет встречи с призраками сна.

Дневуку они устроили на ровной площадке, где основную массу песка сдуло к одной стороне очищающими ветрами, оголив скальное основание; вдобавок к порывистым ветрам сухой воздух пустыни жутко растрескал ее, а солнце словно содрало все остальное. Где-то за час до полудня они стали готовиться ко сну.

Деккерет спокойно опустил на соломенный тюфяк и без страха послал свою душу на тонкий краешек того, что могло прийти. Как рыцарь, он с детства обучался быть храбрым, и ждал теперь встречи с неведомым без боязни, но все-таки ощущая некое присутствие страха в душе. На Маджипуре нужно было хорошо потрудиться, чтобы найти страшное и опасное неведомое; для этого приходилось забираться в самые отдаленные и дикие уголки планеты, поскольку в обитаемых районах жизнь текла размеренно и безопасно. Именно поэтому Деккерет и поднялся на борт корабля, идущего в Сувроель, и теперь впервые должен был подвергнуться серьезному испытанию, если не считать случая в лесах Кинтора. Но здесь было совершенно другое, — эти грязные сны...

Он заставил себя уснуть.

И сразу увидел сон. Он снова был в Толигае, но теперь город необычайно изменился, став скопищем безликих вилл и пышных садов, хотя зной

по-прежнему остался тропическим. Он шел, переходя с одного бульвара на другой, восхищаясь изяществом архитектуры и пышностью деревьев. Одет он был в зеленую с золотом мантию Коронала и при встречах с горожанами Толигая, прогуливающимися в сумерках, изящно отвечивал поклоны в обмен на знак звездного огня, которым они приветствовали власть Коронала. Потом к нему приблизилась стройная фигурка его любовницы Колатор Ласгии. Улыбаясь, она подхватила его под руку, и повлекла к каскадам фонтанов, чьи прохладные струи били в воздух. Там, сбросив одежду, они выкупались, поднялись из душистого бассейна и прошли, едва касаясь земли, в сад. Женщина без слов подтолкнула его в тенистую аллею, отделенную от дорожки кругом близко посаженных деревьев с дугообразными стволами и широкими листьями. Она шла впереди него — мучительно ускользающая фигурка, плывущая в каком-то дюйме от его руки, но постепенно расстояние между ними увеличилось сначала до фута, потом до нескольких ярдов. Поначалу казалось, что он легко догонит ее, но это ему не удавалось, и двигаясь все быстрее и быстрее, он старался уже просто не упустить ее из виду. Ее нежная кожа оливкового цвета блестела в лунном свете, она часто оглядывалась назад с ослепительной улыбкой, кивками приглашая его поторопиться. Но он не мог догнать ее. Теперь она опережала его почти на всю длину сада. С нарастающим отчаянием он рванулся к ней, но она растворилась, исчезла, и возникла так далеко, что теперь он с трудом различал игру мускулов под ее гладкой нагой кожей. Помчавшись вперед, пересекая одну садовую дорожку за другой, он вдруг начал сознавать повышение температуры, неожиданную и стойкую перемену в воздухе; почему-то вдруг поднялось солнце и с полной силой обрушилось ему на плечи. Деревья поникли и завяли, их листья опали, сам он с трудом удерживался на ногах. Колатор Ласгия превратилась в пятнышко на горизонте, она все еще подзывала к себе, и улыбалась, но становилась при этом все меньше, а солнце продолжало подниматься, иссушая все, до чего могло дотянуться. Сад обернулся скопищем голых сучьев и потрескавшейся иссохшей земли. Страшная жажда мучила Декке-

рета, и когда он заметил метаморфов, таящихся в засаде за покрытыми волдырями почерневшими деревьями, то закричал им, прося хоть глоток воды, но получил в ответ лишь легкий звенящий смех. Он пошатнулся. Свирепый пульсирующий свет с неба сжигал его, он чувствовал, как кожа твердеет, трескается, хрустит, ломается. Еще один миг, и он обуглится. Что стало с Колатор Ласгией? Куда делись улыбающиеся, кланяющиеся горожане, приветствовавшие его знаком звездного огня? Сейчас он был в пустыне и, шатаясь, брел по знойной печи, где даже тени пылали. Теперь в нем поднялся настоящий ужас. Даже во сне он ощущал болезненный жар, какая-то часть его рассудка следила за этим с нарастающей тревогой, опасаясь, как бы сила сновидения не оказалась слишком велика и не могла повредить физическому состоянию тела наяву. О таких вещах рассказывали: люди погибали во сне, пораженные силой могучих посланий или обычных сновидений. И хотя это шло вразрез с заученной с детства истиной, хотя он знал, что обязан не обрывать сон преждевременно, а досмотреть даже ужаснейший из ужасов, а чтобы увидеть окончательное откровение, он решил проснуться ради собственной безопасности, попытался это сделать и не сумел. Он упал на колени, дергаясь на раскаленном песке и разглядывая загадочных крошечных насекомых с золотистыми тельцами, шедших к нему колонной по краю одного из барханов. Они добрались до него и оказались муравьями с безобразно раздутыми челюстями; каждый, чуть поворачиваясь, поднимал свое туловище и кусал, впиваясь челюстями и не отпуская, так что в одну неуловимую долю секунды насекомые покрыли всю его кожу. Он сметал их с себя и никак не мог стряхнуть: их челюсти держали мертво, даже когда он отрывал головы от тел. Песок вокруг почернел от обезглавленных насекомых, но все равно их было слишком много, они покрывали тело, как плащ, а он все стряхивал и стряхивал их, пока не воздвиг вокруг себя настоящую гору, но все равно еще больше муравьев вцеплялось в него своими челюстями. Он устал сметать их. К тому же в этом живом плаще оказалось прохладнее. Они защищали его от солнечного жара, и хотя сами кусали и жги

его своим ядом, но не так болезненно, как солнечные лучи.

Неужели сон никогда не кончится? Он попытался взять его под контроль, обернуть нарастающий поток прибывающих муравьев в струю холодной чистой воды, но не мог, ничего не произошло, и он вновь соскользнул в кошмар, продолжая устало ползти по песку.

И постепенно начал сознавать, что уже не спит.

Не было границы между сном и пробуждением, которую он обязательно заметил бы, — только внезапное и полное понимание, что глаза его открыты. И два сознания (спящего наблюдателя и страдающего Деккерета) слились в одно. Он действительно находился в пустыне под страшным полуденным солнцем. И был наг. Кожа чувствительно саднила от царапин и волдырей. И были муравьи. Крошечные муравьи действительно карабкались по его ногам, поднимаясь до колен, впиваясь в кожу. Сбитый с толку, он подумал, что, наверное, метался во сне, но сразу отказался от этой мысли: он не мог уйти так далеко в настоящую пустыню, а он, похоже, находился чуть ли не в центре. Деккерет встал, стряхнул муравьев, и посмотрел в сторону лагеря.

И не увидел его. Значит, он действительно бродил во сне голый, по обжигающей наковальне открытой пустыни, и заблудился. Это все еще сон, подумал он с яростью, и сейчас я проснусь в тени флотера Барьязида! Но пробуждения не было, и тогда Деккерет понял, как погибали люди в Пустыне Украденных Снов.

— Барьязид! — закричал он. — Барьязид!

К9
рик эхом отдался в дюнах. Он закричал снова, потом второй раз, третий, но услышал лишь собственный дрожащий голос, оставшийся без ответа. Сколько он мог продержаться! Час! Два! Без воды, укрытия от солнца, даже без одежды. На непокрытую голову изливал свой жар с неба огромный пылающий глаз. Стояла самая жаркая

часть дня. Окружающий пейзаж повсюду выглядел одинаково — плоская мелкая чаша, исхлестанная жаркими ветрами. Он пошел было по своим следам, но они оборвались через несколько ярдов — дальше начиналась твердая и каменистая поверхность. Лагерь мог находиться где угодно, скрытый возвышавшимися барханами. Деккерет еще раз позвал на помощь, и опять не услышал ничего, кроме эха. Если бы удалось отыскать подходящий бархан, он мог бы успеть закопаться по шею и продержаться до тех пор, пока не спадет жара, а в темноте попытаться найти лагерь по костру. Но таких барханов он тут не видел. Как бы поступил на его месте Лорд Стиамот, подумал он, или Лорд Тимин, или один из великих воинов прошлого! И что мог сделать он сам! Просто умереть! Глупо. Он крутанулся, осматривая горизонт. Ни одной путеводной нити, ни единого признака, куда пойти. Передернув плечами, он опустил ся там, где не было муравьев. Не было здесь и слоя песка, зарывшись в который, он мог попытаться спасти себя, как не было и силы духа, которая помогла бы ему выжить, несмотря ни на что. Он утратил себя во сне и умрет, как и предсказывала Колатор Ласгия. Единственное, что у него осталось — это характер: он умрет без слез, гнева и стенаний. Может это займет час, может быть, меньше. Но это очень важно — умереть с честью.

И он стал ждать прихода смерти. Но вместо нее пришел — через десять минут, полчаса или час, он не знал — Серифэм Рейнэлион. Вроон, как мираж, появился с востока, с трудом двигаясь к Деккерету, нагруженный двумя флягами воды. Подойдя ярдов на сто, он помахал двумя щупальцами и крикнул:

— Вы живы!

— Более или менее. Вы настоящий!

— Самый настоящий. Мы вас полдня ищем.—

Упругое щупальце маленького существа сунуло в руки Деккерету флягу с водой.— Держите. Глотните-ка, только немного. НЕМНОГО! Вы слишком измождены и захлебнетесь, если станете пить с жадностью.

Деккерет с трудом справился с порывом осушить фляжку одним глотком. Броон прав, нужно пить умеренно, не спеша, иначе может стать плохо. Он капнул чуть-чуть в рот, подержал на языке, прополоскал горло, наконец, проглотил. Потом сделал еще один осторожный глоток, затем глоток побольше. Голова слегка закружилась. Броон кивнул на фляжку. Деккерет встряхнул ее и отпил снова, подержав воду за щеками.

— Далеко отсюда лагерь!— спросил он наконец.

— Минут десять ходьбы. У вас хватит сил идти самому, или мне сходить за остальными?

— Я пойду сам.

— Тогда идемте.

Деккерет кивнул.

— Сейчас, еще один глоток.

— Берите фляжку и пейте, сколько хотите. Если устанете, скажите мне, отдохнем. Не забывайте, мне вас не унести.

Броон медленно направился к невысокому песчаному гребню в пятистах футах на востоке. Пошатываясь от слабости и головокружения, Деккерет последовал за ним и с удивлением понял, что гребень совсем не так полог и низок, как казалось. Он возвышался над головой футов на тридцать, скрывая два более низких бархана. Флотер стоял у подножия дальнего.

В лагере был один Барьязид. Он взглянул на Деккерета с презрительной досадой и сказал:

— Решили прогуляться днем?

— Во сне. Меня все-таки поймали ваши похитители снов.— Деккерета начало трясти — солнечные ожоги жгли тело. Он лег у флотера и накрылся легкой рубашкой.— Когда я проснулся, то не увидел лагеря. Я был уверен, что погибну.

— Еще полчаса, и так бы оно и вышло. Вы уже высохли на две трети. Счастье, что мой парень проснулся и заметил, что вас нет.

Деккерет плотнее закутался в одежду.

— Значит, вот как здесь погибают. Уходят во сне днем.

— И так тоже.

— Я в долгу перед вами. Вы спасли мне жизнь.

— Ну, жизнь вам спасают с тех самых пор, как мы миновали Каватский Проход. Вы бы уже погибли

раз пятьдесят. Но если хотите кого-то благодарить, благодарите вроона. Он-то по-настоящему потру-дился, разыскивая вас.

Деккерет кивнул.

— А где ваш сын? И Кэймак Грэп? Тоже ищут меня?

— Уже возвращаются,— ответил Барьязид, указывая на только что появившихся из-за бархана скандаршу и юношу. Ни на кого не глядя, скандарша опустилась на свой тюфяк. Динитак Барьязид лукаво улыбнулся Деккерету и сказал:

— Хорошо прогулялись?

— Не очень. Я сожалею о причиненных вам хлопотах.

— Ничего. Только вот что теперь делать?

— Может быть, привязывать меня, пока я сплю!

— Или придавливать тяжелыми валунами,— предложил Динитак, зевая во весь рот.

— Лучше постарайтесь оставаться на месте хотя бы до захода солнца.

— Я попробую,— сказал Деккерет.

Но снова уснуть оказалось невозможно. Несмотря на успокаивающую мазь, которой снабдил его вроон, кожа зудела от бесчисленных укусов насекомых и солнечных ожогов, и чувствовал он себя отвратительно. В горле першило, глаза болезненно слезились. Вновь и вновь перебирал он в памяти случившееся: сон, жару, муравьев, внезапное осознание смерти. Деккерет искал в себе трусость, но не нашел ее. Расстройство, гнев, тревога — да, но никакой паники, никакого страха. Самое худшее, решил он, было не в зное, жажде и опасности, а в самом сне, мрачной, расстраивающей тревоге, в сне, который вновь начался в радости, а затем претерпел мрачное изменение. Невозможность получить утешение здорового сна, подумал Деккерет, гораздо хуже гибели в пустыне, потому что умирать приходится только раз, а сны человек видит постоянно. Не связаны ли эти сны с пустынной бесплодностью Сувраеля! Деккерет знал, что, когда послание исходит от Леди, его внимательно изучают (если необходимо — с помощью тех, кто поднаторел в искусстве толкования снов), поскольку в нем таятся знания, жизненно важные для надлежащего поведения человека. Но эти послания, вернее, про-

сто сны, вряд ли исходили от Леди. Казалось, они направлялись какой-то темной силой, зловещей и деспотичной, явившейся скорее брать, чем давать. Изменяющие Форму! Возможно. Что, если какое-то их племя сумело раздобыть один из механизмов, благодаря которым Леди Острова может достичь глубин сознания любого из своей паствы, и, скрываясь в засаде в жарком сердце Сувраеля, грабит путников! Ворует их души! Лишает жизненной силы тех, кто украл их мир?

Когда полуденные тени удлинились, Деккерет почувствовал, что начинает дремать и соскальзывать в сон. Он боролся, боясь невидимых захватчиков душ, и отчаянно старался держать глаза открытыми, глядя в темнеющее пространство и вслушиваясь в гудящие и бормочущие звуки пустыни, но так и не смог побороть естественную усталость измученного тела. Он погрузился в сон, не в послание от Леди или неведомой темной силы, а просто в сон. А потом кто-то потряс его за плечо, и Деккерет с трудом узнал вроона. Соображал он медленно, в голове шумело, губы потрескались, спина болела. Наступила ночь, и его спутники готовились к отъезду, сворачивая лагерь.

Вроон подал Деккерету чашу с каким-то освежающим бледно-зеленым напитком, и тот одним глотком осушил ее.

— Вставайте,— сказал вроон.— Пора ехать.

10

Пустыня снова изменилась, став темно-красной и грубой. Очевидно, здесь случались гигантские землетрясения. Земля была изломана и перемешана с колоссальными плитами каменистого ложа, нагроможденными друг на друга под невероятными углами. Через эту зону хаоса проходил только один путь — широкое русло давно высохшей реки, чье песчаное ложе петляло между разломанными и потрескавшимися скалами. В небе висела полная луна, и свет ее по яркости не уступал дневному. Пейзаж не изменился и после того, как флотер одолел несколько миль, их казалось, что

машина застыла на одном месте. Деккерет повернулся к Барьязиду:

— Сколько нам еще добираться до выпасов!

— От пастбищ пустыню отделяет ущелье. Оно вон там.— Барьязид указал на юго-восток, где высохшее речное русло терялось меж двух скалистых пиков, торчавших из земли, словно кинжалы.— Там, за Маннеранским ущельем, климат совершенно иной. К дальней стороне горного кряжа по ночам подкатывают морские туманы с запада, и земля там зеленая, вполне пригодная для выпасов. Утром мы доберемся до ущелья, через день пройдем его, а к сидей вы будете отдыхать в Цузун-Каре.

— А вы?— поинтересовался Деккерет.

— У нас с сыном есть еще кое-какие дела. Мы вернемся за вами позже. Сколько вам надо — три дня, пять?

— Пяти дней вполне достаточно.

— Хорошо. А потом поедем обратно.

— Этим же путем!

— Другого нет,— ответил Барьязид.— Вам, наверное, уже объяснили в Толигае, что остальные дороги к пастбищам закрыты. Почему вы так боитесь его — из-за снов? Но если вы не станете бродить во сне по пустыне, вам нечего опасаться.

Замечание казалось разумным. Он чувствовал в себе достаточно сил, чтобы пережить поездку, но вчерашний сон оказался слишком мучительным, и он без особой радости ждал следующего.

Когда на другое утро они разбивали лагерь, Деккерет с тревогой ждал наступления сна. В первый час отдыха он заставлял себя не спать, вслушиваясь в потрескивание скал, раскаленных полуденным солнцем, пока усталость не окутала сознание темным облаком. Он уснул.

И едва сон охватил его, Деккерет понял, что это только начало, ведущее к чему-то страшному. Сначала пришла боль — ноющая, острая боль, затем без какого-либо намека вспышка ослепительного света в голове заставила его закричать и стиснуть виски. Однако спазм быстро прошел, и он ощутил мягкое присутствие Колатор Ласгии, успокаивающей его и баюкающей на своей груди. Она качала его, что-то бормоча, и утешала до тех пор, пока он не открыл глаза и сел, оглядываясь по сторонам,

и увидел, что он не в пустыне и вообще не на Сувраеле. Вместе с Колатор Ласгией они стояли на какой-то прохладной поляне в лесу, где гигантские деревья с абсолютно прямыми стволами, покрытыми желтой корой, поднимались на непостижимую высоту, а быстрый поток, осыпаящий их брызгами, метался и ревел почти под ногами. За потоком земля резко опускалась, открывая далекую долину, и в дальнем ее конце высилась огромная, серая с белым зубцом снежной вершины гора, в которой Деккерет мгновенно узнал один из девяти больших пиков Кинторских Болот.

«Нет,— пробормотал он,— я не хочу!».

Колатор Ласгия засмеялась, и ее звенящий смех показался ему зловещим, похожим на звуки пустыни в сумерках.

«Но это сон, милый друг, и тебе придется принять его».

«Ладно, но я не хочу возвращаться в Болота Кинтора. Посмотри, как все изменилось! Мы на Цимре, недалеко от огромной излучины реки. Видишь? Ни-Моя сверкает перед нами».

Он действительно видел огромный город, белый на фоне зеленых холмов. Но Колатор Ласгия покачала головой.

«Это не город, любовь моя, а северный лес. Чувствуешь ветер? Прислушайся песне потока. Иди сюда, стань на колени, зачерпни упавших на землю игл. Ни-Моя далеко, и мы здесь на охоте».

«Прошу тебя, давай побудем в Ни-Мое».

«В другой раз»,— ответила Колатор Ласгия.

Он не сумел переубедить ее — магические башни Ни-Мойи задрожали, стали прозрачными и исчезли, и остались лишь деревья с желтой корой, прохладный ветерок и звуки леса. Деккерет вздрогнул. Он был пленником своего сна и не мог сбежать.

Затем, небрежно приветствуя его, появились пятеро охотников в грубо пошитых куртках из шкур хайгусов, протягивая ему оружие — короткие тупые трубки излучателей и трехгранные кинжалы, чьи длинные лезвия слегка загибались на концах. Он покачал головой, но один из охотников подошел ближе, насмешливо улыбаясь ему и скаля белые зубы. Деккерет узнал лицо и со стыдом отвернулся. Это она погибла тогда в Болотах Кинтора. Не

окажись она сейчас здесь, подумал он, сон можно было бы стерпеть. Какая дьявольская пытка — заставить его пережить все снова!

«Возьми у нее оружие,— сказала Колатор Ласгия.— Сtima уже подняли, и мы должны догнать его».

«Я не хочу... Я...»

«Думаешь, во сне желания уважают? Сон — вот твое собственное желание. Возьми оружие».

Деккерет решился. Похолодевшими пальцами он принял кинжал, излучатель и убрал их в надлежащие места на поясе. Охотники одобрительно заулыбались, переговариваясь на хриплом северном наречии, а затем, пригнувшись, помчались длинными скачками по берегу. Деккерет поневоле побежал следом, сперва неуклюже, потом со все более плавной грацией, сопровождаемый Колатор Ласгией, легко выдерживающей его шаг. Ее черные волосы развевались вокруг лица, глаза горели от возбуждения. Они свернули налево в сердце леса, петляя в поисках добычи.

Добыча! Деккерет разглядел трех стимов с белой шерстью, сияющей, как фонари в глубине леса. Животные тревожно рыли землю. Они учуяли пришельцев, но пока не собирались оставлять свою территорию; огромные твари, наверное, самые опасные из всех диких животных Маджипура, быстрые, сильные и хитрые — ужас северных земель. Деккерет вытащил кинжал. Убивать стимов из энергометов — даже не развлечение, просто убийство, к тому же сильно страдает ценный мех. Почетнее подобраться ближе и действовать ножом. Лучше всего кинжалом. Только так охотник может заслужить славу.

Загонщики смотрели на него. Выбери себе одного в добычу, просили они. Деккерет кивнул и указал на среднего. Охотники заулыбались. Они знали что-то такое, о чем не сообщили ему. Это было обычное, едва скрываемое презрение лесовиков к господам, избалованным и алчущим смертельно опасных развлечений, тем более, что подобные развлечения зачастую оканчивались плохо. Деккерет держал кинжал наготове. Стимы, что рыскали за деревьями, были невероятно большими, с огромными тяжелыми

ляжками; ни один человек не справился бы с ними в одиночку только холодным оружием. Но отступить назад было нельзя — Деккерет сознавал, что намертво прикован к данному судьбой сну. Раздались звуки охотничьих рогов и свист загонщиков. Стимы, рассерженные и встревоженные необычными звуками, завертелись, обдирая когтями деревья, и, отвернувшись скорее из отвращения, чем от страха, пустились бежать.

Время пришло.

Деккерет знал, что сейчас загонщики прогонят дальше двух отвергнутых животных, оставив одного избранного, и не смотрел ни вправо, ни влево. В сопровождении Колатор Ласгии и охотницы, давшей ему оружие, он ринулся вперед, начиная погоню, так как стим с ревом и треском помчался через лес. Это было плохо. Хоть люди и быстрее, стимы легче продирались через подлесок, и он мог потерять добычу в этой беспорядочной погоне. Лес слегка поредел, но стим рвался в заросли, и вскоре Деккерет обнаружил, что борется с молодыми деревцами, лианами и мелким кустарником, едва успевая следить за удаляющимся белым призраком лесов. Охваченный одним-единственным чувством, он вырвался из объятий чащи и побежал, прокладывая дорогу мачете. Все было ужасно знакомым, вроде старой избитой шутки, особенно когда до него дошло, что стим петляет по зарослям, будто собирается напасть сам...

И спящий Деккерет знал, что такой случай скоро представится. Обезумевший зверь случайно наткнется на охотницу и отшвырнет ее на дерево, а Деккерет, не ожидавший такого и не сумевший помешать, умчитя вперед, продолжая погоню, оставив женщину лежать там, где она упала, так что, когда затаившаяся большеротая пожирательница падали высунется из норы и начнет рвать охотнице живот, рядом не окажется никого, способного защитить ее. Лишь позже, когда будет время вернуться за раненой, он пожалеет о своем бездушии и о том, что позволил себе не обратить внимания на падение человека, ради него выслеживавшего добычу. А после — стыд, бесконечные самообвинения. Да, ему предстояло пережить все это снова, во сне, в цепенящем зное Сувраеля... Или все-таки нет?

Нет, это было бы слишком просто для языка сноб в густом тумане, внезапно окутавшем Деккерета, он увидел, как стим вдруг развернулся и хлестнул охотницу, сбив ее с ног, но женщина поднялась, выплюнув несколько окровавленных зубов, расхохоталась, и погоня продолжилась — точнее, вернулась в начальную стадию, а потом стим вдруг вырвался из гущи леса и ударил самого Деккерета, вышибая кинжал из его руки, грозно взревел перед последним ударом, но так и не нанес его. Сцена менялась вновь и вновь, и теперь уже Колатор Ласгия лежала под опускающейся лапой, пока Деккерет беспомощно дрожал рядом, не в силах шевельнуться. Затем жертвой снова стала охотница, потом Деккерет, и совсем уж неожиданно и невероятно — старший Барьязид, а после него вновь Колатор Ласгия. Деккерет смотрел, не отводя глаз, и тут голос под его локтем произнес:

«Все мы без остатка принадлежим Дивин. Возможно, для тебя тогда было важнее не упустить добычу».

Деккерет оглянулся. Голос принадлежал охотнице, и звук его поразил Деккерета. Сон сбивал с толку, и он попытался проникнуть в его тайну, напрягая свою волю.

Теперь он видел Барьязида, стоящего неподалеку на темной лесной прогалине. Стим снова рвал охотницу.

«Такова правда?» — спросил Барьязид.

«Наверное, да. Я не видел».

«А что вы делали?»

«Продолжал погоню. Я не хотел лишаться добычи».

«Вы его убили?»

«Да».

«А потом?»

«Вернулся обратно и нашел ее...»

Деккерет помотал головой. Гнусная пожирательница падали уже оседлала женщину. Колатор Ласгия, улыбаясь, стояла рядом, скрестив руки.

«А после?»

«Подошли остальные. Они похоронили ее, затем мы сняли шкуру со стима и вернулись в лагерь».

«Дальше».

«Кто вы? Почему вы меня спрашиваете?»

Деккерет на один краткий миг увидел себя под клыкастым рылом пожирательницы падали.

«Вам было стыдно?» — спросил Барьязид.

«Конечно. Я поставил охотничий азарт выше человеческой жизни».

«Вы не могли знать, что она ранена».

«Я чувствовал это, но просто не позволил себе смотреть, понимаете? Я знал, что ей плохо, и ушел».

«А кто позаботился о ней потом?»

«Я».

«Даже так?»

«Да».

«Вы чувствуете себя виноватым?»

«Конечно».

«Вы виноваты юностью, глупостью, воспитанием».

«Разве вы мой судья?»

«Да,— сказал Барьязид.— Взгляните на мое лицо». — Он надул щеки, и его продубленная пустыней кожа начала трескаться, лицо сморщилось, как маска, и соскользнуло, открыв под собой иное лицо, искаженное отвратительной ухмылкой, дергающееся от конвульсивного хохота. И Деккерет узнал его — это его лицо!

В

11

тот же миг Деккерету показалось, будто игла ярчайшего света пронзила ему голову. Подобной боли он не испытывал никогда прежде, нестерпимо яркая игла пылала в голове с чудовищной силой. И этот вспыхнувший в сознании свет высветил всю его глупую мальчишескую романтику, единственную виновницу драмы, придумавшую трагедию в поисках очищения от греха, который вовсе не был грехом, если исключить снисходительность к себе. В разгаре агонии Деккерет услышал вдали удар огромного гонга и сухой, режущий слух хохот Барьязида, а затем, рванувшись из всех сил, вырвался из сна и перевернулся на бок, дрожащий и ошеломленный, все еще испытывая боль, хотя она уже таяла, уходя с последними остатками сна.

Он попытался встать и обнаружил, что завернут в густой, пахнувший мускусом мех, словно стим прижал его к своей груди. Могучие руки сжимали его. Четыре руки, осознал он и окончательно страхнул с себя остатки сна и понял, что лежит в объятиях гигантской скандарши Кэймак Грэп. Вероятно, он бился и кричал во сне, а когда попытался встать, она решила, что кошмар продолжает мучить его, и не дала ему подняться. Она держала его с таким силой, что едва не трещали ребра.

— Все в порядке,— пробормотал он, с трудом открыв рот, плотно прижатый к серой шерсти.— Я не сплю.

Она продолжала держать его.

— Вы... меня... задушите...

Он с трудом дышал. В своей заботе она могла убить его. Деккерет вырывался, отталкивал ее, даже бил. Извиваясь, он все же ухитрился сбить ее с ног, и они рухнули на землю. Она оказалась под ним, и в последнее мгновение руки ее разжались, позволив Деккерету откатиться в сторону. Согнувшись, он поднялся на колени, все тело его болело. Выпрямляясь, он увидел стоящего у флотера Барьязида, поспешно снимавшего со лба какой-то механизм — нечто вроде изящной, похожей на корону диадемы.

— Что это?— выкрикнул Деккерет.

Барьязид выглядел необычайно взволнованным.

— Ничего. Просто игрушка.

— Дайте-ка посмотреть.

Барьязид подал знак. Краем глаза Деккерет заметил, что Кэймак Грэп поднимается на ноги и снова тянется к нему, но прежде чем тяжеловесная скандарша управилась, Деккерет отскочил в сторону и стрелой помчался вокруг флотера к Барьязиду. Коротышка продолжал возиться со своим странным приспособлением. Деккерет, нависнув над ним, как только что скандарша нависала над ним самим, быстро схватил его за руку и заломил ее за спину, после чего выхватил механизм и осмотрел.

Теперь проснулись все. Вроон вытаращенными глазами смотрел на происходящее, а юный Динитак выхватил нож и крикнул:

— Отпусти его!

Деккерет рывком развернул Барьязида, прикрываясь им, как щитом.

— Скажи сыну, чтобы убрал нож,— приказал он. Барьязид молчал.

— Или он уберет нож, или я сломаю тебе руку! Выбери!

Низким голосом Барьязид отдал приказ, и Динитак швырнул нож на песок почти у самых ног Деккерета. Тот шагнул вперед, поднял нож и отбросил его за спину, потом покачал механизм перед лицом Барьязида. Это была вещь из золота, хрусталя и слоновой кости, тщательно и со вкусом отделанная, с непонятными проводами и завязками,

— Что это? — повторил он.

— Я ведь сказал — игрушка. Пожалуйста, отдайте... отдайте, а то вы ее сломаете.

— И каково назначение этой игрушки?

— Она развлекает меня во сне,— хрипло пробормотал Барьязид.

— Каким образом?

— Она усиливает сны и делает их интереснее.

Деккерет поднес механизм поближе к глазам.

— А если я надену его на себя, он усилит и мои сны?

— Вы только повредите себе.

— Ну-ну, расскажи-ка, что эта штука делает для тебя?

— Это очень трудно объяснить,— ответил Барьязид.

— А ты потрудись, подыщи слова. Например, как ты оказался в моем сне? Ты не имел никакого отношения к столь шепетильному посланию.

Коротышка пожал плечами и неловко сказал:

— Я был в вашем сне? Да откуда мне знать, что в нем происходило? Такое вообще невозможно.

— Да? А я думаю, твой механизм помог тебе туда проникнуть и узнать, что я вижу.

Барьязид угрюмо молчал.

— Опиши-ка его действие,— продолжал Деккерет,— или я просто сломаю эту штуковину.

Сильные пальцы Деккерета стиснули одну из самых хрупких на вид частей непонятного приспособления. Барьязид судорожно сглотнул, тело его напряглось.

— Ну?— поторопил Деккерет.

— Да, вы правильно угадали. Это... это позволяет мне проникать в спящее сознание.

— Вот как! Где же ты достал такую вещь?

— Я сам ее придумал и совершенствовал много лет.

— Значит, эта штука вроде машин Леди Острова она?

— Не совсем. Моя сильнее. Леди может только говорить с сознанием, а я читаю сны и управляю как их образованием, так и спящим сознанием.

— И ты придумал ее сам, а не украл на Острове Сна?

— Сам,— пробормотал Барьязид.

Деккерета захлестнула волна ярости. На мгновение ему захотелось раздавить механизм и отдубасить Барьязида до крови. Воспоминание о всех полуправдах, недомолвках и прямой лжи, которые скармливал ему коротышка, то, как он вмешивался в его сны, как бесцельно расстраивал и лишал целительного отдыха, как подмешивал ложные страхи, мучения и ненадежность в послания леди, вызывало почти убийственный гнев. Сердце бешено колотилось, в горле пересохло, глаза крыла красная дымка, а рука на локте Барьязида сжималась до тех пор, пока коротышка не взвыл.

Нет.

Деккерет достиг некой внутренней вершины своего гнева, задержался там на мгновение и, перевалив через пик, постепенно вновь обрел хладнокровие. Он отпустил Барьязида, отшвырнув его к флотеру, и тот, покачнувшись, вцепился в изогнутый борт машины. Все краски исчезли с его лица. Он осторожно потер посиневшую руку и взглянул на Деккерета со смешанным чувством ужаса, боли и негодования. Деккерет внимательно изучал любопытный инструмент, мягко дотрагиваясь кончиками пальцев до изящных и сложных узлов конструкции, затем потянулся надеть его себе на лоб.

— Не надо!— выдохнул Барьязид.

— А что случится? Думаешь, я сделаю себе хуже? Я справлюсь.

— Справитесь. И сами же себе навредите.

Деккерет кивнул. Он не сомневался, что Барьязид лжет, но не стал уличать его. Немного помолчав, он спросил:

— Выходит, в пустыне нет никаких метаморфов — похитителей снов!

— Да,— прошептал Барьязид.

— Есть только ты. Ты проводил опыты над сознанием спящих путников, так?

— Да,— прошептал Барьязид.

— И доводил их до смерти.

— Нет!— взвизгнул Барьязид.— Я не хотел никого убивать. Они сами умирали от испуга, от того, что ничего не могли понять, от того, что убегали в пустыню или терялись в своих снах, как и вы...

— Но умирали они потому, что ты вмешивался в их сознания.

— Кто может быть в этом уверен? Одни умерли, другие — нет. Я никому не желал смерти. Вспомните когда вы исчезли, мы вас старательно искали.

— Да, потому что я нанял тебя ради своей безопасности, и об этом знают в Толигае,— произнес Деккерет.— А других в чем не повинных путников ты грабил издавна, разве не так?

Барьязид промолчал.

— Ты знал, что люди погибают в результате твоих опытов, но продолжал экспериментировать.

Все так же молча Барьязид пожал плечами.

— Сколько ты этим занимаешься!

— Несколько лет.

— Но зачем?

Барьязид отвел взгляд.

— Я уже как-то говорил вам, что никогда не отвечаю на подобные вопросы.

— Даже если я сломаю твою машину!

— Вы все равно ее не сломаете.

— Верно,— сказал Деккерет.— На, забери.

— ЧТО?

Деккерет протянул ему руку с лежавшим на ладони механизмом.

— Возьми.

— Вы не убьете меня!— вздрогнул Барьязид.

— Разве я судья? Вот если я поймаю тебя еще раз, когда ты будешь испытывать это на мне, то

убью, можешь не сомневаться. А так — нет. Убийство не по мне. У меня на душе уже есть один грех. К тому же ты должен провести меня обратно в Толигай, или ты забыл?

— Конечно, конечно.— Барьязида явно потрясло милосердие Деккерета.

— Хотя, смотри, ты заслуживаешь...— пробормотал Деккерет.

— Но послушайте...— начал Барьязид.— Я вмешивался в ваши сны...

— Ну?

— Потому, что я хотел понять вас.

— Хм...

— Я... Вы не хотите отомстить?

Деккерет покачал головой.

— Ты позволил себе слишком вольно обойтись со мной и рассердил меня, но теперь гнев прошел, и я не хочу тебя наказывать.— Он наклонился поближе к коротышке и сказал низким угрожающим тоном:— Я пришел на Сувраель полный чувства вины, в поисках очищающих физических страданий. Глупости! Физические страдания лишь укрепляют тело и силу и совсем немного значат для душевных ран. Ты же дал мне кое-что другое. Ты и твоя игрушка. Хотя ты и мучил меня в снах, но ты держал зеркало моей души, и я видел себя и свою сущность. Ты хорошо запомнил мой последний сон, Барьязид?

— Вы были в лесу... на севере...

— Да.

— Вы охотились. Одного из ваших загонщиков ранил зверь, верно?

— Продолжай.

— И вы оставили ее, продолжив погоню за добычей, а когда вернулись, было уже поздно, и вы обвинили себя в ее гибели. Я ощущал в вас чувство огромной вины и чувствовал исходящую от вас силу.

— Да, — кивнул Деккерет. — Это вина, которую мне предстоит нести всю жизнь. И с этим ничего нельзя сделать. — Поразительное спокойствие вдруг охватило его. Он ни в чем не был уверен, хотя во сне, наконец, встал лицом к лицу с событиями в Кинторском лесу и взглянул на то, что там

сотворил и чего не сделал. Но понимая это, он не мог выразить словами, что глупо мучить себя всю жизнь за один беспечный поступок, и что пришло время отбросить самобичевание и заняться делом. Теперь он простил себя. Он приехал на Сувраель ради искупления, и каким-то образом получил его, за что следовало благодарить Барьязида.

— Возможно, я мог бы спасти ее,— продолжал он,— а возможно, и нет. Смерть есть смерть, да, Барьязид? И я должен служить не мертвым — живым. Едем. Разворачивай флотер, мы возвращаемся в Толигаи.

— Но... как же с вашим визитом на пастбища!

— Идиотское поручение. Недопоставки мяса? Вопрос уже решен, и мы едем в Толигай.

— А там?

— Ты отправишься на Замковую Гору со мной, покажешь свою игрушку Короналу.

— Нет!— в ужасе выкрикнул Барьязид. Впервые с тех пор, как они познакомились, он по-настоящему перепугался. — Прошу вас...

— Отеку,— окликнул его Динитак.

Под палящими лунами солнца парень здорово загорел, лицо его казалось совсем черным. И надменным.

— Отец, поезжай в Замок, пусть все увидят, что ты сделал.

Барьязид облизнул пересохшие губы.

— Я боюсь...

— Нечего бояться, наступает наше время.

Деккерет переводил взгляд с одного Барьязида на другого.

Старик внезапно оробел и как-то съежился, зато парень совершенно преобразился. Он чувствовал, что происходит историческое событие, перестановка могущественных сил, которые он едва понимал.

Барьязид хрипло сказал:

— А что будет со мной в Замке!

— Не знаю,— ответил Деккерет.— Возможно, твою голову выставят на всеобщее обозрение на шпиле башни Лорда Симиэва, а может быть, ты займешь место среди Великих Сил Маджипура. Случиться может все, что угодно, откуда мне знать?— Он понимал, что ведет себя неосмотрительно, потому что ему была безразлична судьба Барьязида

и он не испытывал ненависти к коротышке, а только какую-то порочную благодарность за то, что тот помог ему справиться с собой. — Все зависит от Коронала. Но одно я знаю точно — ты едешь со мной на своей машине. Все, разворачивай флотер!

— Но день еще не кончился,— сказал Барьязид,— еще слишком жарко.

— Ничего, выдержим. Едем, и побыстрее! Нужно успеть захватить в Толигае корабль. К тому же в городе есть женщина, с которой я хочу увидеться до отплытия.

Это произошло в юности того, кто стал впоследствии Лордом Деккеретом при Понтифексе Престимионе. А юный Динитак Барьязид стал первым повелителем Сувраеля и владыкой душ всех спящих Маджипура, именуемый отныне Королем Снов.

ХУДОЖНИК И ИЗМЕНЯЮЩИЙ ФОРМУ

Это уже становилось привычкой. Душа Хиссуне была открыта для всего, а Считчик Душ являлся ключом к безграничному миру нового восприятия. Один из жителей Лабиринта, он получил особое ощущение мира, пусть слегка неясное и нереальное, как названия на картах. Только мрак и закрытость Лабиринта имели сущность, все прочее было туманом. И вместе с тем Хиссуне побывал уже на всех континентах, пробовал необычную пищу, видел пейзажи, испытал холод и жару, придя к более всестороннему пониманию сложного окружающего мира, что, как он подозревал, было доступно лишь немногим. Он вновь и вновь возвращался к Считчику Душ, но больше не подделывал пропуск: юноша так часто бывал в архивах, что его приветствовали кивками и без слов пропускали внутрь, где в его распоряжении были миллионы «вчера» Маджипура. Часто он задерживался здесь всего на несколько минут,

пока определял, что не найдет сегодня ничего нового, чтобы двигаться дальше по дороге знаний. Иногда с утра он быстро вызывал и обрывал по восемь, десять, пятнадцать записей. Разумеется, он знал, что каждая душа таит в себе целый мир, но не каждый такой мир одинаково интересен. Он искал способ открыть что-то новое, и иной раз делал неожиданные находки, например, человека, полюбившего Изменяющего Форму.

Излишество изгнало художника Териона Нисмайла из хрустальных городов замковой Горы в мрачные леса западного континента. Всю жизнь он прожил среди чудес Горы, путешествуя, согласно требованиям своей профессии, по пятидесяти городам, и каждые несколько лет менял роскошь одного города на чудеса другого. Он родился в Дундилмире, и на первых его полотнах запечатлелись сцены Сверкающей Долины, буйные и страстные от влюбленного в них пыла юности. Затем он прожил несколько лет в поразительном Канзилайне, городе говорящих статуй, потом во внушающем благоговение Сти, от одного предместья которого до противоположного было не меньше трех дней пути, побывал в Галанксе, расположившемся почти у окраины Замка, и пять лет провел в самом Замке, где создавал картины придворной жизни Коронала Трэйма. Его полотна высоко ценились за холодную сдержанность, изящество и совершенство форм, отражающие высшую степень совершенства пятидесяти городов. Но, тем не менее, красота этих мест со временем перестала трогать душу и чувства художника, и когда Нисмайлу стукнуло сорок лет, он начал сравнивать совершенство с застоем, и не мог смотреть на свои самые знаменитые работы. Душа требовала непредсказуемости, преобразования.

Высшей критической точки, наибольшей глубины кризиса он достиг в садах Толинггарского Барьера, удивительном парке, раскинувшемся между Дундилмиром и Стипулом. Коронал заказал ему набор картин о садах, чтобы украсить беседку из ползучих растений, выстроенную у края Замка, и Нисмайл услужливо проделал долгое путешествие вниз по склонам колоссальной Горы, прошел миль сорок по

парку, выбирая подходящее место для работы, и установил мольберт на Казказском Мысу, где сады уходили вдаль гигантскими зелеными симметричными завитками. Он бывал здесь еще мальчишкой. На всем Маджипуре нельзя было найти места более безмятежного и опрятного. Толинггарские сады состояли из растений, роскоши в удивительной чистоте и опрятности, руки садовников никогда не касались их, они сами росли в грациозной симметрии, регулируя промежутки между собой и подавляя всю близлежащую траву. Когда они роняли листья или считали необходимым избавиться от засохшей ветви, внутренние ферменты быстро разлагали сбрасываемый материал, превращая его в полезный компост. Этот сад основал Лорд Хавилбов более ста лет назад. Его преемники Лорды Кенете и Сирран продолжили и расширили программу генетически управляемых преобразований, и в царствие Лорда Трэйма задумка была завершена, и окружающее, казалось, застыло навечно. Это было само совершенство, которое и решил запечатлеть Нисмайл.

Он стоял перед пустым холстом, глубоко и спокойно втягивая легким воздухом, как всегда, когда готовился войти в транс. А потом в одно мгновение дух его, отрешившись от сознания, впитал в себя единый миг уникальности видимой сцены. Художник обвел взглядом нежные холмы, поросшие кустарником с изящными иглами листвы, и волна ярости захлестнула его. Он затрепетал, пошатнулся и чуть не упал. Этот замерший пейзаж, это чистое и прекрасное место, этот непогрешимый и бесподобный сад — все это не нуждалось в нем. Все это само по себе было неизменным, как картина, так же застыв в своем невидимом ритме до конца времен. Как страшно и как ненавистно! Нисмайл пошатнулся, прижав ладони к вискам. Послышался удивленный шепот сопровождающих, и, открыв глаза, он увидел, что все в ужасе смотрят на почерневший, покрывшийся пузырями холст.

— Снимите! — закричал он и отвернулся. Все сразу пришло в движение, люди суетились, а в центре их группы замер Нисмайл, похожий на статую. Когда он вновь смог заговорить, то сказал спокойно:

— Передайте Лорду Трэйму, что я не смог выполнить его поручение.

За день он купил в Дундилмире все необходимое и отправился в долгое путешествие вниз к обширным и жарким заливным лугам реки Иоайн, там сел на баржу и долго-долго плыл по медлительным водам к Алайсору, порту на западном побережье Алханроеля, откуда после недельного ожидания добрался до Нуминора на Острове она, где прожил месяц. Затем он сел на корабль паломников, шедший в Пилиплок, город на диком Цимроеле. Он был убежден, что Цимроель не будет угнетать ни изяшной красотой, ни совершенством. Здесь насчитывалось всего восемь-девять городов. Чаше всего небольших, а все внутренние земли континента оставались дикими и малоисследованными — именно туда Лорд Стиамот переселил метаморфов после их окончательного поражения четыре тысячи лет назад. Человек, уставший от цивилизации, мог бы восстановить душевные силы в таком окружении.

Нисмайл не питал иллюзий и ждал, что Пилиплок окажется грязной дырой, но, к его удивлению, город был древним и большим, построенным по четкому математическому плану. Такого безобразия, никоим образом не освежающего душу, художник не потерпел и двинулся на речной барже вверх по Цимру. Он оставил позади огромную Ни-Мойю, прославленную даже среди обитателей других материков, но в городе под названием Верф он, подчинившись порыву, покинул баржу, нанял фургон и отправился в леса на юге. Забравшись в окружающую дикость настолько глубоко, что нигде не осталось следа цивилизации, он поставил хижину возле быстрой темной реки; к тому времени прошло три года, как он покинул Замковую Горю. Всю поездку он держался особняком, заговаривая с другими только по необходимости, и совсем не писал.

Здесь он почувствовал, что постепенно начинает излечиваться. Все в окружающем мире казалось незнакомым и удивительным. На Замковой Горе с ее управляемым климатом царила бесконечная весенняя свежесть, воздух был чистым и сухим, и дожди шли по заранее составленному расписанию. Теперь же он находился в туманном и сыром дождливом лесу с губчатой и плодородной почвой,

где деревья росли в такой хаотичной путанице, какой он не мог и представить, стоя у Толинггарского Барьера. Он носил минимум одежды, методом проб и ошибок познавал, какие плоды, ягоды и коренья пригодны в пищу, придумал плетеную запруду, облегчившую ловлю гибких красных рыб. Часами бродил он по густым джунглям, смакуя не только необычную красоту, но и радость самих прогулок, и часто пел громким срывающимся голосом, чего никогда не делал на Замковой Горе. Иногда он начинал было готовить холсты, но убирал их, так и не прикоснувшись; сочинял поэму с прочувствованными словами и пел ее стройным высоким деревьям, опутанным лианами. Правда, время от времени ему хотелось узнать, что происходит при дворе Лорда Трэйма и не нанял ли Коронал другого живописца украшать беседку, но такие мысли приходили нечасто.

Нисмайл утратил счет времени. Минуты четыре, пять, возможно, шесть недель — он не мог сказать точно, прежде чем он увидел первого метаморфа.

Встреча произошла на болотистой лужайке в двух милях вверх по реке от его хижины. Нисмайл бродил там, собирая алые сочные луковицы земляных лилий, которые, как он недавно узнал, если их размять и запечь, очень вкусны. Росли они глубоко, и он выкапывал их руками, извозившись в земле до плеч. Вытаскивая пригоршню луковиц, он поднял грязное лицо и заметил спокойно стоявшую фигуру ярдах в десяти.

Он никогда прежде не видел метаморфов. Уроженцы Маджипура были навечно изгнаны со столичного континента Алханроеля, где провел свои детские годы Нисмайл. Но он знал, как они выглядели, и узнал это высокое, хрупкое, желтокожее существо, остролицее, с косящими внутрь глазами, еле заметным носом и волокнистыми волосами бледно-зеленого оттенка. На метаморфе был лишь кожаный пояс с коротким острым кинжалом из какого-то отшлифованного черного дерева. С жутким достоинством метаморф стоял, балансируя на длинной хрупкой ноге, обернув вокруг нее другую. Он выглядел зловещим и мягким одновременно, угро-

жающим и смешным. Подумав, Нисмайл решил не беспокоиться.

— Привет,— сказал он.— А я луковицы собираю. Метаморф не ответил.

— Я Терион Нисмайл, бывший художник Замковой Горы. У меня тут хижина ниже по реке.

Так же молча метаморф продолжал смотреть на него, по лицу его промелькнуло странное выражение. Затем он повернулся и скользнул в джунгли, почти мгновенно растворившись в них.

Пожав плечами, Нисмайл продолжал выкапывать луковицы. Недели через две он встретил второго метаморфа пили, может, того же самого, на этот раз когда сдирал кору с лианы, делая канат для ловушки на билантона. Метаморф безмолвно, как призрак, возник перед Нисмайлом и принялся созерцать его в том же положении, что и в прошлый раз. Нисмайл опять попытался вовлечь его в разговор, но, как и тогда, ничего не вышло, и загадочное существо вновь исчезло в лесу.

— Подожди!— позвал Нисмайл.— Я хочу поговорить с тобой, я...— Но он уже остался один.

Несколько дней спустя, собирая дрова для костра, он снова почувствовал, что его пристально разглядывают сразу заговорил:

— Я поймал билантона и испек его. Мяса больше, чем мне нужно. Может, поделишь со мной обед?

Метаморф улыбнулся, вернее, на лице его мелькнуло что-то вроде улыбки, и, словно отвечая, вдруг превратился в зеркальное отражение самого Нисмайла, коренастого и мускулистого, с черными глазами и темными волосами до плеч. Нисмайл заморгал, задрожав, потом, узнав, улыбнулся, решив принять все это как некую форму разговора, и сказал:

— Поразительно! Ни разу еще не видел. Идем, часа через полтора мясо будет готово, а мы пока поболтаем. Ты понимаешь наш язык! Или нет?— Было очень необычно разговаривать со своим двойником.— Тут где-то неподалеку ваше селение? Пойдем к хижине, посидим у костра. У тебя нет вина? Единственное, чего мне недостает, так это доброго крепкого вина вроде того, что делают в Майдемаре. Ну скажи же хоть что-нибудь!— Но метаморф ответил лишь гримасой (возможно, означавшей ус-

мешку), искажившей второе лицо Нисмайла, превратив его в нечто неприятное и странное, затем мгновенно вернулся в свой естественный облик и неторопливой плывущей походкой удалился.

Нисмайл надеялся, что он вернется с фляжкой вина, но в тот день больше его не видел. Любопытные существа, подумал он. Может, их рассердило, что он поставил хижину на чужой территории, или они держат его под надзором из боязни, что он является авангардом человеческих переселенцев? Странно, но он совсем не боялся за себя, хотя в большинстве своем метаморфы были недоброжелательны к чужим. Часто рассказывали о их набегах на приграничные поселения людей, о том, что народ Изменяющих Форму таил ненависть к тем, кто захватил их мир, лишив хозяев законных прав на планету и загнав в джунгли. Но Нисмайл знал себя как человека доброй воли, никогда не причинявшего вреда другим, желавшего, чтобы его оставили в покое и позволили жить своей жизнью, и сейчас он надеялся, что какие-то неуловимые чувства дадут понять метаморфам, что он им не враг. Он хотел подружиться с ними, мечтал о дружеской беседе и хотел поделиться своими мыслями с этим необычным народом. Он мог бы даже написать кого-нибудь из них: Позднее он снова подумал о возвращении к искусству и испытал необычайный душевный подъем. Несомненно, он отличался сейчас от того несчастного человека, каким был на Замковой Горе, и отличие это само по себе должно было сказаться на его творчестве. В течение нескольких следующих дней он репетировал речь, которую составил, чтобы завоевать доверие метаморфов. Со временем, рассуждал он, они могли бы стать друзьями, беседовать.

Однако проходили дни, а он не видел ни одного метаморфа. Нисмайл бродил по лесу, не встречая никого. И, наконец, решил, что слишком торопил события и спугнул их. Это его расстроило.

Однажды в сырой и теплый день через несколько недель после того, как в последний раз видел метаморфа, он купался в холодном и глубоком пруду, образованном валунами в полумиле ниже хижины, и вдруг заметил бледную стройную фигуру, быстро пробирающуюся сквозь густые заросли

синелистого кустарника на берегу. Он выскочил из воды.

— Подожди!— закричал он.— Пожалуйста... не бойся!.. Не уходи!..

Фигура исчезла, но Нисмайл, бешено продираясь сквозь подлесок, через несколько минут снова увидел ее у гигантского дерева с красной корой.

Пораженный, Нисмайл замер — это был человек, женщина. Стройная, юная и нагая. С густыми каштановыми волосами, узенькими плечами, небольшой высокой грудью и яркими глазами, она, казалось, совершенно не боялась его, лесовика, который слишком очевидно наслаждался неожиданной радостью встречи.

Пока он собирался с мыслями, она неторопливо оглядела его и сказала со смехом:

— Какой ты исцарапанный! Разве ты не умеешь бегать по лесу?

— Я не хотел, чтобы ты ушла.

— Ну, далеко я бы не ушла... Знаешь, я долго за тобой следила, пока ты меня заметил. Ты из хижины, правильно?

— Да-а, а ты! Где ты живешь?

— Здесь и там, повсюду,— прозвучал мелодичный ответ.

Он изумленно смотрел на нее. Красота ее восхитила, бесстыдство потрясло. Откуда она взялась! Что делает одна обнаженная девушка в этих дебрях!

Девушка!

Конечно же, понял вдруг он с внезапной горечью ребенка, жаждавшего во сне сокровища, обретшего его и проснувшегося. Вспомнив, как легко метаморф стал его отражением, Нисмайл понял, что это просто какая-то шалость, маскарад. Он пристально изучал ее, выискивая признаки метаморфа: следы желтоватой кожи, острые выпирающие скулы, косящие глаза. Он искал эти следы на бесстыдно-веселом лице, но тщетно — во всех отношениях она выглядела человеком. И тем не менее... поскольку встретить здесь кого-то из соплеменников было просто невероятно, а пьюривара вполне возможно, то...

Он не хотел верить в это и решил доверчиво принять возможный обман в надежде со временем действительно поверить в свое счастье.

— Как тебя зовут?— спросил он.

- Серайс. А тебя?
- Нисмайл. Где ты живешь?
- В лесу.
- Значит, тут недалеко поселок?

Девушка дернула плечом.

— Я живу одна.— Она подошла к нему — он чувствовал, как напрягаются его мускулы по мере ее приближения — и легонько коснулась порезов от ветвей на его руках и груди.— Больно?

— Начинает болеть. Я их промою.

— Да, пожалуй. Давай вернемся к запруде. Я знаю тропку получше той, по которой ты мчался сломя голову. Иди за мной.

Она отошла в сторону и раздвинула густые заросли папоротник, открыв узкую, но хорошо утоптанную тропинку. Девушка грациозно рванулась вперед, и он побежал следом, восхищаясь легкостью ее движений, игрой мышц спины и ягодиц. Он нырнул в воду секундой позже ее, взметнув фонтаны брызг. Холодная вода успокоила саднящие царапины. Когда они вышли из воды, его властно потянуло привлечь ее к себе и обнять, но он не посмел. Они растянулись на поросшем мхом берегу. В глазах ее сверкало озорство, недоброе озорство.

— Моя хижина недалеко,— сказал он.— Я знаю.

— Не хочешь заглянуть туда?

— В другой раз, Нисмайл.

— Хорошо, в другой так в другой.

— Откуда ты?— поинтересовалась она.

— Я родился на Замковой Горе — знаешь, где это? И был придворным живописцем Коронала, но не обычным. Я пишу душой. Понимаешь, это... как бы переносить картину на холст душой... Я могу показать. Я смотрю на что-нибудь внутренним взором, охватываю суть увиденного своим подсознанием, затем впадаю в транс, почти засыпаю, преобразую увиденное во что-то свое и переносу на холст.— Он помолчал.— Это лучше видеть.

Она, кажется, почти не слушала его.

— Ты хочешь ко мне прикоснуться, Нисмайл?

— Да. Очень...

Густой и мягкий мох на ошупь напоминал толстый ковер. Она подкатилась к нему, рука его нависла над ее телом, и тут он заколебался: он был убежден, что она метаморф и играет с ним в

какую-то извращенную игру Изменяющих Форму. Волна тысячелетнего страха и ненависти поднялась в нем: он страшился ее прикосновения, боялся найти ее кожу липкой и отвратительной, какой, по его мнению, должна быть кожа метаморфов. Еще он боялся, что она изменится, обернется чуждой тварью, когда будет покоиться в его объятиях. Глаза девушки приблизились, губы раскрылись, язычок дразняще мелькнул за белыми зубами — она ждала. В ужасе он заставил свою руку лечь на ее грудь. Кожа ее была теплой, упругой и чувственной плотью человеческой женщины — насколько он мог определить после стольких лет одиночества. С тихим вскриком она прижалась к нему. На один пугающий миг безобразный вид метаморфа мелькнул в сознании — угловатый, длиннорукий, длинноногий, безносый, но Нисмайл с силой оттолкнул его прочь, приподнялся, лег и вдавился в ее сильное гибкое тело. Долгое-долгое время спустя они лежали бок о бок, умиротворенные, сцепив руки и ничего не говоря. Даже когда пошел легкий грибной дождь, они не шевельнулись, позволяя быстрым острым каплям омыwać их тела. Наконец он открыл глаза и обнаружил, что она с любопытством смотрит на него.

— Я хочу нарисовать тебя,— сказал он.

— Нет.

— Не сейчас. Завтра. Ты придешь ко мне в хижину, и...

— Нет.

— Я уже несколько лет не пробовал писать. Для меня очень важно начать сызнова. И я очень хочу написать тебя.

— А я очень этого не хочу,— ответила она.

— Пожалуйста!

— Нет,— повторила Серайс мягко, откатилась от него и встала. — Рисуй джунгли, запруды. Только не рисуй меня, Нисмайл, хорошо!

Неторопливым жестом он дал понять, что согласен.

— Теперь я пойду,— сказала она.

— Скажи, где ты живешь?

— Я уже говорила — в лесу. Почему ты задаешь такие вопросы!

— Я не хочу терять тебя, а если ты исчезнешь, откуда мне знать, где искать тебя?

— Но я ведь знаю, где найти тебя,— засмеялась Серайс.— По-моему, этого хватит.— Ты придешь завтра ко мне в хижину, да?

— Да.

Он взял ее за руку и потянул к себе, но теперь уже колебалась она. Она так и не сказала ничего, кроме своего имени. С трудом верилось, будто она, как и он, в одиночестве живет в джунглях и бродит по ним из прихоти, но он сомневался, что сумеет отыскать и указать ей несоответствия между ее словами и действительностью. И все-таки самое вероятное объяснение — она метаморф, по непонятной причине впутавшийся в связь с человеком. Всеми силами он сопротивлялся этой мысли, но был слишком здравомыслящим, чтобы отвергнуть ее полностью. С другой стороны, она выглядела, как человек, чувствовала, как человек, вела себя, как человек. Неужели метаморфы заходят в своих перевоплощениях столь далеко! Его тянуло спросить прямо, выложить свои подозрения, но это было бы просто глупо — ясно было, что она не ответит. И он оставил все вопросы при себе. Девушка мягко высвободила руку, улыбнулась, послала ему воздушный поцелуй и, шагнув к окаймляющим тропу папоротникам, исчезла из виду.

Весь следующий день Нисмайл прождал ее в хижине. Она не пришла, и это почти не удивило его. Встреча их казалась сном, фантазией, интермедией вне времени и пространства. Он и не надеялся увидеть ее снова. К вечеру он достал из привезенного с собой мешка холст и натянул его, думая, что сможет запечатлеть открывающийся из окна хижины вид, когда сумерки окрасят воздух. Он долго изучал пейзаж, проверяя вертикаль стройных деревьев относительно тяжелой горизонтали густых зарослей желтых ягодных кустов, но в конце концов покачал головой и убрал холст. Ничто в окружающем не нуждалось в изображении на картине, и Нисмайл решил подняться утром вверх по реке за луг к более обещающей сцене, где мясистые сочные побеги, как резиновые шипы, торчали из глубоких расщелин и скал.

Но утром нашелся предлог отложить поход, а днем показалось, что идти уже поздно. Тогда он принялся за работу в своем крошечном садике, куда пересаживал кусты, чьи ягоды или зелень употреблял в пищу, и провозился несколько часов. После полудня молочная мгла окутала лес. Он вошел в хижину, а через несколько минут в дверь постучали.

— Я уже не надеялся,— сказал он ей.

Лоб и брови Серайс покрывали бусинки туманной влаги.

— Я обещала,— тихо сказала она,— и пришла.

— Вчера,— напомнил Нисмайл.

— Вот это — за вчерашний день,— она засмеялась и вытащила из-под одежды фляжку.— Ты любишь вино? Я нашла немного. Пришлось, правда, порядочно пройти, чтобы достать его. Вчера.

Это было молодое темное вино, щекодавщее искорками язык. Фляжка была без ярлыка, но Нисмайл решил, что это какое-то вино, не известное в Замке. Они выпили все, причем он выпил гораздо больше девушки — она наполняла его чашу снова и снова, — а когда вино кончилось, нетвердыми шагами вывалились наружу и занялись любовью на холодном и сыром берегу реки, после чего задремали.

В начале ночи она разбудила его и отвела в постель. Они провели на ней ночь, а утром она не выказала никакого желания уйти. Они сходили к запруде и начали день с купания, потом снова занимались любовью на толстом ковре из мхов, а после она провела его к древесному исполину с красной корой, где он впервые ее увидел, и показала гигантский желтый плод, упавший с одной из чудовищных ветвей. Нисмайл с сомнением оглядел его. Плод раскололся, показывая алую мякоть, усеянную большими поблескивающими черными зернами.

— Двикка,— сказала девушка.— Сейчас мы добудем питье.

Она разделась и сложила в платье большие куски плода, которые они отнесли к хижине, где и позавтракали. Почти до полудня они пели и смеялись. На обед они нажарили рыбы, наловив ее в плетеной запруде Нисмайла, а позже, когда лежали рука в

руке, любясь приходом ночи, она задала тысячи вопросов о его прошлой жизни, о картинах, детстве, путешествиях, о Замковой Горе, о пятидесяти городах, Шестиричье, о дворе Коронала Лорда Трэйма, о замке Короналов и его неисчислимым залах. Вопросы лились из нее нескончаемым потоком, новый обгонял предыдущий, пока Нисмайл еще отвечал. Любопытство ее было неистощимо и не давало ему возможности узнать что-нибудь о ней самой, да он и сам сомневался, что она ответит.

— Что мы будем делать завтра? — спросила она.

Так началась их связь. В первые дни они почти ничего не делали, только ели, пили, купались, занимались любовью да жевали опьяняющие кусочки плода двикки, и наконец Нисмайл перестал бояться, что она исчезнет так же внезапно, как появилась. Поток ее вопросов постепенно иссяк, но сам он так и не решился расспросить ее.

Он никак не мог избавиться от навязчивой мысли, будто она метаморф, и за лживой ее красотой таится чужое и безобразное лицо. Мысль эта особенно часто поражала его, когда он ласкал прохладные и свежие бедра или груди. Как ни отбрасывал он подозрения, они не покидали его. В этой части Цимроеля не было человеческих поселений, и казалось слишком невероятным, чтобы девушка — несмотря на все подозрения, она оставалась для него девушкой — избрала, подобно ему, жизнь отшельника. Гораздо более вероятно, думал Нисмайл, что она родилась здесь, что она одна из Изменяющих Форму, которые скользят подобно призракам по этим сырым джунглям. Когда она засыпала, он иногда рассматривал ее в тусклом лунном свете, отыскивая места, где терялся человеческий облик, но ничего не мог найти — она оставалась человеком, и все равно он не мог избавиться от подозрений.

К тому же, не в характере метаморфов было искать общества человека или выказывать к нему дружелюбие. Для большинства людей Маджипура метаморфы являлись призраками минувшей эпохи, нереальными и легендарными. Для чего кому-то из них нарушать его уединение и предлагать себя в убедительной подделке для любви, рьяно стараться

расцветить ему день и ласкать ночью! Иной раз ему мерещилось, будто Серайс в темноте возвращается в свой естественный облик и, поднимаясь над ним, спящим, вонзает сверкающий кинжал в горло, мстя за преступления его предков. Но он понимал, что подобные фантазии — вздор. Захоти метаморфы убить его, им бы не потребовались столь запутанные способы.

Нелепо было верить, что она метаморф, но так же нелепо было не верить в это.

В конце концов, отринув все сомнения, он решил вновь вернуться к своему искусству, и в один необычайно ясный и солнечный день вытащил Серайс на скалу сочного красного цвета, прихватив пустой холст. Она зачарованно смотрела за его приготовлениями.

— Ты рисуешь только сознанием?— спросила она.

— Только им. Я фиксирую сцену в душе, преобразую и... в общем, увидишь сама.

— А ничего, что я смотрю? Я ничего не испорчу?

— Конечно, нет.

— Но если вмешается еще чье-нибудь сознание!

— Такого не случится, холсты настроены на меня.— Он посмотрел сбоку, поправил подрамник, отошел на несколько футов. В горле вдруг пересохло, руки задрожали. Прошло столько лет, сохранился ли его дар? И техника? Он выровнял холст по прямой линии и коснулся его, пока предварительно, сознанием. Сцена была хорошей, живой и необычной, цвета резко контрастировали между собой — превосходная композиция. Массивная скала с жутковатыми мясистыми растениями, на кончиках ветвей которых цвели крошечные желтые чашечки, испещренный солнечным светом лес — да, да, это поможет перенести на холст суть окружающих, густо переплетенных джунглей...

Он прикрыл глаза. Вошел в транс. И перенес картину на холст.

Серайс тихонько вскрикнула от удивления.

Нисмайл чувствовал, что весь покрыт потом, он пошатнулся, с трудом сохранив равновесие. Мгновение спустя он вновь обрел над собой контроль и взглянул на холст.

— Как красиво!— прошептала Серайс.

Однако его потрясло увиденное. Эти головокружительные линии, смазанные, чередующиеся цвета, тяжелое сальное небо, угрюмой петлей приклеенное к горизонту — ничего похожего на сцену, которую он хотел запечатлеть, и что гораздо тревожнее, ничего похожего на предыдущие работы Териона Нисмайла. Мрачная, болезненная картина, испорченная непреднамеренным диссонансом.

— Тебе не нравится?— удивилась Серайс.

— Я пытался передать совсем не это.

— Ну и что! Все равно, удивительно создавать картину ТАК, тем более, такую прекрасную...

— По-твоему, она прекрасна?

— Конечно. А разве нет?

Он посмотрел на Серайс. Это прекрасно? Что это — лесть? Или у нее просто нет вкуса? Невежество? Неужели она искренне восхищается тем, что он сотворил? Этой необычной, мучительной картиной, мрачной и чуждой...

Ч У Ж Д О Й !

— Тебе не нравится,— она уже не спрашивала, утверждала.

— Я не писал около четырех лет. Наверное, нужно начинать медленно и постепенно.

— Это я испортила,— перебила Серайс.

— Ты? Глупости!

— Вмешалось мое сознание, мое видение вещей.

— Я ведь говорил тебе, что холсты настроены только на меня. Я могу стоять среди тысячной толпы, и никому не удастся повлиять на мою работу.

— Но, может, я как-то отвлекаю тебя?

— Вздор!

— Я пойду, прогуляюсь, рисуй пока один.

— Не стоит. Пойдем-ка лучше домой; искупаемся, перекусим и займемся еще кое-чем, а?

Он снял с подставки холст и скатал его. Слова девушки подействовали на него сильнее, чем он готов был признать. Несомненно, что-то странное вмешалось в создание картины. А вдруг это она каким-то образом испортила работу? Что, если скрытая душа метаморфа наполнила его создание своей сущностью, заставив воспринять чуждые цвета?..

Они молча шли вниз по течению реки, когда добрались до луга земляных лилий, где Нисмайл встретил первого метаморфа, он вдруг сказал:

— Серайс, я хочу тебя кое о чем спросить.

— Да?

Теперь он уже не мог остановиться.

— Ты не человек, да? Ты действительно метаморф?

Она уставилась на него, щеки ее заалели.

— Ты серьезно?

Он кивнул.

— Я — метаморф! — Она не очень убедительно рассмеялась. — Что за дикая мысль!

— Ответь мне, Серайс. Посмотри мне в глаза и ответь.

— Какая глупость, Терион.

— Пожалуйста, ответь.

— Ты хочешь, чтобы я доказала, что я человек? Но как?

— Я хочу, чтобы ты сказала мне, человек ты или нет.

— Я человек, — сказала она.

— Этому можно верить?

— Не знаю. Я тебе ответила. — Глаза ее весело блеснули. — Или я чувствую не как человек? Веду себя не по-человечески? Неужели я похожа на подделку?

— Может, я просто не могу заметить различий.

— Но с чего ты взял, будто я метаморф?

— Только метаморфы живут в здешних джунглях, — ответил он. — И это логично... хотя, даже... — Нисмайл смолк. — Ладно, я получил ответ. Дурацкий вопрос, и я сам дурак.

— Какой ты странный! Ты ведь должен рассердиться на меня за то, что я испортила твою картину.

— Нет.

— Ты совершенно не умеешь лгать.

— Ну хорошо. Что-то испортило мою работу. Я не знаю, что. Я собирался писать не это.

— Тогда напиши другую.

— Да. Позволь мне написать тебя.

— Я уже говорила, что не хочу, чтобы меня рисовали.

— Мне это очень нужно. Мне необходимо увидеть твою душу, а только так я могу...

— Рисуй движку, Терион, хижину.
— Но почему не тебя?
— Мне не хочется.
— Это не ответ. Что тут такого?
— Пожалуйста, Терион.
— Ты боишься, что я увижу тебя на холсте такой, какой ты себе не нравишься? Так? Или, что я получу иной ответ на вопрос, если напишу тебя?
— Пожалуйста.
— Позволь мне написать тебя.
— Нет.
— Но почему? Скажи, почему?
— Не могу,— ответила она.
— Тогда и отказать ты не можешь.— Он вытащил холст из мешка.— Здесь, на лугу, сейчас. Подойди, Серайс, встань у реки. Это быстро, всего минута...
— Нет, Терион.

— Если ты меня любишь, то не откажешь.
Столь грубый шантаж потряс его самого и рассердил девушку. Он заметил в ее глазах зловещий огонек, какого никогда не видел раньше. Холодно и ровно она сказала:

— Не здесь, Терион. У хижины. Рисуй меня там, если настаиваешь.

За весь оставшийся путь они не сказали ни слова. Нисмайл старался забыть. Ему казалось, он вырвал ее согласие силой, и сейчас почти желал вернуть назад ее уступку. Но... не спеша подготовил холст.

— Где мне встать?— осведомилась она.

— Где хочешь. У речки, у хижины.

Вялой походкой она подошла к хижине и посмотрела на Нисмайла — тот кивнул и принялся прохаживаться перед холстом, готовясь войти в транс. Серайс сердито смотрела на него глазами, полными слез.

— Я люблю тебя!— выкрикнул он вдруг и погрузился в транс — последнее, что он видел, прежде чем закрыть глаза, была Серайс, замершая возле хижины, но теперь она уже не казалась унылой — плечи ее расправились, глаза засверкали, вспыхнула улыбка. Когда он вновь открыл глаза, картина была готова, а девушка робко глядела на него из дверей хижины.

— Ну, как?— спросила она.

— Иди сюда, посмотрим вместе.

Она подошла, и они стали рассматривать картину, а мгновенно спустя рука Нисмайла обняла плечи девушки. Она задрожала и крепко прижалась к нему.

На картине, на фоне зубчатых красных, оранжевых и розовых цветов была изображена женщина с человеческими глазами, но ртом и носом метаморфа.

Она спокойно сказала:

— Теперь ты узнал, что хотел.

— Значит, на лугу была ты? И те два раза тоже?

— Да.

— Почему?

— Ты заинтересовал меня, Терион, и я захотела узнать о тебе побольше. Я никогда не видела таких, как ты.

— Я все равно не верю,— прошептал он.

Она кивнула на картину.

— Но этому ты веришь, Терион?

— Нет! Нет!

— Теперь ты получил ответ.

— Я знаю, ты человек! Картина лжет!

— Нет, Терион.

— Докажи! Изменись, изменись сейчас же!— Он отпустил ее и чуть шагнул назад.— Давай! Меняйся!

Она печально взглянула на него, потом безо всякого перехода превратилась в его копию, как делала уже однажды. Он смотрел, не мигая, и она изменилась снова, превратившись на сей раз во что-то чудовищное: кошмарный, испещренный оспинами серый шар с отвислой кожей, глазами-блюдами и загнутым черным клювом. Потом стала метаморфом, с чахлой грудной клеткой и невыразительными чертами лица, затем вновь стала Серайс: водопад каштановых волос, изящные руки, стройные ноги, сильные бедра.

— Нет,— воспротивился он.— Не надо больше подделок.

Она вновь превратилась в метаморфа. Нисмайл кивнул.

— Да, так лучше. Оставайся такой, это гораздо красивее.

— Красивее, Терион?

— Для меня ты красива и такая, настоящая. Обман всегда отвратителен.

Он потянулся к ее руке, на ней оказалось шесть пальцев, очень длинных и узких, без ногтей и суставов, кожа была молочной и чуть глянцевой — вот и все. Он ожидал большего. Художник провел рукой по ее стройному телу. Она не шевелилась.

— Теперь я уйду, — сказала она наконец.

— Останься. Живи со мной,

— Даже теперь?

— Даже теперь. В своем настоящем облике.

— Ты действительно хочешь?

— Да, да, — кивнул он. — Останься.

— Когда я в первый раз пришла к тебе, — сказала она, — то хотела не только узнать тебя, но и вредить. Ты наш враг; Терион, и род твой всегда будет враждовать с нами. Но когда мы стали жить вместе, я не смогла найти причины, чтобы ненавидеть тебя. ТЕБЯ! Ты особенный, понимаешь?

Голос Серайс шел из чужих уст. Как странно, мелькнуло у него в голове, как похоже на сон.

— И я захотела остаться с тобой, — продолжала она. — И играть свою роль вечно. Но игра окончилась, и все равно, я хочу остаться с тобой.

— Тогда останься, Серайс.

— Только если ты действительно этого хочешь.

— Я сказал тебе, да.

— Я не страшусь тебя?

— Нет.

— Нарисуй меня еще раз, Терион, покажи мне любовь в своей картине, и тогда я останусь.

Он рисовал ее день за днем, пока не кончились холсты, и развешивал картины в хижине: Серайс у двикки, Серайс на лугу, Серайс в молочном вечернем тумане.

У него не было возможности готовить новые холсты, хотя он и пытался. Они ходили в дальние походы, и она показывала ему новые деревья и цветы, животных джунглей, зубастых ящериц и зарывающихся в землю золотых червей, зловещих и неуклюжих аморфиботов, спящих днем в грязных мутных озерцах. Они мало разговаривали друг с другом — время ответов на вопросы миновало, и в словах больше не было нужды.

День шел за днем, неделя за неделей, в нескончаемом лете трудно было подсчитать время. Может быть прошел месяц, может быть, шесть. Они никого не встречали, по ее словам, в джунглях было полно метаморфов, но те держались где-то поодаль, и Нисмайл надеялся, что они оставят их в покое навсегда.

Однажды под мелким моросящим дождем он отправился проверить ловушки, и когда через час вернулся, то понял, что произошло что-то страшное. Едва он приблизился, из хижины выскочили четверо метаморфов. Он чувствовал, что один из них Серайс, но не мог сказать, какой.

— Подождите! — закричал он, когда они проходили мимо, и побежал следом.

— Что вы от нее хотите? Куда ее уводите?

На какую-то долю секунды один из метаморфов заколебался, и Нисмайл увидел девушку с каштановыми волосами, но то было лишь мгновение, и снова четверо метаморфов призраками скользили в глубину джунглей. Дождь пошел сильнее, опустилась тяжелая туманная мгла, отрезав видимость. Нисмайл замер на краю еще чистого пространства, крича сквозь дождь и шум реки. Ему почудилось, что он услышал плач, но это могли быть и звуки джунглей. Преследовать метаморфов в густом белом тумане было просто невозможно.

Больше он никогда не видел ни Серайс, ни других метаморфов. Одиночество теперь стало совсем нестерпимым, и одно время он даже надеялся, что пьюревары нападут на него в лесу и убьют своими короткими отполированными кинжалами. Но ничего подобного не происходило, и когда стало ясно, что живет он теперь в чем-то вроде карантинной зоны, отрезанный не только от Серайс — если она была еще жива, — но вообще от всех метаморфов, он не смог больше оставаться здесь. Собрав картины с изображениями Серайс, он заботливо закрыл хижину и начал долгое и опасное возвращение к цивилизации.

Оставалась неделя до его пятидесятилетия, когда он добрался до Замковой Горы. За время его отсутствия Лорд Трэйм стал Понтифексом, а новым Короналом стал Лорд Вилдивар, питавший мало симпатий к искусствам. Нисмайл снял студию на

набережной в Сти и снова занялся живописью. Работал он только по памяти, создавая мрачные и тревожные сцены из жизни джунглей, где часто таились в засадах метаморфы. Подобные работы были не всем по душе в добром и веселом мире Маджипура, и поначалу у Нисмайла было всего несколько покупателей. Однако со временем его работы попали к герцогу Квирайну, уставшему от солнечной безмятежности и совершенства местных живописцев. Благодаря покровительству герцога, картины Нисмайла вошли в моду, и в последующие годы его жизни всегда имелся рынок, готовый принять любую его работу.

Ему подражали многие, но никогда удачно, о нем писались многочисленные эссе и биографии.

— Ваши картины такие буйные, непокорные и необычные,— сказал ему один школяр.— Вы придумали какой-то новый способ работы!

— Я работаю только по памяти,— объяснил Нисмайл.

— Наверное, больно вспоминать такое?

— Не совсем,— ответил Нисмайл.— Все мои работы предназначены для того, чтобы помочь мне заново познать радость жизни, время любви, время счастья и самых драгоценных дней моей жизни.— Он смотрел сквозь школяра и видел далекие туманы, густые и мягкие, как шерсть, которые окутывали заросли высоких стройных деревьев, перевитые сетью лиан.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

та история заставила Хиссуне вспомнить начало своих поисков в архивах. Снова Тесме и хайрог, правда, роман разворачивается между мужчиной и чужачкой. Вообще-то, сходство было поверхностным; совершенно иные люди, в совершенно непохожей ситуации. Хиссуне стал лучше понимать художника Териона Нисмайла, чьи картины до сих пор висели для всеобщего обозрения в галереях Замка Лорда Валентина, но метаморф осталась для него загадкой, тайной за семью печатями, как, скорее всего и для самого Нисмайла. Он искал индекс с записью души метаморфа, и нисколько не удивился, не найдя такого. То ли Изменяющие Форму не вели записей, то ли их аппараты были неспособны принимать эманации сознания; то ли им просто не давали пользоваться архивом. Хиссуне ничего не нашел. Со временем, говорил он себе, на все найдется ответ, тем более, что оставалось еще очень и очень много неисследованных возможностей. Воз-

действие Короля Снов, например, на души людей — он хотел узнать об этом побольше. Тысячи лет потомки Барьязида терзают спящие сознания преступников, и Хиссуне хотел понять, как это происходит. Он рылся в архивах, и после долгих поисков судьба вручила ему душу человека, унылого торговца из города Сти.

Убийство он совершил поразительно легко. Маленький Клейм стоял у открытого окна небольшой комнатки на верхнем этаже таверны в Вугеле, где они с Халигейном договорились встретиться. Халигейн стоял возле кушетки, разговор был не из приятных. В конце концов, Клейм пожал плечами и сказал:

— Вы лишь попусту тратите мое и свое время. Я не понимаю, что вам нужно.

В эту минуту Халигейну показалось, что Клейм и только Клейм стоит между ним и спокойной жизнью, которую он, конечно же, заслужил. Значит Клейм — враг.

Халигейн спокойно подошел к нему, настолько спокойно, что Клейм не встревожился до самого последнего мгновения, и одним движением бросил Клейма из окна.

Лицо Клейма отразило удивление. На один удивительно долгий миг он повис, словно подвешенный, в воздухе, потом с еле слышным всплеском рухнул в быстрые воды реки за окном таверны, и его тут же унесло к подножию далекой Замковой Горы. В одно мгновение он скрылся из виду.

Халигейн посмотрел на свои руки, не в силах поверить в то, что они сделали. Вновь он видел себя, подходящего к Клейму, видел его, зависшего в воздухе, а затем исчезающего в темных водах реки. Скорее всего Клейм уже мертв, а если нет, то через одну-две минуты умрет наверняка. Рано или поздно его выбросит на каменистый берег у Канзилайна, и кто-нибудь опознает в нем торговца из Кимканайла, пропавшего с неделю назад. Только будет ли у кого причина подозревать именно его, Халигейна! Убийство — совершенно необычное преступление на Маджипуре. Даже если ухитрятся установить — одна Дивин знает как, — что Клейм погиб насильственной смертью, как доказать, что

его вытолкнул из окна таверны в Вугеле Сигмар Халигейн! Это никому не удастся, убеждал себя Халигейн, но это помогало мало, и суть оставалась прежней: Клейм убит, а сам он — убийца.

Убийца? Это поразило Халигейна. Он шел сюда не убивать Клейма, а договориться с ним, заключить торговый контракт. Но разговор закип в самом начале. Клейм, маленький привередливый человек, наотрез отказался взять на себя новое обязательство. Он заявил, что торговый агент Халигейна ошибся, и не только отказался покупать геологическое оборудование, но даже не посочувствовал бедственному финансовому положению Халигейна. К концу разговора вежливый отказ Клейма затмил для Халигейна все и вся, это был мерзкий, отвратительный отказ, и Халигейн желал избавиться от него любой ценой. Отбрось он эту мысль и подумай о последствиях, он бы, разумеется, не стал выталкивать Клейма из окна — как бы там ни было, по природе Халигейн не был убийцей. Но он никак не мог перестать думать об этом, и теперь Клейм мертв, а жизнь Халигейна претерпела огромные изменения: в один миг он превратился из Халигейна-торговца в Халигейна-убийцу. Внезапно! Страшно! Непонятно!

И что теперь?

Трясущимися руками Халигейн закрыл окно и опустился на кушетку, весь мокрый от пота, в горле у него пересохло. Он не знал, что делать дальше. Отдаться в руки прокторов! Признаться и отправиться в тюрьму или куда там отсылают преступников! Он не был готов ни к тому, ни к другому. Когда-то он читал старые книги о преступлениях и наказаниях, древние легенды и мифы и, насколько он понял, убийство как преступление исчезло давным-давно, а механизм обнаружения и искупления ржавел неизвестно сколько столетий. Существовала знаменитая история о морском капитане, выбросившем за борт сошедшего с ума члена экипажа во время плавания через Великое море после того, как тот убил кого-то на корабле, и она всегда казалась Халигейну дикой и невероятной. Но сейчас, обесиленный и ни о чем не думающий, он ощущал себя первобытной тварью, чудовищем, пожирателем человеческих жизней. Он знал, что

ничего подобного с ним больше не произойдет, но от этого не становилось легче.

Нужно было убираться из таверны. Если кто-нибудь видел, как падал Клейм — невероятно, конечно, поскольку таверна стояла на фоне искрящейся солнечными бликами набережной, а Клейм свалился из заднего окна и сразу ушел в глубину, — совершенно незачем было торчать тут, дожидаясь появления любопытных.

Халигейн быстро уложил свой саквояж, посмотрел, не осталось ли в комнате чего-нибудь навещающего на след Клейма, и сошел вниз. За стойкой стоял хьорт. Халигейн протянул ему несколько крон со словами:

— Я хотел бы получить счет.

Нервы расходились, и он с трудом удерживался от произвольной болтовни, боясь, что хьорт запомнит его. Нужно оплатить счет и поскорее убираться. Интересно, знал ли хьорт, что постоялец из Сти принимал у себя гостей! Если да, то он быстро забудет об этом, как забудет и самого постояльца, поскольку нет никаких причин запомнить его. Владелец подвел итог, Халигейн прибавил еще пару монет, ответил на механическое «Благодарю, приезжайте снова» машинальным «Спасибо, непременно», вышел на улицу и быстро пошел прочь от реки.

Сильный свежий ветер дул вниз по склону Горы, солнечный свет был ярким и теплым. Последний раз Халигейн был в Вугеле несколько лет назад, и в другое время с удовольствием заглянул бы на знаменитую Площадь, любовался бы на прославленные картины и прочие здешние диковины, но теперь ему было не до экскурсий. Он спешил на пересадочную станцию, торопясь взять билет в один конец до Сти.

Страх, неуверенность, ощущение вины и стыд следовали за ним по пятам из города в город, пока он ехал по склонам Горы.

Знакомые растянутые пригороды гигантского Сти принесли некоторое успокоение. Скоро он будет дома, в безопасности. С каждым днем, приближающим его к Сти, Халигейн чувствовал себя спокойнее. Могучая река, чье имя дало название городу, с поразительной скоростью несла свои воды

вниз по склону Горы. Отполированные фасады зданий Речной Стены взметнулись ввысь на сорок этажей и протянулись на несколько миль. Мост Кинникена, Башня Тимина, Поле Мошей. Дома! Вся живительная сила Сти кипела вокруг и успокаивала, пока он ехал от центральной станции в свой пригородный район. Здесь, в величайшем городе Маджипура, процветающем благодаря тому, что здесь родился нынешний Коронал Лорд Кинникен, он был в безопасности от последствий неосознанного поступка, совершенного в Вугеле.

Халигейн обнял жену, двух дочерей, крепкого сына. Они видели его усталость и относились с преувеличенной нежностью, словно за время поездки он стал хрупким и бессильным. Ему принесли вина, трубку, шлепанцы, домашние суежились вокруг, излучая любовь и доброту, ничего не спрашивали о поездке, зато болтали о местных сплетнях. В конце концов, он сказал сам:

— Думаю, мы с Клеймом сработаемся. У меня есть причины так считать.

Он сам почти верил в это.

Можно ли связать убийство с ним, если он держится спокойно и непринужденно? Он сомневался, что кто-либо видел падение Клейма. Конечно, для властей несложно установить, что они с Клеймом согласились встретиться в Вугеле — на нейтральной почве — и обсудить деловые разногласия, но что это доказывает? «Да, я виделся с ним в какой-то таверне у реки, — может сказать он. — Мы закусили, довольно много выпили, потому что пришли к взаимопониманию, а потом я уехал. Должен заметить, он еще стоял на ногах, когда я уходил. Видимо, бедняга Клейм, напившись мулдемарского вина, сильно высунулся из окна, любуясь какой-нибудь красавицей, проплывавшей мимо на лодке... Нет, нет, нет! Пусть предполагают они. Мы встретились, пообедали, заключили соглашение, а потом я ушел, — ничего больше. Кто может доказать, что все было не так?

На следующий день он вернулся в свою контору и занялся делами, будто ничего необычного в Вугеле не произошло. Он не мог себе позволить такую роскошь, как угрызение совести о совершенном преступлении.

Дела шли неважно, в кредитах ему было отказано, он был близок к банкротству. И все это сделал Клейм.

Не думать о Клейме было трудно. В последующие дни его имя постоянно всплывало в связи с делами, и Халигейну с трудом удавалось скрывать свою реакцию. В торговом мире все понимали, что Халигейн борется из последних сил, и выражали сочувствие. Это поддерживало. Зато почти каждый разговор вертелся вокруг Клейма, его скупости, беззакония в сделках и мстительности, постоянно выводя Халигейна из себя. Это имя звучало как выстрел. «Клейм!» — и он цепенел. «Клейм!» — и щеки его дергались. «Клейм, Клейм!» — он прятал руки к за спину, словно они несли ауру убийства.

Часто он ловил себя на мысли, будто в минуту усталости говорит какому-нибудь клиенту: «Знаете, я убил его — выбросил в окно, когда был в Вугеле». Как легко эти слова могут сорваться с его губ, если только чуть-чуть расслабиться!

Халигейн подумывал о паломничестве на Остров Сна ради очищения души, но только позже, не сейчас, а пока отдавал каждую минуту делам, иначе предприятие могло полностью обанкротиться, и семья его впала бы в нищету. Иногда он думал о признании и о том, удастся ли ему договориться с властями, чтобы ему позволили искупить вину, не прерывая деловой деятельности. Может быть, штраф? Хотя, какой штраф он в состоянии заплатить теперь? Да и оставят ли его в покое так легко? В конце концов, он так ничего и не решил, только постарался хоть ненадолго выбросить убийство из головы и полностью отдаться работе.

А затем начались сны. Послания.

Первое пришло в ночь старшей, на второй неделе лета, и было мрачным и болезненным. Глубокой ночью он видел уже третий сон, после которого сознание обычно начинает постепенно пробуждаться к рассвету, как вдруг обнаружил, что идет по полю светящихся желтых зубов. В болотном, каком-то сером воздухе висела вонь, и клейкие, тягучие пряди сырого мяса свисали с неба, касаясь щек и рук, оставляя липкие следы, пылающие и пульсирующие. В голове звенело. Грубая тишина враждебного послания заставляла думать, будто мир

растянут в невероятное далеко туго натянутыми струнами, и где-то за ним слышится глумливый хохот. Небо опалял нестерпимо яркий свет. Халигейн пересекал чашечку гигантского «ртового», одного из самых отвратительных плотоядных чудовищ флоры далекого Цимроеля. Несколько таких растений он видел однажды на выставке диковин в Палате Кинникена, но те были всего трех-четыре-х ярдов в диаметре, а это оказалось величиной с целый пригород. Он угодил в самый центр дьявольской сердцевины и бежал так быстро, как мог, чтобы не свалиться на эти немилосердные скрежещающие зубы.

Значит, вот как оно будет, подумал он, скользя над сном и холодно обозревая картину. Это первое послание, и Король Снов будет мучить меня и дальше.

Скрыться было негде. На зубах торчали глаза, и глаза были глазами Клейма. Халигейн бежал, мокрый от пота, спотыкаясь и оскальзываясь, потом покачнулся и упал на россыпь безжалостных зубов, и они цапнули его за руку, а когда он снова сумел подняться на ноги, то увидел, что окровавленная рука не такая, как прежде, — она превратилась в бледную маленькую руку Клейма, плохо пригодную для его запястья. Он снова упал, и снова зубы ухватили его, произведя изменение, и это повторялось вновь и вновь, и он мчался вперед, рыдая и завывая от ужаса, полу-Клейм, полу-Халигейн, пока не вырвался из оков сна и сел на кровати, потный и трясущийся, вцепившись в плечо жены.

— Отпусти, — пробормотала она. — Мне больно. Что случилось?

— Сон... препоганый...

— Послание? — поинтересовалась жена. — Ты весь мокрый, Сигмар. Что...

Он содрогнулся.

— Съел, наверное, что-то. Мясо морского дракона было слишком пересушенным и старым.

Пошатываясь, он поднялся с постели и налил себе немного, вино его успокоило. Потом снова лег. Жена погладила его по плечу, вытерла лоб и баюкала, пока он немного не расслабился, но Халигейн боялся снова заснуть и лежал, бодрствуя, до рассвета, уставившись в окружающую темень.

Таково было наказание Короля Снов. А он-то всегда считал его только сказкой, которой пугают детей! Да-да, болтали, будто Король Снов живет на Сувраеле, и титул его по наследству передается в семье Барьязидов, а по ночам Король Снов с приближенными пристально изучают души спящих и, находя недостойные, мучают их. Но правда ли это?

Халигейн никогда не встречал никого, кто получал послания от Короля Снов. Сам он однажды получил послание Леди, да и то не был в этом уверен, но в любом случае нынешнее послание всецело отличалось от того. Леди посылала нежные видения, Король Снов поразил острой болью. Неужели он действительно управляется с целой планетой, с миллиардами ее обитателей, из которых добродетельны далеко не все!

— Возможно, это просто несварение желудка,— успокаивал сам себя Халигейн.

Когда следующая и еще одна ночь прошли спокойно, он позволил себе поверить, что видел обычный кошмар, а Король Снов просто миф. Но на тудей пришло послание, не оставившее сомнений.

Тот же звенящий безмолвием звук, то же пронзительное полыхание света, образы Клейма, отдающийся эхом хохот, разбухающая и сжимающаяся структура пространства и головокружение, сминающее дух. Халигейн зарыдал. Уткнув лицо в подушку, он еле дышал, не смея проснуться — поднимаясь над гранью сна, он неизбежно выдаст свое горе жене, и та предложит ему обратиться к толкователям снов, что он сделать не может. Любой толкователь снов свободно прочтет, ЧТО соединяет его душу с душой Клейма, и что тогда? И он терпел кошмар, пока не иссякли силы, и лишь тогда проснулся и лежал, слабый и дрожащий, до прихода утра.

Это был кошмар тудей, но видение фодей оказалось еще хуже: он парил в воздухе и упал на пронзивший его насквозь шпиль Замковой Горы, острый, как копье, и холодный, как лед, и лежал несколько часов, пока птица грихорна с лицом Клейма терзала его внутренности.

На фодей он спал довольно спокойно, хотя напряжение в ожидании послания не покидало его.

Старшей также не принес посланий, зато в сандей он плыл по океану из сгустков крови, и зубы у него выпадали, а пальцы обдирались до костей. Ночи мундей и тудей принесли слабые, но все-таки ужасы.

Утром сидей жена сказала ему:

— Сигмар, если послания не смягчатся, что ты будешь делать?

— Делать? Ничего.

— По-моему, послания ты получаешь через день.

Он передернул плечами.

— Великие совершают какую-то ошибку. Должно быть, такое иногда случается. Рано или поздно они поймут и оставят меня в покое.

— А если нет?— Она внимательно посмотрела на него. — И если послания предназначены тебе?

Он подивился ее чуткости, но не сомневался, что она не знает правды. Ей известно лишь, что он ездил в Вугель на встречу с Клеймом, возможно, хотя и с трудом верится, она узнала, что Клейм так и не вернулся к себе в Кимканайл, а муж ее стал получать послания от Короля Снов — из всего этого она легко могла сделать вывод. Но если так оно и есть, что она будет делать? Донесет на собственного мужа? Пусть она его любит, но если будет скрывать убийцу, то может навлечь на себя месть Короля Снов.

— Если послания будут продолжаться,— ответил Халигейн,— я попрошу официалов Понтифекса похоронить от моего имени.

Разумеется, ничего подобного он не сделал. Вместо этого он попытался бороться с посланиями и подавлять их так, чтобы не будить подозрений спящей рядом жены.

Ложась, он приказывал себе оставаться спокойным и, вспоминая какие-либо образы, считать их лишь бредом расстроенной души, а не реальностью. И тем не менее, обнаружив себя плывущим над красным морем огня, постепенно опускающимся на поверхность и погружающимся до лодыжек, он не сумел сдержать крика. Когда иглы проросли сквозь его кожу, сделав похожим на манкалайна — колючую тварь знойного юга, к которой невозможно притронуться, — он зарыдал, моля о милосердии. А когда прогуливался в безупречных садах Лорда

Хавилбова, и деревья тянулись к нему руками Клейма, он закричал во весь голос.

Жена больше ни о чем не спрашивала, она лишь с тревогой глядела на него.

Халигейн с трудом мог заниматься делами. Кредиторы, потребность в новых кредитах, производство, жалобы покупателей — все кружилось вокруг водоворотом падающих листьев. В тайне от всех он рылся в библиотеке в поисках сведений о Короле Снов и его силах, словно подцепил какую-то необычную болезнь, о которой хотел разузнать побольше. Сведения были скудными и ясными: Король Снов являлся проводником Закона с силой, равной силе Понтифекса, Коронала или Леди и сотни лет его обязанностью является наложение наказаний на виновных в преступлениях.

Суда не было, опротестовывать было нечего, и Халигейн молча защищался...

Но он не знал, что для этого нужно, и Королю Снов это было известно. По мере того, как продолжались страшные послания, терзающие душу и оставляющие от нервов тоненькие ниточки, Халигейн все отчетливей понимал, что у него нет ни возможности, ни надежды противостоять им. Его жизнь в Сти кончилась. Один опрометчивый шаг, и он станет изгнанником, вынужденным скитаться по огромному лику Маджипура в поисках укрытия.

— Мне нужно отдохнуть, — объявил он жене. — Съезжу куда-нибудь на месяц-другой, может, удастся восстановить душевный покой и успокоить нервы.

Не откладывая более, он вызвал сына — юноша стал почти мужчиной и мог действовать, вести дела — и передал ему все свои права торговца. После чего, имея при себе небольшую сумму, которую сумел наскрести с сильно уменьшившихся доходов, выбрался из родного города на борту третьеразрядного флотера в выбранный наугад Норморк, входивший в число Склоновых Городов — у подножья Замковой Горы.

Не прошло и часа после отъезда, как он решил никогда не называться Сигмаром Халигейном, а именовать отныне себя Макланом Форба. Неужели он надеялся, что этого достаточно, чтобы обмануть Короля Снов!

Возможно.

Флотер плыл над склонами Замковой Горы и, пока спустился от Сти к Норморку, миновал Нижний Санбрек, Бибирун, Толинггарский Барьер, и в каждом городе, в каждой ночлежке Халигейн отправлялся в кровать, замирая от страха, с ужасом цепляясь за подушку, но приходившие сны были обычными снами усталого и измученного человека без той призрачной напряженности, отличавшей послания Короля Снов.

С радостью глядя на симметрию и опрятность садов Толинггарского Барьера, ничем не напоминающих угрожающее бесплодие земель в его снах, Халигейн начал потихоньку расслабляться. Он сравнивал сады с навеянными посланиями образами и с удивлением понял, что хотя никогда не видел их раньше, Король Снов показал ему эти сады до мельчайших подробностей, прежде чем обратил их в ужас, и это означало, что послания передают целый поток новых данных, не известных воспринимающему ранее, а следовательно, обычные сны просто на складывались на послания.

Это частично отвечало на волновавший его вопрос. Он не понимал, то ли Король Снов просто освобождает его подсознание, затрагивая издали темные глубины, то ли по-настоящему высвечивает образы. Очевидно, второе, поскольку некоторые кошмары создавались специально для него, Сигмара Халигейна, чтобы опять-таки растормошить подсознание. Он вспомнил, как сомневался, что на Сувраеле есть столько народу, чтобы управиться с такой работой, но если людей хватало, глупо было думать, что удастся скрыться от них. И все же он предпочитал верить, что у Короля Снов и его подручных существует расписание страшных посланий - ему, например, сначала послали зубы, потом серые сальные капли, а затем огненное море крови. Возможно, пытался он убедить себя, что сейчас они нацеливают новые ужасы на его пустую подушку в Сти.

Миновав Дундилмир и Стипул, он прибыл в Норморк — темный, наглухо отгороженный стенами город, венчающий грозные зубцы Гребня Норморка.

Ему подсознательно казалось, будто Норморк, наглухо закрытый со всех сторон циклопическими каменными блоками, лучше всего подходит для ук-

рытия. Но он понимал, что даже эти стены не в силах задержать мстительные стрелы короля Снов.

Врата Деккерета — глаз в пятидесятифутовой стене — были открыты всегда. Единственная брешь в укреплении, окантованная полированным черным деревом. Халигейн предпочел бы, чтобы они стояли закрытыми на тройной замок, но, разумеется, они были распахнуты настежь. Лорд Деккерет возвел их на тридцать третий год своего благодного царствования и приказал, чтобы они закрывались лишь в случае, когда миру будет грозить опасность, а в эти дни счастливого правления Лорда Кинникена и Понтифекса Тимина все на Маджипуре расцвело, кроме мятущейся души бывшего Сигмара Халигейна, называвшегося отныне Макланом Форба. Под именем Форба он нашел приют в дешевой гостинице, под тем же именем устроился на службу по осмотру стен, и ежедневно выдирал цепкую травку из бессмертной каменной кладки. Под именем Форба он каждую ночь засыпал, боясь того, что могло прийти, но проходили недели за неделей, а он видел только смазанные и бессмысленные видения обычных снов. Девять месяцев прожил он в Норморке, надеясь, что ускользнул от Короля Снов, но однажды ночью, когда после доброй закуски и фляжки отличного красного вина растянулся на постели, чувствуя себя совершенно счастливым в первый раз за долгое время после встречи с Клеймом, и уснул, послание с Сувраеля настигло его и терзало душу, приковав к чудовищным образам тающей плоти и рекам грязи. Когда послание завершилось, Халигейн проснулся в слезах, поняв, что нет никакой возможности надолго скрыться от мстительных сил Наказания.

И все-таки девять месяцев Маклан Форба прожил в мире и спокойствии. С небольшой накопленной суммой он купил билет вниз до Амблеморна, где превратился в Диграйла Килайлина и зарабатывал по десять крон в неделю, служа птицеловом при дворе здешнего Герцога.

Пять месяцев он был свободен от мук, пока однажды ночью сон перенес его в яростное безмолвие безграничного света, где арка из слезящихся глаз была мостом через Вселенную, и все глаза смотрели только на него.

Он спустился вниз по Глайду до Макропросопоса, где беззаботно прожил месяц под именем Огворна Брилла, прежде чем получил новое послание: раскаленный металл, kloкочущий в горле.

Сушей, через бесплодные внутренние области континента он добрался до городского рынка Сивандейла. Король Снов настиг его в пути на седьмую неделю, послав видение, будто он катится в чащу хищных деревьев, и уже не во сне, после пробуждения, тело кровоточило и опухло так, что пришлось искать врача в ближнем селении?

К концу путешествия полутчики, поняв, что он получает послания Короля снов, бросили его, но в конце концов он оказался в Сивандейле, скучном и однообразном местечке, сильно отличавшемся от роскошных городов Горы, вспоминая о которых, плакал каждое утро. Однако, как бы там ни было, он оставался здесь целых шесть месяцев.

Затем послания возобновились, гоня его на запад через девять городов — месяц здесь, полмесяца там — до тех пор, пока, наконец, он не осел в Алайсоре, где работал потрошителем рыбы под именем Бадрила Мегенорна.

Вопреки предчувствию, он позволил себе поверить, будто Король Снов, наконец, оставил его и начал подумывать о возвращении в Сти, который покинул почти четыре года назад. Неужели четырех лет наказания недостаточно за непредумышленное, случайное преступление!

Очевидно, нет. В самом начале второго года в Алайсоре он ощутил, как знакомый зловещий гул послания запульсировал в затылке, и навеванный сон был таким, что все предыдущие показались ему детским спектаклем.

Он начался в бесплодной пустыне Сувраеля, где Халигейн стоял, вглядываясь в иссохшую, разрушенную долину, поросшую деревьями сигупа, испускающими эманации, смертоносные для всего живого, неосторожно оказавшегося в радиусе десяти миль. И он в долине увидел жену и детей, спокойно идущих к смертоносным деревьям, и побежал к ним по песку, облепляющему, как патока, но деревья шевельнулись и наклонились, родные его были поглощены их черным сиянием, упали на землю и исчезли. Но он продолжал бежать, до тех пор, пока

не очутился внутри зловещего периметра. Халигейн молил о смерти, но эманации деревьев на него не действовали. Он шел среди них, и каждое отделяло от остальных пустое пространство, где не росли ни кустарник, ни лианы, ни трава, только диковинные стрелы безобразных деревьев без листьев стояли посреди этой пустоты. Больше в послании ничего не было, но это было страшнее всех ужасающих образов, что терзали его прежде. Он бродил, жалкий и одинокий, среди бесплодных деревьев в бездушной пустоте, а когда проснулся, лицо его покрыли морщинки, глаза подрагивали, словно с ночи до рассвета он прожил десятки лет.

Он был побежден. Бежать было бессмысленно, прятаться — тщетно. Он принадлежал Королю Снов навсегда. Больше не оставалось сил скрываться в каком-нибудь новом временном убежище под чужим именем. И когда дневной свет смыл с души ужасы чудовищного леса, Халигейн на трясущихся ногах добрал до Храма леди Острова Сна на Алайсорских Высотах и попросил разрешения совершить паломничество на Остров. Назвался он настоящим именем — Сигмар Халигейн. Что ему было скрывать!

Его приняли, как и любого другого, и на корабле паломников он отправился в Нуминор на северо-восточной стороне острова. Во время морского плаванья послания иногда беспокоили его. Одни просто раздражали, другие потрясали ужасами, но когда он просыпался, мокрый от пота и дрожащий, остальные паломники дружески утешали его, и вообще теперь, когда он посвятил свою жизнь Леди, даже самые худшие сны действовали на него не так сильно, как раньше, он знал теперь, что основная боль посланий происходит от тех разрывов и расколов, которые они ежедневно вносят в чью-то жизнь, подавляя сознание необычностью. Но теперь у него не было никакой личной жизни, так почему же он с дрожью открывал глаза по утрам! Теперь он не занимался торговлей, не выкапывал сорняки, не ловил птиц, не разделявал рыбу. Он был никем и ничем, и не пытался защититься от вторжения в свою душу. Иной раз после этих будоражающих посланий странное умиротворение снисходило на него.

В Нуминоре его приняли на Террасу Аттестации внешнего обода острова, где, как он знал, ему предстоит провести оставшуюся жизнь. Леди призывала к себе паломников постепенно, согласовывая их продвижение с незримым внутренним подъемом, и он, чья душа запятнана убийством, мог навечно остаться в роли прислужника на краю святой сферы. Все правильно, все хорошо. Он хотел только одного — избавиться от посланий Короля Снов, и надеялся, что под покровительством Леди это удастся ему рано или поздно, и он забудет о Сувраеле.

В мягкой мантии паломника он трудился на Террасе Аттестации шесть лет, работая садовником. Халигейн ссутулился, волосы его поседели, он научился отличать семена трав от семян цветов. Послания Короля Снов приходили сначала каждый месяц, потом все реже и реже, и хотя они никогда не оставляли его совсем, он обнаружил, что они становятся все менее и менее значительными, как приступы боли от какой-нибудь давней раны. Иногда он вспоминал семью. Там, несомненно, считали его умершим. Думал он и о Клейме, вспоминая одну и ту же картину — Клейм, повисший в воздухе, прежде чем рухнуть в реку, откуда не возвращаются. Неужели это произошло на самом деле и он действительно убил его? Это казалось невероятным, ведь это случилось так давно! Но он отчетливо помнил мгновение все затмевающей ярости после отказа невысокого человечка... Да, да, все это было, думал Халигейн, и мы оба — я и Клейм — лишились жизни в тот миг ослепления и гнева.

Халигейн много размышлял, истово работал, навещал толкователей снов — здесь это было обязательно, но они не разъясняли и не переводили его сны — и получал святыя заветы.

Весной седьмого года он шагнул на следующую ступень — Террасу Начал, жил там месяц за месяцем, в то время, как другие паломники шли мимо к Террасе Зеркал. Он мало с кем разговаривал, ни с кем не дружил и получал послания Короля Снов через огромные промежутки времени.

На третий год пребывания на Террасе Начал он заметил человека средних лет, пристально глядевшего на него в трапезной. Две недели новичок

держал Халигейна под неусыпным надзором, пока наконец любопытство последнего не выросло до небес, и проведя небольшое расследование, он узнал, что незнакомца зовут Ковирам Клейм.

Разумеется, Халигейн подошел к нему в свободное время и сказал:

— Не согласитесь ли вы ответить на один вопрос?

— Если смогу.

— Вы уроженец города Кимканайла?

— Да,— кивнул Клейм.— А вы... вы из Сти!

— Да,— подтвердил Халигейн.

Какое-то время оба молчали. Потом Халигейн сказал:

— Значит, вы преследовали меня все эти годы?

— Вовсе нет.

— И то, что мы оба здесь, только совпадение?

— По-моему, совпадение,— согласился Ковирам Клейм,— поскольку я совершенно не собирался приезжать туда, где живете вы.

— Вы знаете, кто я и что сделал?

— Да.

— А что вы хотите от меня!

— Хочу? — Глаза Клейма, маленькие, черные и блестящие, как у его давно умершего отца, заглянули в глаза Халигейна.— Что я хочу?— повторил он.— Расскажите мне, что произошло в Вугеле?

— Пройдемся,— предложил Халигейн.

Они вышли за плотную сине-зеленую живую изгородь в сад алабандисов, за которыми Халигейн присматривал на Террасе Начал, прореживая бутонны, отчего цветы становились еще больше и красивее. В этом ароматном окружении Халигейн спокойно описал случившееся: ссору, встречу, окно, реку — все это казалось ему теперь почти нереальным.

Во время рассказа лицо Ковирама Клейма осталось бесстрастным, и напрасно Халигейн напряженно вглядывался в него, стараясь прочесть сокровенные мысли.

Описав убийство, Халигейн ждал вопросов, но Клейм молчал. Наконец он сказал:

— А что случилось с вами потом! Почему вы исчезли!

— Король Снов истерзал мне душу дьявольскими посланиями и вверг в такие муки, что мне пришлось бежать и укрываться в Норморке, но он нашел меня и там, и я бежал снова, перебираясь с места на место, пока, наконец, не стал паломником на Острове Сна.

— А Король Снов все еще преследует вас?

— Время от времени я получаю послания, — ответил Халигейн, — но они бесполезны. Я страдаю и раскаиваюсь и без его посланий. Однако я не чувствую вины за преступление. Оно произошло в минуту безумия, я тысячу раз жалел о нем и желал, чтобы ничего подобного не было, но все равно, я не могу возложить ответственность только на себя за смерть вашего отца — он сам довел меня до неистовства. Я лишь толкнул его, и он упал. Все произошло случайно, необдуманно.

— Но вы почувствовали, что делаете?

— Да. А потом были годы мучительных посланий — что хорошего они мне принесли? Если бы я сумел удержаться от убийства из страха перед Королем снов, то система наказаний была бы оправдана, но я же думал о Короле Снов, и потому вижу, что кодекс, по которому я наказан, не нужен. Так и с моим паломничеством: я приехал сюда не столько во искупление вины, сколько чтобы укрыться от Короля Снов и его посланий, и, по-моему, достиг этого. Но, к сожалению, ни искупление, ни страдания не вернут к жизни вашего отца, так что все бесцельно. Убейте меня, и дело с концом.

— Убить вас? — удивился Клейм.

— Разве вы не хотите отомстить?

— Я был мальчишкой, когда исчез отец. Сейчас я уже немолод, а вы еще старше. Вообще, все это — давняя история. Я хотел только узнать правду о его гибели, и теперь я ее знаю. Если бы ваша смерть вернула жизнь моему отцу, я, возможно, и убил бы вас, но как вы сами говорите, это не изменит ничего. У меня нет к вам никакой ненависти, и мне совсем не хочется испытать на себе руку короля Снов. Для меня, по крайней мере, система наказания служит превосходно.

— Бы не хотите убить меня? — удивился Халигейн.

— Нет.

— Но почему? Это только освободило бы меня от жизни, ставшей одним долгим наказанием.

Клейм тоже удивился.

— Вот как? Выходит, и я наказываю вас?

— Да, вы приговариваете меня к жизни.

— Но срок вашего наказания давно миновал. На вас теперь милость Леди. Через смерть моего отца вы нашли путь к ней!

Халигейн не мог понять, то ли Клейм смеется над ним, то ли искренне верит в свои слова.

— Вы видите ее милость?— переспросил он.

— Да.

Халигейн покачал головой.

— И Остров, и все окружающее остались для меня ничем. Я приехал сюда только для того, чтобы избежать мести Короля Снов, и нашел место, где можно укрыться от него, но не больше.

Клейм смотрел на него внимательно и безмятежно.

— Вы обманываете себя,— сказал он и отошел, оставив Халигейна ошеломленным и сбитым с толку.

Возможно ли такое? Неужели он очищен от преступления и не понял этого? Он решил, что сегодня ночью придет послание от Короля Снов, обязательно придет, потому что последнее было год назад, и он подойдет тогда к краю Террасы и бросится в море. И послание пришло — послание Леди, теплое и святое послание, призывающее его на Террасу Зеркал. Халигейн не поверил в него, но утром толкователь снов передал ему наказ сразу идти к сияющей Террасе, и начался следующий этап его паломничества.

ТОЛКОВАТЕЛИ СНОВ

Как Хиссуне часто обнаруживал, одно его приключение требовало немедленного разъяснения другим. Из мрачного, но познавательного рассказа об убийце! Халигейне он почерпнул много о действиях Короля Снов, но толкователи снов, эти посредники между мирами бодрствования и сновидений, оставались для него загадкой. Он никогда не советовался ни с одним, считая свои сны скорее театральными постановками, нежели посланиями. Где-то там, в Цимроеле, живет или жила знаменитая толковательница снов Тисана, с которой Хиссуне довелось встретиться во время второй коронации Лорда Валентина. Толстая старуха из Шалкинкипа, очевидно, сыгравшая какую-то роль в открытии Лордом Валентином своей подлинной сути. Хиссуне ничего не знал об этом, но как-то неохотно вспоминал пронизательный взгляд сильной и энергичной старухи. По какой-то причине она завладела вниманием мальчишки. Он помнил, как стоял рядом с ней и казался себе

карликом, надеясь, что ей не взбредет в голову обнять его, поскольку она вполне могла бы раздавить его о свою могучую грудь. Она сказала тогда: «...и тут маленький потерявшийся князек...». Что бы это значило? Толкователи снов могли бы, наверное, объяснить ему, но он не ходил к толкователям снов. Ему вдруг захотелось узнать, не оставила ли Тисана записи в Считчике Душ. Юноша проверил хранилище: да, одна запись есть. Он вытащил ее и быстро определил, что она относится к молодости Тисаны — лет пятьдесят назад, когда она еще только училась своему ремеслу; других ее записей в хранилище не было. Он надел шлем, и неистовый дух юной Тисаны ворвался в сознание.

Утром за день до Испытания внезапно пошел дождь, и все выскочили из главного здания полюбоваться им: и новии, и заступники, и совершенные, и наставники, и даже сама Высшая Толковательница Иньельда. Здесь, в пустыне равнины Велалисера, дождь был очень редким событием. Тисана выбежала со всеми и стояла, глядя, как большие чистые капли косо падают из единственной тучи с черными краями, которая замерла высоко над гигантским шпилем главного здания, словно привязанная. Капли били в спекшуюся песчаную почву с отчетливо слышимым стуком, и темные грязноватые пятна от них расползлись, образуя бледно-красную жижицу. Новии, заступники, совершенные и наставники — все сбросили плащи и резвились под ливнем.

— Первый нормальный дождь за год,— произнес кто-то.

— Знамение,— пробормотала Фрейлис, заступница, самая близкая подруга Тисаны в главном здании.— У тебя будет легкое испытание.

— Ты действительно в это веришь!

— Не знаю, но лучше верить в добрый знак, чем в дурной, — заметила Фрейлис.

— Этот полезный девиз стоит усыновить,— согласилась Тисана, и обе рассмеялись.

Фрейлис дернула Тисану за руку:

— Пойдем туда, потанцуем!

Тисана покачала головой, не двинувшись с места из-под навеса, и лишь выглядывала наружу, так что все понукания Фрейлис оказались бесполезны. Тисана была женщиной рослой, ширококостной и сильной; изящная и легкая Фрейлис подле нее напоминала птицу. Настроения плясать под дождем сейчас у Тисаны не было: завтрашний день должен стать кульминацией семи лет обучения, а она до сих пор понятия не имела, как происходит и чего потребует от нее ритуал, но в одном была уверена — если ее сочтут недостойной, то с позором отошлют в далекий родной город. Страхи и мрачные предчувствия свинцовой тяжестью лежали на душе, и плясать в такое время казалось ей невероятным легкомыслием.

— Гляди! — воскликнула Фрейлис. — Высшая!

Да, даже сама почтенная, высохшая, седая Иньельда, пошатываясь, выбралась под дождь и двигалась церемониальными кругами, раскинув худые руки и запрокинув вверх лицо, Тисана улыбнулась. Высшая заметила ее, укрывшуюся на галерее, и подозвала к себе, как подзывают надувшегося ребенка, не принимающего участия во всеобщей игре. Но Высшая прошла свое испытание так давно, что, верно, забыла, каким страшным и благоговейным оно кажется новичкам, несомненно, она не могла понять мрачную озабоченность Тисаны завтрашним испытанием. С извиняющимся жестом; Тисана повернулась и вошла внутрь. Из-за спины неся отрывистый стук тяжелых капель, а затем внезапно наступила тишина: дождь кончился.

Наклонив голову под низкой аркой из синих каменных плит, Тисана вошла в свою келью и на мгновение прислонилась к шершавой стене, расслабляясь.

Келья была крохотной, только-только для матраца, умывального таза, шкатулки, рабочего ложа и миниатюрного шкафа, и Тисана, большая и плотная, с могучим здоровым телом девушки с фермы, которой и была раньше, занимала почти все пространство. Но она привыкла к тесноте, и теперь находила ее даже удобной. Удобными были и порядки главного здания: ежедневный круг занятий, физический труд, обучение и (с тех пор, как она достигла положения совершенной) наставничество

над новичиями. Когда разразился ливень, Тисана варила сонное зелье — обязательная работа, отнимающая по часу каждое утро уже два года — и сейчас вернулась к своему занятию.

Все сонное зелье, используемое на Маджипуре, производилось заступниками и совершенными в главном здании Белалисера. Для такой работы требовались пальцы понежнее и половчее, чем у Тисаны, но она давно стала настоящим знатоком и легко справлялась с делом,

Перед ней были разложены пузырьки с травами, крохотные серые листья муорны, сочные корни вейджлы, высушенные ягоды ситерил и прочие из двадцати девяти ингредиентов, способствующие созданию транса, в котором приходит понимание снов и посланий. Тисана принялась толочь и смешивать их — все необходимо было проделать быстро и точно, иначе химические реакции пойдут наперекосяк, — затем разожгла огонь, обожгла немного порошка и высыпала его в водку, которую размешивала и разбавляла до тех пор, пока не получилось вино. Лишь тогда, после долгой, напряженной и внимательной работы, она немного расслабилась и даже повеселела.

За работой она не сразу уловила тихое дыхание за спиной.

— Фрейлис?

— Не помешаю?

— Конечно, нет. Я почти закончила. Они все еще танцуют?

— Нет-нет, все опять по-прежнему. Солнце снова сияет во всю мочь.

Тисана взболтала темное тягучее вино во фляжке.

— В Фалкинкипе, где я выросла, погода тоже жаркая и сухая, однако мы не впадаем в экстаз и не прыгаем от радости при виде дождя.

— В Фалкинкипе, — откликнулась Фрейлис, — люди считают все само собой разумеющимся. Даже одиннадцатирукий скандар их не воодушевляет. Если Понтифекс заглянет в ваш город и пройдет по площади на руках, и то не соберется толпа.

— Да! Ты там была?

— Один раз девчонкой. Отец подумывал перебраться на ранчо, но особой склонности к фермерству у него не оказалось, и через год мы вернулись

в Тил-Омон... Между прочим, он все вспоминал потом жителей Фалкинкипа, какие они неторопливые, флегматичные и осмотрительные.

— И я такая же? — озорно осведомилась Тисана.

— Ты... ну... свехустойчивая.

— Тогда почему меня так волнует завтрашний день?

Маленькая женщина опустилаcь на колени перед Тисаной и взяла ее руки в свои.

— Ты вовсе не волнуешься,— заметила она мягко.

— Ну нет, неизвестное всегда пугает.

— Это всего лишь проверка.

— Последняя проверка. А если я не справлюсь? Вдруг у меня отыщется какой-то ужасный изъян, из-за которого я не смогу стать толковательницей снов?

— И что ты тогда сделаешь?— поинтересовалась Фрейлис.

— Потеряю семь лет и как дура, приползу в Фалкинкип, без ремесла, без профессии, и проведу остаток жизни, вскапывая поля на какой-нибудь ферме.

— Если только Испытание покажет, что ты не годишься в толкователи снов,— заметила Фрейлис.— Да все ж это риторика. Ты сама прекрасно знаешь, что нельзя позволять неспособному рыться в человеческом сознании, а кроме того, ты НЕ не подходишь в толкователи, и Испытание для тебя не проблема. Не понимаю, отчего ты так тревожишься.

— От того, что не знаю, на что это похоже.

— Почему не знаешь? Скорее всего, с тобой поговорят, дадут зелье, изучат твоё сознание и поймут, что ты мудрая, добрая, сильная. Высшая обнимет тебя и скажет, что ты прошла Испытание.

— Откуда такая уверенность?

— Просто разумное предположение.

Тисана дернула плечом.

— Догадок я слышала много. Даже такую, будто тебя ставят лицом к лицу с твоими самыми худшими поступками в жизни, или с тем, что тебя больше всего пугает, или внушает страх ко всем остальным людям на свете. Таких предположений ты не слышала?

— Слышала,— улыбнулась Фрейлис.

— За день до своего Испытания разве ты не будешь немного волноваться?

— Но ведь это же только сплетни, Тисана. Похоже, никто в действительности не знает, что такое Испытание, кроме тех, кто прошел его.

— И тех, кто не прошел.

— А ты знаешь кого-нибудь из них?

— Ну... я полагаю...

Фрейлис опять улыбнулась.

— По-моему, такие отсеиваются задолго до того, как становятся совершенными. Вернее, даже до того, как становятся заступниками.— Она встала и принялась играть пузырьками на рабочем ложе Тисаны.— В Фалкинкип ты вернешься толковательницей снов.

— Я тоже надеюсь на это.

— Тебе там нравится?

— Там мой дом.

— Но ведь мир такой большой. Ты можешь поехать в Ни-Мойю, Пилиплок, или вообще в Алханроель, пожить на Замковой Горе, и даже...

— А мне по душе Фалкинкип,— перебила ее Тисана.— Я люблю пыльные дороги, иссохшие коричневые холмы. Я семь лет их не видела. К тому же, в Фалкинкипе нужен толкователь снов, а в больших городах их и так хватает — все рвутся в Ни-Мойю или в Сти, разве нет! А мне не хватает Фалкинкипа.

— Может, там тебя ждет возлюбленный?— лукаво осведомилась Фрейлис.

Тисана фыркнула.

— Еще чего! Через семь-то лет!

— А у меня был в Тил-Омоне. Мы собирались пожениться, построить лодку, обойти вокруг Цимроеля года за три-четыре, потом подняться по реке до Ни-Мойи, поселиться там и открыть лавку.

Услышанное поразило Тисану. За все время их знакомства с Фрейлис они никогда не говорили ни о чем подобном.

— А что у вас случилось?

Фрейлис спокойно ответила:

— Я получила послание, гласившее, что стану толковательницей снов, и спросила его, что он об этом думает. Понимаешь, я еще даже не была

уверена, что соглашусь, но хотела знать, что думает он, и в ту минуту, когда рассказывала, прочла ответ в его глазах. Он попросил день-два, чтобы переварить это, и с тех пор я его не видела. Потом его друг передал мне, что ночью он получил послание, велевшее ему срочно ехать в Пидруид, и он уехал. Впоследствии я слышала, он женился там на какой-то старой своей зазнобе, и, полагаю, они до сих пор болтают о постройке лодки и путешествии вокруг Цимроеля. Ну, а я подчинилась посланию, и теперь здесь. В ближайшие месяцы стану совершенной и, если все пойдет хорошо, на будущий год сделаюсь полноправной толковательницей снов на Большом Базаре.

— Бедная Фрейлис!

— Не стоит меня жалеть, Тисана. Все, что произошло — к лучшему. Было лишь чуть-чуть горько. Он оказался ничего не стоящим пустозвонном, и я поняла бы это рано или поздно, а так мы расстались, я буду толковательницей снов и воздам за это службой Дивин, ведь в противном случае осталась бы никем. Понимаешь?

— Понимаю.

— И мне совсем не хочется быть просто чьей-то женой.

— Мне тоже, — согласилась Тисана. Она понюхала новое зелье, одобрительно кивнула и начала прибирать рабочее ложе, заботливо пряча под покрывало пузырьки. Фрейлис, думала она, это воплощение заботы, нежности, понимания, женской добродетели. Ни одной из этих черт Тисана не могла найти в себе. Она считала себя толстой, грубой, сильной, способной противостоять любому унынию, но не очень-то мягкой и определенно бесчувственной в нюансах нежных дел. Тисана знала, что мужчины не всегда любят только нежность и понимание, но все же в этом что-то было, и она всегда верила, что слишком груба и толста, чтобы быть по-настоящему женственной. Поэтому Фрейлис — невысокая, хрупкая и с нежной душой — казалась ей чуть ли не неземным существом. Фрейлис, думала Тисана, будет Высшей толковательницей снов, интуитивно проникающей в сознания тех, кто придет к ней за помощью, советы она будет давать

точные и ясные. Леди Острова и Король Снов по-разному навещают сознания спящих, часто говорят загадками, и труд толкователей заключается в том, чтобы стать собеседником этих внушающих благоговение сил, и разъяснять то, что они хотят сказать получившему послание. В этом была страшная ответственность. Своей деятельностью толкователи снов могли создать или разрушить личную жизнь любого, получающего послание. Фрейлис работала отлично: она точно знала, где быть строгой, где легкомысленной, а где утешить и ободрить. Что помогало ей? Жизнь, ее опыт в любви, счастье, страдания. Даже не догадываясь о многом из прошлого Фрейлис, Тисана видела в холодных серых глазах стройной женщины знание, и это знание стоило больше, чем все трюки и ухищрения, необходимые в выбранной профессии, которые она выучила в главном здании. Тисана серьезно сомневалась относительно своего призвания толковательницы снов, тем более, что она ухитрялась пропустить всю страстность шумного мира Фрейлис. Жизнь ее — слишком устойчивая, как сказала бы Фрейлис — была прикована к одному-единственному месту на свете. Жизнь в Фалкинкипе... Встать с восходом солнца, прибраться, закусить, поработать и лечь спать, хорошо поев. Ни бурь, ни сдвигов, ни волнений, ни честолюбивых устремлений, ни настоящей боли — так где ей по-настоящему понять тех, кто страдает? Тисана думала о Фрейлис и изменившем ей любовнике, изменившем мгновенно, едва ее неоформившиеся планы не совпали с его собственными; потом мысли ее перескочили на собственные любовные романы, происходившие, как правило, на гумне, такие легкие, такие заурядные, когда два человека сходились на время и расходились без боли, без страданий. Даже когда она занималась любовью последний раз перед отправкой сюда, все было просто и заурядно: два здоровых борющихся тела, легко соединяющихся с негромкими вскриками и быстрой дрожью наслаждения; потом они расстались. Ничего больше. Она скользила по жизни без шрамов, без страданий, без отклонений. Как же она может оценивать других, если

их затруднения и противоречия ничего не значат для нее? Возможно, потому она и боялась Испытания, что к ней, наконец-то, заглянут в душу и поймут, что она не годится в толковательницы снов, по скольку так проста и наивна. Какая ирония, что теперь ей приходится сожалеть о прошлой безмятежной жизни!

Руки ее задрожали, она подняла их и внимательно осмотрела. Большие и грубые крестьянские руки с толстыми пальцами тряслись, словно туго натянутые нити. Фрейлис, заметив жест Тисаны, опустила их и взяла в свои, еле сумев обхватить тонкими изящными пальчиками.

— Расслабься,— шепнула она с нажимом.— Не о чем тревожиться.

Тисана кивнула.

— Который час?

— Тебе пора заниматься с новичками, а мне совершать обряды.

— Да-да, идем.

— Я загляну к тебе позже, в обед. А ночью мы покараулим послание, хорошо!

— Да,— кивнула Тисана.— Конечно.

Они покинули келью. Тисана поспешила наружу, пройдя по двору к залу собраний, где ее ждали десять новичков. От прошедшего дождя не осталось и следа — бешеное солнце выпило каждую каплю; в полдень здесь прятались даже ящерицы.

От задней стены главного дома к Тисане направлялась наставница Вандайна, женщина из Пиллока, почти одного возраста с Высшей. Тисана улыбнулась и прошла было мимо, но наставница окликнула ее и жестом подозвала к себе.

— Ваш день завтра?

— Боюсь, что да.

— Вам сообщили, кто проведет ваше Испытание?

— Нет, — пожалала плечами Тисана, — оставили гадать.

— Так и должно быть,— кивнула Вандайна.— Неуверенность хороша для души.

— Могла бы и сказать, — проворчала Тисана, когда Вандайна с трудом утащила прочь.

Интересно, думала Тисана, сама-то она когда-нибудь готовилась к Испытанию? Хотя, конечно, да. Мы просто смотрим на одно и то же по-разному,

подумала она, вспоминая, как в детстве клялась всегда с пониманием относиться к делам и заботам детей, без той насмешливой надменности, с которой с ними обращаются взрослые. Она не забыла клятву, но через десять-пятнадцать лет просто не помнила, насколько это важно в детстве. Очевидно, то же происходило и сейчас.

Она вошла в зал собраний. Обучение в главном доме велось в основном наставниками, наиболее квалифицированными толкователями снов, добровольно отдававшими по несколько лет жизни практике обучения. Но и совершенные — обучающиеся последней ступени — бывшие толкователями снов во всем, но не прошедшие еще Испытания, также привлекались для работы с новичками, приобретая необходимый профессиональный опыт общения с людьми. Тисана обучала варке сонного зелья, теории посланий и общей гармонии. Когда она заняла свое место за столом, новички смотрели на нее с благоговейным уважением. Что они знали о ее страхах и сомнениях! Для них она была высочайшим примером посвящения в обряд толкования снов, всего на одну-две ступени ниже Инъельды. Она полностью владела искусством, которое они только начинали постигать. Знай они об Испытании, наверное, отнеслись бы к нему, как к смутному темному облаку где-то вдалеке, которое заинтересовало бы их не больше, чем старость или смерть.

— Вчера, — начала Тисана, глубоко вздохнув и стараясь выглядеть спокойной и хладнокровной провидицей, источником мудрости, — мы говорили о роли короля Снов в регулировании поведения всего общества Маджипура. Вы, Мелиара, подняли вопрос о частых недоброжелательных образах в посланиях Короля и интересовались лежащей в основе общественной нравственности системой наказаний посланиями. Постараюсь изложить это сегодня более подробно. Возьмем для примера гипотетическую личность, скажем, охотника на морских драконов из Пилипдока, который под воздействием сильнейшего нервного напряжения совершил непредумышленный скверный поступок в виде насилия над членом своего экипажа...

Слова катились из нее, как разматывающийся клубок. Новички, щурясь и потряхивая гривами

волос, торопливо записывали. Тисана помнила, как в бытность свою новиком ее не покидало отчаянное ощущение, будто она стоит перед лицом безграничного обучения не просто техническим приемам толкователей снов, но и всевозможным дополнительным нюансам и понятиям. Но сегодня ей было не до этого. Конечно, где-то в глубине души она сознавала, что в основном ее переживания — просто поза. Не в ее привычках было ждать худшего, разве что теперь ее выбивало из колеи предстоящее Испытание.

Семь лет назад к ней пришло послание Леди, убеждавшее покинуть ферму и стать толкователем снов. Она, не раздумывая, подчинилась, заняла денег и отправилась в долгое паломничество, а потом, получив разрешение занять место в главном здании Велалисера, вновь пересекла необъятное море и добралась до этой уединенной и жалкой пустыни, где прожила четыре года. И никаких сомнений, никаких колебаний.

Но столько предстояло узнать! Мириады подробностей, относящихся к работе толкователей снов со своими нанимателями, профессиональная этика, ответственность, ловушки, способы приготовления сонного зелья и соединения сознаний, сами сны, их типы, значения, скрытый смысл. Семь снов самообмана и девять снов обучения. Призывающие сны и отпускающие сны, сны отсрочки и наслаждений, сны уничтожения знаний. Одиннадцать снов мучений, пять снов блаженства, сны прерывания поездок, сны борьбы, сны добрых надежд, сны злых видений, сны ошибочного честолюбия, тринадцать снов благодарности... Тисана изучила их все, потратив огромное количество времени и нервов, изучая каждый тип сна месяц за месяцем. Она заслуженно стала знатоком своего дела. Достигла вершин того, что эти юные новики с широко открытыми глазами только начинали изучать. И все же... все же завтрашнее испытание могло лишить ее всего, чего ни один из новичков не мог понять.

...Или мог? Урок подошел к концу. Тисана задержалась, укладывая бумаги на столе, пока новики выходили из зала. Одна — невысокая пухленькая светловолосая девушка из Охранных Городов

Замковой Горы — на минуту задержалась около неё, глядя вверх, кончиками пальцев легонько коснулась, словно крыльями мотылька, локтя совершенной и робко прошептала:

— У вас будет все хорошо завтра, я уверена. — И с улыбкой на заалевших щеках убежала.

Выходит, они знали — во всяком случае, некоторые. Благословение девушки осталось с Тисаной на весь день, как огонек свечи. На долгий-долгий день, полный повседневной работы, от которой нельзя было увильнуть, хотя сегодня она предпочла бы выйти и прогуляться по пустыне. Но необходимо было исполнять обряды, вскапывать землю на огороде, а после полудня заниматься с группой других новиций. Затем немного самосозерцания перед обедом, и, наконец, на закате сам обед.

К тому времени Тисане стало казаться, будто утренний дождь пролился несколько недель назад, а то и вовсе прошел во сне.

Обед тянулся для нее невыносимо долго. У Тисаны — совершенно неслыханное дело! — абсолютно не было аппетита. Трапезная бурлила — смех, болтовня, грубоватые песенки. Тисана в одиночестве и молчании сидела посреди всего этого, словно накрытая хрустальной сферой, и остальные из всех сил старались не обращать на нее внимания, зная, что сегодня канун ее Испытания. Правда, те, что помоложе, не могли удержаться и время от времени украдкой бросали на нее быстрые взгляды, как на кого-то, внезапно избранного нести особое бремя.

Тисана не знала, что хуже: вежливое притворство совершенных и наставницы или острое любопытство заступников и новиций. Она ничего не ела, играя кусочками хлеба. Подсевшая Фрейлис выбрала ее, как ребенка, убеждая, что ей понадобятся силы на завтрашний день. Тисана коротко рассмеялась, похлопав себя по большому твердому животу.

— У меня тут столько, что хватит на десять Испытаний.

— Все равно, — отмахнулась Фрейлис, — поешь.

— Не могу. Слишком разнервничалась.

С помоста донесся звук ложки, прозвневшей о стекло. Тисана в испуге пробормотала:

— Сохрани меня, Леди! Неужели она хочет сказать всем о моем Испытании?

— Нет, это о новом Коронале,— успокоила ее Фрейлис.— В полдень получены новые известия.

— Как?... Новый Коронал?

— Да. Он занял место Лорда Тивераса, а тот теперь Понтифекс. Где ты была? Уже пять недель прошло...

—...и в самом деле, утренний дождь был знаком новой весны и новых вестей... — говорила Высшая.

Усилием воли Тисана заставила себя слушать внимательно.

— Сегодня я получила весть, которая вознаградила нас за пять недель ожидания: Понтифекс Тиверас избрал новым Короналом Малибора из Бомбифала, и сегодняшней ночью он займет свое место на Троне Конфалума в Замке.

Раздались аплодисменты, все приветствовали известие о новом Коронале знаками звездного огня. Тисана, как во сне, сделала то же самое. Новый Коронал! Да-да, как же она забыла, ведь старый Понтифекс умер несколько месяцев назад, и государственное колесо завертелось снова. Лорд Тиверас сам стал теперь Понтифексом, и новый человек взошел сегодня на вершину Замковой Горы. «Малибор! Многие лета Короналу!»— кричала она с остальными. Но... все-таки это было чем-то нереальным да и не важным для нее сейчас. Новый Коронал? Ну и что? Еще одно имя в длинном списке. Конечно, да здравствует Лорд Малибор, кто бы он ни был, но его заботы только начинаются, и Тисане до них пока нет дела. Разумеется, будет празднество начала царствования. Она помнила, как выпила огненного вина маленькой девочкой, когда скончался знаменитый Кинникен, Лорд Оссер перебрался в Лабиринт, став Понтифексом, и Тиверас поднялся в Замок. А теперь Тиверас — Понтифекс, а кто-то другой стал Короналом, и когда-нибудь она, несомненно, услышит, что Малибор удалился в Лабиринт, и пылкий юный Коронал сел на трон. И хотя события были очень важными, Тисане в данную минуту было все равно, кто сел на трон — Малибор, Тиверас, Оссер или Кинникен. Замковая Гора находилась далеко, в тысячах миль, и Тисану волновала сейчас не она, а Испытание. Маниакальный страх перед Испытанием подавлял все. Она понимала, что это нелепо, что это вроде

того ощущения, которое испытывает больной человек, когда ему кажется, что вся боль Вселенной сосредоточилась в нем одном. Лорд Малибор? Его воцарение она отпразднует в другой раз.

— Идем,— сказала Фрейлис.— Пошли к тебе.

Тисана кивнула. Сегодня трапезная была не для нее. Чувствуя, что все взгляды сосредоточены на ней, она нетвердо прошла между рядами столиков и ступила наружу, в темноту. Дул сухой и горячий ветер, шершавый, как терка, раздражающий нервы.

Когда они подошли к келье, Фрейлис зажгла свечи и мягко подтолкнула Тисану к постели, затем достала из шкатулки два бокала, а из-под своей мантии вытащила небольшую фляжку.

— Что ты делаешь?— удивилась Тисана.

— Вино. Расслабишься немного.

— Сонное зелье?

— Почему бы и нет?

Тисана нахмурилась.

— Мы не собирались...

— Мы и не станем заниматься разгадыванием снов... Это просто даст возможность немного расслабиться, и я смогу разделить свою силу с твоей. На, держи.— Она налила в бокалы густого темного напитка и вложила один в руку Тисаны.— Пей!

Тисана медленно подчинилась. Фрейлис быстро выпила свою долю и начала снимать мантию.

Тисана смотрела на нее с удивлением, она никогда не занималась любовью с женщиной. Неужели Фрейлис решила заняться ею сейчас! Зачем! Это ошибка!— подумала Тисана. В канун Испытания пить сонное зелье и делить постель с Фрейлис...

— Раздевайся,— шепнула Фрейлис.

— Что ты собираешься делать?

— Ловить сны, глупая. Как мы договорились, и ничего больше. Допивай зелье и снимай мантию.

Сама она уже стояла нагая. Тело ее выглядело по-детски прямым и худощавым, с бледной чистой кожей и небольшими девичьими грудями.

Тисана сбросила одежду на пол. Полнота смущала ее, могучие груди, толстые колонны ног, массивные бедра казались неприличными в сравнении с изяществом Фрейлис. Хоть во время работы толкователь снов должен быть обнажен, сейчас-то Тисана принимала не клиента. Фрейлис подлила

ей зелья в бокал, и она выпила без возражений. Потом Фрейлис взяла Тисану за запястья, опустилась перед ней на колени и посмотрела прямо в глаза, сказав одновременно нежно и презрительно:

— Ты большая и глупая. Тебе нужно избавиться от страха перед завтрашним днем. Испытание — НИЧТО! — Она задула свечи и легла рядом с Тисаной. — Спи спокойно, сны будут хорошие. — Она повернулась к Тисане грудью и прижалась к ней.

Через минуту она уже спала.

Тисана облегченно вздохнула. Они не будут заниматься любовью. В другой раз — возможно, почему бы и нет! — но сейчас не время для таких приключений.

Закрыв глаза, она баюкала Фрейлис, как спящее дитя. Зелье билось в ней, оно открывало одно сознание другому, и Тисана сейчас испытывала сильное чувство, что дух Фрейлис парит с ней рядом. Однако они не общались друг с другом и не делали необходимых упражнений, дающих полное единение. От Фрейлис исходили лишь волны умиротворения, любви и энергии. Она была сильной, гораздо сильнее своего хрупкого тела, и по мере того, как сонное зелье все глубже проникало в сознание, Тисана чувствовала себя все лучше от того, что рядом лежит другая женщина. Она медленно погружалась вглубь своей души. Она все еще немного беспокоилась: об Испытании, о том, что могут подумать об их совместно проведенной ночи в одной постели, о нарушении правил, которое они совершили, вдвоем выпив сонное зелье. Водовороты течений вины, стыда и страха кружились в ее душе, но постепенно она успокоилась и уснула. И глазами профессионального толкователя смотрела свои сны, не имевшие ни формы, ни последовательности — загадочные образы, пустынный горизонт, освещенный рассеянным и отдаленным светом, а вот, кажется, лицо Леди, Высшей Иньельды или Фрейлис, а может просто теплая лента утешающего света, а потом — рассвет, и какая-то птица щебечет в пустыне, возвещая новый день.

Тисана села, протирая глаза. Она была одна. Фрейлис убрала свечи, вымыла бокалы и ушла, оставив на столике записку, нет, не записку, а рисунок светящейся стрелы — символ Короля Снов,

внутри треугольника — знак Леди Острова Сна, окруженный сияющим солнцем, — пожелание любви и удачи.

— Тисана?

Она повернулась к двери. Там стояла Вандайна.

— Уже пора? — замирая, спросила Тисана.

— Да. Ты готова? Солнце взошло двадцать минут назад.

— Да, — кивнула Тисана; и вдруг успокоилась, совершенно успокоилась — какая ирония после недели страхов! Сейчас уже не осталось времени чего-либо бояться.

Следом за Вандайной она шла через двор, мимо огорода. Несколько человек, не говоря ни слова, окружили их, когда они вышли за территорию главного здания. В зеленоватом свете рождающегося дня они в молчании шли по хрустящему песку пустыни, и Тисане все время приходилось принаравливать свой шаг к походке старухи. Они направлялись на юго-запад. Казалось, проходили часы. Впереди появились руины Велалисера, древнего города метаморфов, обширное и часто посещаемое призраками место былого величия уроженцев Маджипура. Проклятое место, заброшенное тысячи лет назад.

Тисана решила, что поняла: Испытание, видимо, заключается в том, что ее оставят бродить среди руин и призраков на весь день. Но так ли это? Так по-детски просто! Призраки ее не пугали. Но если ее оставят здесь и на ночь?

Днем Велалисер представлял собой обычное зрелище горбатого и корявого камня, рухнувших капищ, разбросанных колонн и занесенных песком пирамид, но ночью...

Наконец они подошли к чему-то, напоминающему амфитеатр или цирк, довольно хорошо сохранившемуся. Каменные сиденья уступами поднимались вверх, образуя гигантскую чашу. В центре ее стоял каменный стол и несколько каменных скамей, на столе лежала фляга и стоял бокал. Здесь должно было пройти Испытание! Тисана решила, что они со старой Вандайной выпьют зелье, вместе лягут на песчаную землю и будут ловить сны, а когда встанут, Вандайна будет знать, годится ли она в толкователи снов.

Но произошло совсем не так. Вандайна указала на фляжку.

— Мы оставим тебя здесь. Это сонное зелье. Наливай, сколько потребуется, пей и смотри в свою душу. Свое Испытание ты проведешь сама.

— Я?

Вандайна улыбнулась.

— Кто же еще сумеет тебя проверить? Ступай. Потом мы придем за тобой.

Старая наставница, согнувшись, отошла. На языке у Тисаны вертелась тысяча вопросов, но она сдержалась, чувствуя, что Испытание уже началось, и что первая его часть — ни о чем не спрашивать. С изумлением следила она, как Вандайна прошла в нишу амфитеатра и скрылась в тени. Ни звука вокруг, даже шагов. В подавляющем безмолвии безлюдного города песок, казалось, должен был греметь... но — тишина! Тисана нахмурилась, потом улыбнулась и засмеялась — гулкий смех расшевелил далекое эхо. Она радовалась. Задумать и провести самой свое Испытание! Значит, вот как это бывает: отводят в руины и предлагают посмотреть на себя. А сколько было страхов, сколько...

Но как?

Тисана пожала плечами. Она не завтракала, и почувствовала, как напиток почти мгновенно ударил в голову. Тем не менее, она отхлебнула в третий раз.

Солнце поднималось быстро, первые лучи его уже протянулись над стенами амфитеатра.

— Тисана! — выкрикнула она, и сама же ответила: — Да, Тисана!

Засмеялась, выпила снова.

Прежде она всегда принимала зелье в чьем-либо присутствии, либо для разъяснения снов, либо с наставницей. Пить его в одиночестве было все равно, что задавать вопросы своему отражению. Она вдруг смущенно осознала, что стоит между двух зеркал и видит один и тот же образ со спины и с лица.

— Тисана, — сказала она, — это твое Испытание. Годишься ли ты в толкователи снов?

И сама ответила:

— Я училась четыре года, да еще три провела на Острове Сна. Я знаю семь снов самообмана, три сна обучения, призывающие сны и...

— Хорошо, перескочим через это. Ты годишься в толкователи снов?

— Я умею смешивать зелье и принимать его.

— Отвечай на вопрос! Ты годишься в толкователи снов?

— Я очень устойчивая. У меня спокойная и чистая душа.

— Ты уклоняешься от ответа.

— Я сильная и способная, во мне почти нет злобы. Я желаю служить Дивин.

— А как насчет служения разумным существам?

— Служа Дивин, я служу и им.

— Очень красиво. Кто научил тебя так отвечать?

— Просто пришло на ум. Можно, я еще выпью?

— Как хочешь.

— Спасибо,— поблагодарила Тисана и выпила, еще. Голова закружилась, но не от зелья, потому что таинственные, соединяющие сознание силы напитка отсутствовали. Она была одна и бодрствовала.

— Какой следующий вопрос?— спросила она.

— Ты до сих пор не ответила на предыдущий.

— Задай другой.

— Вопрос только один, Тисана: годишься ли ты в толкователи снов? Сумеешь ли ты утешить души тех, кто придет к тебе?

— Я постараюсь.

— Это твой ответ?

— Да,— сказала Тисана,— это мой ответ. Оставь меня в покое и разреши попробовать. Я женщина доброй воли. Я овладела своим искусством и желаю помогать другим. Сама Леди приказала мне стать толковательницей снов.

— И ты ляжешь с каждым, кому это потребуется? С человеком, хьортом, скандаром, лиименом, врооном и прочими племенами нашего мира?

— С каждым,— ответила она.

— И возьмешь на себя тревоги каждого?

— Если смогу, то да.

— Ты годишься в толкователи снов?

— Дай мне попробовать, и тогда узнаем,— сказала Тисана.

— Это кажется справедливым,— ответила Тисана.— У меня больше нет вопросов.

Она вылила в бокал остатки зелья и допила их, потом сидела, пока поднималось солнце и нарастала дневная жара. Она была совершенно спокойна, не испытывала ни нетерпения, ни неудобства и просидела бы так весь день и всю ночь, если бы ее не тревожили, но через час или чуть больше возле нее без какого бы то ни было предупреждения вдруг появилась Вандайна.

— Ты закончила?— мягко спросила старая женщина.

— Да.

— И как?

— Я прошла через это,— сказала Тисана.

Вандайна улынулась.

— Я была уверена в этом. Идем. Нужно еще переговорить с Высшей и устроить твое будущее толковательницы, Тисана.

В главное здание они вернулись в таком же молчании, в каком уходили утром. Они шли быстро — подгоняло палящее солнце. До полудня оставалось совсем немного, когда они выбрались из руин Велалисера. Новички и заступники, работавшие на полях, шли ко второму завтраку. Они неуверенно поглядывали на Тисану, и та улыбалась в ответ яркой, успокаивающей улыбкой.

У входа вдруг появилась Фрейлис, подбежала и бросила на подругу быстрый встревоженный взгляд.

— Ну?— спросила она напряженно.

Тисана улынулась. Она хотела сказать, что испытание НИЧТО, просто шутка, обряд, а настоящее Испытание состоялось задолго до сегодняшнего дня, но поняла, что необходимо, чтобы Фрейлис дошла до всего этого сама. Огромное пространство разделило их теперь — Тисану, ставшую толковательницей снов, и Фрейлис, все еще заступницу. И Тисана сказала просто:

— Все хорошо.

— Хорошо! Ой, как здорово, Тисана! Я так рада за тебя!

— Спасибо, что помогла мне,— сказала Тисана серьезно.

Внезапно двор накрыла тень. Тисана взглянула вверх. Небольшое темное облако, вроде вчерашнего,

плыло в небе — наверное, осколок шторма с далекого побережья. Оно повисло, будто зацепилось за шпиль главного здания, и вдруг пролилось крупными и тяжелыми каплями дождя.

— Смотри,— сказала Тисана,— снова дождь. Идем, Фрейлис! Идем, потанцуем!

ВОРОВКА ИЗ НИ-МОЙИ

К концу седьмого года вторичного воцарения на престоле Лорда Валентина в лабиринт пришла весть, что Коронал скоро прибудет с визитом — весть, заставившая сердце Хиссуне забиться сильнее. Увидит ли он Коронала? Вспомнит ли о нем Лорд Валентин? Один раз Коронал вызвал его в Замок, когда состоялась его вторая коронация, конечно же, он помнит кое-что о мальчишке, который...

А может и нет, решил Хиссуне. Возбуждение спало, он вновь вернул себе холодный самоконтроль. Конечно, если он попадется на глаза Короналу, тот вспомнит его, но чтобы сам Лорд Валентин поинтересовался им — на это надеяться нечего. Скорее всего, Коронал спустится вниз, а затем покинет Лабиринт, никого не повидав, кроме Понтифекса. Говорили, что он устраивает грандиозное шествие к Алайсору, а потом к Острову Сна (хочет повидаться с матерью) и обязательно остановится в Лабиринте. Но Хиссуне

догадывался, что Короналу вовсе не по душе Лабиринт, встретивший его так неприветливо, когда он вновь поднимался в свой Замок. Юноша знал, что Понтифекс Тиверас скорее мертв, чем жив, он скорее символ, чем человек, который должны были похоронить много лет назад, но тлеющему в нем огоньку жизни не давали угаснуть, чтобы продлить царствование Лорда Валентина. По мнению Хиссуне, это было хорошо не только для Коронала, но и для всего Маджипура. Но это уже не его ума дело.

Он вернулся к Счетчику Душ, продолжая лениво размышлять о грядущем визите Коронала, и так же лениво вытянул новую запись из записей горожан Ни-Мойи. Казалось, она ничего не обещает, и Хиссуне чуть было не сунул ее обратно, но тут ему захотелось просто посмотреть великий город другого континента. Ради Ни-Мойи он позволил жизни мелкой лавочницы поглотить себя, и скоро уже не жалел об этом.

1 1

Мать Иньянны, и бабушка, содержали лавку в Велатисе, и похоже было, что та же судьба уготована и ей. Ни мать, ни бабушка не обижались на такую жизнь, но Иньянна — ей исполнилось девятнадцать и она была единственной наследницей — чувствовала, что лавка — слишком тяжелое бремя для ее плеч, невыносимо давящий горб. Она часто подумывала продать ее и попытаться счастья в каком-нибудь городе подальше отсюда: в Пилиплоке, Пидруиде или даже в величественной столице провинции Ни-Мойе далеко на севере, о которой говорили, будто она превосходит всякое воображение. Того, кто ее не видел.

Но времена были скучные, дела шли не очень, и Иньянне пока не попадались охотники приобрести ее лавку, а кроме того, Велатис, пусть даже и опостылевший, был родиной для многих поколений ее семьи, и покинуть его просто так было нелегко. Каждое утро она поднималась с рассветом, выходила

на маленькую, облицованную камнем террасу и умывалась в каменном чане с дождевой водой, которую специально собирала и хранила для купания, потом одевалась, завтракала сушеной рыбой с вином, спускалась по лестнице и открывала лавку.

Торговала она самыми обыденными товарами: застежками для одежды, глиняными горшками с южного побережья, бочонками с пряностями и пресованными фруктами, кувшинами с вином, острыми ножовками Нарабала и дорогостоящими вырезками мяса морских драконов, сверкающими изящными фонарями, сделанными в Нарабале, и многим подобным. Помимо ее лавки, в Велатисе было еще десяток точно таких же, и ни одна особо не процветала. После смерти матери Иньянне приходилось разбираться и вести счета, изобретательно управляться с покупателями, мыть полы и полировать прилавки, заполнять правительственные бланки и разрешения на торговлю — и она устала от всего этого. Но что толку? Она была ничем не примечательной девушкой в ничем не примечательном дождливом городке, и никогда по-настоящему не верила в какие-либо перемены в ближайшем будущем, да и позже.

Покупателей-людей было немного. За десятилетия этот район Велатиса заполонили хьорты, лиимены и... метаморфы, поскольку Пьюрифайн — земли метаморфов — находился сразу за горной цепью к северу от города и значительное число Изменяющих Форму просачивалось в город. Она считала все само собой разумеющимся, даже метаморфов, обычно больше всего заставляющих человека тревожиться. Лишь об одном сожалела Иньянна: что мало видела среди покупателей своих соплеменников, и потому, хоть и была высокой, стройной и привлекательной, с вьющимися рыжеватыми волосами и поразительно зелеными глазами, она с трудом находила любовников, и никогда не встречала кого-нибудь, с кем могла бы разделить жизнь. Конечно, совместное с кем-то владение лавкой намного облегчит труд, но с другой стороны, за это придется расплатиться свободой, а заодно расстаться с мыслью о том времени, когда она избавится от лавки.

Однажды после полуденного дождя в лавку вошли два путника, первые покупатели за весь день. Один был невысоким и толстым — этакий огрызок человека, а второй — бледный, тощий и длинный, с лицом костлявым, угловатым и бугристым, походил на некую горную тварь. Оба носили тяжелые белые туники с ярко-оранжевыми кушаками, а покрой одежды наводил на мысль о больших городах севера. Они оглядели помещение быстрыми презрительными взглядами, и ясно было, что они привыкли к иному уровню торговли. Потом коротышка осведомился:

— Вы Иньянна Форлэйн?

— Да.

Он справился по бумажке, которую держал в руке.

— Дочь Форлэйн Хаурон, дочери Хаурон Иньянны?

— Вы правы. Могу я спросить...

— Наконец-то! — воскликнул длинный. — Наконец-то этот давний след привел куда надо! Знали бы вы, сколько мы вас искали! Пришлось рекой подниматься до Кинтора, потом огигать Дулорн, перебираться через проклятые горы — тут когда-нибудь дождя не бывает? — а потом ходить по всему Велатису из дома в дом, от лавки к лавке, и — расспросы, расспросы...

— Вы искали меня?

— Если вы сумеете доказать свое происхождение, то вас.

Иньянна пожала плечами.

— У меня есть документы. Но какое у вас дело?

— Давайте познакомимся, — сказал коротышка. — Я Безан Ормус, а моего товарища зовут Стойг. Мы официалы из Бюро по наследству в Ни-Мойе. — Из богато отделанного кошелька Безан Ормус достал связки бумаг, целеустремленно перебрал их и продолжал: — Ваша бабушка была старшей сестрой некоей Сэлин Иньянны, которая на двадцать третий год Понтифекса Кинникена при Коронале Лорде Оссере поселилась в городе Ни-Мойя, где вышла замуж за Хелмиота Кавона, третьего двоюродного брата герцога.

Иньянна в изумлении смотрела на них.

— Я ничего не знаю об этом.

— Ничего удивительного, — кивнул Стойг. — Это было несколько поколений назад. Сомневаюсь, чтобы обе ветви вашей семьи поддерживали связь, принимая во внимание разделявшее их богатство.

— Бабушка никогда не вспоминала ни о каких богатых родственниках в Ни-Мойе, — заметила Иньянна.

Безан Ормус откашлялся и порылся в бумагах.

— Вполне возможно. У Хелмиота Кавона и Сэлин Иньянны родилось трое детей. Старшая дочь унаследовала семейное состояние. Она погибла довольно молодой в результате несчастного случая на охоте, и богатство перешло к ее единственному сыну Кавону Диламэйну, оставшемуся бездетным и умершему на десятый год Понтифекса Тивераса, то есть десять лет назад. С тех пор, пока велись поиски наследников, имущество остается без хозяина.

— Выходит, я наследница?

— Ну да, — вежливо подтвердил Стойг, широко улыбаясь.

Иньянна, давно понявшая, куда клонится разговор, тем не менее поразились. Ноги вдруг задрожали, губы и рот пересохли, и она нечаянно смахнула на пол дорожную вазу, сделанную в Алханроеле. Смутившись и взяв себя в руки, девушка сказала:

— И что же мне предстоит унаследовать?

— Огромный дом под названием Ниссиморн Проспект на северном берегу Цимра в Ни-Мойе и три поместья в Долине Стейна, которые сданы в аренду и приносят прибыль, — ответил Стойг.

— Мы вас поздравляем, — сказал Безан Ормус.

— И я поздравляю вас с успехом десятилетних поисков, — откликнулась Иньянна. — Благодарю вас. А сейчас, если вы не хотите чего-нибудь купить, прошу вас пройти со мной и показать ваши бумаги, свидетельства и...

— Вы скептик, — заметил Безан Ормус, — и это правильно. Мы явились с фантастической историей, и вы вправе отнестись к нашим словам с недоверием. Но смотрите, неужели мы потащились бы из Ни-Мойи в Велатис, чтобы пошутить с лавочницей? Теперь взгляните сюда. — Он развернул связку бумаг и протянул Иньянне. Она приняла их дрожащими руками и осмотрела. Картина большого особняка и подборка документов о наследстве и гене-

алогии, бумаги с печатью Понтифекса и вписанным в них ее именем...

Она смотрела, ошеломленная.

Потом спросила слабым голосом:

— Что я должна теперь делать?

— Порядок действий обычный — вам следует написать и зарегистрировать письменное показание под присягой, что вы действительно Иньянна Форлэйн, а также подписать обязательство на уплату налога с имущества и накопленных доходов, раз уж вы вступаете во владение. Еще вы должны уплатить гонорар за регистрацию вашего вступления во владение наследством. Если хотите, можем помочь.

— Гонорар за регистрацию?

— О, всего несколько роялов.

— Я могу их выплатить из доходов с полученного имущества?

— К сожалению, нет, — покачал головой Безан Ормус. — Деньги необходимо уплатить до того, как вы вступите во владение наследством, и, разумеется, вы не получите доступа к доходам от поместий до тех пор, пока не зарегистрируете свои права официально, так что...

— Формальность, конечно, досадная, — перебил его Стойг, — но если смотреть в будущее, пустячная.

В

2

се говорили, что гонорар за регистрацию составит двадцать роялов. Для Иньянны это была огромная сумма, почти все ее сбережения, но просмотр документации показал, что одни только доходы с ферм составляют девятьсот роялов в год, а ведь были еще и другие доходы — с особняка, капитала...

Безан Ормус и Стойг оказывали неоценимую помощь в улаживании всех формальностей. Весь день они просидели в маленькой конторке, приводя в порядок ее дела, скрепляя документы впечатляющей печатью Понтифекса. Потом она пригласила их отпраздновать событие несколькими флягами вина в таверне у подножия холмов, и там Стойг

настойчиво отталкивал руку Иньянны, желая расплатиться сам. Они наслаждались отменным вином из Пидруида по полкроны за фляжку, и Иньянна поражалась их расточительности — сама она обычно пила вино намного дешевле, — но потом вспомнила о грядущем богатстве, и когда фляжка опустела, заказала еще одну.

В переполненной таверне сидели в основном хьорты, лиимены и скандары, и чиновники с севера выглядели несколько непривычно среди всех этих нелюдей. Время от времени то один, то второй зажимали носы, будто их беспокоил запах чужаков. Иньянна старалась их развеселить разговором о том, как она благодарна, что они разыскали ее в этом забытом Дивин Велатисе.

— Но ведь это наша работа,— протестовал Безан Ормус.— В этом мире мы служим Дивин, внося свою лепту в хитросплетения жизни. Закон и справедливость требуют, чтобы владелец вступил во владение особняком и принадлежащими ему землями. На нас лишь пала приятная обязанность исполнить это.

— Все равно,— согласилась Иньянна, подливая в бокалы вина и почти кокетливо подавая их то одному, то другому.— Но ради меня вы перенесли тяготы большого путешествия, и я всегда буду вам обязана. Заказать еще фляжку?

Было совсем темно, когда они наконец покинули таверну. В свете висевших на небе лун горный хребет, опоясывающий город, вернее, вытянутые клыки великого Гонхарского Кольца, казались зубчатыми колоннами черного льда. Иньянна показала гостям ночлежку, притулившуюся с краю Площади Деккерета, и в винном опьянении даже пригласила их к себе на ночлег. Но те, очевидно, не стремились к этому, и они распрощались.

Слегка пошатываясь, она поднялась к своему дому и вышла на террасу подышать ночным воздухом. В голове стучали молоточки. Слишком много вина, болтовни и неожиданных вестей. Она смотрела на свой городок, на эти небольшие крытые черепицей домишки, парочку истрепанных парковых полос, несколько площадей и особняков, на ветхий дворец герцога, примыкавший к городу с востока, на дорогу, поясом окружавшую город, — она видела

все это из своего дома на вершине холма. Прощай, нелюбимый город, подумала она, тихое, спокойное, холодное, сырое и ленивое, заурядное место, известное мраморными разработками и искусными каменщиками, захолустный городок на захолустном континенте. Она считала, что всю жизнь проведет здесь, но вот в ее жизнь вторглось чудо, и казалось нестерпимым провести здесь хоть один лишний час, когда ждет сияющая Ни-Мойя...

Спала она беспокойно и урывками...

Утром Иньянна встретилась с Безаном Ормусом и Стойгом в нотариальной конторе позади банка и встрясла из своего кошелька полновесные роялы, большей частью старые или очень старые, с изображениями Кинникена, Тимина, Оссера, а один даже времен царствования великого Конфалума. Взамен ей выдали один лист бумаги: расписку, извещавшую об уплате двадцати роялов, которые официалы Безан Ормус и Стойг обязались уплатить за регистрацию передачи наследства. Ей объяснили, что все остальные документы пока останутся у них для утверждения старшим управляющим службы Понтифекса, но сама она может отправляться в Ни-Мойю и вступать во владение имуществом.

— Приглашаю вас в гости,— величаво сказала Иньянна,— когда вы захотите.

— О нет,— мягко произнес Безан Ормус.— Едва ли стоит таким, как мы, надоедать хозяйке Ниссиморн Проспект. Но мы понимаем ваши чувства и благодарны за приглашение.

Иньянна пригласила их отобедать, но Стойг ответил, что им необходимо ехать, работа не ждет, и нужно разыскать других наследников в Нарабале, Тил-Омоне, Пидруиде. Пройдет много месяцев, прежде чем они увидят своих родных в Ни-Мойе. Так значит, спросила она, вдруг встревожившись, регистрация о передаче наследства не произойдет, пока они не завершат свою поездку?

— Не совсем так,— объяснил Стойг.— Сегодня же ночью мы отправим ваши бумаги с посыльным в Ни-Мойю, а там все сделают. Вам дадут знать из нашего Бюро... ну, скажем, недель через семь-девять.

Она проводила их до гостиницы и подождала снаружи, пока они соберутся, потом смотрела, как

они усаживаются во флотер, и махала вслед, стоя посреди улицы, пока они ехали к шоссе, ведущему на юго-западное побережье. Затем снова открыла лавку.

В полдень заглянули двое покупателей, один приобрел на восемь вейтов гвоздей, другой попросил три ярда искусственного атласа по шестьдесят вейтов за ярд, так что доход за весь день не составил и двух крон. Ну и что? Скоро она будет богатой.

Прошел месяц, а вести из Ни-Мойи не приходили. Еще месяц — такое же молчание.

Терпение, державшее Иньянну в Велатисе девятнадцать лет, было терпением безнадежности и неизбежности. Но теперь ее ждали большие перемены, и терпения у нее не осталось. Она нервничала, металась, делала пометки в календаре.

Лето с практически ежедневными дождями подошло к концу, и началась сухая живительная осень, когда листья деревьев огненно сверкают у подножия холмов. И ни одной весточки.

Близилось суровое дыхание зимы, и тяжелые массы воздуха, плывущие с Цимра на юг, пересекали земли метаморфов и леденились резкими горными ветрами. Снега на высоких кольцах Гонхар не бывает, и по улицам Велатиса неслись потоки грязи. Из Ни-Мойи ни слова. Иньянна вспоминала о двадцати ройялах, и постепенно к раздражению в ее душе начал примешиваться страх. Свое двадцатилетие она отметила в одиночестве, выпив немного кислого вина и представляя, как повеселилась бы в такой день в Ниссиморн Проспект. Почему же так долго? Несомненно, Безан Ормус и Стойг, как и обещали, послали документы в службу Понтифекса, и, видимо, бумаги ее пылятся в чьем-то столе, дожидаясь действия.

В конце концов, накануне Дня Зимы, Иньянна решила отправиться в Ни-Мойю и лично заняться своими делами.

На поездку требовалось немало денег, а от ее сбережений осталось совсем немного. Ей пришлось взять деньги под залог своей лавки у семейства хьортов. Десять роялов. Сошлись на том, что хьорты будут торговать ее товарами, но выручку брать себе, а если доходы покроют долг прежде, чем она вернется, будут продолжать торговать от ее имени

и впоследствии выплачат арендную плату. Договор удовлетворял, в основном, хьортов, но Иньянну это не заботило. Она знала, только никому не говорила, что больше никогда не увидит ни лавки, ни этих хьортов, ни самого Велатиса. Ее заботило лишь одно — добраться до Ни-Мойи.

Путешествие было немаленькое. Самый короткий путь от Велатиса до Ни-Мойи проходил через Пьюрифайн — земли Изменяющих Форму, а соваться туда было опасно и опрометчиво. Иньянне пришлось бы воспользоваться длинным кружным путем на запад через Проход Стиамота, затем необходимо было подняться по длинной и широкой долине, так называемому Дулорнскому Рифту, со стенами в милю высотой, а после того, как доберется до Дулорна, следовало пересечь еще половину Цимроеля сначала по суше, затем баржей, прежде чем добраться до Ни-Мойи. Но Иньянна видела во всем этом лишь славное приключение, каким бы долгим оно ни оказалось. Она никогда нигде не бывала, только в десятилетнем возрасте мать отправила ее провести месяц в теплых краях южных Гонхар. Другие города были для нее так же недостижимы, как иные планеты. Мать ее однажды побывала в Тил-Омоне и часто вспоминала об этом, описывая город как место ослепительного солнечного света, золотистого вина и мягкого, никогда не кончающегося лета. Бабушка ее бывала еще дальше, в Нарабале, где сырой и тяжелый воздух облегал тело, как мантия. Но другие города — Пидруид, Пилиплок, Дулорн, Ни-Моя — были для нее лишь названиями на карте, а мысль об океане вообще находилась за пределами воображения, и она никак не могла душой поверить в материк за океаном с десятками громадных городов, таких же, как самый большой город Цимроеля; ей не верилось, что где-то есть место под землей, именуемое Лабиринтом, и Гора тридцатимильной высоты. Размышления над подобными вещами ничего, кроме головной боли, не вызывали. Внушающая благоговейный страх непопостижимость Маджипура была слишком большой конфетой, чтобы проглотить ее сразу, особенно тому, кто только один раз выезжал за пределы Велатиса.

Так, Иньянна обратила внимание на очаровательную перемену воздуха, когда большой пассажирский флотер спускался к западным равнинам. Внизу еще была зима с короткими днями и бледным зеленоватым светом солнца, но ветра были уже нежными и густыми, напоенными душистым ароматом, без зимней пронизывающей стужи. Она с удивлением увидела, что почва тут плотная, а не рассыпчатая и губчатая, совершенно не похожая на мелкие искристые камешки вокруг ее дома, а растянувшиеся на многие мили красноватые оттенки казались просто поразительными. Деревья и растения были иными, с толстыми блестящими листьями, летали птицы с незнакомым опереньем. Тянувшиеся вдоль дороги городки и фермерские деревеньки казались воздушными и открытыми, своими небольшими деревянными домиками, причудливо украшенными завитушками и резьбой и раскрашенными яркими брызжущими цветами желтого, голубого и алого, они нисколько не походили на угрюмый и тяжелый Велатис. И страшно непривычно было не видеть окружающих со всех сторон гор, как в Велатисе, гнездящемся на груди Гонхар. Сейчас она ехала по широкому плато между горной цепью и далекой береговой линией, и когда смотрела на запад, то могла видеть так далеко, что это почти пугало — неограниченная перспектива, уходящая в бесконечность. С другой стороны находился Эскарп Велатиса, внешняя стена горной цепи, но даже и он был необычен — сплошной угрюмый вертикальный барьер, лишь изредка разделяющийся на отдельные пики и тянувшийся на север насколько хватало глаз.

Постепенно местность менялась, и Эскарп отдалялся по мере продвижения дальше на север, к верхнему краю Дулорнского Рифта. Здесь колоссальную впадину долины покрывали карбонатные отложения, и вереница холмов была белой, словно тронутая инеем. Скалы внушали страх таинственным холодным сиянием. В школе она учила, что город Дулорн целиком построен из кальцита, и видела его изображения: шпили, арки, хрустальные фасады зданий, пылающих ледяным пламенем в свете дня. Тогда все это показалось ей просто сказкой, как рассказы о Старой Земле, откуда, как

утверждали, пришло сюда человечество. И вот в один зимний день Иньянна обнаружила, что смотрит на предместья настоящего города Дулорна и видит, что сказка эта вовсе не сказка. Дулорн оказался гораздо прекрасней и необычнее, чем она могла вообразить. Казалось, он сиял собственным внутренним светом, в то время как солнечный свет, преломленный, рассеянный, отклоненный мириадами углов и граней надменных причудливых зданий, падал сверкающим ливнем на улицы.

Такой это был город! Рядом с ним, мелькнуло у Иньянны в голове, Велатис выглядит чурбаном. Она бы осталась здесь на месяц, год, навсегда и бродила бы по улицам, любуясь башнями и мостами, заглядывая в дома, так не похожие на ее собственный. Толпы змееподобных, похожих на рептилий чужаков и немногие представители иных племен двигались по улицам с целеустремленностью, совершенно не знакомой простым горцам. Светящиеся афиши, возвещающие о представлениях в знаменитом Бесконечном Цирке Дулорна, элегантные рестораны, отели, парки — все внушало Иньянне благоговение. Несомненно, ничто на Маджипуре не могло сравниться с этим местом! Да, можно сказать, что Ни-Моя намного больше, а Сти больше их обоих, да есть еще знаменитый Пилиплок и порт Алайсор, и многие, многие другие. И все равно!

Но в Дулорне она провела всего полдня, пока садились новые пассажиры, а флотер готовили к следующему этапу путешествия. День спустя, когда они миновали леса между Дулорном и Мазадоной, она вдруг поняла, что не уверена, видела ли Дулорн на самом деле или во сне.

С той поры удивительное окружало ее постоянно: места с пурпурным туманом и деревьями выше холмов, заросли поющих папоротников. Потом потянулась длинная вереница скучных, неотличимых друг от друга городов: Кунтион, Мазадона, Тагоуар и прочие. Пассажиры садились и выходили, водители флотера сменялись каждые девятьсот миль, и только Иньянна, девчонка из захолустного городка, продолжала ехать, разглядывая мир с замирающим сердцем. Изредка попадались гейзеры, горячие озера и прочие термальные чудеса, и, наконец, показался город в центре континента, огромный город

Кинтор, от которого по реке был прямой путь до Ни-Мойи. Цимр напоминал море, потому что с одного его берега было просто невозможно разглядеть другой невооруженным глазом. Иньянна знала только горные речки, быстрые и узкие, и они не подготовили ее к огромной извивающейся массе темной воды, которая была Цимром.

По груди этого монстра Иньянна плыла теперь недели, минуя Верф и Стрэйн, Лагомэнфикс и еще пятьдесят городов, чьи названия ей ни о чем не говорили. Баржа стала для нее целым миром. В долине Цимра времена года почти не отличались друг от друга, и легко было потерять ощущение уходящего времени. Казалось, стоит весна, хотя она знала, что должно быть позднее лето, поскольку в путешествие она пустилась более полугода назад. Возможно, поездка никогда не кончится, возможно, самой судьбой ей назначено ехать с места на место, ничего не испытывая и приближаясь к бесконечности. Все было хорошо. Она стала забывать себя. Где-то вдали осталась ее лавка, где-то вдали осталась молодая женщина Иньянна Форлэйн — все растворилось в нескончаемом движении.

Но однажды в каком-то сотом из новых городов начали проглядываться берега Цимра, а потом на борту баржи сделалось оживленно, и все бросились к поручням, вглядываясь в туманную даль. До Иньянны доносилось бормотание: «Ни-Моя, Ни-Моя!..» — и она поняла, что ее путешествие подошло к концу.

У нее хватило сметки понять, что оценить Ни-Мойю в первый же день все равно, что считать звезды. Это была столица провинции в двадцать раз больше Велатиса, раскинувшаяся по обоим берегам необъятного Цимра, и она чувствовала, что можно прожить здесь всю жизнь и все равно не обойтись без карты. Очень хорошо. Она решительно запретила себе восхищаться чрезмерностью всего увиденного. Она завоеует город постепенно, шаг за шагом, и этим хладнокровным ре-

шением начнется ее преобразование в настоящую уроженку Ни-Мойи.

Но как бы там ни было, предстояло еще сделать первый шаг. Баржа причалила, кажется, к южному берегу Цимра. Подхватив небольшой чемоданчик, Иньянна смотрела на колоссальную поверхность воды — Цимр здесь разбухал от впадения нескольких больших притоков — и видела города на берегу. Какой из них — Ни-Мойя? Где находится представительство Понтифекса? Как ей отыскать свои поместья и особняк? Светящиеся знаки указывали на паромы, но пункты их назначения ничего ей не говорили: Гимбелия, Истмой, Стрилэйн и Набережная Виста. В конце концов она решила, что это пригороды или... районы, потому что не было ни одного знака, указывающего на паром до Ни-Мойи.

— Заблудились? — произнес тонкий ехидный голос.

Иньянна обернулась и увидела девушку года на два-три моложе ее самой, с испачканным лицом и волосами, причудливо окрашенными в лавандовый цвет. Гордость или, скорее, застенчивость заставила Иньянну резко покачать головой и отвернуться с заалевшими щеками.

— За окном билетной кассы справочник, — сказала девушка и исчезла в толпе спешивших на паромы пассажиров.

Иньянна влилась в очередь к справочнику и, постояв немного, добралась до кабины, где нажала контакт.

— Справочник, — раздался голос.

— Представительство Понтифекса, Бюро по наследованию, — сказала Иньянна.

— Такое Бюро не зарегистрировано.

Иньянна нахмурилась.

— Тогда представительство службы Понтифекса.

— 653, Прогулочная Родамаинтская, Стрилэйн.

Слегка встревоженная, она купила билет на паром до Стрилэйна — крона двадцать вейтов. У нее осталось ровно два рояла, которых, возможно, хватит, чтобы прожить недели две в столь дорогом городе. А после? Ты наследница, сказала она себе, и поднялась на борт парома. Но все равно ее не покидало чувство тревожного удивления — почему в справочнике не значится Бюро по наследованию?

Был полдень. Паром, дав гудок, отошел от пирса. Иньянна вцепилась в поручень, всматриваясь в удивительный город на противоположном берегу, где здания с сияющими белыми башнями с плоскими крышами поднимались этажами к нежно зеленеющим холмам на севере. Карта была вмонтирована в опору возле трапа на нижнюю палубу. Иньянна внимательно изучала ее: Стрилэйн оказался центральным районом, начинавшимся от пристани паррома, которая и называлась Ниссиморн. Люди Понтифекса говорили, что ее владения находятся на северном берегу, следовательно, это должно быть в самом Стрилэйне, где-нибудь в парковой зоне набережной к северо-востоку. Гимбелия была западным предместьем, отделенным от Стрилэйна многочисленными мостами через приток Цимра. Истмой располагался на востоке. С юга текла река Стейш, такая же широкая, как сам Цимр, и города по ее берегам назывались...

— В первый раз здесь?— Это снова была девушка с лавандовыми волосами.

Иньянна нервно улыбнулась.

— Да. Я из Велатиса. Провинция...

— Ты, кажется, боишься меня!

— Я? С чего бы?

— Не знаю. Я не кусаюсь и даже не собираюсь тебя облапошить. Зовут меня Лилэйв, я воровка на Большом Базаре.

— Кто?

— Вполне законная профессия. И уважаемая. Правда, патент нам не дают, но сильно не мешают, и у нас все, как в настоящей гильдии. Я сейчас из Легомэндина, толкала шмотки своему дяде. Ты мне почему-то понравилась. Или я слишком распущена?

— Нет, — улыбнулась Иньянна.— Просто я долго ехала одна и, наверное, разучилась разговаривать с людьми.— Она заставила себя улыбнуться еще раз.— Ты в самом деле воровка?

— Да, но не карманник. Слушай, ты так взволнована! Как тебя зовут?

— Иньянна Форлэйн.

— Хм, у меня раньше не было знакомых Иньянн. И ты проделала весь путь от Велатиса до Ни-Мойи! Зачем?

— Получить наследство,— объяснила Иньянна.— Имущество сына бабушкиной сестры. Особняк Ниссиморн Проспект на северном...

Лилэйв хихикнула. Она попыталась сгладить это, и щеки ее надулись, тогда она закашлялась, прикрывая рот рукой и трясясь от смеха. Правда, она быстро взяла себя в руки, и выражение откровенного веселья на ее лице сменилось нежной жалостью.

— Значит, ты из семьи герцога? Я приношу свои извинения, госпожа, за столь вольное обращение к вам.

— К семье герцога? Нет, конечно. С чего ты...

— Ниссиморн Проспект — владение Галайна, младшего брата герцога.

Иньянна покачала головой.

— Нет, бабушкиной сестры...

— Дурочка, к тебе даже в карман лезть не стоит, кто-то его уже обчистил.

Иньянна вцепилась в свой чемодан.

— Нет,— усмехнулась Лилэйв.— Я хочу сказать, что тебя облапошили, если ты думаешь, будто стала владелицей Ниссиморн Проспект.

— Я сама видела бумаги с печатью Понтифекса. Два человека лично доставили их из Ни-Мойи в Велатис. Может быть, я деревенщина, но не такая дура, чтобы пуститься в такое путешествие без доказательств. Я подозревала, да, но я видела официальные документы. Я даже заплатила двадцать роялов налога за регистрацию, и все бумаги были подписаны.

— Ты где остановилась в Стрилэйне? — перебила ее Лилэйв.

— Я еще не думала. В гостинице, наверное.

— Побереги кроны, они тебе понадобятся. Мы устроим тебя у себя на Базаре, а утром навестишь прокторов. Может, они смогут вернуть тебе что-нибудь из потерянного.

так, она стала жертвой мошенников, как и подозревала с самого начала, но даже сейчас, когда это стало почти очевидно, не хотела верить. Эта распушенная девчонка, эта похваляющаяся базарная воровка просто не доверяет тем, кто живет рядом с ней, и оттого видит обман повсюду, даже там, где его нет. Иньянна понимала, что убеждать себя в этом глупо, но бессмысленно было и плакать, возможно, несмотря ни на что, она все-таки имеет какое-то отношение к семье герцога. Но даже если она действительно явилась в Ни-Мойю по дурости, то все же она здесь, в Ни-Мойе, а не в Велатисе, и это само по себе приятно.

Когда паром пришвартовался у пирса, Иньянна впервые увидела вблизи центр Ни-Мойи: сияющие белые башни, подходившие почти к самому краю воды, взметнулись так круто и резко, что казались неустойчивыми, и с трудом верилось, что они не рухнут в реку.

Спускалась ночь, повсюду сияли огни. Перед городскими красотами Иньянна оставалась спокойной, как во сне. Я дома, твердила она себе снова и снова. Я дома, этот город — мой дом, и я чувствую себя здесь, как дома. И все-таки, несмотря на это, она старалась держаться поближе к Лилэйв, пока они пробирались через толпы прибывших и поднимались по проходу на улицу.

В воротах пристани стояли три огромные металлические птицы — гихорны — с драгоценными камнями вместо глаз и широко распростертыми крыльями. Приглядевшись, Иньянна поняла, что гихорна только одна: второй была большая и глупая длинноногая хазенмарл, а третью — с громадным, изогнутым, как серп, клювом, Иньянна не знала.

— Герб города, — объяснила Лилэйв, перехватив взгляд Иньянны. — Ты их увидишь повсюду. Идиотская затея, да еще с драгоценностями вместо глаз.

— И никто их не украл?

— Будь у меня сила, я бы их выковыряла. Но вообще-то они приносят счастье, и болтают, будто без них метаморфы восстанут и вышвырнут нас, башни рухнут, ну и прочий вздор.

— Но если в легенды не верят, почему их не украдут?

Лилэйв рассмеялась коротким фыркающим смехом.

— Кто же их купит? Какой торговец не знает, откуда они, да и Король Снов начнет терзать так, что взвоешь. Я лучше карман цветными стеклами набью, чем глазами птиц Ни-Мойи. Идем сюда! — Она открыла дверцу маленького городского флотера, стоявшего за воротами пристани, и толкнула Иньянну на сиденье. Устроившись рядом, она быстро простучала код на кассе флотера, и маленький экипаж тронулся с места. — Поблагодари своего родственника, что не идешь сейчас пешком, — ухмыльнулась она.

— Что? Кого?

— Галайна, брата герцога. Я расплатилась его кодом: мы разузнали его в прошлом месяце, и многие наши свободно ездят по городу, правда, до тех пор, пока счета за поездки не попадут к его секретарю, тогда код сменяют. Но до тех пор... понимаешь?

— Видимо, я очень наивна, — отозвалась Иньянна. — Я до сих пор верю, что Леди Острова и Король Снов видят наши прегрешения и шлют послания, отбивающие охоту к таким поступкам.

— Так ведь и мы верим, — кивнула Лилэйв. — Убей кого-нибудь, и узнаешь Короля Снов! Но сколько народу на Маджипуре? Восемнадцать миллиардов? Тридцать? Пятьдесят? Ты думаешь, у Короля есть время заниматься каждым, кто бесплатно прокатится на флотере?

— Ну...

— Или теми, кто всучивает чужие дворцы?

Щеки Иньянны вспыхнули, она резко отвернулась.

— Куда мы едем? — спросила она тихо.

— Уже приехали. Большой Базар. Вылезай.

Иньянна вышла за Лилэйв на широкую площадь, с трех сторон огражденную невысокими башенками, а с четвертой — приземистым низким зданием, к

фасаду которого вело множество мелких каменных ступенек. Сотни, если не тысячи горожан в красивых белых туниках Ни-Мойи рекой вытекали из-под арки здания, увенчанной тремя гербовыми птицами.

— Пидруидские ворота,— сказала Лилэйв,— а вообще здесь тринадцать входов и выходов. Сам Базар занимает пятнадцать квадратных миль под землей, правда, не очень глубоко. Это похоже на Лабиринт, верно? Он под улицами центрального района, кстати, туда можно попасть и из некоторых зданий. Можно сказать, город в городе. Наши живут тут сотни лет. Мы потомственные воры, без нас торговцам пришлось бы хуже.

— Я держала лавку в Велатисе. У нас там нет воров, да, по-моему, и особой нужды в них не было,— сухо отозвалась Иньянна, пока они спустились по ступенькам к воротам Большого Базара.

— Здесь все по-другому,— заметила Лилэйв.

Базар тянулся во все стороны путаницей пассажиров, сводчатых ниш, проходов, тоннелей и галерей, ярко освещенных, разделяющихся и подразделяющихся на бесконечные маленькие лавки. «Небо» над головой было затянуто желтой искрящейся тканью, светящейся собственным внутренним светом. Одно это поразило Иньянну больше, чем все, что ей уже довелось здесь увидеть: она сама недавно продавала в лавке искристую ткань по три рояла за рулон, а такого рулона едва хватало на отделку небольшой комнаты. Душа ее дрогнула перед мыслью о пятнадцати квадратных милях этого материала, а в уме она тщетно пыталась прикинуть стоимость. Да, подобные излишества можно было встретить только нервным смехом.

Они шли все дальше. Одна маленькая улочка, казалось, ничем не отличалась от предыдущей, и на каждой — суматоха, суeta у лавок с фарфором и материей, столовыми приборами и одеждой, фруктами и мясом, зеленью и лакомствами; повсюду винные палатки и лавки со специями, галереи с драгоценностями, везде продавали жареную колбасу, сушеную рыбу и прочие закуски. Лилэйв знала точно, куда сворачивать на развилках, какой из бесчисленных одинаковых проходов ведет куда нужно; она шла решительно и быстро, лишь время от

времени задерживаясь, чтобы обзавестись на обед то куском рыбы, то фляжкой вина, которые мастерски стягивала с прилавков. Несколько раз торговцы замечали ее проделки, но лишь улыбались.

Заинтригованная, Иньянна спросила:

— Почему они не возмущаются?

— Они меня знают. Я ведь тебе говорила, нас, воров, здесь уважают. Мы им необходимы.

— Не понимаю.

— Мы поддерживаем на Базаре порядок. Никто не ворует тут, кроме нас, а мы берем лишь самое необходимое, и к тому же не пускаем сюда залетных любителей. Каково бы им пришлось, если бы каждый десятый из этой толпы набивал свою сумку краденым товаром? А мы их останавливаем. Сколько нас, известно всем. Понимаешь, мы вроде сборщиков налогов... Стой! — последние слова ее относились не к Иньянне, а к мальчишке лет двенадцати, черноволосому и скользкому, как угорь, который рылся среди охотничьих ножей в открытом ящике прилавка. Быстрым рывком Лилэйв поймала мальчишку за руку и тем же движением схватила щупальце вроона, стоявшего в нескольких футах в тени. Иньянна услышала, как она заговорила низким пронзительным голосом, но не смогла разобрать ни слова; стычка мгновенно завершилась, и вроон с мальчишкой улизнули.

— Что случилось? — не поняла Иньянна.

— Ножи таскали. Мальчишка передавал их вроону. Я им предложила убраться, и поскорее, или мои братья оторвут вроону щупальца и накормят ими мальчишку.

— Неужели такое делают?

— Нет, конечно, но ведь они-то этого не знают. Им известно, что лишь уважаемые и известные воры крадут на Базаре. Мы здесь, как прокторы, и... Вот здесь мы и живем. Ты мой гость.

овая знакомая жила в комнате, отделанной белым камнем, одной из цепочки семи или восьми таких же комнат, расположенных под частью Большого Базара, отданной торговцам сырами и маслом. Потайная дверца и веревочная лестница вели в подземные помещения, и в ту минуту, когда Иньянна начала спуск, дверца захлопнулась, отрезав невыносимый шум и гул Базара, и лишь приятный запах красного стоензарского сыра, пронизывавший каменные стены, напоминал о том, что находится над головой.

— Наша берлога, — объявила Лилэйв, просвистела какую-то мелодию, и из комнат появились люди, оборванные, плутоватые, тощие, очень похожие на Лилэйв, будто сделанные по одному проекту.

— Мои братья Сидэйн и Ханэйн, — принялась перечислять Лилэйв. — Моя сестра Медилл Фарэйн. Мои двоюродные братья Авэйн и Атэйн. А это мой дядя Агормэйл, глава нашего клана. Дядя, это Иньянна Форлэйн из Велатиса, которой за двадцать роялов продали Ниссиморн Проспект. Я ее встретила на барже, она поживет у нас и будет вором.

Иньянна задыхнулась.

— Я...

Агормэйл напыщенно сделал жест благословения.

— Будьте одним из нас. Вы можете носить мужскую одежду?

Сбитая с толку, Иньянна сказала:

— Да, но я не...

— У меня есть младший брат, он тоже в нашей гильдии, но живет в Авендройне среди Изменяющих Форму и не был в Ни-Моее несколько лет. Вы возьмете его имя и займете его место. Так, пожалуй, проще... Дайте-ка мне ваши руки. — Она послушно протянула руки. Ладони его были влажными и мягкими. Он посмотрел в ее глаза и произнес низким напряженным голосом: — Ваша настоящая жизнь только начинается. Все, что происходило прежде, было только сном. Теперь вы — вор, и ваше имя Калибай.

Он моргнул и добавил:

— А двадцать роялов за Ниссиморн Проспект совсем недорого.

— Это была лишь плата за регистрацию наследства,— сказала Иньянна.— Они уверяли меня, будто я должна получить наследство от бабушки.

— Ну, если так, вы устройте нам грандиозное празднество за гостеприимство, согласны?— Агор-мэйл засмеялся.— Авэйн, вина! Сидэйн, Ханэйн, найдите одежду дяде Калибаю. Эй, кто-нибудь, музыку! Покажем новичку нашу жизнь. Медилл, постели гостю.— Маленький человечек важно приплясывал, отдавая приказания...

Иньянна, в смятении от его неистовой энергии, приняла чашу с вином, позволила одному из братьев примерить на себя тунику и с трудом пыталась удержать в памяти поток имен.

В комнате теперь собрались прочие местные обитатели, в основном — люди, но были еще три серолицых хьорта и, к изумлению Иньянны, двое высоких молчаливых метаморфов. Хоть она и привыкла иметь с ними дело в своей лавке, Иньянна не ожидала, что семья Лилэйв ютится с загадочными туземцами под одной крышей. Но, может быть, подумала она, воры-метаморфы сами считаются париями среди своих сородичей, и потому помогают остальным гильдиям воров.

Импровизированная вечеринка продолжалась несколько часов. Воры, кажется, соперничали между собой, стараясь привлечь ее внимание: ей дарили маленькие безделушки, рассказывали сплетни, приглашали танцевать. Раньше воры представлялись ей естественными врагами, но эти люди, оборванные и отвергнутые, были дружелюбны и открыты. Иньянна и в мыслях не держала заняться их профессией, но понимала, что судьба могла отнестись к ней и гораздо хуже, чем просто ввергнуть в клан Лилэйв.

Спала она урывками и несколько раз просыпалась, не понимая, где находится, но в конце концов усталость взяла свое, и она погрузилась в глубокий сон. Обычно ее будил рассвет, но в эту пещеру он не заглядывал, и когда она проснулась, мог быть любой час дня или ночи.

Лилэйв улыбнулась ей.

— Должно быть, ты ужасно устала?

— Я долго спала?

— Ну, пока не выпалась.

Иньянна огляделась — повсюду виднелись следы вечеринки: пустые фляжки, чаши, тарелки, предметы туалета, не было только воров. Они на утреннем промысле, объяснила Лилэйв. Она показала Иньянне, где можно умыться и привести себя в порядок, после чего они поднялись по веревочной лестнице и окунулись в водоворот Большого Базара.

День был такой же оживленный, как и предыдущий, но теперь все казалось менее сказочным — и ткань не такая яркая, атмосфера не так заряжена электричеством. Обычный, хоть и большой, переполненный толпой рынок — сегодня он не казался Иньянне загадочной вселенной.

Они немного задержались, чтобы украсть еды на завтрак с трех-четырех прилавков, причем Лилэйв занималась этим откровенно бесстыдно и походя смеялась над смущением Иньянны, которая все больше убеждалась, что ей никогда не стать воровкой. Затем, продолжая шагать по невероятно путанным лабиринтам Базара, они вдруг вырвались на чистый живительный воздух открытого мира.

— Мы вышли из Пилипловских ворот, — заметила Лилэйв. — Отсюда ближе всего до представительства Понтифекса.

Путь оказался недолгим, но ошеломляющим: вокруг, в каждом уголке, таились новые чудеса. На одном из великолепных бульваров Иньянна обратила внимание на поток яркого сияния, словно второе солнце светило из мостовой. Лилэйв объяснила, что это начинается Кристаллический Бульвар, сияющий днем и ночью, когда освещается фонарями. С другой улицы она увидела то, что могло быть только дворцом Герцога Ни-Мойи, стоявшим на востоке города в месте, где Цимр резко поворачивал, загибаясь к югу. Он выглядел копьём — стеклянным и каменным одновременно, покоящимся на многочисленных колоннах, огромный даже на таком большом расстоянии и окруженный парком, казавшимся настоящим ковром зелени. Еще один поворот, и Иньянна увидела нечто похожее на распушенную стеклянно-хрустальную паутину неведомого насекомого, подвешенную над необъятно широкой аллеей. «Галерея Тонкой Ткани, — хмыкнула Лилэйв. — Тут

товары по карману только богачам. Может, и ты когда-нибудь будешь сорить роялями в здешних лавках... Вот и пришли — Прогулочная Родамаунтская. Сейчас узнаем о твоём наследстве».

Улица круто поворачивала к безликим башням одинаковой высоты, а потом в противоположную сторону к невысоким, зато огромным зданиям, очевидно, правительственным учреждениям. Иньянна была подавлена столь сложным комплексом контор, но Лилэйв, относившаяся к правительству без какого-либо смущения, быстро расспросила кое-кого и повела Иньянну внутрь по коридорам, почти не уступавшим запутанностью лабиринту Большого Базара; в конце концов, Иньянна обнаружила, что сидит в большом и ярко освещенном зале и следит за мелькающими именами на световом табло. Через полчаса появилось и ее имя.

— Там Бюро по наследованию?— спросила она, когда они входили.

— Нет,— буркнула Лилэйв.— Это прокторы. Если кто и сумеет тебе помочь, то только они.

Хьорт с угрюмым обрюзгшим лицом и глазами, выпученными, как у всех его соплеменников, попросил изложить суть дела, и Иньянна, поколебавшись сначала, выложила свою историю: приехавшие из Ни-Мойи, наследство, двадцать роялов...

Хьорт по мере ее рассказа облокотился на стол, принялся тереть щеки и, смущая Иньянну, вращать своими огромными шарообразными глазами. Когда она закончила, он взял расписку и задумчиво пробежался толстыми пальцами по гребню печати Понтифекса. Потом мрачно сказал:

— Вы уже девятнадцатая наследница Ниссиморн Проспект, приехавшая за этот год в Ни-Мойю, и боюсь, будет больше. Гораздо больше.

— Девятнадцатая?

— По нашим сведениям. Другие могут и не решиться надоедать прокторам рассказом о мошенниках.

— Мошенники?— повторила Иньянна.— Но как? Они показывали мне документы, генеалогическое древо, бумаги с моим именем — неужели они проделали путь от Ни-Мойи до Велатиса, чтобы только выманить у меня двадцать роялов?

— Почему же только у вас?— отозвался хьорт.— Скорее всего, в Велатисе обнаружатся еще трое-четверо наследников Ниссиморн Проспект, да пятеро в Нарабале, семеро в Тил-Омоне и десяток в Пидруиде — создать генеалогическое древо да подделать документы труда не составит. Двадцать роялов от одного, тридцать от другого и приятное времяпрепровождение, если вы не живете на одном месте.

— Но ведь это незаконно!

— Разумеется,— согласился хьорт.

— И Король Снов...

— Накажет их, можете быть уверены, правда, не сильно, да и мы наложим штраф, когда арестуем. Кстати, вы нам окажете огромную помощь, если составите их описание.

— А мои двадцать роялов?

Хьорт пожал плечами.

— Значит, нет надежды их вернуть?— настойчиво продолжала Иньянна.

— Никакой.

— Но тогда я теряю все.

— От имени Понтифекса приношу вам самые искренние соболезнования.

И это было все.

Выйдя, Иньянна резко бросила Лилэйв:

— Покажи мне Ниссиморн Проспект.

— Но ты убедилась...

— Что он не мой? Конечно. Но я хочу его увидеть. Хочу знать, что мне продали за двадцать роялов.

— Зачем тебе это?

— Пожалуйста,— повторила Иньянна.

— Хорошо, идем,— согласилась Лилэйв.

Они снова сели во флотер, как вчера на пристани, и Лилэйв набрала маршрут. Широко раскрытыми глазами Иньянна смотрела вокруг, пока маленький экипаж нес их по величественной Ни-Мойе. Под теплым полуденным солнцем все казалось омытым светом, и город пылал, но не холодной красотой хрустального Дулорна, а трепещущим, чувственным великолепием, отражающимся от каждой омытой белым светом стены и улицы.

Лилэйв вкратце описывала знаменитые места, по которым они проезжали. «Музей Миров,— говорила

она, указывая на огромное строение, увенчанное тиарой.— Тут хранятся сокровища тысяч планет, кое-что даже со Старой Земли. А это Комната Волшебства, здесь все о магии и сновидениях. Никогда тут не была. А там — видишь трех птиц, символ города, на Фронтоне? — Городской Дворец, где живет гражданский мэръ».

Они свернули к подножию холмов у реки.

— В этой части гавани плавучие рестораны,— продолжала Лилэйв, обводя панораму широким жестом.— Девять из них — настоящие маленькие островки. Говорят, на каждом подают блюда отдельной провинции Маджипура. Когда-нибудь мы там закусим, в каждом из девяти, а?

Иньянна печально улыбнулась.

— Приятно будет об этом помечтать.

— Не грусти, у нас впереди жизнь, а жизнь вора вполне приличная. В свое время я побродила по всем улицам Ни-Мойи, да и сейчас могу шляться куда и когда захочу, а ты будешь ходить со мной. Между прочим, в Гимбелии есть Парк Легендарных Животных, где собраны твари, что вымерли давным-давно: сигимонсы и галвары, димилионы и все такое прочее, а еще Дом Оперы, где играет Муниципальный оркестр — слыхала о нашем оркестре? Тысяча инструментов, ничего подобного во Вселенной, а еще... О, нам сюда!

Они вышли из флотера и остановились у речной насыпи. Перед ними лежал Цимр, величайшая река на свете, такая широкая в этой части, что с трудом можно было разобрать противоположный берег, и смутно-смутно проглядывалась зеленая линия Ниссиморна на горизонте. Слева Иньянна увидела забор из металлических копий в два человеческих роста высотой, отстоящих друг от друга на восемьдесят футов и соединенных почти невидимой паутиной, издающей глубокий и зловещий гул. За этой оградой раскинулся удивительно красивый сад с прореженными изящными кустами облома в золотых, бирюзовых и алых цветах; лужайки были так аккуратно и коротко подстрижены, что можно было разглядеть тянувшиеся из почвы корни. Чуть подальше земля начинала подниматься, и сам особняк стоял на скальном выступе, вздымаясь над гаванью — это был поразительной величины дворец,

белостенный, по обычаю Ни-Мойи, уменьшенная копия Герцогского Дворца, стоявшего неподалеку на набережной. Ниссиморн Проспект показался Иньянне самым красивым зданием, какое она видела в Ни-Мойе. И вот это она думала унаследовать! Девушка засмеялась, потом побежала вдоль ограды, остановилась и снова принялась рассматривать огромный дом, и смех ее лился, словно кто-то сказал ей подлинную правду Вселенной, правду, содержащую тайну всех истин, вызвавшую взрыв смеха.

Лилэйв бежала за ней, прося остановиться, но Иньянна вновь сорвалась с места, как одержимая. Наконец она очутилась у парадных ворот, где двое слоподобных скандаров в безупречных белых ливреях стояли на страже, выразительно скрестив руки на груди.

Иньянна продолжала хохотать. Скандары хмурились.

Лилэйв, подбежав сзади, дергала Иньянну за рукав, понуждая убраться, пока не начались неприятности.

— Подожди, — попросила Иньянна, задыхаясь от смеха, и подошла к скандарам. — Вы на службе Галайна?

Они молча смотрели на нее.

— Передайте своему хозяину, — безмятежно продолжала Иньянна, — что была Иньянна из Велатиса, осматривала дом, но, к сожалению, не смогла зайти отобедать. Благодарю вас.

— Идем, — настойчиво прошептала Лилэйв.

Гнев начал сменять равнодушие на волосатых лицах огромных стражей, Иньянна грациозно отсалютовала им, вновь согнулась от смеха, кивнула Лилэйв, и они помчались обратно к флотеру.

П

6

Прошло довольно много времени, прежде чем Иньянна вновь увидела в Ни-Мойе свет солнца — теперь она жила жизнью вора в глубинах Большого Базара. Поначалу она и не думала осваивать ремесло Лилэйв и ее семейства, но практичный взгляд на вещи вскоре заставил ее

пересмотреть свои нравственные принципы. Она не могла вернуться в Велатис, да и не хотела после того, как впервые увидела Ни-Мойю. Ничего не ждало ее дома, кроме торговли клеем да гвоздями, поддельным атласом и фонарями из Тил-Омона. Но чтобы оставаться в Ни-Мойе, нужно было искать себе средства на жизнь, а она ничего не умела, разве что торговать, но чтобы торговать и открыть лавку, требовался капитал, которого у нее не было. И довольно скоро, после того, как последние деньги были истрачены (она не собиралась жить на милостыню новых друзей, приютивших ее в своем обществе, а иных перспектив у нее не было), воровская жизнь стала казаться ей вполне приемлемой. Пусть она была чужда ее природе, но теперь, ограбленная мошенниками, Иньянна смотрела на вещи иначе, чем раньше. В конце концов она решилась надеть мужскую одежду — рост у нее был довольно высокий, и костюм она носила, хоть и неуклюже, но вполне правдоподобно, чтобы сойти за мужчину, — и под именем Калибая, младшего брата главаря Агормэйла, вступила в гильдию воров.

Лилэйв стала ее наставницей. Три дня Иньянна ходила за ней по пятам по Базару и внимательно следила, как девушка с лавандовыми волосами легко снимает с прилавков товар. Кое-какие приемы оказались довольно грубыми, как, например, примерять плащ в лавке и вдруг исчезнуть в толпе. Некоторые трюки выглядели фокусами, ловкостью рук, а другие требовали тщательно разработанного плана. И еще была обязанность пресекать действия воров-любителей. Дважды за три дня Иньянна видела, как это делает Лилэйв — рука на запястье, холодный гнев в глазах, резкий шепот, и в результате страх, извинения, поспешное бегство нарушителей. Иньянна сомневалась, что у нее когда-нибудь хватит смелости поступить так же. Это казалось ей трудней, чем само воровство, а ведь она еще вовсе не была уверена, что сумеет заставить себя воровать.

На четвертый день Лилэйв объявила:

— Принеси мне фляжку с молоком морского дракона и пару фляжек с золотистым вином Пидруида.

— Но ведь они стоят роял за штуку! — про-
бормотала перепуганная Иньянна.

— Не может быть!

— Может, лучше начать с колбас?

— Стянуть редкое вино не так уж трудно, —
заметила Лилэйв, — и значительно более выгодно.

— Я не готова....

— Ты просто так думаешь. Ты же видела, как
это делается, и можешь сделать сама. Ты зря бо-
ишься, Иньянна, у тебя душа вора.

— Как ты можешь так говорить! — с ожесточе-
нием воскликнула бывшая лавочница.

— Тише, тише, я имела в виду только хорошее.

Иньянна кивнула:

— Пусть так, но ты ошибаешься.

— По-моему, ты себя просто недооцениваешь, —
сказала Лилэйв, — кое-какие черты в твоем харак-
тере лучше видны со стороны. Я их заметила, когда
ты любовалась Ниссиморн Проспект. Итак, принеси
мне фляжку пидруидского золотистого и драконьего
молока. Хватит болтовни! Ты воровка нашей гиль-
дии, и нынче твой задел.

Не было никакой возможности избежать этого,
но не было и причины рисковать, занимаясь этим
в одиночку. И Иньянна попросила Атэйва составить
ей компанию. Они вместе отправились на Проход
Оссера, где с важным видом вошли в винную па-
латку — двое молодых повес, решивших купить
себе немного радости.

Иньянну охватило странное спокойствие. Она
выбросила из головы все мысли, не относящиеся к
делу, как-то: нравственность, частная собственность
или боязнь наказания, тем более, что раньше она
была лавочницей, а сейчас хотела пощипать собрата
по профессии, и не стоило усложнять ситуацию
философскими колебаниями.

За прилавком стоял хайрог: ледяные, никогда
не мигающие глаза, чешуйчатая кожа, змеящиеся
волосы. Иньянна, стараясь, чтобы голос звучал по
возможности проникновенно, понтересовалась сто-
имостью молока морского дракона в прозрачном
сосуде, в то время как Атэйв копался среди бутылок
с дешевым красным вином. Хайрог назвал цену.
Иньянна всем видом показала, что шокирована.
Хайрог пожал плечами. Иньянна взяла лежавшую

сверху прозрачную емкость и, хмурясь, начала рассматривать бледно-голубую жидкость. Потом сказала:

— Оно темнее, чем обычно.

— Оно меняется год от года. И у разных драконов молоко разное.

— Но считается, что все должно соответствовать стандарту.

— Разумеется, соответствует,— бросил хайрог с видом, равнозначным человеческому злобному взгляду под деланой улыбкой.— Несколько глотков, человек, и ты сможешь трудиться целую ночь.

— Дайте-ка мне минуту подумать,— попросила Иньянна.— Роял — сумма немалая, независимо от того, какой будет результат.

Это был знак Атэйву. Тот обернулся.

— И эта дрянь из Мазадоны действительно стоит три кроны штука? Я уверен, что последние недели ее продают по две.

— Если найдете по две, покупайте по две,— ответил хайрог.

С хмурым видом Атэйв потянулся, слегка наклонившись, словно собирался поставить бутылку на полку, но покачнулся и свалил целый штабель флажек. Хайрог зашипел от гнева. Атэйв, бормоча извинения, неуклюже попытался поставить все на место и уронил еще больше. Хайрог встревоженно вскрикнул, бросился к товарам, и они с Атэйвом, мешая друг другу, начали восстанавливать порядок, а Иньянна, запихнув флажку с драконьим молоком под тунику, добавила к ней две флажки золотистого и со словами: «Я, пожалуй, поищу где-нибудь подешевле»,— вышла из палатки.

Она с трудом заставляла себя не бежать, хотя щеки ее пылали, и она была уверена, что все прохожие видят в ней воровку, лавочники вот-вот поднимут шум да и сам хайрог сейчас выскочит следом. Она заставила себя спокойно дойти до угла, где свернула налево и пошла дальше, направляясь к рядам с маслами и сырами, где ее поджидала Лилэйв.

— На,— сказала Иньянна.— Они жгут мне грудь.

— Отлично сработано,— обнадежила ее Лилэйв.— Нынче ночью выпьем золотистого в твою честь.

— И драконьего молока?

— Сохрани его,— серьезно посоветовала девушка.— Выпьешь его с Галайном в ночь, когда тебя пригласят на обед в Ниссиморн Проспект.

Ночью Иньянна несколько часов лежала с открытыми глазами, боясь, что сон принесет послание, а с ним и наказание. Вино выпили, но фляжка драконьего молока лежала у нее под подушкой, и она испытывала желание выскользнуть наружу и вернуть ее хайрогу, — сказывались поколения предков-лавочников. Воровка, думала она, воровка, воровка, я стала воровкой в Ни-Мойе. Почему я так поступила, по какому праву? По тому же, ответила она себе, по какому та парочка украла мои двадцать роялов. Но при чем здесь хайрог? Если они украли у меня, я краду у него, он, что же, тоже пойдет красть? Прости меня, Леди, подумала она, Король Снов истерзает мою душу. Но в конце концов, она не могла не спать вечно, и наконец уснула, и пришедшие сны были чудесными и величавыми, и она беззвучно скользила над городскими аллеями, над Кристаллическим Бульваром, над Музеем Миров, над Комнатой Волшебства в Ниссиморн Проспект, где ее принял в объятия брат герцога. Сон смутил ее, она ни в коем случае не могла видеть в нем наказание. Где же нравственность? Это противоречило всему, во что она верила. Получалось, словно сама судьба предназначила ей быть воровкой. Все, что произошло с ней за минувший год, подводило к этому. Так может, она стала тем, кем стала по воле Дивин? Иньянна улыбнулась своим мыслям. Какой цинизм! Она не может противиться судьбе.

на крада часто и хорошо, страх попасться прошел через несколько дней. Иньянна свободно рассказывала по Большому Базару, иногда с кем-нибудь, иногда одна, прибирая все, что плохо лежит. Это было так легко, что начинало казаться почти не похожим на преступление, тем более, что Базар был всегда переполнен — население Ни-Мойи,

говорили, составляло тридцать миллионов жителей, и, казалось, все они находились на Базаре одновременно. Здесь шумели, торговались, спорили, и Иньянна с удовольствием вносила свою лепту в реку этого бытия.

Большая часть добычи у нее не задерживалась. Профессиональный вор редко хранил у себя что-нибудь, кроме еды, и почти все трофеи немедленно продавались. Эта обязанность лежала на хьортах. Их было трое — Бьорк, Ханх и Мозинхант — и они входили в широко раскинутую сеть скупщиков краденого, состоявшую в основном из их соплеменников; скупщики быстро вывозили краденое с Базара, а потом продавали товары по законным каналам, и зачастую те возвращались к тем же торговцам, у которых были украдены. Иньянна быстро постигла, какие вещи нужно и можно красть, а какие нет.

Поскольку Иньянна была новичком, действовать ей было легко. Не все торговцы Большого Базара благодушно относились к гильдии воров, некоторые знали в лицо Лилэйв, Атэйва, Сидэйна и остальных и приказывали им убираться из своих лавок, едва те там появлялись. Но молодой человек Калибай был неизвестен никому, и Иньянна могла бы обирать лавки в здешнем столпотворении еще несколько лет, прежде чем ее начали бы узнавать.

Опасность грозила не столько от владельцев лавок, сколько от воров других семейств Базара. В лицо они ее пока не знали, а глаза у них были намного зорче, чем у торговцев, и за первые десять дней ее трижды хватали за руку. Страшно было чувствовать чужую руку на своем запястье, но она никогда не терялась, оставалась спокойной и говорила просто: «Вы нарушаете договоренность. Я Калибай, брат Агормэйла». Это действовало мгновенно, и после третьего случая ее больше не беспокоили.

Но решиться самой на такие действия оказалось гораздо сложнее. Сначала она не умела отличать законных воров от любителей и колебалась, хватать крадущего за руку или нет. Она удивительно легко научилась замечать кражи, но если рядом не было кого-то из клана Агормэйла, чтобы посоветоваться, то ничего не предпринимала. Разуме-

ется, постепенно она начала узнавать многих законных представителей гильдии, хотя все равно почти каждый день замечала новую фигуру, роющуюся среди товаров, и, наконец, через несколько недель она решилась, думая, что если наткнется на законного вора, то всегда может извиниться. Суть системы заключалась в том, чтобы не просто красть, но и охранять, и она понимала, что отлынивает от обязанностей.

Первой ее задержанной оказалась угрюмая девушка, воровавшая зелень; говорить Иньянне ничего не пришлось, поскольку девушка в ужасе выронила все и улетучилась. Следующим оказался старейший вор, дальний родственник Агормэйла, который любезно разъяснил Иньянне ее ошибку, зато третий был любителем, но не испугался и отвечал на увещевания Иньянны руганью и невнятными угрозами. Иньянна холодно ответила, что семь человек следят за ними и немедленно вмешаются в случае затруднений, после чего испарился и этот. В дальнейшем она не испытывала сомнений и действовала спокойно и уверенно.

Само по себе воровство не тревожило больше ее совесть, но в глубине души она ждала мести Короля Снов, считая, что погрязла в грехах, и когда, еще не заснув, закрывала глаза, кошмары и мучения лихорадили душу, но то ли Король Снов не считал мелкие кражи грехом, то ли он и его помощники наказывали за более тяжкие преступления, то ли у него просто не хватало на нее времени, но по каким-то причинам он не посылал ей посланий. Правда, порой она видела его во сне — жестокого, старого великана-людоеда, посылавшего дурные вести с обожженного и бесплодного Сувраеля, — но в этом не было ничего необычного, поскольку время от времени он появлялся в снах у каждого, и это ничего не означало. Иногда Иньянна видела благословенную Леди Острова Сна, нежную мать Коронала Лорда Малибора, и ей казалось, будто она печально покачивает головой, словно говоря, что горько разочаровалась в своей девочке Иньянне. Но упрекать тех, кто сбился с праведного пути, было выше сил Леди, и при таком отсутствии нравственных поправок Иньянна быстро научилась смотреть на новую профессию как на что-то обычное.

Со временем она взяла в любовники Сидэйна, старшего брата Лилэйв. Ростом он был ниже Иньянны и так костляв, что обниматься с ним в постели было небезопасно. Но человек он был мягкий и задумчивый, сносно играл на карманной арфе и пел старинные баллады чистым воздушным тенором. Чаше всего они ходили теперь на дело вместе, и она находила его самым приятным спутником. Пришлось, правда, произвести некоторую перестановку спальных мест в логове Агормэйла, чтобы проводить ночи вместе, но остальные смотрели на это милостиво.

В компании Сидэйна она забредала все дальше и дальше по улицам чудесного города. Часто они за час-два выполняли дневную норму и были свободны весь оставшийся день: общая договоренность воров Большого Базара позволяла красть столько, сколько можно взять с прилавка, но не больше, и, покончив с делами, Иньянна выходила на улицы Ни-Мойи. Одним из ее любимых мест стал Парк Легендарных Животных в холмистом пригороде Гимбелия, где она могла часами бродить среди давно вымерших животных, населявших Маджипур до появления цивилизации. Она любовалась шатконогими димилионами, хрупкими длинношеими створчатыми чомперсами, высотой в два роста скандара, изысканными сигимонами с густо заросшими мехом кончиками хвостов, неуклюжими на вид большеклювыми птицами зампидон, что некогда покрывали небо над Ни-Мойей огромными стаями, а сейчас остались только в Парке. Изобретенные в древние времена механизмы и приспособления заговаривали всякий раз, когда кто-нибудь из прогуливающихся подходил близко к экспонатам, сообщая название и место их обитания. Еще в Парке имелись прелестные уединенные поляны, где Иньянна и Сидэйн молча прогуливались рука в руке, потому что Сидэйн не был болтуном.

Иногда они катались на лодке, подъезжая к Ниссиморну, а иногда спускались по Цимру до устья Стейша, по которому, если подняться выше, можно было попасть на территорию метаморфов. Но такое путешествие заняло бы слишком много времени, и они добирались лишь до маленькой рыбацкой деревушки лиименов, к югу от Нисси-

морна, где покупали свежей рыбы и устраивали пикник на пляже, плавали и лежали под солнцем. Или безлунными вечерами шли на Кристаллический Бульвар, где вращавшиеся фонари бросали на мостовую поразительный, вечно изменчивый свет. Иной раз они обедали в каком-нибудь из плавучих ресторанов, и тогда прихватывали с собой Лилэйв, которая любила эти места больше других. Каждый островок являл собой миниатюрную копию далекой провинции с ее растительностью и животным миром, и блюда здесь подавали характерные для нее, например, в ветренном Пилиплоке кормили мясом морских драконов; влажный Нарабал славился изобилием ягод и сочных папоротников, а были еще кухни огромного Сти с Замковой Горы, и Стоена, и Пидруида, и Тил-Омона, но только не Велатиса, что совсем не удивило Иньянну, и даже не Пьюрифайна — провинции Изменяющих Форму, так же, как кухни опаленного солнцем далекого Сувраеля. Пьюрифайн и Сувраель были местами, которые большая часть населения Маджипура предпочитала не вспоминать, а Велатис просто не заслуживал внимания.

Все имеющиеся островки Иньянна и Сидэйн навещали довольно часто. Еще одним ее любимым местом стала Галерея Тонкой Ткани — висевший высоко над улицами балкон в милю длиной, где находились самые дорогие магазины Ни-Мойи, о которых говорили, что они лучшие из всех, имеющих на Цимроеле и даже в Замковой Горе. Собираясь туда, Иньянна и Сидэйн наряжались в самые лучшие одежды, которые позаимствовали в лучших лавках Большого Базара. При этом они, разумеется, не подделывались под аристократов, но все же наряды были на разряд выше тех, в которых они щеголяли в повседневной жизни. Иньянна снимала костюм и надевала легкое женское платье, темно-красное с зеленым, распускала длинные золотистые волосы и, легонько касаясь кончиками пальцев руки Сидэйна, величественно прогуливалась по Галерее, предаваясь приятным мечтам, пока они рассматривали драгоценности, украшенные перьями маски или шлифованные амулеты и металлические безделушки, только за одну из которых пришлось бы выложить пару пригоршней блестящих

роялов — целое состояние. Иньянна знала, что ни одна из этих вещей никогда не будет принадлежать ей. Воровать, почти не опасаясь, можно было на Большом Базаре, но не здесь.

В одну из таких прогулок по Галерее Иньянна попала на глаза Галайну, брату герцога.

8

на, конечно, и не заметила, как это произошло. Была ночь позднего лета, и она надела самое легкое свое платье из материи, казавшейся легче паутинки. Они с Сидэйном зашли в магазинчик, где торговали резьбой по кости морских драконов, поглядеть на необычные, с ноготь величиной, шедевры капитанов-скандаров, вырезавших за время долгих путешествий тончайшие узоры на кости. Когда четыре человека в мантиях, по которым сразу угадывались аристократы, вошли внутрь, Сидэйн затаился в уголке, понимая, что и одежда, и манера ее носить, и стриженные волосы говорят, что он здесь не ровня никому. Но Иньянна, сознавая, что линии ее тела и холодный блеск зеленых глаз могут возместить отсутствие необходимых манер, дерзко осталась у прилавка. Один из вошедших взглянул на фигурку в ее руке и сказал:

— Купив ее, вы не прогадаете.

— А я и не собираюсь ничего покупать,— отозвалась Иньянна.

— Можно взглянуть?

Она опустила фигурку в его ладонь, и в тот же миг ее глаза встретились с его взглядом. Он улыбнулся, но сразу перевел внимание на резную фигурку, карту-глобус Маджипура, собранную из множества подогнанных друг к другу кусочков кости. Минуту спустя он бросил владельцу:

— Сколько?

— Дарю,— в тон ему отозвался высокий и суровый хайрог.

— В самом деле? Ну, а я — вам.— И незнакомец бросил игрушку на ладонь пораженной Иньянны. Улыбка его стала еще шире.

— Вы из Ни-Мойи?— спросил он.

— Я живу в Стилэйне,— ответила Иньянна.

— Вы часто обедаете в плавучем ресторане Нарабала?

— Когда есть настроение.

— Отлично. Не заглянетели вы туда завтра вечером? Там будет еще кое-кто, кому не терпится продолжить знакомство.

Скрывая замешательство, Иньянна чуть наклонила голову. Незнакомец с поклоном отвернулся, затем купил три маленькие безделушки, бросил на прилавок мешочек с монетами, и все четверо вышли. Иньянна с изумлением смотрела на изящную фигурку в руке. Сидэйн, возникнув из тени, шепнул:

— Она стоит два десятка роялов! Продай ее снова хозяину.

— Нет,— отрезала она и повернулась к хозяину.— Кто это был?

— Разве вы с ним не знакомы?

— Иначе я бы не спрашивала.

— Да, да...— хайрог испустил тихий свистящий звук.— Его зовут Дюранд Ливолк, постельничий герцога.

— А те трое?

— Двое на службе у герцога, а их товарищ — брат герцога Галайн.

— О!— прошептала Иньянна и протянула резной шарик хозяину.— Можно повесить его на цепочку?

— Одну минуту.

— А цена цепочки будет ему соответствовать?

Хайрог подарил ей долгий прикидывающий взгляд.

— Цепочка лишь прилагается к резьбе,— сказал он наконец,— а поскольку сувенир подарен, то с цепочкой будет так же.— Он подобрал изящные золотые звенья к маленькому шарiku и упаковал безделушку в коробочку.

— С цепочкой по меньшей мере двадцать пять роялов,— пробормотал пораженный Сидэйн, когда они вышли.— Иньянна, давай зайдем в другой магазин и продадим?

— Это подарок,— холодно ответила она.— Я надену его завтра вечером, к обеду на Нарабальском острове.

Она не могла пойти на обед в платье, которое носила вечером, а чтобы найти другое такое же нарядное и воздушное, пришлось потратить два часа в лавках Большого Базара. Наконец она наткнулась на одно, скрывающее наготу чисто символически, однако окутывающее тело тайной. Она надела его к обеду на Нарабальском островке, и глобус висел на цепочке, покоясь в ложбинке между грудей.

В ресторане ее ждали. Сойдя с паром, она была встречена темным, сосредоточенным врооном в герцогской ливрее, проводившим ее сквозь буйную зелень листвы, виноградных лоз и папоротников в тенистую беседку, уединенную и душистую, находившуюся в части островка, которую густая растительность отделяла от основной площади ресторана. Здесь за мерцающим столом из полированного дерева ее ждали трое; виноградные лозы образовывали шатер над головой, и с их толстых стеблей свешивалась гирлянда гигантских синих цветов. За столом сидели Дюранд Ливолк, подаривший ей резную безделушку, стройная темноволосая женщина, такая же гладкая и лоснящаяся, как стол, и человек вдвое старше Иньянны, хрупкого телосложения, с тонкими поджатыми губами и мягкими чертами лица. Все трое были одеты столь роскошно, что Иньянне сделалось неловко за свои лохмотья. Дюранд Ливолк встал и подошел к ней со словами:

— Вы сегодня еще прелестнее, чем тогда. Идемте, я представлю вам своих друзей. Моя приятельница, госпожа Тискорна, и...

Изящный человек встал.

— Галайн из Ни-Мойи,— сказал он просто, мягким и невыразительным голосом.

Иньянна смутилась, но лишь на мгновение. Она то решила, что постельничий хочет ее для себя, теперь же до нее дошло, что Дюранд Ливолк просто приглашал ее для брата герцога. Негодование на миг вспыхнуло в ней, но сразу угасло. Что тут оскорбительного? Многим ли молодым женщинам довелось обедать на Нарабальском островке с братом герцога? И если кому-то покажется, что ее используют, пусть так.

Место ей приготовили рядом с Галайном. Она села, и вроон мгновенно подал поднос с ликерами,

все совершенно незнакомые, она выбрала наугад один, с привкусом горных туманов, и сразу же начало покалывать щеки и в голове зазвенели колокольчики. Начался легкий дождь, стуча по блестящим широким листьям деревьев и виноградным лозам, но ни капли не проникло в беседку. Буйная зелень тропиков на этом островке выращивалась под искусственными дождями, имитирующими климат Нарабала.

— У вас есть здесь любимые блюда? — осведомился Галайн.

— Полагаюсь на ваш вкус.

— Благодарю. У вас иное произношение, чем в Ни-Мое.

— Я из Велатиса, — объяснила Иньянна, — и приехала сюда только в прошлом году.

— Мудрое решение, — заметил Дюранд Ливолк.

— А можно узнать, что побудило вас к этому?

Иньянна рассмеялась.

— По-моему, не стоит рассказывать эту историю сейчас.

— У вас очень милый выговор, — сказал Галайн. — Мы здесь редко вспоминаем о Велатисе. Красивый город?

— Едва ли.

— Угнездился в Гонхарах. Наверное, красиво, когда со всех сторон величественные горы?

— Может быть. Но, прожив там всю жизнь, не обращаешь внимания на величие. Возможно, даже Ни-Моя покажется клеткой тому, кто здесь родился и вырос.

— Где вы живете? — поинтересовалась Тискорна.

— В Стрилэйне, — ответила Иньянна, а затем добавила: — На Большом Базаре.

— На Большом Базаре?

— Да, под рядами с сыром.

— И по каким же причинам, — сказала Тискорна, — вы избрали это место своим домом?

— Ну, — беспечно произнесла Иньянна, — там ближе всего до моей работы.

— В молочных рядах? — воскликнула Тискорна. В голосе ее слышались нотки ужаса.

— Вы меня не так поняли. Я работаю на Базаре, но не торгую. Я — воровка.

Слово слетело с губ молнией, ударившей в вершину горы. Иньянна перехватила испуганный взгляд Галайна к Дюранду Ливолку, а лицо последнего налилось кровью. Но они были аристократами и вели себя соответственно. Галайн первым оправился от удивления и, холодно улыбнувшись, сказал:

— Я всегда верил, что профессия накладывает отпечаток. В вашем случае это грация и остроумие.— Он коснулся своим бокалом бокала Иньянны.— Я приветствую вора, открыто заявляющего, что он вор. Такая откровенность отсутствует у многих честных людей.

Вернулся вроон, неся большую фарфоровую чашу, полную бледно-голубых ягод, казавшихся восковыми, с белыми кончиками. Иньянна узнала току — излюбленное лакомство Нарабала, — которая, как говорили, горячит кровь и расширяет сосуды. Она взяла несколько ягод, Тискорна предусмотрительно выбрала одну, Дюранд Ливолк зачерпнул пригоршню, Галайн тоже. Иньянна обратила внимание, что брат герцога ест ягоды с семенами, утверждая, что так полезнее. Тискорна отщипывала кусочками.

Затем пошли вина, кусочки пряной рыбы, устрицы, плавающие в собственном соку, грибные салаты, и наконец вырезка ароматного мяса из ноги гигантского билантона, как пояснил Галайн. Иньянна ела помаленьку, стараясь попробовать все.

Немного погодя пришли жонглеры-скандары и устроили чудесное представление с факелами, кинжалами, булавами, заслужив горячие аплодисменты присутствующих. Галайн протянул грубым четырехруким существам блестящую монету — пять роялов, заметила изумленная Иньянна. Потом вновь начался дождь, хотя на них не упало ни капли, а еще позже, когда по второму кругу отведали напитки, Дюранд Ливолк и Тискорна извинились и оставили Галайна с Иньянной в одиночестве сидеть в туманной мгле.

— Вы действительно воровка?— спросил Галайн.

— Действительно. Но это произошло случайно, а вообще я владею лавкой в Велатисе.

— И что же произошло?

— Я потеряла все благодаря обману и без денег явилась в Ни-Мойю, а здесь попала к ворам, оказавшимся людьми умными и симпатичными.

— А теперь попала к еще большим ворам,— заметил Галайн.— Вас это не тревожит?

— Разве вы считаете себя вором?

— Я занимаю высокое положение лишь по стечению обстоятельств, только потому, что удачно родился. Я не работаю, разве что помогаю брату, если понадобится, и живу в роскоши, невообразимой для большинства людей. Но ничего этого я не заслужил сам. Вы видели мой дом?

— Я его хорошо изучила. Снаружи, конечно.

— Если хотите, можете осмотреть и изнутри... сегодня.

Иньянна мельком подумала о Сидэйне, ждавшем ее в белой комнате под сырными рядами.

— Почему бы и нет, очень хочу,— кивнула она.— И когда увижу, расскажу вам небольшую историю обо мне, Ниссиморн Проспект и о том, как я попала в Ни-Мойю.

— Уверен, это будет очень интересно. Так мы едем?

— Да,— улыбнулась Иньянна.— Вас не затруднит сначала остановиться у Базара?

— Впереди целая ночь, — ответил Галайн. — Нам некуда торопиться.

Одетый в ливрею вроон освещал им путь сквозь буйную зелень сада до причала островка, где Галайна ждал личный паром, доставивший их на берег. Пока они высаживались, был подогнан флотер, и Иньянна быстро очутилась на площади у Пидруидских ворот. «Я только на минуту»,— прошептала она и в прозрачном платье сразу растворилась в толпе, даже в этот час заполнявшей Базар. В подземном логове воры уже собрались за столом и играли в кости. Они одобрительно загудели и зааплодировали при ее величественном появлении, но она ответила лишь быстрой улыбкой и отвела в сторону Сидэйна.

— Я сейчас ухожу,— тихо сказала она,— на всю ночь. Ты меня прощаешь?

— Не всякой женщине дано поразить воображение постельничего герцога.

— Не постельничего, — усмехнулась Иньянна, — а брата герцога.

Она легонько коснулась губами губ Сидэйна, стоявшего с остекленевшими от изумления глазами.

— Завтра снова пойдем в Парк Легендарных Животных, ладно? — Она еще раз поцеловала его, зашла в спальню и достала из-под подушки фляжку с молоком дракона, которую прятала там несколько месяцев.

Возвращаясь, она задержалась у игрового стола, наклонилась поближе к Лилэйв и развела руками, показывая фляжку. Глаза у девушки сделались круглыми. Иньянна подмигнула и сказала:

— Помнишь, для чего я ее берегла? Ты хотела, чтобы я выпила ее с Галайном, когда попаду в Ниссиморн Проспект, и вот...

Девушка глядела на нее с раскрытым ртом. Иньянна подмигнула ей еще раз, поцеловала и вышла.

Гораздо позже, глубокой ночью, когда она достала фляжку и предложила ее Галайну, ее вдруг охватила паника, не нарушает ли она какой-нибудь этикет, предлагая средство для усиления полового влечения брату герцога, подразумевая этим его бессилие. Но Галайн не выказал никакой обиды. Он спокойно принял ее дар, спокойно разлил бледно-голубую жидкость в фарфоровые чашки со столь тонкими стенками, что они казались почти прозрачными, и вложил одну в руку девушки, вторую поднял сам. Молоко дракона оказалось горьким на вкус, и Иньянна с трудом проглотила его, но выпив, сразу ощутила нарастающий жар, запульсировавший в бедрах. Галайн улыбнулся. Они находились в Оконном зале Ниссиморн Проспект, где единая полоса окаймленного золотом стекла открывала круговой обзор гавани Ни-Мойи и далекого южного берега реки. Галайн коснулся переключателя. Огромное окно потемнело, из пола внезапно поднялось круглое ложе. Он лег на него и притянул Иньянну к себе.

стать любовницей брата герцога было достаточно для честолюбия воровки с Большого Базара. Иньянна не питала иллюзий относительно своей связи с Галайном. Дюранд Ливолк выбрал ее, вероятно, углядев что-то в ее глазах, волосах или в том, как она держала себя; Галайна же, видимо, ожидавшего, что она окажется женщиной не столь низкого положения, заинтриговала связь с женщиной с самого дна общества, и потому она получила вечер на Нарабальском островке и ночь в Ниссиморн Проспект; приятное, хотя и краткое исполнение мечты. Она знала, что утром вернется на Большой Базар, и память о случившемся останется навсегда.

Но вышло не совсем так.

Они не спали всю ночь — то ли это было действие молока дракона, то ли он всегда так неистощим в любви — и на рассвете, обнаженные, прошли по величественному зданию, и он показал ей свои богатства, а позже, когда завтракали на балконе, висящем над садом, он предложил прогуляться по своему парку в Истмо́е. В конце концов приключение оказалось не на одну ночь. Сначала она подумывала отправить Сидэйну весточку, что не вернется днем, но потом поняла, что ему это совершенно не нужно. Он и так истолкует ее молчание правильно. Правда, она не хотела причинять ему боль, но, с другой стороны, не была ли его собственностью — так, вульгарная связь. А в ее жизни сейчас происходило великое событие, и когда она вернется на Большой Базар, то сделает это не ради Сидэйна, а просто потому, что приключение закончится.

Вот так и получилось, что она провела с Галайном шесть дней. Днем они катались на его великолепной яхте, гуляли в саду, куда привозили лишние экспонаты из Парка Легендарных Животных, или просто сидели на балконе Ниссиморн Проспект, любуясь солнечной колеей, тянувшейся через весь континент от Пилиплока до Пидруида. А к ночи начинались праздничные пиршества, то

на одном из плавучих островков, то в огромном Городском Дворце, а один раз в Палатах самого герцога.

Ростом герцог был не ниже Галайна, но гораздо крупнее и намного старше. Манеры его были утомительны для окружающих и совсем не мягкие! Тем не менее, с Иньянной он держал себя любезно, ни разу не позволил себе намекнуть, что брат его спутался с уличной девкой с Большого Базара. Иньянна как бы плыла сквозь эти вечера, бесстрастно воспринимая окружающее, будто видела сон. Она понимала, что выказывать страх было бы грубо и неприлично, а требовать равенства — еще хуже. Она избрала для себя спокойную сдержанность, и это оказалось лучше всего. Через несколько дней ей казалось вполне естественным сидеть за одним столом с высшими сановниками города, вернувшись недавно из Замка со сплетнями о Коронале Лорде Малиборе и его окружении, или с теми, кто рассказывал об охотах в северных болотах с Понтифексом Тиверасом в ту пору, когда он был еще Короналом при Понтифексе Оссере, или с теми, кто приехал из Внутреннего Храма после встречи с Леди Острова Сна.

Она так непринужденно чувствовала себя в компании великих, что обратиться к ней кто-нибудь с вопросом: «А как вы, госпожа, провели последние месяцы?», она бы легко ответила: «Как и положено воровке с Большого Базара». Но подобных вопросов не возникало. На таком уровне общества не потворствуют праздному любопытству, но преподносят свои рассказы так, как кому хочется.

Поэтому, когда на седьмой день Галайн поинтересовался, не хочет ли она вернуться на Большой Базар, она не стала спрашивать, пресытился ли он ее обществом или просто устал. Он взял ее в любовницы на время, и время это истекло. Что же, эту неделю она никогда не забудет.

И все-таки возвращение оказалось ударом. Роскошный флотер доставил ее от Ниссиморн Проспект к Пидруидским воротам Большого Базара, и служанка Галайна держала в руках узелок с подарками, которые преподносил ей любовник за время их совместного проживания.

После того, как флотер исчез среди городских улиц, Иньянна окунулась в неистовый хаос Большого Базара и словно очнулась после долгого колдовского сна. Пока она шла между переполненными покупателями рядами лавок, палаток и магазинов, никто не окликнул ее, ведь ее знали как Калибая, а сейчас она была одета в женское платье. Она молча шла через кружившуюся толпу, еще омытая аурой аристократичности, и чувствовала, что с каждой минутой теряет ее. Сон кончился, она снова живет наяву.

Сегодня вечером Галайн обедает с гостем, герцогом Мазадоны, а завтра они отправятся рыбачить на яхте вверх по Стейшу, потом... что будет потом, она не знала, но знала, что стащит сегодня фляжку сладкого вина и напьется.

На мгновение на глаза навернулись слезы. Она заставила их исчезнуть, говоря себе, что это глупо, и нужно не жаловаться на возвращение из Ниссиморн Проспект, а радоваться, что провела такую неделю.

В комнате не оказалось никого, кроме хьорта Вьорка и одного из метаморфов. Они лишь кивнули, когда Иньянна появилась в подземной берлоге, а она прошла к себе и переделалась в костюм Калибая. Но сразу вернуться к воровству оказалось выше ее сил. Девушка спрятала мешочек с драгоценностями и безделушками, подаренными Галайном, под свою постель. Продав их, она могла бы жить, не занимаясь воровством, года два, но не собиралась этого делать. Завтра, решила Иньянна, она выйдет на Базар, а сегодня, — она уткнулась в подушку, — снова отдастся Сидэйну.

Слезы вновь навернулись на глаза, и на этот раз она выплакалась, а потом встала, чувствуя себя намного спокойнее, умылась и стала ждать остальных.

Сидэйн приветствовал ее с благородной невозмутимостью: никаких расспросов, никакой обиды, никаких намеков, довольный, что она вернулась, он с улыбкой взял ее руки в свои, предложил глоток только что украденного вина с Алханроеля и рассказал пару случаев, приключившихся на Базаре, пока ее не было. Иньянна старалась понять, не мешает ли ему сознание того, что последним

мужиной, ласкавшим ее тело, был брат самого герцога? Но нет, он потянулся к ней ласково и без колебаний, едва они очутились в постели, и его тощее костлявое тело навалилось на нее.

На следующий день после работы они поехали в Парк Легендарных Животных, где впервые увидели госсималю Глайда, настолько тонкого, что он казался невидимым сбоку. Они смеялись и дурачились.

Однако остальные воры стали относиться к Иньянне с некоторым страхом, поскольку знали, где она была и чем занималась. Одна Лилэйв осмеливалась говорить с ней прямо, и только она спросила:

— Что он увидел в тебе?

— Откуда я знаю? Это было как сон.

— Я думаю, это справедливо.

— Ты о чем?

— Тебя ведь обманули, а так ты хоть как-то возместила свою обиду. Дивин и добра, и зла одинаково, — Лилэйв рассмеялась. — Ты вернула свои двадцать роялов?

Иньянна пришлось признаться, что это так. Однако долг, как оказалось, еще не был полностью оплачен. На следующий старшей, когда она ходила по разменным рядам, снимая «лишние» монеты то тут, то там, она вдруг почувствовала чужую руку на своем запястье и удивилась дураку-вору, не узнавшему ее. Но это была Лилэйв. Лицо ее пылало, глаза сделались круглыми.

— Беги скорей домой! — выдохнула она.

— Что случилось?

— Там ждут два вроона. Тебя зовет Галайн, и они говорят, чтобы ты собрала все свои вещи, потому что больше не вернешься на Большой Базар.

Т

10

ак случилось, что Иньянна Форлэйн, бывшая лавочница из Велатиса и бывшая воровка с Большого Базара, поселилась в Ниссиморн Проспект с Галайном из Ни-Мойи. Галайн ничего не объяснил, и она не просила объяснений. Он хотел ее, и этого было достаточно. Первые несколь-

ко недель она ждала, что однажды утром он попросит ее вернуться на Базар, но ничего подобного не происходило, и по прошествии времени она перестала об этом думать. Теперь, куда бы ни направлялся Галайн, она находилась рядом: и на охоте на гихорн в Болотах Нимра, и в Бесконечном Цирке ослепительного Дулорна, и в Кинторе на празднестве Цезарей, и даже в загадочном Пьюрифайне, где Галайн по поручению брата обследовал земли Изменяющих Форму. Она, безвыездно проводшая в сыром Велатисе двадцать лет жизни, считала само собой разумеющимся сопровождать всюду своего мужчину, однако никогда не забывалась и не теряла иронии, с которой относилась к столь необычной перемене в своей жизни.

Она не удивилась даже, когда обнаружила, что сидит за столом возле самого Коронала. Лорд Малибор прибыл в Ни-Мойю, объезжая Маджипур, и желал показать жителям западного континента, что они так же дороги ему, как и алханроельцы. Герцог задал пиршество, и Иньянна оказалась по правую руку Коронала; слева от нее сидел Галайн, а сам герцог с женой заняли места напротив Лорда Малибора. Иньянна еще в школе заучивала имена: Стиамот, Конфалум, Престимион, Деккерет... Мать частенько рассказывала, что в день ее рождения в Велатис пришла весть о смерти Оссера, и о том, что ставший новым Понтифексом Лорд Тиверас избрал Короналом некоего Малибора из Бомбифала, широколицего мужчину с широко расставленными глазами и тяжелыми бровями. Но то, что такие люди, как Понтифекс или Коронал, действительно существуют, всегда казалось ей нереальным, а тут ее локоть находился в каком-то дюйме от локтя Коронала, и она поражалась, какой массивный и дородный этот человек, чей лик чеканили на всех монетах.

Она предполагала, что Коронал заговорит о положении дел в провинции, но Лорд Малибор болтал, в основном, об охоте, что он забрался так далеко, рассчитывая добыть голову редкого зверя, что только в этом недоступном месте можно добыть его, что он строит новый Тропический зал в Замке, что через год-два вернется туда, и им с Галайном

следует побывать у него в гостях, что Тропический зал к тому времени закончат, он всем понравится, и все увидят там странных зверюг, созданных искусными таксидермистами Замковой Горы.

Иньянне было скучно, однако она заставляла себя вежливо слушать и даже два-три раза сделала удачные замечания.

На рассвете, когда они наконец вернулись в Ниссиморн Проспект и готовились лечь, Галайн сказал ей:

— Коронал собирается устроить охоту на морских драконов. Он хочет отыскать дракона, похожего на колосса Лорда Кинникена, футов в триста длиной.

Уставшая донельзя Иньянна передернула плечами.

— А что, в его Тропическом зале найдется место и для морского дракона?

— Для головы и крыльев наверняка. Но шансов добыть их у него немного. Того дракона видели всего четыре раза после Лорда Кинникена. Правда, если Коронал его не отыщет, он удовольствуется другим.

— И у него есть шанс?

Галайн кивнул.

— Но охота на морских драконов дело опасное, и лучше бы ему не пытаться. Однако он уже заполучил каждую тварь, ползающую по суше, и теперь... В общем, в конце недели мы едем в Пилипкок.

— Мы?

— Коронал просил меня сопровождать его на охоте, — с унылой усмешкой объяснил Галайн. — Сначала он хотел пригласить герцога, но брат отказался, сославшись на дела в провинции. Тогда он попросил меня. Я отказаться не мог.

— Я поеду с тобой? — спросила она.

— Вряд ли это получится.

— О, — произнесла она совершенно спокойно и, помолчав, спросила: — Когда ты вернешься?

— Обычно охота длится не меньше трех месяцев, пока не кончится сезон южных ветров, да еще добираться до Пилипποка, снаряжать судно, а потом возвращаться... Месяцев семь-девять, наверное. К весне вернуться.

— Понимаю.

Галайн лег к ней и прижал к себе.

— Это будет очень долгая разлука для меня, клянусь тебе.

Ей хотелось спросить: неужели ты не можешь отказаться? Или, может, я смогу поехать с тобой?— но она понимала, что это ничего не даст, и не протестовала. Она обняла его, и они занимались любовью до самого восхода солнца.

Накануне отъезда в Пилиплок, где стояли в гавани корабли охотников на драконов, Галайн позвал ее в свой кабинет на верхнем этаже Ниссиморн Проспект и протянул толстую пачку документов.

— Что это?— спросила она, не решаясь взять.

— Наш брачный договор.

— Неумная шутка, господин.

— Это не шутка, Иньянна, совсем не шутка.

— Но...

— Я хотел поговорить с тобой зимой, но тут возникла эта проклятая поездка за драконом и у меня не остается времени. Вот и пришлось поторопить события. Для меня ты не просто любовница, и эти бумаги узаконивают нашу связь.

— Разве наша любовь нуждается в узаконивании?

— Я отправляюсь в рискованную и дурацкую поездку, из которой, естественно, хочу вернуться живым, но в море моя судьба будет в руках Дивин. Как у любовницы у тебя нет прав на наследство, но как у моей жены...

Иньянна была ошарашена.

— Но если риск так велик, лучше откажись от поездки.

— Ты знаешь, что это невозможно. Придется рискнуть. Но я хочу тебя обеспечить. Посмотри бумаги, Иньянна.

Она долго смотрела на документы, разбитые на многочисленные пункты, но ничего не понимала. Жена Галайна? Ей это казалось чудовищным, переходящим все границы. И все же, все же...

Он ждет. Она не хочет отказать ему.

Утром он уехал с Короналом в Пилиплок, и весь день унылая и смущенная Иньянна бродила по коридорам и комнатам Ниссиморн Проспект. Вечером ее пригласил на обед герцог, на следующий вечер Дюранд Ливолк со своей дамой сердца заманили ее на Нарабальский островок. Затем пригла-

шения посыпались одно за другим, так что не оставалось ни минуты свободного времени, и месяцы летели. А потом пришла весть об огромном драконе, напавшем на корабль Лорда Малибора и отправившем его на дно Великого моря. Погибли и Коронал, и все, кто находился с ним на корабле. Новым Короналом был провозглашен некий Вориакс, а по завещанию Галайна Иньянна вступила в полное владение его имуществом, и в частности особняком Ниссиморн Проспект.

К

11

огда закончился траур и пришло время заняться устройством собственных дел, она вызвала одного из управляющих и распорядилась большую сумму денег в виде дара доставить на Большой Базар и вручить вору Агормэйлу и членам его семьи. Так она давала понять, что не забыла их.

— Передайте мне их точные слова, которые они скажут, когда будут получать кошельки, — наказала она управляющему, надеясь, что воры пошлют ей теплые воспоминания о совместно прожитых днях.

Но ни один не сказал ничего интересного — все просто благодарили госпожу Иньянну, кроме одного человека по имени Сидэйн, который наотрез отказался от подарка, несмотря на все уговоры.

Иньянна печально улыбнулась и раздала двадцать роялов, не принятых Сидэйном, детям на улицах, после чего больше не имела никаких дел с ворами Большого Базара и никогда не бывала там.

Несколько лет спустя во время прогулки по лавкам Галереи Тонкой Ткани она обратила внимание на двух подозрительно выглядевших мужчин в магазинчике с безделушками, вырезанными из кости морских драконов. Их движения и то, как они переглядывались, заставляло думать, что это воры, собирающиеся в удобный момент обчистить лавку. Присмотревшись, она поняла вдруг, что видела их раньше — и невысокого коротко остриженного, и второго — бледного с шишковатым лицом.

Она сделала жест сопровождающим, и те быстро окружили парочку.

Иньянна сказала:

— Один из вас — Стойг, второй называет себя Безаном Ормусом, правда, я не помню, кто из вас кто. Зато все остальные детали нашей встречи я помню очень подробно.

Вроон тревожно переглянулся с товарищем.

— Госпожа, — сказал высокий, — вы ошибаетесь. Меня зовут Елакон Морц, а моего друга — Тануз.

— Сейчас, может быть. Но в вашу бытность в Велатисе вас звали по-другому. Вижу, вы сменили мошеннические проделки на обычное воровство. Расскажите-ка мне, сколько еще наследников Ниссиморн Проспект вы отыскиали, прежде чем остановиться?

Теперь в их глазах читалась откровенная паника. Они, казалось, прикидывали шансы прорваться к двери мимо людей Иньянны, но это было бессмысленно, тем более, что стража Галереи заметила происходящее и собралась у выхода снаружи.

— Мы честные торговцы, госпожа, — сказал низенький дрожащим голосом.

— Вы неисправимые мерзавцы, — отрезала Иньянна. — Посмейте только еще раз сказать, что я вас не знаю, и я отправлю вас на каторжные работы!

— Госпожа...

— Говорите правду, — предупредила Иньянна.

— Мы признаем обвинение. Но это было давно. Если мы оскорбили вас, то готовы полностью возместить убытки.

— Оскорбили? — Иньянна расхохоталась. — Скорей уж сослужили великую службу. Я вам только благодарна. Я, Иньянна Форлэйн, лавочница из Велатиса, которую вы надули на двадцать роялов, по воле Дивин стала Иньянной из Ни-Мойи, владелицей Ниссиморн Проспект. — Она кивнула стражникам: — Отведите эту парочку к прокторам и скажите, что доказательства я представлю позже, но прошу отнестись к ним снисходительно — месяца на три исправительных работ или что-нибудь подобное. Потом я возьму их к себе на службу. — Она махнула рукой, мужчин увели, а Иньянна повернулась к хозяину лавки. — Я сожалею о про-

исшедшем. Значит, эти резные гербы города стоят десять роялов за штуку? А что вы скажете о тридцати роялах, если добавить резьбу вот по этим кругам...

ВОРИАКС И ВАЛЕНТИН

Уз всего, что узнал Хиссуне, история Иньянны Форлэйн больше всего тронула его сердце. Отчасти потому, что жила она в его время, и мир ее не казался таким чуждым, как мир художника или Тесме. Но главная причина заключалась в том, что чувства Хиссуне были созвучны чувствам современницы из Велатиса, поскольку и та начинала практически с нуля, лишившись почти всего, но тем не менее, достигла могущества, величия и богатства. Старая истина: Дивин помогает тем, кто помогает себе сам, а Иньянна своими делами, вернее, отношением к делам, внушила уважение. Конечно, счастье ей улыбнулось — она привлекла внимание нужного человека в нужный момент, но разве у других не может быть так же? Во всяком случае, Хиссуне, сам оказавшийся в нужное время в нужном месте, когда Лорд Валентин несколько лет назад скитался по Лабиринту, верил в это. Но мог ли он рассчитывать на что-нибудь выше места писца?

Да! Пусть ему уже восемнадцать и, кажется, поздно делать карьеру — перед ним пример Иньянны Форлэйн. Разве Лорд Валентин, прибывший в Лабиринт, не может в любую минуту послать за ним? Он может вызвать его и сказать: «Хиссуне, ты уже достаточно послужил в этом грязном месте. Хочешь жить у меня в Замке?». Разумеется, да, но он пока не слышал подобных предложений от Коронала и вряд ли услышит. Несмотря на свою богатую фантазию, он никогда не тешил себя несбыточными мечтами, а потому продолжал выполнять свою работу и осмысливать то, познал в Считчике Душ, а потом принялся искать в хранилище запись Лорда Валентина. Это была наглость. Хиссуне понимал, что опасно искушать судьбу: он бы не удивился, если бы вспыхнул свет, зазвенела тревога, стража схватила юного наглеца, непочтительно проникшего в душу самого Коронала. Поэтому больше всего его удивило, что механизм выдал ему запись Лорда Валентина, сделанную очень давно. Хиссуне не колебался...

Их было двое, широкоплечих, высоких и сильных, с черными блестящими глазами, державшихся так, что сразу было видно — они братья. Но они были разными. В одном осталось еще что-то мальчишеское, и это было видно не только по чуть заметной поросли и гладкому лицу, но и по некой теплоте и озорству в его глазах. Старший казался более сдержанным, более суровым, более властным, словно нес на плечах какое-то бремя, наложившее на него отпечаток. Так оно и было: ему, Вориаксу из Галанкса, старшему сыну Канцлера Дамандайна, еще в детстве было прилюдно сказано, что он станет Короналом. Так же было предсказано, что после брата его место займет Валентин, но сам Валентин не питал никаких иллюзий относительно этого — обычные комплименты младшему сыну высокопоставленного лица. Вориакс был старше на восемь лет, и, вне всяких сомнений, если кто и отправится в Замок, это будет именно он. Их отец, Канцлер Дамандайн, был одним из ближайших советников Лорда Тивераса и тоже мог претендовать на роль следующего Коронала, но когда Лорд Ти-

верас стал Понтифексом, он провозгласил Короналом Малибора, правителя Бомбифала, города у подножия Горы. Никто не возражал, несмотря на то, что Малибор, человек довольно резкий, более интересовался охотой и развлечениями, нежели тяжким бременем власти. Валентин тоже еще не родился, но Вориакс рассказывал ему, что отец ничем не выдал разочарования, когда трон получил посторонний человек, хотя он подходил для него лучше всех.

Валентину очень хотелось знать, поступит ли Вориакс столь же благородно, если вопреки всем обещаниям ему откажут в короне звездного огня провозгласят Короналом кого-нибудь из высокопоставленных особ — Элидата, например, или Тунигорна. Иногда Валентин тайком произносил их имена, чтобы услышать на слух: Лорд Элидат, Лорд Тунигорн, Лорд Вориакс и даже — Лорд Валентин. Но подобного рода фантазии были глупыми и редко приходили на ум. Валентин не желал место брата, но очень хотел, чтобы именно Вориакс стал Короналом, когда придет время Малибору стать Понтифексом.

Но сейчас сложная путаница дворцовых перестановок была далека от Валентина. Они с братом находились на отдыхе у подножья Горы. Это была давно откладываемая поездка, так как в позапрошлом году во время путешествия со своим другом Элидатом по лесу карликовых деревьев под Амблеморном Валентин сломал ногу и лишь недавно оправился для столь далекого нового путешествия. Это был последний длительный отдых Валентина, поскольку ему исполнилось семнадцать лет и предстояло войти в группу, из которой обычно набирались Короналы и правители городов, а там нужно было научиться многому, после чего начиналась бесконечная работа.

Он ехал с Вориаксом, который под благовидным предлогом — присматривать за братом — удрал от своих обязанностей в Замке, и радовался этому, как мальчишка. От семейного дворца в Галанксе до ближайшего города удовольствия Верхнего Морпина можно было добраться на Колеснице Джагернauta по силовым тоннелям, но Валентину хотелось прокатиться на зеркальных катках. Он вы-

сказал свое пожелание, намекнув, что хотел бы испытать свою сломанную ногу; по лицу Вориакса он понял, что тот сомневается, справится ли Валентин, но будучи человеком тактичным, не высказал сомнения вслух.

Когда они неслись вниз, Вориакс держался возле Валентина, подстраховывая брата. Тому это не понравилось, и он отъехал на несколько шагов, Вориакс не отставал, и так продолжалось до тех пор, пока Валентин не оглянулся.

— Боишься, что я шлепнусь?

— Совсем не боюсь.

— Тогда чего прилип? Сам боишься грохнуться?— Валентин расхохотался.— Не волнуйся, я успею тебя подхватить.

— Ты, как всегда, рассудителен, брат,— улыбнулся Вориакс в ответ. А затем катки развернули зеркала, и больше не осталось времени для шуток. Какое-то мгновение Валентин чувствовал себя неловко (зеркальные катки не для калек, а после перелома осталась легкая, но приводящая в ярость хромота), но быстро ухватил ритм и выпрямился, великолепно балансируя даже на самых бешеных виражах, и когда, крича во все горло, пролетел мимо Вориакса, то заметил, что тревога исчезла с лица брата. Тем не менее, этот эпизод заставил Валентина о многом подумать, пока они спускались до Тентага, где любовались празднеством деревенских танцев, а потом до Эртсуд Гранда, Минимула, и через Гимкандал до Фурибла, города каменных птиц. Обычно, пока они ждали начала скольжения зеркальных катков, Вориакс держался с братом, и его забота о безопасности Валентина казалась последнему чрезмерной и неуместной, но он понимал, что Вориаксом движет братская любовь, и не корил его.

После Фурибла они миновали Восточный и Западный Бимбаки, задержавшись в обоих городах, чтобы полюбоваться башнями — близнецами в милую высоту, вид которых заставлял даже самых чванливых хвастунов чувствовать себя ничтожными муравьями, а за Западным Бимбаком пересели на маунтов и выбрали путь, ведущий к Амблеморну, где десять бешеных потоков сливались, образуя могучую реку Глайд. На нижнем склоне Горы со

стороны Амблеморна находилось плоское пространство в несколько миль в поперечнике с плотной меловой почвой, и деревья тут не превышали роста человека и толщины девичьего запястья. Именно здесь, в этом карликовом лесу, с Валентином и случилось в позапрошлом году несчастье. Он тогда слишком сильно пришпорил маунта там, где этого делать не стоило: коварные корни здесь выдавались над землей. Маунт оступился, и Валентин упал. Нога застряла между двух тонких, но неподатливых деревьев, чьи стволы заостенели за тысячелетия; казалось, прошли месяцы мучений и боли, пока кость медленно ломалась пополам — и целый год его юности исчез из жизни. Зачем они вернулись сюда теперь? Вориакс пробирался по странному лесу так осторожно, словно искал спрятанные сокровища. Наконец, он повернулся к Валентину и сказал:

— Это место кажется зачарованным.

— Объяснение простое. Корни деревьев не могут глубоко проникать в эту твердую почву, и поэтому тянутся даже вверх, цепляясь за все, что попадетсЯ, и все равно умирают от истощения.

— Я знаю,— холодно заметил Вориакс. — Я не сказал, что это место очаровывает, я сказал, оно кажется зачарованным, и даже целый легион колдунов-вроонов не сможет сотворить что-либо столь же безобразное. Однако, я рад возможности еще раз увидеть все это. Поедем дальше?

— Хитрец.

— Я? Я просто...

— ... предлагаю проехать там, где я сломал ногу.

Румяное лицо Вориакса покраснело еще больше.

— Не думаю, что ты упадешь снова.

— Конечно, не думаешь. Но думал, будто я смогу так подумать. Ты ведь веришь, что преодолеть страх означает идти прямо на то, чего боишься, вот и подводишь меня к мысли еще раз проехать здесь, чтобы избавиться от робости, какую этот лес мне будто бы внушает. Вроде бы прямо противоположное тому, как ты меня на зеркальных катках, но, по сути — то же самое.

— Ничего не понял, — пробурчал Вориакс. — Тебя, наверное, лихорадит.

— Еще чего! Так едем?

— Нет.

Сбитый с толку Валентин стукнул кулаком по ладони.

— Ты же только что сам предлагал!

— Да,— согласился Вориакс,— предлагал. Но ты обвиняешь меня в хитрости, а сам полон непонятого гнева и вызова, и если мы поедем по лесу, пока ты в таком состоянии, ты наверняка свалишься опять, и еще что-нибудь сломаешь. Поворачивай, едем в Амблеморн.

— Вориакс...

— Поехали!

— Я сам хочу проехать через лес.— Валентин не сводил глаз с брата.— Сам! Ты едешь со мной или будешь ждать здесь?

— С тобой, конечно.

— Теперь не забудь напомнить мне быть внимательным и смотреть под ноги, потому что там могут оказаться предательские корни.

Вориакс раздраженно дернул щекой и вздохнул.

— Ты не ребенок, и я не стану ничего тебе говорить. И кроме того, если бы я думал, что ты нуждаешься в таких советах, то просто не пустил бы тебя.

Он пришпорил маунта и промчался по узкой тропке между карликовыми деревьями.

Валентин мгновенно последовал за ним, стараясь не отставать. Ехать было тяжело — повсюду подстерегали угрожающие ветви и корни, вроде тех, что сбили его в прошлый раз, когда он здесь ехал с Элидатом, но теперь его маунт твердо ступал по земле и не было нужды натягивать поводья. И хотя воспоминание о падении оставалось ярким, Валентин не испытывал никакого страха, он просто держался внимательнее и знал, что если упадет на этот раз, то последствия будут уже не такими катастрофическими. Еще его удивляло, что он так отреагировал на заботу Вориакса. Наверное, он стал слишком обидчив и чувствителен, раз с такой горячностью восстал против опеки старшего брата, а ведь тот готовился стать владыкой мира, и если даже не будет иметь возможности помочь, ему все равно придется брать на себя ответственность за всех и каждого, особенно за младшего брата. Об-

думав все это, Валентин решил защищаться менее рьяно.

Миновав лес, они въехали в Амблеморн, старейший из городов Замковой Горы, древнюю путаницу улиц и увитых виноградом стен. Отсюда двенадцать тысяч лет назад началось покорение Горы, отсюда совершались первые рискованные вылазки на совершенно голый нарост тридцатимильной высоты, торчавший из почвы Маджипура. Тому, кто всю жизнь прожил в пятидесяти городах среди вечного благоухания весны, трудно представить время, когда Гора была пустой и необитаемой. Но Валентин знал историю первых подъемов на титанические склоны, во время которых первопроходцы поднимали на вершину механизмы, вырабатывавшие тепло и воздух для всей Горы; знал он и о том, как за прошедшие столетия Гора превратилась в место подлинной красоты, увенчанное, наконец, небольшим зданием, воздвигнутым Лордом Стиамотом восемь тысяч лет назад, которое со временем неузнаваемо преобразовалось, превратившись в колоссальный и непостижимый Замок, где царствовал сейчас Лорд Малибор. Они с Вориаксом замерли в благоговении перед монументом в Амблеморне с древней, вырезанной по дереву, надписью:

«Выше все было бесплодно».

Двое суток они провели в Амблеморне, после чего спустились по Долине Глайда к местечку под названием Чиселдорн. Там на краю мрачного и густого леса жили в поселке несколько тысяч человек, переселившиеся сюда из больших городов Горы. Они жили в шатрах, сотканных из черной шерсти диких блавов, пасшихся на заливных лугах у небольшой реки и делились шкурами со своими соседями. Они говорили, будто они чародеи и колдуны, другие уверяли, будто это бродячее племя метаморфов, сумевшее избежать изгнания с Алханроеля, и вынужденные теперь постоянно носить человеческий облик; правда же, как подозревал Валентин, заключалась в том, что народ этот просто отвратительно себя чувствовал в мире торговли и наживы, каким был Маджипур, и это заставляло их жить своей отдельной общиной.

Поздним полуднем они с Вориаксом добрались до холма, с которого увидели лес Чиселдорна, а

сразу за ним деревню черных шатров. Лес выглядел неприветливо: низкие толстоствольные деревья-пингла с прямыми ветвями, росшими под самыми разными углами, тесно переплетались, образуя плотный балдахин, не пропускавший свет. А десятистенные шатры деревни походили на огромных насекомых необычной, строго геометрической формы, замерших на мгновение перед тем, как продолжить свою миграцию через местность, к которой были совершенно безразличны. Валентин всегда испытывал большое любопытство к Чиселдорнскому лесу и его обитателям, но сейчас, добравшись сюда, уже не так страстно стремился проникнуть в их тайны.

Он посмотрел на Вориакса и увидел на лице брата те же сомнения.

— Что будем делать?— спросил он.

— По-моему, лагерь разобьем здесь, а поутру съездим в деревню, поглядим, какой прием нам там окажут.

— Неужели ты думаешь, на лес нападут?

— Нападут? Сильно сомневаюсь. По-моему, они миролюбивее многих наших знакомых. Просто к чему навязываться на ночь глядя, раз и сами мы не хотим? Почему не уважить их стремление к одиночеству?— Вориакс указал на полумесяц покрытой травой земли у реки.— Как, по-твоему, может, поставим лагерь здесь?

Они спешили, пустили маунтов пастись, распаховали мешки и принялись готовить ужин.

Когда они собирали хворост для костра, Валентин заметил:

— Если бы Лорд Малибор охотился за какой-нибудь тварью в здешних местах, интересно, что бы он подумал насчет уединенности здешних жителей, вернее, что бы подумали они?

— Ничто бы не помешало Лорду Малиборну охотиться.

— Точно. И философские мысли его никогда не переполняют. Я думаю, ты будешь гораздо лучшим Короналом, Вориакс.

— Не говори глупостей.

— Это не глупости, а здравое мнение. Любой согласится, что Малибор — профан в государственных делах. И когда ты...

— Замолчи, Валентин!

— Ты будешь Короналом, — убежденно произнес Валентин. — К чему притворятся? Это наверняка произойдет, и скоро. Тиверас очень стар. Через год-другой Малибор переберется в Лабиринт и, несомненно, провозгласит нового Коронала, а так как человек он не глупый, то...

Вориакс ухватил Валентина за руку и сжал ее, в глазах его ясно читалось раздражение.

— Такая болтовня добром не кончится. Прошу тебя, перестань!

— Только одно...

— Я больше не желаю слышать измышлений на тему, кто будет Короналом.

Валентин согласно кивнул.

— Это не измышления, а вопрос брата к брату. Я почти все время думаю об этом. Я больше не буду говорить, что ты станешь Короналом, но очень хочу знать — хочешь ли ты сам быть им? Хочешь ли ты сам нести на своих плечах такое бремя?

После долгого молчания Вориакс ответил:

— От этого бремени никто не сможет отказаться.

. — Но ты хочешь?

— Если судьба определит его мне, разве я могу сказать нет?

— Ты уклоняешься от ответа. Посмотри, какие мы сейчас: богатые, счастливые, свободные. И никаких обязанностей, от которых не продохнешь при дворе. Мы можем делать все, что нравится, ехать, куда заблагорассудится, например, на Остров Сна или на Цимроель поохотиться на Кинторских Болотах — все что угодно! Лишиться всего этого ради короны звездного огня? Возможности ставить подписи под указами? Совершать грандиозные шествия с публичными речами и выступлениями, и в один прекрасный день упокоиться на дне Лабиринта — стоит ли, Вориакс? Неужели ты хочешь этого?

— Какой ты еще мальчишка! — вздохнул Вориакс.

Валентин сник — опять та же снисходительность! Но чуть погодя он понял, что сам заслужил ее своими ребячьими вопросами. Он успокоился и сказал:

— Ничего, когда-нибудь и я возмужаю.

— Да, но для этого тебе еще многое предстоит сделать.

— Несомненно.— Он помолчал.— Хорошо. Ты признаешь неизбежность царствования, если Короналом провозгласят тебя. Но хочешь ли ты стать им? Действительно ли ты стремишься к этому или просто склад характера и чувство долга заставляют тебя готовиться занять трон?

— Я,— медленно начал Вориакс,— готовлю себя не для трона, а на определенную роль в правительстве Маджипура, между прочим, так же, как и ты... Да, дело здесь и складе характера, и в чувстве долга для сына Верховного Канцлера Дамандайна, и я верю — для тебя тоже. Если мне предложат трон, я приму его с гордостью и буду нести ношу, как сумею, но я никогда не стремился царствовать и очень мало размышлял на эту тему. А вообще, я нахожу наш разговор утомительным и бесцельным и прошу тебя собирать хворост молча.

Он посмотрел на Валентина и со вздохом отвернулся.

Вопросы расцветали в Валентине, как алабандисы летом, но он подавил их, заметив, как у Вориакса подрагивают губы, и поняв, что тот наглухо замкнулся. Вориакс подбирал и складывал сухие ломкие ветви с силой, совсем не нужной для подобного занятия. Валентин больше не пытался пробить броню брата, хотя не узнал практически ничего из того, что хотел узнать. Правда, по отпору брата он заподозрил, что тот все-таки, действительно, желал царствовать и с увлечением предавался мечтам. А почему бы и нет? Нет ничего дурного в стремлении заслуженно завоевать всеобщую любовь и славу, что, несомненно, и произойдет с Вориаксом, когда он станет Короналом.

Он принес в лагерь связку хвороста и принялся разводить костер. Вориакс вернулся следом. Он упорно молчал, и холодок отчуждения пробежал между братьями, к великому огорчению Валентина.

Он хотел бы извиниться, но это было невозможно: он никогда не просил прощения за содеянное у Вориакса, как и Вориакс у него. Конечно, он и сейчас мог заговорить с братом совершенно свободно, но... этот холодок было тяжело переносить, и если он не исчезнет, то отравит им весь отдых. Валентин торопливо искал возможность восстано-

вить прежние отношения и вскоре нашел — в детстве это срабатывало.

Он подошел к Вориаксу, который в угрюмом молчании нарезал мясо на ужин, и предложил:

— Может, поборемся?

Вориакс вздрогнул.

— Что?

— Да вот, захотелось размяться.

— Ну, так заберись на дерево и попляши на ветвях.

— Всего пару схваток.

— Чушь!

— Почему? Или, если я тебя припечатаю, твое достоинство сильно оскорбится?

— Валентин!

— Ну, ладно, ладно, прости.— Валентин пригнулся, став в борцовскую позу, и вытянул руки.— Ну, пожалуйста, пару схваток, разомнемся перед ужином!

— У тебя нога только-только срослась.

— Но ведь срослась. Можешь бороться в полную силу, не бойся.

— А если треснет кость, а от нас день пути до города с врачевателями?

— Давай,— нетерпеливо подстегнул Валентин.— Чего ты медлишь? Покажи лучше, на что ты способен!— Он пристегнулся, хлопнул в ладоши и сделал вид, будто собирается укусить Вориакса за нос. Тот не выдержал и, вскочив на ноги, бросился на Валентина.

Что-то было не так. Они боролись довольно часто с тех пор, как Валентин достаточно подрос, чтобы быть партнером Вориаксу, и он знал все уловки брата, все его хитрости. Но сейчас он боролся, казалось, с совершенно незнакомым человеком. Словно какой-то метаморф схватился с ним в облике Вориакса. Да нет, виновата нога, понял Валентин. Вориакс сдерживался, не выкладывался в полную силу, был заботлив и осторожен, он снова относился к нему снисходительно. С внезапно вспыхнувшей яростью Валентин сделал выпад, и, хотя в первые минуты этикет предписывал только проверять противника, ухватил Вориакса и перебросил через себя, заставив опуститься на колени. Вориакс выглядел изумленным. Валентин, собравшись с силами, при-

давил плечом брата к земле. Вориакс подобрался и рванулся вверх, в первый раз использовав всю свою громадную силу. Правда, он чуть не лег на землю, но выскользнул из захвата Валентина, перекатился и вскочил на ноги.

Они осторожно принялись кружить вокруг друг друга.

— Вижу, я тебя недооценивал,— произнес Вориакс.— Твоя нога, должно быть, в полном порядке.

— Вот именно, я уже много раз тебе говорил. Я просто чуть прихрамываю, и только. Ну, давай еще раз!

Он снова пригнулся.

Они сцепились, плотно прижав друг друга, так что ни один не мог пошевелить руками, и стояли, как показалось Валентину, час или больше, хотя, наверное, пошло минуты две. Затем он отжал Вориакса назад на несколько дюймов, но тот поднатужился и проделал с Валентином то же самое. Они пыхтели, тяжело дыша, и улыбались друг другу. Валентин только порадовался улыбке брата; она означала, что они снова друзья, что холодок между ними растаял, и Вориакс простил его. В этот миг он просто обнимал брата вместо того, чтобы бороться с ним, но стоило ему чуть расслабиться, Вориакс пригнулся, вырвался и швырнул его на землю, придавив коленом живот и навалившись руками на плечи. Валентин боролся изо всех сил, но долго продержаться в таком положении не мог. Вориакс неуклонно прижимал его плечи книзу, и в конце концов, припечатал к прохладной сырой земле.

— Твоя взяла,— пробормотал Валентин, задыхаясь. Вориакс убрал колено и растянулся рядом. Оба расхохотались.— Но в следующий раз я тебе не сдамся.

Внезапно Валентин услышал аплодисменты, доносившиеся издали.

Он сел, уставившись в сгущающиеся сумерки, и увидел стройную женскую фигуру с необычайно длинными и прямыми черными волосами, стоявшую на опушке леса. Глаза у нее были яркими и мерцающими, губы полными, а непривычного покроя одежду составляли только сшитые между собой ло-

скуты из выдубленной кожи. Валентину она показала довольно старой — лет под тридцать.

— Я наблюдала за вами.— Она приблизилась к ним без каких-либо опасений.— Сначала думала, что вы деретесь по-настоящему, но потом поняла, что вы просто дурачитесь.

— Боролись мы по-настоящему,— буркнул Вориакс,— но и дурачились тоже. Я Вориакс из Галанкса, а это мой брат Валентин.

Она взглянула сначала на одного, потом на другого.

— Да, конечно, братья. А я Тэнанда из Чиселдорна. Могу предсказать ваши судьбы.

— Значит, ты ведьма?— осведомился Валентин. В глазах ее вспыхнули веселые огоньки.

— Пожалуй, ведьма. Что еще?

— Тогда предскажи нам судьбу,— согласился Валентин.

— Подожди,— остановил его Вориакс,— лично мне колдовство не по душе.

— Просто ты слишком здравомыслящий,— заметил Валентин.— Ну что тут плохого? Побывать в Чиселдорне, городе колдунов, и не знать свою судьбу! Чего ты боишься? Это же игра, Вориакс, просто игра!— Он шагнул к ведьме.— Поужинай с нами.

— Валентин...

Валентин дерзко взглянул на брата и засмеялся.

— Я защищу тебя от зла, не бойся!— И тоном ниже добавил:— Мы так долго путешествовали одни, брат. Я просто изголодался по компании.

— Я вижу,— проворчал Вориакс.

Но ведьма была привлекательной, Валентин настойчив, и в конце концов Вориакс не стал возражать против ее присутствия. Он приготовил третью порцию мяса для гостыи, а та на минуту исчезла в лесу, вернулась с фруктами пинглы и показала, как их жарить, чтобы темный сок пропитал нежное мясо. Вскоре после ужина Валентин почувствовал, что голова у него кружится, но усомнился, чтобы это произошло от двух глотков вина. Скорее всего, виноват был сок пинглы. В голове мелькнула мысль о вероломстве, но он сразу отбросил ее — охватившее его головокружение было приятным и даже возбуждающим, и он нашел в нем ничего дурного. Он взглянул на Вориакса, ожидая, что брат, по

природе более подозрительный, уже охвачен смутным страхом, но тот оставался спокойным и веселым — он громко смеялся, потом наклонился к ведьме и что-то сказал. Подумав Валентин положил себе еще мяса. Ночь опустилась на лес, окутав все вокруг костра темнотой, звезды ярко пылали в небе, освещая его вместе с тоненькой лучиной луны. Валентину почудилось, будто он слышит отдаленный звон и нестройное пение, хотя прежде ему казалось, что до Чиселдорна слишком далеко, чтобы звуки могли пробиться через густой лес.

Он решил, что это воображение, взбудораженный соком фруктов.

Пылал костер. Стало прохладнее, и они сбились в кучку, тесно прижавшись друг к другу все трое, и что сначала было вполне невинным, перестало быть таким. Пока они сидели так, Валентин обратил внимание на глаза брата — тот ему подмигнул, как бы говоря: «Мы мужчины, брат, и нынче ночью получим удовольствие».

Валентину приходилось делить женщин с Элидотом или Стасилейном во время веселого кувырка втроем в постели для двоих, но никогда — с Вориаксом, таким сознательным, таким благородным, что всегда восхищало Валентина. Чиселдорнская ведьма сбросила свои кожаные лоскуты и показала свое гибкое тело в свете костра. Валентин опасался, что плоть ее покажется отталкивающей, поскольку она была немного стара для него, но теперь видел, что подобные опасения глупы и объяснялись только его неопытностью — она показалась ему прекрасной сейчас. Он потянулся к ней, наткнулся на руку Вориакса у нее на бедре и игриво шлепнул по ней, будто смахивая насекомое.

Братья рассмеялись, и в их глубокий смех вплелся серебристый смех Тэнанды, и все трое повалились на росистую траву.

Валентин никогда не знал такого неистовства, как той ночью. Какой бы наркотик ни заключался в соке пинглы, своим действием он освобождал от всех запретов и дарил неистощимую энергию; с Вориаксом, видимо, происходило то же самое. Ночь превратилась в ряд обрывочных образов, не связанных между собой. То он лежал, с головой Тэнанды на коленях и поглаживал ее волосы, пока

женщину обнимал Вориакс, и со странным удовлетворением слушал их смешанное прерывистое дыхание, то покоился меж бедер ведьмы, а Вориакс был где-то рядом, но он не мог сказать где. То Тэнанда вдруг оказывалась между ними, лежа животом на одном, пока второй наваливался на нее сверху, то они бежали по речке, плескались и хохотали, а потом бежали греться к костру, и вновь занимались любовью: Валентин и Тэнанда, Вориакс и Тэнанда, Валентин, Тэнанда и Вориакс, и плоть просила плоти до тех пор, пока серый предутренний свет не развеял мрак.

Все трое проснулись, когда солнце пылало высоко в небе. Многие из случившегося ночью исчезло из памяти Валентина, но как и Вориакс, он был свеж и бодр. А улыбающаяся обнаженная ведьма лежала между ними.

— А теперь,— предложила она,— может поговорим о ваших судьбах?

Вориакс издал тяжкий вздох и закашлялся, но Валентин быстро сказал:

— Да-да! Можешь пророчествовать.

— Помогите мне собрать зерна пинглы,— попросила она. Они были разбросаны повсюду — блестящие, черные орешки с красными пятнышками на кожице. Валентин собрал с десятков, и даже Вориакс подобрал несколько. Они отдали зерна Тэнанде, тоже набравшей с пригоршню, и она принялась катать их в кулаках и бросать на землю, словно игральные кости. Пять раз она бросала их, подбирала и бросала снова. Потом собрала в сложенные ладони и вывела ими круг, а оставшиеся выложила внутри круга и долго всматривалась в них, показавшись вдруг Валентину сразу постаревшей.

— Вам уготована высокая судьба,— сказала она наконец.— Но этого мало. Семена гласят большее. Вас обоих ждет опасность.

Вориакс отвернулся, нахмурившись.

— Вы не верите, я вижу,— продолжала Тэнанда.— Но это так, вам угрожает опасность.— Ты,— она указала на Вориакса,— должен опасаться леса, а тебе,— она взглянула на Валентина,— следует держаться подальше от воды, океана.— Она нахмурилась.— И еще от многого; судьба твоя загадочна,

и я не в силах прочесть ее ясно. Линия твоей судьбы ломается, но ты не умрешь, просто случатся большие перемены и какое-то перевоплощение...— Она покачала головой.— Нет, не могу, это сбивает меня с толку.

— М-да...— протянул Вориакс.— Опасайся леса, опасайся воды. Все равно, опасайся, чего хочешь. Вздор!

— Вы будете Короналом,— перебила его Тэнанда.

Вориакс прерывисто задышал, на его лице проступили красные пятна гнева.

Валентин улыбнулся и хлопнул брата по спине.

— Вот видишь?

— Вы тоже будете Короналом.

— Что?— Валентин задохнулся от удивления.— Что за глупости! Твои зерна лгут!

— Если бы так,— пробормотала Тэнанда. Она собрала рассыпанные зерна, быстро швырнула их в реку, потом натянула на бедра свою кожаную юбочку из лоскутков.— Два Коронала — и я провела ночь с обоими! Вы заглянете в Чиселдорн, ваши будущие величия?

— Наверно нет,— произнес Вориакс, не глядя на нее.

— Значит мы больше не увидимся. Прощайте.

И она быстро направилась к лесу. Валентин махнул ей рукой, но ничего не сказал, только беспомощно сжал пальцами воздух; минуту спустя она исчезла из виду. Он повернулся к Вориаксу, который со злостью затапывал угли костра. Вся радость после ночного разгула исчезла.

— Ты был прав,— сказал Валентин.— Не стоило позволять ей пророчествовать. Лес! Океан! И дурацкое утверждение, будто мы оба станем Короналами!

— Что она имела в виду?— задумчиво протянул Вориакс.— Что мы разделим трон, как делили нынче ночью ее тело?

— Этого не будет,— сказал Валентин убежденно.— Как не было ничего подобного за всю историю Маджипура. Глупость!

— Если я стану Короналом,— продолжал Вориакс, не обращая внимания на слова брата,— то как им можешь стать ты?

— Ты меня не слушаешь,— заметил Валентин.— Я ведь сказал — глупость! Не обращай внимания. Она просто обычная дикарка, которая напоила нас ночью. В ее пророчестве нет ни грамма правды.

— Но она сказала, что я буду Короналом...

— Скорее всего, так и будет. Ну и что? Просто случайно угадала.

— А если нет? Если она гениальная провидица?

— Тогда ты точно будешь Короналом.

— А ты? Если она сказала правду обо мне, то и ... сказанное тебе должно сбыться.

— Нет.— Валентин покачал головой.— Пророчество, как обычно, загадочно и двусмысленно. Тэнанда имела в виду что-то другое, а не дословный смысл. Ты будешь Короналом, брат, и это понятно, но, по-моему, в этом есть еще какой-то смысл.

— Меня это пугает, Валентин.

— Что ты станешь Короналом? Что тут страшного? Чего ты боишься?

— Делить трон с братом...

— Этого не будет,— перебил Валентин.— Он поднял валявшуюся на земле одежду, отделил вещи Вориакса и протянул брату.— Помнишь, что я говорил тебе вчера? Я не понимаю, к чему стремиться обладать троном, и я тебе не соперник...— Он сжал руку брата.— Послушай, ты ужасно выглядишь. Неужели болтовня лесной ведьмы так на тебя подействовала? Клянусь, когда ты будешь Короналом, я буду служить тебе и никогда не стану соперником. Клянусь нашей матерью, будущей Леди Острова Сна! И не принимай близко к сердцу того, что было нынче ночью, это все пустяки.

— Может быть, и нет,— протянул Вориакс.

— Наверняка,— стоял на своем Валентин.— Ну что, поедем отсюда?

— Да, пожалуй.

— По крайней мере, тело у нее восхитительное, а?

Вориакс рассмеялся.

— Что да, то да. Мне даже жаль, что больше не удастся ее обнять. Ладно, хватит, я сыт по горло и ею и этим местом. Проедем по Чиселдорну или нет?

— Проедем,— кивнул Валентин.— А какие города тут еще неподалеку?

— Ближайший Джеррик, там полным-полно вранов, потом Митрипонд, Кайли. Я думаю снять в Джеррике жилье и повеселиться несколько дней.

— В Джеррик, так в Джеррик.

— Да, в Джеррик. И не говори мне больше о Короналах и царствованиях, Валентин.

— Обещаю — ни слова. — Валентин засмеялся и обнял Вориакса. — Брат, я несколько раз за нашу поездку думал, что теряю тебя, но теперь вижу — все хорошо.

— Мы никогда не потеряем друг друга, какие бы расстояния нас не разделяли, — сказал Вориакс. — Едем, брат. Надо только упаковать вещи, и... в Джеррик!

Больше они никогда не говорили о ночи, проведенной с лесной ведьмой и о тех странных вещах, которые она предсказала.

Пять лет спустя, когда Лорд Малибор сгинул во время охоты на морских драконов, Вориакс был провозглашен Короналом, чему никто не удивился, и Валентин был первым, кто преклонил перед ним колени.

Со временем Валентин постепенно начал забывать мрачное пророчество Тэнанды, хотя не мог забыть вкуса ее поцелуев и гибкого тела. Но все же иногда он вспоминал ее слова. Два Коронала? Но каким образом? Только один человек мог быть Короналом и восседать на троне, увенчав голову короной звездного огня, Валентин радовался за брата и оставался таким же, каким был.

Только через несколько лет он понял, в чем заключался скрытый смысл пророчества: в том, что после Вориакса он займет его место на троне, хотя никогда прежде на Маджипуре не случалось, чтобы в таких случаях брат наследовал брату. Но когда он понял это, было уже поздно — Вориакс погиб на охоте в лесу, и Валентин, лишившийся брата, в благоговении и изумлении поднялся по ступеням Трона Конфалума.

ЭПИЛОГ

тот эпилог, эти последние минуты, которые какой-то писец впоследствии прибавил

к записи самого Валентина, ошеломили Хиссуне. Довольно долго он сидел неподвижно, затем встал, и, словно во сне, принялся убирать комнату. Образы бурной лесной ночи кружились в сознании: размолвка братьев, ясноглазая ведьма, обнаженные тела, пророчество... Да, два Коронала! И Хиссайн подсматривал за обоими в самые интимные минуты жизни! Он испытывал огромное смущение и подумал, что пришло время отдохнуть от Считчика Душ; сила его воздействия иногда поражала до глубины души, и стоило, наверное, выждать несколько месяцев. Руки его тряслись, когда он шагнул к двери.

Час назад его пропустил к Считчику обычный чиновник, пухлый и большеглазый человек по имени Пенагорн. Он еще не сменился с дежурства и до сих пор сидел за столом, но рядом с ним стоял высокий и сильный человек в зелено-золотой форме службы Коронала. Он сурово оглядел Хиссуне и сказал:

— Могу я взглянуть на ваш пропуск?

Хиссуне остолбенел. Вероятно, они давно знали о его незаконном копании в Считчике Душ и просто ждали, когда он совершит тяжчайшее преступление: проиграет личную запись Коронала.

— Мы вас искали, — сказал человек в форме.
— Пожалуйста, идите за мной.

Хиссуне молча повиновался.

Они вышли из Дома Записей, миновали огромную площадь и очутились у входа на нижние уровни Лабиринта в зале для ожидания флотеров, а затем направились вниз, в таинственное царство, где он ни разу не был. Он сидел неподвижно и оцепенело. Казалось, весь мир сжался до размеров флотера, пока тот накручивал спиральные уровни Лабиринта. Где они сейчас? Это ли место — Тронный Двор, откуда правят миром советники Понтифекса? Хиссуне не знал, и спросить не осмеливался, а сами сопровождающие не проронили ни слова. Ворота следовали за воротами, проход за проходом, уровень за уровнем, и наконец флотер замер. Его вывели из кабины и провели в ярко освещенную комнату. Шесть человек в зелено-золотой форме встали у него по бокам.

Скользнув в стену, открылась дверь, и светловолосый человек в простой белой мантии шагнул внутрь. Хиссуне подскочил:

— Господин!..

— Ну-ну, можно и без этикета, Хиссуне. Ты ведь Хиссуне, не так ли?

— Да, господин, только я вырос.

— Действительно, прошло восемь лет... Ростом ты почти такой же, а уже мужчина. Глупо, конечно, но я представлял тебя все еще мальчишкой. Тебе сейчас восемнадцать?

— Да, господин.

— А сколько было, когда ты впервые забрался в Считчик Душ?

— Значит, вы знаете, господин... — пробормотал Хиссуне, уставившись под ноги.

— Тебе было двенадцать. Мне рассказывали о тебе. Я ведь следил за тобой эти годы. Потом мне сообщили, что ты пробрался к Считчику Душ, и я представил себе мальчишку, увидевшего великое множество вещей, которых иначе он вряд ли увидел бы.

Щеки Хиссуне горели, мысли мчались друг за другом, а на языке вертелись слова: «Час назад, господин, я видел, как вы с братом забавлялись с длинноволосой ведьмой из Чиселдорна». Но, разумеется, он бы скорее умер, чем ляпнул такое вслух. И в тоже время он был уверен, что Лорд Валентин отлично знает об этом, и это угнетало его до невозможности. Он не смел поднять глаза, убеждая себя, что этот высокий светловолосый человек не Валентин из записки, но понимал, что только обманывает себя. Пусть тот черноволосый и темнокожий Валентин был колдовством перенесен в это тело, но личность его осталась той же самой, и Хиссуне подсматривал именно за ним. Эту правду не скроешь!

Юноша удрученно помолчал.

— Что ж, — произнес Лорд Валентин, — ты всегда был торопыгой. Кстати, Считчик показал тебе то, что ты увидел бы и сам.

— Он показал мне Ни-Мойю, господин, — еле слышно возразил Хиссуне, — Сувраель, города Замковой Горы, джунгли Нарабала...

— Только места, географию. В таких случаях Считчик неоценим. Но географию души ты должен познавать сам. Да посмотри на меня, я не сержусь.

— Нет?

— К Считчику Душ тебя допускали по моему приказу. Правда, не для того, чтобы ты глазел на Ни-Мойю или подсматривал за людьми. Я хотел, чтобы ты мог понять настоящий Маджипур, охватить его, впитать в себя. Это было твоё обучение, Хиссуне. Я прав?

— Да, господин, там было так много, что мне хотелось узнать...

— И ты узнал?

— Не все. Ничтожную часть.

— Очень жаль — для тебя. Потому что больше ты к Считчику не попадешь.

— Вы наказываете меня, господин?

Коронал загадочно улыбнулся.

— Наказываю? Как сказать. Ты покидаешь Лабиринт и не вернешься сюда очень долго, даже после того, как я стану Понтифексом, а день этот наступит еще не скоро. Я беру тебя к себе на службу, Хиссуне. Твое обучение закончилось, а

у меня есть для тебя дело. Ты уже взрослый. Ты уже взрослый. — Коронал помолчал. — Твоя семья здесь?

— Да, господин, мать и две сестры.

— Нуждаться они не будут. Попрощайся с ними, уложи вещи, мы уезжаем через три дня.

— Через три дня...

— Да, в Алайсор. Предстоит еще одно шествие. Потом отправимся на Остров Сна, а после заглянем на Цимроель. Думаю, поездка продлится месяцев семь-восемь. Ты будешь при мне, в свите двора.

Коронал снова улыбнулся.

— Я пришлю за тобой завтра утром. Нам ведь нужно о многом поговорить.

Хиссуне низко поклонился, а когда снова поднял голову, Лорда Валентина в комнате уже не было.

Так сбылась несбыточная мечта.

Он вновь последовал со своим эскортом по длинным коридорам и ярко освещенным тоннелям к Дому Записей.

Хиссуне стоял, не зная, что делать. Идти сейчас домой он не мог. Слишком многое произошло за сегодняшний день. И многое нужно было обдумать.

Он повернулся и отправился наверх, к далекому Входу Клинков.

Была ночь. Долгое-долгое время он стоял, не в силах ни думать, ни чувствовать.

Звезды начали меркнуть.

Я буду жить на Замковой Горе, подумал он, буду в свите Коронала, и кто знает, что случится потом?

Больше он думать не мог.

Вспыхнули первые лучи рассвета, а затем могучее сияние озарило небо, предвещая восход, и вся земля наполнилась им.

Хиссуне не двигался. Теплое солнце Маджипура коснулось его лица.

Солнце...солнце...яркое, пылающее солнце, Мать Миров. Он протянул к нему руки, обнял его, рассмеялся и запл.

Затем повернулся и в последний раз вошел в Лабиринт.

ВРЕМЯ

ПЕРЕМЕН

Я — Кинналл Даривал, и я намерен рассказать вам все о себе. 1

Эти слова кажутся мне настолько странными, что режут свой собственный почерк, узнаю вертикальные красивые буквы на плохой серой бумаге — я вижу свое собственное имя, ощущаю в собственном мозгу эхо рефлексов сознания, порожденных этими словами. «Я Кинналл Даривал, и я намерен рассказать вам все о себе». Невероятно!

Это должно быть то, что землянин Швейц назвал бы автобиографией. Это означает отчет о чьих-то мыслях и поступках, записанный им самим же. Такая форма литературы неведома на моей планете — поэтому я должен изобретать свой собственный метод повествования, так как предшественников у меня не было, и научиться у них я не мог. Но будь что будет. На моей родной планете я стою особняком. В определенном смысле слова я придумал новый образ жизни. И, конечно, я могу изобрести новый литературный жанр. Мне всегда твердили, что я обладаю даром выражать свои мысли.

И вот я в дощатом бараке в Выжженных Землях, и в ожидании смерти пишу непристойности, сам себя хваля за литературный дар.

«Я — Кинналл Даривал!»

Жуть! Какое бесстыдство! На одном этом листе я использовал местоимения «я» раз двадцать, не меньше. Преднамеренно разбрасываясь такими словами как «мой», «мне» и «себе» так часто, что даже не удосуживаюсь их сосчитать. Какой-то ливень бесстыдства! Я. Я. Я. Я. Если бы выставил напоказ свое мужское естество в Каменном Соборе Манне — рана в день присвоения имени, то это было бы менее непотребным, чем то, что я сейчас здесь делаю. Мне почти смешно. Кинналл Даривал наедине предается пороку. В этом жалком месте он посылает по ветру свое гнилое естество и возвращает оскорбительное местоимение, надеясь, что порывы горячего ветра загадят его соплеменников. Он выдает предложение за предложением, обуянный неприкрытым бесстыдством. Если бы мог, он схватил бы вас за руку и швырял каскады грязи в ваши уши, отказывающиеся слушать. Почему? Неужели гордый Даривал не самом деле обезумел? Неужели его стойкий дух всецело сокрушен терзающими разум змеями? Неужели от него осталась только оболочка, сидящая в этой мрачной хижине, одержимая самоподхлестыванием с помощью утратившего всякий стыд языка, бормочущая «я», «мы», «себе» смутно угрожая разоблачить самые сокровенные тайники души?

Нет! Это Даривал в здравом уме, а все вы — больны, и, хотя я знаю, насколько безумными звучат мои слова, я буду стоять на своем. Я не лунатик, невнятно шепчущий оскорбления, чтобы получить какое-то болезненное удовольствие от холодной, как лед, Вселенной. Я прошел через пору перемен и излечился от недуга, который поражает тех, кто населяет мою планету, и, изложив на бумаге то, что я намерен написать, я надеюсь в той же мере исцелить и вас, хотя знаю, что вы находитесь на пути к Выжженным Низинам, чтобы убить меня за мои надежды.

е вытравленные ещё во мне остатки обычаев все еще досаждают мне. Возможно, вы уже начинаете постигать, каких усилий стоит мне строить предложения подобным образом, выкручивать падежи и спряжения, чтобы излагать свои мысли от первого лица. Я пишу уже почти десять минут и весь покрылся потом, но не потом, вызванным жгучим воздухом, окружающим меня, а влажным и липким потом душевной борьбы. Я знаю, какой стиль нужно употребить, но мускулы моей правой руки восстают против этого, чтобы изложить эти слова по-старому, а именно: «писание длилось почти десять минут, и тело пишущего покрылось потом», или «пройдя пору перемен, он основательно оправился от недуга, который поражает тех, кто населяет эту планету».

Я предполагаю, что многое из того, что я здесь написал, можно было бы легко изложить по-старому. Без всякого ущерба для смысла. Но я действительно сражаюсь с неопределенно-личной грамматикой своей планеты, и, если должен, смело выйду на бой с моими собственными мускулами, чтобы завоевать право располагать слова в соответствии с моей нынешней философией.

В любом случае, как бы мои прежние привычки ни мешали перестраивать фразы, то, что я хочу сказать, обязательно прорвется через завесу слов. Я могу сказать: «Я Кинналл Даривал, и я намерен вам все о себе рассказать». Но если хорошенько разобраться во всем этом, большой разницы здесь нет. И, тем не менее, содержание утверждения Кинналла Даривала — по вашим меркам, меркам, которые я хотел бы уничтожить — отвратительно, достойно презрения. непристойно!

о меня также беспокоит — по крайней мере на этих первых страницах — что из себя представляет моя аудитория? Я полагаю, потому что обязан предполагать, что у меня обязательно будут читатели. Но кто они? Кто вы?

Мужчины и женщины моей родной планеты, украдкой переворачивающие страницы моего текста при свете факела, вздрагивающие при стуке в дверь от ужаса. Или, быть может, инопланетяне, читающие мой труд ради забавы, листающие мою книгу ради того, чтобы воспользоваться возможностью заглянуть в это чужое и отталкивающее общество. Я не могу установить какого-либо отношения с тобой, мой неизвестный читатель.

Когда я впервые решил выложить на бумагу свою душу, я думал, что это будет просто — обычная исповедь, ничего кроме пространной встречи с воображаемым желающим выпить ее, готовым слушать меня бесконечно, а потом дающим мне отпущение грехов. Но теперь я понимаю, что нужен был другой подход. Если вы не с моей планеты, или же с нее, но живете в другое время — многое здесь может показаться вам непостижимым. Потому я и должен все объяснить. Возможно, мои объяснения будут слишком пространными. Простите, если я буду объяснять то, что вам уже известно. Простите, если в тоне моего повествования и способе изложения появятся логические погрешности и вам покажется, что я пишу как бы отстраняясь от самого себя. Мне трудно придерживаться одного и того же образа, мой неведомый читатель. Для меня ты многолик! То передо мной крючковатый нос исповедника Джидда, то вкрадчивая улыбка моего названного брата Ноима Кондорита, то шелковистость кожи названной сестры Халум... А то вдруг ты становишься этим искусителем Швейцем с ничтожной Земли. Иногда ты мой пра-пра-правнук, еще не родившийся и страстно желающий узнать, какого рода человеком был его далекий предок. Иногда ты некий инопланетянин, для которого Бор-

сен — нелепый, таинственный и трудный для понимания мир. Я не знаю, кто ты, и потому тебе могут показаться неуклюжими попытки говорить с тобой:

Но прежде чем я пропаду, ты познаешь меня так, как едва ли мог бы познать кого-либо другого на Борсене.

Я

4

— человек средних лет. Тридцать раз после моего рождения Борсен сделал полный оборот вокруг своего золотисто-зеленого солнца. Должен заметить, что на нашей планете человека считают старым, если он прожил уже пятьдесят таких оборотов, хотя, по слухам, большинство древних людей умирали в возрасте немногим меньше восьмидесяти оборотов. Исходя из этого ты сам сможешь подсчитать продолжительность нашей жизни в твоей системе летоисчисления — конечно, если ты инопланетянин. Змей-искуситель землянин Швейц говорил как-то, что по меркам его планеты ему было сорок три года, но по внешнему виду он был не старше меня.

У меня сильное тело. Здесь я впадаю в двойной грех не только потому, что говорю о самом себе безо всякого стыда, но также потому, что высказываю гордость и удовольствие, доставляемые мне моим телесным состоянием. Я — высокого роста. Женщины обычно едва достигают моей груди. У меня темные и длинные, ниспадающие на плечи волосы. В последнее время среди них появились седые пряди, так же как и в моей бороде. Пышная и окладистая, она покрывает большую часть моего лица. У меня выступающий прямой нос с широкой переносицей и большими ноздрями, мясистые губы, придающие мне, как говорят, чувственный вид, и широко расставленные темно-коричневые глаза. Как мне давали понять на протяжении всей моей

жизни, это соответствует виду человека, привыкшего командовать другими людьми.

У меня широкая спина и выпуклая грудь. Почти все мое тело заросло густыми и жесткими темными волосами. У меня длинные руки и хорошо развитые мускулы, рельефно выступающие под кожей. Для мужчины средних лет я двигаюсь вполне изящно. Я всегда увлекался всеми видами спорта, а в молодости метал копье через всю длину стадиона в Маннеране. Этот рекорд так и не был ни кем превзойден.

Большинство женщин находят меня привлекательным — точнее, все, кроме тех, которые предпочитают мужчин более утонченных на вид и более похожих на ученых, тех, кого пугают сила, размеры и мужественность настоящих мужчин. Конечно же, политическая власть, бывшая в свое время в моих руках, привлекала немало партнерш на мое ложе, однако их влекло ко мне не только зрелище моего тела, но и нечто более тонкое. И большинство из них разочаровывались во мне. Выпуклые мускулы и пышные волосы вовсе не делают из мужчины искусного любовника, так же как массивность некоторых органов вовсе не гарантирует экстаз. Я не чемпион любовных утех. Как видите, я ничего не скрываю от вас. Никому, даже своему исповеднику, я не признавался в своем неумении удовлетворить женщину и даже не предвидел, что когда-либо решусь на это. Но довольно много женщин на Борсене узнали о моем огромном недостатке самым прямым образом, на собственном опыте и, несомненно, некоторые из них, разозлившись, разнесли эту новость, чтобы можно было насладиться соленой шуткой в мой адрес. Потому я и говорю об это здесь, ради дальнейшего. Я не хочу, чтобы вы думали обо мне, как о могучем волосатом великане, оставаясь в неведении относительно того, сколь часто моя плоть подводила меня. Возможно, этот недостаток был одной из тех сил, которые и предопределили то, что я оказался здесь, в Выжженных Низинах, и вы должны знать об этом.

тец мой был наследным септархом провинции Салла на нашем восточном побережье. Мать — дочерью септарха провинции Глан. Он познакомился с ней, выполняя одно из дипломатических поручений, и их супружество, как говорят, было предрешиено с того самого момента, как они заметили друг друга. Первым их ребенком был мой брат Стиррон, нынешний септарх Саллы, унаследовавший это место от отца. Я был младше него на два года. После меня были еще трое детей — все девочки. Две из них живы и сейчас. Самая младшая из моих сестер была убита налетчиками из Глина около двадцати лун тому назад.

Я плохо знал своего отца. На Борсене каждый является чужаком для другого, но все же отец не отделен от сына, как другие люди. Впрочем, это не относилось к старым септархам. Между нами лежала непроницаемая стена соблюдения строго определенных норм общения и поведения. Обращаясь к нему, мы пользовались теми же уважительными формами, что и его подчиненные. Он улыбался нам столь редко, что я помню все эти случаи. Однажды — и это было незабываемо — он поставил меня рядом с собой, сидя на своем грубом, сколоченном из черного дерева троне, и позволил мне прикоснуться к древней желтой подушке, называя меня при этом моим детским именем. Это случилось в тот день, когда умерла моя мать. Во всех остальных случаях отец не обращал на меня никакого внимания. Я боялся его и любил и, дрожа, таился среди колонн в судебном зале, наблюдая, как он вершит правосудие, думая, что если бы он увидел меня здесь, то непременно наказал бы, и все же я не мог отказать себе в удовольствии видеть отца во всем этом величии.

Как это ни странно, он был достойным мужчиной среднего роста, над которым я и мой брат возвышались башнями даже тогда, когда были еще мальчишками. Но в нем была устрашающая сила воли, которая выручала его во всех затруднениях. Ког-

да-то, во время моего отрочества, в септархию приехал посол — громадный, обожженный солнцем уроженец запада, который остался в моей памяти таким же огромным, как гора Конгорой. Вероятно, он был таким же высоким и широкоплечим, как я сейчас. Во время обеда посол позволил себе залить в горло слишком много вина и прямо перед лицом моего отца, его семьи и придворных, заявил: «Есть такие, кто может показать свою силу людям Саллы и поучить кое-кого борцовскому искусству!»

— Здесь есть и такие,— с внезапной яростью ответил отец,— которым ничему не надо учиться.

— Тогда пусть они выйдут, хотелось бы посмотреть на них,— расхохотался посол. Затем он встал и сбросил с себя плащ. Однако мой отец, улыбаясь так, что эта улыбка заставила затрястись всех его придворных, сказал хвастуну чужестранцу, что будет нечестно заставлять кого-либо состязаться с ним, когда его разум затуманен вином. Это привело посла в такое бешенство, что его невозможно описать словами. Чтобы смягчить напряженность, пришли музыканты, но гнев нашего гостя никак не мог улечься, и самое большее через час, когда винные пары несколько улетучились, он снова потребовал встречи с нашим атлетом. Ни один человек из Саллы, хвастал он, не может противостоять его мощи. Тогда септарх сказал:

— Я сам буду драться с тобой.

В тот вечер мой брат и я сидели в дальнем конце стола, среди женщин, когда прозвучало ошеломляющее слово «я», произнесенное голосом моего отца, а через мгновение слово «сам». Это были непристойности, которые мы с братом часто произносили шепотом в темноте спальни, но мы никогда не представляли себе, что услышим их сказанными в обеденном зале из уст самого септарха. В своем потрясении каждый из нас по-разному прореагировал на это. Стиррон непроизвольно дернулся и опрокинул бокал, я же не сумел сдержать сдавленного смеха, в котором были смущение и восторг, и тут же заработал шлепок от одной из сидящих рядом дам. Смех мой тогда просто маскировал охвативший меня ужас. Я едва мог поверить в то, что моему отцу ведомы такие слова, не говоря уже о том, что он осмеливается произнести

их в таком окружении. «Я сам буду бороться с тобой». Эхо этих запретных слов все еще звучало во мне, когда отец быстро вышел вперед и, сбросив свой плащ, встал перед великаном. Тот еще не успел опомниться от изумления, как септарх обхватил одной рукой бедро гиганта искусным захватом, популярным в Салле и мгновенно поверг хвастуна наземь. Посол истошно закричал, поскольку одна нога его оказалась неестественно вывернутой. От боли и унижения великан принялся стучать ладонью по полу. Вероятно, сейчас во дворце моего брата Стиррона дипломатические встречи проводятся более искусно.

Септарх умер, когда мне было двенадцать лет и уже в этом возрасте у меня впервые появились первые признаки мужского естества. Я был рядом с повелителем, когда смерть забрала его. Чтобы переждать дождливый период, отец каждый год уезжал охотиться в Выжженные Низины, в ту самую местность, где ныне затаился в ожидании я. Я никогда не ездил вместе с ним, но на этот раз мне было разрешено сопровождать отряд всадников, так как теперь я считался молодым принцем и мне необходимо было обучаться искусству моего класса. Стиррон, как будущий септарх, должен был овладевать другим ремеслом. На время отсутствия отца он остался в столице в качестве регента. Экспедиция, состоявшая из примерно двадцати наземных экипажей, катилась на запад под угрюмыми, низко повисшими облаками, по ровной, сырой, насквозь продуваемой ветрами области. В тот год дожди были особенно сильными, они как ножом срезали тонкий слой драгоценной плодородной почвы, оставляя за собой голые скалы, похожие на обглоданные кости. Повсюду фермеры ремонтировали свои ограды и дамбы, но все было бесполезно. Я видел, как непомерно вздувшиеся реки стали желто-коричневыми от утраченного благосостояния Саллы, и готов был заплакать при мысли о том, какие сокровища уносятся в море. Когда мы оказались в западной части Саллы, узкая дорога стала подниматься вверх по склонам холмов гряды Хаштор, и вскоре мы оказались в более сухой и прохладной местности, где с неба падал снег, а не дождь, и где деревьями были просто палки, тор-

чавшие из ослепительной белизны. Мы продолжали свой подъем, следуя по дороге на Конгорой. Местные жители встречали проезжавшего мимо септарха пением гимнов. Гряда постепенно перерастала в могучий хребет, и теперь перед нами высились обнаженные вершины, похожие на пурпурные зубы, вспарывающие серое небо, и даже в своих герметичных кабинах мы ежились от холода, хотя красота этой дикой местности отвлекала разум от неудобств. С этой высоты можно было разглядывать как на картине всю провинцию Салла: белизну западных округов, темный хаос густо заселенного восточного побережья — все уменьшенное во много раз и потому какое-то нереальное. Я никогда еще не был так далеко от дома. Хотя мы были уже на весьма значительной высоте, горные пики системы Хаштор лежали все еще впереди нас и казались непрерывной стеной из камня, пересекавшей весь материк с севера на юг. И где-то далеко впереди сверкали горные вершины. Неужели нам придется взбираться на них, чтобы пересечь хребет? Или существует какой-то проход? Я слышал о вратах Саллы, и наш путь как раз был направлен к ним, однако эти Врата казались мне просто мифом.

Мы все поднимались вверх, пока не стали захлебываться генераторы наших краулеров, и потому приходилось часто останавливаться, чтобы размораживать энергоустановки. Наши головы кружились от недостатка кислорода. Каждую ночь мы проводили в одном из специальных лагерей, которые содержались для путешествующих септархов, но удобства в них были отнюдь не царскими, а в одном весь обслуживающий персонал погиб несколько недель назад, погребенный лавиной, и нам пришлось прокапывать проход в обледеневших сугробах, чтобы войти вовнутрь. Все мы в отряде были людьми знатными и все были вынуждены орудовать лопатами, впрочем, кроме септарха, для которого труд был смертным грехом. Поскольку я был одним из самых высоких и самых сильных в отряде, я копал гораздо энергичнее, чем другие, но был молод и горяч, недооценил свои силы и вскоре свалился и пролежал на снегу почти час, прежде чем меня заметили. После этого ко мне подошел отец и подарил мне одну из своих таких редких улыбок.

Тогда я понял, что это был знак глубокой привязанности, и благодаря этому очень быстро оправился. Однако позднее я пришел к выводу, что скорее это было выражением презрения с его стороны.

Но тогда эта улыбка придала мне силы завершить это дьявольски трудное восхождение. Меня уже больше не беспокоила мысль, сможем ли мы это сделать, так как я знал, что сможем и что по ту сторону гор я и мой отец будем охотиться на рогатых птиц Выжженных Низин, идя вместе и оберегая друг друга от опасности, сотрудничая и выслеживая, и сознавая нашу близость, которой не было никогда прежде за всю прожитую мною жизнь. Я говорил об этом в один из вечеров моему названному брату Ноиму Кондориту, который ехал со мной в моем краулере, и был единственным человеком во Вселенной, с которым я мог говорить о таких вещах.

— Есть надежда попасть в охотничью группу септарха, — сказал я. — Имеются причины думать, что меня пригласят. Таким образом можно будет сократить расстояние между отцом и сыном.

— Это только мечты, — пожал плечами Кондорит. — Ты витаешь в облаках, друг мой.

— Можно было бы надеяться и на более теплые отношения со стороны своего побратима, — сказал я.

Ноим вечно был пессимистом. Не обращая внимания на его слова, я считал дни, оставшиеся до Врет Саллы. Когда мы достигли их, величие этого места застало меня врасплох. Все утро и еще несколько часов мы взбирались по тридцатиградусному склону горы Конгорой. Казалось, что мы вечно будем ползти вверх, а гора будет возвышаться над нами, но тут наш караван повернул налево, и краулеры один за другим стали исчезать за поворотом дороги. Когда подошла наша очередь и мы повернули за угол, перед моими глазами предстала удивительная картина. Широкий пролом в горной стене — словно какая-то могучая рука выломала кусок из Конгороя. И сквозь пролом ослепительно сиял свет. Это и были Врата Саллы — чудесный проход, через который прошли наши предки, переселившиеся в нашу провинцию после странствий в

Выжженных Низинах. Это было много сотен лет тому назад.

Когда мы стали располагаться на ночь, перед нами далеко внизу раскинулось странное величественное Выжженных Низин. Весь следующий и еще один день мы до смешного медленно спускались по головокружительному серпантину. Стоило чуть-чуть не так нажать на педаль сцепления, и машина тут же полетела бы вниз, в головокружительную пропасть.

С этой стороны хребта снега уже не было, и голые скалы выглядели удручающе мертвыми. Земля впереди была красной. Мы углублялись в пустыню, где от каждого вдоха першило в горле и легких, где сухие ветры поднимали целые тучи пыли, где причудливо искривленные звери в ужасе убегали от нашей кавалькады. На шестой день мы достигли охотничьих угодий. В этих местах имелись многочисленные выемки, расположенные намного ниже уровня моря. Сейчас я нахожусь лишь в нескольких часах езды от этого места. Здесь, в этих местах, птицерог устраивает свои гнезда. Весь день они без устали кружат над красноватой местностью, выискивая мясо, и возвращаются в сумерках, быстро опускаясь на землю по сказочным спиральям, и залегают в своих недоступных логовищах.

Я оказался в числе тех тринадцати, что составили группу септарха.

— Повезло! — торжественно сказал Ноим, но на глазах у него были слезы, так же, как и у меня, потому что он знал, какие муки доставляет мне холодное отношение отца. Перед восходом солнца все девять охотничьих групп двинулись в путь в девяти разных направлениях.

Считается постыдным охотиться на птицерогов вблизи их гнезд. Возвышающаяся птица, как правило, нагружена мясом для своих птенцов и потому легко уязвима. Он лишена всякой грации и мощи. Убить обремененную мясом птицу несложно, но только трусливый охотник может попытаться сделать такое. Я хочу сказать, что вся прелесть охоты заключается в трудностях и риске, а не в том, чтобы добыть трофеи. И когда мы охотимся на птицерогов, мы рассматриваем это как вызов на-

шему умению. Отвратительная же плоть этого создания нам безразлична.

Итак, охотники выходят на открытые низины, где даже зимнее солнце жжет немилосердно, где нет деревьев, дающих тень, и родников, чтобы утолить жажду. Охотники расходятся и расходятся в разные стороны, один тут, двое-трое — там, предлагая себя в добычу птицерогу. Эта птица парит на непостижимой высоте, так высоко над головой, что кажется лишь черной точкой на бриллиантовом куполе неба. Требуется острейшее зрение, чтобы обнаружить ее, хотя размах крыльев птицерога вдвое превышает человеческий рост. Со своего высокого места птицерог высматривает неосторожных обитателей пустыни и как только обнаружит подходящую жертву, начинает скользить вниз по нисходящим потокам воздуха, закручивая спираль вокруг ничего не подозревающей жертвы. Круги все уменьшаются, скорость птицы все растет и в конце концов птицерог превращается в ужасающее орудие смерти, которое молнией вырывается из-за горизонта. Теперь жертва уже знает, что ее ждет, но мучения ее продлятся недолго. Грозный шелест могучих крыльев, свист горячего воздуха, а затем естественный лобовой гарпун, растущий из лобовых костей птицы, находит свою цель, и жертва попадает в объятия черных, развевающихся крыльев.

Охотник надеется, что его птицерог опустится достаточно низко и нападет на него, охотника. Обычно у охотника есть дальнобойное оружие, но весь фокус заключается в том, чтобы правильно рассчитать упреждение для столь большого расстояния. Азарт охоты на птицерога заключается в том, что никто не знает, охотником ли он является или же наоборот — жертвой, так как птицерога во время его смертоносного бреющего полета нельзя увидеть до того, как он начинает атаку добычи.

И вот я пошел вперед и стою с рассвета до полудня. Солнце, не скупясь, греет те места моей кожи, которые я осмелился ему подставить. Я одет в ярко-красный охотничий костюм из мягкой кожи. Время от времени я делаю несколько глотков из фляжки, но не больше, чем нужно для того, чтобы выжить. Мне кажется, что на меня устремлены взгляды всех моих товарищей, и я не имею права

проявлять слабость у них на глазах. Мы расположились двойным шестиугольником, и отец находился отдельно от всех остальных, между двумя этими группами. Случилось так, что моя позиция была ближе всех к нему, но все же расстояние было достаточно велико — не менее ста метров, и с утра мы не обменялись даже парой слов. Он стоял твердо, широко расставив ноги, и наблюдал за небом, держа ружье наготове. Если он и пил во время этого ожидания, то я ничего не заметил. Я тоже разглядывал небо, пока у меня не заболели глаза, и я почувствовал, что яркие горячие лучи как бы сверлят мою кожу на голове, а кровь молотом стучит в затылке.

Не один раз мне казалось, что я вижу черную точку тела птицерога, и один раз я был на грани того, чтобы быстро поднять свое ружье. Это навлекло бы на меня позор; так как нельзя стрелять до того, как кто-то первый закричит, что видит цель, и этим закрепит свой приоритет. Я не выстрелил, а когда зажмурился и снова открыл глаза, уже ничего не увидел. Казалось, что в это утро птицерог находился где-то в другом месте.

В полдень отец дал сигнал, и мы разошлись по равнине на большее расстояние друг от друга, сохранив неизменным взаимное расположение. Вероятно, птицерог полагал, что мы расположены слишком близко, и потому не решался на атаку. Моя новая позиция оказалась на вершине невысокого земляного кургана, напоминающего по форме женскую грудь, и когда я занял ее, страх обуял меня. Мне казалось, что я весь на виду и немедленно подвергнусь нападению птицерога. Это чувство было столь сильным, что мне с трудом удавалось держаться на ногах. Я весь дрожал, и чтобы подбодрить себя, все плотнее сжимал руками приклад оружия, напрягая свой слух в надежде мгновенно повернуться и выстрелить еще до того, как меня пронзит гарпун. Одновременно я сурово упрекал себя за малодушие и возносил небесам благодарственную молитву за то, что Стиррон родился раньше меня, поскольку, как я убедился, я не способен унаследовать бремени септарха. Я напоминал себе, что за последнее время подобным образом не был убит ни один охотник. Я спрашивал сам себя, разве

справедливо, что я должен умереть таким молодым, на первой же охоте, тогда как другие, вроде моего отца, охотятся уже тридцать сезонов и ничего с ними не случается. Я попытался понять, почему во мне гнездится этот ошеломляющий страх, тогда как все мои наставники не жалели сил, чтобы приучить меня к мысли, что собственная личность — бездна, и думать о себе — смертный грех. Разве мой отец не подвергается такой же опасности? И разве он не может потерять гораздо больше, чем я, будучи септархом, причем прекрасным, тогда как я всего лишь мальчишка? Таким и только таким образом мне все же удалось выбить страх из моей души и наблюдать за небом, не думая о том, что гарпун, возможно, уже нацелен на мою спину. В такие минуты все бывшие страхи кажутся абсурдными. Я мог бы безбоязненно стоять здесь целыми сутками, появись в этом необходимость. Почти сразу же я был вознагражден за эту победу над собой — в неистово раскаленном небе я различил черную парящую точку и на этот раз она не была иллюзией, так как мои юные глаза вполне отчетливо разглядели крылья и рог. А видят ли птицу другие? Имею ли я право на попытку? Если я убью ее, похлопает ли септарх меня по спине и назовет ли свои лучшим сыном? Все остальные охотники пока молчали.

— Объявляю заявку! — торжественно закричал я, поднял ружье и стал целиться, вспоминая то, чему учили меня мои учителя. Я дал подсознанию возможность провести расчет упреждения, прицелиться и выстрелить, прежде чем интеллект своей нерешительностью испортит интуитивные действия.

Однако за мгновение до того, как я все-таки выстрелил вверх, раздался неожиданный крик слева, и я выстрелил совсем не целясь, одновременно повернувшись в ту сторону, где находился мой отец. Там я увидел его, наполовину скрытого крыльями другого птицерога, который распорол тело от спины до живота. В воздухе над ними кружились красные песчинки, поднятые яростными ударами крыльев. Птица изо всех сил пыталась взлететь, но птицерог не в состоянии поднять вес взрослого человека. Хотя это вовсе не предохраняет нас от нападения.

Я бросился на помощь септарху. Он все еще кричал, и я видел, что руки его вцепились в костлявое горло птицы. Но в этих криках уже чего-то недоставало, и когда я первым из всех подбежал к отцу, он лежал распростершись, а птица все еще была его своим рогом, накрыв тело как бы черным плащом. Я выхватил свой кинжал и, полоснув по шее, срезал птицерогу голову. Отшвырнув ногой труп птицы, я стал отчаянно отрывать эту чудовищную голову, столь отвратительно громоздившуюся над поверженным септархом. Потом ко мне присоединились и другие. Когда я снова обернулся, они сомкнули свои тела так, чтобы я не видел трупа своего отца, а затем, к моему неудовольствию, упали передо мной на колени, чтобы засвидетельствовать свое почтение.

Но конечно же Стиррон, а не я, стал септархом Саллы. Его коронация была великим событием, поскольку хотя он был еще молод, он должен был стать главным септархом провинции. Остальные шесть септархов Саллы приехали в столицу — только после такого события их можно было увидеть одновременно в одном городе — и долгое время продолжались пиры и шествия с трубами и знаменами. Стиррон был в центре всех этих событий, а я — далеко в стороне, как того и следовало ожидать, хотя от этого у меня складывалось впечатление, что я подручный конюха, а не принц. Как только его возвели на трон, Стиррон предложил мне титулы, землю и власть, хотя на самом деле ждал, что я не приму этого. И я не принял.

Если только септарх не убог умом, его младшим братьям лучше не оставаться рядом с ним и не пытаться помочь ему править, потому что помощь такая часто оказывается нежеланной. У меня не было живых дядей со стороны отца и мне было все равно, что будут говорить обо мне сыновья Стиррона, поэтому, как только закончился траур, я постарался побыстрее убраться из Саллы.

Я переехал в Глин — родину моей матери. Однако здесь все сложилось не в мою пользу, и уже через несколько лет я перебрался в насыщенную испарениями провинцию Маннеран, где женился, произвел на свет двух сыновей и стал принцем

не только по имени... Я жил здоровой и счастливой жизнью, пока не пришла пора моих перемен.

П

6

ожалуй, теперь мне нужно сказать несколько слов, касающихся географии моей планеты.

На нашей планете — Борсен — есть пять материков. В этом полушарии два — Валлада и Шумара, то есть Северный и Южный. Нужно долго плыть по морю, чтобы с любой точки этих материков добраться до других земель, расположенных в другом полушарии и называющихся просто Умбис, Дабис, Тибис, то есть — Первый, Второй, Третий.

Об этих трех дальних землях я могу рассказать вам очень мало. Впервые они были обследованы около шестисот лет тому назад одним из септархов Глина, который поплатился жизнью за свою любознательность. С тех пор за все прошедшее время там не побывало и пяти экспедиций. В том полушарии люди не живут. Говорят, Умбис очень похож на Выжженные Низины, но еще хуже. Во многих его местах из измученной земли вырываются вверх фонтаны золотистого пламени. Дабис покрыт джунглями и болотами, являющимися рассадниками лихорадки. Когда-нибудь на нем будет полно людей, пытающихся доказать свою смелость, поскольку, как я слышал, там множество опаснейших зверей. Тибис же покрыт льдом.

Мы не являемся расой, зараженной тягой к странствиям. Сам я никогда не стал бы путешествовать, не принудил меня к тому обстоятельство. Хотя в наших жилах течет кровь древних землян, которые были бродягами, чья одержимость гнала их к звездам, мы — жители Борсена — стараемся оставаться поближе к дому. Даже я чем-то отличный от своих соплеменников, особенно в образе мыслей, никогда не стремился повидать заснеженные пространства Тибиса или топи Дабиса, конечно за исключением поры, когда был ребенком и мне не терпелось

повидать все на свете. Среди нас считается крупным событием поехать из Саллы в Глин, и очень редко встречаются те, кто пересек материк, не говоря уже от том, чтобы поехать на материк Шумара, как это сделал я. Матери Валлада является колыбелью нашей цивилизации. Карта свидетельствует, что это огромная прямоугольная масса земли с закругленными краями. Два огромных У-образных выступа нарушают его границу вдоль всего восточного побережья. Посередине, между двумя восточными и западными углами, расположен Полярный Залив, а на юге, на противоположном краю, находится залив Шумар. Между двумя этими водными пространствами лежат Низины — впадина, которая простирается через весь материк с севера на юг. Нет такой точки в Низинах, которая находилась бы выше уровня моря. На севере Низины называются Вымерзшими, поскольку покрыты нетающими в любое время года льдами. Здесь никогда не жил человек. Однако дыхание севера не проникает далеко в глубь нашего материка. К югу от Вымерзших Низин лежат невообразимые Выжженные Низины, где почти отсутствует вода и все время яростно жжет солнце. Две наши идущие с севера на юг горные системы не пускают туда ни одной тучки, а с их склонов туда не стекают ни реки, ни ручьи. Почва там ярко-красная, а в отдельных случаях с желтыми полосами. В Выжженных Низинах находятся несколько видов низкорослых растений, неизвестно откуда берущих питательные вещества, зато здесь много различных животных, причем причудливо искаженных и мало привлекательных на внешний вид. На южной оконечности Выжженных Низин расположена глубокая, тянущаяся с востока на запад долина шириной в несколько дневных переходов, а за ней лежит небольшая местность, известная как Влажные Низины. Влажные ветры с залива Шумар встречаются над ней с горячими и яростными с Выжженных Низин и сбрасывают здесь всю влагу, образуя оазис с пышной буйной растительностью. Эти ветры никогда не проникают в Выжженные Низины, и, в отличие от Вымерзших Низин, сюда забредают охотники и те, кто путешествует между западным и восточным побережьями. Зато во Влажных Низинах живут несколько

тысяч фермеров, которые выращивают для горожан экзотический фрукты. Мне говорили, что непрерывный дождь привел к гниению душ этих людей. У них нет какого-либо правительства и наши обычаи самоотречения здесь не соблюдаются.

Я был бы сейчас среди них, если бы только сумел проскользнуть сквозь кордон, воздвигнутый моими врагами к югу от этого места.

Низины обрамляются двумя обширными горными системами: Хашторами на востоке и Трашторами на западе. Эти горы начинаются на северном побережье материка Валлада у берегов Северного Полярного моря и идут на юг, постепенно загибаясь вовнутрь материка. Две эти системы обязательно встретились бы где-нибудь неподалеку от залива Шумар, если бы не были разделены ущельем Стройн, через которое ветры из залива Шумар проникают во Влажные Низины. Горы настолько высоки, что задерживают все ветры, поэтому склоны их, обращенные внутрь материка, лишены растительности, зато склоны со стороны океана весьма плодородны.

Население материка Валлада располагается вдоль двух прибрежных полос, между океанами и горами. В большинстве этих мест почва очень тощая, поэтому нам трудно обеспечить себя всей необходимой пищей, и жизнь на нашем материке — это постоянная борьба с голодом.

Я часто удивляюсь, почему наши предки, попав на эту планету, избрали для своего поселения Северный материк. Заниматься сельским хозяйством на соседнем материке Шумара было бы намного легче, и даже болотистый Дабис был бы намного больше. Объяснение, которое нам дают, утверждает, что наши предки были суровыми и старательными людьми, которые получали удовольствие от борьбы с природой, и боялись позволить своим детям жить в таких местах, где жизнь их была бы недостаточно суровой. Берега материка Валлада нельзя назвать непригодными для обитания человека, но они не так уж и благоприятны для этого. Поэтому наши предки и выбрали для жизни именно эти берега. Здесь все благоприятствовало их намерениям. Я верю, что это правда, поскольку главное, что нам осталось в наследство от древних, — это взгляд на

удобство как на грех, а на досуг — как на проявление порочности. Однако мой побратим Ноим заметил как-то, что первые поселенцы избрали Валладу только потому, чтобы пересечь необозримые просторы космоса, они не оставили энергии для подыскивания более благоприятного для обитания места. Я сомневаюсь в этом, но лукавство этой идеи весьма характерно для моего ироничного побратима.

Прибывшие сюда первыми оборудовали поселение на западном побережье, в месте, которое мы называем Трейш, то есть Земля Обетованная. Численность населения быстро росла, а поскольку это было несговорчивое и упрямое племя, скоро произошел раскол — то одна, то другая община отделялись от первопоселенцев. Таким образом возникло девять западных провинций. До сих пор они яростно спорят друг с другом относительно своих границ.

Со временем ограниченные ресурсы запада были исчерпаны и началось заселение восточного побережья. Тогда у нас не было воздушного транспорта, как, впрочем, нет его в широких масштабах и сейчас. Наш народ не имеет склонности к технике, к тому же свой отпечаток накладывает отсутствие природных ресурсов. Поэтому на запад двигались на краулерах или на других машинах подобного типа. Были обнаружены три прохода через горы Траштор, и смельчаки лихо двинулись на Выжженные Низины. Их подвиги до сих пор воспеваются в длинных эпических поэмах. Перейти на другую сторону Хаштора было почти невозможно, так как человеку был доступен только один маршрут — Врата Саллы, найти который было очень нелегко. Но его все-таки отыскали и двинулись дальше. Так возникла моя родина — Салла. Затем опять начались раздоры, многие ушли на север и образовали там Глин. Затем другие ушли на юг и очень быстро возник священный Маннеран. Почти тысячу лет на востоке имелись только три провинции, затем, после новой ссоры, возникло процветающее королевство Крелл, отхватившее кусок земли у Глина и Саллы. Были и еще люди, которых не устраивала жизнь ни в одной из провинций Валлады, поэтому они отправились из Маннерана и обосновались на Шу-

мара. Но об этом нет надобности рассказывать на уроке географии. Впрочем, мне придется еще много говорить о Шумара и ее обитателях, когда я начну объяснять те перемены, что вошли в мою жизнь.

Б

7

Будка, в которой я прячусь, весьма убогая. В свое время ее дощатые стены были сбиты как попало, и теперь так потрескались, что на стыках зияют дыры, а углы перекосились. Ветер пустыни беспрепятственно продувает ее, и на листах моих записей лежит тонкий слой красной пыли. Моя одежда полностью насыщена ею, и даже волосы имеют красноватый оттенок. Твари, живущие в низинах, свободно заползают сюда, и сейчас я вижу, как две из них ползут по полу — одна многоногая, сера, размером с мой большой палец, а другая — скользкая длиннохвостая змея чуть короче моей ступни. Уже много часов они лениво кружат друг вокруг друга, словно, будучи смертельными врагами, никак не могут начать поединка. Неплохая компания для меня под жгучим солнцем пустыни.

Однако мне не следует насмехаться над этим местом. Кто-то побеспокоился о том, чтобы доставить сюда материалы, необходимые для строительства этой будки, чтобы она могла служить убежищем охотникам в этих негостеприимных землях. Кто-то сколотил ее не столько с искусством, сколько с любовью, и не мое счастье оставил здесь. Может быть, это неподходящий дом для сына септарха, но я уже достаточно пожил во дворцах и не ощущаю нужды в каменных стенах и сводчатых потолках. А здесь очень спокойно. Здесь я далек от торговцев рыбой, исповедников, разносчиков вина и всех тех, кто громко расхваливает свой товар на улицах небольших городов. Здесь человек в состоянии думать. Он может заглянуть себе у душу и найти все то, что его формировало, вытащить наружу и

сделать необходимые выводы. На нашей планете обычай запрещает раскрывать свои души перед незнакомыми, да и перед друзьями тоже. Но почему никто до меня не заметил, что эти же обычаи сдерживают нас и в познании самих нас? Почти всю жизнь я воздвигал положенные стены между собой и людьми и, пока они не рухнули, не видел того, что и от самого себя закрываюсь ими. Но здесь, в Выжженных Низинах, у меня было достаточно времени для размышлений и понимания этого. Разумеется, это не то место, которое я выбрал бы для себя, но и назвать себя тут несчастливым я тоже не могу. И я не думаю, что здесь меня слишком быстро обнаружат.

Сейчас слишком темно, чтобы писать, и я встану возле двери и буду смотреть, как ночь накатывается на эти земли. Возможно, вот-вот прилетит птицерог, стремясь до сумерек добраться до родного гнезда после удачной охоты. Будут сверкать звезды. Швейц как-то пытался показать мне солнце Земли с одной из вершин Шумара и, настаивая на том, что видит его, просил меня следить за его указательным пальцем, но я думаю, что он разыгрывал меня. Я думаю, что этого солнца, солнца нашей Матери Земли, вообще нельзя видеть из этого сектора Галактики. Швейц довольно часто разыгрывал меня, когда мы путешествовали вместе и, наверное, не оставит этого занятия, если нам еще придется встретиться снова. Если, конечно, он еще жив.

П

8

рошлой ночью во сне ко мне пришла моя названная сестра Халум Хелалам.

Что касается ее, то и речи не может быть о розыгрыше, так как она может проникать ко мне сквозь скользкий покров снов. Поэтому, когда я сплю, она сверкает в моем сознании ярче, чем светит любая из звезд пустыни. Однако пробуждение ввергает меня в печаль и стыд, напоминая о потере, которая для меня невосполнима.

Халум из моих снов одета только в тонкую прозрачную ткань, сквозь которую видны ее маленькие розовые груди, стройные бедра и плоский живот нерожавшей женщины. Нельзя сказать, чтобы в жизни она часто так одевалась, тем более, когда посещала своего названного брата, но все-таки это Халум моих снов. Она была искусительницей других, тех, кто громко расхваливает свой товар, порожденная моей одинокой и взбудораженной душой. У нее была теплая нежная улыбка, а темные глаза светились любовью.

В сновидениях сознание человека существует на многих уровнях. На одном из них я — обособленный наблюдатель, плавающий в ореоле лунного света где-то возле крыши моей хижины и глядящий вниз на свое собственное спящее тело. На другом, отличном уровне, я лежу во сне. Сознание этого спящего не ощущает присутствия Халум, но разум, который наблюдает, ощущает ее, а я, на самом деле видящий сон, осознаю эти два разума так же, как и то, что видимое мной существует не на самом деле, а во сне. Однако неизбежно имеет место некоторое смещение уровней реальности, и потому я не могу быть точно уверенным в том, кто спит, а кто видит сон, так же, как не могу разобраться с тем, является ли Халум, стоящая передо мной в таком лучезарном одеянии, порождением моего воображения, или же живой Халум, которую я когда-то знал.

— Кинналл,— шепчет она мне, и в моем сне мне грезится, что мой спящий разум пробуждается, что я приподнимаюсь на локтях, а Халум опускается передо мной на колени. Она наклоняется вперед, пока ее упругие груди не соприкасаются с поросшей черными волосами грудью мужчины, которым являюсь я, и нежно касается губами моих.— Ты выглядишь таким усталым, Кинналл.

— Тебе не следовало бы приходить сюда.

— Почувствовала, что нужна тебе, и вот появилась здесь.

— Это неразумно. В одиночку отправляться в Выжженные Низины, чтобы отыскать того, кто причинил тебе столько вреда.

— Связь, которая соединяет нас, священна.

— Ты столько настрадалась из-за этой связи, Халум.

— Ну уж нет. Мне не пришлось много страдать, — покачала она головой и поцеловала мой потный лоб. — Как ты, должно быть, страдаешь, скрываясь в этой мерзкой печке.

— Не более того, что заслужил, — ответил я. — Даже в своих снах я разговариваю с Халум, употребляя правильные грамматические термины. Мне всегда было трудно говорить с ней от первого лица. Разумеется, я никогда не пользовался первым лицом глаголов и местоимений ни до того, как во мне произошли эти перемены, ни после, когда у меня не осталось причин быть более целомудренным с нею. Я просто не мог этого сделать. Моя душа и сердце порывалось сказать «я», но язык и губы были замкнуты благопристойностью.

— Ты заслуживаешь гораздо большего, чем это место, — сказала она. — Ты должен вернуться из изгнания и повести нас к новому завету, завету любви к людям, друг к другу.

— Есть вероятность того, что в качестве пророка меня ждал бы полный провал. Сомневаюсь, стоит ли продолжать подобные попытки.

— Это все было так незнакомо для тебя, так ново! — воскликнула она. — Но ты оказался способен измениться, Кинналл, и принести перемены другим...

— Принести печаль себе и другим...

— Нет, нет! То, что ты пытаешься сделать, было правильным. Как же ты можешь уступить теперь, как можешь отдать себя в лапы смерти! Ведь теперь тебя ждет целая планета, нуждающаяся в том, чтобы ее освободили, Кинналл.

— В этом месте как в западне. Меня неизбежно поймают.

— Пустыня огромна, но проходов очень мало, и все они охраняются. Убежать нельзя.

Она покачала головой, улыбнулась и, прижав ладони к моим бедрам, сказала:

— Я отведу тебя в безопасное место. Иди за мной, Кинналл.

Звук этого «я», слетевшего с уст воображаемой Халум, упал на мою спящую душу подобно ливню из старых гвоздей, и потрясение от того, что ус-

лышал, произнесенное ее нежным голосом, едва не разбудило меня. Я говорю вам об этом, чтобы было ясно, что я сам еще не полностью обращен в новый образ жизни, что рефлекс моего воспитания все еще гнездятся в дальних тайниках моей души.

В сновидениях мы открываем свою подлинную сущность, и моя реакция оцепенелого отвращения к словам, которые я вложил (а кто же другой мог это сделать?) в уста Халум во сне, поведала мне многое о моих сокровенных мыслях. То, что случилось потом, тоже было откровением, хотя и несколько грубым. Для того, чтобы поднять меня с моей койки, руки Халум прикоснулись к моему телу. Тотчас же сердце мое испуганно забилося. Земля затряслась, словно Низины раскалывались на части, а Халум вскрикнула от страха. Я потянулся к ней, но она уже стала нечеткой и нематериальной, еще одна конвульсия планеты — и я потерял ее из виду, она исчезла! А ведь я так много хотел сказать ей, о многом спросить.

Я проснулся, быстро поднявшись по ступеням уровня моего сознания, и, разумеется, обнаружил себя в одинокой жалкой хижине, сгорая от стыда и неосуществленного желания.

— Халум! — закричал я. — Халум! Халум! — Хижина тряслась от моего крика, но она не возвращалась, и постепенно мой затуманенный снегом мозг постиг правду — Халум, которая гостила у меня, была нереальной.

Мы, уроженцы Борсена, не в состоянии легко переносить подобные видения. Я встал и вышел из хижины в окружающую меня тьму. Там я принялся бродить босиком по темному песку, стараясь хоть перед самим собой оправдаться в своих мыслях. Понемногу я начал успокаиваться, рассудок мой стал яснее, и равновесие вернулось ко мне. И все же я еще несколько часов сидел на пороге хижины, пока первые зеленые пальцы зари не коснулись меня.

Нет сомнения, и, думаю, вы согласитесь со мной, что мужчина, разлученный на какое-то время с женщинами, живущий под постоянным гнетом, который я испытываю со времени своего бегства в Выжженные Низины, время от времени будет видеть во сне женщин и испытывать влечение к ним.

В этом нет ничего противозестественного. Я также уверен в том, что многие (хотя и не могу этого доказать) мужчины Борсена во сне открыто желают своих названных сестер просто потому, что во время бодрствования такие желания быстро и неукоснительно подавляются. И далее, хотя я и Халум наслаждались близостью наших душ в гораздо большей степени, чем это характерно для обычных названных сестер и братьев, я никогда не искал с ней физического сближения и, разумеется, его никогда не было. Если хотите, можете принять это на веру. На этих страницах я рассказываю вам о многом, что дискредитирует меня. Так что, если бы я нарушил духовную связь с Халум, я рассказал бы вам и об этом. Поэтому вы не должны винить меня за тот грех, который я невольно совершил во сне, хотя и считаю себя виновным в то, что все утро и ночь был слаб духом, и камень, лежащий у меня на душе, поднимается только тогда, когда я изложу на бумаге события этой ночи. Я думаю, что на самом деле меня тревожило не влечение к Халум, которое, возможно, простят мне даже мои враги, а уверенность в том, что я повинен в смерти девушки, чего я сам не в состоянии себе простить.

П

9

Пожалуй, мне еще раньше следовало бы сказать, что каждый мужчина Борсена, так же, как каждая женщина, сразу же после рождения нарекаются названным братом или сестрой. Никто из членов такой триады не может быть родственником друг другу. Все это является предметом особых забот родителей, поскольку названные брат и сестра бывают обычно более близки, чем собственная семья, соединенная узами родства.

Поскольку я был вторым сыном септарха, устройство моего побратимства было делом большой государственной важности. Было бы в высшей степени демократично (хотя и непрактично) связать

меня узами братства с ребенком крестьянина, поскольку польза, которую можно было извлечь, могла быть достигнута, если все побратимы находились на одной и той же социальной ступени. С другой стороны, меня не могли связать с детьми какого-нибудь другого септарха, так как в один прекрасный день судьба могла вознести меня на отцовский трон, а септарх не должен быть связан родственными узами с царским домом другой провинции, то может ограничить свободу его решений и поступков. Поэтому необходимо было организовать узы моего названного родства с детьми аристократов, но не родственников правящей династии. Все было устроено названным братом моего отца Улманом Котрилем.

Это было последней услугой, которую он оказал моему отцу, так как вскоре после этого был убит бандитами из Крелла. Для того, чтобы найти мне названую сестру, Улман отправился на юг, в Маннеран, и договорился о родстве с еще не родившимся ребенком Сигворда Хелалама, верховного судьи морского порта. Было определено, что ребенок Хелалама должен быть девочкой. Затем названный брат моего отца вернулся в Саллу и дополнил мою триаду будущим сыном Луина Кондорита, генерала, командовавшего охраной наших северных границ.

Ноим, Халум и я родились в течение одной недели, и мой отец отлично исполнил обряд побратимства. Церемония разыгрывалась во дворце септарха, причем рядом стояли доверенные лица Халум и Ноима. Позже, когда мы подросли и могли путешествовать, наше побратимство было подтверждено в присутствии друг друга. Для этого меня возили в Маннеран, где я впервые увидел Халум. И с тех пор мы редко разлучались. Сигворд Хелалам не возражал против того, чтобы его дочь воспитывалась в Салле, потому что надеялся подыскать ей здесь блестящую партию и выдать замуж за какого-либо из выдающихся людей при дворе моего отца. В этом ему пришлось разочароваться, так как Халум так и не вышла замуж, и насколько мне известно, до самой смерти оставалась девственницей.

Такая схема братских уз давала спасение от вынужденного одиночества, в котором положено

жить нам, жителям Борсена. Теперь вам не мешает узнать — особенно, если вы инопланетянин — что давным-давно был установлен обычай, который запрещает нам открывать душу перед другими. Наши предки полагали, что если слишком много говорить о себе, это приведет к потворству своим слабостям, к жалости к самому себе и разрушению как личности. Поэтому нас с детства приучали держать все при себе и, дабы тирания этого обычая была еще более жестокой, нам даже было запрещено пользоваться такими местоимениями как «я» и «себе» во время обычных вежливых разговоров. Если у нас и возникали проблемы, мы улаживали их молча. Если у нас есть честолюбивые помыслы, мы добиваемся их реализации молча, не выставляя напоказ. Если у нас есть желания, мы стараемся исполнить их самоотреченно и безлично. Из этих жестких правил может быть только два исключения. Мы можем открыто говорить со своими исповедниками, являющимися верховными функционерами. Кроме того, в определенных пределах мы можем открываться перед своими побратимами. Таковы обычаи нашего мира.

Допускается поверять почти все своему названному брату или сестре, но нас учили соблюдать при этом определенный этикет. Например, для воспитанного человека считается неприличным говорить от первого лица даже со своим побратимом. Какие бы интимные признания мы не делали, мы обязаны выражать их с помощью допустимых грамматических средств, не прибегая к вульгаризмам обычных «самообнажающихся». (В нашем языке «обнажать» означает открывать себя перед другими людьми, причем подразумевается, что открывается душа, а не плоть). Это расценивается как вопиющая грубость и наказывается социальным остракизмом, если не хуже. «Самообнажающиеся» используют осуждаемые местоимения словаря для общества, как это делаю сейчас я повсюду в тексте, который вы читаете. Хотя и разрешено обнажить душу побратиму, «самообнажающимся» считают только того, кто украшает свою речь непристойностями типа «я» или «себе».

Кроме того, нас учили соблюдать взаимность в отношениях между побратимами. Мы не должны

обременять их своими несчастьями, если сами не позволяем им облегчить их бремя подобным образом. Дети часто поступают со своими побратимами односторонне. Один из них может подчинить себе своего побратима и болтать без умолку, не давая тому возможности обратить внимание на свои собственные тревоги. Но обычно это довольно скоро приходит в состояние равновесия. Считается беспардонным нарушением правил приличия выказать недостаточный интерес к своему побратиму. Даже среди самых слабоумных и неряшливых из нас я не знаю никого, кто был бы повинен в этом грехе.

Из всех запретов, касающихся побратимства, наиболее строгим является запрещение физической связи со своим названным братом или сестрой. Наша личная жизнь в общем-то мало чем ограничивается, и только на одно мы не в состоянии отважиться. По мне этот запрет ударил мучительно. Не потому, что я жаждал Ноима, — подобных устремлений у меня никогда не было, да и вообще среди нас влечение к своему полу распространено мало. Зато Халум всегда была моим сокровенным желанием, но она не могла утешить меня ни как жена, ни как любовница. Долгие часы сидели мы вместе — ее рука в моей — рассказывая друг другу то, чего никогда не сказали бы кому-нибудь другому, и как легко было бы мне прижать ее к себе, коснуться рукой ее трепещущей плоти. Но я никогда не пытался сделать этого. Воспитание и душевная закалка твердо сдерживали меня. И даже после того, как Швейц и его отравы изменили мою душу, я по-прежнему продолжал считать ее тело священным. Но я не стану отрицать своего вождения к ней, так же как не смогу забыть потрясения, испытанного в отрочестве, когда узнал, что из всех женщин Борсена мне отказано лишь в Халум, моей любимой Халум.

Я был чрезвычайно близок с ней во всем, кроме физической близости, и она была для меня идеальной названной сестрой. Искренней, уступчивой, любящей, прямой, ясной, лучистой и восприимчивой. Она была не только красавицей: кареглазой и темноволосой, с кожей цвета сливок, она также имела замечательную душу, представляющую собой удивительную смесь чистоты и мудрости. Думая о

ней, я всегда представляю себе лесную прогалину в горах, окруженную вечнозелеными деревьями, покрытую только что выпавшим, девственно белым снегом, и искристый ручей, бегущий среди залитых солнцем валунов. И все это такое чистое, незапятнанное, ни от чего не зависящее. Иногда, бывая с нею, я чувствовал себя неуклюжим и толстым, ходячей грудой тупого мяса с безобразным волосатым телом и тяжеловесными мускулами. Однако Халум обладала искусством одним словом, одной улыбкой или даже просто взглядом показать мне, что я несправедлив к себе, когда, глядя на ее стройность и веселье, хочу быть мягким и воздушным женоподобным созданием.

С другой стороны, я в равной степени был близок с Ноимом. Во многом он был моей полной противоположностью: стройным, хитрым, осторожным, изворотливым, тогда как я был тяжеловесен, прям и сдержан. Даже когда я весь светился от радости, он был каким-то тусклым. С ним, так же как и с Халум, я часто ощущал себя неуклюжим (не в физическом смысле, так как я уже говорил вам, что для мужчины я весьма быстр и ловок), скорее всего это сказывалось на моей духовной структуре. Мой названный брат был более гибким и более восприимчивым, хотя пессимизм почти не покидал его. Он смотрел на меня с такой же завистью, как я на него. Он завидовал моей огромной силе и как-то признался, что, глядя в мои глаза, ощущал себя малодушным и ничтожным. Не говоря этого прямо, он признавался, что чувствует во мне простую силу, а сам знает, насколько он ленив, обманчив и ничтожен. Он часто ловил себя на том, что ежедневно совершает десятки ничтожных поступков, и что это настолько же несвойственно мне, насколько человеку несвойственно питаться собственной плотью.

Вы должны понять, что по отношению друг к другу Ноим и Халум не были названными братом и сестрой и были связаны общими для нас узами только через меня. У Ноима имелась своя названная сестра, а именно Тирга, а у Халум названной сестрой была девушка из Маннерана по имени Налъд. Благодаря подобным узам, Завет образует цепь, которая туго сжимает наше общество, так как у Тирги тоже

есть названная сестра, а у Нальд — брат, и так далее и так далее, составляя громадную, если не бесконечную последовательность. Очевидно, что встречи с побратимами своих побратимов очень часты, хотя на них и не распространяются привилегии, которые дают свои собственные побратимы. Я часто встречался с Тиргой и Нальд, но, как правило, это были просто вежливые раскланивания. Ноим и Халум относились друг к другу с большой теплотой, и одно время я даже подозревал, что они поженятся, однако это было малораспространенное явление, хотя и не противозаконное. Ноим все же понял, что я буду очень обеспокоен, если мой побратим будет делить ложе с названной сестрой, и сделал все, чтобы не допустить, чтобы эта дружба перешла в любовь.

Сейчас Халум спит вечным сном под надгробным камнем в Маннеране, а Ноим стал совершенно чужим мне, может, даже моим врагом, и красный песок Выжженных Низин бьет мне в лицо, когда я пишу эти строки.

П

10

осле того как мой брат Стиррон стал септархом, я, как вы уже знаете, отправился в провинцию Глин. Не скажу, что я сбежал, так как никто открыто не принуждал меня к этому. Назову свой отъезд тактическим отступлением. Я уехал, чтобы избавить Стиррона от последующих затруднений, связанных с тем, что так или иначе, но я должен был умереть, а это легло бы тяжким камнем на его душу. В одной провинции не могли мирно ужиться два сына умершего септарха.

Глин был избран мной по тем причинам, что обычно изгнанники из Саллы перебираются туда, а также потому, что семья моей матери имела там власть и солидное состояние. Я думал, как оказалось впоследствии, неверно, что смогу извлечь из этого кое-какую выгоду.

Когда я уезжал из Саллы, мне было без трех лун тринадцать лет. У нас это порог зрелости. Рост у меня был уже почти такой же, как сейчас, хотя тогда я был намного стройнее и далеко не так силен, как стал теперь, да и борода моя пошла в полный рост попозже. Я немного знал историю и устройство общества, немного искусство охоты и имел некоторую подготовку по правосудию. К этому времени в моей постели побывала добрая дюжина девушек, и трижды я познал, хотя и ненадолго, бурю несчастной любви. Всю жизнь я строго соблюдал требования Завета, был чист душой и жил в мире с нашими богами и предками. В то время я казался самому себе смелым, искренним, честным и неунывающим парнем, мне казалось, что весь мир широко распахнут передо мной, и будущее всецело находится в моих руках. Сейчас, с высоты своих тридцати лет, я понимаю, что юноша, покидавший тогда Саллу, был наивным, легковверным и слишком горячим, а ум его был самым обычным и довольно неуклюжим. В общем, совершенно обычный человек, который чистил бы рыбу в какой-нибудь рыбацкой деревушке, не доведись ему родиться вельможей.

Родину я покидал ранней осенью. Весной вся Салла оплакивала моего отца, а летом приветствовала нового септарха. Урожай, как обычно в Салле, был плохим. Поля ее были более богаты камнем и галькой, чем зерном, и как всегда Салла-сити был полон разорившихся отцов семейств, надеявшихся хоть чем-то пожить от щедрот нового септарха. Тягучее горячее марево висело над столицей из дня в день, а поверх него грозно клубились тяжелые огненные тучи, как по расписанию плывущие со стороны восточного моря. Улицы были пыльными, деревья рано начали сбрасывать листву, оросительные каналы забились пометом крестьянского скота. Все это было плохим признаком для Саллы в начале правления нового септарха, а мне это лишний раз напоминало, что пора уходить. Даже в свои первые месяцы правления Стиррон не мог унять своего драчливого нрава, и многие неудачливые государственные чиновники были брошены в темницы. Пока что я еще был обласкан при дворе. Меня обхаживали и ублажали, засыпали мехами и обещаниями ба-

ронства в горах. Но сколько это могло продолжаться? Сколько?

Тогда Стиррон все еще испытывал некоторые угрызения совести, что он унаследовал трон, а мне ничего на досталось, и поэтому относился ко мне так мягко. Но как только сухое лето сменится горькой холодной зимой, все может измениться! Завидуя моей свободе от ответственности, он может обрушить весь свой гнев на меня. Я достаточно хорошо знал историю царских династий. Братоубийство случалось в них довольно часто.

Итак, я готовился к поспешному бегству. Ноим и Халум были посвящены в мои планы. Я собрал немногие свои вещи, которые не хотел оставлять здесь — обручальное кольцо, завещанное мне отцом, любимую охотничью куртку из желтой кожи и двойной амулет-камею с изображением названных брата и сестры. От всех своих книг я отказался, так как книги всегда можно достать в другом месте. Я даже не взял гарпун птицерага, того самого, от которого погиб отец — трофей того злополучного дня, который висел в моей спальне. На моем счету имелась довольно крупная сумма денег, и я, как мне казалось, поступил с ними довольно ловко: Все они были депонированы в королевском банке Саллы. Сначала я перевел основную часть этих денег в шесть мелких провинциальных банков, что отняло у меня немало дней. Держателями этих новых вкладов стали Ноим и Халум. Затем Халум произвела изъятие, попросив, чтобы деньги были переданы в Торгово-промышленный банк Маннерана на счет ее отца Сигворда Хелалама. Если этот перевод и будет обнаружен, то Халум могла заявить, что ее отец потерпел некоторые финансовые убытки и ненадолго попросил у нее денег взаймы. Как только мои активы оказались в Маннеране, Халум снова попросила своего отца перевести эти деньги на этот раз на мое имя в банк Маннерана. Таким образом я получил в Глине свои деньги, не возбудив никакого интереса у чиновников, которых могло удивить, что заставило принца царствующего дома перевести унаследованные им деньги в соперничающую провинцию на севере. Фатальной ошибкой во всем этом могло быть то, что, если бы казначейство, обеспокоенное утечкой денег, сделало запрос в Глин

и выяснило, что отец Халум не нес никаких убытков, последовал бы допрос Халум, а это привело бы к дальнейшему расследованию, в результате чего вскрылись бы мои планы. Но судьба благоволила ко мне. Все мои маневры остались незамеченными.

Наконец я подошел к брату просить разрешения на отъезд из столицы, как того требовал придворный этикет.

Все это было очень тонким делом, так как моя честь не позволяла мне лгать Стиррону и в то же время я не мог рассказать ему всю правду. Много часов провел я вместо с Ноимом, снова и снова повторяя свои хитрости. Я был плохим учеником курса софистики. Ноим плевался, ругался, плакал от злости и всплескивал руками всякий раз, когда своими хитрыми вопросами пробивал стену моей защиты.

— Ты не предназначен для того, чтобы быть лжецом! — заявил он наконец в отчаянии.

— Это правда, — согласился я. — И не хочу быть им.

Стиррон принял меня в северной судебной палате — темной, скромно обставленной комнате, со стенами из грубого камня и узкими окнами, которая в основном использовалась для встреч с деревенскими старостами. Не думаю, чтобы он предполагал унижить меня этим. Просто он уже был там, когда я послал шталмейстера с запиской, в которой просил о встрече.

День клонился к вечеру, на улице моросил противный дождь. Где-то в дальней башне звонарь инструктировал своих помощников, и тяжелый колокольный звон врвался вместе со сквозняками в зарешеченные окна. Стиррон был в своем официальном облачении: — в широкой мантии из прочного меха песчаной кошки, узких красных шерстяных крагах и высоких сапогах из зеленой кожи. На боку его висела шпага Завета, на груди — массивный сверкающий кулон, знак высшей власти. На пальцах сверкали перстни с печатями и без них, а вокруг правого плеча, если мне не изменяет память, обвивался еще один знак высшей власти. Из всех его регалий недоставало только короны. Я часто видел Стиррона, облаченного подобным об-

разом, на церемониях и официальных встречах, но то, что он напялил все эти знаки на себя в обычный день, поразило меня своей комичностью. Неужели его положение кажется ему настолько непрочным, что ему требуется нагружать свое тело всем этим барахлом, чтобы доказать самому себе, что он действительно септарх? Неужели он ощущал необходимость произвести впечатление на своего собственного брата? Или же, подобно ребенку, испытывал удовольствие от ношения всех этих регалий? Но какова бы ни была причина этого, в характере моего брата проявился какой-то изъян, какая-то присущая ему внутренняя глупость. Меня поразило то, что он показался мне не столько внушающим страх, сколько смешным. Вероятно, отправной точкой последующего моего бунта послужило то, что, когда я подошел к брату, сверкающему всем своим величием, мне стоило больших усилий удержаться от смеха.

Полгода на троне септарха оставили заметный след на его лице. Оно посерело, левое веко скорее всего от усталости подергивалось. Он тесно сжимал губы и стоял в напряженной позе, причем одно плечо было ниже другого. Хотя нас разделяли только два года, я чувствовал себя мальчиком по сравнению с ним и удивлялся, как государственные заботы могут изменить человека. Казалось, прошли века с той поры, когда Стиррон и я смеялись вместе в своих спальнях, шептали запретные слова и обнажали друг перед другом свои созерцающие тела, чтобы оценить созревание. Теперь я выражал формальное почтение своему усталому царствующему брату, скрестив руки на груди, подогнув колени и бормоча при этом:

— Септарх-повелитель, долгих тебе лет жизни.

Стиррон отклонил мое формальное обращение братской улыбкой. Разумеется, сначала он ответил на мое приветствие надлежащим образом, а затем быстро пересек комнату и схватил меня в объятия. Однако в его жестах ощущалось что-то искусственное, как будто он репетировал ритуал дружеской встречи родного брата. Отпустив наконец меня, он отошел в сторону, и, глядя в окно, проговорил:

— Прелестный день, не так ли? Ужасный год!

— Тяжела корона, септарх-повелитель?

— Ты что, не в состоянии обращаться к брату по имени?

— Ты не можешь скрыть своего напряжения, Стиррон. Наверное, ты принимаешь проблемы Саллы слишком близко к сердцу?

— Народ голодает,— ответил он.— Разве можно притворяться, что считаешь это безделицей?

— Народ голодал и раньше, год за годом,— возразил я.— Но если септарх иссушает свою душу в тревогах об этом...

— Хватит, Кинналл,— прервал меня септарх,— ты многое себе позволяешь...

Теперь в тоне его голоса не было ничего братского. Ему было трудно скрыть свое раздражение. Он был явно разгневан тем, что я заметил его усталость, хотя именно он начал разговор с жалоб. Похоже, что наш разговор пошел совсем не в том направлении, чтобы быть интимным. Состояние нервов Стиррона вовсе не должно было меня касаться, для этого у него был побратим. Моя попытка проявить о нем заботу была неуместной и неподобающей.

— Так что же тебе нужно?— грубо спросил он.

— Разрешение септарха-повелителя на отъезд из столицы.

Он мгновенно повернулся от окна и пристально посмотрел на меня. Глаза его до этого мгновения хмурые и вялые, сверкнули, стали жестокими и беспокойно забегали из стороны в сторону.

— Уехать? И куда?

— Есть желание сопровождать побратима Ноима до северной границы, — сказала я, стараясь не запинаться. — Ноим хочет посетить штаб-квартиру своего отца генерала Кондорита, которого не видел со дня коронации повелителя. Чувство любви и братские узы велят и мне поехать с ним на север.

— Когда же ты собираешься отправиться в этот путь?

— Через три дня, если только это будет угодно септарху.

— И сколько ты будешь там находиться? — Стиррон прямо забрасывал меня вопросами.

— До первого зимнего снега.

— Слишком долго, слишком долго.

— Отлучку можно и сократить.

— А нужно ли тебе вообще покидать столицу? Колени мои задрожали и я с трудом сохранил спокойствие.

— Стиррон, учти, что твой брат не покидал Салла-сити ни на один день с тех пор, как ты стал септархом. Подумай о том, как тяжело будет побратиму одному пересекать холмы севера.

— А ты учти, что являешься наследником главного септарха Саллы! — воскликнул Стиррон. — Если со мной что-то случится, пока ты будешь на севере, наша династия может прерваться.

Холод в его голосе и свирепость, с которой он меня допрашивал, повергли меня в панику. Почему он так противится моему отъезду? Мое воспаленное воображение придумывало десятки причин такой враждебности. Он узнал о переводе моих вкладов и сделал из этого вывод, что я хочу сбежать в Глин. Или вообразил, что Ноим и я с помощью войск отца Ноима хотим поднять на севере мятеж с целью посадить меня на трон? Может, он уже решил арестовать меня, но удобный момент еще не наступил, и он не хочет отпускать меня на север, туда, куда ему будет очень трудно дотянуться в случае необходимости? Или же... впрочем, не стоит упоминать все мои предположения. Мы, уроженцы Борсена, люди подозрительные. И самые недоверчивые те, кто носит корону. Если Стиррон не отпустит меня из столицы, а было похоже, что все идет к этому, мне придется бежать тайно, а это было бы более чем неосторожно.

— Вряд ли стоит ждать, что произойдет какое-то несчастье, — как можно тверже сказал я. — Но даже если это и случится, невелика проблема вернуться с севера. Неужели ты всерьез боишься незаконного захвата власти?

— Приходится бояться, Кинналл, бояться чего угодно и стараться избежать малейшего риска.

Затем он долго учил меня избегать малейшего риска, говорил о честолюбивых замыслах тех, кто окружает трон, назвал нескольких вельмож как возможных предателей, а я всегда считал их столпами нашей септархии. И пока он говорил, далеко превзойдя все ограничения, налагаемые Заветом (разве можно было столь откровенно раскрывать передо мной свою нерешительность?), я с удивле-

нием понял, каким измученным и испуганным человеком стал мой брат за то небольшое время, что несет бремя септарха. Понял я также и то, что разрешение на отлучку не будет дано мне. Он все говорил и говорил, не в силах скрыть своего волнения, потирал атрибуты своей власти, несколько раз хватался за скипетр, лежавший на старинном столе, покрытом сверху пластиком. Несколько раз он подходил к окну и возвращался назад, не переставая говорить, то повышая, то понижая голос. Я здорово испугал его.

Он был мужчиной примерно моего веса и роста, правда, сильнее, чем я. Всю свою жизнь я боготворил его, стараясь во всем быть на него похожим. Теперь же передо мной стоял растерявшийся человек, измученный страхом и совершающий грех, рассказывая мне об этом. Неужели всего несколько лун его власти явились причиной столь тяжкого падения? Неужели одиночество — удел септархов — было для него столь ужасным? На Борсене мы одиноки от самого рождения, мы живем в одиночестве и умираем тоже одни. Почему же ношение короны должно быть гораздо более тяжелым бременем, чем обычное одиночество? Стиррон рассказывал мне о заговорах с целью убийства и революции, которая назревает среди крестьян, наводнивших город, и даже намекнул на то, что смерть нашего отца не была несчастным случаем. Сколько ни пытался я убедить себя в том, что невозможно так выдрессировать птицерога, чтобы он убил строго определенного человека, выбрав его среди дюжины других, мысль эта полностью отвергалась мной. Похоже было, что ответственность, лежащая на плечи септархов, довела Стиррона до безумия. Я вспомнил о герцоге, который несколько лет назад вызвал неудовольствие моего отца и за это на полгода был посажен в темницу, где подвергался пыткам в каждый солнечный день. Он вошел в камеру заточения крепким и энергичным молодым человеком, а когда вышел, был до такой степени развалиной, что гадил прямо под себя, не раздеваясь и не сознавая этого. Сколько времени понадобится Стиррону, чтобы он дошел до такого же состояния? Возможно, подумал я, это даже к лучшему, что он отказал мне в праве выезда из столицы, потому

что лучше оставаться здесь и быть готовым занять его место, если он окажется не в состоянии владеть собой.

Однако в самом конце своих разглагольствований Стиррон удивил меня, хрипло прокричав:

— Поклянись, Кинналл, что вернешься с севера к моей свадьбе!

Этого я не ожидал. В течение последних нескольких минут я уже начал быстро разрабатывать план, основанный на том, что я останусь в Салла-сити. Теперь же я обнаружил, что вопреки своим опасениям, могу уехать, но во мне уже не было уверенности, что следует поступать именно так, если принять во внимание жалкое состояние Стиррона. Да к тому же он требует от меня обещания вернуться, а как я могу дать его, не солгав при этом? Это был грех, который я не был готов совершить. До сих пор все, что я говорил брату, было чистой правдой, хотя и неполной. Я действительно намеревался вместе с Ноимом отправиться на север и навестить там его отца. Я действительно оставался бы на севере до выпадения первого снега, хотя это и не могло быть датой моего возвращения в столицу.

Стиррон должен был жениться через сорок дней на дочери Бригилла, септарха юго-восточного округа Саллы. Этот брак был довольно искусным дипломатическим ходом. В табели о рангах, устанавливающей традиционный порядок старшинства, Бригилл был седьмым и последним из септархов. Но одновременно он был самым старым, самым мудрым и наиболее уважаемым. Сочетание пронизательности Бригилла с престижем, выпавшим на долю Стиррона, чрезвычайно укрепило бы его положение как старшего из септархов, а значит, и положение нашей семьи на троне. Не было никакого сомнения, что в скором времени дочь Бригилла нарождает сыновей, тем самым освободив меня от поста «условного наследника». Ее способность к деторождению доказывалась предварительной проверкой, что же касается Стиррона, то подобных вопросов даже не могло возникнуть, поскольку по всей Салле были разбросаны его незаконнорожденные отпрыски. Мне, как брату септарха, во время бракосочетания отводилась определенная роль, по-

тому-то Стиррон и настаивал на моем возвращении в Салла-сити через сорок дней.

Я совсем забыл об этой свадьбе. Если бы я покинул столицу до нее, то очень огорчил бы своего брата, да и для меня самого это было бы не меньшим огорчением. Но если я останусь здесь, рядом со Стирроном, душевное состояние которого так неустойчиво, нет никаких гарантий, что ко дню свадьбы я еще буду на свободе, не говоря уже о том, останусь ли я вообще в живых. Не было ни малейшего смысла отправляться с Ноимом на север, если себя я свяжу обещанием вернуться через сорок дней. Передо мной стоял трудный выбор: либо отложить отъезд с вытекающим отсюда риском стать возможной жертвой царственных капризов брата, либо уехать сейчас же, сознавая, что на меня ложится вся твоя ответственность за данное септарху обещание.

Завет учит нас тому, чтобы мы смело встречали возникающие затруднения, ибо только это закаляет характер, давая возможность бороться с неразрешимым и находить верное решение. И в это мгновение Случайность посмеялась над высокопарными изречениями Завета. Пока я мучился нерешительностью, зазвонил телефон Стиррона. Он схватил трубку и пять минут слушал что-то непонятное для меня. К концу этого разговора лицо его стало мрачным, а во взгляде появились молнии. Он взглянул на меня как на пустое место.

— В Спока уже едят мясо только что умерших, — пробормотал он. — На склонах Конгороя танцуют до иступления в надежде, что будет ниспослана пища. Безумие! Миром овладело безумие.

Он сжал кулаки и бросился к окну, прижался к нему лицом и закрыл глаза, как мне показалось, на время забыв обо мне. Затем опять зазвонил телефон. Он повернулся и подбежал к аппарату. Заметив меня, застывшего у двери, он нетерпеливо замахал руками и закричал:

— Так что же, ты уходишь? Ну и черт с тобой! Отправляйся куда хочешь со своим поборником. Оставьте меня одного! О, отец, отец!

Он схватил трубку. Я попытался было преклонить колени перед тем, как уйти, но он так яростно замахал рукой, что я буквально вылетел из ком-

наты. Он отсылал меня безо всяких обещаний и проверок к границам своих владения.

И

11

Ноим и я отправились из столицы через три дня. Только мы двое и небольшая свита слуг. Погода была плохая, сухое лето быстро сменилось холодными зимними дождями.

— Вы умрете от плесени, прежде чем увидите Глин,— сказала на прощание Халум,— если только не утонете в грязи Главного Шоссе Саллы.

Последний вечер перед нашим отъездом она провела с нами в доме Ноима. Спала она в маленькой спальне под крышей и позавтракала с нами. Никогда я не видел ее более прелестной, чем в это утро. Она была воплощением сверкающей красоты, которая, как факел, освещала хмурый рассвет. Возможно, причиной этого было то, что я знал: вот-вот она на неопределенное время уйдет из моей жизни, и переживал эту потерю. Я подсознательно преувеличивал ее привлекательность в моих глазах. Тогда она была одета в тонкое золотистое платье, плотно облегавшее фигуру, и каждый изгиб ее тела возбуждал во мне недостойные мысли, от которых я не знал, куда деваться. Халум была в самом расцвете своей юной женственности. Такою она была уже несколько лет, и я начинал удивляться, почему она до сих пор не замужем. Хотя мы трое были одного возраста, ее детство, как и положено девочкам, кончилось раньше нашего, и я непривычно привык думать о ней как о нашей сестре. Так что, когда у нее уже были тугие женские груди и месячные, у нас с Ноимом не было даже волос на теле. И пока мы догоняли ее в своем физическом развитии, она становилась все более и более взрослой. Голос ее стал глубже и ниже, в движениях появилась плавность, и для меня невозможно было отказаться думать о ней, как о старшей сестре, которая вскоре должна была принять чье-либо предложение, чтобы не перезреть в своем

девичестве. Внезапно у меня появилось чувство, что Халум выйдет замуж, пока я буду в Глине, и мысль о каком-то потеющем незнакомце, обладающем ею, вызвала у меня почти тошноту, так что пришлось отвернуться и броситься к окну, чтобы вдохнуть свежий воздух в свои изнемогающие легкие.

— Тебе нехорошо? — участливо спросила Халум.

— Как-то неловко, сестра.

— Но ведь определенно нет никакой опасности. Тебе даровано разрешение септарха отправиться на север.

— Но нет документа, который можно было бы предъявить, — напомнил ей Ноим.

— Но ты же сын и брат септарха! — воскликнула Халум. — Разве дорожная стража посмеет шутить с тобой?

— Все верно, — согласился я, — у меня не должно быть оснований для страха. Нет, это просто какое-то чувство неопределенности. Не забудь, Халум, что сегодня начинается моя новая жизнь. — Я попробовал улыбнуться. — Ну что же, пора отправляться.

— Побудь здесь еще немного, — умоляла Халум, но мы были неумолимы. На улице уже ждали слуги с подготовленными краулерами, Халум обняла нас, сначала Ноима, потом меня, так как я был тем, кто уже не вернется сюда. Когда она оказалась в моих объятиях, я был ошеломлен той силой, с которой она предлагала себя: губы к губам, живот к животу, грудь к груди. Стоя на носках, она с силой прижималась ко мне, и я чувствовал, как она трепещет, а вскоре затрепетал и сам. Это вовсе не было поцелуем сестры, и тем более названной сестры. Это был страстный поцелуй новобрачной, провожающей своего мужа на войну, с которой, как она знала, ему не суждено вернуться. Я был буквально обожжен этой вспышкой страсти. Я чувствовал себя так, словно упала завеса и Халум, которую я прежде не знал, бросилась ко мне, горя зовом плоти, которая не в силах больше таить в себе запрещенное желание тела брата. Или я все это только вообразил? Мне казалось, что в это единственное, но длящееся вечно мгновение, Халум отбросила все, что сдерживало ее, и позволила

рукам и губам сказать всю правду о чувстве. Но я не мог ответить ей подобным же образом — все мое воспитание не позволяло относиться к названной сестре иначе, чем предписывалось Заветом. Я был далек от нее и холоден, хотя мои руки и обнимали ее тело. Возможно, в первое мгновение я даже инстинктивно оттолкнул ее, пораженный ее страстью. А может, как я уже говорил, и не было никакой страсти, а только горечь расставания. Как бы то ни было, порыв этот быстро прошел, объятия Халум ослабли, и она отпустила меня. Теперь она казалась застывшей и брошенной, словно я глубоко обидел ее, отказавшись от того, что она щедро предлагала.

— Пора! — нетерпеливо произнес Ноим. Пытаясь как-то спасти положение, я поднял руку Халум и слегка прикоснулся своей ладонью к ее холодной кисти, как будто давая какое-то обещание. При этом я неуклюже улыбнулся, она улыбнулась еще более неловко, и, возможно, мы обменялись бы парой сбивчивых фраз, но Ноим схватил меня за локоть и силой вывел наружу. Так началось мое путешествие за пределы моей родной земли.

Я

12

настоял на том, чтобы обнажиться перед исповедником, прежде чем мы покинем Салла-сити. Раньше я не собирался этого делать, и Ноима раздражало, что я трачу на это время. Однако страстное желание утешиться религией росло во мне по мере того, как мы приближались к окраине столицы.

Мы были в пути уже час. Дождь усилился, порывистый ветер с размаху бил в ветровые стекла наших краулеров, и потому ехать приходилось довольно осторожно. На замощенных булыжником улицах было скользко. Ноим вел одну из машин, а я уныло восседал рядом с ним. Вторая машина, в которой разместились наши слуги, ехала сразу же за нами. Было раннее утро, и город еще спал.

Я чувствовал, как что-то отрезаю от себя. Вот исчез Дворцовый ансамбль, затем шпили Судебной Палаты, огромные коричневые здания Университета, церковь, где мой отец приобщил меня к Завету, Музей Человечества, который я так часто посещал с матерью, чтобы полюбоваться на сокровища далеких звездных систем. Скользя взглядом вдоль прекрасного жилого массива, который раскинулся по берегам канала Скинген, я даже увидел вычурный дворец-резиденцию герцога Конгоройского, где на шелковых простынях его красавицы дочери потеряли невинность не так много лет назад. Я прожил в этом городе всю свою жизнь и, может быть, никогда больше его не увижу. Мои прошлые дни как бы смывались с меня, как срезается лезвием зимних дождей верхний слой почвы на унылых полях Саллы. С детства я знал, что в один прекрасный день мой брат станет септархом, и в этом городе уже не будет для меня места, и все уговаривал себя, что это произойдет не так скоро, а может, и вообще никогда не случится. И вот мой отец лежит в украшенном орнаментом гробу, брат согнулся под страшным бременем короны, а я вынужден покинуть Саллу еще до того, как по-настоящему началась моя жизнь. И такая жалость к самому себе охватила меня, что я даже не осмелился заговорить с Ноимом, хотя для чего же тогда побратим, если не для облегчения перед ним души? Когда мы очутились среди ветхих улиц старого Города, недалеко от городских стен я заметил обшарпанную церковь и сказал Ноиму:

— Останови здесь, на углу. Нужно зайти внутрь и облегчить душу.

Ноима раздражала эта потеря времени, и он, словно не слыша, продолжал вести машину дальше.

— Разве можно отказываться от общения с богом?— пылко сказал я, только тогда он, весь кипя, остановил машину и дал задний ход, чтобы я мог выйти у самой церкви.

У нее был обшарпанный фасад, а надпись рядом с дверью была неразборчивой. Мостовая перед ней вся была в трещинах и выбоинах. Старый Город Саллы имеет более чем тысячелетнюю историю. В некоторых его домах живут непрерывно с самого дня основания города, хотя большинство их пре-

вратилось уже в развалины, поскольку жизнь в этом районе почти прекратилась с того времени, когда один из средневековых септархов счел нужным перенести свой дворец, а значит и двор, на вершину холма Сканген. По ночам Старый Город оживляют искатели наслаждений, которые хлещут голубое вино в подвалах кабачков. Однако в этот ранний час город был довольно угрюмым местом. Голые каменные стены смотрели на меня со всех сторон — у нас в Салле в качестве окон принято прорубать узкие щели, но здесь этот обычай был доведен до крайности. Вряд ли в этой церкви была исправной сканирующая установка, оповещающая о моем приближении, однако, когда я подошел к дверям, они широко распахнулись, и оттуда выглянул костлявый мужчина в облачении исповедника. Разумеется, он был уродлив. Разве кто-нибудь видел красивого исповедника? Это занятие для тех, кого не устаивают любви женщины. У этого духовника, который сейчас находился передо мной, была зеленоватая кожа, изрытая оспинами, сморщенный заостренный нос и бельмо на глазу — отличительный знак его ремесла. Он презрительно посмотрел на меня, и, казалось, уже сожалел, что открыл передо мной дверь.

— Благоволение всех богов да будет с вами, — сказал я. — Есть необходимость в вашем ремесле.

Он окинул взглядом мое дорогое платье, кожаную куртку и обилие украшений, оценил мои размеры и шегольские замашки и пришел к выводу, что я какой-нибудь хулиган из аристократов, который пришел в эти трушобы покуражиться.

— Еще очень рано, — сказал он с тревогой в голосе. — Вы слишком рано пришли за утешением.

— Нельзя отказывать страждущему.

— Еще слишком рано...

— А ну, впускайте! Вы что, не видите, что перед вами стоит растревоженная душа?

Он уступил, я знал, что ему придется это сделать. Морща украшенное носом лицо, он пропустил меня вовнутрь. Помещение заполнял запах тления. Старинные деревянные панели покрывали влажные пятна, драпировка стен кое-где совсем сгнила, мебель давно источили насекомые. Церковь была скудно освещена. Жена исповедника, такая же безоб-

разная, как он сам, шмыгнула мимо и спряталась где-то рядом. Он провел меня в свою часовенку, небольшую сырую комнату, отделенную от жилого помещения, и оставил на коленях перед потрескавшимся и пожелтевшим зеркалом, пока сам зажигал свечи. Затем он облачился в рясу и вышел ко мне. Я продолжал стоять на коленях. Когда он назвал цену, я открыл рот от изумления.

— Любую половину, — сумел наконец выговорить я, немного оправившись от потрясения, он снизил цену на одну пятаю. Когда я снова отказался, он предложил поискать мне другого священника, но я не поднимался с колен, и он, ворча, еще понизил цену своих услуг. Но даже теперь она была в пять раз больше, чем простое сотрясение воздуха. Прежде чем солдат уложит девку на постель, они договорятся об условиях сделки и занесут их на бумагу.

Исповедник протянул мне стандартный бланк, текст на котором обещал, что все, сказанное здесь, будет храниться в строжайшей тайне. Кроме того там было записано, что исповедник сейчас не кто иной, как посредник между мной и богом. Помимо этих данных мне обещаний, с моей стороны были обязательства не требовать от исповедника ответственности за те знания обо мне, которые ему предстоит узнать. Что я не буду вызывать его на суд как свидетеля, ему во время судебного заседания не придется подтверждать мое алиби и тому подобное.

Я подписался, затем то же сделал священник. Мы обменялись копиями, и я вручил ему плату.

— Какого бога вы хотели бы выбрать? — начал он.

— Бога, покровительствующего путешественникам, — ответил я. Должен заметить, что у нас не принято вслух называть имена богов.

Он зажег свечу соответствующего цвета — розового — и поставил ее перед зеркалом. Считалось, что благодаря этому выбранный бог услышит мои слова.

— Узри лицо свое, — сказал священник, — смотри в глаза свои.

Я посмотрел в зеркало. Поскольку мы остерегаемся тщеславия, смотреть в зеркало было приятно только в подобных случаях.

— А теперь открой свою душу,— скомандовал священник.— Пусть твои печали и мечты, вожеление и горе выйдут наружу.

— Сын септарха — вот кто покидает сейчас родную землю,— начал я, и тотчас исповедник весь напрягся, заинтригованный моим сообщением. Хотя я не отводил глаз от зеркала, я знал, что он украдкой пытается прочесть, кто же поставил подпись на контракте.

— Страх перед братом,— продолжал я,— вынуждает его уйти из отчего дома, но хотя он и уходит, душа его полна печали.

Еще некоторое время я продолжал высказываться в том же духе. Всякий раз, когда я запинаясь, исповедник вставлял нужные восклицания, выживая из меня слова различными хитростями своего ремесла, и вскоре уже не было необходимости в подобном акушерстве, потому что слова хлынули из меня потоком. Я рассказывал о своем вожелении к названной сестре, и о том, как ее объятия выбили меня из равновесия. Я рассказывал, насколько близок был к опасной черте, за которой начиналась ложь септарху, и сознался, что не собираюсь возвращаться, чтобы присутствовать на его свадьбе, хотя знаю, что тем самым причиню ему огромную боль. Я признался в нескольких мелких грехах самоуважения, таких, которые ежедневно совершает любой житель Борсена.

Исповедник внимательно слушал меня. Мы платим им, чтобы они слушали, не делая ничего другого, пока мы не исповедуемся и почувствуем себя лучше. Таково наше священное причастие — в том, что мы поднимаем из грязи этих жаб, сажаем их в церкви и покупаем за свои деньги их терпение. Завет разрешает говорить священнику все, что угодно, даже если это бессмысленная чушь, даже если это постыдный перечень подавляемых вожелений и тайной грязи. Мы имеем право так надоедать священникам, как никогда не посмели бы разговаривать со своим названным братом, потому что обязанностью исповедника по контракту является терпение, пока мы говорим о себе. У нас нет нужды беспокоиться о том, что заботит его, ни о том, что он думает о нас, ни о том, что он был бы счастливее, занимаясь другим делом. Было время, когда

я ощущал, насколько справедливо то, что нам даны такие люди, что мы можем избавить свои сердца от тяжелой боли. Слишком большая часть моей жизни прошла, прежде чем я осознал, что открытие своих тайных мыслей исповеднику слишком похоже на удовлетворения плотских желаний собственной рукой. И как у любви есть проявления чистоты и возвышенности, так и для обнажения души есть более счастливые способы.

Но тогда я этого не знал и, стоя на коленях перед зеркалом, получил лучшее исцеление, которое только можно было получить за деньги. В мерцающем свете свечей я как бы отделился от своей плоти. Исповедник был просто каким-то пятном в темноте, нереальным, не имеющим никакого значения.

Теперь я говорил непосредственно с богом путешественников, который должен исправить меня и повести по избранному пути. Я верил, что так оно и будет.

Потом поток моих слов иссяк, и исповедник не делал более попыток возобновить его. Он прошептал мне фразу отпущения грехов и отвернулся. Все было кончено. Я чувствовал, что очистился, что с души моей сошли грязь и шлак. Значение этого момента было столь глубоко, что я едва создавал окружающие меня грязь и запустение. Часовня стала божественным местом, а исповедник прямо лучился красотой.

— Поднимитесь,— проговорил он, поднимаясь сам и подталкивая меня кончиком сандалии. Звук его надтреснутого голоса погубил все очарование. Я встал и тряхнул головой, как бы не веря вновь обретенную ясность мышления, а исповедник принялся потихоньку выталкивать меня. Он уже больше не боялся меня, этот уродливый человечек, не боялся, даже несмотря на то, что я сын септарха и мог бы убить его одним плевком за то, что поведал о своей трусости, о своем запретном вожделении к Халум, вообще обо всем низком, что было у меня на душе, и за то, что знание этого понизило меня в его глазах. Ни один человек, уже исповедовавшийся, не может больше пугать своего исповедника.

Когда я вышел на улицу, дождь лил все сильнее. Ноим хмурился, сидел в кабине, прижавшись щекой к рулевому рычагу. Он поднял голову и похлопал рукой по запястью, давая понять, что потратил на пустяки слишком много времени.

— Почувствовал себя легче, когда твой пузырь стал пустым? — саркастически спросил он.

— Что? — не понял я.

— Хотел спросить, как ты себя чувствуешь, когда твой духовный пузырь стал пустым? — засмеялся Ноим.

— Не кажется ли тебе, Ноим, что это довольно-таки неприятная фраза? — обиделся я.

— Когда терпение испытывается слишком долго, поневоле станешь богохульником.

Он нажал на стартер и мы покатались дальше, и вскоре были уже у древних стен Салла-сити. Четверо угрюмых стражников, охранявших ворота, над которыми возвышалась сторожевая башня (кстати, ворота эти назывались воротами Глина), не обратили на нас никакого внимания.

Мимо плаката, приглашавшего нас на Главное Шоссе Саллы, Ноим беспрепятственно миновал ворота, и город быстро исчез из виду позади нас. Мы устремились на север, в Глин.

Г

13

Главное Шоссе Саллы проходит через наши лучшие сельскохозяйственные районы — богатую и плодородную равнину Гланд, которая каждую весну получает в дар верхние слои почвы, безжалостно содранные с земель Западной Саллы ручьями и селями.

В то время септархом округа Гланд был печально известный скряга. Благодаря его скупости, шоссе было в отвратительном состоянии, поэтому, как шутя предсказала Халум, мы на самом деле едва не захлебнулись в грязи, покрывавшей дорогу. Все изменилось к лучшему, когда мы миновали эту богатую, но жадную провинцию, и очутились в

Средней Салле, где почва представляет собой смесь камней и песка, а народ живет сорной травой и тем, что удастся выловить в море. Краулеры — весьма необычное зрелище в Северной Салле, и дважды нас забрасывали камнями голодные жители этого края, принимавшие как личное оскорбление, что мы проезжаем мимо них по голодной и несчастной земле. Но во всяком случае дорога здесь была свободной от грязи.

Войска отца Ноима располагались в самой дальней части Северной Саллы, на более низком берегу реки Валлада. Она берет свое начало из сотни мелких ручьев, стекающих с восточных отрогов гор Хаштор в северной части Западной Саллы. Среди холмов эти ручьи сливаются в быстрый поток, который, пенясь и бурля, врывается в гранитный каньон, образуя в нем каскад из шести водопадов. Вырываясь на равнинные просторы, Хаш более спокойно течет на северо-восток, становясь все шире и шире, и в конце концов раскинувшись так широко, что его дельта содержит восемь впадающих в океан рукавов. В своей быстрой западной части Хаш является естественной границей между Саллой и Глином. Спокойное восточное крыло отделяет Саллу от Крелла.

По всей длине великая река не имеет мостов, и можно подумать, что нет особой нужды строить укрепления по ее берегам для защиты от набегов с противоположного берега. Однако много раз за историю Саллы жители Глина пересекали Хаш на лодках в военных целях, и столько же раз мы из Саллы отправлялись опустошать Глин. История отношений между Глином и Креллом ничуть не счастливее. Поэтому вдоль всего Хаша построены военные форты, и генералы, подобные Кондориту, проводят всю жизнь, вглядываясь в речной туман, чтобы своевременно засечь появление неприятеля.

В лагере отца Ноима я сделал небольшую остановку. Генерал Кондорит был вовсе не похож на Ноима — крупный мужчина, чье лицо было изобразовано временем и заботами и напоминало контурную карту каменистой Северной Саллы. За те пятнадцать лет, что он провел здесь, не было ни одной существенной стычки вдоль охраняемых им границ, и мне показалось, что эта праздность ох-

ладила его душу. Он мало говорил, часто хмурился, отзывался на все горьким ворчанием и быстро уходил от разговора, погружаясь в задумчивость. Должно быть, он часто мечтал о войнах. Всякий раз, глядя на реку, ему мечталось увидеть не ней плоты с жителями Глина. Поскольку и на берегу Глина патрульную службу несли подобные ему люди, я не мог понять, почему пограничники не переходили через реку просто так, от скуки, втягивая наши государства в бессмысленные военные конфликты.

Здесь нам было откровенно скучно. Ноим был связан с отцом кровными узами, но им не о чем было говорить друг с другом, а для меня генерал был просто чужим человеком. Я говорил Стиррону, что пробуду у генерала до первого снега, и говорил тогда сухую правду. Но, к счастью, оставаться здесь пришлось совсем недолго. На севере заминок с приходом зимы не бывает, и она начинается очень рано. На пятый день после нашего приезда сюда в воздухе уже кружились первые снежинки, и тем самым я мог считать себя свободным от наложенного самим собой обета.

В трех местах между пристанями, конечно, если не было войны, ходили паромы, соединяющие Саллу с Глином. И вот в одно хмурое утро Ноим подвез меня к одному из причалов, мы торжественно обнялись и стали прощаться друг с другом. Я сказал, что как только у меня появится адрес в Глине, я тотчас ж извещу его, чтобы он держал меня в курсе всего, происходящего в Салле. Он обещал и присмотреть за Халум. Мы с неопределенностью говорили о том, что еще когда-нибудь сможем встретиться. Возможно, в следующем году они вдвоем навестят меня в Глине, и мы все трое отправимся на лето в Маннеран. Однако, когда мы говорили об этих планах, в голосах наших не было уверенности.

— Этот день разлуки не должен был наступить никогда,— с горечью сказал Ноим.

— Но ведь разлука ведет к встречам,— беспечно откликнулся я.

— И все же ты мог бы прийти к взаимопониманию с братом, Кинналл...

— На это надежды не было.

— Стиррон всегда с теплотой говорил о тебе. Неужели он был неискренен?

— Сейчас-то он, конечно, искренен. Но пройдет совсем немного времени, и для него станет неудобством, что брат живет подле него, а затем совместная жизнь станет и вовсе невозможной. Септарх спит лучше, когда рядом нет потенциального соперника, связанного с ним кровными узами.

Паром позвал меня мычанием своего гудка. Я схватил Ноима за руку, и мы распрощались окончательно. Последними моими словами были:

— Когда увидишь септарха, скажи, что брат очень любит его.

Через мгновение я взошел на борт парома, меньше часа, а я уже оказался на чужой для меня земле Глина. Поначалу эмиграционные власти обращались со мной довольно грубо, но сменили гнев на милость при виде моего красного паспорта, свидетельствовавшего о моей принадлежности к высшей аристократии. К тому же золотая полоса, наискось пересекавшая паспорт, говорила о том, что я из дома септарха. Мне тотчас же выписали визу с неопределенным сроком пребывания. Чиновники на подобных должностях — большие сплетники, и несомненно, что как только я вышел из кабинета, телефонный звонок известил правительство о том, что принц Саллы находится в их округе, а через час — по моим предположениям — эта новость была уже известна дипломатическим представителям Саллы в Глине, которые незамедлительно передали ее моему брату, к явному его неудовольствию.

Напротив таможни находилось отделение Договорного Банка Глина, и я обменял там свои купюры на деньги нашего северного соседа. С их помощью я нанял водителя, который должен был отвезти меня в столицу, которая называлась Глейн. Она располагалась в полудне пути от места, где я сейчас находился.

Дорога была узкой и извилистой и пересекала унылую местность. Дыхание зимы давно уже смело все листья с деревьев. Повсюду лежали сугробы грязного снега. Провинция Глин богата лесами. Она была основана людьми пуританского склада, которые сочли, что жизнь в Салле слишком легка. Очевидно, они решили, что если останутся на

моей родной земле, то не смогут противиться искушениям и в чем-то отступят от Завета. Поэтому они пересекли Хаш и обосновались на севере. Суровый народ, созданный для тяжелого труда. Каким бы бедным ни было сельское хозяйство в Салле, урожаи в Глине были раза в два, а то я больше, чем у нас. Главным средством существования была рыба, промышленность, хитроумные торговые сделки и пиратство. Не будь моя мать родом из Глина, я бы никогда не выбрал этого места для своего добровольного изгнания. Однако мои родственные связи ничего мне не принесли.

Н

14

очь застала меня в Глейне. Этот город, подобно столице Саллы, обнесен стенами, но в остальном мало похож на нее. Салла-сити несет на себе отпечаток могущества и изящества. Его здания построены из камня (черного базальта), а улиц широки и содержатся в чистоте. У них благородный вид, и толпы роскошно одетых людей постоянно прогуливаются по ним. Если не считать нашего обычая делать вместо окон узкие щели, Салла-сити — открытое и привлекательное место, архитектура которого являет миру смелость и самостоятельность его жителей.

Зато этот мерзкий Глейн! О ...!

Глейн выстроен из грязно-желтого кирпича, лишь в некоторых местах отделанного розовым песчаником, крошащимся на малейшие кусочки от легчайшего прикосновения. В этом городе нет улиц, одни переулки. Дома теснятся друг к другу, словно боятся, что кто бы то ни было может втиснуться между ними, как только они ослабят бдительность. Проспекты Глина нельзя сравнивать даже с восточными канавами Саллы. Архитекторы Глина создали город, пригодный разве что для проживания народа, состоящего из одних исповедников, поскольку все в нем кривобокое, неправильной формы, неровное

и кривое. Мой брат, который однажды побывал в Глейне с дипломатической миссией, описал мне это место, но тогда я посчитал его суровые слова просто патристическим предрассудком. Теперь же я убедился, что Стиррон был еще довольно мягок в своих оценках.

Да и обитатели Глина были не лучше своих домов и города в целом. В мире, где подозрительность и скрытность являются божественными добродетелями, можно ожидать, что нехватка чего угодно имеет свою прелесть. Однако я обнаружил, что добродетельность жителей Глейна превосходит всякую необходимость. Темная одежда, хмурый вид, черные души, замкнутые и сморщенные сердца. Даже их речь сама по себе показывает эту душевную замкнутость. Язык в Глине тот же, что и в Салле, если не считать акцента и некоторого смещения гласных. Это не беспокоило меня, зато у меня вызывало ужас самоуничтожение их синтаксиса. Мой водитель, который не принадлежал к жителям Глейна и потому казался мне настроенным более дружелюбно, доставил меня в гостиницу, где, как он думал, мне окажут достойный прием. Когда я вошел внутрь и сказал: «Нужна комната на ночь, и, возможно, еще на несколько дней», хозяин гостиницы со злобой посмотрел на меня, как будто я сказал «Мне!» или еще что-нибудь непристойное. Позже я обнаружил, что даже наши обычные вежливо-неопределенные высказывания кажутся северянину проявлением неслыханного тщеславия. Я должен был сказать не «нужна комната», а «есть ли здесь свободная комната?» В ресторане следует говорить: «Вот блюда, которые выбраны». И так далее и тому подобное, выворачивая все в столь затруднительном страдательном залоге, чтобы избежать греха, заключавшегося в объяснении о своем собственном существовании.

Из-за моего неведения хозяин отвел меня в самую плохую комнату и заломил за нее вдвое больше обычной цены. Судя по моей речи, он опознал меня как уроженца Саллы, так зачем же ему быть со мной любезным? Однако, подписывая контракт на свое пристанище на ночь, я был вынужден показать свой паспорт. Когда он увидел, что его гостем является принц, он едва не задохнулся от

изумления. Он более чем смягчился и спросил, не угодно ли, чтобы в мою комнату прислали вина и, быть может, веселую девушку. Я дал согласие на вино, но отказался от девушки, так как был тогда еще очень молод и чересчур боялся всех тех болезней, которые могли бы таиться в чужеземной плоти. В тот вечер я одиноко сидел в своей комнате, наблюдая, как неторопливо падает за окном снег, и чувствуя себя как никогда прежде изолированным от всех людей. Как никогда прежде...

П

15

Прошло более недели, прежде чем я решился наконец созвониться с родней моей матери. Каждый день я часами бродил по городу, завернувшись в плащ, и удивлялся уродству всего, что видел, как людей, так и зданий. Я нашел посольство Саллы и подолгу стоял рядом с ним, не желая, однако, заходить вовнутрь, как бы просто сохраняя связь с родной землей, которую представляло это угрюмое приземистое здание. Я покупал груды дешевых книг и читал их до глубокой ночи, чтобы получше узнать жизнь в избранной мною провинции. Здесь была и история Глина, и путеводитель по Глейну, и бесконечный эпос, описывающий в основном первых поселенцев к северу от Хаша... и многое, многое другое. Я растворял свое одиночество в вине, но не в том напитке Глина, который здесь зовут вином. Разве виноградная лоза может расти в такой стуже? Я пил доброе золотое вино Маннерана, которое ввозилось сюда в огромных деревянных бочках. Спал я плохо. В одну из ночей мне приснилось, что Стиррон умер, и меня разыскивают. Несколько раз я видел во сне, как птицерог снова и снова убивает моего отца. Это сновидение до сих пор преследует меня, я постоянно вижу его два-три раза в год. Я писал длинные письма Халум и Ноиму, рвал их, так как они были пронизаны

жалостью к самому себе, и писал снова. Я написал также письмо Стиррону, умоляя его простить мое бегство. Это письмо я тоже порвал. Когда все остальное уже не могло меня утешить, я попросил хозяина прислать мне девушку. После ее визита я добрый час отмывался, однако на следующий вечер попросил прислать другую. Не церемонясь с ней, я всем своим телом и всей душой кричал «я» и «мне», словно это была исповедь. Я даже несколько раз произносил эти слова вслух. Правда, потом меня преследовали страхи, что хозяин заведения обвинит меня в непристойном поведении со служанкой, однако при встрече он так ничего и не сказал мне. Даже в Глине с девушками такого сорта требуется вежливость — только такой вывод можно было сделать из всего происшедшего.

Вот так я растрачивал свои деньги в столице пуританского Глина — бродяжничая, распутничая и слоняясь без дела. Когда я стал задыхаться от собственной праздности, то, поборов застенчивость, отправился на поиски моих глинских родственников.

Моя мать была дочерью старшего септарха Глина. Сам он, как и его сын, наследовавший трон, успели умереть, и на престоле сейчас находился племянник моей матери, Труис. Мне казалось преждевременным идти сейчас просить покровительства у моего царствующего кузена. Труису придется учитывать не только родство, но и государственные дела, и, возможно, он не захочет оказать помощь сбежавшему брату старшего септарха Саллы, чтобы не ухудшать межгосударственных отношений. Но у меня была тетка Ниолл, младшая сестра матери, которая в свое время частенько бывала у нас в Салла-сити и с любовью нянчилась со мной, когда я был ребенком. Не поможет ли мне она?

Ее брак был сочетанием власти с могуществом. Мужем ее был маркиз Хаш, который пользовался огромным влиянием при дворе. В Глине вовсе не считалось неподобающим для аристократа заниматься торговлей, и он контролировал богатейшую посредническую палату. Такие палаты были чем-то вроде банков, но на особый манер — они одалживали деньги купцам, разбойникам, промышленникам, но под чудовищные проценты, а получив часть

прав на собственность задолжавших предприятий, потихоньку проглатывали их. Таким образом они незаметно протягивали свои щупальца в сотни предприятий и добивались невообразимого влияния в вопросах экономики. В Салле посреднические палаты были запрещены еще столетие назад, но в Глине они преуспевали, став, по существу, еще одним правительством. Я недолюбливал такую систему хозяйствования, но предпочел бы присоединиться к ней, чем стать попрошайкой.

Благодаря наведенным в гостинице справкам я узнал, как пройти к дому маркиза. По стандартам Глина это было довольно внушительное здание, рядом с которым находилось гладкое, как зеркало, озеро. Я не пытался сразу же проникнуть вовнутрь, а подготовил записку, в которой уведомлял, что Кинналл, сын септарха Саллы, находится в Глине и милостиво спрашивает у него аудиенцию. Найти его можно в такой-то гостинице. Вернувшись в свой номер, я стал ждать. На третий день мой хозяин, выпучив глаза от страха, вошел в мою комнату, чтобы сказать, что меня ждет посетитель в наряде придворного маркиза Хаша. Ниолл выслала за мной машину. Меня отвезли во дворец, где все было намного богаче, чем снаружи, а зеркала были установлены таким образом, что создавалась иллюзия бесконечности.

Она сильно постарела с тех пор, как семь или восемь лет назад я видел ее в последний раз, но мое удивление не шло ни в какое сравнение с ее изумлением — как я мог за такой короткий срок превратиться из крошечного ребенка в огромного мужчину. Мы обнялись по обычаю Глина, касаясь друг друга только кончиками пальцев. Она принесла соболезнования по случаю смерти моего отца и извинилась за то, что не смогла посетить коронацию Стиррона. Затем справилась, что привело меня в Глин. Я объяснил причину моего пребывания здесь, и тетушка не выразила особого удивления по этому поводу. Намерен ли я обосноваться здесь навсегда? Я ответил, что да. И как же я собираюсь зарабатывать на жизнь? Работая в посреднической палате ее мужа, ответил я, если мне будет предоставлена такая возможность. Мои планы не показались ей нереальными, однако она спросила, обладаю ли я

каким-либо умением, чтобы меня можно было рекомендовать маркизу. На это я ответил, что изучал законодательство Саллы (не упомянув при этом, насколько поверхностной была моя учеба) и потому мог бы быть полезен при проведении каких-либо операций в этой провинции. Я также сказал, что связан узами побратимства с Сегвором Хелаламом — верховным судьей порта Маннеран, и мог бы быть полезен и в делах, связанных и с этим городом. Наконец, я отметил, что я молод, силен и честолюбив, потому готов посвятить всего себя интересам посредничества, поскольку такое деяние будет для нас взаимовыгодным. Эти заверения как будто успокоили тетушку, и она пообещала добиться для меня аудиенции лично с маркизом. Ее дворец я покидал, полный радужных надежд.

Через несколько дней в гостиницу пришло уведомление, что мне нужно предстать перед посреднической палатой, однако не лично перед маркизом Хашем, а перед одним из его управляющих, неким Сизгаром. Этот человек был настолько скользким, что казался буквально маслянистым. У него не было ни бороды, ни бровей, а лысина сверкала так, словно ее натерли воском. Сизгар кратко расспросил меня о моей учебе и моем опыте, с помощью десятка вопросов обнаружив ничтожность моих знаний и полное отсутствие опыта, как такового. Однако об этих пробелах и незнании он говорил столь учтиво и дружелюбно, что я решил было, что, несмотря на мое невежество, моя высокородность и родство с маркизом обеспечат мне какую-либо должность. Увы! Я уже вынашивал планы, как буду продвигаться к более высоким постам в посреднической палате, когда краем уха уловил слова Сизгара, обращенные ко мне:

— Времена сейчас трудные, как, конечно же, известно вашей милости, и, к сожалению, вы обратились к нам именно тогда, когда необходимо проводить сокращение штатов. Предоставление вам работы даст нам немало преимуществ, но как раз сейчас мы столкнулись с чрезвычайными трудностями. Маркиз желание служить интересам Глина воспринял с радостью, и он готов принять вас в свою фирму, как только позволит конъюнктура.

Часто кланяясь и постоянно улыбаясь, он вывел меня из своего кабинета и, прежде чем я сообразил, что со мной окончательно разделались, я был уже на улице. Они ничего не захотели дать мне, даже должности пятого помощника поверенного в какой-нибудь захудалой деревеньке! Как это могло оказаться возможным? Я едва не бросился назад с криком: «Это ошибка, вы имеете дело с кузеном вашего септарха и племянником вашего маркиза!» Но они, конечно, знали об этом, и тем не менее захлопнули передо мною дверь. Когда я позвонил по телефону тетушке, чтобы сказать, как я потрясен, мне ответили, что она уехала за границу, чтобы переждать долгую и суровую зиму в теплом Маннеране.

П

16

Постепенно происшедшее стало ясно для меня. Моя тетка говорила обо мне с маркизом, а тот, несомненно, посоветовался с септархом Труисом. Очевидно, после этого маркиз пришел к выводу, что предоставление мне какой-либо работы отразится на его взаимоотношениях со Стирроном. В своем негодовании я было подумал о том, чтобы пойти к Труису и выразить ему протест, но, подумав, понял тщетность этой попытки. Поскольку моя покровительница-тетушка уехала в Маннеран именно для того, чтобы избежать повторной встречи со мной, я понял, что дело мое безнадежно. Я был одинок в Глейне. Надвигалась зима, а у меня не было в этом далеком и слишком чужом для меня городе никакого положения. Вся моя высокородность в этом государстве оказалась совершенно бесполезной.

Затем последовали еще более тяжкие удары судьбы. Придя как-то утром в Договорной Банк Глина, чтобы взять немного денег на текущие расходы, я узнал, что Договорным Банком Саллы на мой вклад наложен запрет. Им удалось доказать незаконность перевода денег в Глин. Потрясая своим царственным

паспортом, мне удалось все же выклянчить денег, которых едва хватило бы на проживание здесь в течение семи дней. В Банке оставалась еще большая сумма денег, но у меня не было никакой возможности получить их и использовать для себя.

Затем в гостинице меня навестил дипломат из Саллы, мелкий секретаришка, который, то и дело преклоняя колени и всячески высказывая мне уважение, напомнил, что скоро свадьба моего брата, что меня ждут, и что мне необходимо быть на ней в качестве шафера. Зная, что окажись я в руках Стиррона, уже никогда не смогу покинуть Саллу, я объяснил, что неотложные дела требуют моего присутствия в Глине именно в то время, когда состоится свадьба. Затем я попросил, чтобы мои выражения глубочайшего сожаления были переданы септарху. Секретарь выслушал все это с профессиональным почтением, но все же я заметил, как он доволен под личиной внешней почтительности. «Я нажил себе неприятности,— как бы говорил он себе,— но он сам с готовностью помогает мне выпутаться из них.»

На четвертый день хозяин гостиницы вошел ко мне и сказал, что не может больше предоставлять мне кров, так как мой паспорт аннулирован, и у меня больше нет официального статуса в Глейне.

Это было невероятно. Королевский паспорт, вроде того, что был у меня, дается на всю жизнь и действителен в любой провинции Валлады, если только нет войны. Сейчас же между Саллой и Глином не было никакого вооруженного конфликта.

В ответ на мое недоумение хозяин только пожал плечами. Он показал мне повестку из полиции с приказом выселить проживающего у него нелегального чужеземца. Затем, словно сжалившись надо мной, он посоветовал, если у меня есть возражения, обратиться в соответствующее бюро гражданской службы Глина. Я расценил составление подобной апелляции как глупость. Мое выселение не было делом случая, и, появившись я в каком-нибудь государственном учреждении, меня скорее всего арестуют и передадут через границу прямо в объятия Стиррона.

Предвидя такой поворот событий, я невольно задумался над тем, как уклониться от правитель-

ственных агентов. Теперь я с горечью ощущал отсутствие своих названных брата и сестры, потому что к кому же еще я мог обратиться за помощью и советом? Нигде в Глине не было ни одного человека, которому я мог бы сказать: «Нависла смертельная опасность, и нужна ваша помощь». Все души здесь были окружены каменными стенами неприступных обычаев. Во всем мире существовали только двое, которым я мог открыться, но увы, они были слишком далеко от меня. Поэтому я был вынужден искать пути спасения сам.

Нужно скрыться, подумал я, и хозяин дал мне на это несколько часов.

Для начала я сбрил свою бороду, обменял у одного постояльца королевский плащ на какое-то рубище и заложил свое церемониальное кольцо, чтобы иметь хоть немного денег. Оставшиеся пожитки я поместил у себя на спине, как горб и, согнувшись, заковылял прочь от гостиницы, прикрыв повязкой один глаз и искривив другую половину лица. Могла ли эта маскировка провести кого-либо, сказать трудно. Однако меня никто не арестовал и, обезображенный таким образом, я вышел под холодный ветер Глейна. Вскоре пошел снег.

К

17

Как только я оказался за северо-западными воротами — а именно туда привели меня мои ноги — рядом со мной прогрехотал тяжелый грузовик. Его колеса прокатились по наполовину замерзшей луже, щедро обдав меня грязной водой. Я остановился, чтобы смахнуть холодные брызги со своих колен. Грузовик затормозил, водитель вылез из кабины и, поклонившись мне, сказал:

— Извините за этот непреднамеренный оборот.

Подобная вежливость настолько изумила меня, что, выпрямившись во весь рост, я перестал кривить черты своего лица. Очевидно, водитель посчитал меня искалеченным, сгорбленным стариком. Есте-

ственно, мое превращение очень его удивило, и он произвольно рассмеялся. В ответ на его смех я не нашел, что сказать. Тогда он предложил сам:

— В кабине есть еще одно место, если вам нужно ехать, или просто согреться.

Фантазия моя тут же заработала: он мог бы довезти меня до побережья, где я мог попасть на борт какого-нибудь судна, следующего в Маннеран. А в этой счастливой тропической стране я с радостью отдал бы себя на милость отца моей названной сестры.

— Куда вы направляетесь? — спросил я.

— На запад, в Грон.

Вот тебе и Маннеран! Но я все равно согласился. Он не предложил мне никакого контракта, и я не потребовал от него такового. Несколько минут мы молчали. Я был поглощен тем, что слушал, как плюхаются колеса грузовика в незаметные глазу заснеженные рытвины на дороге, и думал о расстоянии, которое отделяет меня от полиции Глина.

— Вы — чужестранец? — нарушил наконец тишину водитель.

— Да, — односложно ответил я, боясь, что уже может быть объявлена тревога и ведется розыск принца из Саллы. Если водитель решит и дальше продолжать разговор, я хотел воспользоваться плавным неразборчивым говором южан, которому выучился от Халум. Оставалось только надеяться, что водитель уже забыл, что сначала я разговаривал с акцентом, характерным для жителей Саллы. — Вы едете с уроженцем Маннерана, который находит вашу зиму очень необычным и тяжким бременем.

— Что же тогда привело этого человека на север? — спросил водитель.

— Улаживание дела с имуществом матери. Она был уроженкой Глейна.

— Адвокаты хорошо обошлись с вами, не так ли?

— Ее деньги растаяли у них в руках. У меня ничего не осталось.

— О, это обычная история в наших краях.

— Ни гроша в кармане!

— Ну, не отчаивайтесь. Ваше отчаяние легко понять. Мне самому приходилось бывать в таком

положении. Нужно подумать, может, что-то можно сделать для вас.

По синтаксису его предложений, судя по тому, что он не пользовался столь распространенным в Глейне страдательным залогом, я сделал вывод, что он тоже чужеземец. Повернувшись, чтобы взглянуть на его лицо, я сказал:

— Кажется, вы тоже не из этих мест.

— Это правда.

— У вас какой-то необычный акцент, — настойчиво продолжал я. — Вы из какой-то западной провинции?

— Нет, нет...

— И не из Саллы... Так откуда же?

— Из Маннерана, — сказал он и искренне засмеялся. Я покраснел от стыда и смущения, и тогда он сказал: — Вы хорошо подделали акцент, друг. Но вам нет нужды стараться обмануть меня.

— Но в вашем разговоре совсем не чувствуется маннеранский акцент, — только и смог сказать я.

— Очень долго пришлось жить в Глине, вот речь и изменилась.

Я понял, что не удалось ни на мгновение одурачить его, однако, он не делал никаких попыток выяснить, кто же я на самом деле. Казалось, ему было все равно, кто я и откуда.

Мы легко разговорились. Он рассказал мне, что является владельцем лесопилки в западной части Глина, в отрогах Хаштора, где растут высокие медовые сосны с желтыми иглами. Вскоре он предложил мне работу лесоруба на своем участке. Плата низкая, заметил он, но зато очень чистый воздух, никогда не бывает правительственных чиновников, а такие вещи, как паспорт и сертификат, не имеют никакого значения.

Конечно же, я согласился. Его лесопилка располагалась в очень живом живописном месте над сверкающим горным озером, которое никогда не замерзало, так как подпитывалось теплым ручьем, начинающимся, как говорили, где-то в глубине Выжженных Низин. Грандиозные, покрытые снегом вершины нависали над ними, а неподалеку были расположены Врата Глина — проход из Глина в Выжженные Низины, пересекающий крайнюю часть Вымерзших Низин. На моего хозяина работало по

найму около сотни людей — грубых сквернословов, безо всякого стыда выкрикивающих «я» и «мне». Но это были честные и работающие люди! С такими людьми я еще не был близок. Я рассчитывал остаться здесь на всю зиму, копя деньги, а когда их наберется достаточно, отправиться в Маннеран. Время от времени до нас доходили какие-то сведения из внешнего мира, и именно так я узнал, что власти Глина разыскивают какого-то молодого принца из Саллы, который, как уверяли, сошел с ума и скитается где-то по стране. Септарх Стиррон хотел, чтобы этот несчастный был срочно возвращен на родину для лечения, в котором он так нуждался. Предвидя, что дороги и посты окажутся под наблюдением, я продлил срок своего пребывания в горах на всю весну, а затем и на лето тоже. В конце концов я провел там немногим более года. За это время я очень изменился. Мы трудились очень много, валя огромные деревья в любую погоду, очищая их от сучьев и передавая на лесопилку. Рабочий день был долгим, зато по вечерам было очень много теплого вина, а каждый десятый день к нам приводили компанию женщин из ближайшего городка. Мой вес снова увеличился чуть ли не на половину, причем только за счет твердых, как сталь мускулов, и я даже подрос, став выше самого высокого лесоруба в округе. Мои размеры стали предметом шуток. Снова отросла моя борода, а контуры лица изменились, как только прошла юношеская пухлость. Лесорубы нравились мне больше, чем придворные, среди которых прошли мои ранние годы. Мало кто из этих жителей гор и лесов мог читать, а уж о вежливости они и слыхом не слыхали, но это были жизнерадостные и добродушные люди. Их души вполне соответствовали их телам. Мне бы не хотелось, чтобы вы решили, что из частого употребления «я» или «мне» их души были открыты нараспашку и склонные к чистосердечным излияниям. Нет, в этом отношении они строго придерживались канона Завета и, возможно, в некоторых вопросах были даже более скрытны, чем люди образованные. И все же казалось, что души их более чисты, чем у тех, кто пользуется страдательным залогом и неопределенно-личными фразами. Возможно, именно мое пребывание среди

них и посеяло то семя ниспровержения, то понимание глубокой ошибочности Завета, которой позже землянин Швейц довел до полного цветения. Я ничего не говорил им о своем происхождении и ранге. Судя по нежности моей кожи, они и сами могли догадаться, что я никогда прежде не работал. Кроме того, моя манера разговаривать выдавал во мне человека образованного, хотя и необязательно знатного. Но я не желал открывать перед ними своего прошлого, да никто и не требовал этого. Все, что я сказал, это то, что я родом из Саллы — все равно об этом говорил мой акцент. Остальное здесь никого не интересовало. Мой наниматель, как мне кажется, давно догадался, что я и есть тот самый беглый принц, которого так упорно ищет Стиррон, но он ни разу ни показал вида, что знает об этом. Впервые за всю мою жизнь моя личность была отделена от моего королевского статуса. Я перестал быть лордом Кинналлом — вторым сыном септарха, а был просто Даривалом, здоровенным лесорубом из Саллы. Это превращение многому научило меня. Я и прежде никогда не разыгрывал из себя такого чванливого, задиристого молодого аристократа. То, что я был вторым сыном, вселяло некоторую дозу унижения даже аристократам, однако я не мог не ощущать себя отличным от других людей. Мне прислуживали, кланялись, меня обхаживали и баловали, со мной разговаривали мягко и оказывали формальные знаки почтения даже когда я был ребенком. Ведь все же я был сыном септарха, то есть — сыном монарха, так как септархи являются наследственными представителями, и их линию можно проследить до первоначального заселения Борсена людьми, и даже глубже, через звездные просторы до самой Земли, давно забытых династий ее древних народов — вплоть до раскрашенных вождей в древних пещерах. И я был частью этой линии, человеком королевской крови по своему рождению. Но в этом горном лагере лесорубов я пришел к пониманию того, что короли тоже люди, только высоко вознесенные над массами. Они не являются помазанниками божьими, скорее это проявление воли людей, а люди могут и вознести человека высоко, и ниспровергнуть его очень низко. Если бы Стиррона свергли во время восстания, и его место занял

бы тот мерзкий исповедник из Старого Города, разве не занял бы он место в той мифической последовательности людей, а Стиррон не был бы повергнут в прах? И разве сыновья того исповедника не стали бы гордиться своей кровью, как гордился ею я, хотя их отец почти всю жизнь был никем, а своего деда они вообще не помнят? Я знаю, в сагах будет сказано, что благоволение богов снизошло на этого исповедника, и вознесло его, а тем самым и все его потомство, сделав их навеки святыми. Однако когда я валил деревья на склонах Хаштора, я увидел, причем незамутненным взглядом, что я не более, чем человек среди людей, и таким был всегда. И то, как я мог себя сделать, зависело только от моих природных качеств и устремлений, а не от дарованного случаем ранга.

Это знание стало для меня такой наградой, вызвало такое изменение моего самосознания, что мое пребывание в горах перестало казаться изгнанием и воспринималось мной как призвание. Мечты о бегстве к спокойной жизни в Маннеране оставили меня даже после того, как я скопил денег больше, чем требовалось для проезда туда, и я перестал ощущать в себе стремление двигаться дальше. Не только страх перед арестом удерживал меня среди лесорубов, сколько любовь к чистому прозрачному горному воздуху Хаштора, к моему трудному ремеслу и пусть к грубым, зато настоящим людям, среди которых я жил. Поэтому я продолжал оставаться там все лето и всю осень, и, приветствуя наступление новой зимы, даже не помышлял о том, чтобы покинуть этот край.

Быть может, я оставался бы там до сих пор, но произошло нечто такое, что вынудило меня бежать. В один из мрачных зимних дней, когда небо было серо-стального цвета и над нами нависла угроза метели, к нам прибыли шлюхи из города для регулярно проводимого вечера веселья. На этот раз среди них была одна новенькая. Ее произношение свидетельствовало о том, что она из Саллы. Я сразу же услышал ее говор, как только женщины оказались в нашем зале, и я хотел улизнуть, но тут новенькая заметила меня и чуть не задохнулась от изумления. Затем она взвизгнула:

— Ой, девочки, смотрите-ка туда! Да ведь это же пропавший принц!

Я рассмеялся и стал убеждать всех в том, что она пьяна или сошла с ума, но мои покрасневшие щеки выдали неправоту моих слов.

Принц?! Принц?! Так ли это? Они принялись перешептываться, толкаясь и перемигиваясь. Почуввав опасность, я объявил, что мне нравится эта женщина и увел ее прочь, а когда мы остались наедине, попытался убедить ее, что она ошиблась и никакой я не принц, а простой лесоруб. Но девка твердо стояла на своем.

— Лорд Кинналл шествовал в похоронной процессии септарха, — сказала она. — Невозможно ошибиться, вы и есть лорд Кинналл, которого так давно ищет наш септарх.

Деваться было некуда, и, зная, что после того, как девица покинет нас, сюда незамедлительно пожалует полиция Глина, мне оставалось только как можно скорее подготовиться к побегу и бежать, куда глаза глядят.

И тут меня снова выручил мой хозяин. На его машине мы выехали из лагеря лесорубов и через некоторое время были уже очень далеко от заснеженных вершин Хаштора, в небольшой деревеньке. Хозяин остановил машину и вошел в первый же домик.

Через мгновение он появился на пороге в сопровождении сморщенного человечка, оживленно размахивающего руками. С его помощью мы прошли по домику, который разыскивал мой хозяин. Владельцем домика был фермер по фамилии Стамвиль. Этот Стамвиль был светловолосым мужчиной примерно того же роста, что и я, с когда-то голубыми, но теперь выцветшими глазами и извиняющейся улыбкой. Может, он был в родстве с моим хозяином, а возможно, что более вероятно, был у него в долгу — я так и не узнал этого. Так или иначе, но фермер с готовностью откликнулся на просьбу моего хозяина и принял меня в качестве постояльца. На прощание хозяин обнял меня и исчез в снежном вихре. Больше я никогда не встречал его. Надеюсь, что боги были добры к нему, потому что он был добр ко мне.

Домик состоял из одной большой комнаты, разгороженной на несколько частей тонкими занавесками. Стамвиль нацепил еще одну занавеску и дал мне солому для матраца. Мое жилье было готово. Под этой крышей нас было семеро — я, Стамвиль, его жена — изможденная крестьянка, которая по моему твердому убеждению могла вполне сойти за его мать, и трое из детей: двое мальчиков, которым оставалось еще несколько лет до того, как они станут мужчинами, и девочка-подросток. Кроме того, в доме жила названная сестра дочери хозяина. Все жильцы этого убогого домика были веселыми, наивными и верными людьми. Хотя им ничего не было известно обо мне, они приняли меня в члены своей семьи так, словно до сего момента я был просто дядюшкой, неожиданно возвратившимся из дальних странствий. Я не был готов к той легкости, с которой они приняли меня, и поначалу приписал ее каким-то обстоятельствам, которые наложил на них мой прежний хозяин. Но оказалось, что это не так. Они были таковыми по своей природе, ничего не спрашивающими и не подозревающими. Я ел за одним столом с ними, сидел у их очага, участвовал в их развлечениях. На каждый пятый день Стамвиль заполнял огромное деревянное корыто горячей водой, и я мылся вместе с его семьей, причем одновременно в корыте были двое или трое из нас. Можете себе представить, каково мне было тереться о круглые тела дочери Стамвиля и ее названной сестры. Возможно, стоило мне только захотеть, и я смог бы порезвиться с любой из них, но я всячески воздерживался от этого, полагая, что подобное поведение может быть расценено как нарушение гостеприимства.

Позже, когда я лучше узнал этих крестьян, я понял, что как раз мое воздержание и было таким нарушением, так как девушки были уже в возрасте и имели желание, а я пренебрег ими. Но я понял

это уже после того, как покинул дом Стамвиля. У этих девушек, наверное, уже есть свои собственные взрослые дети. Надеюсь, что сейчас они уже простили меня за отсутствие галантности.

Я платил за свое жилье. Работы было очень мало, поскольку стояла зима, если, конечно, можно назвать работой очистку домика от снега и поддержание огня в печи. Никто из жильцов не проявлял любопытства относительно моего происхождения и того, откуда я прибыл. Они не задавали вопросов, и я даже уверен, что у них вообще не возникало мысли задать их. Да и остальные жители деревни не совали нос в мои дела, хотя, я уверен, внимательно приглядывались ко мне, как делали бы это в отношении любого незнакомца.

Иногда в деревню попадали газеты, и тогда они переходили из дома в дом, пока их не прочитывали все. После этого газету помещали на полку в винной лавке, стоявшей у входа на деревенский базар. Там я и познакомился с ними — подшивкой замызганных и захватанных листов, и узнал о некоторых событиях прошедшего года. Я обнаружил, что свадьба моего брата Стиррона состоялась в назначенный срок и прошла с соответствующей помпой. Со старой пожелтевшей бумаги на меня смотрели его озабоченные глаза на осунувшемся лице. Рядом с ним стояла сияющая невеста, но как я ни пытался, я не смог разглядеть черты ее лица. Из газет я узнал, что существует напряженность между Глином и Креллом. Все началось со спора относительно прав на рыбную ловлю в спорных прибрежных районах. Дело дошло до того, что в приграничных стычках стали погибать люди. Мне было жалко генерала Кондорита, чей сектор находился между Глиной и Саллой, и у которого не было никакой возможности втянуть в конфликт и Саллу. В заливе Шумар рыбаки из Маннерана видели морское чудовище, имевшее длину, в десять раз превосходящую человеческий рост, и покрытое золотистой чешуей. В том, что они видели его доподлинно, они дали страшную клятву в Каменном Соборе. Старший септарх Крелла, старый кровожадный бандит, если все слухи о нем были правдой, отрекся от трона и сейчас жил в горах в качестве простого исповедника паломников, направляющихся в Ман-

неран. Вот, пожалуй, и все новости. Я не нашел упоминания о себе. Вероятно, Стиррон утратил интерес к тому, чтобы меня изловили и вернули в Саллу.

Возможно, будет не так опасно попытаться выбраться из Глина. Однако, как бы мне ни терпелось поскорее убраться из этой лесистой местности, где от меня отвернулись мои родственники, а чужие люди отнеслись ко мне с любовью и пониманием, две вещи удерживали меня.

Во-первых, я намеревался оставаться у Стамвиля до тех пор, пока не помогу ему управиться с весенними работами, чтобы оплатить его доброту ко мне. А во-вторых, я не осмеливался пуститься в столь опасный путь, не побывав у исповедника, чтобы, если случится какое-то несчастье, мой дух не воспарил бы к богам, полный горькой отравы. В этой деревушке не было своего духовника, и жители ее всецело зависели от странствующих исповедников. Зимой эти странники появлялись здесь довольно редко, поэтому я и был вынужден оставаться без отпущения грехов еще с начала прошедшего лета, когда представитель этой профессии посетил лагерь лесорубов. Я ощущал настоятельную потребность выговориться.

Затем прошла последняя зимняя вьюга, одев каждую ветку сказочным ледяным нарядом, после чего сразу же наступила оттепель. Все начало таять, и деревня оказалась отрезанной океаном грязи. По этому грязному морю к нам заехал исповедник на краулере. Он обосновался в старом заброшенном деревенском бараке и немало заработал на нуждах деревенских жителей. Я отправился к нему на пятый день после его появления, когда очереди стали не такими длинными. В течение двух часов я освобождал себя от накопившегося бремени, не тая от него ничего, открыв перед священником, и кто я, и тот новый взгляд на монархов, который стал вырабатываться во мне. Я рассказал ему обо всех горестях и желаниях, которые подавлялись мною. Очевидно, это намного превышало обычную порцию, которую мог воспринять обычный деревенский исповедник, и он пыхтел и потел не меньше, чем я, извергавший на него потоки слов. К концу исповеди он дрожал точно так же, как и я, с трудом сохраняя

при этом способность говорить. Мне стало интересно, а где могут избавиться от бремени грехов, впитанных от своих клиентов, сами исповедники? Им запрещено говорить обычным людям то, что они могут услышать от своих клиентов. Есть ли исповедники исповедников, служители служителей? Я не понимал, каким образом можно без чьей-либо помощи перенести ту лавину печали, которую извергали дюжины посетителей каждый день.

После того, как я очистил душу, мне оставалось только дожидаться сева. Время, когда может вырасти урожай, в Глине невелико. Приходится сажать семена в землю еще до того, как зима полностью ослабит свою хватку, чтобы использовать каждый луч весеннего солнца. Стамвиль подождал немного, пока окончательно не убедился, что после оттепели не нагрянет вьюга, а затем, хотя земля была еще хлюпавшим под ногами весенним болотом, он и его домочадцы вышли в поле, чтобы засеять его хлебными злаками, овощами и прочим.

Согласно обычаю, сеять выходили обнаженными. Увидев, как все раздеваются, я с удивлением спросил:

— Зачем в такое холодное время выходить в поле нагими?

— Грязь очень скользкая,— объяснила мне названная сестра дочери Стамвиля,— а голую кожу отмыть легче, чем отстирать одежду.

Сев продолжался восемь дней. На девятый, пожелав Стамвилю и его семье всего хорошего, я покинул деревню и начал свое путешествие к побережью.

В

19

Первый день один из соседей Стамвиля подвез меня на своей телеге. Почти весь второй день я шел пешком, третий и четвертый мне удалось проехать верхом, а пятый и шестой снова пришлось идти. Было еще холодно, но воздух уже пах весной, и почки на деревьях набухали.

Возвращались перелетные птицы. Я сделал большой крюк, обходя Глейн, чтобы не подвергаться лишнему риску, и, насколько мне помнится, без особых происшествий добрался до Бьюмара — главного морского порта Глина и второго по численности населения города этого государства.

Он был не таким уродливым, как Глейн, хотя привлекательного было мало и в нем. В первый же день я узнал, что всякое морское сообщение между Глином и южными провинциями прекратилось три месяца назад из-за опасной деятельности пиратов, базирующихся в Крелле, так как Глин и Крелл втянуты сейчас в необъяснимую войну. Единственным способом добраться до Маннерана было путешествие транзитом через Саллу, но я не желал совершать самоубийство таким способом. Деньги, однако, у меня были. Я нашел себе комнатенку недалеко от гавани и несколько дней провел, собирая различные слухи о положении на море. Хотя пассажирское сообщение и было отменено, я с удивлением узнал, что торговое плавание не прекращалось, так как от него зависело благосостояние Глина. Караваны хорошо вооруженных торговых судов продолжали ходить строго по расписанию. Хромой моряк, снимавший комнату в той же таверне, что и я, рассказал мне после того как основательно подогрелся голубым вином из Саллы, что купеческий караван подобного рода должен выйти из гавани на этой неделе, и что у него есть место на борту одного из кораблей. Я уже думал о том, чтобы напоить его допьяна и позаимствовать документы, как это делается в пиратских историях для детей, но подвернулся менее драматический способ: я выкупил его контракт. Сумма, которую я ему предложил, была больше той, которую он мог заработать, плывя в Маннеран и обратно, поэтому моряк был счастлив взять мои деньги и позволить мне занять его место. Мы провели ночь, обсуждая его обязанности на корабле, поскольку я ничего не знал, но уже понимал, каким образом можно имитировать тот минимум знаний, который был необходим.

Безо всяких помех я поднялся на борт корабля — судна на воздушной подушке с низкими бортами — тяжело груженного товарами из Глина. Проверка

документов была чистой формальностью. Я получил ключи от своей каюты, устроился и в течение первых нескольких дней мне удавалось выполнять добрую половину порученной работы либо глядя, как это делают другие, либо опираясь на собственный опыт. Все остальное я делал кое-как и вскоре мои коллеги-морьяки признали во мне «халтурщика», однако не стали делиться своим знанием с офицерами. Какая-то солидарность в среде нижних чинов все-таки соблюдалась, к тому же я выполнял всю порученную мне работу. Я еще раз убедился, что мое мрачное мнение о людях в целом возникло в то время, которое я провел среди аристократов. Эти морьяки, подобно лесорубам и крестьянам, относились друг к другу искренне и добродушно, чего я никогда не встречал среди тех, кто более ревностно следовал Завету. Ту работу, которую я еще не мог делать сам, они обычно делали за меня, а я, как мог освобождал их от тяжелого физического труда, и все шло хорошо. Я драил палубы, чистил фильтры и проводил бесконечные часы, дежуря у орудий, чтобы не прозевать нападения пиратов. Но вот мы прошли мимо опасных берегов Крелла и уже двигались мимо покрытых весенней зеленью берегов Саллы.

Нашим первым пунктом назначения был Кофальон — крупнейший порт Саллы. Стоянка должна была продолжаться пять дней. Меня это тревожило, так как я не знал, что она вообще планировалась. Сначала я хотел притвориться больным, чтобы не выходить на верхние палубы все время, пока мы будем стоять в Кофальоне. Затем отверг это решение, как трусливое, уговорив себя, что мужчина должен часто подвергать себя опасности, если хочет оставаться мужчиной. Поэтому я смело окунулся в кутежи и распутство вместе со своими товарищами, надеясь на то, что вряд ли кто-то будет искать пропавшего брата септарха Саллы в грубой одежде моряка и таком городе, как этот. Игра удалась на славу — я остался неузнанным все пять дней. Из газет и подслушанных разговоров я узнал обо всем, что случилось здесь за те полтора года, что я провел вне родины. Как я понял, народ считал Стиррона хорошим правителем. Он провел страну через голодную зиму, закупив в Маннеране допол-

нительные припасы на очень выгодных условиях. После этой страшной зимы и осени нашим фермерам стало везти больше. Налоги были сокращены, и люди довольны. Жена Стиррона родила ему сына. Что же касается лорда Кинналла, брата септарха, то о нем ничего не говорили. Он был забыт, словно никогда и не существовал.

Мы сделали еще несколько остановок в Южной Салле и несколько в Северной, и в назначенное время пришли в огромный порт на юго-восточной оконечности нашего материка — священный город Маннеран, столицу провинции, носящей то же наименование. И именно в Маннеране я начал жизнь заново.

Б

20

оги покровительствовали Маннерану. Воздух здесь был теплым и свежим, и его весь год наполняло благоухание цветов. Зима не проникала так далеко на юг и маннеранцы, если им хотелось увидеть снег, отправлялись в туристические вояжи к вершинам Хаштора и с удовольствием разглядывали это незнакомое белое вещество, которое в других землях отнюдь не было в диковинку.

Теплое море, омывавшее Маннеран с юга и востока, давало столько пищи, что ею можно прокормить половину материка, а на юго-западе располагался столь же обильный дарами залив Шумар. Войны редко затрагивали Маннеран, защищенный естественным щитом из гор и вод от народов, живших к западу от него, и отделенный от своего соседа на севере руслом величественной Войны. Много раз мы пытались напасть на Маннеран со стороны моря, но у нас не было никаких шансов на успех. Когда Салла воевала всерьез, ее противником всегда был Глин.

Сам же город Маннеран получил как бы особое божественное благословение. Он располагался у наилучшей естественной бухты на всем материке Вал-

лада, образованной двумя противоположными отрогами, направленными так, что не требовалось никаких волнорезов, и корабли могли легко становиться в ней на якорь. Эта гавань являлась главным связующим звеном между восточными и западными провинциями, поскольку через Выжженные Низины торговые пути не проложены. А так как наша планета бедна естественным горючим, воздушное сообщение так и не получило у нас широкого развития. Поэтому корабли из девяти западных провинций проходят на восток через залив Шумар к порту Маннеран, а маннеранские корабли совершают регулярные рейсы к западным берегам.

Гавань Маннеран — единственное место на нашей планете, где в толпе на пристани можно встретить людей из всех тринадцати провинций и где одновременно можно увидеть все тринадцать флагов. Благодаря этому неиссякаемый поток богатств постоянно оседает в сундуках маннеранцев. К тому же внутренние округа этой провинции богаты плодородными почвами, вплоть до самых склонов Хаштора, которые в этих широтах свободны от снега, и только вершины которых, как я уже говорил, покрыты вечными льдами. На фермах в Маннеране собирают по два-три урожая в год. Наконец, маннеранцы имеют свободный доступ к Влажным Низинам, где выращивают наиболее ценимые и экзотические фрукты и специи. Неудивительно, что те, кто любит роскошь, собираются здесь, чтобы испытать удачу.

Но кроме того, как будто всех этих подарков судьбы было недостаточно, маннеранцы убедили весь Борсен, что они живут в наиболее священном месте, и еще более приумножают свои доходы содержанием святилищ, которые являются приманкой для паломников. Можно было бы решить, что уж скорее Трейш должен стать местом паломничества, поскольку именно там были созданы первые храмы наших предков и учрежден Завет. Действительно, в Трейше имеется несколько мест поклонения, и жители запада, слишком бедные, чтобы совершать паломничество в Маннеран, посещают их. Однако Маннеран учредил себя в качестве святая святых, причем помогли ему в этом внутренняя убежденность и реклама. В этом есть определенная ирония, так

как маннеранцы обращаются с Заветом с гораздо большей вольностью, чем жители остальных двенадцати провинций. Жизнь в тропическом климате определенно размягчила их, и они открывают друг другу души в такой степени, что это могло бы стать поводом для остракизма в Глине или Салле. И все же у них есть Каменный Собор, где, как указывают достоверные источники, случаются чудеса, где, как предполагают, боги выступали во плоти всего восемьсот лет назад, и где каждый надеется, что в День Поминовения его ребенок получит взрослое имя. Со всего континента стекаются люди для участия в этом празднике, к огромной выгоде хозяев гостиниц. Кстати, должен заметить, что я сам получил взрослое имя именно в Каменном Соборе.

К

21

Когда мы прибыли в Маннеран, и портовые грузчики принялись разгружать корабль, я получил расчет и покинул корабль, чтобы отправиться в город. В конце причала я остановился, чтобы получить пропуск на выходе из порта.

— Сколько времени вы проведете в городе?— вежливо спросили меня, и я так же вежливо ответил, что намерен пробыть в городе не более трех дней, хотя моим истинным намерением было устроиться здесь на всю жизнь.

До этого я уже дважды бывал здесь, один раз в раннем отрочестве, когда меня связали узами побратимства с Халум. Второй раз это было в возрасте семи лет в День Поминовения. В моей памяти мало что осталось от тех посещений: запомнился бежевый, бледно-розовый и зеленоватый цвет здания, буйная вечнозеленая растительность, темный, торжественный интерьер собора. И теперь, по мере того, как я удалялся от берега, эти цвета обрушились на меня снова, и яркие картины детства вновь поплыли передо мной. В отличие от северных городов Борсена, Маннеран выстроен не из камня,

а из особого искусственного гипса, который затем раскрашивается мягкими пастельными красками. В результате каждая сирена как бы вплетает свой голос в общий торжественный хор изысканной архитектуры. День был солнечный, яркие зайчики играли на стенах и окнах. Улицы грели огнем, и мне приходилось щурить глаза. Я был поражен запутанностью улиц. Маннеранские архитекторы придают большое значение украшениям. Их дома обнесены разными железными балконами, украшены причудливым орнаментом, яркими карнизами, витиеватыми решетками на окнах. Глазу северянина поначалу все это кажется безвкусным нагромождением кричащей пустой роскоши, которая, однако, постепенно предстает перед ним во всей своей элегантности, изяществе и соразмерности. Кроме того, повсюду много растительности, деревья стоят рядами на каждой стороне улицы, вьющиеся растения свисают с ящиков на окнах, тротуары усеяны цветочными клумбами, дворы полностью скрыты за высокими кустарниками, а сверху их закрывают кроны экзотических деревьев. Все это вместе представляет собой буйство джунглей и преднамеренно городской планировки. Маннеран во всех отношениях замечательный город. Однако мои воспоминания о детстве совсем не подготовили меня к жаре.

Душный зной наполнил улицы, воздух был влажным и тяжелым. Я чувствовал жару почти осязанием. Она хватала и душила, казалось, сожми в кулаке воздух, и из него потечет влага. Это был удушливый, насыщенный испарениями зной, и я промок в нем насквозь. На мне была грубая матросская роба, в которую обычно одевались зимой на кораблях Глина, а в Маннеране стояло душное весеннее утро. Три десятка шагов в этой атмосфере, и я уже был готов сорвать с себя всю одежду и идти дальше обнаженным. Телефонная справочная дала мне адрес Сегвора Хелалама, отца моей названной сестры. Я нанял такси и поехал по этому адресу.

Хелалам жил на прохладном тенистом пригорке, где среди деревьев и озер стояли огромные дома. Высокая кирпичная стена защищала его дом от любопытных взглядов прохожих. Я позвонил у ворот

и стал ждать. Мое такси тоже ждало, словно водитель его был уверен, что меня сразу же прогонят отсюда. Наконец голос изнутри, скорее всего какой-нибудь дворецкий, поинтересовался, кто я такой. Я ответил:

— Кинналл Даривал из Саллы, побратим дочери Верховного Судьи Хелалама, желает поговорить с отцом его названной сестры.

— Лорд Кинналл умер, — равнодушно ответили мне, — а вы какой-нибудь обманщик.

Я позвонил еще раз.

— Взгляните-ка на это и подумайте, умер ли он, — и с этими словами я поднял перед телеобъективом свой паспорт, который был так долго у меня спрятан. — Пред вами Кинналл Даривал, и будет очень плохо, если вы не пустите его к Верховному Судье.

— Паспорт можно украсть или просто подделать.

— Откройте ворота!

Ответа не было. Я позвонил в третий раз и на этот раз невидимый дворецкий сказал, что сейчас он вызовет полицию, если я и дальше буду продолжать в том же духе. Водитель такси, стоявшего по другую сторону улицы, вежливо кашлянул. Я не ожидал подобного поворота дел. Что же мне теперь, возвращаться в город, искать жилье и писать Сегвору письмо с просьбой об аудиенции, приложив к нему свидетельство того, что я жив?

Чистая случайность избавила меня от этих хлопот. Подъехал роскошный черный экипаж, каким обычно пользуется только высшая аристократия, из него вышел Сегвор Хелалам, Верховный Судья Маннерана. Тогда он был на вершине своей карьеры и шел с поистине королевским изяществом. Был он невысок, но хорошо сложен, голова правильной формы, румяное лицо, благородная грива седых волос, взгляд сильный и целеустремленный. Его голубые глаза были полны скрытого огня, но строгость взгляда компенсировалась приветливой улыбкой. В Маннеране его считали человеком мудрым и умеренным.

Я тотчас же бросился к нему с радостным возгласом: «Названный отец!» Обернувшись, он удивленно посмотрел на меня и между нами тотчас же выросли двое рослых молодых людей, бывших вме-

сте с ним в экипаже. Очевидно, они посчитали меня наемным убийцей.

— Ваши телохранители могут не беспокоиться, — начал я, едва сдерживая радость. — Разве вы не в состоянии узнать Кинналл из Саллы?

— Лорд Кинналл умер в прошлом году, — быстро ответил Сегвор.

— Для него самого это очень печальная новость, — попытался улыбнуться я. С этими словами я распрямился, став выше, приняв подобающий принцу вид впервые со времени злополучного бегства из столицы Глина, и сделал такой яростный жест в сторону охранников, что они невольно расступились. В последний раз этот человек видел меня на коронации моего брата. С тех пор прошло два года, и последние следы детства сошли с моего лица. Год, проведенный на лесоповале, сделал более могучими мои плечи, да и все тело тоже. Зима среди фермеров обветрила мое лицо, а недели, проведенные на море, превратили в унылого и неприятного типа. Волосы мои были спутаны, борода всклокочена. Однако постепенно взгляд Сегвора уловил все эти превращения, и он уверился в том, что мои слова правдивы. Неожиданно он бросился ко мне и обнял с таким пылом, что от удивления я чуть на свалился на землю. Он выкрикивал мое имя, а я его. Затем ворота отворились, и он быстро повел меня внутрь, где передо мной вырос величественный дворец кремового цвета — цель моих странствий.

В

22

красивое помещение, куда меня провели, сказав, что оно будет моим, вошли две девушки-служанки и стащили с меня пропитанную потом одежду. Затем, непрерывно хихикая, они повели меня к огромной кафельной ванне, вымыли и надушили, кое-как причесав голову и бороду. При этом они позволили себе немного пощипать мое тело. Затем мне принесли одежду из прекрасной ткани, какую мне не доводилось носить со

времени моего бегства из дворца. Она была белая и приятная на ощупь, хорошо сидела на мне и освежала тело. После этого они предложили мне украшения — тройное кольцо, в которое был вставлен (как я узнал позднее) кусочек пола Каменного Собора, а также сверкающую подвеску из трех импортированных из Трейша кристаллов на кожаном ремешке. Наконец, по прошествии нескольких часов, обретя надлежащий респектабельный вид, я был допущен к Верховному Судье. Сегвор принял меня в комнате, которую называл своим рабочим кабинетом, но которая на самом деле была огромным залом, достойным дворца септарха, где он мог бы восседать на троне, как монарх. Я помню, что ощутил некоторую досаду, так как судья не был царских кровей, и даже не принадлежал к высшим слоям аристократии. У него не было никакого положения в обществе, пока его не назначили на эту высокую должность, выведшую его на дорогу известности и богатства. Я сразу же спросил о своей названной сестре Халум.

— У нее все в порядке, — ответил судья, — вот только душа ее омрачена известием о смерти названного брата.

— А где она сейчас?

— В заливе Шумар, отдыхает на острове, где у нас есть небольшая дача.

По спине у меня побежали мурашки.

— Она замужем?

— К сожалению, нет.

— А есть хоть кто-нибудь?

— Нет, — печально покачал головой Сегвор. — Кажется, она предпочитает целомудрие. Конечно, она еще очень молода. Когда она вернется, Кинналл, возможно вы сможете уговорить ее, подчеркнув, что теперь она могла бы подумать и о замужестве, так как сейчас может выйти замуж за прекрасного лорда. А через несколько лет ее смогут опередить более молодые соперницы.

— Когда она собирается вернуться с этого острова?

— Это может произойти в любой момент. Как она поразится, обнаружив вас здесь!

Я спросил его относительно сообщения о моей смерти. Он ответил, что еще год назад прошел слух о том, что я сошел с ума и пустился странствовать, совершенно беспомощный и введенный в заблуждение. Сегвор улыбнулся, как бы говоря мне, что ему хорошо известна причина моего бегства из Саллы, и что в этом не было ничего безумного.

— Затем,— продолжал он,— появилось сообщение, что лорд Стиррон послал за вами в Глин своих преследователей, чтобы они привезли вас для лечения. В то время Халум очень боялась за вашу безопасность. А еще позже, когда прошло лето, один из министров вашего брата сообщил, что вы блуждали зимой в Хашторах и попали в такую метель, из которой не смог бы выбраться ни один человек.

— Но, конечно, тело лорда Кинналла не было обнаружено, и его так и оставили гнить в Хашторе, вместо того, чтобы привезти в Саллу, и достойно похоронить?

— Нет, никаких сообщений о том, что тело было найдено, не поступало.

— Тогда вероятно,— улыбнулся я,— тело лорда Кинналл пробудилось весной и отправилось на юг, словно призрак. Теперь же оно предстало перед вами, господин Верховный Судья.

— Очень хороший и здоровый призрак! — рассмеялся Сегвор.

— Хотя и уставший.

— Что же приключилось с вами в Глине?

— Холод и стужа, причем не только от погоды.

Я рассказал ему о том, как пренебрежительно отнеслись ко мне родственники моей матери. Рассказал о моем пребывании в горах и обо всем остальном. Выслушав меня, он захотел узнать о моих планах в Маннеране. На это я ответил, что у меня нет другого плана, кроме как найти какое-нибудь почтенное занятие и преуспеть в нем. Жениться и осесть здесь, так как Салла для меня закрыта, а Глин вряд ли может меня соблазнить. Сегвор многозначительно кивнул. Здесь, сказал он, в его конторе, сейчас свободна должность секретаря. Работа эта приносит малую плату и еще меньший престиж, и было бы абсурдно просить принца Саллы согласиться ее принять, но все это чистая работа

с прекрасными возможностями для продвижения. Она сможет послужить мне трамплином, пока я буду привыкать к образу жизни в Маннеране. Поскольку я и не помышлял о другом, то тут же дал свое согласие. Я сказал, что несмотря на свое высокое происхождение стал, в сущности, совсем другим человеком. Вся моя аристократичность теперь в прошлом и с ней покончено, как с детскими фантазиями.

— Всего, что мне нужно, — рассудительно заметил я, — можно добиться только личными достоинствами, не завися от обстоятельств рождения и связей.

Разумеется, это было просто болтовней. Вместо того, чтобы извлекать выгоду из своей высокопородности, я буду здесь выжимать капитал из того, что был названым братом дочери верховного Судьи Маннерана, и эта связь стала возможной для меня потому, что я родился в королевской семье. Личные же достоинства были здесь совершенно ни при чем.

У

23

шейки с каждым днем все ближе и ближе ко мне. Вчера, когда я долго бродил по окрестностям, я обнаружил к югу отсюда глубокий след краулера, превосходно отпечатавшийся на сухой и хрупкой почве. А сегодня утром, праздно прогуливаясь вокруг места, где собираются птицероги (возможно, гонимый туда самоубийственным импульсом), я услышал в небе гудение и, посмотрев вверх, увидел пролетававший надо мной военный самолет с опознавательными знаками Саллы. Воздушные корабли в этом районе — редкие гости! Самолет стал снижаться, кружась наподобие птицерога, но я прижался к изъеденной эрозией скале, и, думаю, остался незамеченным. Возможно, я и ошибаюсь относительно целей этих вторжений. На краулере могла ехать какая-нибудь охотничья экспедиция, а самолет мог находиться в простом тренировочном полете. Но думаю, что все-таки я

прав. Если здесь и есть охотники, они охотятся за мной. Сеть вокруг меня стягивается все туже. Я должен постараться писать более кратко и более быстро. Слишком много из того, что я должен сказать, недосказано, и я боюсь, что меня прервут до того, как я закончу свою исповедь. Стиррон, дай мне еще хоть несколько недель!!!

В

24

Верховный Судья порта является одним из высших чиновников в Маннеране. Его юрисдикции подлежит вся коммерческая деятельность в порту. Если возникают споры между купцами, они обращаются в суд и по соглашению решения его действительны для представителей всех провинций. Так что капитан из Глина или Крелла, купец из Саллы или с Запада — все они, стоя перед Верховным Судьей, подлежат его юрисдикции без права апелляции к суду своей родной провинции. Это самая древняя функция Верховного Судьи, но будь он только арбитром в купеческих дрязгах, ему никогда не добиться бы того влияния, каким он пользовался сейчас. За сотни лет на эту должность были возложены и другие обязанности, кроме вынесения судебных вердиктов. Верховный Судья мог единолично регулировать количество иностранных судов, ежегодно заходящих в гавань Маннерана, решая, сколько судов из Глина, Саллы или Крелла могут зайти сюда для торговли. Благополучие почти всех провинций Борсена зависит от решения Сегвора, поэтому его обхаживают септархи, осыпая милостями и дарами в надежде, что он разрешит пустить в порт одно лишнее незапланированное судно.

Таким образом, Верховный Судья порта является экономическим фильтром материка Валлада, по своему усмотрению открывая или закрывая торговые рынки. И делает он это, повинаясь не собственным капризам, а с учетом экономической конъюнктуры

и перетекания богатств из одной страны в другую. Поэтому невозможно переоценить его значение в нашем обществе.

Должность эта не является наследственной, хотя назначаются на нее пожизненно. Сместить судью можно только после долгой запутанной системы отзыва от должности, которую применяют крайне редко. Таким образом, энергичный Верховный Судья, вроде Сегвора Хелалама, может стать даже более значительным и могущественным, чем старший септарх. В любом случае в Маннеране система власти, основанная на септархах, находится в упадке. Два престола из семи остаются незанятыми последние сто лет, а те, кто занимают оставшиеся пять, уступили большую часть своих прерогатив гражданским службам, став не более чем церемониальными фигурами. Старший септарх еще имеет некоторые остатки былого величия, но он обязан совещаться с Верховным Судьей порта по всем вопросам, касающимся экономики, а сам судья столь часто вмешивается в деятельность правительства Маннерана, что трудно определить, кто же является правителем, а кто гражданским служащим.

На третий день моего пребывания в Маннеране Сегвор взял меня с собой в здание суда подписать контракт на предоставление мне работы. Выросший во дворце, я был потрясен видом штаб-квартиры суда порта. Меня поразило не богатство, которого кстати не было видно, а огромные размеры. Передо мной было широкое здание из желтого кирпича, четырехэтажное, массивное и приземистое, простиравшееся на целых два квартала от порта в сторону центра города. Внутри него за обшарпанными столами в комнатах с высокими потолками восседала целая армия корпящих над бумагами клерков. Душа моя содрогнулась при мысли о том, что именно так я буду проводить все свои дни. Но Сегвор вел меня по нескончаемому коридору, на ходу принимая знаки почтения от работающих. То и дело он останавливался, чтобы с кем-то поздороваться, глянуть на незаконченный отчет, посмотреть на макет, где отмечались перемещения любого судна, находящегося на расстоянии трехдневного перехода от Маннерана. Наконец, мы вошли в анфиладу, состоящую из прекрасных комнат, расположенных

вдали от суеты и суматохи, которую я только что видел. Показав мне прохладную и великолепную комнату, примыкавшую к его кабинету, Сегвор сказал, что именно здесь я буду работать.

Соглашение, которое я подписал, мало чем отличалось от контракта, предложенного мне исповедником. Я обязался не раскрывать никому ничего из того, что узнаю при выполнении служебных обязанностей, в противном случае мне грозили ужасные наказания. Со своей стороны Суд порта обеспечивал меня работой на всю жизнь, гарантировал постоянное жалованье и прочие привилегии такого рода, о которых принцы обычно не беспокоятся.

Я быстро обнаружил, что не буду забитым бумажным червем. Как и предупреждал меня Сегвор, жалованье было низким, а ранг в бюрократической иерархии ничтожным, хотя ответственность на меня возлагалась немалая. По сути, я был его личным секретарем. Все секретные сообщения, направляемые для просмотра Верховному Судье, сначала попадали на мой стол. Моя задача заключалась в том, чтобы отсеять несущественные и подготовить краткое сообщение об остальных, кроме тех, которые, по моему мнению, были настолько важны, что их следовало направить Судье целиком. Если судья порта являлся экономическим фильтром материка Валлада, то только потому, что читал материалы, которые отбирал для него я. Судья принимал решения, основываясь только на тех данных, которыми снабжал его я.

Едва я понял это, мне стало ясно, что Сегвор поместил меня на путь к большой власти в Манеране.

Я

25

с нетерпением ожидал возвращения Халум с ее острова в заливе Шумар. В течение двух лет у меня не было названных брата и сестры, а исповедники не могли заменить их. Я очень

мучился от того, что не могу, как бывало, сидеть с Халум и Ноимом, открывая друг перед другом свои души. Ноим был где-то в Салле, причем я не знал точно, где, Халум, хотя и считалось, что она вот-вот появится, все не появлялась ни в первую неделю моего пребывания в Маннеране, ни во вторую.

В один из дней третьей недели я рано покинул судебную палату, почувствовав себя плохо от повышенной влажности и усталости, вызванной стремлением как можно лучше справляться со своими новыми обязанностями, и был отвезен в имение Сегвора. Направляясь в свою комнату и проходя через центральный зал, я увидел стройную девушку, скалывающую свои волосы в золотистый цветок. Я не мог разглядеть черты ее лица, но сомнений у меня не было, и я с радостью кинулся к ней, крича ей на ходу:

— Халум!

Она обернулась на мой возглас, нахмурилась и ... я изумленно остановился. Что значили эти строго поджатые губы? Вопросительный взгляд? Это было лицо Халум: темные глаза, гордый тонкий нос, твердый подбородок, рельефные скулы — и все же оно было каким-то незнакомым мне. Неужели два года так сильно изменили ее? Главным отличием между Халум, которую я помнил, и женщиной, на которую сейчас смотрел, было выражение лица, наклон бровей, трепетание ноздрей, изгиб рта, как будто вместе с этим изменилась и ее душа. Были также и другие, менее значительные признаки, но их можно было приписать времени или несовершенству моей памяти. Сердце мое учащенно билось, пальцы дрожали и жар смущения все больше охватывал меня. Может быть, следовало подойти к незнакомке и извиниться, но ноги отказывались повиноваться мне.

— Халум? — неуверенно произнес я, и голос мой звучал хрипло.

— Ее еще здесь нет, — голос напоминал падающий снег. Этот голос был более низким, чем у Халум, более звучным и более холодным. Я был поражен. Она была так похожа на сестру, словно была ее близнецом. Я знал, что у Халум была сестра, но она была ребенком, у которого даже не

сформировалась грудь. Было невероятным, чтобы Халум скрыла от меня существование сестры-близнеца или же сестры немногим старшей, чем она. Однако сходство было ошеломляющим. Я как-то читал, что на Старой Земле были известны способы создания искусственных людей из химических, причем сходство их с реальным лицом могло обмануть даже родителей или любовника. В этот момент я мог поверить, что эта технология, пройдя сквозь века и бездну космоса, возродилась у нас, и эта поддельная Халум была сотворенным дьяволом фантомом.

— Простите за мою грубую ошибку,— промямлил я.— Вас так легко принять за Халум.

— Это часто случается.

— Вы ее родственница?

— Я дочь брата Верховного Судьи Сегвора.

Имя ее было Лоимель Хелалам. Халум никогда не говорила мне о своей двоюродной сестре, а если и говорила, то я не помнил этого. Как странно, что она утаила от меня существование этого зеркального отражения. Я назвал девушке свое имя, и она сказала, что много слышала обо мне. Черты ее лица и поза несколько смягчились, и налет холодности, окружавший ее, несколько растаял. Что же касается меня, то я оправился от первого потрясения и даже прибодрился, так как Лоимель была красивой. Она вызвала во мне желание и в отличие от первой Халум не была недоступной. Глядя на нее, я мог убедить себя, что это настоящая Халум и мне даже удалось обмануть себя, воспринимая ее голос, как голос Халум. Мы принялись ходить по залу, разговаривая. Я узнал, что Халум приедет сегодня вечером, и Лоимель явилась сюда, чтобы устроить ей сердечную встречу. Я также узнал кое-что и о самой Лоимель, так как, следуя своенравной моде многих маннеранцев, она сохраняла свою душу не такой недоступной, как северяне. Она была на год старше Халум, а значит, и меня. Оказалось, что она не замужем и только недавно отвергла домогательства отпрыска одного знатного рода, правда, обедневшего, но уж очень аристократического... Она объяснила свое сходство с Халум тем, что ее мать и мать Халум были двоюродными сестрами. Еще через пять минут, когда мы уже

ходили, взявшись за руки, она намекнула на то, что Верховный Судья давным-давно вторгся на брачное ложе своего старшего брата, поэтому на самом деле она сводная сестра Халум, а не двоюродная. Она рассказала мне еще о многих тайнах семьи Халум.

Однако я мог думать теперь только о Халум. Эта Лоимель существовала для меня единственно как отражение моей названной сестры. Через час после начала нашей встречи мы с Лоимель были уже в моей спальне. Я убеждал себя, что это Халум, но тут же возникала дикая мысль, что ЭТО запрещено. Меня даже бросило в жар, когда я подумал, что можно было бы осквернить плоть моей названной сестры. Впрочем, разум тут же убеждал меня в обратном, и я находил в этой девушке Лоимель.

В тот день моя названная сестра наконец-то вернулась с залива Шумар и заплакала от счастья, увидев меня живым, да к тому же в Маннеране. Когда он стояла рядом с Лоимель, я снова поразился их удивительному сходству, хотя талия Халум была более стройной, а вырез Лоимель — более глубок. Я все же казалось, что эти тела вылеплены по одной и той же модели. Однако имелось глубокое и существенное отличие, которое можно было прочесть в глазах, являющихся по словам поэта святильниками, излучающими внутренний свет души. Свет Халум был нежным, ровным, мягким, как первые лучи солнца, пробивающегося сквозь утренний туман. Глаза Лоимель испускали более холодное и жесткое свечение, напоминавшее свет угрюмого зимнего полдня. Переводя взгляд с одной девушки на другую, я быстро сформулировал интуитивное заключение: Халум — чистая любовь, а Лоимель — откровенное «я». Но я в ужасе отпрянул от этого заключения: как только оно родилось в моем мозгу. Я ведь пока не знал Лоимель. Все, что мне было известно о ней, это то, что она отзывчивая и уступчивая, и я не имею права ставить ей это в вину.

Два года нисколько не состарили Халум. Они навели на нее блеск, и теперь красота ее стала еще более яркой. Она сильно загорела и в своей короткой тунике казалась бронзовой статуей. Черты

ее лица стали более угловатыми, что придавало ей пикантный вид почти мальчишеского очарования. Двигалась она плавно и грациозно.

Дом был полон незнакомых людей, пришедших отметить ее возвращение домой после того, как она первый раз обняла меня, мы разошлись, и я вновь оказался с Лоимель. Но к концу этого вечера я заявил о своих правах на Халум и увел ее в свою комнату, сказав:

— Нам нужно выговориться за эти прошедшие два года.

Мысли хаотично теснились в моей голове. Как рассказать обо всем, что случилось со мной, как услышать, что делала за эти два года она, и все в нескольких словах? Я был не в состоянии упорядочить своим мысли. Мы сидели на почтительном расстоянии друг от друга на том самом диване, на котором всего несколько часов назад я был близок с ее сестрой, убеждая себя, что это Халум.

— С чего же начать? — сказал я и одно временно со мной эти же слова произнесла на. А затем я услышал свой собственный голос, который безо всякого предисловия спросил, считает ли Халум возможным, что Лоимель приняла меня в качестве своего мужа.

С

26

егвор Хелалам обвинчал нас в Каменном Соборе в самый разгар лета, после нескольких месяцев подготовительных ритуалов и очищений. Мы соблюдали эти обряды, так как на них настаивал отец Лоимель, человек очень набожный. Ради него нам пришлось пережить несколько весьма суровых исповедей, и день за днем стоял на коленях, изливаясь самому знаменитому и дорогостоящему исповеднику Маннерана. Когда все это было кончено, мы с Лоимель отправились в паломничество по девяти святыщам Маннерана. Там я тратил свое скудное жалованье на свечи и ладан. Мы даже совершили древнюю, редко прак-

тикующуюся церемонию, известную под названием Смотрины, во время которой как-то на заре отправились в сопровождении Халум и Сегвора на уединенный пляж и, укрывшись от их глаз за особым пологом, предстали друг перед другом нагими, чтобы потом никто из нас не мог сказать, что вступил в брак с напарником, который скрыл какой-то дефект. Обряд бракосочетания был грандиозным событием с участием певцов и музыкантов. Мой побратим, вызванный из Саллы, выступал в роли поручителя и как шафер, соединил нас кольцами. Старший септарх Маннерана, высохший старик, посетил нашу свадьбу наравне с большинством маннеранской аристократии. Мы получили подарки неисчислимой стоимости. Среди них была золотая чаша, инкрустированная какими-то необычными драгоценными камнями, изготовленная на какой-то отдаленной планете и присланная мне моим братом Стирроном вместе с сердечным посланием где выражалось сожаление, что государственные дела требуют его присутствия в Салле. Поскольку я пренебрег его свадьбой, было неудивительно, что он пренебрег моей. Но что меня удивило, так это дружеский тон его письма. Не упоминая обстоятельства моего исчезновения из Саллы, но вознося благодарения богам за то, что слухи о моей смерти оказались ошибочными, Стиррон передавал мне свое благословение и просил меня вместе с женой посетить его в столице Саллы с визитом, как только мы сможем это сделать. По видимому, он узнал, что я буду постоянно жить в Маннеране и, следовательно, уже не являюсь его соперником. Значит, он снова может питать ко мне теплые братские чувства. Даже сейчас, по прошествии стольких лет, я не могу понять, почему Лоимель так благосклонно отнеслась ко мне. Она только что отвергла одного из принцев своей страны, потому что он был беден. Я же, хоть и был братом септарха, находился сейчас в изгнании и был беден, как церковная крыса. Почему же она предпочла меня? Из-за моего обходительного ухаживания? Но его почти не было, так как я был молод, и у меня заплетался язык. Из-за видов на то, что я стану богат и получу

большую власть? В то время надежды на это почти не было. Из-за моей внешности? Безусловно, здесь мне нечего было стыдиться, но Лоимель была не так молода и глупа, чтобы польститься на могучие плечи и мускулы. Кроме того, даже во время моей первой встречи с ней я не проявил себя искусным любовником, да и потом не мог похвастаться тем, что доставлял ей наслаждение. В конце концов я пришел к выводу, что были две причины, по которым Лоимель взяла меня в мужья.

Во-первых, она была одинока и потому обеспокоена, что отвергнутый поклонник будет продолжать домогаться ее руки. Поэтому в замужестве со мной она видела тихую гавань, где можно будет обрести покой. К тому же я был силе, красив и в моих жилах текла кровь монархов.

А во-вторых, Лоимель во всем завидовала Халум и очень скоро поняла, что, выйдя за меня замуж, обретет то единственное, что никогда не сможет получить Халум. Причина же, по которой я просил руки Лоимель, была очень простой и ее не нужно было искать на стороне. На самом деле я любил Халум, а Лоимель имела облик моей любимой. Халум была запретна для меня, и поэтому я взял Лоимель, которая была так на нее похожа. Глядя на Лоимель, я был волен думать, что вижу Халум. Когда я предложил этой женщине себя в качестве мужа, я не чувствовал к ней особой любви и имел все основания думать, что и она тоже мало думала о любви ко мне. И все-таки я считал, что впоследствии смогу полюбить ее. А пока меня влекло к Лоимель как к наиболее хорошему заменителю объекта моих истинных вожделений. Браки, заключенные на основе таких побуждений, редко бывают удачными. Нашей любви так и не суждено было расцвести. Мы начали как чужие друг другу, и чем дольше делили ложе, тем более отделялись один от другого. Честно говоря, я женился не на женщине, а на воображаемом образе. Но в реальном мире моей женой была Лоимель, и потому мы были вынуждены жить вместе.

ем временем я изо всех сил трудился над тем делом, что поручал мне в моем кабинете Судья. Каждый день огромная стопа донесений и докладов ложилась на мой стол, и ежедневно я пытался решить, что должно дойти до Судьи, и что можно бросить в корзину. Естественно, поначалу у меня не было достаточного опыта, чтобы выносить правильное суждение. Верховный Судья помогал мне, кроме того, помощь мне оказывали и несколько других старших чиновников, прекрасно понимавших, что приобретут гораздо больше, служа мне, чем пытаясь помешать моему неизбежному росту по службе. Я с большим усердием занимался работой и уже к середине лета приобрел такие навыки, словно занимался этим всю жизнь. Большинство материалов, предлагаемых на рассмотрение Верховному Судье, было сплошной чепухой. Я быстро научился определять такие бумаги, едва взглянув на них. О многом мне говорил стиль сообщения — я понимал, что человек, не умеющий ясно изложить свои мысли на бумаге, вряд ли имеет что-то такое, о чем следует доложить Судье. Стиль — это человек. Если изложение тяжеловесное я сбивчивое, то таков и образ мыслей автора и в этом случае его суждения о деятельности портовой Судебной Палаты ничего не стоят. Сырой и банальный разум предлагает сырые и банальные рассуждения. Мне и самому приходилось писать немало бумаг, обобщая и давая в сжатом виде сообщения, имевшие определенную ценность, и все, чему я научился в области литературного письма, заложено было мной за годы службы у Верховного Судьи. Мой стиль также отражает мои человеческие качества, поэтому я всегда хотел быть искренним и непредвзятым, старался сообщить даже больше, чем другим хотелось узнать. Следы этих качеств я находил в своей собственной прозе. У меня немало недостатков, но написанное мной мне нравится, и я собой доволен.

Очень скоро я узнал, что наиболее могущественный человек в Маннеране по сути дела был марионеткой, веревочки которой дергал я. Я решал, какими делами следует заниматься Верховному Судье. Я выбирал решения о прошениях и одолжениях с его стороны, которые он должен был прочитать. Я давал ему краткие обобщения, на которых основывались все решения. Сегворд совсем не случайно позволил мне получить такую власть. Кому-то все равно было необходимо исполнять скрытые от постороннего взгляда обязанности, возложенные теперь на меня, и до моего приезда в Маннеран этим занимался Комитет из трех распорядителей, каждый из которых был не прочь когда-нибудь занять место Верховного Судьи. Боясь этих людей, Сегворд устроил так, чтобы им были предоставлены более значительные с виду должности, но с меньшей ответственностью. А на их место он посадил меня. Его соответственный сын умер еще в детстве. Из любви к Халум он расчетливо решил сделать бездомного принца из Саллы одной из главных фигур в Маннеране. Задолго до того, как это начал понимать я, все вокруг знали, каким влиятельным лицом я становлюсь. Все эти принцы присутствовали на моей свадьбе не из почтения перед семьей Лоимель, а для того, чтобы заслужить мою благосклонность. Приветливые слова Стиррона подразумевали, что я, принимая свои решения, не буду проявлять враждебности к Салле. Несомненно, теперь мой царственный кузен Труис из Глина со страхом думал, догадываюсь ли я, что благодаря его действиям все двери оказались закрытыми передо мной. Он также прислал мне на свадьбу роскошный подарок. Поток даров не оскудевал и после брачной церемонии. Постоянно продолжали приходить красивые и дорогие вещи от тех, чьи интересы были связаны с деятельностью Судебной Палаты. В Салле мы называли такие подарки их истинным названием, то есть взятками, но Сегворд заверил меня, что в Маннеране взятки вовсе не портят репутацию человека, если не начинают влиять на объективность принимаемых решений. Теперь я понял, как, имея довольно скромное жалование судьи, Сегворд мог позволить себе образ

жизни, более приличествующий монарху. Честно говоря, я действительно старался выбросить из головы всю эту систему взяток, и, исполняя свои служебные обязанности, в каждом отдельном случае старался поступать объективно.

Вот так я и определился в Маннеране. Я обстоятельно овладел секретами Судебной палаты порта, развил в себе ощущение ритма морской торговли и умело служил Верховному Судье. Я жил среди принцев, судей и богачей. Приобрел небольшой, но роскошный дом поблизости от дворца Сегвора, и вскоре нанял строителей для его увеличения. Я посещал религиозные церемонии в самом Каменном Соборе, что было возможно только для сильных мира сего, а исповедоваться ходил только к Джадду. Я был принят в избранное атлетическое общество и показал свое искусство в метании оперенного копья на стадионе в Маннеране. Когда следующей ранней весной я посетил Саллу, Стиррон устроил мне такой прием, словно я был септархом Маннерана. Он ни словом не обмолвился о моем бегстве из Саллы, был дружелюбен, хотя и несколько сдержан. Своего первого сына, который родился в ту осень, я назвал его именем.

Вскоре у меня родились еще два сына — Ноим и Кинналл, и две дочери — Халум и Лоимель. Мальчики были здоровые и крепкие телом, а дочери, похоже, не уступят по красоте своим более старшим тезкам. Мне доставляло удовольствие быть главой семьи. Я страстно мечтал о том времени, когда смогу взять своих подросших сыновей на охоту в Выжженные Низины или в походы по быстрым горным рекам. Пока же я ездил на охоту без них, и гарпуны многих птицерогов украшали стены моего дома.

Лоимель, как я уже говорил, оставалась для меня чужой. Не приходилось надеяться, что мне удастся проникнуть в душу моей жены так же глубоко, как в душу названной сестры. Тем не менее, несмотря на соблюдаемую нами сдержанность, можно было ожидать, что появится какое-то приобщение к внутреннему миру того, с кем живешь. Однако время шло, а мне было открыто только тело Лоимель. Тепло и готовность, с которой она встретила меня во время нашего знакомства,

быстро исчезли, и она стала такой же далекой, как какая-нибудь северянка из Глина. Однажды во время любовной игры с моих губ сорвалось «я». Лоимель тут же дала мне пощечину и оттолкнула от себя. У нее была своя жизнь, у меня — своя, и через некоторое время мы уже не пытались преодолеть разделяющую нас пропасть. Она очень любила музыку, обожала купаться и загорать на солнце и к тому же отличалась фантастической набожностью. Мне же нравилось охотиться, заниматься спортом и играть со своими мальчиками. Ну и, конечно же, работать. Мы с ней изменяли друг другу. Это был очень холодный брак, однако мы практически не ссорились, так как были недостаточно близки для этого. Ноим и Халум были со мной почти все это время, и это было для меня огромным утешением.

В Судебной Палате мой авторитет и круг обязанностей росли год от года. Я не получил повышения и ни на грош не увеличил жалованья, однако все в Маннеране знали, что именно я управляю решениями Сегвора. Я был буквально завален неиссякаемым потоком «подарков». Постепенно Сегвор стал передавать свои полномочия мне. Он целыми днями находился в своем островном имении в заливе Шумар, пока я подписывал и составлял документы от его имени.

Когда мне исполнилось двадцать четыре года, а ему уже было за пятьдесят, он полностью уступил мне свои полномочия. Поскольку я не был уроженцем Маннерана, то не мог занять пост Верховного Судьи в случае смерти Сегвора. Однако он устроил все так, чтобы его преемником был назначен дружески настроенный ко мне, но довольно никчемный Нольдо Калимоль, который понимал, что фактически власть будет в моих руках. Вы будете правы, если решите, что моя жизнь в Маннеране среди славы и богатства была легкой и беззаботной. За одной безоблачной неделей проходила другая и, хотя ни одному человеку не дано изведать полного счастья, у меня не было особых причин для неудовольствия. Неудачу со своим браком я воспринял очень спокойно, так как в таком обществе, как наше, глубокая любовь между мужем и женой встре-

чаются очень редко. Что же касается другой моей печали — безнадежной любви к Халум, то я глубоко упрятал ее в себя и, когда она мучительно поднималась на поверхность моей души, спешил к исповеднику Джадду. Вот так, без особых тревожлений, дожил бы я до конца своих дней, если бы в мою жизнь не вошел землянин Швейц.

З

28

Земляне редко посещали Борсен. До Швейца я встречал всего двоих — еще в те времена, когда мой отец был септархом. Первый был высоким рыжебородым мужчиной, посетившим Саллу, когда мне было пять лет. Он был путешественником, который перебирался с планеты на планету ради собственного удовольствия. Когда я увидел его, он только что в одиночку, пешком, пересек Выжженные Низины, и я помню, как сосредоточенно изучал я его лицо, пытаюсь найти в нем признаки инопланетного происхождения — линий глаз, может быть, рога, щупальца, копыта... Разумеется, у него ничего такого не было, и я не скрываясь, высказал подозрение, что он нас обманывает. Стиррон, уже два года занимавшийся в школе, язвительно сказал в ответ, что все планеты в мире, включая и нашу собственную, заселены людьми с Земли, и потому любой землянин выглядит точно так же, как и мы. Тем не менее, когда через несколько лет при дворе появился еще один землянин, я все еще старался обнаружить у него щупальца или клыки. На сей раз это был рослый добродушный человек со слегка смуглой кожей — ученый, который собирал образцы растений и животных со всех концов Галактики для какого-то университета. Отец взял его с собой в Выжженные Низины, чтобы добыть птицерога. Я умолял взять и меня, но был выпорот за это нытье... Я мечтал о Земле, разглядывал ее изображение в книгах, видел голубые материки и

огромную, покрытую оспинами Луну, и думал: вот откуда мы все произошли. Это начало всех начал. Я читал о государствах Старой Земли, о войнах и природных катаклизмах, о памятниках и трагедиях, о выходе к звездам и завоевании их. Было время, когда я воображал себя землянином, родившимся на древней планете чудес и перенесенным на Борсен в детстве в обмен на настоящего сына септарха. Мне хотелось иметь хоть какой-нибудь предмет с Земли, какой-нибудь черепок, кусок камня, какую-нибудь реликвию в качестве осязаемой связи с планетой, с которой разбредось человечество. И мне очень хотелось, чтобы на Борсене очутился еще какой-нибудь землянин, которому я мог бы задать тысячу вопросов и выпросить у него для себя какой-нибудь осколок Земли. Но никто больше не появлялся, я вырос и моя одержимость первопланетой прошла.

Затем на моем пути встретился Швейц. Это был коммерсант, впрочем, как многие другие земляне. В то время, когда я встретился с ним на Борсене, он был представителем экспортной фирмы, чья штаб-квартира находилась в планетной системе недалеко от нашей собственной. Он продавал промышленные изделия, а сам покупал меха и специи. Во время своего пребывания в Маннеране он оказался вовлеченным в конфликт с местными экспортерами относительно груза дорогих мехов с северо-западного побережья, которые они пытались всучить Швейцу по более дорогой, чем было обусловлено, цене. Швейц возбудил уголовное дело, которое и было передано в Судебную Палату. Случилось это чуть более трех лет назад и почти год спустя после ухода Сегвора со своего поста.

Обстоятельства дела были ясны, как день, и в его решении не приходилось сомневаться. Один из судей нижнего ранга удовлетворил иск Швейца и приказал импортеру уладить дело с обманутым землянином. Обычно я не занимаюсь подобного рода делами, но когда материалы дела были переданы Верховному Судье для формальной проверки, предшествующей утверждению приговора, я заглянул в них и увидел, что истцом является землянин.

Старая очарованность этой расой — мои заблуждения о рогах, лишних глазах и щупальцах — снова проснулись во мне. Мне страшно захотелось поговорить с ним. Что я надеялся у него узнать? Ответы на вопросы, которые остались без ответа в детстве? Какой-нибудь ключ к природе тех сил, что позволяли человека к звездам? А может, просто развлечение, отвлекающее меня от повседневной жизни?

Я попросил, чтобы Швейц пришел ко мне в контору.

Он вошел в кабинет почти бегом — быстрая, энергичная фигура в одежде крикливых цветов и покроя. Ярко и весело улыбаясь, он приветливо хлопнул меня по ладони, потом уперся кулаками в стол, постоял так несколько секунд, отошел на несколько шагов и принялся рассказывать по комнате.

— Да сохранит вас бог, ваша милость! — воскликнул он.

Я задумался о его странном поведении, о сходстве с туго взведенной пружиной, о пристальном взгляде, проистекавшем от страха передо мной, поскольку у него было немало причин для беспокойства по поводу вызова со стороны такого могущественного чиновника, как я, пожелавшего обсудить дело, которое, по его предположениям, он уже выиграл. Однако позднее я узнал, что его манера поведения была выражением его неугомонной натры, а не сиюминутной напряженности.

Он был среднего роста, и, казалось, в его теле нет ни грамма лишнего, ни ломтика жира под кожей. Рыжевато-коричневая борода и волосы цвета темного меда как нельзя более ему шли. Волосы спадали прямыми прядями на плечи, а озорные глаза и лукавая улыбка дополняли образ, излучая динамичный задор и мальчишеский энтузиазм, который уже тогда очаровал меня. Однако мальчиком он не был. На его лице были заметны преждевременные возрастные морщины, а волосы, хотя и обильные, уже начинали редеть на макушке.

— Садитесь, — предложил я, поскольку его прыжки раздражали меня. Я никак не мог решить, с чего начать разговор. О чем я мог спросить его, прежде чем он заикнется о Завете и замкнется в себе? Расскажет ли он о себе и о своей планете?

Имею ли я право влезть в душу чужеземца таким способом, на какой не отважился бы никогда, имея дело с уроженцем Борсена. Ладно, посмотрим. Любопытство подстегивало меня. Я поднял пачку документов, касающихся его дела. Поскольку он печально покосился на них, я протянул бумаги ему и сказал:

— Сначала о делах. Решение суда удовлетворено. Сегодня Верховный Судья Калимоль поставит печать и в течение месяца вам будет выплачено все причитающееся.

— Приятные слова, ваша милость.

— Этим завершается официальная сторона дела...

— Такая короткая встреча?— удивился он.— Вряд ли была необходимость в вызове только для того, чтобы обменяться несколькими словами, ваша милость.

— Признаться,— улыбнулся я,— вас вызвали сюда обсудить другие вопросы, не касающиеся вашего иска.

— Что? — он был сбит с толку и потому встревожился.

— Хотелось бы поговорить с вами о Земле,— начал я.— Чтобы удовлетворить праздное любопытство аристократа и бюрократа. Разве это запрещено? Вы могли бы поговорить со мной об этом, раз уж деловые вопросы улажены. Знаете, Швейц, у нас всегда существовала тяга к Земле и землянам.

Чтобы установить с ним некоторый контакт и рассеять недоверие, я рассказал о двух землянах, с которыми встречался раньше, и о той детской убежденности, что они должны отличаться от нас внешним видом. Он расслабился и не без удовольствия слушал меня. Еще до того, как я закончил, он рассмеялся:

— Клыки! Шупальца!— Он провел пальцами по своей руке.

— Неужели вы на самом деле думали так, ваша милость? Что земляне такие причудливые существа? Клянусь всеми богами, я хотел бы иметь на теле что-нибудь необычное, чтобы позабавить вас.

Я морщился каждый раз, когда Швейц говорил о себе в первом лице. Его небрежные непристойности портили мне настроение и разрушали настрой, которого я старался достичь. Хотя я сделал вид,

что ничего не случилось, Швейц сразу понял свою ошибку и, вскочив, принялся извиняться.

— Тысячу извинений, ваша милость! Иногда ваша грамматика забывается... понимаете, когда нет длительной привычки к ней...

— Не стоит беспокоиться,— поспешно остановил его я.

— Вы должны понимать, ваша милость, что старые навыки отмирают с трудом и, пользуясь вашим языком, иногда впадаешь в грех, стараясь выразиться наиболее естественным образом даже несмотря на...

— Конечно, Швейц. Этот грех легко простить.— Увидев, что он все еще дрожит, я подмигнул.— Кроме того, я человек взрослый. Неужели вы думаете, что меня так легко шокировать?— Я намеренно прибег к вульгарному выражению «я», чтобы он почувствовал себя свободнее. Уловка сработала. Он успокоился и сел, но в то утро уже не пробовал говорить естественным для него образом и вообще был очень осторожен в выражениях еще много времени спустя, до тех пор, пока такие вещи стали несущественными в наших отношениях. Затем я попросил его рассказать о Земле, нашей общей родине.

— Планета небольшая,— начал он,— очень далеко отсюда. Она буквально задушена своими древними отходами. Ее воздух, земля и воды отравлены ядами почти двухтысячелетнего легкомыслия и перенаселенности. Страшное место.

— Неужели в самом деле страшное?— удивился я.

— Кое-где еще остались привлекательные места. Но их совсем мало, так что хвалиться нечем особо. Немного деревьев тут и там, невысокая трава, озеро, водопад. Но большей частью планета представляет из себя выгребную яму. Землянам очень часто хочется воскресить своих далеких предков, а затем торжественно задушить их за то, что они не думали о будущих поколениях. Они заполнили собой весь мир и исчерпали все его ресурсы.

— Значит, земляне создают империи в небесах, чтобы избежать грязи в собственном доме?

— В общем-то да, — кивнул Швейц. — Частично это так. И все, у кого было достаточно сил, чтобы покинуть Землю, сделали это. Но, поймите меня,

это нечто иное, чем бегство. Здесь и неудержимая жажда нового, и тяга к путешествиям, и неутоленное желание начать все заново. Создать новые и более лучшие миры для людей. Целое ожерелье таких планет уже заброшено на небо.

— Ну а те, кто не смог уйти?— спросил я.— Говорят, на Земле остались еще миллиарды людей.— Сказав это, я подумал о материке Валлада с его пятидесятимиллионным населением.

— О нет, нет, она теперь почти пуста. Планета-призрак. Разрушенные города, потрескавшиеся дороги... Там теперь живет очень мало людей. И с каждым годом рождаемость все меньше.

— Но вы родились там?

— На материке с названием Европа,— кивнул Швейц.— Правда, мне не приходилось видеть Землю добрых тридцать лет. С четырнадцати лет.

— Но вы не выглядите таким старым!— вырвалось у меня.

— Имеется в виду земное летоисчисление,— пояснил он.— По вашему исчислению это соответствует возрасту в тридцать лет.

— Я в том же возрасте. Мне тоже пришлось покинуть свою родину до возмужания,— говорил я свободно, гораздо свободнее, чем следовало бы. Я затащил сюда этого Швейца и теперь чувствовал потребность предложить ему что-нибудь взамен.

— Пришлось покинуть Саллу еще в детстве, чтобы поискать удачи в Глине, но она приласкала меня только в Маннеране. Похоже, Швейц, мы с вами оба странники.

— Значит, между нами есть что-то общее?

— Почему вы покинули Землю?

— По тем же причинам, что и все остальные. Чтобы отправиться туда, где воздух чист, и где у человека есть хоть какая-то возможность стать кем-то. Всю свою жизнь на Земле проводят только те, кто не может покинуть ее.

— И перед этой планетой благоговеет вся Галактика!— воскликнул я.— Планета, породившая столько легенд! Планета мальчишеской мечты! Центр Вселенной — просто жалкий прыщ! Нарыв!

— Вы точно описали ее.

— И все перед ней благоговеют.

— О, почитайте ее, молитесь ей, кланяйтесь!— воскликнул Швейц. Глаза у него блеснули.— Мать человечества! Первооснова всех миров! Почему же не почитать ее, ваша милость? Благоговейте перед смелыми начинаниями, предпринятыми там. Воспевайте высокие устремления, которые выросли из грязи, и чтите наши ужасные ошибки. Древняя Земля совершала ошибку за ошибкой и нечаянно задушила себя, чтобы вы были избавлены от повторения ее мучений и сомнений.— Швейц хрипло рассмеялся. — Земля погибла во искупление ваших, люди неба, грез. Разве в этом нет чего-то мистического? Вокруг такой идеи можно устроить целую церковную службу. Земля — искупительница, а жители ее — жрецы этой новой религии.— Он неожиданно наклонился вперед и спросил:— Вы человек верующий, ваша милость?

Я был застигнут врасплох интимностью этого вопроса, но все еще держался.

— Разумеется,— кивнул я.

— Вы ходите в церковь, беседуете с исповедником и все такое?

Он поймал меня. Я не мог не говорить.

— Да. А почему это вас удивляет?

— Удивляет? Отнюдь. Похоже, что на Борсене все искренне набожны, и это поражает меня. Вы понимаете, ваша милость, в вашем собеседнике нет ни на йоту веры. Я пытался верить, пытался неоднократно, изо всех сил старался убедить себя, что в мире есть высшие существа, определяющие судьбу каждого человека. Иногда мне это почти удавалось, вера вот-вот должна была проникнуть в мою душу, но скептицизм тут же закрывал все пути для нее. И в конце концов мне пришлось сказать: «Нет, этого не может быть. Это невозможно! Это противоречит логике и здравому смыслу!»

— Но как же вы смогли прожить всю свою жизнь, если не соприкасались ни с чем святым?

— Большую часть времени мне это вполне удавалось. Большую часть.

— Ну а остальное время?

— В остальное время я чувствовал бремя того, что знание является абсолютно одинаковым для всей Вселенной. Ты ходишь нагой под звездами, свет которых обжигает твою кожу, и никто не

поможет прикрыться от этого адского огня, не предложит убежища и не помолится о помощи. Вы понимаете? Небо холодно, как лед, и некому согреть его. Нет никого! Кроме убеждения, что не существует никого, кто мог бы дать утешение. Хочется опереться на какую-нибудь систему веры, хочется поклониться, пасть на колени. Вы понимаете? Хочется верить во что-нибудь, иметь веру, но ее нет, как нет способности верить. И тогда приходит смертельный страх! Плач без слез, бессонные ночи...

Лицо Швейца горело, глаза стали дикими от возбуждения. У меня не было уверенности в том, что он в своем уме. Землянин перегнулся через стол и схватил меня за руку. Этот жест ошеломил меня, но я отдернул руку.

— Так вы верите в богов, ваша милость?

— Конечно!

— В самом буквальном смысле? Вы думаете, что существует бог путешественников, бог рыбаков, бог крестьян, покровительствующий септархам...

— Существует сила, — перебил я его, — которая поддерживает устойчивость и порядок во Вселенной. Сила, которая заявляет о себе различными способами, и ради того, чтобы перекинуть мост через пропасть, разделяющую нас и эту силу, мы рассматриваем каждое из ее проявлений как «божественное». Те из нас, что не получили должного образования, воспринимают этих богов буквально, как существ с лицами и индивидуальностями. Другие же понимают, что это метаморфы различных аспектов божественной силы, а не какое-то племя могучих духов, живущих над нами. Но нет никого на материке Валлада, кто оспаривал бы само существование силы.

— Приходится только завидовать этому, — сказал Швейц. — Тем, кто воспитан культурой, обладающей такой связной системой понятий и структур, тем, кто имеет такую убежденность, кто ощущает себя частицей божественного порядка. Как чудесно должно быть обладать таким богатством! Одна система веры может оправдать многие пороки вашего общества.

— Пороки? — внезапно я почувствовал, что оказался в роли обороняющегося. — Какие это пороки?

Швейц прищурил глаз и провел языком по губам. Вероятно, он лихорадочно взвешивал: разгневан ли я его словами, или они заставили меня страдать.

— Возможно, это слишком сильное слово, — ответил он. — Лучше бы назвать это несуразностью или даже ограниченностью вашего общества. Речь идет о необходимости тщательно скрывать ваш духовный мир от своих сограждан, которую вы налагаете на себя. О запретах упоминаний о себе, о запретах на откровенность в беседах...

— Разве сегодня в этой комнате не была раскрыта душа?

— О, — развел руками Швейц. — Но вы же разговариваете сейчас с чужеземцем, с человеком, не являющимся частицей вашей культуры, с человеком, у которого, как вы тайно подозревали, могут быть клыки и шупальца. Вы допустили бы подобную вольность с кем-нибудь из жителей Маннерана?

— Еще никто в Маннеране не задавал подобных вопросов.

— Может и так. Недостает свойственной уроженцам этой планеты склонности к самоподавлению. Эти вопросы относительно философских аспектов вашей религии... они нарушают уединенность вашей души, ваша милость? Они оскорбительны для вас?

— Возражений против разговора о таких вещах нет, — постарался я успокоить землянина. Но думаю, это прозвучало не так уж и убедительно.

— Но ведь для вас такой разговор запрещен, не так ли? Мы прибегли к неприличным выражениям — разве что это были случайные обмолвки, — но мы еще рассматривали непотребные понятия. Я позволил себе несколько раздвинуть стены, окружавшие вас, не так ли? За это вас можно только благодарить, потому что за столь долгое пребывание у вас мне не удалось свободно поговорить с кем-либо. Вы понимаете — ни разу! Пока сегодня не возникло ощущение, что вы решились немного раскрыть себя. Это необычайное переживание, ваша милость.

На лице его вновь появилась улыбка. Он встал и принялся расхаживать по комнате.

— Вы должны понять, что у меня даже не возникало желание критиковать ваш образ жизни. На

самом деле хотелось даже позволить похвалить его за положительные стороны и попытаться понять другие...

— Какие же похвалить, а какие — понять?

— Понять ваш обычай возводить стены вокруг себя. Похвалить легкость, с которой вы воспринимаете божественное присутствие. Можно только позавидовать этому. Как уже было сказано, ваш собеседник воспитан вне веры, и потому не может позволить себе воспринимать ее. Голова у таких людей полна скептических вопросов. По складу ума им не дано постигнуть то, чего нельзя увидеть или почувствовать и потому приходится всегда быть одиноким, странствовать по глубинам галактики в поисках подступов к вере, пробуя то одно, то другое, и никогда не обнаруживая ее...

На некоторое время Швейц умолк, лицо его горело и было покрыто потом.

— Теперь вы понимаете, ваша милость, что у вас есть нечто драгоценное: это совершенно уникальная способность ощущать себя частицей более могущественной силы. Хотелось бы научиться этому у вас. Разумеется, тут все дело в воспитании. Борсен до сих пор признает существование богов, Земля же давно пережила их. На этой планете цивилизация еще молода, а чтобы религия изжила себя, потребуются, возможно, тысячи лет.

— Кроме того, — встал я, — эта планета была заселена людьми, обладавшими сильными религиозными убеждениями, которые переселились сюда специально, чтобы сохранить их, и предприняли огромные усилия, чтобы они внедрились в плоть и кровь их потомков.

— И это тоже — ваш Завет. Когда он возник? Полторы, две тысячи лет назад? Он мог бы давно обратиться в прах, но — выстоял! Сейчас он сильнее, чем когда-либо. Ваша благочестивость, ваше смирение, ваше самоотрицание...

— Тем, кто не смог и не был способен воспринимать и передавать дальше идеалы первых поселенцев, не разрешалось оставаться среди нас, — сказал я. — Это оказало сильное воздействие на все формы культуры, если вы согласны с тем, что такие формы культуры, как бунтарство и атеизм,

были изжиты из сознания целой расы. Согласные остаются, несогласные уходят.

— Ваша милость говорит об изгнанниках, которые переселились на материк Шумар?

— Значит, вам известна наша история?

— Естественно. История любой планеты, на которой приходится бывать, представляет огромный интерес. А вы там когда-нибудь бывали, ваша милость?

— Немногие из нас посещают этот материк,— неохотно ответил я.

— Но вы хотя бы задумывались над тем, чтобы его посетить?

— Никогда.

— Есть люди, которые отправляются туда,— сказал Швейц и как-то странно улыбнулся. Я хотел расспросить его об этом поподробнее, но тут вошел секретарь с кипой бумаг, и Швейц стал прощаться.

— Не хочется отбирать драгоценное время у столь уважаемого человека,— вежливо поклонился он.— Возможно, в другой раз у нас будет возможность продолжить этот разговор?

— Хочется надеяться на это,— сказал я ему.

К

29

Когда Швейц ушел, я еще долго сидел за своим столом, откинувшись на спинку стула и закрыв глаза, повторяя про себя все то, что мы говорили друг другу. Как легко его тактика пробила мои защитные барьеры. Как быстро мы начали говорить о самом сокровенном! Правда, он был инопланетянином и, общаясь с ним, я не был связан путами наших обычаев. И все же мы сблизились с опасной скоростью. Еще десять минут, и я открылся бы перед ним так, как если бы он был моим побратимом. Я был поражен и испуган столь быстрым падением моей благопристойности, способами, которыми он принудил меня к такой откровенности. Но разве он был в этом виноват? Я послал за ним, я первый стал задавать скользкие

вопросы. Это я задал тон нашей беседы, а он, исходя из этого, почувствовал какую-то шаткость, ухватился за нее, быстро перевернул весь ход разговора, и уже не я спрашивал его, а он меня. И я всецело смирился с этим. Неохотно, но все же с готовностью, я открылся перед ним. Меня влекло к нему, а его ко мне. Швейц-искуситель! Швейц, воспользовавшийся моей слабостью, так долго скрываемой даже от самого себя. Каким образом ему удалось понять, что я готов открыться? Его быстрая эмоциональная речь, казалось, все еще звучит в моей голове. Вопросы, вопросы, вопросы... А затем откровения. Вы — человек верующий? Вы верите в богов в буквальном смысле? Если бы только я мог обрести веру! Как я завидую вам! Но вот пороки вашего общества... Отрицание своего «я». Вы позволили бы подобную вольность с жителями Маннерана? Скажите, ваша милость, откройтесь мне! Я так долго был одинок здесь...

Как он мог понять это, если даже я сам не знал?

Между нами зародилась какая-то странная дружба. Я пригласил Швейца на обед. Мы ели и разговаривали, лилось голубое вино Саллы и золотистое Маннерана, а когда оно разогрело скованность, мы снова заговорили о религии, о трудностях Швейца, с ней связанных, и о моей убежденности в том, что боги существуют. Халум вышла к нам, а потом, заметив способность Швейца развязывать мой язык, заметила:

— Ты тогда казался таким пьяным, каким никогда не был, Кинналл. А ведь вы выпили только три бутылки вина. Значит, было что-то другое, что заставило тебя говорить так свободно, а твои глаза — так гореть.

Я рассмеялся и рассказал, что на меня находит безрассудство, когда я остаюсь наедине с этим землянином, и что мне довольно трудно придерживаться обычаев, разговаривая с ним. Во время нашей следующей встречи, в таверне возле Суда, Швейц спросил меня:

— Вы любите свою названую сестру?

— Разумеется. Каждый любит свою названую сестру.

— Здесь «люблю» было сказано в совершенно определенном смысле,— сказал он, понимающе усмехнувшись.

Я напрягся и отпрянул назад.

— Вы настолько опьянели в тот вечер? Что еще вы слышали о ней?

— Ничего,— пожал плечами Швейц.— Вы сами говорили об этом своими глазами, своей улыбкой. Тогда вам не были нужны слова.

— Может быть, поговорим сейчас о чем-нибудь другом?

— Как будет угодно вашей милости.

— Это деликатная тема и... мучительная.

— Тогда извините меня, ваша милость. Просто хотелось получить подтверждение своим догадкам.

— Такая любовь запрещена у нас.

— Хотя нельзя сказать, что она не существует, не так ли?— спросил Швейц и чокнулся своим бокалом со мной.

В этот миг я твердо решил никогда больше не встречаться с ним. Он слишком глубоко заглянул в меня и слишком свободно говорил о том, что там увидел. Однако через четыре дня, столкнувшись с ним на причале, я второй раз пригласил его на обед. Лоимель была недовольна этим приглашением, Халум тоже не пришла, сославшись на то, что приглашена к друзьям. Когда же я стал настаивать, она сказала, что в присутствии Швейца чувствует себя как-то неловко. Правда, в Маннеране был Ноим, и он присоединился к нашей трапезе. Мы понемногу пили, но разговор не получался, хотя как-то не меняя общего хода беседы, мы вдруг обнаружили, что рассказываем Швейцу о том времени, когда я бежал из Саллы, опасаясь ревности своего брата, а Швейц рассказал о своем уходе с Земли. Когда в тот вечер землянин наконец покинул нас, Ноим сказал, причем не слишком осуждающе:

— В этом человеке много сатанинского, Кинналл.

— Тот запрет на самовыражение, — сказал Швейц, когда мы снова оказались одни, — можете ли вы, ваша милость, объяснить его мне?

— Вы имеете в виду, что запрещено говорить «я» и «мне»?

— Не совсем, поскольку при этом вам отказано в целом образе мышления, сопутствующем таким словам, как «я» и «мне», — покачал головой землянин. — Заповедь, которая заставляет вас все личные дела держать при себе, делясь ими только с побратимами и исповедниками. Обычай возводить вокруг себя стены, которые оказали влияние даже на вашу грамматику.

— Вы имеете в виду Завет?

— Да, — кивнул он.

— Вы говорили, что знакомы с нашей историей?

— Да, и довольно глубоко.

— Значит, вам известно, что наши предки были людьми суровыми, привычными к холодному климату, не боящимися трудностей и с недоверием относящимися к роскоши и праздности. Они прибыли на Борсен, чтобы избавиться от того, что считали разлагающей скверной на своей родной Земле.

— Вот как? Казалось, что они были 'просто беженцами, удиравшими от религиозных преследований.

— Беженцами от лени и потворства своим слабостям, — невесело сказал я. — Очутившись здесь, они установили такие нормы поведения, которые могли бы уберечь их внуков от разложения.

— Это и был Завет?

— Да. Обет, который они дали друг другу, который каждый из нас дает своим соплеменникам в День Поминовения. Когда мы клянемся не взваливать свои неприятности на других, клянемся иметь сильную волю и быть сильными духом, чтобы боги продолжали улыбаться, глядя на нас... и так далее

и тому подобное. Мы приучены ненавидеть демонов, которыми является наше «я».

— Демонов?

— Так мы это расцениваем. Демонов-искусителей, которые побуждают нас использовать других там, где мы должны полагаться только на свои собственные силы.

— Так, где нет любви к себе, нет дружбы, участия и любви и к ближнему своему.

— Может, и так...

— А потому не может быть и доверия.

— Мы определяем долю ответственности посредством соглашений,— сказал я.— При этом нет нужды знать, что делается в душах других, поскольку правит закон. И на материке Валлада никто не посмеет усомниться в существовании этого закона.

— Вы говорите о ненависти к своему «я»,— произнес Швейц.— Однако мне кажется, что скорее вы возвеличиваете его.

— Каким образом?

— Живя порознь друг от друга. Каждый находится в замке своего черепа. Гордые, нестигаемые, равнодушные, чужие друг другу. Да ведь это настоящее царство своего «я», а вовсе не подавление его.

— Вы странно смотрите на жизнь, — попытался я улыбнуться. — Разве не смешно, что вы выворачиваете наши обычаи наизнанку и говорите, что это порок?

Швейц немного помолчал, потом задал вопрос:

— И так было всегда? С самых первых дней заселения материка Валлада?

— Да,— кивнул я.— За исключением недовольных, о которых вы слышали, и которые уплыли на южный континент. Остальные живут по заповеди Завета. Со временем наши обычаи стали еще более суровыми. Теперь мы не имеем права говорить о себе в первом лице единственного числа, поскольку это неприкрытое самообнажение, но в средние века еще можно было себе это позволить. Однако, с другой стороны кое-что смягчилось. Когда-то нам даже запрещали сообщать свои имена незнакомым людям. Мы заговаривали друг с другом только в случае крайней необходимости. В наши дни мы стали более доверчивыми.

— Ну, не слишком!— захохотал Швейц.

— Да, не слишком,— согласился я.

— Но разве это не мучает вас? Каждый человек закрыт от других сам в себе... И разве вы никогда не спрашивали у себя: а может ли быть более счастливый образ жизни?

— Мы придерживаемся Завета.

— С легкостью или с трудом?

— С легкостью,— ответил я.— Наши муки не так уж велики, если принять во внимание, что у нас есть названные братья и сестры, с которыми мы освобождаемся от бремени безличности. То же самое можно сказать и о наших исповедниках.

— Зато вы не имеете права жаловаться другим, не можете снять бремя с опечаленной души, не имеете права просить совета, не можете открыто объявить о своих нуждах и желаниях или открыто говорить о чем-то другом, кроме чопорных и безличных вещей.— Швейц пожал плечами.— Извините, ваша милость, но приходится признать, что это очень трудная жизнь. Всегда, всю жизнь хочется чьей-то любви, человеческого контакта, соучастия, откровенности, а на этой планете возвеличивается прямо противоположное.

— Вы были бы счастливее,— попытался я сыронизировать,— найдя здесь теплоту и человеческое участие, любовь и контакт?

Швейц пожал плечами.

— Это всегда нелегко найти.

— Для нас никогда нет одиночества, поскольку у нас есть названные родственники. Имея Халум и Ноима, всегда готовых предложить участие и утешение, зачем мне мир других, чужих людей?

— А если их нет рядом с вами? Если приходится путешествовать, скажем, в снегах Глина?

— Это заставляет страдать. Но зато и характер становится более твердым, но это исключительная ситуация, Швейц. Наша система, возможно, принуждает нас к изоляции, зато она гарантирует нам любовь.

— Но это не любовь мужа к жене, не любовь отца к ребенку.

— Пожалуй, нет...

— И даже любовь между побратимами ограничивает. Вот вы сами признались, что чувствуете

влечение к своей названной сестре Халум, влечение, которое нельзя...

Этого я ему позволить не мог.

— Говорите о чем-нибудь другом, землянин! — отрезал я.

Щеки мои покраснели, мне стало жарко.

Швейц поклонился и сдержанно улыбнулся.

— Извините, ваша милость. Разговор зашел слишком дадеко и произошла потеря самоконтроля. Но я не хотел причинить вам боль.

— Очень хорошо.

— Тема стала слишком личной, и стал ощутимым стыд.

— Знаю, что вы не хотели причинить вреда, — кивнул я, чувствуя себя виноватым за эту вспышку, хотя понимал, что он уколол меня в самое уязвимое место и то, как я среагировал, говорило, что в этом есть доля правды. Я налил ему еще вина. Некоторое время мы пили молча. Затем Швейц сказал:

— Можно сделать предложение, ваша милость? Можно пригласить вас принять участие в одном опыте, который может оказаться весьма интересным и ценным для вас?

— Продолжайте, — сказал я, хмурясь и от этого чувствуя себя неловко.

— Вам известно, — продолжал землянин, — что я давно испытываю неудобство от сознания своего одиночества во всей Вселенной и что велись безуспешные поиски средства соотношения со всей Вселенной. Для вас таким средством является вера, но вашему собеседнику не удалось приобщиться к такой вере из-за несчастливого пристрастия к самоанализу. Не удастся достичь этого высшего ощущения «сопричастности» посредством одних только слов, молитвы или обряда. Для вас же это возможно, и можно только завидовать вам в этом. Создается впечатление, что меня... о, простите... загнали в западню, изолировали, закупорили в черепе, обrekli на духовное одиночество — человек отдельно от всех и сам по себе. Такое состояние безбожия трудно назвать желаемым или приносящим радость. Вы в Борсене в состоянии перенести такого рода изоляцию, на которую сами себя и обrekli, поскольку находите утешение в своей религии. У вас

есть исповедники и какое-то мистическое слияние с богами, которое дает вам исповедь. Но у того, кто говорит с вами сейчас, подобного преимущества нет.

— Мы обсуждали все это много раз,— удивился я.— Что вы там говорили о каком-то там эксперименте?

— Будьте терпеливы, ваша милость. Нужно все объяснить полностью, шаг за шагом...— Швейц одал меня одной из самых своих обаятельных улыбок и поднял на меня взгляд, в котором читались планы, будоражащие его разум. Он начал размахивать руками, словно производя какие-то магические пассы.

— Возможно, вашей милости известно, что существуют определенные вещества — лекарства, которые позволяют открыть перед собой бесконечность или по крайней мере дают иллюзию, что произошло такое открытие. В общем, есть такое лекарство, которое позволяет на краткий миг заглянуть в таинственные сферы неосознаемого и непостижимого. Подобные вещества известны уже тысячи лет человеческой истории. Их приняли еще при отправлении древних религиозных таинств. Некоторые люди использовали их как заменитель религии в качестве мирских средств для поисков веры, дверей в бесконечность, особенно в случае, когда других путей не было.

— Но такие средства запрещены на материке Валлада.

— О, конечно, конечно! Для вас они являются средством обойти ритуалы официальной религии. Зачем тратить время на исповедника, если с помощью таблетки можно распахнуть душу в исповеди перед самим собой? В этом вопросе ваш закон мудр: Завету не устоять, если было бы разрешено употребление таких веществ здесь.

— Это только предположение, Швейц.

— Должен сказать, что пробовал употреблять такие лекарства, но обнаружилось, что они недостаточно эффективны. А правда, они открывают бесконечность и позволяют слиться с божеством, но только на мгновение, в лучшем случае на несколько часов. А затем ты становишься таким же одиноким, как прежде. Это иллюзия того, что открылась душа, но не само откровение. А между

тем именно на этой планете производят средство, которое может обеспечить настоящее откровение.

— Что!?

— На материке Шумар,— продолжал Швейц,— живут те, кто бежал от господства закона. Вашему собеседнику говорили, что они дикари, ходят нагишом и живут, питаясь семенами, кореньями и рыбой. Покрывало цивилизации свалилось на них, и они соскользнули обратно в варварство. Это стало известно от одного путешественника, который недавно посетил этот континент. Известно стало и то, что на материке Шумар употребляют какое-то лекарство, изготавливаемое из некоего корня, которое способно открывать разум перед разумом, так что каждый сможет прочесть сокровенные мысли другого. Это нечто совершенно противоположное вашему Завету, вы понимаете? Они познают друг друга посредством этого лекарства, которое упорно употребляют в пищу.

— Приходилось слышать рассказы о диких нравах этих людей, — махнул я рукой.

Швейц приблизил свое лицо к моему.

— Надо признать, что это лекарство с Шумара — вещь очень соблазнительная. Возникает надежда найти то общение душ, которое так тщательно, но тщетно разыскивается. Оно может быть мостом к бесконечности, к духовному преобразованию личности.

В поисках откровения приходилось пробовать много средств, почему бы не попробовать и это?

— Если оно существует.

— Оно существует, ваша милость. Этот путешественник, приехавший с Шумара, привез немного этого снадобья в Маннеран и продал некоторое его количество любопытному землянину.

Швейц вытащил из кармана небольшой конверт и протянул его мне. Внутри было немного белого порошка. Но это мог быть и просто сахар!

Я посмотрел на Швейца и рассмеялся.

— Это и есть ваше предложение? Ваш эксперимент?

— Давайте вместе попробуем это лекарство с Шумара,— осторожно проговорил Швейц.

мог бы вытряхнуть порошок из конверта и арестовать дерзкого землянина, мог бы приказать ему убираться прочь и никогда больше не показываться мне на глаза, мог бы по крайней мере воскликнуть, что это совершенно невозможно, что я не могу даже прикоснуться к такому порошку. Но ничего подобного я не сделал. Я предпочел равнодушное любопытство, предпочел остаться спокойным и принять предложенную землянином опасную игру. И этим я одарил его, дав ему возможность затянуть меня в трясину еще глубже.

— Вы думаете,— сказал я,— что я сгораю от нетерпения нарушить Завет?

— Думаю, вы человек сильной воли и пытливого ума, который не упустит представившейся возможности для познания.

— Познания чего?

— Все настоящие истины поначалу незаконны там, где они возникают. Даже религия Завета. Разве ваших предков не изгнали за то, что они практиковали ее?

— Такие аналогии вызывают недоверие. Мы говорим сейчас не о религии, а об опасном наркотике. Вы просите другого отказаться от того, что он почитал целую жизнь. Вы просите, чтобы он открылся перед вами, как никогда не открывался перед своими побратимами. Даже перед исповедниками!

— Да!

— И вы воображаете, что он пожелает это сделать?

— Такое вполне возможно. Может быть, это преобразит вас и сделает чище,— кивнул Швейц.— Однако после этого можно проснуться испуганным и обманутым.

— Это мало вероятно. Знание не может повредить душе. Это только чистки могут покрыть душу ржавчиной и иссушить ее.

— Как вы красноречивы, Швейц! И все же можете вы поверить в возможность выдачи своих секретов другому человеку, причем инопланетянину?

— А почему бы и нет? Уж лучше незнакомцу, чем другу. Лучше землянину, чем своему соплеменнику. Вам нечего бояться: землянин никогда не будет пытаться судить вас по меркам Борсена. Здесь не будет осуждения или неодобрения того, что может оказаться в вашем разуме. А через некоторое время землянин покинет эту планету, чтобы предпринять новое путешествие за сотни световых лет, и тогда какое будет иметь значение то, что его ум слился с вашим?

— Почему вам так не терпится? Чего вы добиаетесь этим слиянием?

— Вот уже восемь месяцев это лекарство лежит у меня в кармане, пока шли поиски того, с кем можно было бы его разделить. Похоже было, что поиски эти окажутся тщетными. Однако произошла встреча с вами и обнаружились ваши способности: ваша сила, скрываемое вами бунтарство...

— Нет никакого бунтарства, Швейц!— почти выкрикнул я, потом добавил потише:— Наоборот, полное подчинение морали своего мира.

— Можно указать вам на некий щекотливый вопрос, ваша милость? Не кажется ли вам, что ваше отношение к названной сестре является симптомом фундаментального несогласия с ограничениями, накладываемыми вашей моралью?

— Возможно. А может, и нет.

— Воспользовавшись лекарством с Шумара, вы сами узнаете это точно. Тогда у вас будет меньше неопределенности и больше уверенности.

— Как вы можете говорить так, если сами еще не принимали этот порошок?

— Мне говорили о его действии.

— Это невозможно,— покачал я головой.

— Только один опыт,— взмолился Швейц.— Понимаете, всего один. Секретное соглашение. Никто не узнает об этом.

— Невозможно!

— Значит, вы боитесь открыть свою душу?

— На этой планете всегда учили, что это является святотатством.

— Учение может быть и неправильным,— покачал головой Швейц.— Неужели у вас никогда не было искушения? Разве, исповедуясь, вы не испытывали экстаза и вам не хотелось испытать его с тем, кого вы любите, ваша милость?

Он опять ткнул меня в больное место.

— Иногда такие ощущения возникали,— вынужден был согласиться я.— Сидишь возле какого-нибудь уродливого исповедника и воображаешь, что это Ноим или Халум, и что исповедь обоюдна. Невольно хочется, чтобы это был двусторонний поток...

— Значит, вы уже давно жаждете этого лекарства, даже не сознавая этого.

— Нет! Нет!!!

— Вероятно,— предположил Швейц,— вам неприятна мысль открыться перед незнакомцем, а не сама идея откровения. Возможно, с кем-нибудь другим вы испробовали бы это средство? А? Со своим побратимом? Или, может быть, с названной сестрой?

Я задумался. Сидеть рядом с Ноимом, который был моим вторым «я», и добираться в его разуме до таких уровней? А он тем временем испытывает те же чувства, глубоко упрятанные в моем подсознании. Или же с Халум... или с Халум!

— Швейц, вы искуситель!

— Вижу, идея пришла к вам по душе,— усмехнулся землянин.— Ну что же, придется мне отказаться от возможности, предоставляемой этим веществом. Вот оно. Возьмите его и попробуйте. Разделите его с тем, кто отвечает любовью на вашу любовь.

Эта высокопарная речь испугала меня. Я выронил конверт, словно внезапно он обжег меня.

— Но ведь это лишит вас столь давно ожидаемого осуществления желания,— заметил я.

— Не имеет значения. Можно достать еще этого лекарства. Возможно, найдется другой партнер, пожелавший участвовать в моем эксперименте. Вы уже тем временем испытываете высшее блаженство, ваша милость.

Даже землянин может быть не эгоистом.

— Возьмите его, ваша милость...

Я мрачно посмотрел на этого человека.

— А может, эти разговоры, чтобы отдать лекарство, всего лишь искусная игра? Может, на самом деле вы ищете кого-то, кто согласился бы стать подопытным кроликом, а вы обрели бы уверенность в безопасности вашего лекарства? Прежде, чем попробуете сами?

— Вы заблуждаетесь, ваша милость.

— А может, и нет. Возможно, именно этого вы и добиваетесь.

Мне представилось, как я даю это зелье Ноиму, как он падает без чувств передо мной, как я готовлюсь поднести порошок к своим губам. Я наклонился, поднял конверт и протянул его Швейцу.

— Нет. Предложение отклонено. Ваша щедрость очень ценна, но над побратимом никакого опыта не будет.

Он густо покраснел.

— Я вас не понимаю, ваша милость. Предложение отказаться от своей доли лекарства было сделано из лучших побуждений и не связано с какими-то собственными намерениями. Но поскольку вы отвергаете его, давайте вернемся к первоначальному предложению. Мы вдвоем попробуем лекарство в качестве эксперимента. Пусть мы сами посмотрим, какова сила этого порошка и какие врата он сможет открыть перед нами. Мы многого добьемся благодаря этому, можете мне поверить...

— Но с какой целью принимать его...

— Вам?— усмехнулся змей-искуситель и тут же вколотил в меня большой гвоздь с зазубринами.— Прodelав этот опыт, вы, ваша милость, узнаете, что лекарство неопасно. Вы определите правильную дозировку, и у вас исчезнет страх перед самим процессом обнажения своих мыслей. Затем, достав еще этого порошка, вы будете уже подготовлены, чтобы использовать его с этой целью, с какой сейчас боитесь употребить. Вы сможете разделить его с тем единственным человеком, которого по-настоящему любите. Вы сможете использовать его, чтобы открыть самого себя перед Халум и чтобы она открылась перед вами.

Когда дети учат Завет, им рассказывают легенду о тех днях, когда боги еще не прекратили своего странствия по земле в виде людей, и когда люди еще не прибыли на Борсен. Боги тех времен не знали своей божественной сущности, потому что рядом с ними не было смертных для сравнения, и поэтому они были невинными существами, не сознающими своего могущества. Они вели простую жизнь и обитали в Маннеране (в этом источник провозглашения святости Маннерана), питаясь ягодами и листьями. Они ходили безо всякой одежды и только во время мягкой маннеранской зимы набрасывали на себя накидки из звериных шкур. И не было в них ничего божественного.

Однажды двое из этих богов, таких непохожих на богов, решили отправиться посмотреть на мир. Идея совершить подобное путешествие пришла в голову тому богу, чье тайное имя было Кинналл, ныне это бог, покровительствующий путешественникам. Кстати, именно в его честь меня и назвали. Этот Кинналл пригласил богиню Тиргу присоединиться к нему, и богиня, чьей обязанностью теперь является защита влюбленных, поняла неугомонность Кинналла и отправилась вместе с ним.

Из Маннерана они пошли вдоль южного побережья, пока не добрались до берегов залива Шумар. Затем они повернули на север, пошли через Проход Стройн там, где заканчиваются горы Хаштор. Они вошли во Влажные Низины, которые им не очень-то понравились, и затем добрались до Вымерзших Низин, где думали, что погибли от холода. Тогда они повернули назад на юг, но несколько к западу и вскоре увидели внутренние склоны гор Трештор. Им показалось, что нет способа пересечь этот могучий горный кряж, поэтому они двинулись вдоль его восточных склонов на юг, но никак не могли выбраться из Выжженных Низин, и оттого испытывали великие трудности, пока наконец не наткнулись на Врата Трейша и прошли по этому

проходу в холодную провинцию Трейш. В свой первый день пребывания там двое богов обнаружили место, где со склона бежал ручей. Отверстие в скале имело девять сторон, и скалы, окружавшие его, сверкали так ярко, что слепили глаза. Они переливались разными цветами, пульсируя и становясь то красными, то зелеными, то фиолетовыми. Оттенков цветов было очень много. И такая же переливающаяся вода текла из этого отверстия. Ручей был коротким и кончался в водах более крупной речушки, в которой пропадали все эти удивительные цвета. И сказал тогда Кинналл:

— Мы долго бродили по Выжженным Низинам и наши глотки пересохли от жажды. Напьемся?

И сказала Тирга:

— Да, давай напьемся.

Они опустились на колени перед расщелиной, сложили ладони; наполнили их водой, а затем поднесли к своим ртам. Вода была такой сладкой, что, прижавшись лицом к расщелине, они никак не могли напиться.

И делая так, они почувствовали странные изменения в своих телах и душах. Кинналл взглянул на Тиргу и понял, что он может видеть самые сокровенные ее мысли, а в них была любовь к нему. И она с удивлением взглянула на него, почувствовав, что может читать в его душе, которая тоже была полна любви к ней.

— Мы теперь другие, — сказал Кинналл, и ему даже не потребовались слова, чтобы передать эту мысль, так как Тирга осознавала их, как только они формировались в его разуме. И она ответила:

— Нет, мы не стали другими, просто научились осознавать пользу тех даров, которыми были наделены всегда.

И это было правдой, потому что у них было много даров, но они никогда не пользовались ими прежде. Они могли подниматься в воздух и летать, как птицы. Могли изменять форму своих тел, бродить по Выжженным или Вымерзшим Низинам и не ощущать при этом никаких неудобств. Они могли жить без пищи, могли остановить старение своей плоти и становиться такими молодыми, как хотели. Они могли разговаривать без слов. И все это они умели делать еще до того, как пришли к роднику,

просто не знали как. Теперь же они научились пользоваться способностями, с которыми родились. Напившись воды из сверкающего источника, они научились быть богами.

Но, несмотря на это, они не знали, что именно они и есть боги.

Через некоторое время они вспомнили об остальных, живших в Маннеране, и полетели к ним, чтобы поделиться новостью об источнике. Все путешествие заняло у них одно мгновение. Все друзья столпились вокруг них, когда Кинналл и Тирга стали показывать то, чему научились. Когда они закончили, все в Маннеране решили отправиться к источнику. Выстроившись в длинную процессию, которую вели Кинналл и Тирга, они двинулись по уже пройденному однажды пути. И вот они пришли к тому месту, где был источник. Один за другим все напились из него и стали, как боги. Затем они разошлись в разные стороны. Одни двинулись в Маннеран, другие отправились в Саллу, некоторые добрались даже до Шумара и дальнего материка Умбис. Поскольку теперь они были богами, скорость их перемещений не имела предела, а им так хотелось повидать эти необычные места. Однако Кинналл и Тирга остались жить рядом с источником в восточном Трейше и удовлетворялись тем, что изучали души друг друга.

Прошло много лет, и звездолет с нашими предками опустился на Трейше. Люди наконец достигли Босена. Они построили небольшой поселок и разошлись в поисках пищи для самих себя. Один человек по имени Джант в поисках пищи забрался далеко в лес и заблудился. Он бродил по чаще, пока не вышел к тому месту, где жили Кинналл и Тирга. Никогда прежде не видел таких, как они.

— Кто вы? — спросил землянин.

— Раньше мы были совершенно обыкновенными, — ответил Кинналл. — Но теперь нам очень хорошо, потому что мы не стареем, умеем летать быстрее любой птицы, наши души открыты друг другу и мы можем принимать любые формы, какие только пожелаем.

— Тогда, значит, вы боги, — воскликнул Джант.

— Боги? Что это значит — боги?

И Джант начал объяснять. Он рассказал, что перед ними находится обыкновенный человек, так как людям при объяснении приходится употреблять слова. Они не могут летать или менять форму своего тела. Они стареют с каждым оборотом планеты вокруг солнца и умирают. Кинналл и Тирга внимательно слушали, сравнивали себя с Джантом, а когда он кончил, они поняли, что это правда: он — человек, а они — боги.

— Когда-то мы сами были подобны людям, — призналась Тирга. — Мы ощущали голод, старели, говорили только способом слов и были вынуждены ставить одну ногу вперед другой для того, чтобы попасть из одного места в другое. Но затем все изменилось.

— И в чем же причина изменений? — поинтересовался Джант.

— В том, что мы напились воды из этого сверкающего родника, — ответил в своей наивности Кинналл, — и вода из него открыла нам глаза на наши способности и позволила нам стать такими, как боги. Вот и все.

Тогда заволновалась душа Джанта, так как он тоже сказал себе, что мог бы напиться из этого родника и присоединиться к богам. Он оставил бы в тайне местонахождение источника, а затем вернулся бы к людям, и они почитали бы его как живого бога и поклонялись бы ему, так как иначе он мог бы уничтожить их. Но Джант не осмелился попросить Кинналла и Тиргу позволить ему напиться из того родника. Он боялся, что они откажут ему, будучи ревнивыми в своей божественности. Поэтому он составил план, чтобы отвлечь их от этого места.

— Правда ли, — спросил он, — что вы можете путешествовать так быстро, что за один-единственный день можете посетить все части вашей планеты?

Кинналл стал уверять его, что это так.

— Но в это трудно поверить, — засомневался землянин.

— Мы представим вам доказательства, — сказал Кинналл, прикоснувшись к руке Тирги, и оба воспарили к небесам. Они поднялись на высочайшую вершину Трештора и набрали там подснежников. Затем посетили Выжженные Низины и зачерпнули

там горсть красного песка. Во Влажных Низинах они собрали несколько растений, у залива Шумар нацедили из ствола дерева опьяняющего напитка. На берегах полярного залива откололи кусочек вечного льда, а затем через полюс пронесли в морозный Тибис, чтобы принести оттуда что-нибудь сомневающемуся человеку.

Как только Кинналл и Тирга отправились в путь, Джант бросился к источнику чудес. Здесь он на мгновение остановился в нерешительности, боясь, что боги могут вернуться и сразить его за смелость. Однако грозные боги не появлялись, и Джант, опустившись на колени, окунул свое лицо в поток и стал жадно пить, думая, что теперь он тоже будет как бог. Он наполнил желудок сверкающей влагой, в глазах у него помутилось, и, покачнувшись, он свалился на землю. «Разве это божественность?» — удивился он. Он попытался полететь, но не смог. Попытался изменить форму своего тела, но у него ничего не получилось. Он попробовал стать моложе, но и это у него не получилось. Все это было потому, что он с самого начала был человеком, а не могучим богом! Источник не мог превратить человека в бога, он мог только помочь богу осознать свое могущество.

Но все же родник наделил Джанта одним даром: он сделал возможным для него проникновение в разум других людей, поселившихся на Трейше. Лежа на спине, оцепенев от разочарования, Джант вдруг услышал как бы тиканье в своем мозгу. Он прислушался к этому новому звуку и понял, что слышит мысли своих друзей. И он нашел способ усиления звука, чтобы иметь возможность слышать все четко — вот это мысли его жены, это — сестры, а это ее мужа. Джант мог заглянуть в разум любого из них, так же как и всех остальных, читая их сокровенные мысли. Это и есть божественность, сказал он самому себе. И он стал проникать глубоко в сознание людей, узнавая их секреты. Постепенно он наращивал диапазон своих способностей, пока не научился одновременно связываться со всеми разумами. Из них он извлекал наиболее тайные помыслы и, наконец, опьяненный, своим могуществом, передал послание всем остальным разумами:

«Слушайте голос Джанта! Это Джант-бог, которому вы все должны теперь поклоняться!»

Когда этот ужасный голос проник в разум всех живущих на Борсене, многие из них упали замертво от потрясения. Другие потеряли разум, а остальные принялись бегать в диком ужасе, крича: «Джант вторгся в наши умы!». Волны страха и мук, излучаемые ими были столь велики, что Джант стал сам испытывать мучения. Он был парализован, хотя разум его продолжал реветь: «Слушайте голос Джанта! Это Джант-бог, которому вы все должны теперь поклоняться!», и с каждым таким всплеском его ума гибло все больше поселенцев, все больше ширился ужас и, умножаясь, обрушивался на Джанта, так что в конце концов он полностью потерял способность управлять мощью своего мозга.

Кинналл и Тирга были в Дабисе, когда все это случилось. Они как раз вытаскивали из болота трехголового червя, чтобы показать его Джанту. Разбушевавшиеся волны сознания Джанта обожали вокруг света и дошли до них, и, как только это случилось, они бросили все и поспешили обратно в Трейш. Там они обнаружили, что Джант находится на грани смерти, так как почти весь его мозг был выжжен, а поселенцы в Трейше погибли или обезумели. Они сразу поняли, что произошло, быстро положили конец жизни Джанта, и в Трейше наступила долгожданная тишина. Затем они стали ходить среди жертв несостоявшегося бога, воскрешая мертвых и исцеляя помутившиеся разумы. Они закрыли расщелину в скале и наложили на нее печать, которую уже нельзя было сломать. Им стало ясно, что людям нельзя пить из этого источника, а все боги и так уже получили долю этой чудесной влаги. Люди Трейша пали перед ними на колени и в ужасе возопили: «Кто вы?» Кинналл и Тирга ответили: «Мы - боги, а вы всего лишь люди». И это было началом конца невинности богов. После этого среди людей было запрещено искать способы непосредственного общения разумов из-за того вреда, который причинил Джант, а в Завете было написано, что каждый должен держать свою душу закрытой от остальных, потому что только боги могут сли-

ваться своими душами, не уничтожая при этом друг друга. А мы ведь не являемся богами...

К

33

Конечно, я нашел множество причин, чтобы откладывать употребление лекарства с Шумара. Сначала Верховный Судья Каламоль отправился на охоту, и я сказал Швейцу, что удвоенная нагрузка в его отсутствие делает для меня невозможным участие в эксперименте. Каламоль вернулся, но заболела Халум, и я воспользовался своей озабоченностью как очередным извинением. Халум выздоровела, но Ноим пригласил меня с Ломель в свое имение в южной части Саллы. Мы вернулись из Саллы, но между Глином и моей родиной вспыхнула война, создав большие затруднения и, следовательно, поставив много проблем передо мной и Судебной Палатой. Вот так и шли недели за неделями. Нетерпение Швейца росло. Намерен ли я вообще принимать это средство? Я не мог ответить на этот вопрос. Я на самом деле не знал. Боялся. Однако во мне всегда пылало искушение, которому он меня подвергал. Стать подобным богу и проникнуть в душу Халум...

Я отправился в Каменный Собор, подождал, пока меня сможет принять Джадд, и исповедовался. Однако я воздержался от упоминания имени Швейца и его зелья, опасаясь открыть, что играл в столь опасную игру. Поскольку я не полностью открыл свою душу перед исповедником, исповедь не дала ничего.

Я покинул Собор в душевном смятении. Теперь я ясно видел, что мне необходимо согласиться со Швейцем, что предложение его было испытанием, через которое я должен пройти, поскольку не было возможности избежать его. Он разгадал меня. Под внешней личиной благочестия во мне скрывался предатель Завета. И я пошел к нему.

— Сегодня, — сказал я. — Сейчас!

Нам требовалось уединение. У Судебной Палаты имелся загородный дом в двух часах езды на северо-запад от Маннерансити, где развлекались приглашенные сановники и заключались сделки. Я знал, что в настоящее время этот дом не используется и оставил его за собой на три дня. В середине дня я прихватил Швейца и на машине Судебной Палаты выехал из города. В доме дежурили трое слуг — повар, горничная и садовник. Я предупредил их по телефону, что будут вестись чрезвычайно деликатные переговоры, поэтому не должно быть ни малейшего вмешательства. Затем я и Швейц заперлись во внутренних покоях.

— Будет лучше, — сказал он, — не принимать в этот вечер пищи. Рекомендуются также, чтобы тело было чистым.

В доме имелась отличная парная. Мы энергично скребли друг друга, а выйдя, надели свободные шелковые одежды. В глазах Швейца появился блеск, характерный для минут наивысшего волнения. Я чувствовал страх и неловкость и начал подумывать о том, какой ужасный вред нанесу себе вечером. Тогда я считал себя больным, который должен подвергнуться хирургической операции, шансы на успех которой очень малы. У меня было настроение тупой отрешенности — я принял решение, и мне не терпелось броситься головой в омут, где со мной будет покончено.

— Последняя возможность, — улыбаясь, сказал Швейц. — Вы еще можете отказаться.

— Нет!

— Вы понимаете, что все же существует определенный риск? У нас с вами в равной степени нет опыта употребления этого лекарства. Может возникнуть определенная опасность.

— Понимаю, — кивнул я.

— Вы также должны помнить, что предприняли этот шаг добровольно, без какого бы то ни было принуждения.

— К чему это, Швейц? Вытаскивайте свое зелье.

— Хочется быть уверенным, что ваша милость готова перенести любые испытания.

— Может,— саркастически заметил я,— нам следовало заключить контракт по надлежащей форме, снимающий с вас всякую ответственность в том случае, если противная сторона подаст на вас в суд за ущерб, причиненный...

— Как пожелаете, ваша милость. Но, кажется, в этом нет необходимости.

— Это была шутка,— сказал я и внимательно посмотрел на землянина.— Может, вы нервничаете, Швейц? У вас есть сомнения?

— Мы делаем ответственный шаг,— уклончиво ответил он.

— Ну так примемся же за дело. Вытаскивайте свое снадобье. Давайте, давайте!

— Да,— кивнул он и посмотрел на меня долгим взглядом. Затем по-детски хлопнул в ладоши и засмеялся. Я понял, что он играл со мной. Теперь уже я умолял его начать эксперимент. О, дьявол!

Из своего портфеля он вытащил портмоне с белым порошком. Он сказал мне, что потребуется вино, и я приказал доставить два графина золотистого маннеранского. Швейц высыпал половину порошка в мой графин, половину — в свой. Порошок растворился почти мгновенно, оставив на секунду туманный след, который тут же исчез. Мы сжали в своих ладонях наполненные рюмки, переглянулись и улыбнулись.

— Лучше выпить сразу все до дна,— сказал землянин и залпом выпил свое вино. Следуя его примеру, я проглотил свое. Затем я откинулся назад, ожидая, что наркотик подействует сразу же. Вскоре я ощутил легкое головокружение, но это вино подействовало на мой пустой желудок.

— Когда же все начнется?— нетерпеливо спросил я.

— Через некоторое время,— ответил Швейц и пожал плечами.

Мы молча ждали. Я пытался встретить его мысли, но ничего не почувствовал. Однако звуки, раздававшиеся в комнате, стали гораздо громче — скрип досок пола, гудение насекомых за окном, слабое жужжание ярких электрических ламп.

— Вы можете объяснить механизм действия этого снадобья?— хрипло произнес я.

— Могу только повторить то, что слышал от других. Существует скрытая способность соединить один разум с другим. Во всех нас с самого начала она присутствует, однако в крови вырабатываются какие-то химические вещества, которые блокируют ее. Очень немногие рождаются без этого запрета. Именно они и обладают даром чтения мыслей. Однако большинству из нас навеки отказано в достижении этого бессловесного общения, кроме тех случаев, когда по какой-то причине прекращается выработка гормонов и наши разумы на некоторое время приоткрываются. Когда это происходит, это по ошибке принимают за безумие. Так вот, говорят, что это лекарство с Шумара ликвидирует природный ингибитор в нашей крови, поэтому у нас появляется возможность вступить в контакт друг с другом, что мы могли бы делать всегда, не будь у нас в крови этого противодействующего вещества.

На это я ответил ему:

— Значит, мы могли бы стать сверхлюдьми, но искалечены своими собственными железами, которые вырабатывают какую-то блокаду, верно? Или, может быть, нет?

Швейц рассмеялся. Лицо его стало очень красным. Я спросил у него, верит ли он на самом деле в эту блокаду, и он ответил, что у него нет достаточных данных, чтобы сделать более точный вывод.

— Вы что-нибудь ощущаете? — спросил я.

— Только вино, — хихикнул он.

Мы продолжали ждать.

«Может быть, ничего и не произойдет?» — подумал я и почувствовал облегчение.

Наконец Швейц сказал:

— Кажется, начинается!

35

начала я стал ощущать функционирование всего своего тела: стук сердца, пульсацию крови в артериях, движение жидкости где-то в глубине моего тела. Я стал в высшей степени

восприимчив в отношении внешних раздражителей: воздуха, обволакивающего мои щеки, к складке одежды, касающейся бедра, к давлению пола на пятки ног. Затем я стал терять контакт с внешним окружением, поскольку по мере того, как усиливались мои чувства, сужался круг ощущений. Вскоре я уже не был способен постичь форму комнаты, так как не видел ничего четко, кроме узкого тоннеля, на другом конце которого находился Швейц. За пределами этого туннеля был только туман. Страх охватил меня, и я изо всех сил постарался прояснить свое сознание, как делают, предпринимая слабые попытки освободить свой мозг от слишком большой дозы выпитого вина. Но чем больше я боролся за то, чтобы вернуть свою прежнюю восприимчивость, тем с большей скоростью нарастали во мне перемены. Я вошел в состояние какого-то яркого опьянения, мне казалось, что я только и делаю, что пью из сверкающего родника, из которого пил Джант. Затем я стал слышать какой-то пронзительный звук, который постепенно рос. Сначала он был едва уловим, но потом стал быстро нарастать, пока не заполнил собой всю комнату. Однако этот странный звук не причинял мне боли. Стул подо мной стал пульсировать и качаться как бы в такт с пульсом нашей планеты. Затем, не ощущая, что перейдена какая-то грань, я понял, что мои восприятия с некоего момента удвоились. Теперь я чувствовал еще одно сердцебиение, еще один ток крови по венам, еще одно урчание желудка. Но это не было простым удвоением, так как ритм был другим. Взглянув на Швейца, я понял, чьи жизненные ритмы стал постигать. Мы замкнулись друг с другом. Теперь я уже с трудом отличал биение своего сердца от его. Иногда, подняв взгляд на землянина, я видел свое собственное, покрасневшее, искаженное лицо. Я чувствовал, как растворяется реальность, как падают стены и подпорки. Я уже не был в состоянии ощущать себя Кинналлом Даривалом как личностью. Я думал уже не терминами «он» и «я», но «мы». Я потерял не только свою индивидуальность, но даже само понятие о ней.

Довольно долго я оставался на этом уровне и уже начал думать, что действие наркотика постепенно ослабевает. Я снова начал ощущать разум и тело Швейца отдельно от своего собственного.

Однако я ошибался.

Да, первый дикий натиск лекарства завершился, однако теперь общение между нами началось по-настоящему. Швейц и я были порознь, но тем не менее вместе. Это было настоящим самообнажением. Я увидел все, будто на столе была распростерта его душа. Я мог подойти к столу и изучить то, что на нем лежало, изучить так тщательно, как мне хотелось.

Вот неясное лицо матери Швейца. Вот, пожалуй, воспоминание о Земле. Глазами Швейца я видел мать всех планет, изуродованную и загаженную, однако сквозь все это уродство явственно проступила красота. Вот место его рождения — обшарпанный город. Вот дороги, которым десять тысяч лет, вот колонны храмов. Вот первая любовь, разочарования и потери. Предательства. Рост и изменения. Упадок и отчаяние. Путешествия. Ошибки, признания. Я видел солнца сотен планет. Я прошел через все слои душ Швейца, видел жадность и хитрость, злонамеренность и желание не упустить удобный случай. Вот оно, разоблачение. Вот человек, который жил только ради себя самого. И все же я не мог отпрянуть от тьмы его души.

Я смотрел на все это глубже. Я видел его тоску, видел страстное желание приобщиться к чему-то высшему, вроде бога. Пусть этот человек был хитрым оппортунистом, пусть! Но он также был ранимым, честным и пылким за всеми своими мелкими делишками. Я не мог сурово осуждать Швейца, ибо я был им. Потоки нашего общего сознания омывали нас. Если бы я решил отбросить прочь Швейца, мне пришлось бы отбросить и Кинналла Даривала. Моя душа была омыта теплым чувством к этому землянину и одновременно я ощущал его проникновение в мой внутренний мир. Я не пытался возвести никаких барьеров, когда почувствовал, что он находится в моей душе. Его собственными глазами я видел, что он видел во мне. Мой страх перед отцом. Мой ужас перед братом. Мою любовь к Халум. Мой побег в Глин. Мою женитьбу на

Лоимель, никчемные ошибки и добродетели. Смотри внимательно, Швейц... И все это возвращалось ко мне, отразившись в его душе. Однако наблюдать за всем этим было совсем не мучительно. «Любовь к другим начинается с любви к себе», — неожиданно подумал я. В это мгновение во мне пал и вдребезги разбился Завет.

Постепенно Швейц и я стали разъединяться, хотя оставались в контакте еще некоторое время. Когда наконец он исчез, я ощутил какую-то дрожь, словно лопнула натянутая струна. Мы сидели в тишине. Глаза мои были закрыты, и я почувствовал тошноту. Где-то в глубине души я как никогда прежде сознавал ту пропасть, которая отделяет нас друг от друга. Наконец после долгого молчания я взглянул на землянина.

Он наблюдал за мной, наблюдал своим характерным демоническим взглядом: дикая ухмылка, горящие глаза. Только теперь это казалось мне не признаком безумия, а отражением внутренней радости. Теперь он казался моложе. Лицо его горело.

— Я люблю вас, — нежно сказал он.

Эти неожиданные слова были подобны удару дубинкой. Я сцепил ладони перед своим лицом, как бы прикрываясь ими.

— Что вас так сильно взволновало? — удивился Швейц. — Грамматика или значение моих слов?

— И то и другое.

— Разве это такие ужасные слова: «я люблю вас»?

— Никогда не приходилось... никогда не слышал... никогда не знал, как...

— Реагировать на них? Чем ответить? — Швейц засмеялся. — Я не имел в виду, что люблю вас каким-то физическим образом. Это было бы слишком омерзительно. Нет, я имел в виду только то, что сказал, Кинналл. Я побывал в вашем мозгу, и мне понравилось то, что я там увидел. Я люблю вас, Кинналл.

— Вы произносите слово «я»? — удивился я.

— А почему бы и нет? Неужели сейчас я должен отречься от самого себя? Не бойтесь, Кинналл, освободитесь от груза условностей. Я знаю, что вы хотите. Вы думаете, что те слова, которые я только что сказал вам, оскорбительны. На моей плане-

те...— Швейц махнул рукой куда-то вдаль.— В этих земных словах имеется какая-то святая странность, здесь же они вызывают только отвращение. Ни в коем случае нельзя сказать: «Я люблю вас». Не так ли? Целая планета отказывает себе в этом маленьком удовольствии. Нет, Кинналл, о нет!

— Пожалуйста,— неуверенно сказал я.— Все еще не выработалось полного приспособления к воздействию этого лекарства. Когда вы говорите таким образом...

Однако землянин не сдавался.

— Вы же были в моем разуме,— сказал он.— Что же вы отыскиали там? Был ли я отвратительным вам? Откройтесь же, наконец, Кинналл. У вас же нет от меня секретов. Прошу вас, скажите правду.

— Значит, вам известно, что вас нашли более достойным уважения, чем казалось вначале.

Швейц хихикнул.

— И я могу сказать то же самое. Но почему мы даже теперь боимся друг друга, Кинналл? Я же сказал вам: «Я люблю вас». Мы установили контакт и обнаружили, что есть области доверия. Теперь вы должны измениться, Кинналл, причем даже больше, чем я, так как вам надо идти дальше. Скажите это слово.

— Нет никакой возможности.

— Скажите «я».

— Это так трудно...

— Скажите его не как ругательство, а так, как если бы любили себя.

— Ну, пожалуйста...

— Говорите.

— Я...— начал я.

— Разве это столь ужасно? Еще, еще! Скажите о своих чувствах ко мне. Скажите правду, Кинналл. Правду из самых глубочайших глубин вашего естества.

— Чувство тепла, привязанности и доверия.

— Любви?

— Да, любви,— признался я.

— Тогда скажите.

— Любовь.

— Это не то, чего я хочу.

— Тогда что?

— Что-нибудь, чего не говорили на этой планете уже две тысячи лет. Теперь вы должны сказать это. Я...

— Я...

— Люблю вас.

— Люблю вас...

— Я люблю вас.

— Я... люблю вас...

— Это только начало,— кивнул Швейц. Потструился по его лицу. (По моему тоже).— Мы начали с того, что заставили себя быть способными любить. Затем мы начнем любить, верно?

— Мы начнем любить...

Н

36

емного позже я сказал:

— Вы получили от этого лекарства то, что искали, Швейц?

— Частично.

— Почему частично?

— Я искал бога, Кинналл, но не нашел, хотя теперь я знаю, где искать его. Зато я понял, как больше не быть одиноким. Это первый шаг по дороге, которую я хочу пройти.

— Счастлив за вас, Швейц.

— Вы все еще говорите на своем искалеченном языке?

— Ничего не могу поделать, — покачал я головой. Я ужасно устал и вновь начал ощущать страх перед землянином. Любовь к нему, которая родилась недавно, все еще существовала, однако теперь в мою душу мало-помалу начала возвращаться подозрительность. А может, он эксплуатировал меня? Может, извлекал грязное удовольствие из наших взаимных выставлений? Он вынудил меня стать самооголителем. Его упорство, с которым он настаивал на эксперименте, на том, чтобы я говорил «я», «мне» — было ли это признаком моего освобождения или просто желанием вывалить меня в

грязи? Я был совсем новичком и не мог сидеть спокойно, когда кто-то говорит: «Я люблю вас».

— Попробуйте снова,— сказал Швейц.— Я. Я. Я. Я.

— Остановитесь, пожалуйста.

— Разве это так болезненно?

— Для меня это ново и необычно. Мне нужно... понимаете, мне нужно постепенно привыкнуть к этому.

— Что ж, время у вас есть. Не позволяйте мне подгонять вас. Но и не прекращайте движения вперед.

— Нужно попытаться. Я попробую.

— Хорошо. — Помолчав, землянин добавил: — Вы будете снова пробовать лекарство?

— С вами?

— Не думаю, чтобы в этом была необходимость. Полагаю, вы могли бы попробовать ЭТО с кем-нибудь, вроде вашей названной сестры. Если я предложу вам две порции, вы попробуете?

— Не знаю.

— Вы боитесь?

Я покачал головой.

— Мне трудно ответить. Нужно время для того, чтобы привести в порядок все то, что я испытал. Время, чтобы подумать, прежде чем снова заняться этим.

— Вы попробовали и теперь видите, что этот эксперимент ничего, кроме добра, не приносит.

— Возможно, возможно...

— Без сомнения!— в землянине вновь проснулся ревностный пыл. Его рвение опять стало вводить меня в заблуждение. Осторожно я сказал:

— Если можно будет достать еще этого порошка, я всерьез подумаю, не попытаться ли еще раз. Может быть, с Халум...

— Прекрасно!

— Но не сразу! Через какое-то время. Через два, а может, три или четыре месяца.

— Думаю, что это произойдет гораздо позже,— покачал головой Швейц.— Сегодня вечером мы использовали все, что у меня было. Больше ничего нет.

— Но вы обязуетесь достать еще?

— Конечно. Обязательно.

— Где?

— Что за вопрос! — рассмеялся Швейц. — Как будто вы этого не знаете. Конечно же, на материке Шумар.

К

37

Когда являешься новичком в способах получения удовольствия, неудивительно, что после первой поблажки следует чувство вины и раскаяния. Так было и со мной. Утром второго дня пребывания на вилле я проснулся с чувством такой вины, что молился, чтобы земля поглотила меня. Что я наделал?!

Почему я позволил Швейцу вывалить меня в грязи? Самообнажение! Сидеть с ним весь вечер, произнося «я», «мне» и поздравлять со свободой от удушающей руки условностей. Дневные испарения вызвали настроение недоверия. Мог ли я на самом деле подобным образом открывать себя? Да, видимо, все так и было, поскольку теперь в моей памяти было прошлое Швейца, к которому прежде я не имел доступа. И, значит, мое в его памяти. Я чувствовал, что, отказавшись от своей обособленности, потерял часть самого себя. Вы понимаете, самообнажение среди нас не очень-то приличное дело, и те, кто выставляют это напоказ, получают грязное удовольствие от этого экстаза тайного рода. Но даже когда я формулировал в мозгу подобные фразы, они звучали напыщенно и лицемерно, тонким прикрытием жалких побуждений. Мне было стыдно перед собой и своими сыновьями, перед моим царственным отцом и славными предками, что я опустил ся до такого. Я думаю, что именно «я люблю вас» Швейца поразило меня и погрузило в эту пучину раскаяния. Я уверял себя, что землянин не имел в виду ничего постыдного ни этим своим «я», ни этим «люблю». Однако я тут же отвергал свои собственные аргументы, и чувство вины вновь охватывало меня. Кем я стал, обменявшись ласковыми словами с чужим человеком,

рожденным на Земле? Как я мог отдать этому человеку свою душу? Каково теперь мое положение после того, как я стал абсолютно уязвим для него? На мгновение я даже подумал об убийстве землянина — как способа восстановить обособленность моей личности. Я пошел туда, где он спал и, увидев улыбку на его лице, так и не ощутил ненависти к нему.

Тот день я провел главным образом в одиночестве. Я ушел в лес и купался в холодном пруду. Затем преклонил колени перед огненной елью и, убедив себя в том, что это исповедник, пугливым шепотом сознался во всем. После этого я продрался сквозь колючие заросли и вернулся на виллу только к вечеру, весь исколотый и грязный. Швейц поинтересовался, здоров ли я, и я ответил, что ничего плохого со мной не случилось. Землянин был еще более говорлив, чем обычно. Он принялся подробно описывать грандиозную экспедицию на Шумар, чтобы привезти целые мешки наркотика, который мы недавно опробовали. Этих мешков хватило бы для преобразования почти всех, живущих в Маннеране. Я слушал всю эту дикость, воздерживаясь от замечаний, так как все это было для меня нереальным, чем что бы то ни было.

Я надеялся, что мои душевные муки станут меньше, как только я вернусь в Маннеран-сити и погружусь в привычную работу Судебной Палаты. Но нет. Когда я приехал домой, там были и Халум, и Лоимель. Сестры поменялись друг с другом одеждой и, увидев их, я едва не повернулся и не убежал. Они улыбнулись мне теплыми, таинственными улыбками — это было проявление языка, который они выработали друг с другом за свою жизнь — и я в отчаянии переводил взгляд со своей жены на названую сестру, воспринимая их женскую красоту как двойной меч в моей груди. Эти улыбки! Эти пронизывающие глаза! Им не требовался наркотик, чтобы вытянуть из меня правду.

«Где ты был, Кинналл?»

«На лесной вилле, забавлялся самообнажением с землянином.»

«И ты показал ему свою душу?»

«Да. А он мне свою.»

«И что же вы делали потом?»

«Затем мы говорили о любви.»

«Что?»

«Мы говорили: я люблю вас.»

«Какой злой ребенок сидит в тебе, Кинналл.»
«Да! И теперь я не знаю, куда мне спрятаться от стыда!»

Этот беззвучный диалог вихрем промчался у меня в голове, когда я приближался к ним, стоявшим у фонтана во дворе. Как и полагалось, я обнял сначала Лоимель, а потом свою названую-сестру, но при этом старался не встречаться с ней взглядом, столь острым было чувство моей вины. То же самое было и в Судебной Палате. Все взгляды моих подчиненных, казалось, обвиняли меня. «Вот Кинналл Даривал, который открыл все наши тайны перед землянином Швейцем. Посмотрите на этого самообнаженного из Саллы, затесавшегося в наши ряды. И почему он не задохнется от собственного зловония?»

Я замкнулся в себе, но работа не клеилась. Некий документ, относящийся к одной из сделок Швейца, попал на мой стол, и отвращение охватило меня с новой силой. Мысль о том, что еще когда-нибудь я окажусь лицом к лицу со Швейцем, ужасала меня. Для меня было совсем несложно аннулировать его визу на проживание в Маннеране, используя власть Верховного Судьи, но это было бы слишком скудной платой за то доверие, которое он мне оказал. Я уже был близок к этому, но взял себя в руки, почувствовав еще более сильное чувство стыда.

На третий день после возвращения, когда мои дети начали догадываться, что с папой творится что-то странное, я отправился в Каменный Собор искать утешения у исповедника Джадда.

Был душный, знойный день, и все было окутано горячей влагой. Даже солнечный свет был тогда какого-то необычного цвета. Он был почти белый, и древние камни Собора отбрасывали ослепительные белые блики, как будто его стены были стеклянными призмами. Клетушка Джадда около огромного алтаря была гордостью Собора. Сам он ждал меня, почти полностью облачившись. Я бережно относился к его рабочему времени и заранее уведомил о своем прибытии. Договор был уже готов. Быстро подписав

его, я вручил священнику гонорар. Этот Джадд был ничуть не привлекательнее других представителей своего ремесла, но тогда мне даже доставляло наслаждение его уродство, его кривой шишковатый нос, узкие длинные губы и оттопыренные уши. Но зачем смеяться над этим? Ведь я надеялся, что он излечит меня. Все целители были святыми людьми. «Дай мне то, что мне больше всего нужно, Джадд, и я благословлю твое безобразное лицо».

— Под чье покровительство вы отдаете себя, исповедуясь?

— Бога прощения.

Он коснулся выключателя. Простые свечи были слишком обыденными для Джадда. Янтарный свет прощения исходил из какой-то спрятанной горелки и наполнял комнату. Джадд обратил мое внимание на зеркало, показав, как смотреть на отражение своего собственного лица. На меня смотрели глаза незнакомца. «Я люблю тебя!» — мысленно сказал я этому чужому бородатому лицу. Любовь к другим начинается с любви к себе... Громада Собора давила на меня. Я был в ужасе, что каменные стены раздавят меня. Джадд произнес предваряющие слова, в которых не было ничего от любви. Он приказал мне открыть перед ним душу.

Я запнулся. Язык отказался повиноваться мне. Проглотив слюну, я постарался откашляться, затем нагнул голову и прижался к холодному полу. Джадд дотронулся до моего плеча и пробормотал слова утешения. Мы во второй раз начали ритуал. Теперь я довольно гладко прошел предварительные действия и заговорил, хотя скорее это напоминало чтение текста, написанного для меня другим.

— Несколько дней назад я посетил тайное место, где вместе с другом мы приняли лекарство из Шумара, которое распечатывает душу. Мы предались самообнажению, но теперь ощущаем раскаяние за содеянный грех.

Джадд задохнулся от изумления, а удивить исповедника — задача не из легких. Это почти лишило меня способности продолжать исповедь, но Джадд искусно взял себя в руки и начал вкрадчиво уговаривать меня продолжать. Через некоторое время мне удалось разжать зубы и выплеснуть все, что было на душе. Мои ранние беседы со Швейцем

(я не назвал его имени, хотя и доверял Джадду, зная, что он не нарушит тайну исповеди, однако не думал, что получу дополнительно душевное успокоение). То, что мы приняли наркотик на вилле. Мои собственные ощущения. Исследование духовного мира Швейца, проведенное мной. Его проникновение ко мне в душу. Огонь глубокой привязанности друг к другу после того, как произошло слияние наших душ. Мое отчуждение от Завета под действием лекарства. Неожиданное убеждение, что самоотрицание, практикующееся у нас, является большой ошибкой нашей цивилизации. Интуитивное понимание того, что мы должны отказаться от нашей разобщенности и наводить мосты над пропастью, отделяющей каждого индивидуума от остального человечества. Я даже сознался в том, что барахтался в наркотике ради того, чтобы проникнуть в душу Халум. Для исповедника мое вожделение к названной сестре не было неожиданностью, и я продолжал рассказывать о душевном расстройстве, которое испытал после того, как прекратилось действие наркотика: чувство вины, стыда, сомнения. После этого я умолк. Теперь, раскрыв происшедшее со мной, я чувствовал себя очищенным. Теперь я страстно желал вернуться к установлениям Завета. Я хотел очиститься от скверны самообнажения, жаждал церковного наказания и возобновления праведной жизни. Я горячо желал быть исцеленным, я вымаливал прощение и приобщался к заповедям наших предков. Но я никак не мог ощутить присутствия богов. Глядя в зеркало, я видел только свое собственное лицо и давно нечесанную бороду. Когда Джадд начал бубнить формулу прощения, слова его никак не могли коснуться моей души. Я оказался отрезанным от веры. Ирония, заключавшаяся в этом, смутила меня и рассеяла мои мысли. Швейц, завидуя моей вере, пытался с помощью наркотика понять тайну поклонения сверхъестественному, однако только лишил меня доступа к моим богам. И сейчас, слыша пустые фразы Джадда, мне привиделось, что я даже мог бы разделить с ним лекарство, чтобы общение стало действительно действенным. Но я знал, что этого никогда не будет, я был навсегда потерян для человечества на Босене.

— Да будет ниспослано богом покаяние на покаявшихся.

— Да будет...

— И не ищите более ложную помощь и держите свое «я» в себе, ибо прочие пути ведут к стыду и разврату.

— Да, другие пути искать больше не нужно...

— Помните, что у вас есть названные брат и сестра. У вас есть духовник. К вам милостивы боги. А больше вам ничего не нужно, ваша милость.

— Да... больше мне ничего не нужно.

— Тогда ступайте с миром.

И я ушел, но совсем не с миром, как он полагал, так как этот поступок оказался бессмысленным. Исповедь оказалась никчемной. Джадд не примирил меня с Заветом, он просто показал степень моего отчуждения от него. И хотя этот поступок совершенно не тронул меня, выходя из Собора, я чувствовал себя очищенным от вины. Я больше уже не раскаивался в своем самообнажении. Возможно, это было единственным последствием исповеди. Результатом, совершенно противоположным тому, на который я надеялся, идя к Джадду. Но я не задумывался над этим глубоко. Я был доволен, что остался самим собой и мог спокойно думать о подобных вещах. Мое превращение в эти минуты было полным. Швейц отнял у меня мою веру, но вместо нее дал что-то другое.

В

38

тот день мне нужно было разобраться с грузом одного судна из Трейша, и я пошел на пристань, чтобы лично проверить все на месте. Здесь я случайно встретился со Швейцем. После того, как несколько дней назад мы расстались, я с ужасом думал о возможности встречи с ним. Для меня, как я полагал, было бы невыносимо заглянуть в глаза человека, проникшего в мою душу. Только держась вдали от него, я мог, в конце концов, убедить себя в том, что, в сущности,

ничего не делал с ним. Но вот я увидел его недалеко от себя на пристани. Сжимая в руке кипу накладных, он яростно размахивал ими перед купцом с водянистыми глазами и в одежде Глина. К своему удивлению я не почувствовал никакого смущения. При виде этого человека во мне всколыхнулись радость и удовольствие. Я подошел к нему. Он хлопнул меня по плечу, и я в ответ проделал то же самое.

— Вы теперь выглядите более веселым, ваша милость, — усмехнулся землянин.

— Вы правы.

— Дайте мне разделаться с этим негодяем, а потом мы с вами выпьем бутылочку золотистого.. Не возражаете?

— Нисколько.

Через час, когда мы уже сидели в портовой таверне, я сказал:

— Скоро ли вы отправитесь на материк Шумар?

— А почему бы нам не отправиться туда вместе? — поинтересовался Швейц.

П

39

утешествие к южному материку протекало как во сне. Ни разу я не спрашивал себя, умно ли я поступил, отправившись в это путешествие. Ни разу не возникало вопроса о том, почему нужно было лично принимать участие в этом мероприятии. Ни разу я не предложил Швейцу одному продолжать его либо нанять кого-нибудь, чтобы тот привез нам это снадобье.

Между Валладой и Шумаром нет постоянного морского сообщения. Тем, кто хочет туда попасть, требуется зафрахтовать корабль. Это я и сделал, используя возможности Судебной Палаты, через посредников и подставных лиц. Корабль, который я выбрал, был не из Маннерана, поскольку мне не хотелось, чтобы меня опознали при отплытии, а из провинции Велия. Этот корабль был задержан в Маннеране во время одной судебной тяжбы. Ка-

питан и команда были огорчены вынужденной праздностью и уже подали протест Верховному Судье. Я дал разрешение этому кораблю на рейсы «между рекой Войн и восточным берегом залива Шумар». Это делалось для того, чтобы судно могло совершать каботажные плавания вдоль побережья Маннерана, находясь при этом под контролем властей. Однако я добавил к тексту обычного разрешения абзац, дававший капитану возможность фрахтоваться для поездок к северному побережью материка Шумар. Несомненно, этот абзац озадачил ничего не понимающего капитана, но еще больше он был поражен, когда через несколько дней с ним встретились мои агенты и попросили совершить плавание именно в эти места.

Я не сообщил, куда я отправляюсь, ни Лоимель, ни Халум, ни Ноиму, ни вообще кому бы то ни было. Я только сказал, что дела Судебной Палаты требуют, чтобы я на короткий срок выехал за границу. В Судебной Палате я сказал еще меньше. Обратившись за разрешением на отлучку, я получил его. В самый последний момент я уведомил Верховного Судью, чтобы меня не искали.

Чтобы избежать осложнений с таможенниками, в качестве отправного пункта я выбрал город Халинор — порт на юго-западе Маннерана на берегу залива Шумар. Этот средних размеров город жил в основном рыбой, а также служил для стоянок во время рейсов между Маннераном и западными провинциями. Я договорился с капитаном корабля, что мы встретимся на борту в Халиноре. Он должен был добраться туда морским путем, а мы со Швейцем — по суше.

Поездка заняла у нас два дня. Шоссе пролегало по местам с очень буйной растительностью, фактически по тропическим лесам. Швейц был в приподнятом настроении, такое же настроение было и у меня. Мы разговаривали друг с другом, постоянно употребляя местоимения в первом лице. Ему это, разумеется, было нипочем, но я чувствовал себя шкодливым ребенком, трусливо шепчущим на ухо своему товарищу по играм запретные слова «я» и «мне». Оба мы подсчитывали, какое количество шумарского зелья сможем достать и что с ним сделаем.

Теперь вопрос стоял уже не в том, какую часть я использую вместе с Халум. Мы уже обсуждали, как с помощью этого зелья обратить в свою веру всех и принести им всеобщее освобождение.

Такой евангельский подход постепенно полностью захватил нас, и вскоре, совершенно не сознавая этого, я стал доминирующей стороной. В Халинор мы приехали в такой жаркий день, что казалось, само небо вот-вот расплавится от зноя. Перед нами лежал Шумар. Халинор окружен грядой невысоких холмов, и когда мы петляли среди них, я велел остановиться, чтобы показать Швейцу мясные деревья, которые покрывали склоны холмов, противоположные морю. Продираясь через невысокий кустарник, мы подошли к дюжине таких деревьев. Они были почти вдвое выше человеческого роста, с перекрученными листьями и толстой бледной корой, которая на ощупь казалась губчатой, словно плоть очень старых женщин. На деревьях было множество порезов, делавшихся для того, чтобы непрерывно выпускать из них сок, который можно было пить.

— Мы можем попробовать эту жидкость?— поинтересовался Швейц, который до сих пор не встречал таких деревьев.

У нас нечем было сделать надрез, но как раз в этот момент к нам подошла девочка, местная жительница лет десяти, полуголая и загорелая до такой степени, что загар сливался с грязью. Она несла бурав и бутыль. Очевидно, она была послана родителями, чтобы набрать сока мясного дерева. Она сердито посмотрела на нас, но я вынул монету и сказал:

— Есть желание познакомить моего спутника со вкусом мясного сока.

Все еще сердито глядя на нас, она с удивительной силой воткнула бурав в ствол дерева, а затем стала его крутить. Через некоторое время она вынула его и подставила бутыль под струю чистой и тягучей жидкости, а когда та наполнилась, протянула ее землянину. Тот осторожно взял бутыль, понюхал, затем лизнул. В конце концов он отважился сделать небольшой глоток и тут же восторженно завопил:

— Почему этот напиток не продается по всей Валладе?

— Потому что эти деревья растут только здесь, — начал объяснять я. — Большая часть этого питья продается в Трейше, а остальное потребляется на месте. Так что для всего остального материка почти ничего не остается. Впрочем, его, конечно же, можно купить в Маннеран-сити, но нужно знать, где искать.

— Вы знаете, что мне хотелось бы сделать, Кинналл? Мне бы хотелось завести плантацию таких деревьев. Я хотел бы добывать столько сока, чтобы его можно было продавать не только по всей Валладе, но еще и экспортировать. Я...

— Дьявол! — воскликнула девочка и добавила что-то непонятное на прибрежном диалекте. Затем она вырвала бутылку из рук землянина и бросилась бежать, высоко задирая колени. На бегу она несколько раз оглянулась, чтобы сделать не то презрительный, не то непристойный жест в нашу сторону. Пораженный Швейц покачал головой.

— Она что, безумная?

— Вы сказали «я» и «мне» три раза. С вашей стороны это весьма неосторожно.

— Общаясь с вами, я приобрел плохие привычки. Но может ли это на самом деле быть ругательством?

— Это более непристойные слова, чем вы можете себе представить. По всей вероятности, эта девочка спешит сейчас к своим братьям, чтобы рассказать о мерзком старике, который так непотребно вел себя среди холмов. Поэтому давайте поспешим, Швейц. Нужно быстрее добраться до города, прежде чем нас встретит разъяренная толпа.

— Мерзкий старик! — вскричал землянин. — Это я-то мерзкий старик?!

Засмеявшись, я втолкнул его в машину, и мы направились к городу Халинор.

Н

40

аше судно уже ждало нас, стоя на якоре. Это был небольшой низкобортный сухогруз с двумя винтами и вспомогательным парусом, с корпусом, окрашенным в голубой и золотистый

цвета. Мы представились капитану — его звали Криш — и он вежливо поприветствовал нас, называя теми именами, которые мы называли. К исходу дня мы вышли в море. В течение всего плавания ни капитан, ни кто-либо из команды не спрашивал нас о цели нашего путешествия. Безусловно, их раздражало от желания узнать побуждения тех, кто отправился на материк Шумар, но они были настолько благодарны за освобождение от бесцельного стояния в порту Маннерана, что не могли позволить себе обидеть своих нанимателей назойливостью.

Вскоре материк Валлада исчез из глаз и, насколько можно было видеть, вокруг простиралась бесконечная водная поверхность залива Шумар. Ни впереди, ни сзади не было видно никакой земли. Это пугало меня. Во время своей короткой карьеры моряка я никогда не был далеко от берега, и во время штормов утешал себя призрачной надеждой добраться до берега, если наше судно опрокинется. Здесь же казалось, что вся вселенная состоит из одной воды.

К вечеру спустились серо-голубые сумерки, небо сомкнулось с морем, и мне стало еще хуже. Теперь оставался только крошечный, танцующий на волнах кораблик, столь ничтожный и уязвимый в этой безграничной бездне, в этом мерцающем антими́ре, где все слилось в единое пятно. Я и не предполагал, что пролив так широк. На карте в Судебной Палате он был не шире моего мизинца, и я думал, что обрывистые берега Шумара будут видны с самого начала нашего плавания. Однако сейчас мы, казалось, потерялись среди этой безбрежной ширины. Я проковылял к себе в каюту и уткнулся лицом в подушку, призывая на помощь бога путешественников. Однако, постепенно я стал противен самому себе за это проявление слабости. Я напомнил себе, что я сын септарха, брат септарха и двоюродный брат еще одного правителя, того, что правит в Маннеране. Я напомнил себе, что я довольно могущественный человек, глава семьи и что на своем веку мне удалось убить немало птицерогов. Однако все это несколько не помогло. Какой прок утопающему от его родословной? К чему широкие плечи, могучие мускулы и умение плавать, если некуда

плыть? Я дрожал и был на грани плача. Я чувствовал, как в этой серо-голубой дали растворяется мое «я». И тогда на мое плечо легла рука. Швейц!

— Корабль надежен, — успокаивающе прошептал он. — Это судно быстро пересечет залив. Спокойно. Ничего плохого не случится.

Если бы кто-то другой нашел меня в столь плачевном состоянии — кроме, пожалуй, Ноима, — я, наверное, убил бы его, чтобы похоронить тайну моей слабости.

— Если это всего лишь переход через Шумар, то как людям удастся путешествовать среди звезд? Не безумие ли это?

— Постепенно вырабатывается привычка.

— Но как преодолеть страх? Страх перед пустынней...

— Выйдите наверх, — мягко произнес землянин, — и вы увидите, что все не так страшно. Ночь даже красива.

Он не лгал. Сумерки уже сменились настоящей ночью, и черная чаша небес была усеяна сверкающими бриллиантами. Вблизи городов нельзя так хорошо видеть звезды из-за освещения и дымки. Я и раньше видел полное великолепия небо, охотясь в Выжженных Низинах, но тогда я не знал имен звезд, созвездий. Теперь же капитан и Швейц стояли рядом со мной на палубе, называя их и соперничая друг с другом в знании неба. Они объясняли мне все, словно я был испуганный ребенок, которого можно удержать от слез только непрерывным потоком слов и объяснений. Смотрите! Смотрите! Видите? Вон там! Я видел множество соседних солнц, четыре или пять ближайших к Борсену звезд и даже одну заблудшую комету. То, чему они меня научили, до сих пор со мной. Я уверен, что, выйдя сейчас из своей хижины в Выжженных Низинах, смогу назвать любую из звезд, названия которых услышал на борту корабля. Интересно, сколько еще ночей будет у меня, пока я остаюсь на свободе и могу смотреть на звезды?

С наступлением утра страх прошел. Яркое светило солнце, по небу плыли легкие облака, воды пролива были спокойны, и меня уже не беспокоило, что земля до сих пор не видна. Мы скользили по поверхности воды так плавно, что с трудом вери-

лось, что мы движемся. Прошел день, ночь, затем еще один день и ночь. Еще день, и на горизонте наконец возник покрытый деревьями и зеленью берег материка Шумар. Чем ближе мы были к нему, тем яснее были видны дикие джунгли, где ни одно из деревьев не встречалось на Валладе, где жили совершенно неведомые нам звери и насекомые. То, что лежало перед нами, было чужим и, без сомнения, враждебным. Это был неизвестный мир, ждавший своих первопроходцев. Мне казалось, что я — исследователь, попавший на только что открытую планету. Эти гигантские валуны, эти стройные деревья с высокими кронами, переплетенные лианы, похожие на змей, все эти грубые первобытные продукты прямо из чрева эволюции, в которые я был намерен сейчас проникнуть. Эти мрачные джунгли были воротами во что-то неизвестное и страшное, думал я, глубоко тронутый и взволнованный этим зрелищем лоснящихся склонов и извилистых долин. Это был мир, который существовал еще до прихода сюда человека. Таким он был, когда не было еще ни церквей, ни исповедников, ни Судебной Палаты, а только таинственные тропы и журчащие по дну долин ручьи, кристально чистые озера и длинные тяжелые ветви с огромными листьями, нависающие над водой, доисторические звери, не ведающие страха перед охотниками, копошащиеся в болотах гады и заросшие высокими травами плато, сверкающие в скальных обнажениях жилы драгоценных металлов — и над всем этим девственным царством как бы нависло ожидание бога или богов. Бога, ожидающего поры своего поклонения. Одинокого Бога!

Разумеется, действительность была вовсе не романтической. В месте, где горы полого спускались к морю, образуя укромную бухту, стоял убогий поселок — несколько бараков, в которых жило до полусотни шумарцев, удовлетворявших нужды случайно зашедших сюда кораблей с северного материка. Мне казалось, что все шумарцы живут где-то в глубине своего материка, причем живут на стадии родового строя и ходят нагишом, разбивая свои стойбища где-то у подножия вулкана Вашнир, и что нам со Швейцем придется на купленных лошадях пересекать всю эту необозримую таинствен-

ную землю без проводников и не зная дорог, прежде чем мы найдем хоть что-то, похожее на цивилизацию. И встретим кого-либо, кто мог бы продать нам то, ради чего мы сюда прибыли. Однако капитан Криш искусно причалил свое судно к ветхому деревянному пирсу, и мы предстали перед небольшой группой шумарцев, которые пришли, чтобы устроить нам довольно мрачную встречу.

Вы помните, что когда-то я представлял себе землян рогатыми и хвостатыми. И здесь я инстинктивно чувствовал, что обитатели южного материка должны иметь причудливый вид. Я знал, что это нелогично, ведь они имели то же происхождение, что и жители Саллы, Маннерана и Шлина. Однако столетия жизни в джунглях могли сильно изменить их. Разве их отречение от Завета не сделало их подверженными лесному смраду и не привело к потере человеческого облика? Нет и еще раз нет! Они были похожи на обычных крестьян из захолустья любой нашей деревни. Конечно, на них были непривычные украшения: причудливые жемчужные ожерелья и браслеты, каких не носили в Валладе, но кроме этого ни оттенком кожи, ни цветом волос они нисколько не отличались от любого жителя Валлады.

Нас встречали человек восемь-десять. Двое, очевидно, вожаки, говорили на маннеранском диалекте, хотя и с неприятным акцентом. Остальные, казалось, не понимали северных языков, а между собой общались с помощью щелканья и мычанья. Швейцу легче, чем мне, удалось найти с ними общий язык, и он начал длинный разговор, за которым мне оказалось очень трудно следить, так что вскоре я перестал обращать на это внимание. Я побрел прочь, чтобы посмотреть на деревню вблизи, и, в свою очередь, стал объектом изучения пучеглазых детей, а когда вернулся, Швейц сообщил мне, что все улажено.

— Что-все?

— Сегодня мы ночуем здесь, а завтра нас поведут в деревню, где изготавливается интересующий нас порошок. Эти люди не гарантируют, что нам удастся хоть что-то купить.

— Почему?

— Не знаю. Но жители клянутся, что в этой деревне порошка нет и в помине.

— Сколько дней придется добираться до деревни?

— Примерно пять. Пешком. Вам нравятся джунгли, Кинналл?

— Я еще не пробовал их на вкус.

— Уверен, что скоро вы вдоволь насытитесь ими, — сказал Швейц.

Он повернулся, чтобы о чем-то поговорить с капитаном Кришем, который после нашего плавания собирался отправляться по каким-то делам вдоль побережья Шумара. Швейц договорился, что судно вернется в эту бухту и будет ждать нашего возвращения из джунглей. Люди Криша выгрузили наш багаж — главным образом товары для обмена: зеркала, ножи, безделушки, поскольку шумарцы не пользуются деньгами Валлады. И корабль ушел в пролив еще до того, как на землю спустились сумерки.

Швейца и меня отвели в отдельную лачугу, приткнувшуюся в укромном месте в скале над бухтой. Матрацы из листьев, одеяла из шкур животных, одно кривобокое окно и никакого туалета — вот и все, к чему привели тысячи лет путешествий человека в безднах космоса. Мы долго торговались относительно стоимости нашего ночлега и в конце концов согласились отдать несколько ножей и зажигалок. На ужин подали какое-то удивительно вкусное тушеное мясо, какие-то неправильной формы красивые фрукты, горшок с наполовину проваренными овощами и кружку молока, мы съели все поданное и получили гораздо большее удовольствие от еды, чем ожидали, хотя и перебрасывались язвительными замечаниями относительно болезней, которые могли подхватить сейчас. Скорее по привычке, чем по убеждению, я сделал возлияние в честь бога путешественников, а Швейц сказал:

— Значит, вы после всего, что было, еще веруете?

Я ответил, что не вижу причин не верить в богов, хотя моя вера в учение людей была сильно поколеблена.

Здесь, вблизи экватора, темнота наступала быстро, словно неожиданно опускается какой-то черный занавес. Мы еще немного посидели, и Швейц

продолжал пичкать меня астрономическими сведениями. Затем мы легли спать. Меньше чем через час в наше жилище вошли двое. Но пока я наощупь искал оружие, лунный свет упал на одного из вошедших, я увидел крупные покачивающиеся груди и услышал голос Швейца из дальнего угла:

— Я думаю, это входит в стоимость ночлега.

Утром я всматривался в лица деревенских девушек, гадая, с кем из них я делил ночью свое ложе. У них были щели между зубами, отвислые груди и рысьи глаза. Мне оставалось только молиться, что среди них не было моей ночной гостью.

П

41

ять дней. На самом деле их было даже шесть. То ли Швейц чего-то недопонял, то ли вожак шумарцев был слаб в счете. С нами был один проводник и трое носильщиков. Никогда прежде я так долго не ходил пешком — от зари до зари. С обеих сторон узкой тропинки стояли зеленые стены джунглей. Влажность была поразительной, так что мы почти плыли среди испарений. Было хуже, чем в самый плохой день Маннерана. Вокруг вились тучи насекомых с яркими блестящими глазами и ужасными жалами. По сторонам в джунглях шуршали какие-то многоногие твари, а прямо из стволов деревьев торчали яркие цветы, по словам Швейца, несомненные паразиты.

Мы поднялись на гребень холма, на пару дней выбравшись из джунглей, прошли весьма высоко расположенным перевалом, а затем снова спустились в джунгли, но уже с другой стороны. Швейц поинтересовался у проводника, нельзя ли было вместо того, чтобы карабкаться на горы, просто обойти их, и услышал в ответ, что низменные места очень насыщены ядовитыми черными великанами-муравьями.

С этой стороны хребта была расположена цепочка ручьев и озер, поверхность которых была испещрена торчащими острыми скалами. Все это казалось мне

каким-то нереальным. Всего в нескольких днях пути морем лежал материк Валлада с его банками и автомобилями, таможнями и церквями. То был вполне обжитой материк, и только внутренняя его часть была необитаемой. Здесь же, где мы сейчас шли, человек еще не утвердил свою власть. Дикость и неустроенность этого края угнетали меня, да и к тому же душная атмосфера этого места, ночные звуки, нечленораздельная речь наших попутчиков...

На шестой день мы наконец вышли к деревне туземцев. Примерно три сотни хижин были разбросаны на широком лугу, где встречались две реки небольших размеров. У меня сложилось впечатление, что когда-то здесь был поселок побольше, возможно, даже город, так как на окраинах я видел поросшие травой курганы и пригорки, скрывавшие, вероятно, древние руины. Или это было просто иллюзией? Может, я просто хотел убедить себя, что шумарцы пришли в упадок, покинув наш материк, и я видел в этих пригорках свидетельства упадка и разрушения?

Деревенские жители окружили нас, не выказывая, впрочем, враждебности — очевидно, просто из любопытства. Северяне были здесь редкими гостями. Некоторые из туземцев подходили ко мне вплотную и касались моего тела, сопровождая свои жесты легкой улыбкой. У этих жителей джунглей, казалось, не было угрюмой печали, столь характерной для обитателей лагун на берегу океана. Эти люди были мягче и более открытые. В чем-то они походили на детей. Влияние цивилизации Валлады наложило мрачный отпечаток на характер прибрежных жителей, но здесь все было иначе.

Между Швейцем, нашим проводником и тремя деревенскими старшинами начались бесконечные переговоры. После первых приветствий Швейц практически перестал принимать в них участие, так как, изливая бесконечные каскады слов и подкрепляя их жестами, наш проводник, казалось, объяснял одно и то же. Ни Швейц, ни я не понимали ни слова. Наконец проводник повернулся к Швейцу и обрушил на него поток маннеранской речи с шумерским акцентом, который Швейцу, поднаторевшему в разговорах с туземцами, удалось расшифровать.

— Они соблаговолят продать нам, при условии, что мы сможем доказать, что достойны обладать этим снадобьем.

— Как же мы это сделаем?

— Приняв его вместе с ними во время ритуальной встречи сегодня вечером. Наш проводник пытался отговорить их, но они не отступили. Не будет обмена — не будет обмена.

— Это рискованно?

Швейц покачал головой.

— Едва ли. Но проводник считает, что мы ищем снадобье только ради выгоды, что мы не намерены употреблять его, а просто хотим продать то, что сможем достать, чтобы потом закупить еще больше ножей, зеркал и зажигалок. Поскольку он не считает нас потребителями порошка, то всеми силами старался обезопасить нас от этого наркотика. Жители деревни тоже думают, что мы не будем пользоваться им, и потому говорят, что будут прокляты, если дадут хоть щепотку порошка тому, кто будет продавать его. Они продают снадобье только истинным его приверженцам.

— Но мы же и есть истинные приверженцы! — воскликнул я.

— Но я не могу убедить их в этом. Они достаточно хорошо знают, что северяне никогда не раскрывают своих намерений. Но я все же попытаюсь еще раз.

Теперь переговаривались только Швейц и наш проводник, старейшины же молча стояли рядом. Переняв жесты и даже акцент проводника (благодаря чему я уже ничего не понимал в разговоре), Швейц горячо настаивал на своем, а проводник упирался изо всех сил. Видя бесплодность попыток, я уже был готов предложить уступить и вернуться в Маннеран с пустыми руками. Однако Швейц все-таки сломил упорство проводника. Все еще с подозрением тот спросил у землянина, действительно ли он хочет того, о чем говорит и, когда Швейц выразительным жестом подтвердил это, проводник, не меняя скептического выражения лица, снова повернулся к старейшинам. На этот раз разговор их был краток. Затем он так же кратко сказал что-то Швейцу.

— Все улажено, — сказал через некоторое время Швейц. — Мы примем порошок сегодня же вечером вместе с туземцами. — Он наклонился ко мне и коснулся моей руки. — Запомните кое-что. Когда это зелье начнет действовать, возлюбите их. Если этого не удастся и вы их не полюбите, все будет потеряно.

Я был оскорблен, что он счел необходимым предупредить меня об этом.

П

42

Перед заходом солнца к нам пришли десять туземцев и повели нас в лес к востоку от деревни. Среди них было трое старейшин, двое неизвестных нам стариков, а также двое юношей и три женщины. Одна из них была красивая девушка, другая — некрасивая, а третья — почти старуха. Проводник наш с нами не пошел. Не знаю, то ли его просто не пригласили, то ли он не захотел принимать участие в этой церемонии.

Мы прошли довольно приличное расстояние. Уже не было слышно ни детских криков из деревни, ни лая собак. Остановились на укромной поляне, где была повалена добрая сотня деревьев, а обструганные бревна были выложены в пять рядов в виде скамеек, образуя пятиугольный амфитеатр. Посреди находился обмазанный глиной очаг, рядом с которым была сложена огромная куча хвороста. Поодаль от дров я увидел еще одну выложенную глиной яму, ширина которой вдвое превосходила ширину плеч взрослого мужчины. Она уходила в землю под углом и, казалось, имела приличную глубину. Создавалось впечатление, что это туннель, открывающий доступ в мглистые недра планеты. При свете, который давал костер, я попытался заглянуть в темную глубину, но не увидел там ничего интересного.

Шумарцы жестами показали, что мы должны сесть у основания пятиугольника. Некрасивая девушка тоже села рядом с нами. Слева от нас, ближе к входу в туннель, расположились трое ста-

рейшин. Справа, у очага, сели двое юношей. В дальнем правом углу сели старуха и один из стариков. Второй старик и красивая девушка ушли к дальнему правому углу. К тому времени, когда все мы расселись, ночь полностью вступила в свои права. Затем шумарцы сняли с себя то небольшое, что на них было и, видя, что от нас требуется то же самое, мы с Швейцем разделись и сложили свою одежду на скамьи рядом с нами. По сигналу одного из старейшин красавица встала, подошла к костру и, сунув в него длинный сук, ждала, когда он разгорится. Затем, подойдя к зияющему зеву туннеля, высоко подняла факел и стала осторожно спускаться в него. Вскоре девушка и факел совершенно исчезли в темноте. В течение некоторого времени были видны отблески огня, но вскоре и они исчезли. Из отверстия повалил густой черный дым, после чего появилась девушка, но без факела. В одной руке она несла большой горшок с ободком, в другой — продолговатую бутылку из зеленого стекла. Двое жрецов — высших жрецов? — поднялись со скамеек и взяли эти предметы. Затем они начали причитать безо всякой мелодии, а один из них запустил руку в горшок, набрал пригоршню белесого порошка-наркотика и высыпал его в бутылку. Второй старикан принялся торжественно трясти бутылку, очевидно, чтобы порошок поскорее растворился. Тем временем старуха — жрица? — распростерлась у входа в туннель и начала распевать слова какого-то гимна, а двое юношей подбросили хвороста в огонь. Моление длилось довольно долго. Девушка, которая спускалась в туннель, — стройная, с высокой грудью и длинными шелковистыми волосами — взяла у старика бутылку и перенесла ее на нашу сторону костра, где некрасивая девушка, выступив вперед, почтительно приняла бутылку обеими руками и торжественно понесла к трем старейшинам. Теперь уже они стали что-то твердить нараспев. Сначала я был очарован этой церемонией, но вскоре мне стало скучно, и я стал развлекать себя, пытаюсь найти религиозный смысл того, что происходило сейчас у меня перед глазами. Туннель, решил я, символизирует вход в чрево матери-земли, питающей корни, из которых получают порошок. Я придумал тщательно разработанные метафорические

объяснения, связанные с культом материнства, символическое значение опускания факела в чрево матери-земли, присутствие красивой и некрасивой девушек должно было, очевидно, символизировать универсальность женских начал, двое юношей — мужское начало и так далее. Все это, конечно, было чепухой, но, как я думал, достаточно впечатляющей системой, созданной в воображении такого чиновника, как я, не обладающего особыми интеллектуальными способностями. Все удовольствие, доставляемое мне размышлениями, испарилось, когда я осознал, насколько снисходителен к ним. Я смотрел на шумарцев, как на дикарей, чьи гимны и ритуалы не имели не только эстетической ценности, но и не могли содержать в себе ничего серьезного. Кто я такой, чтобы так высокомерно относиться к этим людям? Я же пришел сюда без приглашения, вымаливая снадобье, которого так жаждала моя душа. Так кто же из нас был вышестоящим существом? Я обвинил себя в снобизме. Возлюби, отбрось извращенные логические построения. Прими участие в их ритуале, если способен на это и по крайней мере внешне не выказывая ни малейшего пренебрежения к ним. Не презирай их! Их нельзя презирать. Возлюби! Теперь снадобье пили старейшины, каждый по глотку; возвращая бутылку некрасивой девушке, которая, когда все трое отпили, двинулась по кругу, сначала поднесла бутылку старику, затем старухе, двум юношам и, наконец, Швейцу и мне. Протягивая бутылку, она улыбнулась мне. В скачущих отблесках костра она вдруг показалась мне красивой. В бутылке было теплое тягучее вино и, сделав глоток, я чуть не захлебнулся. Но все-таки выпил. Лекарство прошло мне в желудок, а оттуда дальше, в душу.

В

43

се мы стали единым существом — десять местных жителей и мы со Швейцем. Сначала было необычное ощущение легкости, обострения восприятий, потеря чувства опоры, сверхъесте-

ственные звуки. Затем стало заметным биение других сердец и телесные ритмы, а потом умножение сознания. После этого наступило растворение своего «я», и мы стали единым организмом с двенадцатью личностями. Я погрузился в море душ и погиб как индивидуальность. Я уже не был в состоянии определить, кто я: был ли я сыном септарха Кинналлом или Швейцем, человеком со старой Земли, а может, старейшинами или жрецами, или еще кем-то, ибо все они были смешаны во мне самым запутанным образом, а я в них. И море душ было морем любви. А разве могло быть иначе? Мы были всеми и каждым из нас. Любовь к себе — это любовь к другим. И я любил! Я более отчетливо понимал, что имел в виду Швейц, говоря «я люблю вас», когда мы впервые очнулись от действия снадобья. Эту странную фразу, столь неприятную и непристойную на Борсене, столь нелепую в разговоре мужчины и женщины, а тем более двух мужчин. Я говорил десяти шумарцам: «Я люблю вас», хотя и без помощи слов, так как у меня не было слов, которые были бы им понятны. Но даже если бы я произнес эти слова на своем родном языке, они поняли бы, но восприняли бы их с негодованием, так как среди моих соплеменников это были непристойные слова и с этим ничего нельзя было поделать. «Я люблю вас!» Именно это имел я в виду, и они принимали мой дар любви. Я был их частицей, я, который столь недавно снисходительно смотрел на них, как на первобытных людей, преклоняющихся лесному ко-стру. Посредством их я ощутил звуки леса и бормотание ручьев, милосердную любовь великой матери-земли, которая вырастила для нас корни, чтобы мы могли лечить разлученные друг с другом души. И познал, что такое быть шумарцем и жить простой жизнью в месте слияния двух речушек. Я обнаружил, что можно обходиться без автомобилей и банков и все же жить цивилизованной жизнью. Я понял, что во имя мнимой святости души жителей Валлады не развиваются, а также то, насколько полноценной может быть душа человека, если следовать примеру шумарцев. Ничего из этого не пришло ко мне в словах или хотя бы в потоке

образов, скорее это было внезапно обретенное понимание, которое снизошло на меня и стало частичкой меня. Причем, как это произошло, я не могу описать. Я слышу, как вы сейчас говорите, что я должно быть, лгу, или поленился более подробно описать свои тогдашние ощущения. Однако нельзя все изложить словами, поскольку их просто нет в человеческом языке. Мне пришлось бы обратить мои ощущения в слова, расположив их так, как позволяет это мое искусство рассказчика, а вы должны были бы воспринять слова и превратить для вашего сознания. Однако, на каждой стадии такого общения будет понижаться острота ощущений, пока то, что вам достанется, не станет бледной тенью испытанного мною во время душевного очищения в Шумаре. Поэтому я и не могу вам все это объяснить. Мы растворились друг в друге, растворились в море любви, не знавшие языка друг друга, пришли к полному взаимопониманию наших обычно обособленных душ.

Когда действие снадобья потеряло свою силу, частица их осталась во мне, так же как частица меня — в них. Если же взглянуть на то, что может быть освобождено из темницы вашего черепа, если вы хотите вкусить любовь в первый раз за всю свою жизнь, то я скажу лишь одно: не ищите объяснений в красиво выстроенных фразах, но приложите губами к напитку с порошком. Приложите к напитку губами...

И

44

так, мы выдержали испытание, и нам дадут то, что мы хотели. После причастия любовью наступила пора торговли. Мы вернулись в деревню, и утром наши носильщики принесли сундуки с товарами для обмена, а старейшины принесли нам напиток. Мы сложили кипу ножей, зеркал и зажигалок, а они не менее тщательно

отмерили порошок из двух кувшинов в третий. Делами обмена заведовал Швейц. От проводника, приведшего нас с побережья, было мало толку, ибо, хотя он и умел говорить на языке старейшин, он никогда не беседовал с их душами. По сути, торги превратились в нечто противоположное, ибо, когда Швейц со счастливой улыбкой добавил к нашей куче несколько безделушек, старейшины ответили ему тем, что добавили порошка в наши кувшины. Торги превратились в состязание в щедрости и в конце концов мы отдали все, что у нас было, оставив только несколько предметов для подарков нашему проводнику и носильщикам. Туземцы дали нам столько чудесного порошка, что его хватило бы на то, чтобы тысячи мозгов оказались в его западне.

Когда мы вернулись в бухту, капитан Криш уже ждал нас там.

— Видно, торговля была довольно успешной?— спросил он.

— Разве это столь очевидно?— удивился я.

— Вы были в смятении, когда приплыли сюда, а уезжаете с улыбками на лицах. Разве это не говорит о том, что результат торговли был удачен?

В первый же вечер нашего обратного плавания в Маннеран Швейц пригласил меня в свою каюту. Он вытащил кувшин с порошком и взломал печать. Я наблюдал, как он осторожно стал пересыпать порошок в небольшие пакеты. Он работал молча, не глядя на меня, и заполнил подобным образом пакетов 70-80. Закончив расфасовку, он отсчитал дюжину пакетов и отодвинул в сторону, затем указал на оставшиеся и сказал:

— Это для вас. Спрячьте их хорошенько среди багажа, если не хотите прибегать к своему влиянию среди таможенников, чтобы в сохранности провезти их.

— Вы дали мне раз в пять больше, чем взяли себе,— запротестовал я.

— Вы нуждаетесь больше меня,— усмехнулся Швейц.

Я понял, что он имел в виду, только мы вновь оказались в Маннеране. Мы высадились в Халиноре, расстались с капитаном, прошли формальную проверку, и на своем автомобиле отправились в столицу. Въехав в Маннеран-сити со стороны шумарского шоссе, мы проехали мимо рынков и магазинов, расположенных прямо на открытых площадках, где тысячи маннеранцев толкались, торговались друг с другом и спорили между собой. Я видел их лица, видел сосредоточенные, недобрые глаза, думал о средстве, которое было со мной, и говорил себе: «Если бы я только мог растопить лед в сердцах этих людей!». Я представлял себе, как хожу среди них, этих приплывших сюда чужестранцев, отвожу в сторону то одного, то другого и ласково шепчу каждому: «Я — принц из Саллы и высокопоставленный чиновник из Судебной Палаты, который отложил в сторону все свои заботы только для того, чтобы дать счастье людям. Я покажу как испытать счастье с помощью самообнажения. Верьте мне, я люблю вас!». Несомненно, многие будут шарахаться от меня, как только поймут, о чем я толкую, многие сразу оттолкнут, испуганные непристойным словом «я», другие же, выслушав мои слова, будут плевать мне в лицо и называть сумасшедшим, а некоторые даже вызовут полицию. Но, вероятно, будут и такие, кто, выслушав меня, ощутит соблазн и пойдет со мной в какое-нибудь укромное место, где мы сможем разделить с ним мое снадобье с Шумара. Я буду открывать одну за другой, пока в Маннеране не появятся десятки, как я — тайное общество самообнажающихся, изучающих друг друга по теплу и любви, излучаемыми их взглядами, не боящихся произнести слово «я» и «мне» перед другими посвященными, отказавшихся не только от вежливого синтаксиса, но и от дурмана самоотречения, выражаемого витиеватыми фразами. А затем я еще раз зафрахтую корабль капитана Криша и

возвращусь, груженный пакетами белого порошка, и продолжу свою деятельность в Маннеране. Я и те, что последуют за мной, мы снова и снова будем подходить то к одному, то к другому и, улыбаясь, говорить: «Я покажу вам, как найти радость в откровении. Верьте мне, я люблю вас!».

В этих видениях Швейцу не было места. Это чужая для него планета, и не его дело преобразовывать ее эстетические и этические ценности. Все, что его интересовало — это удовлетворение личных духовных запросов, жажда постичь божественное. Он уже начал двигаться по этому пути, ему совсем ни к чему бродить по городу, соблазняя незнакомцев. Именно поэтому он отдал мне большую часть порошка, ибо я был новым пророком, мессией откровенности, и Швейц понял это значительно раньше меня. До сих пор ведущая роль принадлежала ему, я же оставался в тени, однако теперь он уже не будет затмевать меня. Вооруженный своими пакетами, я один начну изменять нашу планету.

Это была как раз та роль, к которой я всегда стремился. Всю свою жизнь я был в тени то одного, то другого человека, и поэтому, несмотря на свои физические и умственные способности, привык считать себя человеком второразрядным. Вероятно, этот недостаток характерен для второго сына септарха. Сначала был отец, с которым я никак не мог сравниться ни во власти, ни в могуществе, затем появился Стиррон, чье восхождение на престол привело к моему добровольному изгнанию. Затем мой хозяин на лесоповале в Глине, Сегвор Хелалам, а затем... Швейц. У них у всех была цель в жизни и решимость в ее осуществлении. Они знали свое место и держались за него, тогда как я частенько пребывал в смятении. Теперь же, когда прошла добрая половина жизни, я наконец-то смогу проявить себя! У меня наконец-то появилась цель! Божественное провидение привело меня сюда, сделав меня тем, кем я стал, подготовило мой дух для осуществления великой миссии. И я с радостью взялся за нее.

меня была знакомая девушка, которой я покровительствовал. Она говорила, что яв-

ляется незаконнорожденной дочерью герцога Конгоройского и была зачата во время его очередного визита в Маннеран еще в годы правления моего отца. Возможно, так оно и было. Во всяком случае она верила в это. Два или три раза в месяц я навещал ее на часок-другой, когда совсем одуревал от своей будничной работы или когда одолевала скука. Душевная и нетребовательная девушка нравилась мне. Я не скрывал от нее, кто я такой, но никогда не изливал перед ней душу и не ждал от нее ничего подобного. Разумеется, не могло быть и речи о любви между нами. Она стала первой, кому я дал снадобье, смешав его с золотистым вином.

— Мы выпьем это вместе, — сказал я, когда она спросила, что это. — Это очень сблизит нас. Оно откроет друг перед другом наши души, сделает прозрачными все стены, разъединяющие нас.

Она не стала возражать, не стала взывать к Завету, осуждать зло откровенности. Она поступила так, как ей было приказано, уверенная, что я ничего плохого не сделаю. Мы вместе приняли снадобье и долго лежали обнаженные, прижавшись друг к другу, пока не стали чувствовать, как бьются наши сердца.

— О! — воскликнула девушка. — Это так необычно!

Однако эти новые ощущения не испугали ее. Наши души растворились одна в другой, затем нас захватила буря взаимных чувств, и никакие запреты Завета уже не могли сдержать напора нашей любви.

Судебной Палате Порта служил один клерк, некто Ульман, человек вдвое моложе меня, очень многообещающий и нравившийся мне. Он знал о моем истинном могуществе в Маннеране и о моем происхождении, однако вовсе не испытывал страха передо мной. Его уважение ко мне было целиком обусловлено моими способностями оценивать и решать самые сложные задачи, связанные с деятельностью Палаты. Однажды я задержал его после работы и вызвал к себе в кабинет, после того как остальные сотрудники разошлись.

— Есть одно лекарство из Шумара, — начал я, — которое позволяет разуму одного человека свободно проникнуть в разум другого и наоборот.

Он улыбнулся и сказал, что слышал о нем, но его трудно достать и еще опаснее употреблять.

— Никакой опасности нет! — возразил я. — Что же касается сложности его доставания... — я вытащил один из своих пакетиков. Парень продолжал улыбаться, хотя щеки его порозовели. Мы вместе приняли порошок у меня в кабинете. Через несколько часов, когда он уходил, я дал ему еще несколько пакетиков, чтобы он мог попробовать снадобье со своими друзьями.

Каменном Соборе я осмелился заговорить с одним чужеземцем, невысоким толстяком в одежде принца, возможно членом семьи одного из септархов. У него были ясные спокойные глаза человека добропорядочного. Весь облик его говорил о том, что он часто заглядывал в свой душевный мир и был вполне удовлетворен тем, что там видел. Но когда я заговорил с ним, он оттолкнул меня и

обругал с такой яростью, что гнев, охвативший его, зажег и меня. В слепом бешенстве я едва не ударил его.

«Самообнажающийся! Самообнажающийся!» — этот крик эхом прокатился по святому храму, и многие посетители вышли из комнат, где они размышляли, чтобы посмотреть, что происходит. За все годы жизни я не испытывал такого позора, как тогда. Моя возвышенная миссия предстала передо мной в совершенно ином свете — я увидел ее как нечто грязное, а себя как жалкого, подкрадывающегося исподтишка пса, желающего выставить на показ перед незнакомым человеком свою грязную душонку. Гнев мгновенно покинул меня, и его место занял страх. Я, как воришка, скользнул в тень и поспешил поскорее покинуть Собор, опасаясь ареста. В течение недели я ходил, озираясь, но никто не преследовал меня, кроме разве что моей совести.

49

Опасность быть арестованным миновала, и я снова увидел свою миссию в нужном свете и понял, насколько она добродетельна. Я ощутил только печаль, думая о человеке, который оттолкнул мой дар.

За следующую неделю я нашел троих незнакомых мне людей, согласившихся разделить со мной откровение. Теперь я уже изумлялся тому, что сомнения едва не одолели меня.

Однако самые мучительные сомнения были еще впереди.

50

Я попытался найти теоретическое обоснование своего пользования наркотиком, создать новую теорию любви и искренности. Я изучил Завет и многочисленные комментарии к нему,

пытаясь обнаружить причину того, почему первые поселенцы Валлады сочли необходимым обожествить недоверчивость и скрытность. Почему и чего они боялись? Что надеялись сохранить? Темные люди в сумеречные времена, в черепах которых копошились змеи. Они были убеждены в своих собственных добродетелях. Они поступали так из самых благих намерений. Не доверяй действительную сущность своей души своим близким. Они не должны знать, что тебе на самом деле нужно. Ты должен один стоять перед богами. Вот так мы и жили все эти сотни лет, не задавая вопросов. Покорные и верные Завету. Так может быть, теперь уже ничто не сможет поддерживать жизнеспособность Завета? Для большинства из нас приверженность ему обусловлена только воспитанием и шепетильностью — сами мы не хотим слушать других и открывать перед ними свои души. Наши душевные раны все больше гноятся, и мы продолжаем разговаривать на языке, в котором нет места первому лицу. Но не пора ли создать новый Завет? Обязательно любви, Завет участия? Укрывшись дома, я мучительно пытался написать таковой. Что я мог сказать такое, чтобы мне поверили? Мы многого достигли, опираясь на старую мораль, но только за счет прискорбного отказа от самих себя. Среди нас уже нет тех опасностей, среди которых жили первые поселенцы, а некоторые обычаи, ставшие скорее помехой, можно было бы отбросить. Общество должно развиваться, иначе оно начнет гнить. Любовь лучше; чем ненависть, а доверие лучше подозрительности. Но многое из того, что я написал, не могло убедить даже меня. Почему я нападаю на установленный порядок вещей? Из глубоких убеждений или просто из жажды грязных удовольствий? Я — человек своего времени и крепко связан путами своего воспитания, несмотря на то, что усиленно пытался разорвать эти путы на мелкие куски. Загнанный в ловушку между своими прежними верованиями и еще не сформировавшимися новыми, я ежедневно кидался из одной крайности в другую, шарахался от стыда к экзальтации. Когда я пыхтел над введением к моему новому Завету, в кабинет вошла Халум.

— Что ты ешь?— приветливо спросила она.

Я прикрыл лист другим, и на лице моем отразилась неловкость, поэтому девушка принялась извиняться, что помешала.

— Что я ем?— сказал я как можно беззаботнее.— Это отчеты по службе. Так, пустяки, обычная бюрократическая писанина.

В тот вечер, презирая самого себя, я сжег все, что успел написать.

3

51

а эти недели я совершил много поездок в неизвестные мне ранее места. Друзья, чужеземцы, случайные знакомые, любовница — вот компания, в которых я их совершал. Но за всю эту раннюю стадию моего времени перемен я ни словом не обмолвился, не сказал Халум ни слова о порошке. Испытать его действие вместе с ней было моим первоначальным замыслом. Именно ради этого я в самый первый раз коснулся его губами. А сейчас я уже боялся предложить ей это. Только малодушие удерживало меня — вдруг она познает меня слишком хорошо и разлюбит!

Н

52

есколько раз я был на грани того, чтобы затронуть в разговорах с ней эту тему, и каждый раз в самый последний момент сдерживал себя. Я не осмеливался приблизиться к ней. Если хотите, вы можете измерить степень искренности, которую я тогда проявлял. Насколько чистым, можете спросить вы, было мое новое учение открытости, если я чувствовал, что моя названная сестра будет выше такого общения? Но я не буду притворяться, что в моем мышлении была какая-то

последовательность. Мое освобождение от табу, тяготевшего над откровенностью, было следствием внешнего толчка, а не естественного развития, и я был вынужден непрестанно вести борьбу со старыми привычками и обычаями нашей этики. Хотя я и произносил «я» и «мне» в разговорах со Швейцем и некоторыми другими, я всегда ощущал при этом некоторую неловкость. Отрывки разорванных пут продолжали связывать меня. Я смотрел на Халум, знал, что люблю ее и единственным способом познания этой любви было соединение наших душ и то, что в моих руках было средство, которое могло нас соединить. Но я не отваживался. Да, я не ОТВАЖИВАЛСЯ!

Д

53

венадцатым из тех, с кем я разделил мое снадобье из Шумара, был мой побратим Ноим. Он часто приезжал ко мне в гости и гостил иногда целыми неделями. Пришла зима, принеся холодные дожди в Салду, снег в Глин и только туманы в Маннеран, и северяне начали приезжать в нашу теплую провинцию. Я не встречался с Ноимом с лета прошлого года, когда мы вместе охотились в Хашторе. В том году мы как-то отделились друг от друга. В определенном смысле место Ноима в моей жизни занял Швейц, и я почти не испытывал необходимости встреч с побратимом.

Ноим был теперь довольно богатым землевладельцем из Саллы, унаследовав как земли семьи Кондоритов, так и родственников своей жены. В зрелые годы он пополнил, хотя и не стал толстым. Несмотря на складки на лице, ум и пронизательность этого человека сразу же бросались в глаза. У него был гладкий, даже какой-то елейный вид, загорелая безупречная кожа, полные самодовольные губы и круглые насмешливые глаза. Появившись у меня дома, он первым делом тщательно осмотрел меня, словно пересчитывая зубы и морщинки на

лице, а после формальных братских приветствий, после того как передал мне свой подарок и подарок Стиррона и мы подписали между собой соглашение, как между гостем и хозяином, Ноим вдруг сказал:

— У тебя неприятности, Кинналл?

— С чего ты взял?

— У тебя заострилось лицо, и улыбка стала какой-то странной. Такая улыбка бывает у человека, который хочет казаться беззаботным. У тебя красные глаза, и ты стараешься отвести их в сторону. Что-нибудь не так?

— Эти несколько месяцев были самыми счастливыми в моей жизни,— сказал я, пожалуй, даже слишком пылко.

Ноим не обратил внимания на мое отрицание.

— У тебя неприятности с Лоимель?

— Ноим, ты даже не поверишь, как...

— Перемены написаны на твоём лице,— перебил он меня.— Неужели ты будешь отрицать, что в твоей жизни произошли перемены?

Я пожал плечами.

— Ну и что? А если и так?

— Изменения к худшему?

— Пожалуй, нет.

— Ты уклоняешься от ответа, Кинналл. Для чего же тогда побратим, если не делиться с ним своими заботами?

— Особых забот нет,— настаивал я.

— Очень хорошо,— сказал он и оставил эту тему. Однако я заметил, что в течение всего вечера он внимательно наблюдал за мной.

Утром, за завтраком, он продолжил это занятие. Я ничего не мог скрыть от него. Мы сидели за бокалом голубого вина и беседовали об урожае в Салле, о новой программе Стиррона, о налогодобложении, говорили и о вновь возникших трениях между Саллой и Глином, и о кровавых пограничных инцидентах, которые недавно стоили жизни моей сестре. И все это время Ноим внимательно наблюдал за мной. Халум завтракала вместе с нами, и мы поговорили о детстве, но и тогда Ноим не сводил с меня взгляда. Глубина и сила его участия тревожила и терзала меня. Вскоре он начнет расспрашивать других, стараясь выудить у Халум или Лоимель то, что терзает меня, и этим возбудит у

них тревожное любопытство. Я не могу допустить, чтобы он остался в неведении относительно того, что стало главным в жизни его побратима. Вечером того же дня, когда все разошлись, я отвел Ноима к себе в кабинет и открыл тайник, в котором хранил белый порошок. Затем я спросил, знает ли он что-либо о шумарском снадобье, на что он ответил, что даже не слышал о нем. Я коротко описал ему действие порошка. Лицо его помрачнело и он, казалось, замкнулся в себе.

— И часто ты употребляешь эту дрянь?— спросил наконец он.

— Пока что я принял его всего одиннадцать раз.

— Одиннадцать? А для чего, Кинналл?

— Чтобы лучше узнать, что представляет душа в восприятии других,— смело ответил я.

Ноим расхохотался.

— Неужели самообнажение? Ну ты и даешь, Кинналл!

— С годами вырабатываются странные привычки, брат.

— И с кем ты играешь в эти игры?

— Их имена не имеют для тебя никакого значения,— уклонился я от ответа.— Ты не знаешь никого из них. Если говорить в общем, то это жители Маннерана, в крови которых есть тяга к приключениям и которые не боятся риска.

— Лоимель?

— Теперь пришла моя очередь смеяться.

— Она об этом даже не помышляет.

— А Халум?

Я покачал головой.

— Хотелось бы набраться смелости и предложить ей попробовать, но пока что удавалось скрывать от нее все это. Из страха, что она очень непорочна и очень легко ранима. Печально, Ноим, что приходится скрывать нечто замечательное и удивительное от своей названной сестры.

— И от названного брата тоже.

— Со временем ты обязательно узнал бы об этом. Тебе может быть предоставлена возможность испытать радость сопричастия.

Глаза его сверкнули.

— И ты думаешь, я могу попытаться? Думаешь, я захочу?

Его умышленно произнесенная непристойность вызвала у меня только легкую усмешку.

— Надеюсь, что побратим разделит со мной все, что испытал я. Сейчас это средство закроет пропасть между нами, ибо мне приходилось бывать в таких местах, где ты никогда еще не бывал. Понимаешь, Ноим?

Он кивнул. Искушение было велико, я видел это по его глазам. Он стоял сейчас на краю бездны, кусал губы, потирал мочку уха и все, что происходило в его уме, было мне абсолютно ясно, как будто мы уже разделили с ним снадобье с Шумара. Из-за меня он испытывал серьезное беспокойство, поняв, что я слишком далеко ушел от заповедей Завета, и что, возможно, у меня скоро будет крупнейший разлад как с самим собой, так и с законом. Однако ему не давало покоя собственное любопытство. Он сознавал, что предельная откровенность со своим побратимом не бог вещь какой грех, и поэтому едва сдерживался сейчас, чтобы не испытать общения со мной под действием наркотика. Кроме того, в его глазах была и ревность за то, что я уже обнажал свою душу перед ничем не значащими для меня незнакомцами. Скажу вам честно, я уже тогда постиг все это, и подтвердил это потом, когда душа Ноима открылась передо мной.

Несколько дней мы не говорили об этом. Он приходил ко мне на работу и с восхищением смотрел, как я управляюсь с работой — с делами величайшей государственной важности! Он видел, как почтительно относятся ко мне служащие, а потом встретился с Ульманом, которому я давал снадобье, и чья равнодушная фамильярность затронула струну подозрительности в его сердце. Мы вместе наведались к Швейцу и вместе опустошили не один кувшин доброго вина, обсуждая при этом различные религиозные аспекты и добродушно переругиваясь, возбужденные винными парами.

— Вся моя жизнь,— сказал Швейц,— была поиском правдоподобных причин того, что я понимал как иррациональное.— Ноим заметил некоторые вольности Швейца в обращении с нашей грамматикой.

В другой вечер мы обедали с группой маннеранских аристократов в роскошном доме свиданий на холме, с которого открывалась панорама города. Там были маленькие, похожие на птиц мужчины, их нарядно одетые, суетливые и огромные красавицы дочери. Ноиму не понравились эти худосочные герцоги и бароны и их разговоры о торговле и драгоценностях, но он сразу же насторожился, когда зашел разговор о том, что якобы в столице стало доступно какое-то зелье с южного материка, которое распечатывает сознание. На это я откликнулся только вежливым междометием, выражающим удивление. Ноим свирепо сверкнул на меня глазами, видя такое лицемерие, и даже отказался от бокала нежного маннеранского вина — столь натянуты были его нервы.

На следующий день мы вместе пошли в Каменный Собор, но не для исповеди, а просто поглазеть на каменные реликвии, так как Ноим интересовался различными древностями. Навстречу нам попался исповедник Джадд и как-то странно улыбнулся. Я сразу заметил, что Ноим задумался, размышляя, затянул ли я его в свои сети. Я видел, как в Ноиме растет желание вернуться к теме нашего первого разговора, но он никак не может решиться на это. Я же не шел ему в этом навстречу. Решающий ход в конце концов сделал сам Ноим накануне своего отъезда в Саллу.

— Это твое снадобье... — неуверенно начал он.

Затем он сказал, что он не сможет считаться настоящим побратимом, если не отведаст этого снадобья вместе со мной. Эти слова дались ему с огромным трудом, на верхней губе даже выступили капельки пота. Мы отправились с ним в комнату, где нам никто не мог помешать, и я приготовил лекарство. Беря в руки бокал, он дерзко и смело улыбнулся, но рука его так тряслась, что он едва не пролил содержимое на пол.

Оно быстро подействовало на нас обоих. В этот вечер была необычайно высокая влажность, и густой туман покрыл весь город и его окрестности.казалось, что щупальца этого тумана забираются в нашу комнату через частично открытое окно. Первые же ощущения, вызванные наркотиком, встревожили Ноима, но я объяснил, что так и должно

быть — удвоенное сердцебиение, ватная голова, высокие шипящие звуки. Теперь мы были распахнуты друг перед другом. Я встревоженно всматривался во внутренний мир Ноима и видел не только его сущность, но и его представление о себе самом, покрытые налетом стыда и презрения.

В Ноиме была свирепая и жгучая ненависть к своим воображаемым недостаткам, а их было много. Он обвинял себя в лени, отсутствии самодисциплины и честолюбия, недостаточной набожности, небрежном отношении к высоким обязанностям, в физической и душевной слабости. Почему он видел себя таким, я понять не мог, потому что рядом с этим вымышленным образом был настоящий Ноим, а он был человеком крутого нрава, преданным тем, кого любил, суровым в осуждении глупости, проницательным, отзывчивым и энергичным. Контраст между выдуманным и настоящим Ноимом был ошеломляющим. Казалось, он был в состоянии трезво судить обо всем на свете, кроме своих собственных достоинств. Я уже и раньше наблюдал такие несоответствия во время предыдущих опытов. Фактически это наблюдалось у всех, разве что Швейц был почти лишен этого, поскольку у него не было воспитанных с детства навыков самоотрицания. Однако в Ноиме они были более резкими, чем у всех остальных.

Я увидел также свой собственный образ, отраженный через восприятие Ноима — гораздо более благородный Кинналл, чем это казалось даже мне самому. Как он идеализировал меня! Я был воплощением всех его чаяний, человеком действия и доблести, умевшим осуществлять свою власть и свои прихоти. В его представлении я был врагом праздности, примером строжайшей внутренней самодисциплины и набожности. Однако этот образ был испещрен следами только что появившихся пятен, ибо теперь я был не только осквернившим Завет самообнажающимися, который занимался грязным душевным развратом то с одним, то с другим, но и соблазнителем собственного побратима. Нашел также Ноим и истинную глубину моих чувств к Халум, и, сделав это открытие, подтвердившее его старые подозрения, сразу же изменил мой образ, причем не в лучшую сторону. Я же

показал Ноиму, каким я его всегда видел — быстрым, умным, способным, показал, каким он был на самом деле, и тот образ, что сложился о нем в моем мозгу. Это взаимное изучение длилось довольно долго. Я полагаю, что этот процесс был чрезвычайно ценен для нас обоих, потому что мы, как побратимы, могли дать объективную картину того, что творилось у нас в душе. В этом отношении у нас было огромное преимущество перед парой ранее незнакомых людей, объединившихся с помощью шумарского снадобья.

Когда эффект единения начал проходить, я почувствовал себя изнуренным силой нашего общения, и тем не менее чувствовал себя облагороженным, взволнованным, изменившимся.

Другое дело Ноим. Он выглядел опустошенным и холодным, с трудом заставлял себя встречаться со мной взглядом. У него было такое безразличное состояние, что я не осмелился ни о чем спрашивать его. Я просто молча ждал, когда он придет в себя. Наконец, Ноим хрипло сказал:

— Это все?

— Да.

— Обещай мне одно, Кинналл. Обещаешь?

— Что именно?

— Обещай, что никогда не будешь пытаться сделать это с Халум. Обещаешь? Обещай, что никогда не будешь пытаться сделать это с Халум!

Ч

54

Через несколько дней после отъезда Ноима какое-то ощущение вины перед ним погнало меня в Каменный Собор. Чтобы заполнить время, пока Джадд сможет меня принять, я принялся бродить по залам, останавливаясь возле алтарей, почтительно кланялся полуслепым толкователям Завета, спорящим во внутреннем двореке, отмахивался от менее известных исповедников, которые, узнав меня, предлагали свою помощь. Все вокруг меня должно было говорить о богах, но как

я ни старался, никак не мог обнаружить никакого божественного духа. Возможно, Швейц пришел к вере с помощью душ других людей, я же, погрязнув в самообнажении, каким-то образом сам потерял веру, и теперь мне это было безразлично. Я знал, что со временем вновь обрету ее посредством раздачи любви и доверия, которое надеялся предложить. Поэтому я чувствовал себя в Соборе простым туристом.

Вскоре Джадд прислал за мной. Я не исповедовался с того самого дня, когда Швейц впервые дал мне попробовать снадобье. Маленький человек с кривыми ногами заметил это, когда я взял в руки бланк договора.

— Занятость в палате, — сказал я, а он, покачив головой, издал какой-то странный звук.

— У вас вот-вот начнет хлестать через край, — сказал он, но я ничего не ответил и стал перед зеркалом, отражавшим худое, незнакомое лицо. Он спросил, какого бога я предпочитаю сегодня, и я ответил, что бога невинности. При этом он как-то странно посмотрел на меня. Зажглись священные огни. С помощью мягких слов он подвел меня к состоянию полутранса, облегчающего исповедь. Что я мог сказать ему? Что пренебрег данным мне советом и запутался в самообнажении? Я сидел молча, и Джадд принялся понукать меня. Он сделал нечто такое, чего никогда прежде не делал ни один исповедник — напомнил о предыдущей исповеди и попросил еще раз рассказать о том снадобье, в употреблении которого я сознался ранее. Употреблял ли я его еще? Я прижался к зеркалу, затуманив его своим дыханием. Да, здесь сидит жалкий грешник, который еще раз не смог преодолеть свою слабость. Когда Джадд спросил, где я раздобыл это снадобье, я сказал, что в первый раз оно досталось мне от человека, который побывал на южном материке. Да, сказал Джадд, а как зовут этого человека? Это был неуклюжий ход, и я сразу же насторожился. Мне показалось, что вопрос имеет для Джадда гораздо большее значение, чем это требовалось для исповеди, и не имеет никакого отношения к моему душевному состоянию в данный момент. Поэтому я отказался назвать имя Швейца, что побудило исповедника сказать, правда, несколь-

ко грубовато, а не боюсь ли я, что будет нарушена тайна исповеди?

Боялся ли я этого? В редких случаях из чувства стыда я утаивал что-либо от исповедника, но никогда это не было из страха предательства. Я был наивен и всецело верил в этику церкви. Только теперь, неожиданно став подозрительным — причем этой подозрительности научил меня сам Джадд — я задал себе вопрос, а можно ли доверять Джадду и всему его племени? За какими сведениями они охотятся и чего могут добиться, если я открою им свой источник снадобья? Я строго ответил:

— Испрашивается прощение только для того, чтобы не обидеть неизвестного исповеднику человека. Как же можно назвать имя сообщника, недоумившего меня на это? Пусть он сам и расскажет обо всем на исповеди!

Но конечно же, Швейц никогда не пойдет в церковь. Таким образом, я выиграл словесную дуэль с Джаддом. Однако теперь я осознал бессмысленность и тщетность исповеди.

— Если вы хотите благословения богов, — заметил Джадд, — вы должны полностью открыть свою душу.

Как же я могу это сделать? Сознаться, что я соблазнил на самообнажение одиннадцать человек? Мне уже не нужно было прощения исповедника, я не верил в его добрую волю. Неожиданно я поднялся, ощущая легкое головокружение от долгого стояния на коленях в темноте. Звуки какого-то гимна, доносящиеся издалека, были мне совершенно безразличны.

— Исповедь сегодня что-то не получается, — сказал я Джадду. — Нужно более тщательно обследовать душу.

С этими словами я направился к двери. Исповедник вопросительно посмотрел на деньги, которые я сунул ему, и произнес:

— А плата?

— Можете оставить ее себе, — коротко бросил я.

Теперь дни стали для меня просто промежутками, отделяющими один прием снабдения от другого. Я стал пассивен и во всем отстранился от всяких обязанностей, ничего не замечая вокруг и живя только ради следующего общения. Реальный мир перестал существовать для меня. Я потерял вкус к вину, женщинам, деятельности Судебной Палаты, трениям между соседними провинциями Валлады и ко всему прочему, что встречается в жизни взрослого мужчины. Возможно, я стал употреблять порошок слишком часто. Я потерял в весе и существовал как бы в бесконечной светлой дымке. Меня мучила бессонница, часами я ворочался без сна, задыхаясь во влажном климате тропиков. Днем я чувствовал себя усталым и проводил дневные часы в полудреме. Я даже заснул как-то днем, обедая с Халум. Я оскандалился при Верховном Судье Каламоле, ответив на один из его вопросов фразой «мне кажется». Старый Сегвор Хелалам сказал мне, что я выгляжу больным и предложил отправиться вместе с моими сыновьями на охоту в Выжженные Низины. И вместе с тем, именно зелье возвращало меня к жизни. Я находил все новых и новых соучастников, с каждым разом все легче и легче добиваясь контакта. Это была странная компания: два герцога, маркиз, продажная женщина, хранитель государственной архивной комнаты, директор коммерческого банка Маннерана, капитан из Глина, любовница септарха, адвокат из Велиса, приехавший сюда для ведения дела капитана Криша, и многие другие. Круг предававшихся самообнажению расширялся. Мой запас снабдения был почти израсходован, и среди моих друзей начались разговоры об организации новой экспедиции. К этому времени нас было уже пятьдесят. Изменения наступали, как зараза. В Маннеране началась эра перемен!

Когда в период между приемами снадобья я испытывал необычное душевное смятение. Какая-то часть заимствованного мной чужого опыта, гнездящегося в подсознании, выходила наружу и выплескивалась в верхние слои сознания, перемешиваясь с моими собственными переживаниями. Я продолжал сознавать, что я Кинналл Даривал, сын септарха Саллы, и все же среди моих воспоминаний нередко оказывалась часть духовного мира Ноима или Швейца или кого-нибудь из шумарцев, а то и тех, с кем я делил снадобье уже здесь, в Маннеране. Эти обрывки чужих мыслей переплетались с моими, и целые куски прошлого становились неясными. Я не мог различить, было ли какое-то событие в моей жизни реальным, или это чужой опыт и переживания. Это меня смущало, но по-настоящему не страшило, за исключением первых двух или трех. Со временем я научился отделять эти воспоминания от действительно моих благодаря определенным признакам. Я понял, что снадобье из Шумара сделало меня сразу многими людьми. Не лучше ли это — быть многими сразу, чем быть меньше, чем один?

Ранней весной в Маннеране установилась безумная жара. К тому же дожди шли столь часто, что, казалось, вся растительность сошла с ума и поглотит все улицы, если ее каждодневно не выкорчевывать. Зелень была повсюду — зеленая дымка в небе, зеленые ливни, иногда зеленые лучи солнца. В такую погоду, казалось, могла покрыться зеленой плесенью и душа человека. Зеленью была усыпана и каждая

овощная лавка. Лоимель дала мне длинный список того, что я должен купить, в основном деликатесов из Трейша, Велиса и Влажных Низин, и я послушно, как хороший муж, пошел за покупками, потому что улица, где продавалась зелень, была недалеко от Судебной Палаты. Лоимель собиралась устроить грандиозный пир в честь Дня Поминовения нашей старшей дочери, которая наконец получила свое взрослое имя, уже давно выбранное для нее Лоимель. Все крупные шишки Маннерана были приглашены на это торжество. Среди гостей были несколько таких, которые пробовали со мной шумарское снадобье. Мне это доставляло особое удовольствие. Однако Швейц приглашен не был, так как Лоимель косо поглядывала на него, да к тому же он был вынужден покинуть Маннеран, чтобы совершить какую-то сделку.

Я продвигался среди лотков. Дождь прекратился совсем недавно, и небо было плоским зеленым диском, покоящимся на крышах домов. Все вокруг исходило тонкие терпкие ароматы. Неожиданно в моей голове как будто вскипели черные пузырьки, и я стал Швейцем, торгующимся на причале со шкипером, который только что привез очень дорогой груз из залива Шумар.

Я остановился, чтобы насладиться этим сплетением индивидуальностей. Швейц растаял, и сквозь проступившее сознание Ноима я ощутил запах свежежескошенного сена на полях имения Кондоритов под восхитительным солнцем конца лета. Затем неожиданно я стал директором банка, сжимающим в своих объятиях Лоимель. Невозможно передать, что я при этом почувствовал, описать перенесенный жгучий удар, потрясший меня от столь ясного чужого восприятия. Незадолго до этого я принимал порошок с директором, и меня ошеломило не то, что Лоимель была неверна мне. Я уже говорил, что ее личные дела меня мало интересовали. Меня потрясло то, что за время общения я не узрел в его душе ничего такого. Я не узнал, в каких отношениях он был с моей женой, а этого я никак не мог пропустить во время обмена. Либо эти образы возникли в моей памяти безо всякой причины, либо этому человеку как-то удалось скрыть от меня

часть подсознания, блокировав ее от моего проникновения, куда оно все же прорвалось сейчас. Значит, возможно хотя и частично, но что-то утаить во время общения? Я всегда считал, что весь внутренний мир человека распахнут передо мной. Меня совсем не волновала эта страсть, меня беспокоила неспособность согласовать то, что я сейчас испытал. Однако у меня не было времени поразмыслить над этой проблемой, потому что пока я стоял и глазел на лавку с пряностями, на мое плечо легла рука и чей-то голос произнес:

— Я должен поговорить с вами, Кинналл.

Слово «я» мгновенно вырвало меня из задумчивости.

Рядом со мной стоял Андорг Михан, хранитель архива септарха. Это был высокий мужчина с резкими чертами лица, весь какой-то серый. С таким вы должны принимать снадобье в последнюю очередь, когда в Маннеране уже не останется других желающих разделить с вами порошок. Ко мне его привел герцог Шумарский, один из первых моих сообщников.

— Куда мы можем пойти?— спросил я, и Михан указал на обшарпанную церквушку для низших слоев на противоположной стороне улицы. Исповедник вышел наружу и сейчас стоял на пороге, стараясь зазвать кого-нибудь к себе. Я никак не мог понять, как можно тайно поговорить в церкви, но все же пошел за архивариусом. Мы вошли в церковь, и Михан взял со стола бланки договора. Наклонившись ко мне, он прошептал:

— Полиция уже направляется в ваш дом, Кинналл. Когда вы вернетесь туда, вас арестуют и отвезут в тюрьму на один из островов в заливе Шумар.

— Откуда вы все это знаете?

— Приказ об этом был подписан сегодня и попал ко мне для занесения в архив.

— Каково обвинение?— спокойно поинтересовался я.

— В самообнажении. Обвинительный акт составлен служащими Каменного Собора. Кроме того, есть обвинение в нарушении светских законов — употребление и распространение запрещенных наркотиков. Вы попались, Кинналл.

— Кто же осведомитель?

— Некто Джадд. Говорят, он исповедник в Каменном Соборе. Неужели вы рассказали обо всем этом на исповеди?

— Да, по своей наивности, ведь святость церкви...

— Святость тюрьмы!— пылко перебил меня Михан.— Вы должны сейчас же бежать! Не забывайте, что против правительства Маннерана вы бессильны!

— Куда же мне идти?

— На сегодняшнюю ночь вас укроет герцог Шумарский, но потом...

Архивариус запнулся, так как исповедник вернулся. По-хозяйски улыбаясь, он сказал:

— Ну что же, господа, кто из вас первый?

— Срочное свидание откладывает нашу встречу,— покачал головой Михан.

— У этого человека свидание, а здесь,— я указал на себя,— плохое самочувствие.

Сунув озадаченному священнику крупную монету, мы вышли из церкви. Снаружи Михан сделал вид, что не знает меня, и каждый из нас пошел своим путем. Я ни единой секунды не сомневался в истинности предупреждения. Мне нужно было немедленно бежать. Теперь Лоимель придется самой покупать нужные ей специи. Окликнув машину, я немедленно направился к герцогу Шумарскому.

Р

58

Герцог был одним из самых богатых людей в Маннеране. Его поместья, разбросанные по всему заливу и склонам Хаштора, отличались богатством, а роскошный дом в городе посреди парка вполне мог бы сойти за дворец императора. Он был наследственным сборщиком пошлыны в приходе Стройн, что и являлось источником благоденствия его семьи, поскольку в течение столетий часть выручки за экзотические плоды Влажных Низин, проданные на рынках Маннерана, оседала в семейной казне. В своей уродливости герцог был

в высшей степени замечателен. Можно было даже назвать его красивым. У него была большая плоская треугольная голова, узкие губы, огромный нос и необычно густые, вьющиеся волосы, ковром покрывавшие его череп. Волосы были совершенно седыми, однако на лице совершенно не было морщин, и на нем сверкали огромные пронизательные глаза.

У него было лицо аскета, которое казалось мне то святым, то чудовищным, а иногда и тем и другим одновременно. Я сблизился с ним почти сразу после прибытия в Маннеран, много лет тому назад. Он помогал Сегвору Хелаламу утвердиться в своей должности, и был шафером Лоимель на нашей свадебной церемонии. Когда я начал употреблять шумарский порошок, он как-то догадался об этом и после долгих расспросов узнал, что я употребляю снадобье, а затем долгими уговорами добился того, что я употребил его вместе с ним. Это произошло четырьмя месяцами раньше, в самом конце зимы.

Прибыв к нему домой, я обнаружил, что полным ходом идет возбужденное совещание. Присутствовало большинство значительных людей, которых я завлек в свой круг. Здесь было человек двенадцать. Архивариус прибыл вскоре после меня.

— Теперь мы все в сборе, — сказал герцог Смор. — Они могли бы уничтожить нас одним ударом, но почему-то медлят. Кстати, как наша охрана?

— Никто не побеспокоит нас внезапно, — ответил герцог Шумарский, обиженный предположением, что обычная полиция может ворваться в его дом. Он перевел взгляд своих необычных глаз на меня.

— Кинналл, это ваша последняя ночь в Маннеране. Здесь мы ничем не можем вам помочь. Вам предстоит стать козлом отпущения.

— И кто это решил?

— Конечно же, не мы! — воскликнул герцог.

Он объяснил мне, что сегодня днем в Маннеране была произведена попытка совершить дворцовый переворот. Известно было очень мало, а сам исход попытки до сих пор неясен, хотя, возможно, она удалась. Бунт младших чиновников против своих повелителей. Начало этому, сказал герцог, положило мое признание исповеднику Джадду в употреблении зелья. (Лица присутствующих в зале по-

мрачнели.) Это был невысказанный намек на то, каким глупцом я был, открывшись исповеднику, и потому сейчас должен буду заплатить за свою глупость. Я не был столь искушен в политике и жизни, как эти люди.

Как оказалось, Джадд связался с заговорщиками, жаждавшими своей очереди добраться до власти. Поскольку он был исповедником самых могущественных людей Маннерана, у него была отличная возможность помочь честолюбцам, выдав все тайны сильных мира сего. Почему Джадд решился нарушить данную им клятву, до сих пор неизвестно. Герцог Шумарский предположил, что близкое знакомство с ними породило у Джадда чувство презрения. После того как он в течение многих лет выслушивал гнусные излияния своих могущественных клиентов, он возненавидел их. Доведенный до отчаяния их признаниями, он нашел удовлетворение в их сокрушении. Теперь я наконец-то понял, на что может быть похожа душа исповедника. По подсчетам герцога, Джадд уже несколько месяцев передавал полезные сведения младшим чиновникам, которые запугивали ими своих повелителей, кстати, иногда весьма действенно. Сознавшись в употреблении наркотика, я сразу стал уязвим, и он передал данные определенному кругу лиц Судебной Палаты, которые хотели изгнать меня оттуда.

— Но это же абсурд!— вскричал я.— Единственное свидетельство против меня охраняется святостью церкви! Как мог Джадд пожаловаться на меня, основываясь только на том, что я сказал ему? Я сокрошу его обвинением в нарушении договора.

— Есть еще одно свидетельство,— печально заметил маркиз Войн.

— Что?

— Используя то, что услышал из ваших уст, Джадд побудил ваших врагов провести определенное расследование. Они нашли одну женщину, которая живет в трущобах за Каменным Собором, и та призналась, что однажды вы напоили ее странным снадобьем, после чего она открыла перед вами свою душу.

— Канальи!

— Они также сумели найти связь между вами и некоторыми из нас. Не всеми, но несколькими.

Сегодня утром некоторые из наших подчиненных потребовали передать им ведение государственных дел или подвергнуться разоблачению. Мы твердо встретили угрозы, и те, кто грозил нам, через час уже сидели под арестом. Но нечего даже говорить о том, как много сообщников имеют они в высших сферах. Возможно, к началу следующего месяца всех нас сместят, и наши места займут другие люди. Но все-таки это маловероятно, ибо, насколько можно судить, до сих пор единственным серьезным свидетельством является признание этой суки, которая указывает только на вас, Кинналл. От признания Джадда просто отмахнутся и не обратят на него внимания, хотя кое-какой ущерб можно нанести и с его помощью.

— Мы могли бы уничтожить протокол с ее признанием,— сказал я.— А потом я заявлю, что никогда не знался с нею. И...

— Слишком поздно,— покачал головой Главный Прокурор.— Ее показания запротоколированы. Я получил копию от Главного Судьи, а ему все верят. Поэтому ваше дело безнадежно.

— Что же произойдет?

— Мы отвергнем все притязания шантажистов,— твердо ответил герцог Шумарский,— и тем самым обречем их на нищету. Мы подорвем авторитет Джадда и изгоним его из Каменного Собора. Мы будем отрицать все обвинения в самообнажении. Однако вам придется покинуть Маннеран.

— Почему?— Я недоуменно посмотрел на герцога.— Разве я настолько слаб? Если вы сможете противостоять обвинениям, то почему этого не могу сделать я?

— Ваша виновность уже доказана. Если вы сбежите, можно будет сказать, что вы были одиночкой, и та девчонка, которую вы совратили, была единственной вашей жертвой. Остальное же просто сфабриковано падкими до власти неудачниками, пытавшимися свергнуть своих господ. Если же вы останетесь, Кинналл, и попытаетесь выиграть это безнадежное дело, в ходе следствия может всплыть и наше участие в нем.

Теперь их план стал понятен мне! Я стал опасен для них. Мою стойкость духа могли сломить в ходе разбирательства, и тогда выявилась бы и их ви-

новность. Пока что единственным обвиняемым был я, и только я был уязвим для маннеранского правосудия. Они же становились уязвимыми только через меня, и если меня не окажется в Маннеране, то их соучастие так и не будет выявлено. Безопасность большинства требовала моего немедленного отъезда. Более того, моя наивная вера в церковь, заставившая разболтать Джадду страшную тайну, вызвала к жизни эту бурю, которой при других обстоятельствах не было бы и в помине. Только я был причиной этого и потому вынужден был исчезнуть.

— Вы останетесь здесь, пока не наступит поздняя ночь, — сказал герцог, — а затем в моей личной машине под охраной телохранителей — как будто в поездку отправился я — вас вывезут в имение маркиза Война. Там вас будет ждать человек на речном судне. На заре вы будете переправлены на другой берег Война, на свою родину. И пусть боги будут на вашей стороне во время этой поездки!

С

59

нова беженец! В один-единственный день все могущество, которое я накапливал в Маннеране в течение пятнадцати лет, было безвозвратно утрачено. Ни высокородность, ни влияние в высших кругах не спасли меня. Я был связан узами брака, любви или политики с половиной господ Маннерана, и тем не менее это мне не помогло. Казалось, мои друзья сами отправили меня в изгнание, чтобы спасти собственную шкуру, но это было не так!

Мой уход был обязателен, и это огорчало их так же, как и меня.

При мне не было ничего, кроме одежды. Мой гардероб, мое оружие и драгоценности — все это оказалось сейчас совершенно недоступным для меня. Будучи мальчишкой-принцем и спасаясь бегством из Саллы, я был более предусмотрителен, и часть моих денег была послана впереди меня. Теперь же

я был гол, как сокол. Мои капиталы будут конфискованы, и мои сыновья останутся нищими. Я потерялся — что же мне делать?

Вот тут-то игодились мои друзья. Главный Прокурор был примерно того же телосложения, что и я, принес несколько комплектов своей одежды. Секретарь казначейства добыл мне довольно приличное состояние в валюте Саллы. Герцог Сморг прямо с себя снял несколько колец и кулон, чтобы я не выглядел нищим. Маркиз Войн подарил мне кинжал, рукоять которого была украшена драгоценными камнями. Михан пообещал поговорить с Сегвором Халаламом и рассказать ему подробности моего падения. Михан был уверен, что Сегвор отнесется к этому сочувственно и защитит моих сыновей, чтобы на них не пали грехи, совершенные их отцом.

Глубокой ночью ко мне пришел герцог Шумарский и вручил небольшую, инкрустированную бриллиантами шкатулку из чистого золота, в каких обычно хранят лекарства.

— Осторожно откройте ее, — ответил он на мой немой вопрос.

Я открыл и обнаружил, что она до краев наполнена белым порошком. Изумленный, я спросил, как ему удалось раздобыть такое богатство. Он ответил, что недавно посылал своих лучших слуг в Шумар, и они вернулись с небольшим запасом этого снадобья. Он заверил меня, что у него есть еще, но я был уверен, что он отдал мне все.

— Вы отправляетесь через час, — сказал герцог, прерывая поток моих благодарностей.

Я попросил, чтобы мне позволили позвонить по телефону.

— Сегвор сам объяснит вашей жене, в чем дело, — покачал головой герцог.

Имелась в виду не жена, а названная сестра. Больше у меня не будет возможности увидеться с нею.

Герцог понял, что меня мучило, ибо изучил мою душу, но не мог подарить мне этот звонок. Линии связи могли прослушиваться, и он не мог рисковать, позволяя моему голосу раздаваться из его дома. Я понял, насколько шекотливым было даже его положение, и не стал настаивать.

Позвонить Халум я могу завтра засветло, когда пересеку Войн и буду в безопасности в Салле.

Час отъезда наступил быстро. Друзья мои разошлись несколько часов тому назад. Герцог сам вывел меня из дома. Нас уже ждал его великолепный лимузин и целая свора телохранителей. На прощание герцог обнял меня, а затем я залез в машину и откинулся на сиденье, чтобы скрыть свое лицо за занавесками. Водитель поднял поляризованное стекло, и машина плавно покатила вперед.

Казалось, мы целый час ехали к главным воротам имения герцога. Затем оказались на шоссе. Я сидел как человек, высеченный из глыбы льда, думая о том, что со мной произошло. Наш путь лежал на север, и мы ехали так быстро, что солнце еще не взошло, а мы уже были в имении Война, вблизи границы Маннерана и Саллы. Внезапно густые заросли расступились, и я увидел берега Война. Машина остановилась. Какие-то люди в темных одеждах помогли мне выбраться из нее, как будто я был калекой, и провели к длинному узкому причалу, к которому была привязана лодка. Хоть она и была маленькой, но достаточно быстро мчалась по бурлящим водам реки. Однако я все еще не мог почувствовать истинного трагизма моего нового положения. Муки пришли со временем.

Близилась заря, и я уже мог различить очертания берегов Саллы. Мы пристали к поросшему травой берегу. Скорее всего, это был личный причал какого-нибудь аристократа. Только теперь тревога вкралась в мое сердце. В каком я месте? Как мне добраться до густонаселенных мест? Я не мальчишка, чтобы просить водителей грузовиков подвезти меня. Но оказалось, все было устроено еще до моего прибытия сюда. Как только лодка ткнулась в причал, из тьмы появилась какая-то фигура и протянула мне руку. Ноим! Он помог мне взобраться на причал и крепко обнял.

— Я знал, что рано или поздно это должно было случиться,— прошептал он.— И очень рад, что ты будешь со мной.

Расчувствовавшись, он впервые за нашу совместную жизнь отбросил вежливое обращение и обратился ко мне словом «я»!

Около полудня я позвонил из имения Ноима в Юго-западной Салле герцогу Шумарскому и подтвердил свое благополучное прибытие. Разумеется, именно он договорился с Ноимом, что тот встретит меня на берегу Война. А затем я связался с Халум. Как раз за несколько часов до этого Сегвор рассказал ей о причинах моего бегства.

— Какая странная новость для меня, — грустно сказала она. — Но почему ты никогда не говорил об этом снадобье? Ведь оно настолько важно для тебя, что ты рисковал всем, чтобы пользоваться им. Как могло случиться, что оно играло такую важную роль в твоей жизни, а ты держал это в тайне от своей названной сестры?

Я ответил, что не мог сказать ей о снадобье из страха, на что она сказала:

— Разве открыться перед своей названной сестрой такой большой грех?!

Ноим обращался со мной очень приветливо, подчеркивая, что я могу оставаться у него столько, сколько пожелаю — недели, месяцы и даже годы. По всей вероятности, со временем моим друзьям удастся освободить часть моих капиталов, и я смогу купить земли в Салле, чтобы зажить жизнью сельского человека. Или, возможно, герцог Шумарский и Сегвор смогут аннулировать обвинение, и я смогу вернуться в южную провинцию. Но до тех пор, как сказал Ноим, дом этот будет моим. Однако я обнаружил налет отчужденности в его отношении ко мне, как будто это гостеприимство было оказано лишь из уважения к тем узам, что связывали нас раньше. Источник этой отчужденно-

сти выявился лишь через несколько дней. Как-то мы сидели после обеда в его огромном белокаменном зале для пиршеств и вспоминали дни нашего детства — это было основной темой наших разговоров, намного более безопасной, чем недавние события. Ноим внезапно сказал:

— Известно ли тебе, что это снадобье является причиной кошмаров у людей?

— Что ты говоришь, Ноим? Какие кошмары? — изумился я. — Я ничего не знаю.

— Теперь знаешь. Несколько недель после того, как ты дал это снадобье, каждое мое пробуждение происходило в холодном поту. Казалось тогда, что разум покидает меня.

— Какие кошмары повторялись?

— Страшные вещи. Чудовища. Такое ощущение, что ты не знаешь, кто ты. Какие-то обрывки мыслей разных людей, переплетающиеся с твоими собственными. — Он отхлебнул из бокала. — Позволь спросить тебя, Кинналл. Ты употребляешь порошок ради удовольствия?

— Нет. Ради знания.

— Знания о себе и других?

— Да.

— В таком случае лучше невежество. — Он вздрогнул. — Ты знаешь, Кинналл, твой побратим никогда не был слишком набожным. Он богохульствовал, показывал язык исповедникам, смеялся над легендами о богах, не так ли? А с помощью этой дряни ты едва не сделал его верующим! Ужас перед тем, что раскрывает разум, невозможно перенести, особенно если знаешь, что нет никакой защиты и любой может проникнуть прямо в твою душу.

— Невозможно для тебя, — сказал я. — А другие только и мечтают повторить общение.

— Пожалуй, было бы лучше для всех придерживаться Завета. — Голос Ноима звучал твердо. — Личность священна. Душа является собственностью только ее владельца и обнажать ее — грязное удовольствие.

— Не обнажать, а делить ее...

— Что, так звучит лучше? — Уголки его рта скептически изогнулись. — Что ж, хорошо. Весьма грязное удовольствие, даже несмотря на то, что мы побратимы. Когда мы с тобой расстались, было

такое чувство, словно я весь обгажен. Пыль и грязь на душе. И это то, что ты хочешь сделать с каждым? Чтобы каждый из нас ощущал грязь своей вины?

— Здесь нет и речи о виновности, Ноим! Ты даешь сам, воспринимаешь и после этого чувствуешь себя лучше, чем было до этого.

— Грязнее!!!

— После этого становишься обогащенным и более сильным. Более участливым к другим. Поговорим с теми, кто испытал это.

— Конечно. Когда они хлынут потоком из Ман-нерана, эти безземельные беглецы, тогда можно будет спросить у них о чудесах и красоте самообнажения. Извини, сопричастия.

Я видел муку в его взгляде. Он все еще хотел любить меня, но шумарское снадобье показало ему такое о себе, а возможно, и обо мне, что заставляло его ненавидеть того, кто дал ему ужасное зелье. Он был одним из тех, кому необходимы стены. Тогда я этого не понял. Что же я натворил, превратив своего побратима во врага! Возможно, если бы мы еще раз смогли вместе причаститься этим снадобьем, я мог бы многое сделать ясным для него, но нет, надежды на это не было. Ноим был перепуган взглядом внутрь себя. Я превратил своего богохульствующего побратима в яростного приверженца Завета. Теперь я уже ничего не мог с ним поделать.

После некоторого раздумья Ноим произнес:

— Нужно кое-что спросить у тебя, Кинналл.

— Все что угодно.

— Нехорошо чем-то ограничивать гостя, но если ты привез хоть грамм этого лекарства, если ты где-то прячешь его, выбрось все что есть. Его не должно быть в этом доме! Тебе это понятно, Кинналл? Выбрось и можешь не говорить об этом!

Никогда прежде за всю жизнь я не лгал своему побратиму. Никогда!

Чувствуя, как усыпанная бриллиантами шкатулка жжет мне грудь, я произнес, торжественно чеканя слова:

— На этот счет тебе нечего беспокоиться!

Несколько дней спустя известие о моем бегстве стало достоянием жителей Маннерана и Саллы. Меня описывали во всех газетах этих провинций как человека огромного могущества, который к тому же был связан узами кровного родства с септархами Саллы и Глина и который, несмотря на все это, посмел нарушить Завет и занялся самообнажением. Я не только нарушил приличия и нормы поведения, принятые в Маннеране, но также нарушил и законы этой провинции, употребляя запрещенное средство из Шумара, которое разрушает возведенные богами барьеры между людьми. Злоупотребляя своим служебным положением, я организовал тайное плавание к южному матерiku (бедный капитан Криш)! Вернувшись оттуда с большим количеством наркотика, я будто бы дьявольскими уловками вынудил низкороденную женщину, бывшую у меня на содержании, попробовать его. Потом я начал распространять его среди наиболее выдающихся представителей аристократии Маннерана, чьи имена не раскрываются ввиду их чистосердечного признания и раскаяния. Накануне своего ареста я бежал в Саллу, и потому — скатертью мне дорога! Если же я попытаюсь вернуться в Маннеран, то буду незамедлительно арестован. Тем временем в Маннеран-сити состоится заочный процесс, и в приговоре этого судилища можно было бы не сомневаться. В возмещение огромного вреда, причиненного государству, с меня взыскивается штраф в размере моих земель и собственности, за исключением части, необходимой для поддержания жизни ни в чем не повинных жены и детей. (Значит, Сегвор Хелалам все же добился своего!) Чтобы не дать моим высокородным детям перевести капиталы в Саллу до судебного разбирательства, решением Верховного Судьи на них наложен запрет. Так гласит закон. Пусть остерегаются другие, те, кто предается чудовищному самообнажению!

Я не делал тайны из своего пребывания в Салле, так как теперь у меня не было причин опасаться ревности моего царственного братца. Стиррон, мальчишкой возведенный на престол, мог бы решиться на мое физическое уничтожение, но сейчас, когда он стоял у власти целых 17 лет? Нет, это невозможно. К тому времени он был уже чем-то установившимся в Салле, являлся неотъемлемой частью существования каждого жителя, был любим всеми, я же был чужестранцем, которого с трудом помнили старики и совсем не помнили молодые. К тому же я говорил сейчас с маннеранским акцентом и в этой провинции был публично заклеямен позором самообнажения. Если бы даже я задумал свергнуть Стиррона, мне не удалось бы найти сторонников.

Честно говоря, мне очень хотелось повидаться с братом. В бурные времена принято обращаться к друзьям давно прошедших дней. Ноим чуждался меня во всем, а Халум была по ту сторону Война. Сейчас у меня оставался только Стиррон. Я никогда не обижался на него за то, что был вынужден бежать из Саллы, потому что понимал — поменяйся мы с ним первородством, и я вынудил бы его поступить точно так же. Если наши отношения были весьма прохладными, то виной тому лишь его угрызения совести. Прошло несколько лет с моего последнего посещения Саллы. Возможно, мои злоключения раскроют его сердце. Я написал письмо Стиррону, официально прося разрешения жить в Салле. По законам моей родины меня должны были принять, так как я оставался подданным Стиррона и обвинялся в преступлении, совершенном не на территории Саллы. И все же я решил, что будет лучше, если я попрошу разрешения проживать под небом Саллы. Обвинения, предъявленные мне Верховным Судьей Маннерана, были правильны, и я признавался в этом брату. Письмо я закончил выражениями непоколебимой любви к нему и несколькими воспоминаниями о тех счастливых временах,

когда бремя септарха еще не было возложено на его плечи.

Я ожидал, что в ответ Стиррон пригласит меня навестить его в столице, чтобы получить возможность услышать описание моих злоключений из моих собственных уст. Воссоединение братьев было в порядке вещей в нашей истории. Однако вызов из Салла-сити не приходил. Каждый раз, когда звонил телефон, я бросался к нему, полагая, что звонит Стиррон. Но он не звонил. Прошло несколько напряженных и унылых дней, а потом и недель. Я охотился и плавал, читал и пытался писать свой новый завет любви. Ноим старался держаться от меня подальше. Единственная попытка единения душ ввергла его в такое смятение, что сейчас он с трудом осмеливался встречаться со мной глазами, так как я был посвящен во все тайны его подсознания и это вбило клин в наши взаимоотношения.

Наконец прибыл конверт с внушительной печатью септарха. В нем было письмо, подписанное Стирроном, но я бьюсь об заклад, что составлял его какой-то твердокаменный министр, а не мой брат. В нескольких строках, которых было меньше, чем пальцев на руке, септарх сообщал мне, что просьба о представлении убежища в Салле удовлетворена, однако только при условии, что я откажусь от пороков, которые мне приписывают. Если меня хоть раз уличат в употреблении этого опасного наркотика, я тут же буду арестован и выдворен за пределы Саллы. Вот и все, что хотел сказать мне мой брат Стиррон. И ни одного доброго слова, ни тени симпатии. Ни одного атома тепла!

В

64

середине лета к нам неожиданно приехала Халум. В день ее приезда я ускакал далеко, отыскивая вырвавшегося из загона самцов штуршильда. Тщеславие побудило Ноима вывести выводок этих злобных покрытых шерстью млекопитающих, которые не встречаются в Салле и плохо

приживаются в этой относительно теплой стране. Он держал их штук 20-30 — сплошные когти, клыки и злобные желтые глаза. Ноим надеялся получить приносящее прибыль стадо. Я преследовал сбежавшего самца через лес и равнину все утро и день, с каждым часом все больше и больше ненавидя его, так как он оставлял за собой страшный след из изувеченных безвредных животных. Эти штуршильды убивают только из одной любви к убийству и, откусив один-два куска, оставляют все остальное стервятникам. Наконец я все же загнал хищника в ущелье. Оглуши и привези невредимым, сказал мне Ноим, отлично понимая ценность этого животного. Однако попавшийся хищник набросился на меня с такой яростью, что мне пришлось сразить его лучом максимальной мощности. Потом, только ради Ноима, я взял на себя труд содрать со зверя шкуру. Усталый и мрачный, без устали скакал назад, как вдруг увидел странную машину, а рядом с ней... Халум!

— Ты знаешь, каково летом в Маннеране, — объяснила она потом. — Сначала у меня было намерение отправиться на остров, но затем пришло в голову, что лучше провести лето с Ноимом и Кинналлом.

Ей тогда шел уже тридцатый год. Наши женщины выходят замуж между 14 и 16 годами, рожают детей в 22-24, а к тридцати становятся женщинами средних лет. Но время, казалось, не коснулось Халум.

Не ведая семейных ссор и мук материнства, не растратив своей энергии на брачном ложе и не терзаясь у детской кровати, она сохранила глубокое и стройное девичье тело. Она изменилась только в одном — за последние несколько лет ее волосы стали серебристыми. Однако это только еще больше подчеркивало ее красоту, так как приятно контрастировало с густым загаром ее лица.

В ее багаже была целая пачка писем, адресованных мне из Маннерана: послания от герцога, Сегвора, моих сыновей, архивариуса Михана и еще нескольких других. Все они были написаны напряженно и неловко. Такие письма можно писать мертвецу, когда испытываешь неловкость от того, что

пережил его. И все же мне было приятно читать эти тягостные послания. Я жалел, что не было письма от Швейца. Халум сказала, что ничего не слышала о нем с тех пор, как меня стали обвинять в самообнажении, и, скорее всего, он покинул нашу планету. Не было также ни слова от моей бывшей жены.

— Неужели Лоимель так занята, что не смогла написать хоть несколько строк?— спросил я, слегка уязвленный этим.

Халум, смущенно глядя на меня, ответила, что Лоимель никогда не вспоминает обо мне.

— Похоже, она забыла, что была замужем.

После писем началось вручение подарков от моих друзей, которые оставались по ту сторону Войны. Они ошеломили меня своим богатством: массивные изделия из драгоценных металлов, ожерелья из драгоценных камней...

— Дары в честь любви,— сказала Халум. Однако меня трудно было провести. На эту гору сокровищ можно было приобрести несколько крупных имений. Те, кто любил меня, не унизились бы, переводя деньги на мой счет в Салле, но, как и подобает друзьям, могли дать мне эту красоту, предоставив возможность освободиться от нее по своему усмотрению.

— Все это, конечно, было очень печально для тебя,— сказала Халум.— Это неожиданное бегство и изгнание.

— Это вовсе не изгнание, а возвращение,— поправил ее я.— К тому же здесь есть Ноим, мой побратим и товарищ.

— Зная, как дорого это может тебе обойтись, ты бы побеспокоился о своих нуждах.

Я рассмеялся, а она внимательно посмотрела на меня и сказала:

— Кстати, если бы у тебя было немного этого зелья, ты попытался бы еще раз позабавиться с ним?

— Вне всякого сомнения.

— Но разве стоит ради этого терять дом, семью, друзей?

— Ради этого стоит потерять даже самую жизнь,— усмехнулся я.— Если бы можно было быть уверенным, что вся Валлада попробует это средство,— добавил я.

Этот ответ, казалось, испугал ее. Она отпрянула, приложив кончики пальцев к своим губам, вероятно впервые осознав глубину безумия своего названного брата.

Произнося эти слова, я вовсе не хотел поупражняться в красноречии, но они заставили Халум понять, что я верю в то, что говорю, и, осознав глубину моей страсти, она испугалась за меня.

Ноим много дней проводил далеко от своих земель, уезжая в Салла-сити по каким-то семейным делам, или на равнину Нанд для осмотра собственности, которую хотел купить. В его отсутствие я был хозяином имения, потому что его слуги — что бы они ни думали о моей личной жизни — не осмеливались открыто оспаривать мое право на это. Ежедневно я ездил верхом проверять ход работ на полях, и Халум ездила вместе со мной. По сути дела от меня требовалось не такое уж пристальное наблюдение, так как сейчас было время между севом и жатвой, и мы ездили главным образом ради удовольствия, делая остановки, чтобы поплавать или перекусить на опушке леса. Я показал ей загоны со штуршильдами, которые и ей очень не понравились. После этого мы больше не ездили туда, а отправлялись лицезреть более мирных животных. Они близко подходили к нам и даже брали еду с ладоней Халум. Эти долгие прогулки давали нам возможность наговориться вволю. С самого детства я не проводил столько времени с Халум, и поэтому сейчас мы с нею стали еще более близки. Сначала мы вели себя довольно сдержанно, не желая ранить друг друга каким-нибудь неосторожным вопросом. Но вскоре мы говорили, как подобает названному брату и сестре. Я спросил ее, почему она так и не вышла замуж, и она ответила:

— Не встретился подходящий мужчина.

Не раскаивается ли она в том, что осталась без мужа и детей? Нет, отвечала она, ибо вся ее жизнь была безмятежной и полезной. И все же в ее голосе была какая-то тоска. Я не стал расспрашивать дальше. Со своей стороны, она спросила меня о шумарском порошке, стараясь выведать его действие, и что побудило меня подвергнуться такому риску. Меня забавляло то, как она задавала свои вопросы — стараясь быть искренней, объективной и участливой

и в то же время совершенно не могла скрыть ужаса перед тем, что я совершил. Как будто ее названный брат обезумел и зарезал человек двадцать на рыночной площади, а она теперь посредством терпеливых и добродушных расспросов хочет обнаружить то, что побудило его устроить эту массовую резню. Я тоже старался поддерживать умеренный и сдержанный тон, чтобы не обжечь ее своей страстью, как сделал это при нашей первой встрече. Я избегал всяческих нравоучений, и как мог, объяснял действие лекарства.

Вскоре произошло странное превращение как ее отношения, так и моего. Она перестала быть высокородной госпожой, из самых добрых побуждений прилагающей усилия для того, чтобы понять преступника, и превратилась просто в ученицу, старающуюся постичь таинства, открываемые посвященным во все мастерство. Я же перестал быть красноречивым докладчиком, а стал скорее пророком, глашатаем нового освобождения. Я говорил об упоительном восторге соединения душ, рассказывал о необычайном чуде первых ощущений. Я описал это как нечто более интимное, чем просто раскрытие себя среди названных родственников или перед исповедником. Я буквально захлебывался в словесном экстазе. Наши беседы превращались в монологи, и исход всего этого был неизбежен. Когда в один из жарких дней мы бродили по полевым тропинкам среди колосющихся хлебов, доходящих нам до груди, она неожиданно сказала:

— Если ты сможешь достать здесь это снадобье, то почему бы тебе не поделиться им с названной сестрой?

Я обратил ее в свою веру!!!

65

В тот вечер я растворил несколько щепоток порошка в двух стаканах вина. Халум недоверчиво взглянула на меня, когда я протянул ей ее порцию, и ее недоверчивость передалась мне. Я

засомневался, что, может, не стоит осуществлять задуманное, но она одарила меня чарующей улыбкой, полной нежности, и осушила свой стакан.

— Оно совсем безвкусно,— заметила она, пока я пил свою долю. Мы сидели, беседуя, в зале, где Ноим хранил свои охотничьи трофеи — на полу лежали гарпуны птицеголов, стены были обвешаны шкурами штурмшильдов. Когда началось действие наркотика, Халум задрожала. Я сдернул со стены огромную черную шкуру и набросил ее на плечи женщины.

Что получится из всего этого? Несмотря на всю самоуверенность, я был испуган. В жизни каждого человека есть что-то, что он жаждет совершить, что терзает его, пока остается неосуществимым, и все же, когда приближается момент свершения, он обязательно начинает испытывать страх, ибо удовлетворение собственной одержимости приносит ему больше мук, чем удовольствий. Именно так обстояло дело и со мной. Но постепенно мой страх ослабевал, пока не пропал совсем. Началось действие снадобья. Халум тоже улыбалась — ей было хорошо.

Стена между нашими душами превратилась в перегородку, сквозь которую мы могли по желанию проникать и притом довольно свободно. Халум первой пересекла ее. Я отпрянул, парализованный застенчивостью, даже сейчас полагая, что войти в сознание моей названной сестры будет чем-то сродни лишению ее девической чести и нарушением запрета на телесную близость между названными родственниками. Потому я и запутался в этом клубке противоречий, сам подавляя в себе символ своей веры еще некоторое время после того, как между нами пали последние барьеры. Тем временем Халум, поняв наконец, что уже никто и ничто не сдерживает ее, безо всяких колебаний проникла в мое сознание.

Моим мгновенным откликом на это было желание закрыть себя — я не хотел, чтобы она многое обнаружила, и особенно не хотел, чтобы она узнала о моем физическом влечении к ней. Но после мгновенного смятения я прекратил попытки скрыть свою душу за фиговым листочком и сам вошел в сознание Халум, тем самым позволив начаться по-

длинному общению с запутанным переплетением наших «я».

Я увидел, что оказался, точнее, затерялся среди зеркальных полов и серебряных стен, сквозь которые пробивался холодный искрящийся свет. Это была девственная душа Халум. В нишах вдоль этих коридоров все, что составляло ее жизненный опыт: воспоминания, образы, запахи, вкусы, видения, фантазии и разочарования, восторги. Я не увидел и следа сексуальных восторгов, ничего из плотских страстей. Не могу сказать, то ли Халум из скромности надежно защитила свою сексуальную сферу от моего проникновения, то ли загнала ее в такой далекий угол своего подсознания, что я просто не мог до нее добраться.

Она встретила меня без страха, а с радостью, и я с радостью соединился с нею. В этом у меня не возникло никаких сомнений. Когда наши души слились, общение было подлинным, без всяких оговорок или ограничений. Я копался в сверкающих глубинах ее души, и грязь сходила с моей души, очищая и исцеляя меня. Загрязнял ли я ее, пока она очищала меня? Не знаю... Мы обволокли и поглотили друг друга. Со мною слилась душа Халум, которая всю мою жизнь была моей опорой и смелостью, моим идеалом и целью, это холодное, не поддающееся определению, совершенное воплощение красоты. И, вероятно, моя насквозь прогнившая душа была источником кислоты, брызнувшей на это сверкающее пространство. Говорю вам, не знаю. Путешествуя по ее внутреннему миру, я наткнулся на странную область. Область, где что-то казалось запутанным и неясным. На память мне пришла пора нашей юности, когда я только замышлял бегство в Глин, когда Халум обняла меня в доме Ноима, и мне казалось, что в ее объятиях проявилось что-то, похожее на трепет тела, сгорающего от желания. Ко мне! Ко мне! Я подумал, что снова нашел эту зону чувственности, но когда пригляделся повнимательнее, она ускользнула от меня и снова я видел только сверкающую чистоту.

Наши души соединились настолько тесно, что я уже не мог различить, где кончалась моя, и где начиналась Халум.

Наконец мы очнулись от транса. Прошла уже добрая половина ночи. Мы протирали глаза, трясли наполненными туманом головами, неловко улыбались. Всегда существует что-то, что страшно гнетет тебя, когда ты выходишь из транса. Ощущение стыда, что ли, когда ты думаешь, что открыл слишком много, и хочешь взять кое-что обратно. К счастью, такое ощущение длится недолго. Я взглянул на Халум и почувствовал, что все мое тело загорелось святостью любви к ней, в которой совершенно не было плоти, и я начал говорить ей, как когда-то сказал Швейц: «Я люблю тебя!». Однако я внезапно подавился этими словами. «Я» застряло у меня в горле. «Я люблю тебя, Халум». Если бы только я мог вымолвить это. Но слово «я» так и не слетело с моих губ. Оно было со мной, но оставалось внутри. Я взял ее за руки, и она улыбнулась мне, ярко и безмятежно, и если бы что-то не задерживало этих слов, я легко вымолвил бы их. Как мне сказать Халум о моей любви, не прибегая к непристойным фразам, загрязняющим все святое? Я думал тогда, что она не поймет меня, что мои непотребные слова разобьют все вдребезги. Какая глупость, ведь наши души были едины! Почему же простой порядок слов может потревожить что-либо? Прочь! Прочь! Я люблю Тебя! Запинаясь, я выдавил:

— Есть... такая... любовь... к тебе... такая любовь, Халум...

Она кивнула, как бы говоря: молчи, твои неуклюжие слова нарушают очарование. Она как бы говорила: да, такая любовь существует и к тебе, Кинналл. Я люблю тебя!

Легко встав, она подошла к окну. Прохладный свет луны озарял необычный сад. Под деревьями и кустами лежала серебристая тишина. Я встал, подошел к ней сзади и очень нежно прижался к ее плечам. Она изогнулась и издала слабый, похожий на мурлыканье, звук. Я думаю, ей было хорошо. Я уверен, что ей было хорошо тогда.

Мы не обсуждали того, что произошло с нами в тот вечер. Казалось, это не может испортить нам настроения. Мы могли обсудить впечатление

и завтра и делать это еще много, много дней. Идя чуть сзади, я провел ее в ее комнату и робко поцеловал в щеку. Она тоже по-сестрински поцеловала меня. Еще долгое время я сидел в своей комнате, не смыкая глаз, вновь и вновь оживляя в памяти происшедшее. Снова во мне разыгрался пыл мессии. Отныне я буду активным проповедником новой веры, поклялся я себе. Я выйду отсюда и по всей земле Саллы буду распространять свое вероучение. Я не буду больше прятаться в доме своего побратима — безнадешный изгнанник среди своего родного народа. Пробуждение Стиррона ничего не значило сейчас для меня. На каком основании он может изгнать меня из Саллы? Я буду обращать в свою веру сотню людей за неделю. Тысячу, десять тысяч... Я самому Стиррону дам этого лекарства, и пусть септарх со своего трона провозгласит его раздачу! Халум вдохновила меня. Утром же я отправляюсь на поиски своих апостолов!

Во дворе раздался какой-то шум. Я выглянул и увидел краулер — это Ноим вернулся из своей деловой поездки. Он вошел в дом, и я услышал его шаги в коридоре. Затем донесся стук в дверь. Я выглянул в коридор. Он стоял возле дверей комнаты Халум и разговаривал с нею. Однако самой Халум видно не было. Почему это он решился побеспокоить ее? Ведь она всего лишь человек из большого числа его друзей. Скорее уж он должен был поздороваться со своим побратимом. Почему же Ноим побежал к ней? Низкие подозрения пробудились во мне. На первый взгляд, совершенно беспочвенное обвинение. Усилим воли я отмахнулся от них и снова обратил внимание на разговаривающих. Но разговор к тому времени уже закончился. Дверь комнаты Халум закрылась. Не заметив меня, Ноим пошел дальше к своей спальне.

Я никак не мог заснуть. Написал несколько страниц, но ничего путного не выходило. На заре я вышел немного побродить в тумане. Мне показалось, что раздался какой-то рев, как будто заблудившийся зверь звал свою подругу.

автракал я в одиночку. Это было непривычно, но ничего необычайного в этом не было — Ноим, вернувшийся после утомительной поездки, захочет поспать подольше, а у Халум снадобье скорее всего вызвало страшную усталость.

У меня был отличный аппетит, и я уплетал за нас троих, непрестанно думая о том, как мне удастся нарушить Завет. Когда я уже пил чай, один из конюхов Ноима ворвался в зал. У него горели щеки и был такой вид, словно он долго бежал и вот-вот свалится с ног.

— Скорее! — закричал он, задыхаясь. — Там штурмшильды...

Схватив меня за руку, он буквально вытащил меня из-за стола. Я бросился за ним. Он был уже далеко впереди и бежал по немощеной дороге, которая вела к загонам этих зверей. Я бежал за ним, думая, что звери, видимо, снова сломали изгородь, и теперь мне придется целый день гоняться за ними. Однако, приблизившись к загонам, я не заметил ни поваленных столбов, ни порванных сеток, ни следов когтистых лап. Конюх прильнул к прутьям самого большого загона, в котором содержалось около десятка этих свирепых хищников. Я заглянул внутрь. Животные сбились в кучу, их мех и морды были забрызганы кровью. Они дрались между собой из-за какого-то обглоданного кровавого куска, яростно срывая с него последние остатки плоти. Повсюду на земле были разбросаны следы их пиршества. Неужели в темноте какое-то несчастное животное случайно забрело в загон этих хищников? И почему конюх счел возможным оторвать меня от завтрака, чтобы показать мне это? Я схватил его за руку и спросил, что здесь произошло. Повернув ко мне искаженное ужасом лицо, он с трудом проговорил:

— Госпожа... госпожа...

Ноим был груб со мной. — Ты солгал! — закричал он. — Ты отрицал, что привез эту дрянь, и солгал! Не спорь, ты дал ей это дьявольское снадобье прошлым вечером! Да? Безумец, не пытайся что-нибудь утаивать от меня! Ты дал ей эту пакость?

— Ты с нею разговаривал, — сказал я. Язык с трудом повиновался мне. — Что она тебе сказала?

— Пришлось остановиться у ее двери, так как мне показалось, что оттуда доносятся всхлипывания, — ответил Ноим. — Услышав слова: «Все ли в порядке?», она подошла к двери. У нее было странное лицо, казалось, она грезилась. Глаза ее были пустые, как бы стеклянные, и она плакала. На вопрос, что ее беспокоит, она ответила, что все в порядке, и что вы с нею беседовали целый вечер. Почему же она тогда плакала? Она пожала плечами, улыбнулась и сказала, что это женское дело. Потом она улыбнулась еще раз и закрыла дверь. Но у нее был такой взгляд! Это снадобье, Кинналл! Несмотря на все твои клятвы, ты дал его ей... И теперь... теперь...

— Пожалуйста, — попросил я его, но он продолжал кричать, во всем обвиняя меня, и я ничего не мог ему ответить.

Конюхи воссоздали картину того, что произошло. Они обнаружили следы ног Халум на влажной от росы траве, затем открытую дверь в сторожку, что давало возможность подойти к загонам штурмшильдов. Они нашли следы взлома внутренней запертой двери, через которую подавалась пища зверям. Она вошла внутрь, осторожно прикрыла калитку и заперла ее за собой, чтобы звери потом не разбежались. А затем подставила свое тело жутким когтям поджидавших ее зверей. Все это случилось перед самым рассветом, может, даже когда я брел в тумане. Этот отдаленный крик в тумане... Но зачем она это сделала? Зачем?

пусть несколько часов все мое небольшое имущество было упаковано. Я попросил у Ноима машину, и он дал ее мне, грубо махнув рукой. Не могло быть и речи, чтобы я оставался у него в гостях еще какое-то время. И не потому только, что всюду здесь эхом отдавалось случившееся с Халум, но и потому, что мне нужно было уединение, какое-то место, где я без помех мог бы осмыслить происшедшее, проанализировать все, что я сделал, и то, что надеялся еще сделать. К тому же я не хотел быть здесь в момент, когда окружная полиция начнет расследование обстоятельств смерти Халум. Неужели, раскрыв свою душу, она больше не могла посмотреть мне в лицо? Она как будто с радостью согласилась на это слияние душ. Но затем, во всплеске вины и самоупреков, который часто приходит после первого причащения, возможно, почувствовала себя по-другому, старая привычка таить все внутри себя заявила о себе. И тогда пришло быстрое необратимое решение — путь с каменным лицом к загонам штурмшильдов, необдуманный заход за изгородь, мгновенное раскаяние и сожаление, когда хищники набросились на нее и она осознала, что слишком далеко зашла в искуплении своего греха. Так ли все это было? Я не мог придумать другого объяснения этому отчаянному поступку.

Теперь я был без названной сестры и без названного брата. В глазах Ноима больше не было жалости ко мне, теперь он смотрел на меня с ненавистью. Разве об этом я мечтал, когда размышлял о том, что смогу раскрыть душу моих соплеменников?

— Куда ты направляешься?— спросил Ноим в самый последний момент.— В Маннеране тебя тут же посадят в тюрьму. Сделай хоть один шаг в Глине с этой дрянью, и с тебя живого сдерут кожу. Стиррон будет травить тебя собаками по всей Салле. Так куда же ты направляешь свои стопы?— В голосе его звучала насмешка. А может, мне это

послышалось? Трейш? Велис? Ей-богу, мне кажется, что это будет Шумар. Не так ли? Среди родных тебе дикарей ты будешь по горло сыт самообнажением. Верно?

Я спокойно ответил:

— Ты забыл о Выжженных Низинах, Ноим. Хижина в пустыне, мирная обитель. Это подходящее место для раздумий... Мне теперь нужно очень многое понять.

— Выжженные Низины? Ну что же, это очень хорошо, Кинналл. Выжженные Низины в разгар лета! Достойное чистилище для твоей грязной души. Ступай же туда, Кинналл. Ступай!

69

Я проехал вдоль отрогов Шахтора на север, затем повернул на запад, на дорогу к Конгорою, Вратам Саллы. Но не раз я задумывался над тем, не свернуть ли мне в сторону и не бросить ли машину в пропасть, чтобы разом покончить со всем. Не раз, просыпаясь в какой-нибудь деревенской гостинице, я вспоминал Халум и с большим трудом поднимался с постели. Прошло пять суток, и я был уже далеко в Западной Салле, готовясь к подъему в горы. Остановившись в один из вечеров на отдых в каком-то городишке, я узнал, что в Салле издан приказ о моем аресте. Кинналл Даривал, сын септарха, мужчина тридцати лет, такого-то роста, с такими-то чертами лица, брат достопочтенного септарха Стиррона, разыскивается по обвинению в чудовищных преступлениях — самообнажении и употреблении опасного наркотика, который, несмотря на запрещение септарха, предлагал всем неосторожным. Посредством этого зелья Даривал довел до безумия свою названую сестру, которая, лишившись разума, нашла смерть. Поэтому все граждане Саллы должны содействовать задержанию злодея, за что будет выплачено приличное вознаграждение.

Раз Стиррон знал, как умерла Халум, значит, Ноим все ему рассказал. Я обречен. Как только я достигну Врат Саллы, я найду там жандармов, ибо цель моей поездки была известна. Однако почему местное население не извещено, что я отправляюсь в Выжженные Низины? Может, Ноим рассказал не все? Может быть, он давал мне шанс? У меня не было выбора, и я продолжал двигаться вперед. Кроме того, чтобы добраться до побережья, мне нужно несколько дней, а скорее всего во всех портах объявлена тревога. Но даже если я проскользну на какой-нибудь корабль, куда мне отправиться? В Глин? Маннеран? В Маннеране я уже объявлен вне закона и, разумеется, найду очень холодный прием в Глине. Значит, пусть это будут Выжженные Низины. Я останусь там на некоторое время, а затем попробую пробраться в Трейш, чтобы начать там новую жизнь. В одном из городков, где приобретают все необходимое охотники, отправляющиеся в Низины, я закупил снаряжение и провизию. Сушеная пища, оружие, концентрированная вода в количестве, достаточном при умеренном употреблении на несколько месяцев. Делая закупки, я думал о том, что жители города как-то странно разглядывают меня. Узнали ли они во мне принца-развратника? Однако никто ничего не сделал, чтобы захватить меня. Возможно, им известно, что у Врат Саллы выставлен кордон, и они не хотят рисковать. Как бы то ни было, но я без помех выехал из города и начал свой последний этап путешествия. В прошлом я ездил по этому шоссе только зимой, когда вокруг лежали глубокие сугробы. Даже сейчас были заметны грязно-белые пятна, и по мере того, как дорога шла в гору, снега становилось все больше и больше. Тщательно рассчитав время, я надеялся подъехать к Вратам с заходом солнца, полагая, что темнота защитит меня, если дорога заблокирована. Однако Врата Саллы никем не охранялись. Стиррон не успел прикрыть западную границу или решил, что я не настолько сошел с ума, чтобы бежать на запад. Когда начала заниматься заря, я был уже далеко внизу, в Выжженных Низинах. Я задыхался от жары, но по крайней мере был в безопасности.

ту хижину я нашел недалеко от гнезда птицерогов, примерно там, где, судя по моим воспоминаниям, она и должна находиться. Здесь не было никаких удобств, в стенах зияли дыры, но все же это была крыша над головой!

Ужасный жар этих мест очистит меня. Я расположился в хижине, как дома, разложил свои вещи, распахнул бумагу для записей, что купил в городе, чтобы оставить отчет о своей жизни и деяниях, поставил в угол покрытую бриллиантами шкатулку, где хранились остатки снадобья, накрыл ее материей и вышел из хижины. Весь первый день моего пребывания здесь я был занят маскировкой машины, чтобы она не выдала меня ищейкам. Я загнал ее в расщелину, так что крыша едва виднелась над поверхностью, а потом накрыл хворостом и набросал сверху песка. Только острый глаз мог обнаружить краулер после окончания моей работы. Я хорошо запомнил это место, чтобы без труда отыскать машину, когда буду готов отправиться дальше.

В течение нескольких дней я просто бродил по пустыне, размышляя. Я отправился на место, где птицерог сразил моего отца, и сейчас у меня не было страха перед этими остроклювыми птицами — страх смерти оставил меня. Я размышлял о собственном времени перемен, спрашивая себя: «Этого ли ты хотел добиться?. Удовлетворило ли тебя то, что произошло?» Я оживлял в памяти каждое из душевных общений, начиная со Швейца и кончая Халум, спрашивая себя: хорошо ли это было? Были ли какие-то ошибки, которых можно было бы избежать? Приобрел ли ты что-то или потерял, совершив все это?

И я пришел к выводу, что приобрел гораздо больше, чем потерял, несмотря даже на то, что потери мои были ужасны. Раскаивался я только в неудачной тактике, а не в ошибочности принципов.

Если бы я оставался с Халум, пока не прошло смятение, она, возможно, и устояла бы перед стыдом, который довел ее до гибели. Если бы я был

более откровенен с Ноимом, если бы остался в Маннеране, чтобы смело встретить своих недругов, если, если, если... Но все же я не сожалел о переменах, которые произошли во мне. Я раскаивался лишь в том, что своим неумением погубил революцию в душах людей. Ибо я был убежден в ошибочности Завета и нашего образа жизни! То, что Халум сочла необходимым покончить с собой после того, как в течение нескольких часов испытывала любовь, было, возможно, самым сокрушительным обвинением Завета.

В конце концов несколько дней назад я начал писать то, что вы сейчас видите и читаете. Беглость этого писания удивила меня. Возможно, я даже был слишком болтлив, хотя начало далось мне с трудом. «Я — Кинналл Даривал, и я намерен рассказать вам о себе». Так я начал свои воспоминания. Был ли я до конца правдив? Не утаил ли что-нибудь? В этом горячем ящике я разделся перед вами догола. В это время у меня не было никаких контактов с внешним миром, кроме случайных признаков того, что агенты Стиррона прочесывают Выжженные Низины. Я уверен, что сейчас уже выставлена охрана во всех проходах, ведущих из Саллы в Глин, Маннеран и Трейш, чтобы я не смог улизнуть на Шумар. До сих пор мне сопутствовала удача, но если им отдан приказ найти меня во что бы то ни стало? Так стоит ли их дожидаться? Может, двинуться дальше, в надежде найти неохранный перевал? Со мной эта пухлая рукопись. Я не отдам ее даже ценой собственной жизни, которой она несравнимо дороже. Такого еще не было в истории Валлады. Если меня здесь схватят, то книгу заберут вместе со мной, и Стиррон прикажет сжечь ее.

Значит, мне пора в путь. Но... какой-то шум. Двигатели? По плоской красной равнине к моей хижине быстро движется краулер. Все кончено! Хорошо, что я успел записать все, что хотел!

Пять дней прошло с тех пор, как я закончил последнюю главу, но я все еще здесь. Это был краулер Ноима. Он приехал, чтобы не арестовать меня, а спасти. Осторожно, словно ожидая, что я открою огонь, он подходил к моей хижине, непрерывно повторяя:

— Кинналл! Кинналл!

Я вышел наружу. Он попытался улыбнуться, но из-за напряжения у него ничего не получилось.

— Твоему названому брату показалось, что ты обязательно должен быть возле этого места. Птицерог все еще обитает здесь?

— Что тебе нужно?

— Патрули Стиррона ищут тебя. Твой побег проследили до самых Врат Саллы. Они знают, что ты в Выжженных Низинах. Если бы Стиррон знал тебя так же хорошо, как твой названный брат, он заявился бы прямо сюда со своими солдатами. Вместо этого тебя разыскивают на юге, полагая, что ты хочешь пробраться через Выжженные Низины на побережье залива Шумар, а оттуда отправиться на корабле на материк Шумар. Но как только они обнаружат, что на юге тебя не было, поиски будут перенесены сюда.

— И что тогда?

— Тебя арестуют и отдадут под суд, а затем обвинят и посадят в тюрьму. В худшем случае казнят. Стиррон считает тебя самым опасным на всем материке Валлада.

— Так оно и есть...

Ноим сделал жест в сторону машины.

— Садись. Мы прорвемся через кордон. Сначала в Западную Саллу, а потом вниз по реке Войн. Герцог Шумарский встретит тебя и устроит на какой-нибудь корабль. Через месяц ты будешь уже в Шумаре.

— Почему ты помогаешь мне, Ноим? Зачем утруждаешь себя? Совсем недавно я видел в твоих глазах ненависть. Может, ты помнишь, когда я тебя покидал...

— Ненависть? Нет, Кинналл, только печаль. Я до сих пор твой названный брат.— Он запнулся, потом сделал над собой усилие и продолжал:— Я связан клятвой, что буду заботиться о твоём благополучии. Как я могу допустить, чтобы Стиррон охотился за тобой, как за диким зверем? Идем, я увезу тебя отсюда!

— Нет!

— Нет?

— Нас обязательно поймают, Ноим. Стиррон обвинит тебя. Он с радостью заберет все твои земли и лишит тебя высокого звания лорда. Не иди на бесполезные жертвы ради меня.

— Этот дальний путь проделан только ради тебя, Кинналл! Если ты думаешь, что можешь отговорить своего...

— Давай не будем спорить об этом, Ноим. Даже если с твоей помощью мне удастся бежать, что меня ждет? Провести остаток жизни в джунглях Шумара, среди людей, языка которых не знаю и которые во всех отношениях чужие мне? Я устал от побегов и изгнаний! Пусть Стиррон забирает меня!

Убедить Ноима оставить меня здесь было нелегко. Мы стояли под горячим солнцем, неистово споря друг с другом. Он был намерен во что бы то ни стало осуществить свое героическое намерение. Он настаивал на бегстве из чувства долга, а не любви, так как до сих пор считал меня ответственным за смерть Халум. Я не хотел, чтобы из-за меня он подвергся бесчестью, и сказал ему так: «Ты и так поступил благородно, проделав такой большой путь. Но я все равно должен остаться здесь».

В конце концов он сдался, но только после того, как я поклялся, что не буду сидеть сложа руки, а попытаюсь что-нибудь сделать для своего спасения. Я должен отправиться к западным горам, вместо того, чтобы ждать здесь ищеек Стиррона. Если я благополучно доберусь до Трейша, я уведомя Ноима об этом. Затем я сказал:

— Здесь есть одна вещь, о которой я очень беспокоюсь.

Он перебил меня возгласом согласия. Я вынес из хижины свою рукопись — толстую пачку бумаги. Здесь, сказал я, он найдет все: раскрытую настесь

душу и все события, которые привели меня в Выжженные Низины. Я попросил его прочесть эту рукопись и не выносить суждения обо мне до тех пор, пока не закончит чтение.

— Ты найдешь здесь кое-что такое, что вызовет у тебя ужас и отвращение,— предостерег я его.— Прочти это, Ноим. Читай внимательно, задумываясь над моими словами. Сохрани эту книгу, даже если возникнет искушение сжечь ее. Вся моя душа содержится в этих страницах. Уничтожив бумагу, ты уничтожишь меня. Если все же почувствуешь омерзение, отложи чтение, но сохрани бумагу. То, что шокирует тебя сейчас, возможно, не будет шокировать через некоторое время. И тогда ты, быть может, захочешь показать мою рукопись другим, чтобы они поняли, каким человеком был твой побратим и почему он совершил то, в чем его обвиняют.

Ноим дал клятву.

Он взял рукопись и спрятал в своей машине. Мы обнялись, и он еще раз спросил, не поеду ли я с ним. Тогда я заставил его еще раз пообещать, что он прочтет рукопись, и он снова поклялся в этом.

Я пошел в хижину. Рукописи не было на месте, где я хранил ее, и я ощутил некоторую пустоту. Я излил всего себя на этих страницах. Прочтет ли ее Ноим? Думаю, что да. Сохранит ли он ее? Вероятно, сохранит, хотя и будет держать в самом дальнем и темном углу дома. Покажет ли он когда-нибудь эту книгу другим? Этого я не знаю. Но если вы все же прочтете то, что я написал, то только благодаря Ноиму Кондориту. И если он все же допустил, чтобы вы прочли эту книгу, значит, я покори́л его душу, как надеюсь покори́ть и ваши.

Я

72

сказал Ноиму, что больше не останусь в хижине и отправлюсь на запад. Но оказалось, что у меня совершенно нет охоты покидать это место. Я остался еще на один день, потом на

другой и на третий, ничего не делая и ничего не предпринимая. На пятый день меня снова охватило желание писать свою автобиографию. Я уселся на то же место, где провел в раздумье много часов, и написал несколько новых страниц, на которых описал посещение меня Ноимом. Затем я пропустил еще три дня, уговаривая себя, что вот-вот откопаю свой краулер и двинусь на запад. Но утром четвертого дня Стиррон и его люди нашли мое убежище. Сейчас уже вечер, и впереди у меня еще час или два, в течение которых я могу писать — часы, которые даровал мне его милость лорд Стиррон! Когда я закончу свою работу, я больше никогда не смогу писать

73

ни появились на хорошо вооруженных бронированных машинах, окружили мою хижину и через громкоговоритель предложили мне выйти. У меня не было ни малейшего шанса вырваться из кольца, да, если говорить честно, не было и желания делать это.

Хладнокровно, ничего не боясь, я вышел из хижины с поднятыми руками. Они повыскакивали из своих машин, и среди них я с удивлением заметил самого Стиррона, которого в этот не охотничий сезон потянуло на небольшое развлечение, добычей в котором был его собственный брат. Он медленно подошел ко мне. Я не видел его несколько лет, и меня поразило, как он постарел. Вот награда за то, что более чем полжизни на нем лежало бремя власти. В полной тишине мы разглядывали друг друга. В стоявшем передо мной человеке я пытался увидеть мальчика, товарища по детским играм, которого я так любил и которого так давно потерял. Однако сейчас я видел перед собой только непреклонного старика с дрожащими губами. Септархи хорошо скрывают свои истинные чувства, но Стиррон был не в состоянии скрыть что-либо от

меня, так же как не мог придать лицу бесстрастное выражение.

Я видел, как на его лице одно выражение сменялось другим: ярость монарха, смущение, печаль, презрение и даже то, что я принял за тщательно подавляемую любовь. После долгого молчания первым заговорил я и пригласил его в хижину побеседовать. Он заколебался, возможно, полагая, что я замышляю что-то недоброе, но уже через мгновение принял приглашение самым королевским образом, махнув телохранителям, чтобы подождали снаружи. Когда мы оказались в хижине, снова наступило завораживающее молчание, которое на этот раз первым нарушил Стиррон.

— Никогда не было так больно, Кинналл. Едва верится тому, что приходится о тебе слышать. О том, что ты осквернил память нашего отца...

— А разве это такая уж скверна, септарх-повелитель?

— Предать Завет? Растлевать невинных! Не забудь, что твоя названная сестра среди жертв! Что ты натворил, Кинналл? Что ты натворил!

Мною овладела ужасная усталость, и я закрыл глаза, ибо едва понимал, что он говорит. Через несколько мгновений я собрался с силами и потянулся к Стиррону, взяв его за руки.

— Я люблю тебя,— сказал я ему.

— Какой же ты больной!

— Разве говорить о любви — болезнь? Мы с тобой вышли из одного и того же чрева. Разве мне не положено любить тебя?

— Знаешь, ты теперь разговариваешь только непристойностями.

— Я говорю так, как велит мне мое сердце.

— Ты не только болен, но и вызываешь у собеседника тошноту,— оскалился Стиррон. Он отвернулся и плюнул на песок. Сейчас он представлялся мне какой-то древней средневековой фигурой. Как я мог тронуть его душу?

— Стиррон, давай вдвоем попробуем это снадобье с Шумара. У меня еще осталось немного. Я растворю его, мы выпьем, на час или два станем единым существом, и ты все поймешь. Сделай это! Убей меня после этого, но сначала прими снадобье!

Я засуетился, готовя порцию, Стиррон поймал меня за руку и остановил.

— Нет. Это невозможно!

— Почему?

— Старшему септарху нельзя одурманивать свой разум.

— Я только хочу подступить к разуму моего брата Стиррона.

— Твой брат хочет только, чтобы ты исцелился.

— Но это средство безвредно!

— Ты хочешь сказать, оно было безвредно и для Халум Хелалам?

— Разве ты испуганная девственница?— удивился я.— Я давал этот порошок десяткам людей. Халум оказалась единственной, у кого возобладала негативная реакция. Кроме того, Ноим, но он вроде справился с собой и...

— Двое самых близких тебе людей попробовали это зелье, и обоим оно принесло только вред,— покачал головой Стиррон и печально закрыл глаза.— Теперь ты предлагаешь его еще одному близкому человеку — брату?

Безнадежно! Я просил снова, упрасивал рискнуть. Но даже если бы это и произошло, какая от этого польза? Я нашел бы в его душе только сталь.

— Что же будет со мной?— спросил я.

— Открытое судебное разбирательство, которое и вынесет справедливый приговор.

— Какой же? Казнь? Пожизненное заключение? Изгнание?

Стиррон пожал плечами.

— Это решать суду. Септарху негоже быть тираном.

— Стиррон, почему это снадобье так страшит тебя? Ты же знаешь, каково его действие. Как мне доказать, что оно приносит только любовь и понимание? Нам нет необходимости жить, будучи чужими друг другу. Мы можем выговориться и сможем пойти дальше.

Лицо септарха помрачнело. Я думаю, он сейчас был уверен, что я сошел с ума. Я прошел к тому месту, где положил снадобье, и протянул кружку. Он покачал головой. В несколько глотков я осушил свою кружку и снова протянул ему напиток.

— Давай! — подбодрил я его. — Выпей! Оно не сразу подействует. Прими сейчас, чтобы мы могли открыться друг перед другом в одно и то же время.

— Я мог бы убить тебя сам, — усмехнулся он. — Не выпивая этого пойла. И учти...

— Что?! — вскричал я. — Скажи еще раз, Стиррон! Я? Ты сказал «я»?!

— Жалкий обнажатель души! И это сын моего отца. Если я сейчас говорю тебе «я», Кинналл, то только потому, что ты заслуживаешь услышать это грязное слово именно от меня.

— Но оно не грязное. Выпей, и ты поймешь, почему это так.

— Никогда...

— Почему ты противишься этому, Стиррон? Что тебя пугает?

— Завет является священным. Сомневаться в Завете — значит, сомневаться во всей социальной структуре нашего общества. Дай волю зелью, и благоразумие исчезнет. Неужели ты думаешь, что наши предки были негодяями? Неужели они были глупцами, Кинналл? Они понимали, как создать долговечное общество. Где цивилизация на материке Шумар? Где города? Почему обитатели этого континента до сих пор живут в хижинах среди джунглей? В то время как мы построили все, что можно было построить! Ты хочешь заставить нас пойти по их пути? Ты ломаешь различия между добром и злом, Кинналл, и поэтому скоро будут сметены законы, и рука каждого человека сможет подняться против своего же товарища или соседа. И куда денется твоя любовь и всеобщее взаимопонимание? Нет, Кинналл, и еще раз нет. Оставь это зелье себе!

— Стиррон!

— Хватит. Ты арестован. Вставай и пошли. О, эта жара...

Поскольку наркотик все еще был во мне, Стиррон согласился оставить меня в покое на несколько часов, прежде чем мы отправимся назад, в Саллу. Маленькая милость септарха-повелителя. Он оставил двух часовых у моей хижины и ушел охотиться на птицерогов.

Никогда я не принимал наркотик без напарника. Необычные ощущения охватили меня, и я был один среди них. И когда спала стена с моей души, некому было войти в нее, да и мне некуда было проникать. Однако я смог обнаружить души моих стражей — суровые, замкнутые, твердые — и чувствовать, что, приложив некоторые усилия, сумел бы дотянуться до них.

Но я не стал делать этого и, сидя один, отправился в удивительное путешествие. Мой разум расширился, и я воспарил ввысь, пока не охватил разумом всю нашу планету, и души всего человечества смешались с моей. И привиделось мне чудесное видение. Я увидел, как мой побратим Ноим снимает копии с моих воспоминаний и распространяет их среди тех, кому мог довериться. А с этих копий делаются другие копии, и ходят по рукам людей во всех провинциях Валлады. И вот с юга приходит судно, доверху нагруженное белым порошком, желанным не только для избранных, не только для герцога Шумарского или маркиза Война, но и для тысяч простых граждан, для людей, жаждущих любви, для тех, кому тесны рамки Завета. Для тех, кто жаждет общения с душами других людей. И хотя стражи старых порядков делают все, что в их силах, чтобы остановить, ибо Старый Завет изжил себя, ясно, что любовь и радость душевного общения не будут больше подавляться.

Соединение душ все продолжается, пока не возникает целая сеть общения, сверкающие нити чувственных ощущений связывают каждого индивидуума со всем человечеством на этой планете. Завершается Пора Перемен и устанавливается Новый Завет. Я видел все это из обветшалой лачуги в

Выжженных Низинах. Я видел, как рушатся старые стены, видел ослепляющий свет всеобщей любви. Я видел новые лица, изменившиеся и восторженные. Руки соприкасались с руками, души с душами. Это видение огнем горело в моей душе целых полдня, наполняя меня такой радостью, какой я никогда прежде не испытывал. И только когда начало ослабевать действие наркотика, я понял, что все это лишь моя фантазия.

А может, это и не будет фантазией? Возможно, Ноим найдет читателей, для которых я писал свои воспоминания, и, возможно, другие будут убеждены, что надо следовать моим путем. Пока не станет много таких, как я, и изменения не станут необратимыми. Такое случалось и прежде. Я исчезну — предтеча, апостол, замученный пророк, но то, что я написал, будет жить, и благодаря этому все изменится. Возможно, все это не просто праздная моя мечта.

Эта последняя страница написана перед самыми сумерками. Солнце спешит к Хаштору. Скоро я, как пленник Стиррона, последую за ним. Я возьму эту маленькую рукопись с собой, спрячу ее на себе и, если мне повезет, найду способ передать ее Ноиму, чтобы ее можно было присоединить к страницам, которые уже находятся у него. Я не знаю, удастся ли мне это, как не знаю того, что случилось с моей книгой. И вы, которые читают это, не знакомы мне. Но я могу сказать вот что: если две эти части сольются в одну и вы прочтете их полностью, то можете быть уверены — дело мое не умрет. Из одного только этого воссоединения в Валладе могут произойти перемены. Перемены для всех вас. Если вы дочитали до этого места, я не умру в вашей душе. Так я говорю тебе, мой неизвестный читатель: я люблю тебя и протягиваю тебе руку. Я, который был Кинналлом Даривалом. Я, который проложил первый путь. Я, который обещал тебе, мой неизвестный друг, рассказать о себе, теперь могу сказать, что выполнил это обещание. Идите и ищите. Идите и любите. Идите и не таитесь. Идите и будете исцелены!

Оглавление

ХРОНИКИ МАДЖИПУРА	5
Пролог	7
Тесме и Хайрог	12
Время огня	56
Пятый год путешествия	76
Объяснения Калинтана	100
Пустыня украденных снов	117
Художник и изменяющий форму	176
Преступление и наказание	197
Толкователи снов	215
Воровка из Ни-Мойи	235
Вориакс и Валентин	287
Эпилог	305
ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН	309

Роберт Сильверберг
ХРОНИКИ МАДЖИПУРА

Ответственный за выпуск Г. В. Ходжаев
Художник К. Комардин
Редактор П. А. Тольев
Технический редактор Н. А. Кригер
Корректоры В. И. Бугров, С. И. Казанцев
Оригинал-макет И. Е. Параскева

Сдано в набор 08.02.93. Подписано в печать 07.05.93.
Формат 84×108/32. Бумага газетная.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,72.
Уч. изд. л. 29,59. Тираж 200 000 экз.
(2-й завод: 100 001—200 000 экз.). Заказ 60. С 04.

Диапозитивы подготовлены издательством «КРОК-Центр».

Издательство «КРОК-Центр», 620062, Екатеринбург, а/я 89.

Отпечатано с готовых диапозитивов на издательско-полиграфическом предприятии «Уральский рабочий», 620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

